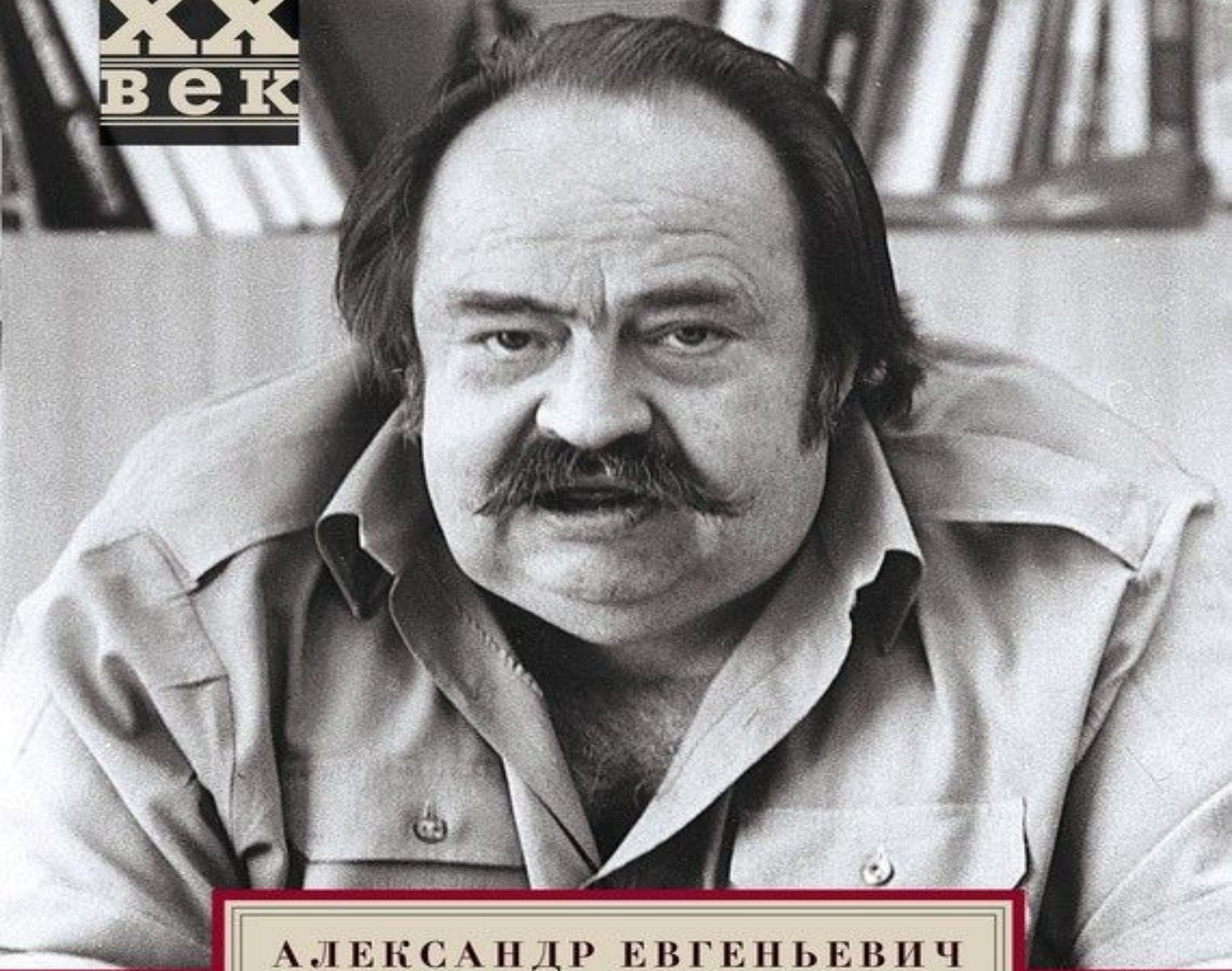

наш
XX
век

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

БОВИЧ

XX ВЕК КАК ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

Annotation

Про Александра Евгеньевича Бовина говорили: «корифей российской журналистики», «бывший чрезвычайный и полномочный посол СССР и Российской Федерации в Израиле», «бывший спичрайтер Леонида Брежнева». Это все так. Поистине всенародную популярность он обрел в качестве ведущего телевизионной программы «Международная панорама». В отличие от своих предшественников Бовин вел со зрителем доверительный и неформальный разговор, передачу смотрели люди, которые до этого не интересовались международным положением. Ироничный, остроумный, он был, как он сам себя называл, зоологическим оптимистом. И книга его написана в редком, еще не внедрившемся в нашу литературу жанре, который можно назвать «юморная мемуаристика».

- [Александр Евгеньевич Бовин](#)
 -
 -
 - [Введение](#)
 - [Первая молодость](#)
 -
 - [Мой адрес — Советский Союз...](#)
 -
 - [Ленинград. У фрейлины](#)
 - [Днепропетровск. «Ридна мова»](#)
 - [Ворошилов-Уссурийский. Японцы рядом](#)
 - [Хабаровск. Вольница](#)
 - [Горький. Каток вместо танцплощадки](#)
 - [Ростов-на-Дону. Университет](#)
 - [Хадыженск: «Встать, суд идет!»](#)
 - [Москва. Еще один университет](#)
 - [Вторая молодость](#)
 -
 - [«Коммунист» — журнал без журналистов](#)
 - [Старая площадь: мой главный университет](#)
 - [Третья молодость](#)

-
- [«Известия» как судьба](#)
- [«Берег турецкий...»](#)
- [Испытание телевидением](#)
- [Отхожие промыслы](#)
- [Перестройка](#)
- [Четвертая молодость](#)
 -
 - [Посольство и посол](#)
 - [Мирный процесс: прорывы и тупики](#)
 - [Израиль: люди и нравы](#)
 - [Русский посол в израильских СМИ](#)
- [Пятая молодость](#)
 -
 - [Гляжу по сторонам](#)
 - [Новые старые «Известия»](#)
 - [Мамонт и лошади Пржевальского](#)
 - [Играющий тренер](#)
- [Заключение](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Александр Евгеньевич Бовин

XX век как жизнь. Воспоминания

© Бовин А. Е., наследники, 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

*Ангел никогда не падает, бес до того упал, что
всегда лежит, а человек падает и восстает.*

Иоанн Лествичник

*Жизнь, по-моему, такая интересная и
прекрасная авантюра...*

Светлана Алексиевич

Введение

Я долго колебался: писать ли эту книгу. Книгу о собственной жизни. Не был уверен, что смогу увлечь современного читателя путешествием по своей биографии. Смущало неизбежное для литературы такого рода обилие местоимения «я» в тексте, превращение самого себя в этакое центр мемуарной Вселенной. Но поскольку мемуарный червь меня все-таки грыз, стал себя успокаивать: ведь биография — это время, в которое она погружена, интереснейшее время. Это — события и люди, с которыми приходилось соприкасаться. Это — суждения и оценки, впитавшие самосознание эпохи. Это, как писал Герцен, «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге».

Успокоил и уговорил.

Начал изучать мемуарный опыт знакомых. Коллеги-международники нажимали на портреты политических лидеров: президентов, премьеров, министров иностранных дел, с коими сводила журналистская судьба. Коллеги по консультантскому корпусу ЦК КПСС рассказывали о наших партийных вождях (не всегда хороших) и о советах (хороших всегда), которые давали вождям советники. И хотя темы эти — особенно вожди и советы — почти исчерпаны, моего читателя тоже не минет чаша сия.

Но есть ведь и другие темы, другие «чаши». Мозаика обычной жизни, даже жизни, проходившей поблизости от власти предрержащей. Штрихи времени, не связанные логикой истории. И проблемы времени, события и процессы, образующие эту логику. Восприятие эпохи. Как мы жили и ради чего мы жили, во что мы верили и почему верили, что мы знали, о чем догадывались, чего не хотели знать. Знаменитый «Марш энтузиастов» — с энтузиастами или без?

Вопрос не риторический. Ныне модно изображать советские времена сплошь в мрачных тонах. Страна тонет в тени ГУЛАГа. КГБ — это «наше все». Безысходный, абсолютный тоталитаризм. Замятин, помноженный на Оруэлла. Но так не может быть и не бывает. И не было. Живая жизнь, которая бурлила, громыхала, вздыбливалась вокруг, была несравненно сложнее, разнообразнее, многоцветнее, чем односторонние и убогие схемы многих нынешних идеологов. Мне

хочется показать это. Чтобы (программа-минимум!) помочь внуку моему, Макару Сергеевичу, человеку XXI века, разобраться в своей человеческой и исторической родословной.

И еще одно соображение, выдающее мой уже почтенный возраст. Для атеиста, неверующего, безбожника написанная им книга, а тем более автобиографическая книга — это своего рода пропуск в бессмертие. Или, если скромнее, — заявка на долголетие.

Напомню знаменитые строки Анны Ахматовой:

Ржавеет золото
и истлевает сталь.
Крошится мрамор. К смерти
все готово.
Всего прочнее на земле —
печаль.
И долговечней — царственное
слово.

Насчет печали — разговор особый. Возможно, для следующей книги. Что же касается слова, то я бы снял эпитет. Долговечно даже не царственное слово. В эпоху всеобщей грамотности это, к сожалению, дает шанс всяким прохиндеям, позволяет им не соскользнуть в «черную дыру» невозвратного прошлого. Но зато и я знаю: оказавшись уже на том свете, но уцепившись за спасательный круг слова, я буду еще качаться на волнах света этого. Не на вечные времена, но все же...

Вот на этой радостной ноте начинаю рассказ о себе и о том XX веке, который я видел.

Первая молодость

1930–1959

Где-то я вычитал: некоторые люди сразу рождаются старыми, некоторые же не только рождаются молодыми, но и остаются ими. Меня судьба определила в последнюю группу. Поэтому вся моя жизнь — это движение от одной молодости к другой.

Первая: 1930–1959

Вторая: 1959–1972

Третья: 1972–1991

Четвертая: 1991–1997

Пятая: 1997 — ...

Соответственно — пять разделов книги.

Так сказать, «молодым везде у нас дорога...».

Со стороны такое распределение материала может показаться искусственным. Но ведь я смотрю не со стороны... Мне говорили, что последняя молодость начинается после третьего инфаркта.

Не уверен. Будучи зоологическим оптимистом (то есть оптимистом без мотивировок), я надеюсь встретить последнюю молодость и распрощаться с ней до первого инфаркта.

Разумеется, каждая молодость отличается от всех других. Отличается присущим ей коэффициентом, который определяется событийной насыщенностью данного куска жизни, степенью переваренности, усвоенности накопленного опыта, умением видеть себя посторонними глазами.

Подробности — в тексте.

Мой адрес — Советский Союз...

Из популярной когда-то молодежной песни:

Мой адрес — не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз.

Не сиделось, значит, молодым на месте. Везде что-то строили, отовсюду звали, везде ждали. И везде, если судить по песням, было интересно, здорово.

Но мои путешествия начались задолго до того, как я стал задумываться над своим адресом. Адреса менял отец. Судьба офицера: Днепропетровск — Ворошилов-Уссурийский — Хабаровск — Горький — Ростов-на-Дону.

Моя собственная география, если иметь в виду ПМЖ, значительно скромнее: по распределению — Хадыженск (Краснодарский край) и по выбору — Москва. А из Москвы не только все видно, но и многое вполне достижимо. Успел объездить всю страну. Бывал и в странах иных. Осталось две голубые мечты: Бразилия и Чукотка. Не знаю, успею ли...

С конца XX века живу в России, в Российской Федерации. Но адрес остался прежний — Советский Союз. Это противоречит здравому смыслу. Понимаю. Утешаюсь тем, что в жизни есть и другие смыслы.

Все началось в Ленинграде.

Ленинград. У фрейлины

Родился 9 августа 1930 года. И не совсем в Ленинграде. Но рядом. В Детском Селе (до революции — Царское Село, с 1937 года — город Пушкин).

Была суббота. Согласно «Красной газете» (издание Ленинградского Совета рабочих и крестьянских депутатов), ночью +15, днем +20. «Меняющаяся облачность с проходящими дождями». Факт существенный. Им объясняется мое почти физиологическое пристрастие к серой, дождливой погоде.

Родословную дальше дедов не знаю. Все они из Шацка Рязанской губернии.

Мамин папа — Борисов Иван Матвеевич — был священником, имел приход в Шацке и 13 детей (мама — седьмая). После революции сменил профессию: работал бухгалтером в каком-то кооперативе. В начале 30-х посадили по финансовым статьям. Срок свой отсидел. Вернулся в Талдом, куда к тому времени перебралась бывшая попадьа с одной из своих дочерей. Там Иван Матвеевич в 1936 году умер от рака горла. Пытались найти его могилу, но тщетно: все поросло быльем и временем...

Деда этого даже не видел. Но бабушку Марию Сергеевну (бабу Маню), которая дожила до 1966 года, помню хорошо. Мы с мамой навещали ее в Кунгуре (на Урале) и в Умани (на Украине). Рассказывали, что в молодости отчаянной красоты была женщина. Есть семейная легенда: когда попа в очередной раз потрошили красноармейцы, попадью не тронули — так были поражены ангельским ликом. Воистину, красота все-таки спасает...

Баба Маня велела, чтобы во время ее похорон пел Козловский. Так и сделали. За гробом несли патефон, крутилась пластинка... В Умани — теперь, значит, за границей — могила Марии Сергеевны Борисовой.

Папин папа — Бовин Алексей Иванович — имел в Шацке магазин. После поступления сына в Электротехническую академию РККА перебрался в Парголово под Ленинградом. Дом почти на берегу большого озера. Дед учил меня плавать. Кстати, именно в парголовской церкви меня тайно от отца крестили в декабре 1930 года. Дед умер от голода во время блокады. Бабушка (баба Саня) после прорыва блокады добралась до Хабаровска и потом жила с нами. Упокоилась в Ростове-на-Дону.

Социальное происхождение незавидное. Тогда оно перекрывало многие жизненные пути. И чтобы сохранить мое душевное спокойствие и избавиться от вранья в анкетах, родители выдали мне другую версию: один дед трудился дворником в церкви, а другой — приказчиком в лавке. Тоже не фонтан, но и не «красный свет».

Последний раз я заполнял анкету с дедами и бабками летом 1953 года, когда меня выдвигали на должность народного судьи. Не знаю, или спецслужбы плохо проверяли, или уже критерии были смягчены,

но претензий ко мне не было. Родители посвятили меня в «тайну» происхождения позже, когда я учился в аспирантуре.

Теперь — о родителях.

Папа — Евгений Алексеевич — к моменту моего появления на свет учился в академии. Чтобы поступить туда, он был вынужден приписать себе какие-то другие социальные корни. Получилось. Но корни все-таки вылезли. Уже на Дальнем Востоке, дослужившись до полковника, отец надумал поступать в партию. Кандидатом приняли. Но тут спецслужбы оказались на высоте. Отца обвинили в сокрытии социального происхождения и завернули, не приняли в партию.

Однако главная беда была в другом. Кадрового военного, человека, который с 1937 года служил на Дальнем Востоке и знал наизусть русско-японский военный разговорник, не пустили воевать с японцами. Здесь была драма, трагедия даже. Ее причину я узнал гораздо позже, а тогда лишь чувствовал гнетущую напряженность в доме.

Мама — Агнесса Ивановна — еще в Шацке окончила педагогический техникум. Вершина ее карьеры — заведование детским садом. Но с 1940 года, когда родилась моя младшая сестра, полностью посвятила себя домашним делам. Стала домашней хозяйкой высшей квалификации.

В Детском Селе мы снимали две маленькие комнаты в деревянном доме бывшей фрейлины. Такая сухонькая старушка, «белая мышь», как Райкин говорил.

По понятным причинам я мало что помню. Но все-таки помню.

Помню, что много было красивой, со всякими завитушками, мебели. Маленькие комнаты и маленькие окна. Поэтому мрачно как-то, неуютно. Фрейлина меня любила и разрешала носиться по всему дому.

Помню елку. Елки тогда были еще запрещены. Но фрейлина не боялась. Игрушки были дореволюционные, не такие, как сейчас. Какие-то фигурки из ваты с рисованными лицами. Тонкие длинные разноцветные свечи. И главная радость — конфеты. Елка, как и теперь, стояла до старого Нового года. Конфеты обновлялись несколько раз.

И еще помню походы с отцом за щавелем. Ходили по роскошным паркам, которые окружали царские дворцы. Дворцы меня тогда не интересовали. Тут соревнование — кто больше щавеля соберет. Зелеными щами угощали фрейлину.

В последний раз мы были с мамой в Пушкине в конце 70-х. Не нашли ни дома, в котором жили, ни детского сада, в котором мама работала воспитательницей. Стало грустно.

Днепропетровск. «Ридна мова»

После окончания академии отец был направлен служить в Днепропетровск.

Жили там несколько месяцев. С осени 1935 года до весны 1936-го. Где, не помню. Но почему-то помню большой альбом об экспедиции на «Челюскине»^[1]. Окладистая, как у Саваофа, борода академика Отто Юльевича Шмидта (с его сыном, тоже академиком, мне привелось встретиться через шестьдесят лет).

И совсем из другой оперы. Два букваря. Один на русском языке. Другой на украинском — «Ридна мова». Сразу пошел параллельными курсами. К сожалению, «мова» осталась детским баловством. Но словарный запас после каждого посещения Украины расширялся. Во всяком случае, некоторые важные вещи, которые доносятся с Украины, понимаю без перевода. Например: «Чия влада — того й мова, чия мова — того й влада!» В общем, рекомендуют не увлекаться русскими букварями.

Весной 1936 года отец получил назначение на Дальний Восток. Сначала сам уехал, потом вызвал нас.

Это путешествие мне хорошо запомнилось. Пережили одно из самых крупных железнодорожных крушений. Уже проехали Байкал. Интересная деталь. Вдоль всей колеи, а она идет по-над озером совсем близко от берега, из воды торчали остовы полузатопленных вагонов. Свидетельства нередких, видимо, в то время аварий. Когда мы проезжали Байкал летом 1939 года, торчащих из воды вагонов стало гораздо меньше. Теперь их вообще нет. «Безаварийный пробег», — сказал бы, наверное, Остап Бендер, если бы получил звание генерал-директора тяги любого ранга.

События разворачивались следующим образом. Наш поезд начал медленно взбираться на очередную горку. И вдруг пассажиры заметили, что с той горки, которую мы уже миновали, вслед за нами спускается товарный состав. Идет по той же колее и нагоняет нас. Поскольку столкновение было неизбежно, пассажиры, особенно последних

вагонов, стали выпрыгивать из поезда. Благо скорость была небольшая. Наш вагон был, кажется, четвертым от паровоза. И все-таки тоже выпрыгивали. Вся эта суэта запечатлелась в памяти. Мама выпрыгивать отказалась. Положила меня на подушку, прикрыла другой подушкой и сама легла сверху. Удар, трески какие-то, крики — стоим. Вагон наш не перевернулся. Задние вагоны были сплющены. Кто не выпрыгнул — погибли.

Три дня, пока растаскивали составы и ремонтировали дорогу, мы жили в палатках. Погода стояла прекрасная. Вокруг — сибирская благодать. Высокие травы, цветы, небольшое озерко поблизости. Детей было довольно много. Мир взрослых жил своей жизнью. А мы гоняли от восхода до заката.

Наконец добрались до Ворошилова-Уссурийского. Отец там три дня сходил с ума.

Ходили разговоры, что крушение — результат диверсии, «вылазки классового врага». Не знаю. Можно предположить, что не одного человека посадили... Годы были суровые.

Ворошилов-Уссурийский. Японцы рядом

Мы стали дальневосточниками. В те романтические, пионерские годы слово «дальневосточник» звучало почти как «орденоносец». Была поставлена задача — «освоить» Дальний Восток. К сожалению, она не решена до сих пор.

Отец получил под свое командование отдельный батальон связи. В составе корпуса, который дислоцировался в Ворошилове-Уссурийском. А корпус входил в состав Особой краснознаменной Дальневосточной армии — ОКДВА! Это — особенно для нас, мальчишек, — звучало энергично, напористо и победоносно.

Жили мы в Южном военном городке. Казармы оставались еще от царских времен. Добротной постройки. Комсостав занимал двухэтажные кирпичные дома на восемь квартир с огромными, как бы сейчас сказали, «приусадебными участками». Все удобства во дворе. Воду носили из колодца. И еще под каждой водосточной трубой стояла здоровая бочка — для дождевой воды. Недалеко от дома — сараи. Почти у всех имелись куры, утки, а то и гуси. Огороды появились только во время войны.

Весь быт был связан с армией. Тогда все было по-другому. О дедовщине и слыхом не слыхивали. Иные, более человечные, что ли, были отношения между красноармейцами и командирами. Существовали так называемые женсоветы. Жены командиров заботились о том, чтобы в казармах чувствовалась женская рука, какой-то минимум уюта. Помню, мама вышивала нечто вроде накидок на прикроватные тумбочки. В клубе (кино, самодеятельность, вечера всякие) собирались все вместе. Разумеется, были «офицеры» и были «солдаты» (тогда говорили «командиры» и «красноармейцы»), офицеры и солдаты официально появились только в 1943 году, после Сталинграда). Дистанция между ними существовала, но не было кастовости, жестких разделительных линий.

Общая атмосфера в армии была пронизана тревогой. На границе беспокойно. И хотя «граница на замке», от японцев можно всего ожидать. Отлавливали диверсантов. Знаменитый пограничник Карацупа приходил к нам в школу и рассказывал потрясающие истории. Настольными книгами были русско-японские военные разговорники. Сооружали свою «линию Мажино». ОКДВА преобразовали в Краснознаменный Дальневосточный фронт (КДФ).

Возможно, слово «пронизана» не вполне подходит. В нем слишком много театральности, драматизма. Все было проще: ожидание войны, подготовка к войне как быт, как ежедневная работа. И рядом обычная жизнь, пронизанная обычными же заботами и тревогами.

Необычное в обычном: массовое выселение корейцев и китайцев. Логика проста — потенциальная «пятая колонна». И еще — японским шпионам и диверсантам удобно «растворяться» среди корейцев и китайцев. Не знаю, стало ли легче нашей контрразведке. Но «дальневосточникам» стало труднее. С рынка исчезли дешевые овощи (до сих пор в ушах «одна рупля, одна рупля!»).

Японцы не подвели. В конце июля 1938 года японские войска атаковали советских пограничников в районе озера Хасан (130 км от Владивостока, на стыке границы СССР с Кореей и Китаем, где тогда хозяйничали японцы). Бои на сопках Безымянная и Заозерная продолжались десять дней. Все эти дни в нашем городке царил возбуждение. В победе никто не сомневался. Мы с двумя приятелями сбежали из дома и двинулись к Хасану. Очень повоевать хотелось. На попутных машинах добрались почти до Владивостока, но были

отловлены и возвращены по принадлежности. С учетом наших патриотических чувств выволочка была умеренной. Японцев разбили без нашей помощи. 11 августа подписали перемирие.

Только теперь, когда стали доступны архивы, мы узнали, что и та далекая победа была «со слезами на глазах». Победу вырвали не умением, а числом. Любопытна выдержка из разговора по прямому проводу Сталина с командующим Дальневосточным фронтом маршалом Блюхером.

Сталин: «Почему не выполняется приказ наркома обороны о бомбардировках авиацией всей нашей территории, занятой японцами?»

Блюхер: «Вылет задерживается по неблагоприятной метеорологической обстановке... Боюсь, что в этой бомбардировке мы неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки».

Сталин: «Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбардировкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами задевать корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей бьют пачками японцы? Что значит для большевистской авиации какая-то облачность, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины!»

Ex ungue leonem, — как говорили в Древнем Риме (или, как переводят в Третьем Риме, «по когтям узнаем льва»).

В приказе наркома обороны № 0040 от 3 сентября 1938 года утверждалось, что действия Блюхера «граничили с сознательным пораженчеством». Вскоре Блюхер был арестован и 11 ноября 1938 года расстрелян. Сомневаюсь, что командующего фронтом можно упрекнуть в пораженчестве. Сталин избавлялся от неудобных ему людей. А тут, как говорится, всякое лыко в строку...

За судьбой Блюхера просвечивает трагедия страны, получившая обобщенное наименование «1937 год». Но меня, точнее, моего сознания эта трагедия практически не коснулась.

Здесь надо иметь в виду одно существенное обстоятельство. Родители никогда при мне не вели каких-либо разговоров, выходящих за рамки официоза. Никогда. Ни на какие темы. Вплоть до XX съезда...

Дальше то, что сам помню.

Карикатуры в «Правде»: в «ежовых рукавицах» извивается змея, на которой что-то написано. Теперь соображаю: или «троцкисты», или

«зиновьевцы», или еще какие-нибудь «враги народа».

У отца был красивый альбом. Его дарили каждому выпускнику академии. Там были фотографии военного начальства и всех преподавателей академии. Альбом всегда лежал на видном месте. Потом исчез. Но ребенок был настырным и обнаружил альбом в комодке под простынями. Овалы с лицами почти всего начальства и многих преподавателей были замазаны черной тушью. Сообразил — они тоже «враги».

Из восьми командиров, живших в нашем доме, пять были арестованы.

Хорошо быть мальчишкой. Не было страха. Не переживалась трагедия. Наказывали врагов народа — и правильно делали. А мы не враги, чего нам бояться.

Представляю теперь, что чувствовали родители, когда слышали, как по ночам выводили их соседей, сослуживцев.

Много позже отец уверял, что его спасло отсутствие партбилета. К беспартийным «органы» вроде бы относились с меньшим рвением...

Вернемся к текущим делам. После событий у озера Хасан КДФ был переформирован в две отдельные армии. Штаб 1-й Отдельной краснознаменной армии, которой командовал комкор Г. М. Штерн, находился в Ворошилове-Уссурийском.

Вторая заметная проба сил с японцами состоялась через год и вошла в историю под названием «операция Халхин-Гол». Монгольская река Халхин-Гол дальше от Ворошилова-Уссурийского, чем озеро Хасан. Но японцы даже в Монголии японцы, а значит, наши злейшие враги. Три с половиной месяца (с 28 мая по 15 сентября 1939 года) продолжались бои. И все это время мы (и которые дети, и которые мамы) собирали и посылали на фронт посылки с подарками, писали бойцам письма.

Более шести десятилетий прошло с тех пор, но слова «Хасан» и «Халхин-Гол» остаются для меня свежими, не стертыми временем. У них есть свой запах — запах детства и запах эпохи.

Эпоха была трудной. Детство было счастливым. Сначала — детский сад под руководством мамы. Потом — школа. Учился я без напряжения. Иногда подводило чистописание (учили писать аккуратно, красиво). Хромала дисциплина. Школа плохо запомнилась. Основные интересы находились на просторах нашего военного городка. Там было

все: и казармы, куда нас пускали, и разнообразные мастерские, где пахло железом и всякими гээсэмами, и спортивные площадки, и красноармейцы, которые с гоготом и воодушевлением занимались нашим воспитанием.

Все мы были прилично вооружены. И не только рогатками. Совсем недавно в Приморье полыхала Гражданская война. Сохранились старые укрепления, окопы. Пистолеты, винтовки, сабли, обоймы с патронами буквально валялись под ногами. Все проржавело, стрелять было нельзя, зато махать, выпуская при этом воинственные кличи, можно. Так что игры — а мы, естественно, сражались с японцами — протекали в обстановке, близкой к боевой.

Летом 1939 года мы с мамой отправились «в Европу». Поезда тогда шли не торопясь. Из Хабаровска в Москву дней десять. В вагонах знакомились, обживались, складывался свой быт. На каждой станции были привокзальные рынки. Опытные пассажиры знали, где самый вкусный варенец, где — пирожки с капустой, а где — соленые огурчики. По очереди бегали за кипятком.

Заехали в Кунгур, на Урале. Там тогда жили баба Маня с дочерью (маминой сестрой) Нюрой. Поразила красивейшая Кунгурская пещера. И еще почему-то запомнились вкуснейшие пироги с рыбой.

Следующая остановка — Москва. Было у кого гостить: два маминых брата — Владимир и Александр и сестра Мария. Жили на Соломенной сторожке, по тем временам — у черта на куличках.

Наконец — Ленинград. Остановились в Парголово у дедушки Леши и бабы Сани. Деревянный дом прямо на берегу озера. В этом же доме жили немые. Вечерами они напивались и часто дрались. Странная картина: драка без мата и пьяных криков — немые ведь.

Побывали в Детском Селе, в Петергофе. Мне уже 9 лет. Что видел, хорошо помню. В 1948 году увидел одни развалины...

Обратно добрались без приключений.

В сентябре 1940 года у меня появилась сестра Галя. Это, с одной стороны, заметно снизило внимание родителей к моей особе, увеличило количество степеней уличной свободы, а с другой — прибавило домашних обязанностей. На меня, в частности, было возложено хождение к колодцу за водой. Я же занимался курами. Вплоть до того, что должен был рубить головы обреченным на куриную лапшу.

По выходным дням отправлялись иногда на отцовской эмке за город. Купались и загорали на берегу речки под названием Суйфун (ныне, кажется, в пику китайцам переименована). Бродили по сопкам, собирали цветы. То, что в Европе на клумбах (пионы, гвоздики, лилии, ирисы и т. д.), в Приморье растет и цветет в «диком» виде. Между Суйфуном и нашим городком лежали бывшие рисовые поля. Такая большая шахматная доска, на которой клетки отделены друг от друга водой. Зимой, когда каналы застывали, а снега еще не было, можно было, используя ветер и полы собственного пальто вместо паруса, превращать себя в буер. Приличных скоростей достигали... Иногда Суйфун разливался. Когда вода спадала, каналы кишели рыбой. Надо было просто нагибаться и брать руками. Почему-то запомнились изящные змееподобные миноги...

В нашем мальчишечьем мире приближающиеся раскаты большой войны не ощущались. Война в Испании (а все мы носили испанки и знали такие слова, как «Мадрид», «Гвадалахара», «Геруэль») была в детском сознании войной против испанских «белых», против некоего абстрактного «фашизма». Договор с Гитлером (август 1939 года) совершенно прошел мимо моей памяти. Но очень хорошо помню журнал «Техника — молодежи», в котором с явной симпатией подавались захват Польши, наступление немцев в Европе. В общем, враги — японцы, а немцы — чуть ли не друзья. Что-то такое варилось в наших головах...

И вдруг — война! Первые впечатления испарились. Вторые — радость. Ну, вот мы им врежем! Все читали бестселлер Шпанова «Первый удар». Все видели кино «Если завтра война». Все пели:

Тогда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!

Несколько дней, максимум — несколько недель, и мы в Берлине. Восставший немецкий пролетариат приветствует Рабоче-крестьянскую Красную армию.

Недели проходили. Немцы продвигались к Москве. А вдруг ударят японцы? Все напряжены. К осени из магазинов — и так уж не очень богатых — практически исчезли почти все продукты. Поэтому введение карточек было встречено с одобрением — хоть минимум

твердо обеспечен. На следующий год полегчало: у всех появились огороды.

Но наш огород — это уже Хабаровск.

Хабаровск. Вольница

В конце 1941 года отца перевели в Хабаровск. Если я не ошибаюсь, начальником узла связи штаба Дальневосточного фронта. В декабре отправились всем семейством: папа, мама, я и годовалая сестренка Галя. Плюс сопровождающий. На одной из остановок, кажется Бикин, объявили, что поезд будет стоять три часа. Я отпросился погулять. Когда вернулся, поезд уже ушел. На вокзале меня дожидался оставленный в Бикине сопровождающий. Через несколько часов подошел военный состав из Владивостока. Внезапно повезло. Нас посадили в вагон, в котором когда-то ездил сам Блюхер. Вагон шел пустым. Запомнились зеркала, мрамор, полированный стол с инкрустацией. Запомнились вкусные мясные консервы, в то время еще не американские.

В Хабаровске встречал отец. Встречал сурово...

Пять лет в Хабаровске были до предела заполнены взрослением по всем азимутам. В военном городке мой постоянный круг общения был ограничен десятком пацанов из семей папиных сослуживцев. В краевой столице горизонты другие: и двор, и наша улица, и улицы соседние. Больше знакомств, больше разговоров, больше ситуаций, требующих выбора, решений. Начало прорезываться собственное «я». Сначала почти незаметная граница между этим самым «я» и остальным миром становилась все более четкой, видимой, осязаемой...

Жили мы практически в центре города в большом (этажей шесть, кажется, но без лифта) доме. Две комнаты. Вода (без ванной) и туалет. Отопление центральное, но на кухне плита, которую нужно топить дровами. Никаких просторов. Городской двор. Но были сараи (без кур). Помимо дров и всякого барахла в сарае стояла здоровенная бочка. К зиме она заполнялась квашеной капустой. При обычных для Хабаровска тридцатиградусных морозах капуста превращалась в камень. По мере кухонных надобностей меня посылали в сарай, чтобы топором откалывать от капустного монолита потребное количество продукта. И еще в сарае висели рыбины соленой кеты. Соленая

отварная кета с картошкой — наш типичный обед военной поры. Причем вкуснейший, изысканный обед! Картошка в сарае зимовать не могла, поэтому для нее в квартире был отгорожен специальный угол.

Рядом с нашим домом располагалась школа военных музыкантов. Как бы музыкальные юнги. Мы с ними и дружили, и дрались, и табаком делились (первую свою затяжку я сделал, еще будучи учеником первого класса). В историю нашей семьи школа юных военных музыкантов вошла со словами «геройский хлеб».

Курсанты должны были регулярно готовить стенды, посвященные войне. Для этих стендов позарез требовались фотографии Героев Советского Союза. А мы выписывали «Огонек», где в каждом номере помещались несколько таких фотографий. Мама вырезала их и меняла у курсантов на кусочки черного хлеба, которые они таскали из своей столовой. Я протестовал и даже плакал. Обидно было отдавать «героев». Но мама не считалась с моими обидами. Она кормила нас.

Для ясности. Отец уже был майором. Но того, что он получал, не хватало на четыре рта. Еле-еле сводили концы с концами. Самое голодное время — до осени 1942 года. То есть до первого урожая с первого огорода. Дальше пошло полегче.

Огород — это мой трудовой фронт. Вместо калашникова — лопата. Плюс еще каждое лето на месяц посылали в колхоз. Картошка — до горизонта. И, значит, — тятка. Так что натяпался вволю^[2].

Тогда телевизоров не было. Войну не видели. О войне читали и слышали. У нас на стене отец закрепил большую карту европейской части Союза. И согласно сводкам Совинформбюро мы три года двигали флажки сначала с запада на восток, до Сталинграда и Каспийского моря, а потом — с востока на запад, до Берлина. Это — на всю жизнь. Закрываю глаза и вижу ту карту с линией флажков... И еще почему-то вижу книгу знаменитого немецкого генерала Гудериана «Внимание, танки!». Она была переведена на русский язык в серии «Библиотека офицера». К сожалению, предупреждение Гудериана не было воспринято достаточно серьезно. Впрочем, это отразилось не на судьбе Гудериана, а на цене его поражения.

После прорыва блокады Ленинграда к нам добралась папина мама — баба Саня. Худющая и больная. Выздоровела. Но несколько месяцев прятала у себя под подушкой, рядом с Евангелием, кусочки черствого хлеба, какие-то остатки пищи. Комплекс долго голодавшего человека.

Победу я встретил, находясь под домашним арестом. Арест наложил на меня отец. И правильно сделал. 1 мая 1945 года я первый раз (не последний, увы!) напился. Пили дома у приятеля (помню, Славка Крапан), мама которого работала где-то по буфетной части. Было много красивых бутылок. В общем-то мы собирались пойти в театр на «Свадьбу в Малиновке». Но «собирались лодыри на урок, а попали лодыри на...»... Домой я добрался на автопилоте и без пальто. Пальто по тем временам — это вещь. Поэтому положили меня на пол и обливали холодной водой. Признание не исторгли. Однако нашли номерок от гардероба. Оказывается, мы таки пришли в театр, разделись, были перехвачены контролерами и ушли не одеваясь. Мама сбегала в театр, и пальто было спасено. Вот за это художество отец запретил мне две недели покидать стены родного дома.

А тут победа! Арест был снят.

Победа над Германией для нас означала приближение войны с Японией. Все знали, что эта война неизбежна. Все были уверены (но не уверенностью 1941 года), что победим. Тем более что на Тихоокеанском театре союзники уже почти добились Японии.

На улицах Хабаровска все чаще можно было встретить солдат и офицеров, обвешанных орденами и медалями. Это означало, что переброска войск с запада на восток идет усиленными темпами. 9 августа — это день моего рождения — мы, выполняя обещание, которое Сталин дал Рузвельту и Черчиллю, начали войну.

О том, почему отец не участвовал в войне, я рассказывал.

В Хабаровске война не чувствовалась. Кажется, 9 августа была одна воздушная тревога.

Зато хорошо чувствовались результаты войны. Из Маньчжурии везли все, что можно. Продукты и одежду в основном. Мама перешивала для меня японские гимнастерки и кителя. Цвета хаки. Помню японских пленных, они строили...

Посещал, как положено, школу. Нравы были простые и суровые. Когда я первый раз появился в новой школе, в меня ткнули ножом и порезали овчину (так тогда именовались дубленки). Обучение было то отдельным, то совместным. Переводили из школы в школу, за пять лет сменил четыре школы. Учился я без натуги, легко. Но вот учителя не помню ни одного.

Но хорошо помню старого-престарого еврея-сапожника, который в кружке при школе № 35 учил желающих сапожному делу. Мне удалось освоить ремонт валенок. Не знаю, как сейчас, но тогда зимой все были в валенках или бурках. Так вот, накануне зимы мама выстраивала в коридоре все наши валенки, и я должен был приводить их в порядок.

В 1944 году вступил в комсомол. Без эмоций. Потому что все вступали.

В восьмом классе произошло событие, которое, наверное, повлияло на мой жизненный путь. Мне в руки попался растрепанный том Соловьева, начало XVI века, Смутное время. Открыл и не мог закрыть, пока не дочитал. Что-то во мне произошло. Мне стало интересно узнавать, знать, понимать.

Тогда же у нас дома появился 1-й том сочинений Сталина. Там была одна из ранних работ Сталина «Анархизм или социализм?». Философский детский сад. Это я теперь вижу. А тогда с трудом продирался сквозь дебри непонятных слов. Обложился словарями, делал выписки, чуть ли не наизусть учил. Оделел все же. Вот так с тех пор и одолеваю...

И Соловьев, и Сталин — все это было помимо школы, независимо от школы. Но как-то, видимо, отражалось на моих ответах по истории и литературе. На сочинениях. В них что-то озадачивало учителей. Они не были лучшими (или худшими) по принятой шкале, они были другими.

А еще вдруг обнаружились девочки. Не менее интересные, чем Сталин или Соловьев. Правда, моя первая любовь случилась еще до школы. Ее звали Лена Селяева. Родители наши дружили, ну и мы старались не отставать. Потом — большой перерыв. А с восьмого класса началось обучение танцам. Дома, под патефон. «Брызги шампанского», «Листья падают с клена», «Риорита» и прочие шлягеры тех лет. Моей главной учительницей была Валя Агафонова. Тут я был круглый отличник. Более или менее регулярно, выпроваживая родителей в гости или в театр, устраивали вечеринки. Девчонки что-то готовили, мужская половина обеспечивала вино. Танцы до упаду. Допускались поцелуи.

С девочками связан первый, пожалуй, выход за пределы «морального уровня». Мы, то есть несколько оболтусов, составили список девочек нашего класса и выставили им оценки по нескольким номинациям. Точно не помню, но примерно так: ум, красота, фигура,

характер. От единицы до пятерки. Список пустили по классу. Двоечники обиделись и пошли к директору школы. Подключили районо. Поднялся шум. Выручило то, что среди оболтусов находился сын первого секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) Володя Назаров. Шум постепенно затих.

Кстати, о птичках. Назаровы жили в роскошном крайкомовском особняке недалеко от школы. Шла война. Растущие организмы требовали пищи, а ее не хватало. Так Володя иногда заводил через черный ход весь класс куда-то в район кухни, и нас там кормили. И еще, кстати. Рядом располагался особняк уполномоченного НКВД по Дальнему Востоку С. А. Гоглидзе. Эту фамилию все произносили шепотом. Почему — узнал значительно позднее.

Но вернусь к танцам. Очень любил. В конкурсах участвовал, призы брал. Коронный номер — вальс-бостон. Или фигурное танго. Летом танцевали на танцплощадках. Нечто вроде загона: настил из досок и ограда. Бери в кассе билет — и вперед. Я ходил в сад Дома офицеров. Покупал месячные абонементы. И каждый вечер (с семи часов) как на работу. Танцевали (стандартный набор — вальс, танго, фокстрот). Выясняли отношения. Порой дрались из-за девчонок.

Занимался гимнастикой. С нынешней не сравнить. Тогдашний 1-й разряд теперь и на 3-й, наверное, не потянул бы. Наш тренер был сторонником силовой гимнастики. Качали мышцы. Потолок — 3-е место на краевых соревнованиях среди мальчиков.

Конец последнего хабаровского лета провел на берегу Амура в пионерском лагере в качестве старшего вожатого. По возрасту я не подходил. Но, видимо, учли уже явно не школьную фигуру. И слухи ходили: «Он Сталина читает!» Недалеко от лагеря находилась база Краснознаменной Амурской флотилии. Военные моряки, значит. Они кружили вокруг лагеря, проникали на территорию и буквально охотились на наших вожатых (женского пола) и девиц из первого отряда. Одна из главных моих задач состояла в том, чтобы пресекать наглые посягательства. До рукопашных доходило. Не помогало. Ибо не только моряки рвались к девицам, но и девицы к морякам. Да я и сам погряз в скоротечных романах. Вздохнул около Лиды Шарахиной (с ней много лет спустя судьба свела в Москве). Целовался с Корой Бачининой. А медицинская сестра, которую звали Фея и которая

училась на третьем курсе мединститута, угощала спиртом из аптечки и учила уму-разуму.

Дома, в семье, все шло своим чередом. Отец был вечно на службе. Мама была занята Галей, младшей сестрой. Меня держали на очень длинном поводке. В девятом классе было легализовано курение. Только отец просил при нем с сигаретой не возникать. Поясняю. Тогда в Союзе курили папиросы. Сигареты появились во время войны, американцы снабжали нашу армию. Отец, заядлый курильщик, получал в месяц одну-две упаковки по сто сигарет каждая. Пока я был в нелегальном режиме, приходилось брать иголку и аккуратно (на уголках) вытаскивать из каждой упаковки несколько сигарет. Потом отец стал делиться.

Особых огорчений я не доставлял. Иногда, но редко, попадал в милицию. Драки и разборки мелкого масштаба. Разгуливал в обычной уличной «форме» (косил, сказали бы сейчас, под блатного). На голове — кепочка-восьмиклинка с утопленным козырьком и маленьким «громоотводиком». На ногах — мягкие, собранные гармошкой сапожки-«джимми», брюки напуском. Во рту — золотая (в смысле — желтая) фикса. Обязательно — треугольник тельняшки. Перед возвращением домой фикса снимал.

Мои школьные дела не требовали вмешательства родителей. Меня не надо было заставлять делать уроки. Отметки я приносил вполне приличные.

Родителей трудно назвать интеллигентными людьми. Они мало читали. Впрочем, сколько я помню, всегда выписывалась «Роман-газета». Так что были в курсе литературных новинок. Не интересовались музыкой, живописью, театром. Во всяком случае, я не помню каких-либо разговоров на эти темы.

Меня специально не воспитывали. Просто жила семья, где мама и папа были умными, добрыми, порядочными людьми.

Отец был очень сдержан, строг, аккуратен до педантичности. «Если я говорю в девять часов, — втолковывал он мне, — то это не значит без пяти девять или три минуты десятого. Это значит именно девять». И втолковал. Никогда не опаздываю. И еще втолковал, чтобы каждая вещь лежала на своем месте. Поэтому не приходится искать ключи, очки, нужные книги и т. п. Почти не пил. Держал себя в хорошей физической форме.

Мама была другой. Душевная, веселая, заботливая. Мастерца срезать острые углы. Вряд ли ее радовало, что во мне воспроизводилась борисовская порода: любовь к застолию («кабацкая ты душа», — ворчала она), увлечение нежным полом, некая расхристанность, стремление нарушить меру там, где этого делать не следовало бы. И еще — великолепная хозяйка. Прекрасно готовила и шила. Ее хлопотами существовал дом, в котором всем было хорошо.

Родители были максимально внимательны друг к другу. Наверное, между ними возникали какие-то нескладушки. Но они возникали и гасли там, куда дети не допускались. Думаю, что это была одна из тех редчайших семей, где муж и жена никогда не обманывали друг друга.

Заряд здравого смысла и сердца, простая, честная жизнь, доверие и уважение друг к другу — вот в такой атмосфере, в таком духовном климате я рос, превращался из ребенка в юношу, в человека. Оглядываясь назад, я не могу сказать, что полностью сохранил в себе то наследство, которое передали мне родители. Что-то ушло, было разъедено суетой и мельтешением, в которые приходилось погружаться. Были эпизоды, вспоминая о которых я до сих пор краснею. Но в целом заряд, полученный от родителей, спасал меня всю жизнь.

И вот еще что. В доме никогда не велось каких-либо политических разговоров. Точнее, политических разговоров с фрондерским оттенком. При мне, во всяком случае. Не знаю, насколько это была осознанная установка. Но выполнялась она неукоснительно. Возможно, это затормозило мое политическое созревание. Но зато отсрочило на десяток лет мучительные раздумья и сомнения...

Горький. Каток вместо танцплощадки

Из Хабаровска мы уезжали в начале января 1947 года. Отец получил назначение в Горький. Часть, которой он командовал, располагалась в кремле. Там мы и жили. Прямо в казарме. Сначала в одной огромной комнате. Половина — наше семейство, другая половина — семейство папиного заместителя. Позже заместитель переехал в отдельную комнату, а нам прирезали вторую, маленькую. Это были мои личные апартаменты. С отдельным входом. И собственным ключом.

Определили меня в мужскую школу № 14. Пешком минут тридцать хода. Притирка к классу прошла без проблем. Проблема находилась вне школы. В Горьком, конечно, тоже танцевали. Но зимой светская жизнь, свидания и ухаживания перемещались на катки. Мой хабаровский опыт по этой части был примитивен. Катков не помню. Вместо катков использовались улицы, покрытые утрамбованным снегом. Прикрутить веревкой коньки (снегурки) на валенки, в руке железный прут с крючком на конце, прицепиться этим крючком к грузовику — и полный вперед!

А в Горьком прекрасные катки, музыка, все залито светом. У большинства — гаги (вроде хоккейных), у пижонов — норвеги (гоночные). И не просто катаются, а выделывают всякие штуки. Ничего такого я делать не умел. Пришлось срочно учиться. Обзавелся гагами, и каждый день сразу после уроков (еще светло, и катки почти пустые) — на лед. Театр одного актера. Огромное удовольствие доставлял мальчишкам. Вволю напалася, но недели через три появился вечером на катке. Горьковские навыки потом пригодились в Москве. Освоил и ЦПКиО, и Сокольники, и Лужники...

В Горьком меня накрыла первая любовь. Звали ее Светлана Конюхова. Где с нею встретился — не помню. Помню, где жила. Двухэтажный деревянный дом, халупа по-нынешнему. Хотя отец ее был каким-то чином в КГБ. Помню дачу на берегу Волги, куда я повадился приезжать. Но зря. У Светланы, как она сама мне сообщила, развивался бурный роман на другом направлении. В порядке самоутешения я занялся охмурением одновременно целой серии девиц (одна была даже кассиршей в гастрономе). Оттягивало, но не помогало.

Промежуточный итог был подведен 18 мая 1948 года. Дату помню точно, ибо за два дня до выпускного сочинения. Не знаю, как сейчас, но тогда все десятые классы писали сочинение 20 мая. Сюжет был прост и традиционен. Некто Виктор Филиппов, учившийся в параллельном десятом классе, сказал какую-то гадость о предмете моих страданий. Перчатку, по понятным причинам, я бросить ему не мог, вызвал за школу и дал по морде. К моему удивлению, он утерся и ушел. И стал, как мне передали, брать уроки бокса. 18 мая уже он вызвал меня за школу. Зрители образовали круг, и битва началась. Дрались мы минут тридцать. Кончили, потому что устали бить друг друга. Выдохлись. Умылись — и по домам.

Видок у меня был тот еще. Но у Виктора — хуже. Он был выше меня, так что я бил снизу вверх, по физиономии. А его удары шли сверху вниз, доставалось моей голове, и ссадины скрывались под могучим волосяным покровом. Мама его упала в обморок, увидев сыночка. Моя мама в обморок не упала. Во-первых, ее предупредил дежурный, когда я прошел пост. А во-вторых, мои повреждения были действительно менее заметны.

Оставшиеся до сочинения полтора суток я провел во всяких примочках. Сочинение написал на «отлично».

Виктора Филиппова я потом встречал в Москве. Повспоминали.

У Светланы не сложилась жизнь. Встречались с ней несколько раз — и в Горьком, и в Москве. На руинах.

Сохранилась ее фотография с надписью: «Есть два похожих слова — „помнить“ и „вспоминать“. Я хочу, чтобы ты меня помнил».

Последний раз был в Горьком в сентябре 2001 года. Проехал мимо ее дома. Зашел за школу, постоял на месте майского побоища. Значит, помню...

Через Горький прошла и там же кончилась музыкальная полоса моей жизни. Чтобы я меньше болтался летом без дела, отец определил меня в курсантский духовой оркестр. На должность барабанщика. Здоровый барабан и медные тарелки — вот мое хозяйство. Для лучшего звучания барабана перед каждой игрой нужно было поджигать газету и водить огнем у барабана, кожу натягивать.

Были мы почти на хозрасчете: играли в пионерских лагерях, домах отдыха, санаториях, которых было полно в окрестностях Горького. Платили нам натурой (кормили то есть) и деньгами. Иногда поили. Играли в основном танцы.

Когда начался учебный год в школе, мы подпольно собрали так называемый трио-джаз: ударные (теперь уже не большой барабан, а маленький, правда, без нынешних наворотов), скрипка и аккордеон. Плюс девочка-певица. По субботам и воскресеньям в той же зеленой зоне Горького зарабатывали танцами. В принципе джазы тогда не приветствовались. Но нас терпели. До поры до времени. Гонения начались тогда, когда в школе возник настоящий джаз и нагло заявил себя в городском конкурсе школьной самодеятельности. В конце концов джаз был реабилитирован. Но к тому времени я уже перенасытился музыкой и отрулил в сторону.

В классе дела шли своим чередом. Подобралась теплая компания из четырех человек. Андрей Сергиевский, Марат Кочаровский (кличка — Бецман), Стас Севастьянов (кличка — Хряк) и я. Вместе учиняли всяческие баламутства. Ходили по каткам и женским школам. Иногда ударяли по пиву и портвейну «Три семерки» (он же — «Три топорика»). Чуть ли не двадцать раз смотрели «Девушку моей мечты». В порту разгружали муку и сахар — не будешь же у мамы просить деньги на пиво.

Образовали общество «Друзей тянучки». В бумагах обнаружил нечто вроде рекламной листовки. Она выглядела так:

**КАЖДЫЙ,
КТО ВСТУПИТ В ОБЩЕСТВО
«ДРУЗЕЙ ТЯНУЧКИ»,
ПОЛУЧИТ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗ В НЕДЕЛЮ
ВКУСИТЬ НАЯВУ СЛАДОСТЬ
РАЙСКОГО БЛАЖЕНСТВА И ОТВЕДАТЬ**

**ВКУСНЕЙШИХ!!!
СЛАДЧАЙШИХ!!!
АРОМАТНЕЙШИХ!!!
ТЯНУЧЕК.**

**ЛУЧШИХ ТЯНУЧЕК
НЕ БЫЛО И НЕТ!
ГОТОВ ТЯНУТЬ
ДО СТАРОСТИ ЛЕТ!**

С п е ш и т е з а п и с а т ь с я.

Мы действительно в здоровенной кастрюле варили тянучечную массу и делали из нее тянучки. Каждый, кто собирался вступить, должен был прочесть неизвестное нам стихотворение. Потом большая ложка горячего полуфабриката выливалась ему на голову.

Заседания общества — это чаепитие и разговоры до изнеможения.

Андрей окончил Горьковский университет и в 35 лет был назначен директором Горьковского исследовательского физико-технического института при ГГУ, а через несколько лет стал директором Научно-

исследовательского института прикладной математики и кибернетики. Директорствовал до пенсии. Потом просто работал. Инсульт сгубил его 14 мая 2000 года.

Марат, уже будучи взрослым, продолжал придумывать жизнь, искать нестандартные варианты. Как-то, находясь на природе, пытался спрятаться от дождя не в примитивной палатке, а в пещере, и был засыпан осевшей породой.

Стасика болезнь одолела.

Мне повезло. Еще жив и даже помню.

Весь десятый класс я находился в каком-то шизоидном состоянии. С одной стороны, мне взбрело в голову стать дипломатом. Что послужило первотолчком, не могу вспомнить. Не исключаю, что трехтомная «История дипломатии», которую я штудировал как раз в десятом классе. Но, с другой, — взрывы в Хиросиме и Нагасаки сделали модной физику, а значит, и математику. Физикой занимался по учебникам для вузов. Математику одолевал по известному курсу Фихтенгольца «Математика для инженеров», который обнаружил у отца. Любил всякие замысловатые задачки, которые публиковались в журналах для учителей («Математика в школе» и «Физика в школе», так они, кажется, назывались).

Первые и единственные фамилии учителей, которые остались у меня в памяти: Гусак, директор нашей школы, он преподавал физику. Вызывал меня в свой кабинет, вручал дореволюционный задачник по физике и требовал, чтобы я решал подряд штук по двадцать. «Когда решишь — пойдешь домой!» И я решал — к нашему общему и вящему удовольствию. Математику преподавала Мария Васильевна Самсонова. И тоже тренировала мои мозги.

Помню еще преподавателя логики. Как звали, забыл, а человека помню прекрасно. Фронтвик. С орденами и без руки. Он пытался учить нас логике жизни. Тогда это было почти невозможно. Но, повторяю, он пытался.

В десятом классе, если не раньше, начинаются разные завихрения по поводу распределения медалей. Когда я возник, в нашем классе все было предопределено. Золотая медаль предназначалась вечному отличнику, кандидату в мастера по шахматам Борису Архангельскому. Такой был аккуратный мальчик. Всеобщая надежда. Но поскольку мне ужасно не хотелось сдавать экзамены в вуз, нужно было получить

золотую медаль. И получил. За все приходится платить. По указанию школьного начальства пришлось произносить благодарственную речь на собрании выпускников Горького. Это была первая сочиненная мною речь. Но — для себя.

Выпускной вечер как-то не запомнился. Зато в памяти выпускной день. Для меня и для Сергиевского мама наварила пельменей. По сто штук на нос, точнее, на рот. И мы управились. Сейчас даже поверить трудно. Но молодые, растущие организмы...

А от экзаменов я все-таки не избавился. По просьбам неуверенных в себе одноклассников сдавал за них экзамены (физика и математика) в пять горьковских институтов. Пижонил: «Гарантирую, — говорил, — пятерки». Переклейка фотографий, печати — все это меня не касалось. Получал бумагу и отправлялся в назначенный институт.

Дважды возникали нештатные ситуации.

Первая — в университете. Мой подшефный письменную математику сдавал сам, но потом попросил меня сдать устный экзамен и еще физику. Ладно, буду выручать. Беру билет. Элементарно. Иду к доске практически без подготовки. Отвечаю. Начинаются вопросы. Три доски исписал. Уж надоело. Оказывается, мой приятель еле-еле на тройку написал. И когда я начал бодро тараторить, преподаватели подумали, что шпаргалка. Пришлось с ходу придумать, что тогда переутомился, голова очень болела, плохо соображал. Обошлось.

Вторая — в Институте инженеров водного транспорта. Взял билет. Сижу, жду очереди. И вдруг в аудиторию входит и садится рядом с экзаменаторами отец знакомой мне девочки. Я бывал у них дома, даже чай пил со всем семейством, включая папу (он же — доцент этого института). Что делать? Закрыв лицо ладонями, мотаю головой, пропускаю одну очередь за другой. Так и сидел, пока доцент не ушел. Достали меня потом вопросами, но отбил.

Взаимовыручка. Последний раз я занимался этим богоугодным делом в Москве, когда учился в аспирантуре философского факультета МГУ. Сдавал экзамены за брата Жору (брат был двоюродный, только что демобилизовался) в электротехнический техникум. По всем предметам (кроме химии). Тоже был казус. Для сочинения дали четыре тетрадных листика. Исписав их, я попросил добавку. «Не надо, — сказала юная преподавательница. — Чем больше напишете, тем больше

будет ошибок». Я скромно заметил, что ошибок не делаю. Она молча протянула целую пачку листов. Пришлось ошибок не делать...

Летом 1948 года отправился я в Москву учиться на дипломата. Прямо в Дипломатическую академию. Дежурный мне вежливо разъяснил, что в академию принимают только с высшим образованием. На мой вопрос ответил: в принципе с любым, но лучше с юридическим или историческим. После чего я отправился на юрфак МГУ. Сдал документы. Выдержал полагающееся медалисту собеседование (про план Маршалла интересовались). Судьба выступила в лице общежития. С общежитием у нас туго, уведомили меня. А в Ростове-на-Дону, откуда вы приехали, есть университет, а в нем — юрфак, а на юрфаке — отделение международного права. Вам будет там даже удобнее.

Поясняю. В начале лета отец получил назначение в штаб Северо-Кавказского военного округа, который находился в Ростове-на-Дону. Поэтому в анкете, которую я сдал в МГУ, был указан уже ростовский адрес.

Возможно, если бы я стал сопротивляться, нашлось бы и общежитие в Москве. Но не были мы тогда приучены сопротивляться, «качать права». И поэтому покорение Москвы было отложено на восемь лет.

Ростов-на-Дону. Университет

Пять ростовских лет — время перестройки. Моей перестройки. Куколка превращалась в бабочку, или — кому как нравится — головастик в лягушку. К умению говорить, читать и писать постепенно добавлялось умение думать. Думать самостоятельно, то есть сомневаться, не верить тому, что слышишь, и даже тому, что видишь. Выяснялось, что кроме «Брызг шампанского», «Марша энтузиастов» и «Каким ты был...» есть еще другая музыка и что даже та опостылевшая литература, которую «проходили» в школе, на самом деле является совсем другой. И еще можно ходить в театр, не только в кино. В общем, как теперь понятно, был я серым провинциальным валенком. Спортсмен, комсомолец, отличник, но — валенок...

Готовый продукт из полуфабриката выделялся в университете. Когда-то, до 1914 года, это был Варшавский университет, из-за войны его эвакуировали в Ростов, и назад он не возвращался. К середине XX

века от мятежного польского духа ничего не осталось. Нормальный советский университет. Да еще «им. В. М. Молотова». И все же идеологическая монотонность не была абсолютной. Трава пробивается сквозь асфальт. Так и мы продирались сквозь могучие наслоения официальных установок. Во всяком случае, кто хотел, мог продрасться.

Половину мужского наличия нашего курса составляли фронтовики. Даже один Герой Советского Союза. Фронтовики были старостами групп. Действовала курсовая партийная организация. Это создавало особую атмосферу. Дисциплина, внутренняя подтянутость, неприятие расхлябанности. Чувство ответственности за то, что делаешь (или — не делаешь). Не всем это нравилось. Но у меня не возникало протеста. Наверное, сказывалось отцовское воспитание, влияние армейской среды. Тем более что атмосфера первых послевоенных лет на факультете вполне сосуществовала с атмосферой обычной, классической студенческой жизни. Правда, не всегда мирно.

Уже на первом курсе сложилась компания: три фронтовика — Саша Гужин, Коля Сазонов, Жора Прозоровский — и я в качестве объекта воспитания. Воспитание шло по разным линиям. После каждой стипендии мы отправлялись в заведение «Красный мак» и пили пиво. Как правило. Иногда допускались исключения, и пиво выступало только как «прицеп». На эту ритуальную линию накладывалась другая, содержательная, — разговоры «за жизнь». Они говорили, я слушал. За пять лет «жизнь» была пройдена вдоль и поперек. Горький опыт войны и несладкий опыт мира. Но обязательно — с надеждой!

Друзья мои были коммунисты. И уже где-то со второго курса стали мне втолковывать, что пора подумать о вступлении в партию. И я думал. Не в рассуждении карьеры, — кто в девятнадцать лет думает о карьере? А потому что среди людей, которые меня окружали, с которыми мне приходилось сталкиваться, коммунисты выделялись в лучшую сторону. Были, если угодно, примером. Не все, конечно. Но — многие. И потом нельзя, разумеется, не учитывать всю совокупность мифов советской эпохи, внутри которой я формировался.

Первый заход был неудачным. Отклонили. Оказалось, что у меня два выговора. От деканата (за курение в аудитории) и от ректората (за что, уже не помню). Когда канитель со снятием выговоров была кончена, пошел на второй заход. На третьем курсе приняли кандидатом

в члены ВКП(б). Отметим (с исключением из правила) в том же «Красном маке»...

Тональность, которую я использую здесь, во всеоружии скепсиса и самоиронии, была бы неуместна пятьдесят лет назад. Тогда вступление в партию воспринималось как рубеж, как веха, обозначающие приобщение к могучему отряду тех, кто идет впереди, кто прокладывает и т. д. и т. п. Сегодня такие и аналогичные слова звучат почти как пародия. Но для моего поколения они, эти слова, сохраняли свой первоначальный смысл.

Весной 1952 года пришло время переходить из кандидатов в члены партии. Но тут плавное течение событий было прервано. Один из рекомендуемых — Саша Гужин — предложил поговорить. Отправились на набережную Дона. Сели на лавку.

— Я уверен, что ты будешь хорошим коммунистом. И я хочу тебе сказать, что наша партия серьезно больна, — так начался разговор. Вернее, продолжавшийся больше часа монолог Гужина. Если говорить привычными теперь словами, это было разоблачение культа личности Сталина. Сокращенный доклад Хрущева XX съезду КПСС, только произнесенный за четыре года до съезда. Тут было все: и фальсифицированные процессы «врагов народа», и выселение народов, и отступление до Волги, и отсутствие внутривластной демократии, и нетерпимость к любым проявлениям духовной независимости, свободы. Все, в общем...

Можно сказать, что я обалдел, слушая Гужина. Можно. Однако «и жизнь, как тишина осенняя, подробна». Какие-то обрывки, фрагменты, детали того, о чем мне говорилось на берегу Дона, и раньше доходили до меня в разное время и в разных упаковках. Но мальчишеская голова, заполненная совершенно другими проблемами, отталкивала все эти тайные шепоты, не задумывалась над ними. Теперь мне шел уже двадцать второй год. Теперь я уже начал думать. И шепоты, сказанные громко, объединенные в систему, привели меня в состояние, близкое к обалдению. Я задал несколько вопросов, мы встали и пошли.

Гужин, конечно, рисковал. Но верил мне и не ошибся. Я несколько раз пытался вернуться к тому разговору. Саша делал это неохотно. Видимо, был порыв и иссяк. Как бы то ни было, мое политическое образование началось. Когда умер Сталин, я не плакал.

Александр Тихонович Гужин впоследствии стал деканом того факультета, на котором мы вместе учились. Редко, но мы встречались. Печально, что с каждым разом становилось все труднее находить общие темы для разговора. А теперь и его нет.

Учебные дела шли нормально. Все экзамены сдавал на «отлично». Это был своего рода спорт. Шел отвечать всегда первым. Начиная со второго семестра срабатывала примитивная схема. Знать надо было на твердую тройку. Еще один балл давало нахальство, уверенный вид. И один балл давал «имидж» отличника. В итоге — искомый результат.

Собственно правовые дисциплины мало интересовали. Зато с головой погружался в историю государства и права, историю народного хозяйства, в историю вообще. С увлечением занимался политической экономией и философией. Одним из любимых предметов была история КПСС.

Довольно часто приходится читать стенания бывших студентов: какой ужас эта история КПСС, какая скука... Сначала я тоже так думал. Потом пошел в городскую библиотеку и начал читать стенограммы съездов и пленумов. Как это ни странно, они находились в открытом доступе (до XVI съезда, кажется). Интереснее любых детективов. Или, например, примечания к 3-му изданию сочинений Ленина. Там и была настоящая (почти?) история КПСС.

В университете я написал первую статью в газету «За советскую науку» (орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома). Жалея читателей, статью не воспроизвожу. Хотя и первая публикация.

Преподавали нам в общем вполне приличные, знающие свое дело люди. М. А. Тарасов (гражданское право), П. А. Соловьев (история государства и права), Л. Э. Ландсберг (гражданский процесс), И. И. Малхазов (уголовный процесс). Помню проштрафившихся и сосланных в Ростов москвичей: К. М. Симиса, А. М. Сахарова, Н. В. Черноголовкина.

Из того, что я смог получить в Ростовском университете, 40 процентов я бы отнес на образование, а 60 процентов — на самообразование. Причем самообразование охватывало не только право с его гуманитарными окрестностями, но и области весьма от них далекие.

Если мое политическое образование, политическая биография связаны с друзьями-фронтовиками, то мое самообразование, многие мои интересы и пристрастия по части науки и культуры определялись тесными контактами с «лицами еврейской национальности». Впрочем, это замысловатое выражение было пущено в ход гораздо позже. Оно явилось порождением некоей большевистской «политкорректности», ибо господствующая идеологическая бюрократия видела в слове «еврей» вульгарные, унижающие, оскорбительные оттенки. И потом, это слово ассоциировалось с «еврейским вопросом». А такого вопроса, как утверждало начальство, не было. Но если нет вопроса — какие «евреи»? Зачем они?.. И слово, понятие «еврей», оставаясь обязательным для «пятого пункта», надолго исчезает из политического лексикона.

До приезда в Ростов я вообще никогда и ни в каких смыслах не сталкивался с еврейской тематикой. Не помню, чтобы дома, в школе, на улице как-то затрагивалась эта тема. В классе были евреи, но они не воспринимались в таком качестве. Наверное, были и антисемиты. Но они как-то мне не попадались.

Все изменилось в Ростове. Говоря нынешним языком, там была большая еврейская община. Ее составляли не столько евреи местечкового типа, сколько своего рода еврейская аристократия. Образованные, интеллигентные люди, с развитым чувством собственного достоинства. С их детьми я и столкнулся на юрфаке. Если не считать умения выпить, сделать стойку или дать по зубам, то в остальном я не тянул на уровень «аристократов духа». Сейчас это понимаю. Тогда вряд ли согласился бы с формулой поражения. Но, общаясь с новыми знакомыми, смутно ощущал какое-то неудобство, скованность. И тянуло: было интересно разговаривать.

Постепенно параллельно с квартетом, где музыку заказывали фронтовики, сложилось трио, где первенствовали евреи. С Аликом Ханом и Борисом Френкелем мы тоже говорили «за жизнь». Но за другую: не столько бытие, сколько сознание.

В конце 40-х эта другая жизнь, жизнь идеологическая, была ключом. И была больно. Иногда очень. Война привела к повзрослению общества. На смену энтузиазму послереволюционных лет приходил умеренный скепсис, стремление критически посмотреть по сторонам, разобраться в происходящем. Такие настроения особенно были заметны

среди ученых, литераторов, вообще — творческой интеллигенции. И эти настроения беспокоили Сталина, партийную верхушку.

Еще один повод для беспокойства был связан с провозглашением Государства Израиль и разгромом антиизраильской коалиции арабских государств. Усилилось брожение среди советских евреев. Обретало более четкие формы национальное самосознание. Обнаружилось немало желающих принять участие в войне Израиля за независимость. Еще больше евреев хотели уехать на свою историческую родину, принять участие в становлении еврейского государства. Восторженный прием был оказан в Москве Голде Меир — первому послу Израиля в Советском Союзе.

Было решено навести порядок.

Первые залпы раздались в августе 1946 года. Ударили по журналам «Звезда» и «Ленинград», а конкретно — по «пошляку и подонку» Зощенко и по «типичной представительнице... пустой безыдейной поэзии» Ахматовой. В июне 1947 года, организовав дискуссию по книге Александра «История западноевропейской философии», партия перешла в наступление на философском фронте, обвиняя философов в «беспринципности и безыдейности», в «раболепии, низкопоклонстве перед буржуазной философией». В августе 1948 года главным полем сражения стала биологическая наука. На знаменитой сессии ВАСХНИЛ академик Лысенко с благословения Сталина разгромил «вейсманистов-морганистов» и вместе с ними современную генетику.

Выражаясь нынешним языком, впитавшим реалии Вьетнама, Афганистана, Чечни, обозначенные выше факты можно квалифицировать как «точечное бомбометание». К бомбометанию ковровому власти перешли в начале 1949 года после статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая была опубликована в «Правде» 28 января. «Безродные космополиты» — так была обозначена цель. Тут уж идеологическая молотилка заработала на полную катушку. Не было ни одной отрасли культуры, где бы не велись поиски и разоблачение «беспачпортных бродяг», где бы не боролись с «низкопоклонством перед Западом». И здесь сработал закон больших чисел. Среди сотен «разоблаченных» имен не менее 90 процентов принадлежало «лицам еврейской национальности». Все вставало на свои места. Идеологическая кампания имеет четкую антисемитскую

составляющую. Об этом нигде не говорилось вслух. Но это понимали все.

Разумеется, в то время, о котором идет речь, я не воспринимал события в их истинном виде. Многого не знал. Многого не понимал. Однако слово «антисемитизм», понятие «антисемитизм» стали наполняться реальным содержанием.

Вот что интересно. Собираясь после лекций (как правило, у Хана — квартира была большая), мы, то есть трио, которое иногда раздвигалось до квинтета и даже октета, как бы вынося антисемитизм за скобки, пытались вникнуть в существо проблем, которые волею властей оказывались в центре внимания.

Первой такой проблемой стал «вейсманизм-морганизм». Юридический факультет, студенты первого курса... Какое им дело до биологии? Дела не было, был интерес. Мы распределили темы, обложились специальной литературой. Месяц читали. Потом — бурные, шумные дебаты. Наверное, целую ночь кричали. Не зря — мушка-дрозофила была реабилитирована.

За пять лет вспоминается: мезомерия и резонанс в химии, оценка движения Шамиля, «социалистические нации», азиатский способ производства. Последней темой наших штудий было языкознание под разными соусами. В общем, развивались по всем азимутам. Значительно позже, вспоминая эти интеллектуальные пиршества, мы удивлялись двум вещам. Почему мы всегда вырубивали на «неправильную» точку зрения? Почему не тронули нашу подпольную «академию»?

«Академия» была делом сугубо мужским. Но она не перекрывала интерес к женщинам. «Основной инстинкт»? Конечно. Но не только. Женщина как некий облагораживающий, окультуривающий фермент. Надо мной взяла шефство Лина Крылова. Она сама музицировала и пела. А меня стала водить в филармонию, на концерты Ростовского симфонического оркестра. Я оказался хорошим учеником и довольно быстро сообразил, что музыка может существовать отдельно от Крыловой.

От Крыловой пошли круги знакомств и встреч с другими женщинами «еврейской национальности». На первом и втором курсах я «дружил» с Мартой Розенберг. После университета она работала где-то на Северном Кавказе и иногда появлялась в Москве с банками

черемши. Я тогда уже учился в аспирантуре. Марта останавливалась у подруги. Черемша, отварная картошка, постное масло, бутылка водки: вспоминали минувшие дни... Через некоторое время Марта осела в Подольске. Стала популярным адвокатом. Деньги были, а личная жизнь не сложилась. Знал двоих ее мужей. Хорошие русские мужики, но пьяницы. Уехала в Израиль. Там, в Беэр-Шеве, на краю пустыни Негев, я и похоронил ее.

На третьем курсе начался роман с Норой Свердловой. Училась впереди на один курс. Типичная «аристократка духа». Умная. Красивая. В полном сознании собственного достоинства. И в окружении себе подобных. Мы, естественно, и раньше были знакомы. Встречались в компаниях. Я иногда позволял себе выступать в привычной нагло-самоуверенной манере. Реакция: удивленно-снисходительный взгляд. Роман раскручивался долго, со скрипом. Общественность с любопытством наблюдала. Кто-то изрек: «Союз ума, но не сердца». Нет. Просто умы сближались быстрее, чем сердца.

Я уже пообтесался, но еще был явно другого посола. Стал появляться у них дома. Две малюсенькие комнаты в старой развалюхе с дореволюционным стажем. Папа — бухгалтер. Мама — врач, рентгенолог-микрopedиатр, фронтовичка. По праздникам вся могучая еврейская грудь в орденах и медалях. Не уверен, что они испытывали большое счастье, видя меня рядом с любимой дочерью. Иногда переходили на идиш. Когда родители уходили в свою комнату, сердца начинали сближаться и мы целовались. При хорошей погоде этим же делом можно было заниматься на скамейке во дворе.

Летом 1952 года Нора получила назначение в Краснодарский край, где стала работать адвокатом. «По умолчанию» предполагалось, что мы распишемся, когда я подойду к студенческому финишу. Разлука переносилась с трудом. Письма писал почти каждый день. Даже в стихах. Сохранилось у меня одно из таких рифмованных писем. Называется: «Плоды раздумий сквозь поэтическое око». Всего «раздумий» восемнадцать. Щадя читателя, ограничусь тремя.

Мы все ругаем понемногу
Кого-нибудь и как-нибудь.
Стезеею этой, слава богу,
К вершинам славы легче путь.
Зачем читать Адама Смита,
Руссо, Вольтера, Демокрита,
Декарта, Гегеля, Бруно —
Они ведь померли давно.
К чему же тени их тревожить?
Не лучше ль тихо, не спеша,
Читать брошюры ВПШ
И этим груз ума умножить?
И знает стар, и знает млад:
У нас истмат и диамат.

XIV

Зачем владеть ума палатой,
Читать, и мыслить, и дерзать,
Коль можно запросто цитатой
Все что угодно доказать
И опровергнуть что угодно?
А между тем любой свободно
Толкует с видом знатока
О всем: от звезд до сапога.
Ввернет солидно ergo, bene,
Словами Маркса щегольнет,
Промолвит лихо: «Гегель врет!» —
Паяц на философской сцене!
Видали ль вы таких глупцов
В ученой тоге мудрецов?

XV

«Задача первая диплома —
Цитатой вовремя блеснуть, —
Так рассуждал я, сидя дома, —
Тернист, тернист науки путь.
Тернист и путь в аспирантуру,
Куда я смолоду и сдуру
Попасть задумал. Сущий ад —
Наука в клетке из цитат.
Блажен, кто верует без мысли,
Блажен, кто любит без ума,
Но лучше нищего сума
Тому, чей ум сомненья грызли!»
Так рассуждая, я писал,
Пока «довольно!» не сказал.

Письма, даже которые в стихах, не утихомиривали страсти. Расстояния требовали преодолений. Тут, правда, на эмоции накладывались финансы. Но и эта проблема имела решение. Сдавал кровь и на эти «кровавые деньги» летал в Краснодар. Оттуда на автобусе — в станицу Александровскую.

Политика, как правило, далека от любви. Когда они сближаются, становится опасно. В январе 1953 года грянуло «дело врачей»: эскулапы из Кремлевской поликлиники, утверждали руководители КГБ, «сокращали жизнь» своих высокопоставленных пациентов. Сценарий 1937 года не был забыт. По стране прокатилась волна собраний гнева и протеста. «От Москвы до самых до окраин» тюрьмы пополнялись медицинским персоналом. Нетрудно было заметить, что большинство «убийц в белых халатах» имели фамилии лиц той самой «национальности». Толпа напряглась, хотя до погромов дело не дошло.

Пришла телеграмма от Норы. Она освобождала меня от всех и всяческих матримониальных обязанностей. Тут же отбил ответ. Какой — понятно. Труднейшие были дни. Посадили шефа моей будущей тещи. Она сама каждый день ждала гостей. Надевала дома гимнастерку с погонами и всеми регалиями: «Пусть знают, кого берут!» Чтобы хоть чуть-чуть разрядить напряжение, я каждый вечер появлялся у Свердловых и сидел с ними до поздней ночи. Обошлось...

5 марта объявили о смерти Сталина. Народ был в отчаянии. Скорбело прогрессивное человечество. Но тех, которые «в белых халатах», выпустили и реабилитировали.

Политика отступила. Любовь осталась.

Все эти вихри и водовороты не отменяли выпускных экзаменов, защиты диплома и последующего распределения. С экзаменами проблем не предвиделось. С дипломом («О характере и особенностях международного публичного права») — тоже. Относительно распределения возникли сложности.

Еще в конце 1952 года меня пригласили в обком ВЛКСМ и предложили должность заведующего отделом студенческой молодежи. Я согласился. Однако позже мне застенчиво разъяснили, что среди моих близких знакомых слишком много «лиц». Да еще невеста... Видимо, сюда реабилитация не распространялась.

По той же самой причине (не те знакомые) меня вычеркнули из списка выпускников, которых посылали в Москву для ускоренной подготовки кандидатских диссертаций.

В конце концов меня направили в распоряжение Управления Министерства юстиции по Краснодарскому краю. В порядке, так сказать, воссоединения семьи.

Семья была создана 3 мая 1953 года. Свадьбы в привычном понимании этого слова (много гостей, выпивки, закуски и шума) не было. Только тесный семейный круг. Медовый месяц проводили в Сочи. Снимали веранду. Далеко от моря, но дешево. Купались, загорали, слонялись, танцевали. Огорчала Норина родственница, которая почему-то приходила ночевать на нашу веранду. Остальное радовало. «Все было вокруг голубым и зеленым...»

Но неуклонно надвигалась жизнь.

Хадыженск: «Встать, суд идет!»

В Краснодаре мы появились в начале августа. Назначение не заставило себя ждать: город Хадыженск Нефтегорского района. Меня будут рекомендовать народным судьей первого участка этого района. Выборы — 20 сентября. Нора отправилась в свою Александровскую. А я — тоже в свой Хадыженск. На машине из Краснодара несколько часов.

Нефтегорский район — это покрытые лесом предгорья Восточного Кавказа. Нефть (пять промыслов треста «Хадыженнефть») и лес (два крупных леспромхоза — Хадыженский и Комсомольский — и много небольших ведомственных). Сельское хозяйство — один совхоз под названием «Заря № 2». Столица района — город Хадыженск. Благодаря нефтяникам — хороший Дворец культуры, несколько покрытых асфальтом улиц, частичная газификация. Есть еще один город — Нефтегорск. И есть железнодорожная станция Хадыженская, хоть в Сочи езжай, хоть в Москву.

Предвыборная кампания — как положено. Поездки по станицам, встречи с избирателями, «программные» выступления, ответы на вопросы. Все было вполне казенно, но как-то без удушающей нудности. Возможно, мой возраст и не совсем судебный вид, некоторая претензия на юмор, либерализм станичного начальства добавляли какие-то человеческие флюиды в стандартную обстановку. Иногда слово предоставлялось добровольцам. Они, как правило, были уже навеселе, и, соответственно, навеселе были их речи. Почему-то запомнилось: «Товарищ Бовин, как молодой месяц, всходит на нашем станичном небе...» И хорошо запомнились испытания на прочность, которым меня подвергали по всему предвыборному маршруту.

19 сентября 1953 года районная газета «Вышка» была украшена редакционной статьей «Завтра — все на выборы!».

Статья эта — своего рода классика. В ней представлен весь набор примитивных пропагандистских штампов сталинской эпохи. «Правда», наверное, написала бы тоньше, умнее. Но «Правда» была одна, а «Вышек» — сотни. На «Правду» ориентировалось начальство. Народ усваивал «марксизм-ленинизм», азы партийной политики, читая «Вышки». И даже не усваивал, а запоминал. И всегда был готов к всеобщему «одобрямсу».

Вот еще что важно. Реальная жизнь миллионов людей и жизнь газетных слов проходили в разных плоскостях. Что бы ни говорили, что бы ни писали наверху, большая часть «советского народа» жила по другим, доставшимся от истории правилам. Это спасало. Иногда указанные плоскости пересекались. И тогда слова побеждали людей.

Теперь — статья.

«Завтра, 20 сентября, в нашем районе по 70-му и 71-му избирательным округам состоятся выборы народных судей. Выборы

народных судей в районе проходят в дни нового политического и трудового подъема, когда весь советский народ встретил постановление пленума ЦК КПСС „О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР“ всеобщим одобрением. Колхозники, рабочие, служащие знакомятся с постановлением пленума. На собраниях они заявляют о том, что не пожалеют сил, чтобы успешно выполнить задание партии по дальнейшему развитию сельского хозяйства.

Выборы в нашей стране являются всенародным праздником. Сталинская Конституция предоставила трудящимся широкие демократические права, каких нет ни в одной капиталистической стране. Советские люди имеют право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости и при утрате работоспособности.

По-иному выглядит „демократия“ в странах капитала, особенно в цитадели империализма — США. Права личности в капиталистических странах признаются лишь за теми, у кого есть капитал. Это можно показать на примере недавних выборов в Западной Германии. Подготовка к выборам в западногерманский бундестаг и их проведение проходили в обстановке запугивания населения и террора, в обстановке открытого давления и вмешательства иностранных оккупантов. „Американские выборы в Западной Германии“ — так именуется немецкая демократическая печать выборы в боннский бундестаг.

Советский суд является самым демократическим, защищает интересы народа, стоит на страже советской законности и правопорядка.

В районе на всех избирательных пунктах в основном закончена подготовка к выборам. Помещения избирательных пунктов оборудованы, готовы к приему избирателей.

Товарищи избиратели! Завтра, 20 сентября, все как один явимся к избирательным урнам и отдадим свои голоса за кандидатов в народные судьи — Бовина Александра Евгеньевича и Митюшина Михаила Ивановича.

Все на выборы!»

Избиратели не подвели. Демократия, как и должно быть, оказалась на высоте. Меня и моего коллегу выбрали почти единогласно.

Приехала Нора. Адвокатом она не могла здесь работать (муж — судья). Устроилась в школу учителем истории. Дали нам

двухкомнатную квартиру. Газ, холодная вода. «Удобства» во дворе. Обращение бытом началось с кровати и вилок с ложками. Потом из Ростова прислали мою библиотеку. «Жить стало легче, жить стало веселей...»

Здание суда — своеобразное строение, то ли большая изба городского типа, то ли усадьба деревенского типа. Аппарат — солидные, по моим тогдашним представлениям, тетечки лет под тридцать и один мужчина — судебный исполнитель.

Первое дело. Должностное преступление. Человек уже под стражей. Изучив материалы, пришел к выводу, что квалификация неправильная и нет оснований для лишения свободы. Судебный процесс подтвердил этот вывод. Народные заседатели со мной согласны. Читаю приговор. Стандартная фраза в заключение: «Из-под стражи освободить из зала судебного заседания». Милиционеры отходят, человек свободен.

Вообще дел было не очень много. Так что в неделю было всего три судебных дня: один по уголовным и два по гражданским делам. Это давало возможность внимательно штудировать данные предварительного следствия. Правда, больше 90 процентов дел составляла всякая мелочовка. Но попадались сюжеты, дававшие богатейший материал для логического анализа и психологических изысканий. В зависимости от характера дела приходилось изучать специальную литературу самого разного профиля. Это было интересно. До сих пор иногда пижоню, встречая в разговор о законтурном обводнении или внематочной беременности.

В этом контексте хочу сказать несколько добрых слов о народных заседателях. Их тоже выбирали (70 — в нашем участке). Но сначала их подбирали партийная и профсоюзная организации. Подбирали, как правило, из достойных, основательных людей, специалистов в разных областях. Если дело касалось транспортных проблем, в качестве заседателей я приглашал шоферов, если проблем медицинских — врачей и т. д. Это обеспечивало высокий профессиональный уровень подхода к материалам дела. Это делало «народный суд» действительно народным, ибо наши клиенты видели за столом судебных заседаний своих сослуживцев и соседей.

При подготовке приговоров и решений часто возникали споры. Моя задача была относительно проста: четко обозначить юридическую

сторону. Сложнее была оценка доказательств, личности подсудимого (если это уголовное дело), всякого рода обстоятельств, влияющих на конечные выводы суда. Тут у заседателей были большие преимущества передо мною. Они лучше знали жизнь. Поэтому сидение в совещательной комнате можно было рассматривать как курсы повышения квалификации.

Судебный процесс — это и прокурор, который, само собой, обвиняет, и адвокат, который защищает. Прокурор — государственный чиновник на твердом окладе. Проводник государственной политики. Адвокат — член своеобразного адвокатского кооператива, заработок которого зависит от юридической грамотности, способности убедительно говорить, от умения вертеться в рамках установленных правил игры. Поэтому адвокаты были, как правило, умнее, образованнее, культурнее, чем прокуроры. Но прокуроры были «главнее». При прочих равных (а иногда и неравных) дело решалось в пользу прокурора. Традиционно советская юстиция отличалась суровостью наказаний. Оправдательные приговоры встречались очень редко.

Разумеется, я работал в такой системе координат. В то же время что-то стало меняться. Или точнее: что-то стало позволять меняться, если ты хочешь меняться. Не могу сказать, что я видел картину так, как вижу ее сегодня. Но к адвокатам относился с подчеркнутым вниманием. Возможно, сказывалось влияние жены. Возможно, сказывалось и то, что с нашим хадыженским адвокатом, Эриком Овчаровым, мы учились вместе. В общем, я больше симпатизировал адвокатам, чем прокурорам. И слыл либеральным судьей: чаще, чем другие судьи, оправдывал, давал щадящие сроки^[3].

Зарплата у меня была 880 рублей (у районного прокурора — 1400). Не развернешься. Мудрый читатель думает о взятках. Сталкивался с взятками. Обычно так было дело. Бабуля какая-нибудь приходила на прием и дрожащими руками протягивала сверток: «Возьми, сыночек! Курочка тут, яички, сметанка своя свежая. От чистого сердца!» В наборе продуктов возможны варианты. Два раза (помню точно!) приносили (домой) свертки с деньгами. Не брал. Воспитание не позволяло. Хотя от свежей сметанки трудно отказываться...

Судьи обычно описывают экстраординарные случаи из судебной практики. Были и у меня случаи.

После одного приговора с тюрьмой и крупной конфискацией получил по почте послание, где меня приговаривали к смерти. Взял в милиции пистолет. Неделю, наверное, носил его. Неудобно, тянет. Потом ночью клал под подушку. Потом в сейфе он лежал. Отделался испугом.

Еще один испуг. Проводил выездную сессию, то есть не в здании суда заседали, а в клубе одного из участков моего родного Хадыженского леспромхоза. Когда, зачитывая приговор, я дошел до слов «десять лет лишения свободы», подсудимый вскочил, схватил длинную лавку, на которой сидел, размахнулся и пытался до меня дотянуться. Конвой, видимо, дремал. К счастью, лавка зацепилась за припотолочную балку. Я даже испугаться как следует не сумел и закончил чтение приговора.

Просто случай. В маленьком городке на каждом доме, на каждом воротах обязательно флагшток. Однажды утром идущие на работу могли видеть, как на одном из флагштоков развеваются фиолетовые дамские рейтузы. Это одна учительница отомстила другой, к которой заглядывал муж первой. Оштрафовал на 50 рублей за оскорбление действием.

Еще случай. Муж привлекался к уголовной ответственности за избиения жены. До суда решили оставить его на свободе. Он, получив обвинительное заключение, взял ружье, застрелил жену, тещу и, кажется, сестру жены. Пришел в милицию и сдался. ЧП краевого масштаба. Вызывали на бюро крайкома. Прокурор получил выговор. Я по молодости был помилован.

Судья — в отличие от знаменитой киплингской кошки — не гуляет сам по себе. Он — элемент, частица районной «элиты». Впрочем, в те времена слово это считалось почти ругательным. Был партийно-хозяйственный актив района. А центральным светилом, вокруг которого вращались все и всё, являлся райком партии и его аппарат.

С райкомом у меня сложились хорошие отношения. Там, за редкими исключениями, работали толковые люди, знавшие район вдоль и поперек. Никто в мои дела не вмешивался, рекомендаций и советов мне не давали. 15 октября на 27-й районной партийной конференции я был избран кандидатом в члены РК КПСС. Вел отнюдь не отшельнический образ жизни. Много и с интересом ездил по району,

читал лекции, выступал на встречах с избирателями, разбирался в каких-то склоках районного масштаба. И скоро это стал «мой» район, где меня все знали и я всех знал.

Все течет, все меняется. Через год я уже вырос до члена РК КПСС. В октябре 1954 года первый секретарь райкома Константин Александрович Панцырев предложил перейти в райком — заведующим партийной библиотекой (он же — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации). Я согласился. Через несколько месяцев стал заведовать указанным отделом. Отдел, естественно, ведал всем, что относилось к партийному просвещению, к утверждению советской идеологии. Плюс — «курировал» образование, здравоохранение, культуру и спорт в районе.

Работать было интересно. Носился по району, встречался с десятками достойных людей, выступал на партийных собраниях, вникал в добычу нефти и заготовку «кубиков», помогал школам и больницам... В конце концов партийное руководство на «низовом» уровне, на уровне конкретных дел и задач сводилось к тому, чтобы что-то или кому-то стало лучше. Вместе с неизбежным крахом КПСС рухнула и вся система партийных органов и партийного руководства. Место диктатуры партии заняла диктатура чиновников. И, по моим наблюдениям, «трудящимся» стало хуже, они стали беззащитнее. Выход — формирование гражданского общества...

Во время работы в райкоме я поступил в Ленинградский заочный политехнический институт. На радиотехнический факультет. Стал жертвой партийной пропаганды. Тогда было модно говорить о том, что технический прогресс требует хорошей технической подготовки партийных работников. От моды отставать не хотелось, и я оказался в ЛЗПИ. Учился с удовольствием. С особенным удовольствием два раза в год (в мае и ноябре, если память не изменяет) ездил на сессии в Ленинград. Проучился три курса. Все экзамены сдавал на пятерки, а по начертательной геометрии имел твердую двойку: не хватало пространственного воображения. Поступив в аспирантуру философского факультета МГУ, хотел перевестись из ЛЗПИ на мехмат МГУ. Но академик Колмогоров А. Н., который был деканом мехмата, не уважил...

Познакомившись с заочным образованием изнутри, я стал многого бояться. А что, если мост, по которому я еду, или лифт, в котором я

поднимаюсь, или машина, за рулем которой я сижу, сделаны инженерами-заочниками? Мы ищем какие-то глубинные, чуть ли не мистические причины техногенных катастроф. А может быть, все гораздо проще — заочная тройка, она ведь не только в Африке, но и в России даже и не тройка вовсе...

Была еще одна хрущевская «мода»: каждый руководитель должен уметь водить машину. Собрали все начальство, распределили по группам и поехали. В кабинете изучали матчасть. А ездили в поле на травке. Довольно быстро эта мода выдохлась. Но с тех пор запомнил, что есть карбюратор... Машину все-таки освоил, но через сорок лет. Разъезжаю на «Оке»...

Накануне 30-й районной партийной конференции до меня стали доходить слухи, что ряд коммунистов намерены предложить мою кандидатуру на пост третьего секретаря РК КПСС. Но я знал, что у крайкома есть другая кандидатура. Да и потом, очень уж хлопотное это дело — секретарь райкома. И хотя я не страдал комплексом неполноценности, все же казалось, что опыта не хватает. Только что перевалил через 25-летие.

Просил энтузиастов не устраивать представление. Но нефтяники народ упрямый. Выдвинули. Пришлось мне два раза давать самоотвод. Потом почти до утра шумели на тему внутрипартийной демократии.

Здесь, в Хадыженске, меня застал XX съезд партии. Доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был разослан во все райкомы и зачитывался на открытых партийных собраниях. Мне тоже пришлось читать этот доклад в нескольких организациях. К чему-то я был внутренне готов. Но трагедия оказалась масштабнее. И не все осознавалось сразу. Мы тогда еще не понимали, что этот съезд перепахал не только историю нашей страны, но и историю всего коммунистического движения. Мы еще не понимали, какие открылись бездны бесчеловечности, злодейства, цинизма и лицемерия. Но и то, что было понятно, заставляло людей плакать.

В начале 1956 года судьба сделала неожиданный зигзаг.

При райкоме действовала вечерняя партийная школа, где я вел «курс» «Внешняя политика СССР». Одной из студенток была жена судьи второго участка Михаила Митюшина. Но в этот вечер из Краснодара приехали какие-то гастролеры, и занятия были отменены. Жена, не обнаружив мужа дома, явилась в здание суда. А там,

используя дарованную райкомом паузу, Михаил находился с дамой. На глазах у изумленной публики дама выпрыгнула в окно. Скандал. На следующий день дама (кажется, она работала в сберкассе) наглоталась каких-то таблеток. Даму откачали. А Митюшин погорел.

На бюро Краснодарского крайкома наш райком ругали за неправильное использование кадров: зачем Бовина, специалиста с высшим образованием, выдернули из суда... Решили вернуть Бовина.

Возникла финансовая проблема. Базовый оклад судьи, как я уже упоминал, был 880 рублей. Но поскольку это выборная должность, то судья, если до выборов он получал больше этой суммы, сохраняет свой прошлый оклад. Если бы меня избирали с райкомовской должности, я бы получал 950 рублей. Однако в райкоме решили компенсировать мне моральный ущерб и тут же назначили меня заместителем по кадрам директора Хадыженского леспромхоза с окладом 1400 рублей.

Дальше — демократия по известной схеме. 11 марта 1956 года я становлюсь народным судьей второго участка.

На этот раз здание было поаккуратнее. Типовой финский домик. «Команда» состояла из семи симпатичных существ женского пола в возрасте от 17 до 25 лет. Нагрузка на мою нервную систему... Но все относительно. Девочка Майя, которой 17, в ответ на мое замечание о сонном виде стала рассказывать о вчерашних танцах, которые кончились поздно. И о парне, который ее приглашал все время.

— Ничего парень, вежливый, только очень старый, ну, как вы!

Коллектив оказался дружным. Особенно сплачивали поездки в совхоз «Заря № 2». Нас вооружали серпами. И мы убирали хлеб. Потом веселились на природе.

Все шло своим чередом. Но стал скучать. Томление духа началось. Что-то назревало внутри.

Ради точности: стало назревать еще в райкоме. Написал письмо на философский факультет МГУ, просил сообщить условия приема в заочную аспирантуру. В декабре 1955 года получил ответ: надо сдать экзамены и выдержать конкурс. Почему собрался на философский? Уже забыл ход тогдашних мыслей. В общем, хотелось, несмотря на жизненную круговерть, научиться думать, размышлять, смотреть на себя и всю эту круговерть с философской высоты.

Никому, кроме жены, ничего не сказал, взял очередной отпуск и отправился. По дороге в Москву проезжал Ростов. Поезд стоял минут

тридцать. Мама с папой приехали. Дождь был проливной. Отец втолковывал мне, что зря я все это затеял: там небось все схвачено, своих много, не пропустят со стороны... Но не смог сбить меня с пути.

Бег с препятствиями начался сразу. На факультете отказались принять у меня документы, ссылаясь на отсутствие философского образования. Но я уже не был мальчиком из Горького. Прорвался в отдел науки МГК и потребовал вмешаться и навести порядок. Поскольку нигде в документах нет никакого ограничения, связанного с образованием.

После примерно недельного перезвона документы взяли. Долго изучали мой реферат (он был посвящен горячей тогда теме: «XX съезд КПСС и теория социалистической революции»). Допустили к экзаменам.

Первой шла история КПСС. В билете был вопрос о XI съезде РСДРП. Ну, думаю, повезло. На память цитирую Ленина: палка была выгнута в эту сторону, чтобы ее выпрямить, надо выгнуть в другую сторону.

— Ленин так не говорил, — возражает председатель комиссии.

— Нет, говорил, — нахально настаиваю я.

Председатель просит принести соответствующий том сочинений Ленина.

— В собрании сочинений этого нет, — замечаю я, — надо обратиться к стенограмме съезда.

Обратились. Палку нашли. Мне поставили «отлично». Хотя могли ведь рассердиться и завалить...

Следующий экзамен — собственно философия, диалектический и исторический материализм. Тут я был подкован прилично. И в университете и после читал немногочисленные тогда книги по философии, следил за журналом «Вопросы философии». Тоже — «отлично».

На следующий день меня пригласили в деканат и предложили переписать заявление — с заочной аспирантуры на очную. Это была уже крутая ломка жизни. Позвонил в Хадыженск Норе. Так, мол, и так. «В Москву!» — сказала жена.

Предстоял еще экзамен по английскому языку. А накануне, 30 сентября, — Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. Поскольку у одного из моих дядьев, Александра Ивановича Борисова, жена была

Вера, а дочери — Надежда и Любовь, все московские родичи собирались у них. Гвоздем программы было ведро соленых грибов.

Мы с братом Сашей и братом Жорой недобрали и решили продолжить праздник в «Балчуге». Продолжили. Но природу обмануть нельзя: чем лучше вечером, тем хуже утром. На экзамен я ехал с Ленинских гор в настроении препохабном. Дыхну, думал, на преподавательниц, а им плохо станет... Но свое «отлично» кое-как заработал.

Вернулся в Хадыженск. Приступил к работе. Молчу. Долго тянется октябрь. Наконец получаю выписку из приказа ректора МГУ № 691 от 18 октября 1956 года о зачислении в аспирантуру. Иду к Панцыреву. Полный скандал с матом и топаньем ногами. Мне неловко, так как понимаю, что причиняю человеку лишние беспокойства. Но в смысле мата я спокоен, поскольку моя позиция неуязвима. Не отпустить не могут. Вместо себя предлагаю временно одного из народных заседателей — И. А. Поповича.

31 октября направляю председателю Краснодарского краевого суда заявление об увольнении.

«Были сборы недолги...»

9 ноября сажусь в поезд на станции Хадыженская. Нора — до прояснения бытовых условий в Москве — возвращается в Ростов.

Москва. Еще один университет

Философский факультет (деканат и аудитории) в ту пору находился в одном из старых университетских зданий на Моховой. Общежитие для аспирантов было на Ленинских горах. Там я и расположился. Блок на двоих состоял из двух комнат, душевой и туалета. На этаже были кухня, телефоны, гостиная с телевизором. В цокольном этаже — вполне приличная столовая. Есть и «профессорская» столовая, вход свободный, вкуснее, но дороже. Кстати. Аспирантская стипендия — 780 рублей. Или, если работал, платят предыдущий оклад, но не больше 1000 рублей.

Первое впечатление — какая-то пугающая тишина, пугающая ненужность. В Хадыженске я был включен в систему, в структуру. Был кому-то нужен. А теперь — все тихо. Очень тихо. Есть план семинаров. Дальше — полная самостоятельность. Можно пойти в библиотеку, можно — в пивную. В принципе я выбрал библиотеку, но не гнушался и пивной.

Упомянутая выше пугающая тишина касалась моей личной жизни, моей, так сказать, не востребованности. В жизни общественной все было наоборот. Сонное спокойствие провинции сменилось ураганными ветрами, которые дули в столице.

Университет бурлил. Причина и повод — события в Венгрии. Подавление войсками Советского Союза «венгерской контрреволюции».

Напомню. Восстание в Будапеште началось 23 октября. Венгры протестовали против просталинского режима Ракоши, против господствовавших тогда форм строительства социализма, организации общественной жизни, которые были скопированы с советских образцов, требовали демократизации жизни. Квалифицировав происходящее как контрреволюцию, президиум ЦК КПСС дал указание Особому корпусу силой подавить восстание. Что и было сделано. Последний удар — 4 ноября.

Бурные события аналогичного плана происходили и в Варшаве. Но там обошлись без танков и крови.

Университетский барометр фиксировал бурю. Каждый вечер — самостоятельные собрания и митинги. Венгры и поляки — в истерике.

Принимаются и посылаются всякие письма и обращения. Парткомы в растерянности, события выходят из-под контроля.

Буквально на второй или на третий день появления в общежитии я оказался на одном из таких собраний. На нашем, «философском», этаже. Это там, в Хадыженске, выступая с докладами о XX съезде КПСС, я ходил в демократах и либералах. Здесь все переменялось. Я не был готов к такому накалу демократических, антисталинистских настроений. Меня не пугал радикализм лозунгов и требований (московские студенты на десять лет опередили «великого кормчего» и его призыв: «Бить по штабам!»). Тут было другое. Мне представлялось, что критика Сталина и сталинизма слишком размашиста, слишком безоглядна, что ли. Во всяком случае, социализм, партия имели для меня самостоятельное значение, не сводимое к сталинистским извращениям. Не мог я безоговорочно принять и критику Советского Союза, нашей политики в «странах народной демократии». И я ринулся в бой. Несколько раз выступал. Под улюлюканье и всяческие выкрики аудитории. А потом до утра пили в какой-нибудь комнате и выясняли отношения.

Нарвался и на небольшие неприятности. Мой пыл добровольного защитника советской власти был замечен спецтоварищами. Пригласили, побеседовали. Уважительно так: взрослые, все понимающие люди толкуют о недостойном поведении молодежи. И попросили по их рекомендациям побывать и выступить на сходках других факультетов. Я отказался. Они все-таки пару раз ко мне приходили. Но буря постепенно утихла, и меня оставили в покое.

Другая буря (но баллами поменьше) была вызвана столкновением мнений вокруг романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым...». Роман публиковался в «Новом мире» осенью 1956 года. Так что его первую половину я освоил еще в Хадыженске. Тема: конфликт между изобретателем и бюрократией. Метод: критический реализм. Интеллигенция приветствовала. Начальство, привыкшее к реализму социалистическому, гневало: очернение, искажение и т. п.

В моих бумагах сохранилась типичная для тех дней статья некоей Н. Крючковой («Известия», 2 декабря). Вывод рецензента: «Творческая неудача, постигшая В. Дудинцева, не является случайной. Она коренится в неумении правильно понять и „изобразить“, — как говорит М. Горький, — скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их

значительности, полноте и ясности...“, в неумении определить место того или иного явления в действительности. Вот почему в романе В. Дудинцева правда отдельного факта, вырванного из единой цепи явлений, на общем фоне нашей жизни оборачивается полуправдой, а то и ложью.

В этом главный идейно-художественный недостаток романа „Не хлебом единым...“.

Тревогу за творческую судьбу писателя внушает возникший вокруг романа нездоровый ажиотаж. На обсуждении в Доме литераторов, например, роман расхваливали за „злободневность“, за „остроту темы“ и умалчивали о значительных идейно-художественных просчетах автора».

«Нездоровый ажиотаж» в университете доходил почти до рукопашной. Парткомы лили масло на бушующие волны. Студенты не успокаивались. Предлагали выдвинуть роман на Сталинскую премию. Интеллигенция приветствовала. Студенты митинговали. Я тоже приветствовал. И митинговал. Но молча.

Пять лет в Ростовском университете приучили меня достаточно (а может, недостаточно) скептически относиться к официальным идеологическим одеяниям. Три года в Хадыженске, где я был вписан в систему реальной власти, по-видимому, укрепили конформистские тылы. В Московском университете эти тылы стали постепенно разрушаться. Я эволюционировал в сторону диссидентства. Но, будучи слишком рано приближенным к власти, до диссидентства не дошел. Закрепился на позициях фрондерства.

Под фрондой я понимаю в данном контексте инициированное XX съездом КПСС критическое отношение к власти, к ее политике, не затрагивающее принципиальных основ этой политики, основ нашего строя. И не только отношение. Артисты, художники, музыканты, литераторы, ученые пытались утвердить свое право на творческий поиск, на творческую свободу. Общая настроенность — возвращение к Ленину. Имена-символы: Ефремов, Шатров, Евтушенко, Вознесенский, Неизвестный. Конец 50-х — начало 60-х годов можно обозначить как время Фронды, время давления на власть. Власть сумела устоять и даже на время ту же закрутить гайки. Но первые, пусть робкие, ростки перестройки взошли. Или, если перейти на язык физики, начала

накапливаться критическая масса, которая всего лишь через четверть века разнесет самый мощный тоталитарный режим XX века.

Крупные принципиальные вопросы общественного развития решались по вечерам. Днем же надо было прежде всего определиться с темой диссертации. У меня было намерение заняться особенностями строительства социализма в Югославии. Общие подходы к этой теме обозначились во вступительном реферате.

Реферат начинался на полном серьезе: «Наука только тогда может называться наукой, когда она не цепляется за старые, привычные формулы и выводы, а непрерывно идет вперед, развиваясь, обогащаясь, отбрасывая отжившие, хотя и освященные традициями и авторитетами, положения. В противном случае неизбежен застой, окостенение, превращение науки в собрание догм, в катехизис, когда вера в определенные утверждения заменяет и снимает необходимость творческого мышления. Если физика ставит вопрос о неисчерпаемости электрона, то с не меньшим правом социология может говорить о неисчерпаемости человеческого общества, о богатстве форм его развития, о непрерывном прогрессе его экономической и социальной структуры».

Нахально для 25 лет, но многообещающе.

К сожалению, кафедра возражала. Тема, говорили мне, слишком опасно близка к политической конъюнктуре. Кто-нибудь не так чихнет, и все придется переделывать. Я готов был рискнуть. Но был остановлен.

Предложение кафедры: «Проблема абстракций в семантической философии». Тут уж я заартачился. Во-первых, я совершенно не в курсе предлагаемой темы. Во-вторых, я недостаточно хорошо знаю английский язык, чтобы быстро разобраться в семантической философии, избегая при этом потерь важных смысловых нюансов. В-третьих, мне это просто неинтересно. Кафедра согласилась.

Возникла томительная пауза. На помощь пришел его величество случай.

В начале декабря на факультете с докладом «Новейшее развитие физики требует отказа от ряда философских предрассудков» выступил профессор Эрнст Кольман^[4]. Это была неординарная, чрезвычайно интересная личность. Математик и философ. Родился (1892) и учился в Праге. После Октябрьской революции жил и работал в СССР. Вступил

в ВКП(б). Три с половиной года отсидел на Лубянке. Протестовал против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Эмигрировал в Швецию. Из Стокгольма написал письмо Брежневу, где сообщил, что выходит из КПСС, членом которой был пятьдесят восемь лет. Скончался в 1979 году.

Доклад Кольмана вызвал смятение среди профессуры философского факультета. Он был слишком радикален и покушался на любимые философские игрушки. Он называл «философскими предрассудками» то, без чего казался немыслимым диалектический материализм. Поэтому критическая реакция стала выходить за рамки науки и приближаться к инвективам партийно-политического характера.

Мне доклад понравился. Он заставлял думать. Однако предлагаемая докладчиком сцепка философии и физики не показалась мне убедительной. Я выступил. Подводя итог дискуссии, Кольман, в частности, сказал (привожу по памяти): «Со многими аргументами Бовина я согласен, только не понимаю, почему он оборачивает их против меня; по-моему, мы говорим об одном и том же, но по-разному расставляем акценты».

Услышав это, я даже как-то растерялся: то ли он не понял меня, то ли я — его. Чтобы четче расставить эти самые акценты, я взял свои заметки и соорудил нечто под украденным у Энгельса заглавием: «Анти-Кольман». Это был мой первый и последний «самиздат». Попался он и на глаза кафедрального начальства. Мне настойчиво советовали заняться философией естествознания. После недолгих колебаний я согласился.

Текст моего сочинения сохранился. Чтобы не очень сильно травмировать читателя, я опускаю аргументы от физики. Но философии не избежать. Итак.

АНТИ-КОЛЬМАН

О перевороте, произведенном в философии проф. Э. Кольманом

***Опыт популярного опровержения философских заблуждений
доктора философских наук и профессора математики Э. Кольмана,
произведенный нахальным и самонадеянным аспирантом
философского факультета А. Бовиным.***

В процессе обсуждения доклада проф. Кольмана «Новейшее развитие физики требует отказа от ряда философских предрассудков» было высказано мнение, что доклад этот есть «проявление кризиса буржуазного естествознания». Это мнение принадлежит т. Казаринову. Я не могу согласиться с такой оценкой доклада. Она вносит некоторые нежелательные нотки в нашу дискуссию. Правда, эта оценка доклада переводит дискуссию на широкую, привычную, накатанную уже дорогу. Но, к сожалению, эта дорога не всегда ведет к истине.

Мне кажется, что обсуждаемый доклад есть не проявление кризиса буржуазного естествознания, а проявление тех затруднений, с которыми сталкиваются и наши физики и наши философы при анализе данных современных естественных наук и в первую очередь — физики. Доклад есть попытка найти решение ряда интересных вопросов. Вопросы поставлены прямо и резко. Без философских закруглений. А только такая резкая — «в лоб» — постановка вопросов способствует их решению.

И то, что доклад заставляет думать, заставляет еще и еще раз пристально всматриваться в то, что стало привычным, аксиоматическим, — уже одно это ценно (независимо от того, правильны или неправильны выводы и рассуждения проф. Кольмана).

Анализ доклада требует, прежде всего, тщательного разбора всех аргументов докладчика по той или иной проблеме. И в первую очередь — разбора тех фактов естествознания, которые лежат в основе философских выводов. Ссылки на Гегеля здесь не помогут.

А так как подобный анализ требует много времени, то я ограничусь только двумя, максимум тремя вопросами и попытаюсь доказать, что философские выводы проф. Кольмана по этим вопросам ошибочны.

Перехожу к делу.

Рассмотрим вопрос о взаимодействии и причинности. <...> Проф. Кольман утверждает, что теория относительности несовместима с признанием универсальной причинности. Если бы это было так, то можно было бы только пожалеть теорию относительности. Но, к счастью, такой альтернативы не существует, и я постараюсь доказать ошибочность взглядов докладчика по этому вопросу.

Мне кажется, что проф. Кольман неправильно представляет себе содержание философского положения об универсальной причинной связи. В его изложении получается, что универсальность причинной связи заключается в том, что любое событие может быть причиной любого другого. Между тем даже самые отъявленные вульгаризаторы никогда ничего подобного не говорили.

Универсальный характер причинности в нашей философии заключается в том, что в мире нет не обусловленных, беспричинных событий, что любая вещь, любое событие, любой процесс без малейшего исключения имеют свои причины. И в признании этого философского вывода состоит признание универсальности, всеобщности причинной связи.

Не подрывается ли этот принцип универсальной причинности наличием квазисовременных событий? Ни в коем случае. Ибо каждое из квазисовременных событий имеет свою причину, обусловлено целой цепью других событий.

Таким образом, альтернатива, поставленная в докладе, не имеет места в действительности. Теория относительности не только не опровергает универсальной причинности, но, наоборот, подтверждает этот принцип, давая целый ряд новых, глубоких закономерностей развития.

Далее. В докладе приводится положение Ленина о том, что причинность, каузальность есть лишь «частица» всеобщей, универсальной связи и взаимодействия явлений. По мысли автора доклада, это положение должно подкрепить его концепцию об отсутствии универсальной причинности. Но так понимать Ленина нельзя. Взаимоотношение причинности и взаимодействия заключается в том, что универсальная причинность есть лишь сторона, момент, «частица» универсального же взаимодействия. Я беру кусок угля и кладу его в печь. Уголь горит.

Ясно, что между углем и кислородом происходит взаимодействие. Ясно также, что это взаимодействие не имеет причинно-следственного характера.

Универсальность взаимодействия заключается в том, что в мире нет изолированных явлений, что любое событие, и квазиодновременное в том числе, тысячами нитей связано с рядом других событий. И это не опровергается, а подтверждается теорией относительности.

В данном разделе доклада содержится еще одно утверждение, с которым нельзя согласиться. С точки зрения докладчика, макрокаузальность отвлекается от случайности. В микромире же каузальность включает в себя случайность...

Мне кажется, что такая постановка дела запутывает ясный вопрос и напоминает бесконечную и бесплодную дискуссию среди юристов о причинно-случайных и причинно-необходимых связях. Только юристы не ссылались на квантовую механику.

Не подлежит никакому сомнению, что причинные связи в каждой области бытия проявляются по-разному, имеют — в зависимости от характера тех или иных процессов — разное содержание. Курица снесла яйцо. Философ написал книгу. И здесь причина, и там причина, но каждый раз причина осуществляется по-разному.

Вопрос же о необходимых и случайных связях не определяет характера причинной связи как таковой. И необходимые, и случайные процессы причинно обусловлены в равной степени. Это относится к макро- и к микромиру. А то, что мы иногда не знаем содержания этой обусловленности, а иногда не хотим ее знать, — это уже другое дело.

Нет ни чистой необходимости, ни чистой случайности. Необходимый процесс всегда сопровождается бесчисленным множеством случайных событий. Случайное событие всегда есть частица, сторона, момент, проявление какого-то необходимого процесса.

Не механическая причинность отвлекается от случайности, а формулы наши могут не учитывать эту случайность, ибо процесс определен точно.

Не квантовая причинность включает в себя момент случайности, а формулы наши включают в себя момент вероятности как существенный момент. И это означает не что иное, как тот предел, до которого мы дошли в познании причинных связей.

Причинная же связь как таковая не зависит от того, о макро- или микропроцессах идет речь. В этой связи введение понятий макрокаузальность и микрокаузальность представляется излишним, ибо эти понятия говорят об одном и том же.

Теперь подведем итоги. Проф. Кольман прав, когда он указывает на наличие класса явлений, принципиально не могущих физически взаимодействовать друг с другом. В этом, то есть физическом, смысле слова требуется уточнить бытующее в философской литературе выражение о том, что «всякая вещь связана со всякой». Но проф. Кольман глубоко заблуждается, когда он этот частный физический факт возводит в ряд философского постулата и приходит к выводу об отсутствии универсальной причинной связи. Необоснованным представляется и деление причинной зависимости на макрокаузальность и микрокаузальность.

2

Второй вопрос — это вопрос о познаваемости мира. Основной вывод докладчика таков: «Со всей ответственностью следует заявить, что признание отдельных классов явлений природы не просто временно непознанными, а принципиально непознаваемыми при помощи экспериментов и наблюдений никакого отношения к агностицизму не имеет».

Отвлечемся пока от агностицизма и посмотрим на позитивную позицию докладчика. Вопрос поставлен предельно ясно: в природе имеются отдельные классы явлений, которые или по своей природе, или по природе органов чувств человека принципиально не могут быть познаны.

Проф. Кольман указывает четыре класса таких «принципиально непознаваемых вещей».

1. Прошлые состояния систем, так как классическая термодинамика установила необратимость физико-химических процессов. Сюда же относится и прошлое исторических событий, ибо время необратимо.

2. Системы, находящиеся в крайнем удалении, так как согласно теории относительности скорость света ограничена, и мы о состоянии

этих систем никогда ничего не узнаем.

3. Определенные состояния микросистем, так как квантовая механика установила принцип неопределенности.

4. В четвертый класс, означающий явления, для познания которых не приспособлены органы чувств человека, пока попадает один муравей, субъективную сторону ощущений которого нам познать не дано.

Как видите, в подтверждение тезиса о том, что существуют принципиально непознаваемые вещи, привлечен солидный научный аппарат — тут и термодинамика, и теория относительности, и квантовая механика. Один только муравей остается без серьезной научной защиты. Но если присмотреться внимательно ко всем этим «классам», то оказывается, что проф. Кольман из пушек стреляет по воробьям. И вот почему.

Никто, я думаю, не будет спорить с тем, что история человечества, увы, конечна. Также никто не будет спорить и с тем, что развитие материи есть бесконечный процесс, бесконечное многообразие, бесконечное изменение. И человечество, мыслящий дух, вернее, мыслящая материя не есть венец творения, а лишь бесконечно малая частица мирового процесса. И в силу этого очевидно, что человечество не сможет познать все и вся. Это ясно и без термодинамики и теории относительности.

Далее. Исходным пунктом, основой всякого процесса познания является какой-то минимум эмпирических, чувственных данных. Это одинаково относится и к кулинарии, и к математике, хотя в последней, конечно, связь с эмпирией иногда бывает трудно уловить. В силу этого для познания любой вещи или процесса надо получить от них этот минимум данных. А если его нет, то нет и процесса познания. Именно к этому сводится и невозможность познания прошлого, и невозможность познания далекого, и невозможность познания «внутреннего мира» муравья. Но опять-таки, ни теория относительности, ни термодинамика здесь ни при чем.

Энгельс давно сказал, что «мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях, насколько эти условия позволяют». И к этому сводятся по крайней мере три класса из четырех, указанных выше. И тут можно было бы не спорить, а просто удивиться тому, зачем

понадобился докладчику столь мощный научный аппарат для обоснования ясных и даже тривиальных положений.

Но спорить, к сожалению, придется. Спорить придется потому, что проф. Кольман настаивает на том, чтобы назвать все эти вещи принципиально непознаваемыми, чтобы ввести в философию термин «принципиально непознаваемая вещь». И здесь спор не только о словах, а о существе дела.

Наша гносеология подходит к вещам не с абстрактных позиций вечности, а с точки зрения способности человека к познанию, с точки зрения и в рамках познающего человечества. И только такой подход является правильным. В рамках такого подхода представляется бесспорной неограниченная способность человечества к познанию объективного мира. И именно эта способность имеется в виду, когда говорится, что в мире нет непознаваемых вещей, а есть вещи еще не познанные. Вводить в нашу гносеологию категорию «принципиально непознаваемая вещь» так же неправильно, как вводить в нее категорию «вечных истин». Хотя и то и другое существует в действительности, но в философии это ничего, кроме общих мест, не даст и дать не может...

...Проф. Кольман, кроме того, что он говорит о «принципиально непознаваемых вещах», вводит понятие «принципиально неразрешимые вопросы».

В качестве примера докладчик дает три таких вопроса:

1. Нельзя однозначно решить систему n уравнений с $n+1$ неизвестными.
2. Нельзя построить алгоритм для решения любого класса математических задач.
3. Нельзя указать верхнюю границу логических процессов, переложимых на счетно-решающие устройства.

Количество таких вопросов может быть увеличено.

То, что эти вопросы неразрешимы, не подлежит сомнению. Но суть дела в том, что здесь, собственно, нет вопросов. Здесь есть, напротив, определенные и четкие ответы, свидетельствующие не о слабости, а о силе познания.

Если мы утверждаем, что нельзя дать алгоритм для решения любого класса математических задач, то мы не ставим вопрос. Вопрос уже решен. Он решен долгой и кропотливой работой математиков, начиная с Эвклида, который в «Началах» дал алгоритм (правда, в

геометрической форме) для нахождения наибольшего общего делителя, и кончая, допустим, Марковым.

Проф. Кольману лучше, чем любому из присутствующих здесь, известно, что в истории математики каждое такое установление «факта невозможности», начиная с установления факта несоизмеримости отрезков, было крупной победой математической мысли. Это же относится и к другим областям науки.

Это не неразрешимые, а именно разрешенные вопросы...

3

И, наконец, последний вопрос — о диалектическом материализме и конечности мира в пространстве.

Товарищи, выступавшие по этому вопросу, начинали с естественно-научной стороны и доказывали бесконечность мира. Мне кажется, что такой подход в данном случае не совсем правилен. Проф. Кольман вовсе не доказывает ни того, что мир конечен, ни того, что он бесконечен. Его мысль иная. Он так ее формулирует: «...с чисто логической стороны допущение о пространственной конечности мира столь же совместимо с материализмом, как и допущение о пространственной бесконечности мира».

Таким образом, проблема ставится в чисто логической плоскости. Доказывается, что с чисто логической стороны суждение «мир материален» совместимо как с суждением «мир конечен», так и с суждением «мир бесконечен».

Так ставит вопрос проф. Кольман, и именно с такой, чисто логической постановкой вопроса я не могу согласиться, не могу признать ее правильной.

Логика имеет свои пределы. Ни одно из этих суждений не может быть доказано чисто логическими приемами. Так же, как логически нельзя доказать существование Бога, так нельзя логически доказать ни существования материи, ни ее конечности или бесконечности. В рамках формальной логики это, если угодно, «принципиально недоказуемые суждения». <...>

Указанные выше суждения недоказуемы логическими приемами. Они слишком общи для логики, и поэтому доказательства лежат за

пределами логики, лежат в естествознании.

Очевидность указанных выше положений становится совершенно явной, если мы, например, сравним такие суждения: «мир материален» и «мир непознаваем». Логически их совместимость или несовместимость не может быть доказана. Если кто-нибудь сомневается в этом, может попробовать.

Таким образом, мне кажется, что та логическая форма, которая принята в докладе проф. Кольмана для решения данного вопроса, является непригодной для дела, и постановка этого вопроса в логической форме неправомерна.

Теперь посмотрим, как решает докладчик поставленную задачу по существу. Задача решена очень просто. Проф. Кольман берет два возражения против возможности признания мира конечным, разбивает эти возражения, а поскольку иных возражений нет, то делается известный уже вывод о «логической совместимости». Алгоритм, как видите, несложный.

В о з р а ж е н и е 1. Если мир конечен, то он ограничен; если мир ограничен, то он во что-то вмещен; если мир во что-то вмещен, то материя ограничена чем-то нематериальным. Это даже не философское возражение, а недоумение обыкновенного, обыденного, как говорят иногда философы, сознания — если мир конечен, то что же находится за этим «концом», что лежит за пределами, за границами мира?

Но для математика это наивный вопрос. Конечность мира не предполагает его ограниченность, говорит проф. Кольман. Это «наглядно» показывают («по аналогии») конечные и замкнутые, но вовсе не ограниченные многообразия одного и двух измерений. Давайте последуем совету докладчика и попробуем «наглядно» убедиться в конечности мира по математическим моделям этой конечности.

Возьмем одномерное замкнутое многообразие. Примером его является окружность.

Что здесь характерно? Что определяет окружность как одномерное многообразие? То, что каждая точка окружности есть ее внутренняя точка или, как говорят математики, каждая точка является гомеоморфным образом интервала. Следовательно, данное многообразие является конечным, замкнутым, но не ограниченным, ибо оно ни с чем, кроме себя, не граничит.

Здесь может последовать вопрос: но ведь линия ограничена, так сказать, «с боков». Математик этот вопрос отвергнет и скажет: так как по условию это — одномерное многообразие, то не может быть и речи о «боках», их не существует, ибо это уже второе измерение.

Такова первая аналогия, которая должна «наглядно» убедить нас в конечности мира.

Примерами двумерного многообразия могут являться или поверхность обыкновенного бублика («тор»), или сфера, или поверхность цирковой гири («сфера с n ручками»). Здесь также каждая точка поверхности есть ее внутренняя точка (гомеоморфная внутренности круга). Поэтому здесь нет границ, хотя многообразие конечно и замкнуто.

<...> На мой взгляд, всякая попытка от образа трехмерного конечного и неограниченного многообразия умозаключать к конечности реального, физического, а не математического пространства есть глубоко ошибочная вещь. И именно «наглядные» аналогии проф. Кольмана свидетельствуют об этом. Они показывают, что любое исследование математических многообразий не решает вопрос о конечности или бесконечности мира. Мы действительно можем дать математическую модель конечного трехмерного мира и утверждать, что эта модель неограниченна. Но эта модель не исчерпывает и не может исчерпать свойств реального пространства. Больше того, я осмелюсь утверждать, что признание конечности не математического, а реального, физического пространства, несомненно, ведет к признанию его физической ограниченности, реальной ограниченности в реальном мире, а не в мире математических абстракций.

Я глубоко уважаю математику. Это, бесспорно, доказательная вещь. Это даже красивая вещь. Но позвольте мне напомнить слова Энгельса: «...если только мы привыкнем приписывать корню квадратному из минус единицы или четвертому измерению какую-либо реальность вне нашей головы, то уже не имеет особенно большого значения, сделаем ли мы еще один шаг дальше, признав также и спиритический мир медиумов». И мне кажется, что все попытки, опираясь на замкнутые, но неограниченные математические многообразия, приходиться к выводу о конечности мира есть именно такой шаг.

В о з р а ж е н и е 2. Если мир конечен, то развитие ограничено.

Проф. Кольман не согласен: материя сохраняет бесконечность развития во времени и вглубь.

Проф. Кольман прав, конечно, что материя развивается бесконечно во времени. Но это не только не служит доказательством конечности мира (как, впрочем, и любое другое логическое рассуждение), но, напротив, говорит именно в пользу бесконечности мира в пространстве. Ибо с точки зрения современных физических представлений о пространстве и времени вряд ли можно признавать бесконечность времени и конечность пространства, вряд ли можно разрывать единый пространственно-временной континуум на бесконечную и конечную части.

Таковы два логических рассуждения докладчика. Они наглядно свидетельствуют как о беспомощности логики в данном вопросе, так и о бесплодности попыток дедуцировать конечность мира из математических абстракций.

Гораздо интереснее рассмотреть те естественно-научные факты, которые заставляли и по сей день заставляют многих физиков и философов ставить вопрос о конечности мира в пространстве (а зачастую и во времени).

Факты эти следующие:

1. Гравитационный парадокс. Если применить закон тяготения Ньютона ко всей бесконечной массе Вселенной (признав, что средняя плотность не равна нулю), то мы не получим определенного конечного результата.

2. Фотометрический парадокс. Если применить ко всей Вселенной законы яркости, то небо отнюдь не должно быть ночью черным.

3. Метагалактическое «красное смещение». В спектрах внегалактических туманностей линии смещены в сторону красного конца. Все попытки найти этому физическое объяснение (кроме применения продольного эффекта Доплера) не дали результатов. Остается принять, что эти туманности удаляются от нас.

Отсюда делается вывод о конечности Вселенной во времени.

4. «Тепловая смерть». Второе начало термодинамики сформулировано Клаузиусом так: «Энтропия системы или остается неизменной, или возрастает» (энтропия — мера пребывания системы в данном состоянии). Распространение этого начала на всю Вселенную с неизбежностью ведет к признанию «тепловой смерти».

5. Уравнения тяготения Эйнштейна (с введением так называемой «космологической постоянной») дают решения, применимые только к конечной Вселенной.

Таковы пять основных фактов, которые приводят к мысли о конечности мирового пространства...

Надо сказать, что и физики, и математики, и космологи приложили немало усилий, чтобы выбраться из этих противоречий, оставаясь на почве признания бесконечности мира. Этим ученым почему-то не убеждали «наглядные» аналогии с одномерными и двумерными многообразиями. Но подавляющее большинство этих попыток весьма уязвимы с физической стороны. Вот несколько примеров.

Для того чтобы уйти от гравитационного парадокса, была предложена так называемая ступенчатая структура мира. При этом допущении и при предположении, что при переходе к высшим системам плотность падает с определенной скоростью, мы получаем конечное решение уравнений тяготения. Но, как видите, здесь слишком много предположений и допущений.

Для того чтобы избежать «тепловой смерти», Больцман предложил «флуктуационную гипотезу». Он предположил, что вся Вселенная находится в равновесном состоянии, а «наша» Вселенная переживает «флуктуацию», то есть временное и местное отклонение от равновесия.

Наш физик Фридман нашел решения уравнений Эйнштейна, при которых распределение массы соответствует бесконечному пространству. Но его решения исходят из предположения об однородности и изотропии. То есть опять предположения, опять допущения...

Таким образом, можно считать, что до настоящего времени наука не дала однозначного решения всех этих «парадоксов бесконечности».

Но давайте присмотримся к логической схеме всех этих физических и космологических выводов о конечности мира. Схема эта очень проста. Первый шаг — берется какой-либо закон, установленный с полной точностью и практически подтвержденный. Второй шаг — действие этого закона распространяется или на бесконечность в пространстве, или на бесконечность во времени, или на то и другое вместе. И третий шаг — так как в данном случае выводы противоречат фактам, то получается вполне доказанный, математически

обоснованный конец мира. Так, может быть, мир действительно не бесконечен? Может быть, надо поверить всем этим «научным» данным?

Такое решение было бы слишком поспешным. Здесь встает важнейшая и интереснейшая проблема экстраполяции на бесконечность. К сожалению, докладчик только упомянул эту проблему.

Вопрос, как это уже понятно, сводится вот к чему: можно ли распространять закономерности, полученные на основании изучения «нашей» системы, «нашей» астрономической области, на всю Вселенную, то есть можно ли экстраполировать эти закономерности на бесконечность?

Проф. Кольман утверждает, что это — логическая проблема, видоизменение принципа индукции. Вряд ли это правильно. Логика тут не поможет. Речь идет не о тех или иных правилах индуктивных умозаключений, а о гораздо более сложной и многосторонней проблеме. И чем дальше и глубже проникаем мы в тайны Вселенной, тем острее встает этот вопрос. Где та грань, где та черта, за которой действуют иные закономерности, иные связи? Где та граница, переходя которую мы попадаем в тупик противоречий? И есть ли вообще эта граница?

Наука еще не дает данных для ответа на эти вопросы. Можно делать только предположения. Можно думать, например, что если действие целого ряда физических законов имеет свою нижнюю границу (то есть микромир), которую мы можем описать математически, то логично предположить и существование верхней, космической, границы. Но это пока только «натурфилософское» предположение. Во всяком случае, неприменимость ряда закономерностей к бесконечной Вселенной говорит отнюдь не о конечности Вселенной, а об ограниченности действия этих закономерностей.

И мне кажется, что философия должна ставить перед космологией не вопрос о нахождении естественно-научных данных о конечности или бесконечности мира, как это делает проф. Кольман. Наша философия должна ставить вопрос о нахождении тех пределов, которые допускают экстраполяцию «наших» закономерностей, вопрос о проникновении в иные закономерности мира, бесконечного и во времени, и в пространстве. Такой путь будет плодотворным и для естествознания, и для философии.

Таким образом, вывод проф. Кольмана о том, что признание материальности мира логически совместимо с признанием как его конечности, так и его бесконечности в пространстве, кажется мне неубедительным и основанным на незаконном перенесении свойств определенных математических абстракций на реальный физический мир. Неправомерной является и сама постановка этого вопроса в чисто логической плоскости, ибо данный вопрос неразрешим в рамках логики.

* * *

В заключение мне хотелось бы остановиться на одной детали, вернее, на одной стороне доклада. Мне кажется, что проф. Кольман несколько абсолютизирует достижения современной физики вообще и теории относительности в частности.

Я далек от мысли бросить камень в Эйнштейна. Больше того, я считаю, что теория относительности есть наиболее грандиозное научное здание, воздвигнутое за всю историю науки (я, разумеется, говорю о естественных науках). Попытка Эйнштейна создать «единую теорию поля» или, как говорил де Бройль, представить атомную структуру материи особенностями гравитационного поля, была величественна, но слишком дерзка для нашего времени, для наших знаний о мире. Это — дело будущего.

Надо признать, что и теория относительности, и квантовая механика, и многие другие теории — лишь первые попытки человечества проникнуть в глубь материи, в глубь пространства и времени. Впереди еще даже не сотни, не тысячи, а миллионы и миллионы лет развития познания. И эту перспективу всегда надо иметь в виду, чтобы не впасть в догматизм, чтобы не канонизировать данные современных наук, чтобы не спешить с обобщениями, лишёнными фактической основы.

Конечно, человеку свойственно стремление к охвату разнообразных фактов какой-то единой теорией, стремление, так сказать, к полету мысли... Тем не менее не следует торопиться с радикальными философскими выводами из данных современной физики. Наша философия впитала в себя выводы всех наук о природе и

истории, и развитие всех наук, в свою очередь, подтверждает выводы философии. Поэтому даже с методологической стороны было бы неправильно, основываясь на данных одной науки, ставить вопрос о пересмотре ряда принципиальных положений философии.

А доклад проф. Кольмана, с моей точки зрения, грешит именно этой поспешностью, некоторой скороспелостью философских выводов, известной абсолютизацией данных современной науки. Складывается впечатление, что на докладе лежит печать «модной» в настоящее время среди определенной части интеллигенции борьбы, «модной» критики предрассудков. Причем «предрассудки» понимаются весьма широко. Складывается впечатление, что эта печать моды мешает выяснению поставленных в докладе вопросов и заводит проф. Кольмана иногда слишком далеко не только от философских предрассудков, но и от диалектического материализма!

На последней странице рукописи дата: 27.12.56.

* * *

Почти через полвека удивляюсь: как хватило нахальства выступить против Кольмана?! Но хватило. Не зря мы на первых курсах юрфака пытались за идеологической оболочкой понять реальное содержание научных дискуссий. Разумеется, мои познания, как правило, имели наивно-дилетантский, поверхностный характер. Но именно это позволяло избегать излишних сомнений, колебаний, тонкостей и напрямую пробиваться к выводам, которые и сегодня представляются мне правильными.

В конце концов тема моей диссертации была сформулирована следующим образом: «Проблема бесконечности в математике, физике и космологии». Несмотря на присущую мне уверенность в своих силах и возможностях, уверенность, переходящую в самоуверенность, что-то внутри царало: вроде бы не по Сеньке шапка. Огромные проблемы требовали подготовки, которой у меня не было. А догнать поезд за три года было явно невозможно. Но вот с этим словом — «невозможно» — примириться было действительно невозможно. И я приковал себя к бесконечности.

Сначала научным руководителем у меня был проф. М. Э. Омеляновский, затем — член-корреспондент АН СССР Д. Д. Иваненко. Но мне было как-то неловко беспокоить занятых людей. Руководили мною книги. Сидел в Ленинке с открытия до закрытия. То, что когда-то называлось «красногвардейской атакой», только в данном случае не на капитал, а на науку. Попытка с налета, штурмом одолеть омуты и стремнины релятивистской космологии, физики супермикромира, канторовской теории множеств. И нарастающее подозрение, что нам, конечным существам, не дано постигнуть, понять, преодолеть бездны бесконечного, бездны, где становится бессильной наша логика, где отказывают наши чувства.

Диссертацию я не написал. Становился старше, убавлялось самоуверенности. Не хватило мужества выйти на защиту, зная, что я так мало знаю и еще меньше понимаю. А то, что я успел узнать и понять, составило статью «Бесконечность», которая появилась в первом томе «Философской энциклопедии» (М., 1961). Прохождение этого материала по редакционным инстанциям сопровождалось кипением философских и не совсем философских страстей. Но почти не испортили. В этом же томе в качестве своего рода отходов моего основного производства опубликованы статьи «Вакуум», «Вселенная», «Галактика», «Гелиоцентрическая и геоцентрическая системы мира». Со сдержанной радостью (и с остатками самоуверенности) сообщаю, что даже сегодня читать их не стыдно (мне, по крайней мере).

Поскольку с диссертацией мы разобрались, всю остальную аспирантскую жизнь можно расположить на двух полках: жизнь общественная и жизнь личная.

Общественная жизнь (по сравнению с Хадыженском) была скудна и скучна.

Очередные выборы. Председатель участковой избирательной комиссии («От коммунистической партийной организации кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова»). Задача простая: как можно быстрее отрапортовать в райком о результатах голосования. Справлялись. Сюрпризов не было.

По поручению МГК КПСС проверяю, как работают с молодежью в гостинице «Москва». Посещаю, беседую, вникаю. Молодежь, а это в

основном горничные, вполне даже ничего. Иногда, путая общественную жизнь с личной, начинал сам работать с молодежью...

Чтение лекций. Бесконечность трудящихся не волновала. Поэтому рассказывал о международном положении. Например, летом 1959 года в Липецкой области прочитал 50 таких лекций. За некоторые лекции («публичные») мне платили гонорар. И всегда кстати. Чуть было не гробанулся на мотоцикле. Но пару дней полежал на песочке под солнышком и пришел в себя. Правда, с тех пор не езжу на мотоцикле. Встречал и провожал меня по всем комсомольским правилам («живинка», «задоринка» и т. п.) секретарь Липецкого обкома ВЛКСМ Леня Мосин.

С Мосиным мне потом приходилось встречаться неоднократно, так как он дослужился до помощника Ю. В. Андропова. Любопытный народ были эти «комсомолята», всю сознательную жизнь свою проводившие в комсомольском и партийном аппаратах. Несомненно, ловкие, оборотистые, зубастые. Настоящие доктора бюрократических наук, гроссмейстеры аппарата, академики многоходовых интриг. Часто беспринципные, циничные. Готовые служить любой власти, если только эта власть готова оставлять кусочек властного пирога младшим братьям по аппаратному разуму. «Комсомолята» тосковали по сталинским порядкам. В критических, переломных ситуациях они, как правило, выступали на стороне антидемократических, консервативных сил.

Мосин был интеллигентнее многих своих друзей из комсомола. Но и он был с ног до головы повязан аппаратными табу. Представьте сценку. Январь 1964 года. Я уже у Андропова. Моя должность — «ответственный консультант отдела ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями стран социализма». Сажу в кабинете у Мосина. Он держит очень значительное лицо. Вводит меня в курс дел. Рассказывает какие-то байки. Спрашивает о том о сем. Интересуется, в частности, впечатлением, которое произвели на меня Андропов и Пономарев (заведующий «братским», то есть международным отделом). Тема интереснейшая. Пытаюсь набросать портреты обоих секретарей ЦК, сравнить их характеры, манеру общения с подчиненными, в общем — плюсы и минусы. И пока я говорю, Мосин, ну прямо на глазах, становится все важнее и важнее. И смотрит на меня как-то странно, как на больного. Потом слабым манием останавливает

мое красноречие и внушительно: «У нас не принято противопоставлять секретарей ЦК. Тебе еще простительно, а вообще — запомни!» Я запомнил. Вообще-то нас жизнь учила различать людей, понимать, что, о ком и кому можно говорить... Главное — кому нельзя говорить. Замечу, что в аппарате ЦК таких людей было меньше, чем во всяких других аппаратах. Или мне просто везло...

Вернемся на факультет. Меня избрали заместителем секретаря факультетского парткома. Секретарем был почтенный седовласый профессор. Но он появлялся редко. Мне же пришлось, существенно потеснив Ленинку в бюджете времени, почти каждый день сидеть в парткомовском кабинете. Партийная организация была большой, «оттепель» уходила в прошлое, бдительность приветствовалась, поэтому «сигналы» поступали регулярно.

На «сигналы» надо было реагировать. Это можно было делать по-разному. Входит озабоченный профессор и почти шепотом повествует:

— Иду вчера мимо «Ударника». Вижу, стоит профессор Ойзерман с букетиком цветов. Ждет кого-то. И я подождал за углом. Подошла наша студентка (фамилия была названа), Ойзерман отдал ей цветы, и они отправились в кино.

Очень хотелось выставить паскудного посетителя за дверь. Но ни-ни. Кабинет — территория официальная, и я при исполнении...

— Спасибо, — говорю бдительному профессору. — Однако дело серьезное, и, чтобы партком мог к нему серьезно отнестись, прошу вас изложить ваши наблюдения в письменном виде, подписать и сдать в партком.

Профессор вышел. Больше не возвращался. При встречах норовил незаметно прошмыгнуть мимо. Хороший, значит, человек, совесть еще не потеряна.

Некоторые, увы! — возвращались...

Личная жизнь поначалу текла довольно размеренно. Аспирантских жен в общежитии не прописывали. Поэтому пришлось действовать народными средствами. Операция элементарная. Пишу заявление, что потерял пропуск в общежитие. Получаю выговор и иду за новым пропуском. Тут самый тонкий момент. Получив новый пропуск, надо успеть, пока не засох клей, аккуратно отделить собственную фотографию. Дальше — техника. Клеится фотография «дублера». Вместо «Бовин», добавляя букву, получаем «Бовина». Вместо

«Александр» — «Александра». И т. д. Халтура, конечно. Но вохровскую охрану вполне устраивала.

К личной жизни относилось общение с мамиными братьями и сестрами и с их разросшимися семьями. Всегда можно было прийти к родному дяде или не менее родной тете и получить толику человеческого тепла, да и поесть нормально.

Сложилась компания: брат Саша (аспирант Института связи), брат Жора (тот, за которого я сдавал экзамены в техникум) и аз грешный. Мы были одногодки. Жизнь воспринимали примерно одинаково. Брат Жора отслужил во флоте и шел впереди по семейной линии: у него уже был сын Колька. Брат Саша лидировал в науке, у него была почти готова кандидатская диссертация. А я уже успел побывать на советской (судья), партийной (РК КПСС) и хозяйственной (Хадыженский ЛПХ) работе.

Нам было интересно друг с другом. Летом выступали на пленэре: энергично осваивали Подмоскovie и даже прихватывали соседние области. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют о бедности закуски: в основном банки с килькой. В осенне-зимний период кочевали по родственникам. Дождались: брат Саша получил комнату в трехкомнатной квартире (пятый этаж, без лифта). Там мы и собирались. Семей он не обзавелся, что расширяло свободу маневра. По «табельным дням» (праздники, дни рождения) компания могла расширяться за счет привлечения братьев и сестер второго круга.

Братья — типичные, как говорят, «технари». Брат Саша — интеллигентный технарь. Книжки. Театр изредка. Немного музыки. Брата Жору быт засосал. Сначала — сын, потом — дочь. Не очень здоровая жена. Больные родители. Всех надо кормить. И другой брат Саша, который я. Из совсем другого мира. Сначала — из «бесконечного», где ум за разум заходит. Потом — из очень «конечного», где требования к уму резко снижаются, но зато платят приличные деньги и дают приличные квартиры. И где информация (только для своих!) не тонет безнадежно в информационном шуме.

В общем, у нас было что рассказать друг другу. Но по мере взросления менялся антураж. Поллитра — она и есть поллитра в любой ситуации. Константа то есть. Может варьироваться количество поллитр, но их качество, — что бы ни говорили пижоны, — после определенного уровня остается постоянным. Особенно если начинать контроль после

третьей рюмки. Закуска — другое дело. Вначале был «технический холодец» (копеек двадцать за квадратный дециметр). Рядом с ним — куриная кожа и репчатый лук (ежели его порезать, ошпарить кипятком и посыпать солью, отменно получается). Рост благосостояния непосредственно и самым благотворным образом сказывался на разнообразии и качестве закуски. Каждый из нас умел и любил готовить. Изощрялись. Симфонии вкуса...

Брат Саша — единственный из всех, кого я знаю, кто так и остался на всю жизнь в той, первой своей комнате. Менялось время, менялись соседи — он оставался. Убежденный холостяк. Человек, который не хотел просить, а требовать не научился. Мы и сейчас там встречаемся. Только вдвоем и очень редко.

Брата Жору жизнь уже укатала.

С братом Сашей связан драматический эпизод в моей биографии, эпизод, который чуть было не направил мой жизненный путь в другое русло.

30 марта 1958 года брат Саша защитил кандидатскую диссертацию. Успешная защита отмечалась в ресторане «Прага». По причине перепития я после «Праги» оказался не на Ленинских горах, а на Курском вокзале. Не помню, что там стряслось. По-видимому, из защиты я перешел в нападение. Подрался, как мне рас сказывали, с милиционерами. Утром проснулся в привокзальном карцере. Днем быстрый и справедливый суд.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

31 марта 1958 года народный судья четвертого участка Бауманского района г. Москвы Никольский, рассмотрев материалы о хулиганских действиях гражданина Бовина Александра Евгеньевича, 1930 г. рождения, урож. г. Ленинграда, чл. КПСС, работающего в МГУ, аспирант, прожив. Ленгоры Б-424, установил: Бовин 30 марта 1958 года, будучи в нетрезвом виде, в помещении Курского вокзала приставал к пассажирам, сквернословил, на замечания не реагировал. В суде вину признал.

На основании указа президиума Верховного совета РСФСР от 19 декабря 1956 года „Об ответственности за мелкое хулиганство“

ПОСТАНОВИЛ:

Бовина Александра Евгеньевича подвергнуть аресту на семь (7) суток с 2 часов 30 марта 1958 года.

Постановление обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно».

Максимальное наказание для «декабристов» — 15 суток. Мне сбавили за чистосердечное раскаяние. Начало ареста исчислялось с моего водворения в карцер. То есть к концу суда я уже отсидел сутки.

Отвезли в тюрьму на Рогожскую заставу.

Согласно установленному порядку, начальник отделения милиции на Курском вокзале должен был сообщить о моем аресте в ректорат МГУ. После чего меня отчислили бы из аспирантуры. И пришлось бы начинать все сначала...

Но мир не без хороших людей. И не без хороших милиционеров. Нора уговорила начальника отделения милиции (на всю жизнь запомнил — подполковник Слюнин) не ломать жизнь надежде советской философии и не писать в МГУ. Подполковник обещал и сдержал слово.

В камере было 12 человек. Кормили хорошо. Днем работали на Курском вокзале: что-то таскали с места на место, убирали мусор. Вечерами травили баланду. Публика подобралась вполне приличная. С разным профессиональным и жизненным опытом. Интересно было слушать и даже учиться.

Вдруг — ЧП! Жена через тюремное начальство сообщает, что как раз на эту неделю назначено обсуждение моего материала (первого!) в редакции журнала «Вопросы философии». Пишу заявление на имя начальника тюрьмы с просьбой разрешить покинуть тюрьму на несколько часов. Разрешает. Нора привозит парадный костюмчик. Переодеваюсь и отправляюсь в журнал. Там все проходит хорошо. Возвращаюсь в родную камеру. Хохот и бурное обсуждение.

Освободили меня ровно через семь суток, в два часа ночи 6 апреля. О чем имею бумагу за подписью капитана Болотского. Поймал такси и скоро был дома. Выволочка от Норы не испортила настроение.

В ходе последующего разбора операции брат Саша и брат Жора меня сурово осудили. Я признал вину. Обещал исправиться. Больше не попадался.

Аспирантура столкнула меня с представителями братских стран. Очень сдружился с китайцами. Когда началась «культурная революция», их всех отозвали и всюду перевоспитывали. В местах, весьма отдаленных от Пекина. После смерти председателя Мао началась реабилитация. Началось и постепенное улучшение советско-китайских отношений. В феврале 1983 года, преодолевая сопротивление китаистов из ЦК и опираясь на поддержку Андропова, удалось пробиться в Китай. Попросил китайские власти устроить мне встречу с друзьями. Уважили. Встреча состоялась в любимом ресторане Дэн Сяопина. Когда не видишься четверть века, есть о чем поговорить...

Наиболее близкие, сердечные отношения сложились с Иржи Сухи, аспирантом из Братиславы. Было в нем что-то швейковское: ум, тихий юмор, спокойствие. И антишвейковское было: склонность к авантюрам. Любил женское общество. Поначалу язык подводил. «Понимаешь, — хохотала моя знакомая, — он меня уговаривал: „сидись длинно, сидись длинно“». Наконец разобралась: «ложись» это означало.

Где-то в городе Иржи нарвался на эффектную красотку. Страсть рвалась в ключья. Зарегистрировал брак. А она оказалась обыкновенной воровкой, которая, пользуясь доступом в общежитие МГУ, проходила по комнатам аспирантов «из Европы» (кавычки, потому что Европа Восточная). Поймали. Был суд. На Иржи смотреть было больно.

Созвонился с Ростовом и увез его к своим маме и папе. Отхаживали заботой и ростовской вкуснятиной.

Потом на месяц (это было в июне 1958 года) отправились в Сочи. Где клин выбивали другими клиньями.

Еще был трепетный роман с узбекской девушкой Дельбар Алиевой. Ее и умыкнул Иржи в качестве законной жены. Так что она влилась в ряды не ташкентских, а братиславских философов. Сына назвали Тамерлан.

Последний раз я виделся с Иржи и Делей летом 1968 года. Время было тревожное и разговор такой же.

Последний достойный упоминания фрагмент моей лично-интернациональной жизни на философском факультете МГУ связан с аспиранткой из Румынии Стелой Черня. Общались на основе бартера: я учил ее кататься на лыжах, а она меня — французскому языку. По-

моему, она получала больше удовольствия... Ее уже нет. Ранний инфаркт.

Главное событие личной жизни в аспирантуре — любовь с первого взгляда. Слова привычные, книжные, почти пустые. Наполнение тоже звучит по-книжному: как будто на полном ходу врезался в столб. Так врезался в любовь.

Лена Петровна Калиничева появилась в аспирантуре в октябре 1958 года. Философский факультет она закончила три года назад. Побывала замужем.

Увидел ее и понял, что погиб, вознесся, пропал... Попытки наступить на горло собственной песне проваливались одна за другой. Почти год жил как шизофреник — на два вектора. Нора не была в курсе моих метаний. Калиничева в курсе была, но взаимности я не встретил. Так, некоторый интерес, любопытство. От тоски никуда не денешься. Но все же пару раз сбегал в город, жил у брата Саши,пил горькую.

В один из таких дней пересекся с Александром Зиновьевым. Он пил как непризнанный лидер нового направления в логике. Сплотились. Несколько дней, вернее — ночей путешествовали по Москве, будили своих знакомых и обсуждали судьбы философии.

Летом Калиничева с какими-то физиками поехала на Белое море. А я — по контрасту — на Черное. Добрался до Ялты. Там нанялся матросом-спасателем на городской пляж. Спасал себя самого, но не спас...

Осенью что-то стало меняться. На Лену я воздействовал через ее подруг. Они втолковывали ей, какой я хороший. И это начинало действовать. Возникла некая синусоида отношений. Сегодня — улыбки, завтра — колючки.

Как и положено, стал самовыражаться в стихах.

ДЕВОЧКА И ЕЖИК

Из волшебной сказки
Ты пришла ко мне.
Как в волшебной сказке,
Не сказала «нет».

Ты была чудесной —
Нежной и простой.
Ты была как песня
В вечер золотой.

Целовал я руки,
Губы и глаза,
Даже сердца стуки
Я в руке держал.

Молча улыбалось
Тонкое лицо,
Молча замыкалось
Рук твоих кольцо...

Вдруг погасли звезды,
Вскрикнула луна,
Вздых над всем пронесся
Злого колдуна.

Что-то застонало,
Стихло в облаках.
Девочки не стало —
Ежик был в руках.

Ежик настоящий,
Грустный и колючий,
Ежик настоящий
Из лесов дремучих.

Он смотрел сердито
Уголками глаз.
Было все забыто,
Что согрело нас.

Ежик, милый ежик,
Чем тебе помочь?

Что вернуть нам сможет
Ты — из сказки — ночь?

Где найти мне ласки,
Веру и любовь,
Девочкой из сказки
Чтобы стал ты вновь?

Хочешь, поцелую
Твой холодный нос?
Хочешь, дам большую
Чашку горьких слез?

Хочешь, я жар-птицу
Для тебя стащу?
Хочешь, небылицу
В быль я превращу?

Я из сердца, хочешь,
Вырежу цветок,
Будет красным очень
Каждый лепесток.

Хочешь, среди ночи
Я развею тьму?
Хочешь, на кусочки
Разобью луну?

Хочешь, утром рано
Прямо из-за туч
Я тебе достану
Солнца яркий луч?

Хочешь, ожерелье
Сделаю из звезд?
Хочешь, птичьих трели
Я тебе принес...

Но молчит мой ежик,
Холоден и хмур.
Видно, не поможет
Ничего ему.

В сердце заколдованном
Ты и пустота.
В сердце, болью скованном,
Умерла мечта.

Слов последних искорки
Вспыхнули, звеня.
Смотрит ежик пристально,
Смотрит на меня.

Далеко меня занесло от бесконечности.

Подруга Лены Деля Алиева была в курсе моих переживаний.
Успокаивала меня, убеждала, что страдания, которые по причине
любви, облагораживают, очищают, чуть ли не осчастливливают... Я
отвечал ей бурно, темпераментно.

Не верю!
Страстей
пожар
африканских
Пусть лижет
Ваше
млеющее сердце.
На нервах
Ваших
пусть в любовном
трансе
Амур играет
трепетное
скерцо.
Пусть

Ваши слезы
 потекут ручьями,
Орошая
 чувств разбитых
 осколки,
Когда
 Вам в душу
 воткнет, играя,
Любимый Ваш
 любимые иголки.
В глазах пусть
 Ваших
 весенняя яркость
Покажется
 зимней
 заснеженностью,
Когда Вам бросят,
 как собаке
 кость,
Вымоленное слово
 нежности.
Пусть
 Ваше страдание,
 руки заламывая,
Застрянет в груди,
 кусая губы,
Когда
 из душевного хлама
 Вам
Выберут взгляд,
 обнаженный и грубый.
Пусть
 в Ваших снах
 два глаза волнующих
Горят,
 как два солнца,
 в слезах Ваших плавая.

Для них
 Вы только
 одна еще,
Одна —
 и не самая
 главная.
А впрочем,
 Вы, наверное,
 счастливая.
Вам солью,
 наверное,
 не посыпали рану.
И Вам неизвестна
 привычка
 болтливая
Выворачивать
 душу
 наизнанку.
Но, может быть, хватит
 слов наболевших?
Теперь Вы знаете
 мое мнение.
И, может быть,
 уважая чувства околевающие,
Мы с Вами
 закончим
 прения?

Стихи стихами, они где-то там, наверху... А тут, поближе и пониже, — проза. Иногда одаривала сюрпризами.

В общежитии появилась группа почтенных немцев из ФРГ. Их водили, чтобы показать, как счастливы советские студенты и аспиранты. Заглянули они в блок, где жила Лена Калиничева. Один из немцев (кажется, главный редактор журнала «Квик») сказал, что она очень похожа на его дочь, и с ходу пригласил ее в Большой театр. Приглашение было принято. В театр они сходили. Немец уехал. А вокруг Калиничевой сгустились темные тучи бдительности: как могла

советская аспирантка, член КПСС, пойти в театр с представителем империалистического государства?! Дошло дело до парткома. Не помню уж почему, но секретаря парткома не было, заседание вел я. Дрожащая Лена что-то лепечет. Члены парткома произносят разоблачительные речи. Вплоть до исключения! Но все-таки мне удалось сбить температуру. Ограничились обсуждением. Такие были нравы...

Дальше события развивались в двух плоскостях. С одной стороны, постепенно налаживались наши отношения с Леной. А с другой, поскольку после аспирантуры я оказался в «Коммунисте», — все более реальной становилась перспектива получения московского жилья. Квартирный вопрос, вспомним Булгакова, внес ожесточение в ситуацию.

Нора настаивала на том, чтобы быть прописанной в комнате, которую я получу. Я колебался, боясь в конечном счете остаться без комнаты. Действуя вполне в духе тех времен, Нора нанесла визит главному редактору «Коммуниста» Константинову. Мне было стыдно, и я переступил через колебания.

Пожалуй, это был самый муторный период моей «личной жизни». Противно вспоминать. А иногда — и стыдно. С тех пор железно: не меняйте жен, меняйте любовниц!

Чтобы не разбивать перестройку семейной жизни, пришлось нарушить хронологию. Вернемся в университет.

В последние месяцы аспирантуры бесконечность перестала меня интересовать. Завихрения эмоций не оставляли места для абстракций. Между тем срок аспирантуры подходил к концу.

26 ноября 1959 года я получил «предупреждение» от директора Дома студентов МГУ. Мне предлагали в трехдневный срок освободить общежитие.

При помощи всякого рода уловок «освобождение» растянулось на три месяца. Вовсю занимался трудоустройством. За Москву я не цеплялся. Наметился такой вариант. Выпускник философского факультета работал в горкоме партии одного из закрытых городов Урала. Он собирался поступить в аспирантуру, а мне предложил поехать на его место — заведовать лекторским бюро горкома. Честно сказал, что там быстро лысеют. Зато зарплата в три раза больше. Волос

у меня тогда было много. Зарплата и дело, с которым я был хорошо знаком, перетянули. Согласился податься на Урал.

Документы были отправлены на Урал.

Но тут вмешались плетущие нить моей судьбы мойры (они же — парки). И на факультете, и в Энциклопедии мне приходилось встречаться с сотрудниками журнала «Коммунист» — самого главного тогда, самого руководящего и направляющего журнала в партии, а значит, и в стране. Иногда делались туманные намеки по поводу возможности пойти работать в «Коммунист». Но тумана было слишком много, и я не воспринимал такие разговоры всерьез.

Всерьез дело пошло, когда за него взялся Анатолий Павлович Бутенко, к тому времени перешедший с факультета в журнал и работавший там заместителем редактора отдела философии. Он энергично живописал мне преимущества работы в «Коммунисте». Представил меня редактору отдела философии Х. Н. Момджяну.

Посоветовался с братьями (поскольку не исключалась возможность прописаться у одного из них), поговорил с Леной. И решил вернуться с Урала в Москву.

24 февраля 1960 года я был назначен научным консультантом отдела философии редакции журнала «Коммунист».

Так кончилась моя первая молодость (1930–1959) и началась вторая.

Вторая молодость

1959–1972

Вторая молодость — главный, решающий период моей жизни. Я оказался на орбитах, проходящих в опасной близости от власти, от самой высшей, верховной у нас власти — политбюро ЦК КПСС и генерального секретаря партии.

На обычных вершинах люди гибнут от недостатка кислорода. На вершинах политических угрожает его переизбыток. Приятно щекочет нервы причастность к принятию судьбоносных решений. Всякого рода льготы заметно облегчают ярмо повседневного быта, а также делают доступнее театры, выставки, стадионы. Многих это ломало, превращало в циников, в бездумных защитников status quo, послушных исполнителей любых указаний.

Многих, но не всех. Окружавшие меня шестидесятники выдерживали, как правило, искус системой, стабильными прелестями «застоя».

Они служили, но не прислуживали...

«Коммунист» — журнал без журналистов

«Коммунист» — журнал особый и особенный. «Теоретический и политический орган ЦК КПСС». Главный среди партийных, а значит, и всех остальных журналов. Как и всякий журнал, он дает читателям некую сумму информации. Но информации особой. Ставятся и обсуждаются проблемы, которые, с точки зрения ЦК и руководства журнала, являются решающими, узловыми, требующими повышенного внимания партийного актива. Причем дается правильная, единственно возможная интерпретация этой проблемы. Сверхзадача журнала — борьба с ревизионизмом, обеспечение «чистоты» марксизма-ленинизма, решительное пресечение самостоятельных попыток «углубить», «обновить», «модернизировать» марксистско-ленинское учение. «Коммунист» выступал как своего рода камертон для настройки всех идеологических инструментов в Советском Союзе. А учитывая традиции Коминтерна, и во всем международном коммунистическом движении.

Существенное уточнение. Необходимость творческого развития марксизма, разумеется, признавалась и приветствовалась. Но только в строго установленном порядке: сверху вниз. Предполагалось, что творческий потенциал прямо пропорционален должностному положению. Соответственно, верховным творцом выступал генеральный секретарь, за ним шли члены политбюро и секретари ЦК КПСС. На более низких этажах партийной иерархии, в научных учреждениях полагалось ограничиваться творческими комментариями к руководящим цитатам.

XX съезд КПСС поколебал было сложившуюся систему банно-прачечного отношения к марксизму-ленинизму, делающую упор на соблюдение его «чистоты». Пользуясь растерянностью партийных верхов, заговорили «низы». Особенно громко — в братских партиях и странах.

Однако идеологическая «оттепель» была недолгой. Когда я появился в журнале, температура окружающей идеологической среды заметно понизилась. И все-таки «точка возврата» была пройдена. Вернуться к привычной «чистоте» было уже невозможно. Это сказывалось и на работе журнала. С одной стороны, он боролся с

ревизионизмом. Но с другой — был вынужден опираться на людей, которые, хотя и не были ревизионистами во всем почти преступном значении этого слова, тем не менее были открыты для новых веяний, для понимания новых подходов и задач.

Заведовал отделом философии Хачик Нишанович Момджян. Еще довоенное поколение. Чрезвычайно галантный, умный, эрудированный человек. Насчет «чистоты» у него явно было свое мнение. Но, прошедший суровую школу жизни, он умел делать это мнение незаметным.

Момджяна сменил Георгий Лукич Смирнов. Человек из аппарата, но не совсем аппаратный человек. Здравый смысл вместо эрудиции. Умение ладить и с начальством, и с подчиненными.

Со Смирновым связан эпизод, вошедший в фольклор «Коммуниста». На моем рабочем столе нет ни книг, ни бумаг, вообще — ничего. Когда пишу — лист, на котором пишу, и книга, с которой списываю. Когда думаю, стол чист.

— Что вы делаете? — спросил Смирнов, увидев меня за пустым столом (он был только что назначен в «Коммунист» и еще не знал привычек своих сотрудников).

— Думаю.

— Нет, что вы конкретно собираетесь делать?

— Конкретно я собираюсь пойти в туалет, — ответил я и вышел из кабинета...

Моим непосредственным шефом был уже упоминавшийся Анатолий Павлович Бутенко. Фронтвик. Главный в журнале борец против ревизионизма. Но без тупости, обычно присущей таким борцам. Человек, не боящийся говорить «нет!» начальству и отстаивать свою позицию. Пожалуй, лидер нашего «молодокоммунистического братства»^[5]. Многие наши сходы происходили в его гостеприимной квартире под гастрономическим руководством Марины Хевеши — скрытой венгерской ревизионистки (по совместительству — тогдашняя жена Бутенко).

Моими коллегами (сиречь консультантами) были Наиль Бариевич Биккенин — человек тончайшего юмора и хорошего философского чутья, успевший дорасти до главного редактора журнала и сохранить его, преобразовав в «Свободную мысль»; Генрих Федорович Хрустов — почти вундеркинд, почти не от мира сего, погубивший свой

искрящийся талант в длинных коридорах МГИМО; Виктор Николаевич Фокин — прекрасный редактор, порядочный человек, придумавший фоктейль (так называлась любимая им смесь пива и портвейна).

Отдел философии вместе с отделом международной жизни образовывали, так сказать, либерально-демократический фланг редакции. XX съезд оставался нашим знаменем, нашим символом веры. На консервативном фланге были отдел искусства и литературы и отдел партийной жизни, дрейфовавшие в сторону умеренного сталинизма. Где-то ближе к левому центру пульсировал отдел экономики. Деление, конечно, условное, грубое. Но оно показывает тот водораздел (или — мыслераздел), вдоль которого накапливалось напряжение. Оно ухватывает главное: уже тогда начинались процессы, приведшие к перестройке, развалу партии и краху социализма.

Тогда, почти полвека назад, мы не думали об этом. Молодость — это тактика, стратегия начинается гораздо позже. Мы, я имею в виду уже упоминавшихся «младокоммунистов», работали весело, с удовольствием. Были в курсе самиздатовских и тамиздатовских новинок. Спорили до хрипоты. Довольно часто учиняли всякие неофициальные сборища с музыкой, танцами, хохмами.

Что же касается собственно работы в журнале, то она заключалась прежде всего в подготовке к печати, редактировании статей, написанных важными авторами. Большинство из них присылало в редакцию примитивные, грубо сколоченные помощниками материалы. Но тема была нужна, автор был на высоте. Приходилось дотягивать.

Строго говоря, это не была обычная журналистская работа (поэтому я и говорю: «журнал без журналистов»). Это было редактирование (вплоть до переписывания) текстов, требующее знаний в самых разных областях. Так что приходилось зарываться в специальную литературу или консультироваться у профессионалов. Не жалею. Лишних знаний не бывает.

У меня сохранилась верстка статьи академика П. Юдина «Закономерный характер перехода от социализма к коммунизму». От автора осталось примерно 30 процентов текста, остальное принадлежит редактору. Приложена собственноручная записка академика: «Дорогой товарищ Бовин! Вы проделали очень большую и хорошую работу. Приношу вам благодарность. С приветом П. Юдин». Но не все благодарили. Иногда даже жаловались на слишком вольное обращение

с текстом. Но другого «обращения» быть не могло: совесть не позволяла пропускать на страницы журнала безграмотные и претенциозные полуфабрикаты.

Можно было печатать в журнале и собственные статьи. Не больше двух в год. Я не выбрал свою квоту. За четыре года опубликовал четыре статьи. Первая из них («Наука и мировоззрение») появилась в № 5 за 1960 год. На этом мое пребывание в «Коммунисте» чуть было не кончилось. Обошлось, однако (см. ниже)...

Одним из главных показателей, по которым оценивалась работа сотрудников, служило количество подготовленных к печати материалов. Согласно сохранившейся у меня справке, за четыре года я отредактировал 74 авторские статьи и написал 9 редакционных. Только Бутенко неизменно шел впереди меня.

Много времени отнимала работа с письмами. Надо было отвечать по существу. Приведу три примера.

Читатель Бутков просит разъяснить слова проф. Кольмана о «пространственной конечности» Вселенной. Отвечаю:

«Говоря о том, что Вселенная пространственно конечна, проф. Кольман имеет в виду довольно широко распространенный (особенно среди буржуазных ученых) взгляд, будто Вселенная может быть конечной, оставаясь в то же время безграничной. Подобный взгляд базируется на проводимом в математике различии между понятиями бесконечность и безграничность. В силу этого различия в математике рассматриваются и изучаются конечные, но неограниченные (безграничные) многообразия.

Однако далеко не все математические представления имеют непосредственные прообразы в реальном мире, в физическом многообразии явлений. Если под Вселенной понимать „мир в целом“, то есть всю Природу, то следует, видимо, прийти к выводу, что для мира в целом различие пространственной бесконечности и пространственной неограниченности теряет смысл».

Проф. Ростовского университета Малхазов просит сообщить, собирается ли журнал продолжить бой за презумпцию невиновности. Отвечаю, что уже опубликованный материал «вызвал массу писем, звонков к нам и в ЦК. Реакция двоякая. Одни — их большинство, но не подавляющее — горячо поддерживают позицию журнала. Другие не менее горячо протестуют. И та и другая сторона представлены

крупными именами. Ввиду такого положения по указанию ЦК была создана комиссия из пяти человек на министерском уровне. После довольно долгих переговоров и согласований из недр этой комиссии вышел документ, удивляющий своей противоречивостью. С одной стороны, на нескольких страницах поддерживается критика в адрес К. А. Мокичева^[6]. Но с другой — сказано, что презумпция невиновности не будет понятна народу, ибо как же так получается (спросит народ), людей арестовывают, сажают в тюрьму и в то же время не считают их виновными. Аргументация, как видите, „блестящая“!

У нас было желание выступить по этому вопросу еще раз, более обстоятельно и категорично. Однако ЦК считает, что сейчас в этом нет необходимости. С таким решением можно не соглашаться, но его надо выполнять.

Так обстоят дела с презумпцией невиновности».

Иван Иванович Малхазов учил меня в университете. Хорошо учил. Поэтому мой ответ вышел за рамки служебной дисциплины.

И ответ читателю Ломакину:

«Вопрос о природе времени решается не ссылками на те или иные высказывания авторитетных философов или физиков, а обобщением экспериментальных и наблюдательных данных.

О чем говорят эти данные? Многочисленными экспериментами установлено, что свет распространяется с одной и той же скоростью относительно систем, движущихся прямолинейно и равномерно относительно друг друга. Это обстоятельство может вызвать недоумение, оно не укладывается в привычные представления, но тем не менее ученый не может с ним не считаться, не может не сделать из него всех необходимых выводов.

Таким выводом и явилась специальная теория относительности А. Эйнштейна. Если Лоренц вывел свои известные соотношения *ad hoc*, то Эйнштейн пошел гораздо дальше. Для него постоянство скорости света было объективным законом природы, независимым от эксперимента свойством материального мира. А раз это так, то преобразования Лоренца выводятся не из специальных предположений, а из общих представлений о пространстве и времени.

Таким образом, изменение представлений о природе времени и пространства вызывалось не субъективными устремлениями

Эйнштейна, а данными эксперимента, логикой развития науки.

В принципе не исключена возможность, что дальнейшее развитие физики приведет к появлению более общих концепций, чем теория относительности. Возможно, это приведет и к дальнейшему углублению нашего понятия о времени. Пока же этого нет, все попытки „опровергнуть“ теорию относительности не выйдут за рамки бесплодных спекуляций».

Мне нравилось отвечать на письма. Каждый ответ — маленькая, малюсенькая монография. Оттачивался, делался более лаконичным язык. Приводились в порядок мысли. Расширялся кругозор.

В общем, с работой все шло «штатно»: осваивал искусство редактирования, учился в текст прятать подтекст, вникал во все более широкий круг проблем, обрастал друзьями, хорошими знакомыми. Сложности концентрировались вне работы: надо было приводить в порядок семейные дела и обзаводиться жильем.

В феврале 1960 года мы разъехались с Норой. Стал снимать комнату (за 50 руб. в месяц) в доме Большого театра около сада Эрмитаж (столько же платил за комнату Норы). Жил без прописки.

При поступлении в «Коммунист» мне дали исчерпывающие разъяснения по квартирному вопросу. Если бы ты, сказали мне, поступал на работу в аппарат ЦК, прописку и квартиру получил бы автоматом. У нас другой статус, и все сложнее. Не с квартирой, тут можно не беспокоиться, а с пропиской, поскольку Управление делами ЦК за тебя хлопотать не станет. Редакция постарается помочь, но наши возможности ограничены. Короче. Будет прописка — будет квартира. Действуй!

Как действовать, я не знал. Советы давались разные. Время шло. Активные действия начались в январе 1961 года. Привожу письмо начальнику 51-го отделения милиции города Москвы тов. Сурикову П. П.

«В октябре 1959 года на основании распоряжения Министерства высшего образования СССР и постановления редакционной коллегии теоретического и политического органа ЦК КПСС „Коммунист“ тов. Бовин А. Е. был назначен консультантом отдела философии журнала „Коммунист“.

До работы в нашем журнале тов. Бовин А. Е. обучался в аспирантуре Московского университета и жил в Доме студентов МГУ

на Ленинских горах, где и был прописан. В настоящее время тов. Бовин А. Е. живет на частной квартире.

В связи с вышеизложенным просим Вас дать указание прописать тов. Бовина А. Е. временно (4–6 месяцев) на площади его двоюродного брата Борисова Александра Ивановича (адрес: Москва, 1-я Парковая ул., д. № 7-А, корп. 2, кв. 33).

Дополнительно сообщаем, что в ближайшее время тов. Бовин А. Е. получает жилплощадь в домах Управления делами ЦК КПСС».

Письмо подписано помощником главного редактора журнала «Коммунист» Ж. Федотовой.

В результате я был прописан на полтора месяца (с 1 февраля по 15 марта 1961 года) «с последующим отказом». Последние слова означали, что мне заранее отказывали в просьбе продлить временную прописку.

Однако в Управлении делами нам разъяснили, что в бумагах, предоставляемых для получения квартиры, прописка не должна сопровождаться словом «временная». Практически задача сводилась к тому, чтобы получить в домоуправлении справку о прописке без упоминания о том, что прописка эта временная. Сейчас эта задача была бы решена, видимо, при помощи элементарной взятки. Но тогда такое решение и в голову не приходило.

Задача решалась в психологическом плане. Был изготовлен специальный бланк справки о временной прописке, к которому был приложен официальный бланк о прописке, нужный Управлению делами. Замысел был прост: подписав особую справку о временной прописке, домуправ не обратит внимания на то, что в другой справке слово «временная» отсутствует. Так и произошло. Управление делами ЦК КПСС получило то, что было нужно.

20 апреля 1961 года я получил ордер на право занятия одной комнаты площадью 15,36 кв. м, в квартире № 7 дома № 5 по Воробьевскому шоссе.

Светлая радость была отравлена почти шекспировскими страстями по поводу прописки Норы. Насмотревшись в свое время пьес Островского, я колебался и сомневался. Стыдно сейчас об этом вспоминать, но так было. В конце концов она была прописана.

13 октября мы с Норой развелись. 11 ноября расписались с Леной. Поскольку Нора авансом дала бумагу, что она не возражает против

прописки Л. П. Калиничевой, то прописаны были обе. Случай, думаю, не такой уж редкий.

В этой комнате проходили гулянья, посвященные рождению в феврале 1963 года Евгении Александровны Бовиной. От тех дней сохранилась любопытная бумага.

«Директору-распорядителю универмага „Детский мир“

Общественные организации редакции журнала „Коммунист“ просят Вашей помощи в приобретении подарка. В связи с рождением ребенка у сотрудника журнала местком журнала „Коммунист“ просит разрешить приобрести в Вашем универмаге детскую кровать (или коляску) и ванночку.

Зав. редакцией (Ж. Федотова)».

Это к вопросу о дефиците. Теперь даже трудно поверить, что нужно было писать письмо, чтобы купить консультанту «Коммуниста» ванночку или коляску. А ведь до сих пор многие с тоской оглядываются назад...

И совсем о другом вопросе — о гуляньях. Собирались мы охотно и по всяким поводам. Чаще всего — дни рождения (в диапазоне от 25 до 40) плюс — новоселья. В ресторанах было накладно, набивались в наши малогабаритные квартиры и комнаты. Закусывали, конечно, и пили. С удовольствием. Любили танцевать. Начинали петь Окуджаву. Иногда выясняли отношения. Всегда бурно обсуждали слухи и сплетни, которые тогда еще не тиражировались телевидением и газетами. Устраивали нечто вроде капустников. Сочиняли друг на друга всяческие «саржи».

В апреле 1963 года было новоселье у Толи Бутенко. По этому поводу я сотворил нечто под названием «Советские поэты — советскому философу». В предисловии говорилось:

Этот небольшой поэтический сборник посвящен одному из интереснейших событий нашего времени. Мы имеем в виду предоставление отдельной трехкомнатной квартиры со всеми

удобствами кандидату философских наук, доценту, заместителю редактора отдела философии журнала «Коммунист» Анатолию Павловичу Бутенко.

Естественно, что советская поэзия — этот чуткий сейсмограф нашей социальной жизни — не могла не зарегистрировать столь заметного сдвига в общественных отношениях. Повышение удельного веса философии, наглядно демонстрируемое предоставлением отдельной трехкомнатной квартиры со всеми удобствами кандидату философских наук, доценту, заместителю редактора отдела философии журнала «Коммунист» Анатолию Павловичу Бутенко, сказалось на содержании публикуемых стихотворений. Они представляют собой лучшие образцы философской лирики, диалектически сочетающей яркую образность с глубиной и широтой обобщений.

Придирчивый критик, бесспорно, обратит внимание на то, что сам факт предоставления отдельной трехкомнатной квартиры со всеми удобствами кандидату философских наук, доценту, заместителю редактора отдела философии журнала «Коммунист» Анатолию Павловичу Бутенко находит непосредственное отражение в образно-смысловом строе далеко не всех стихотворений. Советская поэзия (как и все искусство социалистического реализма) не гипостазирует факт, не превращает его в абсолют, а именно отталкивается от факта. Для поэзии факт служит своего рода космодромом, откуда взлетает вверх фейерверк идей и раздумий, оставляя внизу стартовую площадку фактов.

Кандидат философских наук, доцент, заместитель редактора отдела философии журнала «Коммунист» Анатолий Павлович Бутенко, предоставление которому отдельной трехкомнатной квартиры со всеми удобствами отмечает ныне общественность, учит, а жизнь подтверждает, что важны не общие контуры того или иного явления или процесса, не общие их очертания, а конкретика, детали, живое мясо живой жизни. Поэтому ограничимся вышесказанным и предоставим слово Белле Ахмадулиной, Анне Ахматовой, Агнии Барто, Андрею Вознесенскому, Николаю Грибачеву и Евгению Евтушенко.

Белла Ахмадулина:

Мы все новоселы
в душе друг у друга.
В сердца и эпохи

мы входим без стука.
Мы все новоселы
из душных подвалов,
Где вера слепая
нас долго держала.
Мы все новоселы.
К чему ордера?
Планета в ремонте.
Вселяться пора.

Анна Ахматова:

Бездушный гул наполнил холл,
Приник к распятому торшеру.
Омыв взлелеянную веру,
Ром вспыхнул янтарями смол.

Блестел, как зеркало, паркет.
Благоухали душно травы.
И трепет сладостной отравы
Вздымал волной прозрачный бред.

Но вдруг — взмах рук. Паденье. Стон.
Костей дробящихся аккорды.
И сквозь биение аорты
Чуть слышный погребальный звон.

Агния Барто:

Хорошо живется птичкам:
Носят в клюве веточки,
Гнезда вьют, кладут яички
И выводят деточек.

По-иному у людишек:
Сперва выведут детишек,

А затем бегут в местком
В очередь за гнездышком.

Персональных гнезд немного.
Раздают их очень строго.
Потому-то новоселье —
Это праздник и веселье.

Рады уточки и гуси,
Поют хором курочки,
Пляшут Толя и Маруся
Гопак-мазурочки.

Андрей Вознесенский:

Космос
исхлестан
ракет оперением.
В тридцать лет
трамбуем
триста.

От старого мира остались:
Америка
и мебель в редакции «Коммуниста».

Мысль беспокойная
бьет тараном.

Хрустят под ногами
осколки «измов».

То, что сегодня кажется
странным,

завтра станет
плоским трюизмом.

Время срезает нравы на конус.
Лица отцов — треугольные груши.

Дети — ферменты,
внуки — тонус,

правнуки — мира бессмертные души.

Николай Грибачев:

Акулы капитала
Рыдают день и ночь;
Догматики-шакалы
Бегут в испуге прочь;
Ревизионисты
Дрожат, как в бурю лист;
Слезу идеалисты
Роняют прямо вниз.

Напрасны все рыданья.
Спасенья гадам нет —
А. П. Бутенко дали
Отдельный кабинет.

На полках — Маркс и Ленин,
Бутенко — за столом.
Без отдыха и лени
Работает челом.

Достойный сын Отчизны,
Пьет молоко и бром.
Разит врагов марксизма
Отточенным пером.

Евгений Евтушенко:

Футуризм в искусстве —
persona non grata,
Белый хлеб для кретинов и критиков.
Пусть обедаются —
тоже радость,
А я займусь футуризмом

в политике.
Футуризм в политике —
это не хохма,
Не «левая» поэтическая химера.
Это «завтра»
как принцип и догма,
Как прошлого и нынешнего мера.
«Завтра» — самое популярное слово.
Завтрак для того, у кого
нет ужина.
«Завтра!» — снова, снова и снова
Сверкает прославленное оружие.
Светлое завтра...
Светлые дали...
Об этом писали,
читали,
мечтали.
Одно не совсем принималось в расчет —
Не завтрашний ангел,
а нынешний черт.

* * *

Вот так мы развлекались. Играли словами. На кухне, как сейчас принято говорить. Но не только на кухне. «Оттепель», хотя и была подморожена, продолжалась. Поэтический авангард демократии собирал тысячные аудитории — от площади Маяковского до Политехнического музея и от Владивостока до Ленинграда. Люди не могли заниматься политикой, политикой стали заниматься стихи. Политикой стали заниматься театры. Властителем умов был «Современник». Выходила звезда Окуджавы. Мы жили этой жизнью. Мы были погружены в эту атмосферу. Ток эпохи проходил и через нас.

Большой шум вызвала моя первая, заявочная, так сказать, статья «Наука и мировоззрение» (1960, № 5). Не зря, оказывается, в 1948 году ростовские студенты изучали материалы сессии ВАСХНИЛ. Наконец

пригодилось. Признав, что классическая генетика в ее менделевско-моргановском варианте была пропитана метафизикой и идеализмом, я продолжал: «Однако в самом представлении о материальном „механизме“ наследственности нет ни идеализма, ни метафизики. Обнаружение и исследование биофизических и биохимических закономерностей, связанных с этим механизмом, представляют важнейшую задачу науки, решение которой откроет безграничные возможности управления процессом органической эволюции и может выдвинуть биологию на ведущее место в системе наук. Какими бы методами ни решалась эта задача, она остается не философской, а естественно-научной, и решение ее должно опираться в первую очередь на эксперимент, а не на философскую аргументацию».

Номер «Коммуниста» с моей статьей вышел в начале марта. А 17 апреля газета ЦК КПСС «Сельская жизнь» поместила статью академика Т. Д. Лысенко «Мичуринское учение — на службу народу». Академик, естественно, отчитывал меня и отрицал наличие «материального механизма наследственности».

Сложилась парадоксальная ситуация, которую можно проиллюстрировать письмом в «Коммунист», написанным двумя, несомненно, мичуринскими биологами. Цитирую:

«В „Коммунисте“ № 5 за этот год напечатана статья А. Бовина „Наука и мировоззрение“, где он пишет, что „в самом представлении о материальном „механизме“ наследственности нет ни идеализма, ни метафизики“. Иными словами, те генетики, которые утверждают существование обособленного от тела специального аппарата наследственности, по мнению автора, являются такими же материалистами, как и сторонники мичуринской генетики. В первом номере „Сельской жизни“ Т. Д. Лысенко ответил А. Бовину. Мы полностью согласны с Т. Д. Лысенко с тем, что мичуринская биологическая наука — единственное направление в генетике, которое сознательно руководствуется идеями материалистической диалектики.

Нас смущает другое: почему в различных печатных органах ЦК КПСС в одно и то же время так бесстрастно

публикуют две противоположные и непримиримые точки зрения. Не является ли это невольным объективизмом?

Вопрос этот у нас возник потому, что, работая в реферативном журнале „Биология“, мы постоянно сталкиваемся с работами ученых материалистического и идеалистического направлений. Журнал наш критиковали за неправильную теоретическую направленность („Агробиология“, 2, за 1960 г.). Появление статьи А. Бовина в вашем журнале в какой-то степени усложнило работу по исправлению идеологической линии РЖ „Биология“.

Просим ответить, является ли статья Бовина случайно пропущенной в печать, или „Коммунист“ полностью согласен с автором.

Коммунисты: Галенко Ж. Г. — канд. биологических наук

Ассафрей И. И. — ученый-зоотехник».

Ответ, отправленный в августе 1960 года, звучал так:

«Уважаемые гг. Галенко и Ассафрей!

Редакция журнала „Коммунист“ получила ваше письмо, в котором вы указываете, что в газете „Сельская жизнь“ и в журнале „Коммунист“ появились статьи, выражающие различные точки зрения по ряду вопросов биологии.

Это естественно: наука не может развиваться без борьбы мнений.

В связи с этим разъясняем, что то место в статье А. Бовина, о котором вы пишете, выражает мнение автора статьи по ряду спорных проблем биологической науки.

Зам. редактора отдела философии А. Бутенко».

Между вопросом и ответом прошло примерно четыре месяца. Четыре месяца нервозности, тревожений, разыгрывания различных ходов и комбинаций, призванных вывести меня из-под удара

официальной, поддерживаемой в ЦК, лысенковщины. Все думающие люди в редакции были на моей стороне. Но редакция как институт, как партийный орган была вынуждена играть по установленным правилам идеологической игры. Состоялось специальное заседание редколлегии. Момджян вежливо отмежевался. Бутенко дрался, как лев. Кончилось малой кровью: Бутенко получил выговор (занятная деталь из нравов тех лет: перед редколлегией отвечает не автор статьи, а ее редактор)^[7]. Что же касается моей персоны, то рассказывают, что чуть ли не по личной просьбе Константинова группа «атомных» академиков (физиков и химиков) обратилась в ЦК с посланием, в котором защищала меня от «народного» академика. Не знаю, было ли так. Но меня оставили в покое.

В моей заявочной статье был еще один тезис, который вызвал всплеск дискуссии. Но уже менее идеологизированной, более приближенной к собственно науке. Речь шла о книге ленинградского астронома Н. А. Козырева «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении» (Пулково, 1958). Это был научный бестселлер тех лет. Тираж был мизерный. Чтобы взять книгу, я приезжал в Ленинку за три часа до начала ее работы.

Козырев доказывал, что ход времени может служить источником энергии. Это был (если бы был) переворот не только в физике, в научной картине мира вообще. Выиграла околонучная публицистика. «Теория Козырева „убивает“ энтропию и „опрокидывает“ второй закон термодинамики», — писала в «Литературке» (3 ноября 1959 года) Мариэтта Шагинян.

Но переворота не случилось. «Новая теория времени» Козырева оказалась в гербарии физических пустоцветов. Эксперименты, насколько мне известно, не подтвердили ее. Однако в конце XX века волны обрушивавшегося на человечество цунами иррационализма, ломая привычный рационализм науки, вынесли на берег не одно «величайшее», «гениальное» открытие. Среди них оказалась и теория Козырева.

За Козырева активно вступились некоторые физики, особенно молодые. Ко мне, например, пришла делегация таких физиков. Они обещали в течение года экспериментально доказать правоту Козырева, то есть заставить время производить работу. Даже пари заключили. Но физики исчезли. Видимо, время отказалось играть с ними в поддавки.

Возможно, существуют другие вселенные, где имеют место другие константы и исполняются другие, неизвестные нам и нашей Вселенной законы физики. Но размышления на эту тему имеют чисто умозрительный характер...

Работая в «Коммунисте», приходилось систематически сталкиваться с сотрудниками аппарата ЦК КПСС, принимать участие в подготовке различных документов, выполнять те или иные поручения. В моих контактах в то время значительное место еще занимала юридическая тематика.

После XX съезда партии началась трудная, встречавшая сопротивление работа по демократизации советской юриспруденции и в первую очередь — уголовного процесса. «Коммунист» занимал здесь довольно последовательную и активную позицию. В частности, острой критике подверглась книга проф. В. П. Радькова «Социалистическая законность в советском уголовном процессе» (Коммунист. 1960. № 15). Радьков, ощущая поддержку чиновной юридической «элиты», сопротивлялся. И был подвергнут второй раз (1961, № 4). И снова при сочувственном молчании юридической периодики.

В мае 1961 года главный редактор «Коммуниста» Ф. В. Константинов направляет развернутое послание в ЦК КПСС. В нем писалось, что по таким принципиальным вопросам, как установление истины по уголовным делам, состязательность, презумпция невиновности, в правовой литературе продолжают отстаивать позиции, характерные для времен культа личности и нарушения законности. Константинов испрашивал разрешение выступить с редакционной статьей по затронутым вопросам.

Разрешили. Статья была написана. Однако ее тональность (если память меня не подводит) отличалась от первоначальных намерений редакции. Статья не столько критиковала консерваторов в юриспруденции (но все-таки критиковала), сколько сдерживала напор демократических требований, с которыми выступали многие юристы новой, послесталинской волны.

Нахально решил открыть «второй фронт». Позвонил в «Известия» (тогда еще аджубеевские!). Отделом права и морали там заведовал Константин Иванович Севриков, его заместителем был Юрий Васильевич Феофанов. Поняли друг друга. Договорились. 8 февраля 1962 года в газете появилась моя статья «Истина в правосудии». Я

доказывал, что приговор не может основываться на «приблизительной» достоверности, на вероятности, даже максимальной. Суд обязан добираться до точно установленных фактов, до правды, истины, иначе приговор не может быть справедливым, законным. Вопреки распространенному среди юристов-практиков мнению, что процессуальные гарантии мешают борьбе с преступностью, я настаивал на строжайшем выполнении указанных гарантий, которые как раз и гарантируют демократизм, законность, справедливость правосудия, то есть в конечном счете его эффективность.

Поток писем показал, что статья попала в точку. Голоса сторонников «правосудия» по Вышинскому были еще слышны. Но большинство читателей рассматривали неуважение к закону, процессуальным нормам, правам человека как одно из самых опасных последствий культа личности. 24 мая был опубликован обзор откликов: «Еще раз об истине в правосудии». Так началось мое сотрудничество с «Известиями», которое длилось почти четыре десятка лет. Со своими «крестными» (Севриковым и Феофановым) подружились. Раз или два в году собирались на «юридические мальчишники». Обычно к нам присоединялись М. С. Строгович, И. Д. Перлов и П. Ф. Пашкевич. Вариант «кухонных разговоров» на юридические темы. Но с пользой для дела: прорабатывались, пристреливались идеи, которые потом появлялись в нашей продукции.

С известинскими материалами связан такой забавный эпизод. Получаю приглашение к какому-то чину из административного отдела ЦК. Иду. Попадаю в кабинет почтенного седовласого человека. Он предлагает мне сесть и долго смотрит на меня. Потом интересуется моим возрастом. «Тридцать два скоро будет», — отвечаю. «Читайте!» — и протягивает мне несколько писем. Читаю. Гневная критика в мой адрес. Один из главных мотивов: бессовестный этот Бовин, сам был помощником у Вышинского, готовил для него теоретические разработки, а теперь изображает из себя демократа, разоблачает Вышинского и вокруг... Недолгие расчеты показали, что, находясь в возрасте 6–8 лет и даже будучи вундеркиндом, я вряд ли мог быть полезен Вышинскому. И был отпущен с миром...

Юридические диспуты 1960–1962 годов можно закруглить посланием из МГИМО главному редактору журнала «Коммунист» В. П. Степанову:

«Уважаемый Василий Павлович!

Ваш журнал выступил с критикой ошибочных положений, содержащихся в работе бывшего заведующего кафедрой государственного права Института В. П. Радькова „Социалистическая законность в советском уголовном праве“ (№ 15 за 1960 г.). После этого в редакцию поступило много писем от практических работников юстиции и ученых-юристов. Авторы всех этих коллективных и индивидуальных писем признавали правильной критику книги Радькова В. П. Один лишь Радьков В. П. направил в редакцию журнала „Коммунист“ письмо, где, не приведя ни одного нового аргумента, продолжал отстаивать свои ошибки. Журнал „Коммунист“ был вынужден (№ 4 за 1961 г.) опубликовать заметку „Так ли надо относиться к критике?“, где, критикуя поведение Радькова В. П., ставил вопрос: „Так ли должен советский ученый, коммунист относиться к научной критике?“»

С острой критикой в адрес В. П. Радькова выступила и газета «Известия».

8 февраля 1962 г. в газете «Известия» была опубликована статья А. Бовина «Истина в правосудии», где о лекциях Радькова В. П. в Институте говорилось: «Нетрудно представить, какое извращенное представление о социалистической законности, о решениях партии будут иметь студенты, слушающие такие странные рассуждения». Газета характеризовала последние работы Радькова В. П. как типичный пример псевдонауки. Эта точка зрения была вновь подтверждена газетой «Известия» 24 мая с. г. в редакционной статье «Еще раз об истине в правосудии».

«Коллектив Института международных отношений полностью разделяет и поддерживает принципиальную критику журналом „Коммунист“ и газетой „Известия“ теоретических „изысканий“ В. П. Радькова и осуждает неправильное отношение В. П. Радькова к критике.

Вместо того чтобы — как положено коммунисту и советскому ученому — самокритично пересмотреть свою работу в свете критических выступлений центральных органов печати, В. П. Радьков перенес дискуссии со своими оппонентами в студенческую аудиторию,

встал на путь клеветы и инсинуаций по адресу Института и ряда научных работников. При разборе этих фактов в партийной организации Института В. П. Радьков проявил глубокую недисциплинированность, зазнайство, барски-высокомерное отношение к партийной организации, за что ему было вынесено партийное взыскание — строгий выговор.

Недостойное поведение В. П. Радькова глубоко возмущает коллектив Института. 30 октября с. г. ученый совет Института признал В. П. Радькова не соответствующим занимаемой им должности. В. П. Радьков от работы в Институте международных отношений освобожден».

Следуют подписи: ректора (Ф. Рыженко), секретаря парткома (И. Ильинский) и председателя месткома (А. Соловьев).

По нынешним меркам в «научной дискуссии» слишком заметны административно-партийные ноты. Но тогда были другие мерки. Тогда истиной считалось лишь то, что поддерживалось «наверху». И аргументами были не только научные доказательства, но и строгие выговоры, административные рычаги вообще. Иногда, как в данном случае, такие рычаги помогали движению теории. Но чаще — «просто» служили для затыкания ртов, так сказать, инославным.

Классический пример. У Хрущева возникает идея ввести смертную казнь за ряд экономических преступлений, включая взятки. Искоренить чтобы... Для подготовки соответствующих установлений создается рабочая группа. Юридическое начальство (прокуратура, Верховный суд, Министерство юстиции, институты), и почему-то я там оказался. Командовал нами заведующий административным отделом ЦК КПСС Николай Романович Миронов (впоследствии трагически погиб при аварии нашего самолета на подлете к Белграду). Собираемся, спорим, пишем. Большинство полагает, что введение смертной казни ничего не даст. И все-таки почтенные мэтры юриспруденции подписали бумагу с «научным» обоснованием этого самого введения. Моя подпись не стояла. Очень было неудобно, однако одержал маленькую победу над чиновничьим страхом.

Позже закрутилась еще более «крутая» история. Неугомонный Хрущев настаивал на том, чтобы казнить валютчиков Рокотова и Файбишенко. Но закон не позволял. Изменили закон. Придали ему обратную силу. Казнили. Мне пришлось пару раз выступать на каких-то

ведомственных совещаниях, собиравшихся в порядке «одобрямса». Нудно выступал против. Потом где-то наткнулся на стихи:

Ах, это грозное большинство,
На которое нету управы.
Сохраняю свой статус-кво —
Одиночка ненужной державы.

Автора не знаю. Мне все же было легче: я не чувствовал себя одиночкой, да и о ненужности державы еще не додумался. Еще хотелось петь: «Нам нет преград...» Верить хотелось.

Примерно летом 1963 года начались разговоры о возможном переходе в аппарат ЦК. Искусителем выступал Ф. М. Бурлацкий, к тому времени — ответственный консультант отдела ЦК КПСС (так в открытой печати именовался отдел по связям с рабочими и коммунистическими партиями стран социализма, которым руководил Ю. В. Андропов). Расширение группы консультантов вызывалось обострением борьбы между компартиями Китая и Советского Союза, борьбы, которая более десяти лет сотрясала международное коммунистическое движение. В ходе этой борьбы, не говоря уже о теории и практике социалистической революции, затрагивались проблемы экономики и политики, истории и культуры, международных отношений. Андропов не любил пустословия и подбирал «спецов».

С китайскими сюжетами мне пришлось познакомиться еще в аспирантуре, когда китайские аспиранты и студенты (а их в МГУ были сотни) внезапно, в разгар занятий, стали возвращаться в Китай. Их отзывали, чтобы предотвратить заражение молодежи советским «ревизионизмом». От открытых споров с нами китайцы уклонялись. Но с самыми близкими друзьями удавалось уединиться и поговорить по душам. Они не понимали, что происходит, не верили в наш «ревизионизм», но не могли ослушаться своих боссов.

Работа в «Коммунисте» давала возможность по первоисточникам знакомиться с основными направлениями дискуссии, позволяла отделить пропагандистские одежды от существа дела. А существо дела сводилось к тому, что в Китае победил мелкобуржуазный, крестьянский революционаризм, с его нетерпением, склонностью к экстремизму, левачеству, культом насилия, с его нежеланием считаться с

объективными обстоятельствами. Отсюда — «большой скачок», стремление «досрочно» построить коммунизм (десять лет страданий — десять тысяч лет счастья), отсюда — курс на обострение международной обстановки, на революционную войну (полчеловечества погибнет, но погибнет и капитализм). Отсюда — критика решений XX съезда КПСС, возвеличивание Сталина.

Летом 1963 года была предпринята попытка сесть за один стол и сравнить аргументы. Встреча делегаций КПСС и КПК открылась в Москве 5 июля и была прервана 20 июля. Ни до чего не договорились.

«Коммунист» вынужден был печатать адаптированные для широкого читателя выступления советских партийных идеологов, принимавших участие во встрече с китайцами. «Адаптеры» постарались: скучнейшие тексты, зубы вязли в тягомотине «штатных» формулировок, осколки здравого смысла еле-еле пробивались сквозь толщу пропагандистского мусора.

Долгое время всякого рода индивидуальные, партизанские действия на советско-китайском идеологическом фронте были запрещены. Стреляли только залпом и только из орудий большого калибра. Когда эти ограничения были сняты, мне показалось интересным перевести на простой, всем понятный язык содержание полемики между Москвой и Пекином. В октябре 1963 года в «Новом мире» появилась моя статья «Истина против догмы». Читая статью сегодня, хорошо понимаешь, что в нашей, советской «истине» было много догматического. И тем не менее, читая статью именно сегодня, видишь, что на нашей стороне были поиск, попытки ослабить догматические путы, пробиться к действительной истине.

Выступление в «Новом мире» ускорило мою передислокацию. В конце ноября Бурлацкий привел меня к Андропову. Представительная фигура. Я робел. Принесли чай с сушками, сели за большой стол, начались интеллектуальные смотрины. Долго говорили. О чем — не помню уже. Кроме одного. Андропов спросил, какое впечатление произвели на меня «важные» редакционные статьи, напечатанные в нескольких номерах «Коммуниста». И тут меня понесло («нудные», «пустые», «схоластические» и т. д. и т. п.). Федя толкал меня под столом ногой. Андропов молчал и слушал. Удивленно-заинтересованно, как мне казалось. Потом выдал какую-то нейтральную реплику и закончил разговор.

В коридоре Федор расшумелся: ты что, сдурел, это же речи начальства... Повздохали и пошли восвояси.

Томительная неопределенность, и наконец звонок Бурлацкого: Андропов дал добро.

Четыре года в «Коммунисте» обернулись для меня большими плюсами. Во-первых, новая жена, дочь и комната 15,36 кв. м. Во-вторых, новые друзья и знакомые, публикации в «Коммунисте» и других московских изданиях. В-третьих, знакомство с довольно близкого расстояния с аппаратами и механизмами, которые обеспечивали стабильное господство партийно-государственной верхушки. Был и минус. Я ушел от занятий собственно философией, тем более философией бесконечного. Возможно, это сэкономило мое здоровье. Но, несомненно, заставило тратить слишком много ума и энергии на всякую жизненную мелочовку.

Старая площадь: мой главный университет

На Старую площадь, уже как на службу, мне надо было явиться в какой-то из понедельников в конце декабря 1963 года. Но ЦК работал на опережение. В субботу, когда я предавался тихим семейным радостям, позвонил помощник Л. И. Брежнева Андрей Михайлович Александров-Агентов. Поздравил меня с назначением в отдел и сообщил, что он договорился с Андроповым о моем первом боевом задании. Брежнев (тогда — председатель Верховного Совета СССР) собирается с визитом в Чехословакию. Готовятся речи. Время поджидает. Александров просил меня срочно заняться одной из них.

Через час фельдъегерь доставил пакет с проектом речи. Три странички. Возился с ними все воскресенье. Чтобы первый блин не был комом...

Строго говоря, это был уже второй блин. Перед XXII съездом КПСС меня вызвал главный редактор «Коммуниста» Константинов.

— Нам поручено, — сказал он, — подготовить выступление на съезде для Брежнева. Я тут надиктовал текст. Доведите, пожалуйста ста, до кондиций.

Я довел. Начался съезд. Брежнев выступил, но с другим текстом.

— Брежневу наш вариант понравился, — объяснял мне потом Константинов. — Но слишком умно, не по чину ему, Брежневу, так говорить.

Поскольку с тех пор чин Брежнева не изменился, я теперь не слишком старался по части содержания, размышлизмов. О чем шла речь, не помню. Помню только, что споры развернулись вокруг «птицы феникс». Этот свежий образ почему-то нравился Александрову...

В понедельник — на Старой площади. Длинные, гулкие коридоры. Двери с табличками ФИО. Моя уже была готова.

За дверьми сидели очень разные люди. Их можно, пожалуй, распределить по четырем группам.

Первая. «Заведовали» идеологией во всех возможных направлениях: культура, искусство, наука, образование. Они знали, что такое «хорошо» и что такое «плохо». И отвечали за то, чтобы иные мнения не высказывались. Они определяли, что нужно читать, а что не

нужно. Что можно смотреть, а что нельзя. Что не возбраняется говорить, а что лучше и не надо.

Когда ругают «аппарат ЦК», имеют в виду прежде всего именно эту его деятельность.

Вторая. Руководили руководителями народного хозяйства. Каждое министерство имело в аппарате своих «кураторов». Как правило, это были опытные, знающие дело специалисты. В принципе с точки зрения здравого смысла они были вообще не нужны. В Совете министров работали такие же специалисты. Но если «партия — наш рулевой», то политбюро не хотело выпускать хозяйственные рули из своих рук.

Третья. Контролировали силовые функции государства. Через административный отдел осуществлялся партийный надзор за деятельностью КГБ и МВД, положением в вооруженных силах, за работой суда и прокуратуры. Здесь действовал сложный политический механизм подбора руководящих кадров для «силовых» органов (термины «силовики», «силовые» органы тогда не употреблялись, они появились в политическом языке где-то в конце 90-х).

И «хозяйственники», и «администраторы» относились к «идеологам» чуть-чуть свысока: мы делом занимаемся, а вы болтаете. Но, с другой стороны, все понимали, что связаны одной цепью. Что именно идеология, точнее, господство одной идеологии гарантирует всевластие партийного аппарата. Только ложь, конечный продукт идеологов, обеспечивала эффективность насилия (актуального или потенциального), на котором держалась система.

К четвертой группе относились два «братских» отдела: международный отдел и отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма. Международный отдел продолжал традицию Коминтерна. Через него КПСС руководила коммунистическим движением. Сфера деятельности отдела ЦК КПСС ограничивалась «лагерем социализма». А поскольку коммунистические партии социалистических стран являлись правящими партиями, то отношения с ними выходили на уровень внешней политики. Соответственно, отдел ЦК был гораздо более тесно связан с нашим МИДом, с посольствами соцстран, отслеживал обстановку в каждой стране, участвовал в разработке и реализации внешнеполитических акций. Международный отдел можно было бы назвать отделом по

подготовке мировой социалистической революции, а отдел ЦК — отделом по навязыванию советского опыта строительства социализма.

Люди, работавшие в «братских» отделах, были связаны со всем миром, знали языки, часто бывали за границей. Эффективность их работы предполагала знание действительной, а не пропагандистской картины событий, умение аргументировать, определенную гибкость в дискуссиях. Поэтому в «братских» отделах работали более образованные люди, часто скептически относившиеся к догматическим тезисам советской идеологии. Бывали и исключения, но в целом в наших коридорах власти дышалось свободнее, чем в других... Это было известно всем, это многим не нравилось, но с этим после XX съезда КПСС ничего поделать было нельзя.

Еще более специфическим было положение консультантов. Они появились в атмосфере «оттепели», затронувшей и цековские структуры. Отношения между КПСС и международным коммунистическим движением заметно менялись. Множились, обнажались проблемы, о которых раньше стремились не упоминать. Вера в непогрешимость Москвы, КПСС уходила в прошлое. Наступало время доказательств и убеждения. Нужны были люди, которые, с одной стороны, не внушали сомнения относительно своей приверженности существующему политическому режиму и господствующей идеологии, а с другой — могли бы смотреть на мир открытыми глазами, были бы способны понять, объяснить надвигающиеся перемены. Вполне возможно, что так четко вопрос не ставился. Логика отставала от психологии. В руководящих головах ощущалось, нарастало беспокойство в связи с тем, что существовавший, привычный аппарат ЦК, вскормленный парным марксистско-ленинским молоком, не в силах угнаться за развитием событий. Тут и появились консультанты.

Из нынешнего далека не могу судить, кто первый сказал «а-а-а...»: Борис Николаевич Пономарев, десятилетиями возглавлявший международный отдел, или Юрий Владимирович Андропов, заведовавший тогда отделом ЦК. Кажется, все-таки Андропов. И, кажется, первым консультантом был Лев Николаевич Толкунов. Фронтвик. Порядочный, умный, приятный человек. В отделе он дорос до первого замзава. Потом пошел на рекорд: дважды был главным редактором «Известий». Где мы с ним еще встретимся.

Вместе с Толкуновым консультировали Лев Петрович Делюсин и Олег Тимофеевич Богомолов.

Делюсин — лучший, на мой взгляд, китаист в стране. Фронтвик. Интеллигент (в хорошем смысле этого слова). Почетный зритель Таганки. Написали мы с ним когда-то книжицу «Политический кризис в Китае». Уж больно простенько на нынешний вкус...

Богомолов — талантливый экономист. Пытался (иногда получалось) говорить начальству правду об экономике социалистических стран. Собрал и возглавил группу консультантов по экономической проблематике. Его холостяцкая (временно) двухкомнатная (тоже временно) квартира использовалась для дружеских неформальных консультативных встреч. Вернулся в науку. Долгое время был директором Института экономики мировой системы социализма. Безуспешно доказывал «инстанциям», что при существующих порядках в экономике система долго не протянет. Системы не стало, но институт, правда, под другим названием — Институт международных экономических и политических исследований — остался. Его почетным директором является академик РАН О. Т. Богомолов.

Несколько особняком держался Борис Дмитриевич Горбачев. Он работал под началом Андропова в Будапеште. Спокойный, выдержанный, неторопливый человек. Очень добросовестный.

Однако начальная точка системы координат, в которой следует рассматривать группу консультантов отдела ЦК, находится там, где находится Федор Михайлович Бурлацкий. Только после его появления в аппарате деятельность консультантов стала входить в фазу зрелости. О ней (о деятельности) и о нем (о Бурлацком) стали говорить.

Характерный штрих.

— Где ты? — спрашивает меня случайный знакомый. — Чем занимаешься?

— Да вот в ЦК, консультантом.

— ????

— Ну вроде как Бурлацкий...

— О-о-о!

Федя, хоть и не любил Сталина, прекрасно понимал: «Кадры решают все!»

Привлек в группу Георгия Хосроевича Шахназарова.

Фронтоник. Юрист широкого профиля. Умница. Яркая, нестандартная личность. Писал не только докладные, речи и книги (в том числе и свои), но и пьесы. Пьесы давал читать. Вопросительно смотрел. А что скажешь? Обижать не хотелось. Приходилось мямлить что-то вязкое, обтекаемое. Недавно попались на глаза слова поляка Веслава Брудзиньского: «Каждый способен на что-либо великое. К сожалению, не каждому удается в этом помешать». Воистину так.

С середины 80-х Шах весь погрузился в перестройку. Был верен М. С. Горбачеву. И в Кремле, и после. Активно работал в Фонде — до дней последних донца...

Завлек Георгия Аркадьевича Арбатова.

Фронтоник. Творческий ум, фонтанирующий идеями. Специалист по пересечениям, граням: экономика и политика, идеология и экономика, план и рынок. Прекрасный игрок в бильярд. Хотя в политике предпочитал шахматы: стратегическое видение, просчет вариантов. Сам себе придумал институт — Институт США. Превратил его в самый эффективный — с точки зрения практической, политической отдачи — институт среди гуманитарных институтов АН СССР.

Весна 1967 года. Институту выделили здание в Хлебном переулке. Есть сторож уже. Мебели нет. Мы вдвоем зашли в будущий директорский кабинет. На широком дореволюционном подоконнике разложили извлеченную из кейсов снедь и хорошо отметили. В этом кабинете академик Г. А. Арбатов, почетный директор Института США и Канады, работает и в 2002 году.

Какой-то из дней рождения Арбатова, уже директора института, отмечался в Завидове. Воспел его:

Он Киссинджера знает,
С Фиделем он нырял,
Старушку Голду Меир
Он где-то целовал.
Он пил с Пономаревым,
И с песней на губе
Не раз сидел в обнимку
Он с шефом КГБ.
Его не зря Косыгин
Brein trastom обозвал.

И даже Л. И. Брежнев
Его обლობызал.

Когда Юре исполнилось 60 лет, я подарил ему пуд (16 кг) соли. Столько, сказал, мы уже съели, а вот этот мешок нам съесть предстоит. Едим...

Переманил из «Коммуниста» Федора Федоровича Петренко. Специалиста по партийному строительству. Въедливого редактора. Многодетного красавца. Фаната-байдарочника, пытавшегося каждое лето сгубить свою жизнь на порогах какой-нибудь экзотической речки.

Поначалу консультанты бродили как первобытное стадо, подчиняясь лишь авторитету вожака, Бурлацкого значит. Потом нас объединили в подотдел во главе с тем же Бурлацким. Еще потом подотдел распустили, но создали группу консультантов. Руководитель группы (первым был Бурлацкий) по материальному обеспечению приравнялся к заместителю заведующего отделом.

Для ясности. Консультант приравнялся к заведующему сектором. Зарплата — 400 рублей. Правительственный телефон — «вертушка». Кремлевская поликлиника (про нее говорили: «полы паркетные, врачи анкетные»). «Столовая лечебного питания»: платишь в месяц 70 рублей, питаешься (там или навывнос) на 140 рублей. Вызов машины в рабочее время по служебным надобностям.

Замзав получал на 50 рублей больше. Машину мог вызывать в любое время суток. И мог позвонить и попросить, чтобы в кабинет принесли чай (с сушками!).

Долгие годы партийные чиновники дослуживались до этих символов положения. А тут пришли какие-то пижоны, «аристократы духа», и получили «символы» сразу и по полной программе.

Старожилов аппарата раздражало и то, что консультанты чуть ли не каждый день толклись вокруг начальства. Возникало напряжение...

Примерно в то же время формировалась «конкурирующая фирма» — консультантская группа международного отдела. Негласный принцип подбора был тот же: марксисты с неким ревизионистским душком. В отличие от Андропова Пономарев располагал инкубатором для «высживания» таких кадров. Им служила расположенная в Праге редакция журнала «Проблемы мира и социализма».

Основоположником и бессменным куратором консультантской группы «братского» отдела был Елизар Ильич Кусков. Прелюбопытнейшая фигура! Внешне — никаких признаков интеллигентности, «великосветского» лоска партийных функционеров высшего разряда. Ну прямо крестьянин от сохи. Но голова — голова, будто бы специально созданная для поиска компромиссных «формулировок» и создания «классических» формул (пример: мировая система социализма — детище международного рабочего движения).

Рассказывают, что именно Кусков был автором последней фразы Программы КПСС: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Поставив восклицательный знак, Елизар Ильич заметил: «Лозунг этот переживет века...»

Помню, в ходе какого-то застолья прозвучало:

Я против культа был и буду,
Но если культ настанет снова,
Я подыму эту посуду
За Ильича, пардон, Кускова!

Кусков любил выпить. Как и многие из нас. Часто перебарщивал. Возникали проблемы. Пономарев знал об этом. Но держал над Кусковым «зонт безопасности». Сделал его своим первым заместителем.

Наиболее часто приходилось сотрудничать с Анатолием Сергеевичем Черняевым и Вадимом Валентиновичем Загладиным.

Черняев воевал. По образованию — историк. Знал свое дело до тонкостей. Мог найти точные слова для выражения мысли — что встречается довольно редко. Боролся, хотя и не всегда успешно, с консультантской вольницей. В манерах его, как мне казалось, было что-то дворянское (сегодня сказали бы: «косит под Атоса»). За что и был назван «граф Черняев-и-Гассет». Сокращенно — «граф».

Граф был единственным из всех моих знакомых, у которого хватало терпения ежедневно вести подробнейшие дневники. Это делает его воспоминания уникальными.

И еще одна уникальность. Огромную роль в жизни Черняева играли лирические сюжеты — источник вдохновения и энергии. Как-то

по его просьбе искал в Будапеште бюстгальтер одиннадцатого размера. Пришлось подключить венгерских товарищей. Веселились, но нашли...

Загладин организован попроще. Но профессионал высшего класса. Умен. Коммуникабелен (на разных языках). Блестяще вел дискуссии во всякого рода рабочих группах. Возможно, перебор по линии гибкости, царедворства.

Ежедневное общение с названными людьми, да и со многими другими, постепенно делало из меня *homo sapiens*, мыслящую, думающую партийную единицу. За последнее десятилетие много ерунды написано о ЦК КПСС, о том, как работалось на Старой площади. По-разному работалось. Но я пишу о себе, о своей судьбе. Так вот, если из меня что-то получилось, если я стал известным журналистом, если я стал разбираться в политике, то лишь потому, что прошел курс обучения в университете на Старой площади, главном университете моей жизни.

В этом университете меня учили анализировать факты и обобщать их, четко формулировать свои мысли, убедительно аргументировать, уметь отстаивать свое мнение. Учили искусству — важнейшему в политическом диалоге, в политической дискуссии — видеть события глазами своего оппонента. В этом университете мне открыли доступ к достижениям мировой мысли в области социологии, философии, политики, к огромному пласту русской эмигрантской литературы, к серьезным критическим исследованиям советской внутренней и внешней политики. В этом университете я встретил людей, у которых можно было учиться и политике, и жизни.

Я был (старался быть) отличником. И тут таилась опасность. Хорошее знание «учебных дисциплин» могло вести к отторжению чужеродных идеологических «белков», наращиванию догматической, ортодоксальной брони. Но был возможен и противоположный результат. Тончайшая грань, разводящая судьбы людей, в каждом конкретном случае определялась зигзагами биографии, набором факторов субъективного порядка. Мне повезло.

Университет — это значит профессора и преподаватели. Мне тоже повезло. И конечно же главным и основным профессором был Юрий Владимирович Андропов. О нем разговор будет впереди. Постараюсь быть объективным, хотя и не ручаюсь. Боюсь, что симпатия, привязанность, благодарность окажутся сильнее логики фактов.

После смерти Андропова я подрядился писать о нем книгу. Заключил договор. Начал работать. По моей просьбе друзья из КГБ позволили хоть мельком (для начала) заглянуть в некоторые бумаги, имеющие подпись Андропова. Все можно было объяснить. Но не все можно оправдать. И я не стал писать книгу...

Профессор номер два — это, само собой, Бурлацкий.

Федя — личность. Яркий, талантливый человек. С изощренным умом шахматиста: видит все поле, взаимосвязи фигур, возможные комбинации на опережение. Через политическую суету повседневности умел (и пытался учить начальство) пробиваться к глубинным значениям и смыслам событий.

Ценит, чувствует слово и умеет работать с ним. Широкие научные интересы. Развил интересные идеи в теории государства. Написал несколько бестселлеров в жанре биографий: Макиавелли, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин.

Вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки.

Умел ориентироваться в аппаратных хитросплетениях. Но не смог стать выше аппаратных неврозов. Отсюда — повышенная подозрительность, прощупывание собеседника на предмет «двойного дна», склонность видеть интригу за случайным сплетением слов и событий.

Бурлацкий знает себе цену. Уверенность в себе, чувство собственного достоинства как приемы самбо (самообороны без оружия). И рядом — превышение пределов самообороны, часто в форме самомнения, нарциссизма. Среди своих, в группах консультантов, это легко сходило с рук. Арбатов или Шахназаров, Кусков или Черняев сами ставили себя достаточно высоко, чтобы замечать Федины интеллектуальные эскапады. Но в других местах, там, где Бурлацкого окружали подчиненные ему, зависящие от него люди, явление гения народу не пользовалось успехом.

Боюсь, что и высокое начальство считало Бурлацкого слишком «вумным». Ему хотелось порулить, но к рулю его не допускали. Это породило своеобразный комплекс недооцененности, который мешал Феде жить.

Помню долгий разговор в Домжуре.

— Ты был бы лучшим министром иностранных дел. Но ведь не назначат. Ни за что не назначат. Там другие критерии и подходы. И ты сам это знаешь. Выкинь из головы. Не мучай себя. Пиши интересные книги. Радуй своих подруг и радуйся сам...

В общем, что-то в этом роде я втолковывал Феде. Он соглашался, вздыхал и в очередной раз упрекал меня и Арбатова в том, что мы не помогаем ему преодолевать ухабы и колдобины жизни.

Несмотря на очевидную несуразицу в возрасте, нас иногда называли «вундеркинды Бурлацкого». Феде это льстило. Можно понять... Нам — кому как. И тоже можно понять...

С тех пор я бывал у Феде, наверное, на всех летях.

От 50-летия осталось два листка. На первом:

У К А З

Всех президиумов всех возможных Советов, а также Комитета советских женщин

Об учреждении почетного звания «Отец (мать) русской демократии»

Учитывая растущее значение демократических начал в процессе развернутого строительства коммунизма, равно как и необходимость для соответствующих демократических органов поименно знать лиц, активно в развитии данных начал участвующих, все президиумы всех возможных Советов, а также Комитет советских женщин

П о с т а н о в л я ю т:

Учредить почетное звание «Отец (мать) русской демократии» с вручением Большой золотой медали с цепью.

Почетное звание «Отец (мать) русской демократии» присваивается гражданам СССР обоюго пола, замеченным в активном распространении — в устной или письменной форме — демократических начал без указания на их естественные концы.

*Председатель всех президиумов всех возможных Советов, а также Комитета советских женщин
К. Воробьянинов*

*Секретарь всех президиумов всех возможных Советов, а также Комитета советских женщин
М. Грицацуева*

4 января 1977 года

* * *

У К А З

Всех президиумов всех возможных Советов, а также Комитета советских женщин

О присвоении почетного звания «Отец русской демократии» доктору философских наук, профессору товарищу Бурлацкому Ф. М.

За выдающиеся и неоднократно соответствующими органами признанные заслуги в деле разработки и распространения вокруг себя и немного дальше демократических начал, за активное и плодотворное исследование демократических традиций от Макиавелли до Мао Цзэдуна, за творческое обобщение опыта научного предвидения демократических преобразований в странах социалистического содружества и в ознаменование пятидесятилетия со дня рождения присвоить доктору философских наук, профессору товарищу Бурлацкому Федору Михайловичу почетное звание «Отец русской демократии» с вручением ему Большой золотой медали с цепью.

Предоставить Отцу русской демократии доктору философских наук, профессору товарищу Бурлацкому Ф. М. исключительное право выдвинуть первую кандидатуру для присвоения почетного звания «Мать русской демократии».

*Председатель всех президиумов всех возможных Советов, а также Комитета советских женщин
К. Воробьянинов*

*Секретарь всех президиумов всех возможных Советов, а также Комитета советских женщин
М. Грицацуева*

4 января 1977 года

От фигур перехожу к делам.

Боевое крещение мое было связано с Болгарией. Во время отпуска (в Крыму, кажется) Тодор Живков обратился к Хрущеву с предложением начать «сближение» Болгарии с Советским Союзом, имея в виду постепенный переход к конфедеративным отношениям. Андропову было поручено подготовить ответ. Разумеется, положительный. Андропов поручил подготовку проекта мне.

Обложился бумагами. Чем больше читал, тем больше сомнений вызывала идея Живкова. За поверхностью официальной жизни, где каждое упоминание Советского Союза или Хрущева вызывало бурные аплодисменты, проступала другая жизнь. Общественное мнение Болгарии не было готово к переделу суверенитета в пользу Москвы. Скорее всего, пленум ЦК БКП поддержит «сближение». Но и в партии, и в стране начнет расти внутреннее напряжение, действующее на разрыв, а не на сближение.

Меня смущало и то, что Советский Союз вряд ли был готов переварить — и экономически, и политически — слишком приблизившуюся к нему Болгарию. Конъюнктурные, временные тактические плюсы перекрывались весомыми стратегическими минусами.

Со своими сомнениями отправился к Андропову. Оказалось, он и без моей помощи пришел к таким же выводам. Только говорил более жестко и определенно, ибо знал обстановку гораздо лучше меня. Сели и стали работать в четыре руки. Рассмотрели два варианта. Сказать «да», но всяческими оговорками превратить его в практическое «нет». Или сказать «нет», но при помощи словесных кружев создать впечатление

«да». Выбрали второй вариант. Хоть и более трудный, но зато более честный.

Далее предстояло самое трудное — переубедить Хрущева. На эту амбразуру должен был ложиться Андропов. Еще и еще раз перебрали все аргументы...

Разговор с Хрущевым продолжался часа два. Я весь извелся у своей вертушки. Наконец — звонок. Порядок! Спускаюсь к Андропову (с четвертого этажа на третий). Подходит Б. Н. Пономарев (он был нашим тайным союзником). Разбор операции...

В апреле 1964 года еще одно боевое крещение. Я первый раз оказался за границей. Хрущев отправился в Венгрию с официальным визитом. Хрущева сопровождал Андропов. Я сопровождал Андропова.

К визиту готовились тщательно и с некоторой тревогой. Все-таки с осени 1956 года прошло не так уж много времени. Правда, Янош Кадар уверял, что все будет в порядке. Но поступали и иные сведения. Андропов нервничал.

Все оказалось лучше, чем можно было предположить. Не говорю о переговорах — тут, в павильоне, поскольку все было решено заранее, происходил скучный, чинный обмен монологами. Но на пленэре протокол трещал по всем швам. Ликующие, восторженные толпы. Хрущев был в форме, в ударе. С интересом осматривал все, что показывали. Вникал. Давал советы. Напрягая охрану, общался с массами. Произносил зажигательные речи, импровизировал. Соблазняя венгров обилием гуляша, предрекал скорое социалистическое будущее.

Размещалась делегация в правительственной резиденции на окраине Будапешта. Почти горы, покрытые лесом. Вечером после всех мероприятий возвращались туда. Начальство отправлялось спать. А внизу сверкал разными огнями огромный город. Спать не хотелось. Машина есть, переводчик есть. Иду к Андропову.

— Можно съездить в город?

— Куда хочешь. Только учти, с утра и в любой момент — готовность номер один.

Вожденная свобода провела меня по нескольким ночным клубам. Как подчеркивали венгры, «только эротика, без порнографии». Но для человека, первый раз покинувшего пределы первой страны социализма, эта разница была несущественной.

Утром Андропов внимательно посмотрел на меня, но проверку на готовность не устроил. Впрочем, я был готов...

Кстати, Андропов — ведь для него Будапешт был почти родной город — и сам был бы не против чуть-чуть размяться. Уговаривал Громыко посетить знаменитый ресторан «Матиаш пинце». Но министр ушел в глухую оборону. Я же воспользовался наводкой. И не пожалел. С тех пор каждый раз, когда мне приходилось бывать в Будапеште, я не проходил мимо этого заведения. Обилие туристов с годами испортило венгерскую кухню: стали класть меньше перца.

Возвращались, как и приехали, поездом. Пока ехали по Венгрии, вдоль всей трассы стояли вооруженные солдаты, как телеграфные столбы — через каждые 50 метров. У начальства — свои вагоны и свои заботы. А мы, челядь разных категорий, ехали с песнями...

Интересная деталь. Визиты в «братские» страны сопровождались щедрыми дарами. Свои подарки привозили гости. Вовсю старались и хозяева. Высшим чинам полагался эксклюзив. Хрущеву, например, преподнесли белую лошадь (или — трех лошадей? Не помню уже). Остальным — великолепные чайные сервизы. Тоже все «в порядке положенности». У меня низший чин — сервиз на 6 кувертов. Если я экстраполирую правильно, Андропову должны были дать на 48 кувертов. Из этого сервиза у нас дома до сих пор сохранилось одно блюдо с птичками и цветочками. «Блюдо имени товарища Кадара» называется.

Лето 1964 года. Приближалось столетие Первого интернационала. Международная конференция будет в Берлине. Докладчиком от КПСС утвердили Андропова. А раз есть докладчик, нужен доклад. Жребий падает на меня. Срок — месяц. Уезжаю на дачу Горького. Там над очередной бумагой трудятся консультанты из «братского» отдела. Вливаюсь в здоровый коллектив.

Даю необходимое пояснение.

Начальство считало — и считало правильно, что работа над серьезным документом требует отстраненности от текущей служебной суеты и семейного быта. Поэтому за городом было несколько хозяйств, где можно было уединиться и сосредоточиться. Нечто вроде комфортабельных гостиниц. Компьютеров тогда не было. Вместо них — машинистки и стенографистки. Харч казенный. Выпивка — за свой счет. Два раза в неделю кино. Заказывать можно любые картины, лишь

бы они были в Союзе. Вокруг — природа. Домой — по субботам и воскресеньям. И то не всегда.

Дача Горького. Та самая, где умер А. М. Горький. По Рублевско-Успенскому шоссе. Горки-10. Ампиристый особняк в два этажа. Бильярд. Зал для кино. Огромный заросший парк с малиной и грибами. Крутой спуск к Москве-реке. Небольшая купальня. Иногда, если верить легендам, дачу использовало партийное начальство для беспартийных забав. Потом ее надолго захватили консультанты.

Ближняя дача, или Волынское-1. На этой даче умер И. В. Сталин. Мрачное, угрюмое строение. Рядом — «домик Светланы» и баня с бильярдной. Небольшой пруд. Ухоженный участок. Лес без подлеска (чтобы далеко видно было). Ограждение в два ряда с колючей проволокой.

Поначалу собирались сделать музей, но не собрались... Иногда принимали важных гостей. Иногда там проходили съезды и пленумы нелегальных компартий.

Когда появились консультанты, еще сохранялись следы пребывания Сталина. Например, в зале, где проходили многочасовые застолья и заседало политбюро, на потолке над столом темными точками был обозначен эллипс рассеяния. На стол ставили бутылку шампанского. Открывали. Если пробка не долетала до потолка — брак, в сторону бутылку. Если долетала — шла в дело, а на потолке оставалась отметина. Или еще. Стены в том же зале были обшиты деревянными панелями. И по всему периметру на высоте примерно полутора метров дырочки от гвоздей. Сталин любил вырезать картинки из «Огонька» и прибивал их гвоздями к стене. Менял время от времени. Вдоль стены стояли тумбочки с молотками и гвоздями. При нас тумбочки сохранились, но уже без молотков и гвоздей.

В нескольких комнатах были каминьки. Дровишки в них лежали. Сестра-хозяйка утверждала, что Иосиф Виссарионович лично колот. Идя по пути, указанному XX съездом, дрова мы сожгли.

Недалеко — Волынское-2. В сталинские времена там были маршальские дачи. Потом их снесли и поставили современные дома. Работать было удобно. Хотя атмосферы не хватало.

Иногда нас размещали в Серебряном Бору, реже — в Ново-Огареве. С Брежневым работали в Завидове. Детали — попозже.

С Интернационалом я справился в положенный срок. Андропов проект принял. Показал Суслову и Пономареву. Кряхтя, учел их замечания.

Отправились в Берлин. В делегацию входил академик П. Н. Пospelов. Справились и с его замечаниями. Где-то после Варшавы Андропов спохватился: надо бы Хрущева процитировать. Пospelов — двумя руками. Я промолчал.

Берлин произвел угнетающее впечатление. Весь центр еще в развалинах. Задымленные руины. Вечером — мрачно, темно. Магазины побогаче московских, но не очень. Для гражданина оккупирующей державы зональные границы не существовали. Прошел через «Чек-пойнт Чарли» и первый раз в жизни оказался в капиталистическом мире. Тут все светилось, сверкало, вертелось. И никто не думал о 100-летию Первого интернационала.

Первым на конференции должен выступать Вальтер Ульбрихт, за ним — Андропов. Сажу рядом с Пospelовым в зале. Вдруг получаю записку: «Где цитата?!» Поднимаю голову, вижу физиономию Андропова и понимаю, что цитата должна быть. Прошу товарища из посольства срочно привезти мне пару томов Хрущева. Привозят. Нахожу на выбор две подходящие цитаты, вживляю их в текст и передаю Андропову в президиум.

Вечером получаю заслуженный втык.

Однако история с цитатой продолжалась. Доклад Андропова должен был печататься в «Коммунисте». Я получаю сверку с цитатой, а Хрущев уже в отставке. Конечно, надо было потребовать новую сверку, без Хрущева. Но мелочность взяла верх, и я дал Андропову то, что он говорил. Так сказать, фи́га в кармане. Андропов полистал сверку, взял карандаш и вычеркнул цитату. Посмотрел на меня:

— Небось умником себя считаешь?

Мне стало стыдно.

На ужине, который наш посол устроил в честь Андропова, были Ростропович с Вишневской. Вполне интеллигентный разговор шел. Помню, Ростропович заметил, что музыканты и дипломаты имеют как минимум одно общее: и те и другие пишут ноты...

После Берлина вернулся на дачу Горького. Там сооружалась какая-то бумага по линии коммунистического движения. Командовал парадом Кусков.

Ближе к середине октября мы почувствовали, что начальство стало терять к нам интерес. Телефоны звонили все реже и реже. А потом и вовсе замолчали. Что-то происходило... Решили выслать разведку. Сейчас уж не помню: то ли Федя Бурлацкий поехал в Москву, то ли Николай Николаевич Иноземцев. Получаем сообщение: «Бьют по верхам!» Едем в Москву.

Уже в Москве узнаем о пленуме ЦК и снятии Хрущева. Вечером 14 октября в цековских коридорах, как всегда, тихо. Только задумчиво прогуливались рослые молодые люди (не зря Семичастный зарплату получает!).

Если говорить по существу, то Хрущева сняли правильно, за дело. XX съезд был вершиной его политического творчества. И не просто вершиной, а одним из Эверестов истории XX века. Но мало кто способен долго пробыть на вершине. Менее чем за десять лет Хрущев исчерпал свой позитивный ресурс. Стал делать глупости (ракеты на Кубе, разделение партии на городскую и деревенскую и т. п.). И стал превращаться в памятник самому себе. Точнее: не мешал другим превращать себя в памятник самому себе.

Беда в том, что Хрущева снимали люди более мелкого калибра. Хрущев мешал им жить спокойно. Хрущев дестабилизировал их. Не систему, но каждого. И поплатился за это.

Но Хрущева не ославили как «врага народа». Он остался жив. Получил пенсию, дачу и государственный кошт. Реформируя партию, страну, Хрущев спас себя и тех, кто пойдет за ним. Домашний арест? Да, его боялись даже снятого. Но тенденция — от захвата власти к демократической смене власти — набирала силу. Что и доказала судьба Горбачева.

— Почему после доклада Сулова не было прений? — спросил я у Андропова.

— А ты не посчитал, сколько членов пленума были назначены уже при Хрущеве? — так ответил Андропов...

Это к вопросу об относительности демократии.

Смена партийного лидера в Советском Союзе вызвала бурную реакцию в братских странах и коммунистическом движении. Мне было поручено обобщить материал. Бумага у меня сохранилась, она датирована 29.X.64 года. Читать ее сегодня трудно по причине партийно-кондового языка, который часто скрывает проблемы, вместо

того чтобы выявлять их. В данном случае суть дела, если убрать дымовую завесу формулировок, можно было бы свести к двум тезисам.

1. На одном полюсе «международного коммунистического и рабочего движения» нажимали на недемократические методы смещения Хрущева и настаивали на подтверждении «линии XX и XXII съездов КПСС».

2. На другом полюсе выражали надежду, что уход Хрущева означает крах «ревизионистского курса КПСС» и ее сближение со сталинистской политикой Мао Цзэдуна.

В обоих случаях новое руководство КПСС — вполне «двух полюсное» по составу и настроениям — не было готово к откровенному разговору. Я понимал это, но все-таки надеялся на то, что в суматохе после пленума мои изыскания дойдут до начальства.

Не дошли.

По каким-то аппаратным соображениям первым читателем был Кусков. Читал внимательно. Реагировал выражением своей и без того выразительной физиономии. А на словах сообщил мне то, что он обычно в пьяном виде говорил Шахназарову: «Стратег ты блестящий, но тактик х...ый».

В общем, не решились расстраивать начальство.

Андропов, которому я все-таки через какое-то время показал свойopus, изрек: «Молодец Кусков!»

Характерный эпизод. Кадар прислал Нине Петровне Хрущевой красивую корзину с очень красивыми (и, думаю, очень вкусными) яблоками. Так, пока перепуганные чиновники решали — передавать или не передавать, яблоки пришли в негодность.

Параллельно с тревогами партийно-государственными в нашей консультантской группе были тревоги свои. Защита Бурлацким докторской диссертации была назначена на 16 октября. Тема, кажется, «Государство и коммунизм» или что-то около. Отпевание диктатуры пролетариата и воспевание общенародного государства. Цитаты Хрущева сплошь и рядом. И вдруг — цитат не стало. Слова остались, фразы есть, но цитат нет. Ибо Хрущев утратил статус цитатопроизводителя.

Что делать? Многие советовали отложить защиту. Но Федор рискнул. И победил. Не все члены ученого совета струсили. И не только

победил, но и сэкономил. Традиционная большая пьянка была отменена. Гуляли консультанты. А их немного.

Прежде чем перейти к Брежневу, еще немного о Бурлацком.

Именно Феде принадлежит идея легализовать у нас политическую науку. Ситуация была парадоксальной. Марксистско-ленинская идеология была самой политизированной. Но в отличие от «западного мира» в нашем мире не признавалось существование политической науки как особой, специфической, имеющей свое содержание научной дисциплины. Бурлацкий первым, насколько мне известно, сообразил, что это обедняет нашу идеологию, нашу общественную науку.

Первой ласточкой была статья Бурлацкого «Политика и наука» в «Правде» от 10 января 1965 года. Я шел вторым эшелонем. Моя статья появилась в «Красной звезде» 10 февраля. Противников было много. Главный аргумент — марксизм-ленинизм и есть наша марксистско-ленинская политическая наука, наша политическая теория. Сопротивлялись долго.

В конце 1965 года мы (то есть Федя и я) решили сделать ход конем, опубликоваться в «Коммунисте». Написали статью «Актуальные проблемы социально-политических исследований». Статья обсуждалась на редколлегии в декабре. Статью завалили. Зачем нам какая-то «политическая наука» (или «политическая теория», или «политическая идеология»)?

В конце концов поняли «зачем». Бурлацкий победил...

Сразу же после пленума завертелась работа вокруг речи Брежнева 6 ноября. Так сказать, презентация нового первого секретаря. Андропову было поручено заниматься внутренней политикой. Поскольку политика еще не определилась, отделялись общими словами. Правда, возникла одна конкретная идея: воспользоваться случаем и поставить вопрос о необходимости изъять из Программы КПСС цифровые материалы об экономике страны и ходе соревнования с капитализмом. Андропов в принципе не возражал. Долго крутили разные формулировки, прямо на свет их рассматривали, но пробиться не смогли.

Во время работы над речью состоялось мое знакомство с Брежневым. Я читал текст, он слушал.

— Ты знаешь, что такое «боровая дичь»?

— Примерно...

— Давай сделаем так. Я тебе растолкую про боровую дичь, а ты объясни мне толком, что такое «конфронтация». Договорились?

— Договорились.

Характерно для Брежнева. Он не стеснялся сказать, что он чего-то не знает или не понимает. Умел слушать.

Главное событие ноябрьских праздников — появление Чжоу Эньлая на праздновании 47-й годовщины Октябрьской революции. Китайцы, видимо, всерьез решили, что новое руководство развернется в сторону Пекина. Отсюда — разведка боем. Основным собеседником Чжоу Эньлая был Микоян. Китайский премьер нажимал на необходимость отказа от «трех мирных» (напоминаю: «мирный переход», «мирное сосуществование», «мирное соревнование»), пересмотра Программы КПСС. Микоян мужественно отбивался. Разошлись на нулях. Взаимопонимание не улучшилось, но и не ухудшилось.

Ухудшилось оно вечером 6-го на приеме в Кремле. К Чжоу Эньлаю подошел изрядно принявший маршал Малиновский.

— Мы свою старую калошу скинули, и вы свою уберите. Полный порядок будет!

Кажется, Чжоу Эньлай не нашел слов для ответа и покинул прием. Потом, через много лет, китайцы говорили мне, что Малиновский обращался не к Чжоу Эньлаю, а к маршалу Хэ Луну. Но это мало что меняет.

Может быть, оно и к лучшему, что китайцы взбрыкнули. Иллюзии, если они у кого-то появились, исчезли. Даманский был еще впереди...

Сразу после праздников нас опять отправили на дачу Горького. Готовилось заседание Политического консультативного комитета организации Варшавского договора. Еще одна презентация нового лидера КПСС. Одновременно шла подготовка к очередному Международному совещанию коммунистических партий (в русле совещаний 1957–1960 годов). На этом этапе ставилась задача созвать заседание Редакционной комиссии для рассмотрения возможных документов совещания.

Принципиально новым обстоятельством была драка с маоистами, расколовшая коммунистическое движение, вызвавшая всеобщее брожение мысли и усилившая тягу к независимости от Москвы, к самостоятельности компартий. В таких условиях нельзя было

диктовать, а нужно было согласовывать, учитывать уже в проекте документов разные точки зрения и позиции. Дело для представителей КПСС, прямо скажем, не очень привычное. Ведь мы привыкли к аплодисментам, а не к критике. Теперь надо было привыкать к другому: *primus inter pares* («первые среди равных»). В общем, надо было подготовить такой проект, который встретил бы минимум возражений. И мы старались. И, судя по моим записям, перестарались.

Я уже говорил, что дневников не вел. Пытался, но не мог — быстро надоедало. Иногда делал отрывочные записи. Первые из таких записей относятся к концу 1964 — началу 1965 года. Цитирую запись от 31 декабря: «Кончаем работу над документами к Редакционной комиссии. Где-то посерединке между итальянцами и китайцами. А надо бы определиться. Стремление удовлетворить всех в конце концов всех оттолкнет. Печальный опыт Заявления 1960 года — этого типичного образчика беспринципного компромисса — показывает бесполезность и даже вред документов такого рода». Новый год встречали дружным дачным коллективом. Сформулировал свой личный план на 1965 год:

- 1) похудеть на 25 кг;
- 2) бросить курить;
- 3) перейти на томатный сок;
- 4) защитить диссертацию.

На следующей странице лаконичная запись: «По данным Управления делами ЦК КПСС, с мая по декабрь (включительно) с. г. выпито 948 бутылок водки и коньяка».

Ни один из пунктов моего плана выполнен не был.

Что же касается впечатляющей цифры, то она запала мне в душу и трансформировалась в цитируемый ниже документ:

«ЦК КПСС.

Ввиду постоянно развивающегося пьянства, охватившего и ведущих теоретических работников, сконцентрированных ныне на даче Горького (т.т. Брутенц К. Н., Хавинсон Я. С., Чепраков В. А. и другие, а также Яковлев Александр Николаевич), считаем своим долгом довести до сведения ЦК

КПСС ряд соображений, касающихся пресечения и недопущения пьянства впредь.

1. Управление делами ЦК КПСС отнюдь не намерено настаивать на полном изъятии водки из ежедневного рациона теоретиков-марксистов (т.т. Брутенца К. Н., Хавинсона Я. С., Чепракова В. А. и других, а также Яковлева Александра Николаевича). Не говоря уже о том, что эта задача утопична и непосильна, мы очень хорошо понимаем, что в нашем суровом климате совершенно обойтись без водки столь же трудно, как, например, жителям знойных и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки трудно обойтись без живительных лучей солнца, а обитателям развитых стран капитализма, находящихся в умеренной полосе, немцам например, — без кружки пива и колбасы.

Управление делами ЦК КПСС полностью осознает, что водка полезна во многих случаях. Во-первых, при согревании окоченевших на холоде членов. Во-вторых, при необходимости преодолевать косность и инерцию мысли. В-третьих, при угощении друга и болезнях. Кто не знает целительных свойств рижского бальзама и водок, на манер одного выделяемых? Кому не известны водки: столичная, анисовая, посольская, кубанская, перцовая и, наконец, обкомовский настой? Опыт неопровержимо доказывает, что рюмка, выпитая перед обедом, помогает пищеварению; точно так же рюмка и даже две, выпитые в обществе хороших знакомых, особенно марксистов-ленинцев, ободряют дух человека, делают его склонным к дружескому излиянию мыслей и чувств. Общежитие без водки — немыслимо, как немыслим без нее и теоретический анализ окружающей нас действительности.

Однако лишь тот может почесть себя истинным марксистом-ленинцем, кто знает, на какой рюмке ему остановиться, или, лучше сказать, кто рядом непрерывных и систематических над собой усилий сумел в точности определить, после какой счетом рюмки он становится пьян. К сожалению, Управлением делами ЦК КПСС установлено, что свойственная человеку самонадеянность не всякому

позволяет достигнуть сего желательного для преуспевания нравственности и расцвета теории результата. Мы имеем в виду прежде всего тт. Брутенца К. Н., Хавинсона Я. С., Чепракова В. А. и других, а также Яковлева Александра Николаевича.

2. Именно эта последняя, так сказать, „пьяная“ рюмка и служит предметом беспокойства и предлагаемых ЦК КПСС соображений Управления делами.

Обратившись к исследованию указанной проблемы, Управление делами ЦК КПСС поставило пред собою вопрос: где, в каком месте теоретический работник партии (например, тт. Брутенц К. Н., Хавинсон Я. С., Чепраков В. А. и другие, а также Яковлев Александр Николаевич) может найти эту пагубную для него рюмку? Дома он, безусловно, не найдет ее, ибо здесь его остановят заботливая рука жены и умоляющие взоры детей. Он не найдет ее и в помещении аппарата ЦК КПСС, ибо Управление делами, имея в лице своих сотрудников вторые ключи от сейфов, бдительно следит за содержанием последних. Он не найдет эту рюмку в гостях и в ресторанах, ибо тут его остановит простое чувство приличия. Очевидно, стало быть, что он найдет ее в таком убежище, за порогом которого оставляются не только партийная этика и чувство приличия, но и воспоминания о семейном очаге и его радостях. Этим мрачным убежищем — и об этом надо сказать прямо, по-партийному, — служит дача Горького. Здесь отец семейства, даже если он подлинный марксист-ленинец, выпив пагубную рюмку, потребует еще пагубнейшей и затем, заложив сперва авторучку, а потом, записывая в кредит, незаметно утратит уважение к самому себе и к установлениям родных партии и правительства. Здесь сестра-хозяйка, выведенная из терпения безобразным видом упившихся представителей творческого марксизма (тт. Брутенца К. Н., Хавинсона Я. С., Чепракова В. А. и других, а также Яковлева Александра Николаевича), начинает собственноручно расправляться с ними на виду у плачущих и недоумевающих работников Управления делами ЦК КПСС — машинисток. Здесь, наконец, в пьяном угаре и в ущерб указанным

советским машинисткам стало правилом сладострастное лицемерие обнаженных и обнажающихся женщин буржуазного мира.

Таковы факты. Они вопиют. Они взывают к моральному кодексу строителей коммунизма. Пресечь их на основе принципов, закрепленных в решениях московского Совещания работников Управления делами обкомов, крайкомов, ЦК республик и ЦК КПСС 1962 года, — главная задача Управления делами ЦК КПСС на данном этапе его деятельности.

Ждем указаний.

Управляющий делами ЦК КПСС А. Черняев».

Для особо любознательных укажу первоисточник вариаций на тему, заданную 948 бутылками. Оным является: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). ПСС. Л., 1934. Т. IX. С. 222–223.

Заметки тех дней находятся в тетради с выписками из читаемых книг. Иногда комментирую прочитанное. Например:

Э. Хемингуэй. «По ком звонит колокол». Один из героев, Роберт Джордан, так передает взгляды коммунистов: «Если что-либо справедливо по существу, ложь не должна иметь значения. Но лгать приходилось очень много. Первое время он не любил лгать. Ему было противно. Но потом он привык, и ему даже понравилось. От этого еще сильнее чувствуешь, что ты не посторонний, но это очень опасная привычка».

Комментирую: «Сейчас эта „привычка“, привычка лгать, стала узаконенной основой пропаганды».

Жан Баби. «Критика снизу. Французская коммунистическая партия между прошлым и будущим», «...в ФКП запрещаются всякая легкость и непринужденность. Шутки, юмор, веселость, которые естественным образом рождаются из общения между людьми и делают его более теплым, стали признаками недостаточной сознательности, ибо они говорят о независимости мысли, а это заведомо считается подозрительным».

Комментирую: «В точку! Все носят серьезные лица. Веселье в подполье».

Э. Герштейн. «Судьба Лермонтова». Выписываю по-французски: *une democratic de mediocrite* («демократия посредственности»). И добавляю: *la dictature de mediocrite* («диктатура посредственности») похуже будет.

И еще две записи.

«Разговор с Петренко о цинизме как форме сохранения личности (предохранения оной от шизофрении) в условиях разрыва между идеалами и действительностью».

«Разговоры о демократии. Все — за. Кто же против? Те, кто обладает реальной властью».

1965 год начался поездкой во Вьетнам. Делегацию возглавлял председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Его сопровождали Андропов и несколько высокопоставленных чинов из правительства. Задача: предметное обсуждение возможностей политического, экономического и военно-технического сотрудничества. В Ханой прилетели 6 февраля. Принимали по всем правилам восточного гостеприимства. Конечно же в Ханое влияние Пекина перетягивало влияние Москвы. Но вьетнамцам нужна была наша помощь, и они искусно лавировали между Севером и Востоком.

Всепоглощающей проблемой для вьетнамских товарищей было объединение страны, то есть распространение власти Ханоя на юг страны. Или, если угодно, захват Южного Вьетнама. Поскольку там господствовали американцы, Америка неизбежно оказалась бы втянутой в военные действия. Это ставило Советский Союз в сложное положение. Повторения корейского варианта не хотелось, а другой вариант (победа Северного Вьетнама) в Москве не просматривался.

Обстановка резко обострилась как раз в те дни, когда Косыгин находился в Ханое. В ответ на активизацию вьетнамцев президент США Джонсон приказал подвергнуть бомбардировке город Донг-Хой, расположенный на территории ДРВ. Хорошо помню ночные улицы Ханоя, заполненные протестующими вьетнамцами.

Помню и переговоры. Косыгин стремился как-то остудить вьетнамских руководителей, подчеркивал желательность мирных средств борьбы за объединение Вьетнама. Один из главных аргументов: если война, значит, смерть и разрушение, значит, новые страдания людей, которые и так уж в досталь пострадали. Вьетнамцы слушали внимательно.

Я сидел где-то у стенки и тоже внимательно слушал. И смотрел. Смотрел на вьетнамскую команду и нашу. Наша — это чиновники, выросшие в коридорах власти, в лабиринтах аппарата. Их команда — бывшие подпольщики, бывшие политкаторжане, выросшие на военных тропах. И они не могут понять друг друга. Не могут, потому что по-разному, очень по-разному оценивают и жизнь человеческую, и боль, и страдания. То, что нам казалось иррациональным, бессмысленным, безнадежным, для них было наполнено смыслом и надеждой. Какое еще нужно *ratio*, если есть воля к победе?!

Из Ханоя Косыгин полетел в Пекин. Как я понимаю, у премьера (не у Андропова!) была все-таки надежда сгладить острые углы, нарастить взаимопонимание, вернуться в Москву с победой. Не получилось. Китайцы, как и мы в «молодости», были самодостаточны и непробиваемы. Их не смущала полемика. Они ничего не хотели координировать.

На беседе с Мао Цзэдуном я не был. По глупости решил, что Пекин интереснее председателя Мао, и отправился путешествовать по городу. Судя по рассказам, Мао Цзэдун переиграл Косыгина. Он свободнее ориентировался в сложностях мировой политики, его логика была изощренней и весомей. Помню, как в самолете мучились помощники Косыгина, пытаюсь «выровнять» стенограмму беседы, уравновесить в ней советский и китайский вклады.

Тут, видимо, следует отметить, что у Косыгина практически не было опыта ведения внешнеполитических дел. В Советском Союзе это была епархия партийного лидера. Через пару лет все вернется на круги своя. Но смутное послепереворотное время вытолкнуло Косыгина на международную арену. И сразу ему пришлось столкнуться с нештатными ситуациями. В разговорах с Хо Ши Мином или Ким Ир Сеном на Косыгина работал весь авторитет КПСС и СССР. Мао Цзэдун мог позволить себе не считаться с этим авторитетом. Это делало положение Косыгина непривычным и сложным.

Потом был Пхеньян. В основном — на холостом ходу. Все корейские яйца давно лежали в китайской корзине. «Сопровождающим лицам» самостоятельно гулять по городу не разрешалось. Оставалось пить в резиденции женьшеневую водку и закусывать ее острой и ароматной капустой кимчи. Прелесть что за капуста!

Последняя остановка перед Москвой — Владивосток. В кабинете командующего Тихоокеанским флотом огромная карта. Тихий океан. Адмирал докладывает обстановку. Везде, куда стоит смотреть, советские корабли и подводные лодки. А рядом — американские. Но от этого ни в Америке, ни в Советском Союзе не прибавляется счастья...

Впоследствии мне приходилось много и плотно заниматься Вьетнамом. Исходный пункт моего подхода, который я настойчиво втолковывал начальству, состоял в том, чтобы не рассматривать мировую обстановку сквозь призму вьетнамских событий. Наоборот. Важно было конфликт во Вьетнаме видеть на фоне общего течения мировых дел. А на таком фоне развитие советско-американских отношений, несомненно, приоритетнее отношений с Вьетнамом. Не всегда и не все со мной соглашались.

Experimentum erutis история поставила в мае 1972 года. Визит президента США Никсона должен был начаться 22 мая. Однако 8 мая Никсон приказал заминировать подходы к вьетнамским портам. Усилились бомбежки Хайфона. В общей неразберихе погибли несколько советских моряков. Политбюро колебалось. И все-таки президент США появился в Москве в назначенный срок.

Интересам Советского Союза, доказывал я, «категорически противопоказаны всякие внешнеполитические эксцессы. Главное для нас (и для мирового революционного движения) — проблемы экономики. Надо соразмерять политические решения с реальными экономическими и политическими возможностями и отказаться от мысли, будто мы должны всюду активно вмешиваться в ход событий. Если Советский Союз будет проигрывать экономическое соревнование с Соединенными Штатами, падение нашего авторитета и влияния не смогут предотвратить никакие воинственные и революционные заявления».

И, возвращаясь во Вьетнам. «Не нужно гипнотизировать себя рассуждениями о том, что американцы-де ждут не дождутся, чтобы сбросить на нас атомную бомбу. Точно так же не нужно создавать иллюзию, что мы будем воевать из-за Вьетнама. Государственные интересы СССР требуют поисков не военного (именно на это толкают нас китайцы), а политического решения международных проблем. Это касается и Вьетнама, и других аналогичных проблем, которые неизбежно будут возникать в будущем».

К середине 1966 года внутри советского руководства стало вызревать намерение топнуть ногой, припугнуть американцев, поставить их на место. Уж больно они активизировались во Вьетнаме. Предлагалось учинить разговор по «красному телефону», отозвать посла из Вашингтона, организовать военные учения на Дальнем Востоке и т. п. Пишу бумагу Андропову для возможной дискуссии на политбюро.

«Совокупность предлагаемых мероприятий могла бы иметь смысл только в двух случаях:

а) если мы готовы начать войну с Соединенными Штатами Америки и

б) если хоть мы и не готовы воевать, но американцы верят в нашу готовность начать военные действия против США.

Однако ни одно из этих условий не имеет места. Мы не готовы (точнее — не должны) воевать с американцами из-за вьетнамских событий. И американцы прекрасно это понимают.

В таком случае намечаемые мероприятия, если подходить к ним не с сиюминутной точки зрения, а с точки зрения хотя бы ближайшей перспективы, и если рассматривать их не только как пропагандистскую кампанию, а как элемент советской политики, действуют не в нашу пользу.

На фоне многочисленных заявлений, протестов, митингов, да еще и с участием членов политбюро, все отчетливее будет выступать неспособность СССР оказать реальное воздействие на ход событий во Вьетнаме.

На фоне таких мероприятий, как разговор по „красному телефону“, отзыв посла из Вашингтона, военные учения на Дальнем Востоке и т. д., представляющих по существу политический блеф (а американцы понимают это даже лучше, чем мы сами), более контрастным станет отсутствие реальных шагов для сдерживания американской агрессии.

Таким образом, ни эскалация пропаганды, ни эскалация политических блефов не могут оказать сдерживающее влияние на эскалацию войны во Вьетнаме.

Я уже не говорю о том, что предлагаемая программа полностью соответствует намерениям Пекина, делающего ставку на резкое ухудшение советско-американских отношений, рост международной

напряженности и появление в связи с этим внутренних трудностей в Советском Союзе.

Наша политика во вьетнамском вопросе должна определяться не пропагандистскими соображениями, не стремлением доказать нашу „революционность“, а реальной оценкой сложившейся ситуации и государственными интересами Советского Союза.

Еще в самом начале активных военных действий во Вьетнаме было понятно, что вьетнамский кризис невозможно разрешить военным путем и что втягивание Советского Союза в это дело ни к чему хорошему не приведет. Нынешние события еще и еще раз подтверждают этот вывод. Поэтому главные наши усилия (вплоть до прямого политического давления на Ханой) должны быть направлены на то, чтобы посадить вьетнамцев за стол переговоров.

Разумеется, это трудно сделать. Вьетнамцы будут упираться. Но если мы будем тверды и последовательны, если мы не будем поддерживать иллюзии о возможности „победоносного“ отражения агрессии, дело можно сдвинуть с мертвой точки. Важно начать двигаться по этому пути и еще важнее понять, что любой другой путь в конечном счете ведет к ухудшению внешнеполитического положения СССР, к падению авторитета КПСС.

Теперь о военной стороне вопроса. То, что сейчас происходит, дискредитирует нашу военную помощь. Американские летчики называют советские ракеты „летающими телеграфными столбами“. Весь мир является свидетелем того, что Советский Союз бессилён помешать систематическим бомбежкам территории ДРВ. Поэтому активные действия, направленные на политическое урегулирование вьетнамского кризиса, должны сопровождаться растущей военной помощью социалистических стран и прежде всего Советского Союза, помощью, локализованной только и исключительно пределами Северного Вьетнама.

Опасности возникновения широкой войны с американцами здесь нет, так как Вашингтон прекрасно понимает наше положение и, видимо, отнесется к нашим акциям военного характера как к вынужденной необходимости. В связи с этим было бы целесообразно прямо поставить перед вьетнамцами вопрос о необходимости ввода в действие советских зенитно-ракетных подразделений. Кроме того, следует не менее решительно поставить вопрос о коренном улучшении

всей системы ПВО и, в частности, о том, чтобы советским (а не китайским) советникам принадлежало решающее слово в центральных органах ПВО.

Все эти предложения (а также возможные обращения к КНР) должны делаться открыто, публично. В этом случае отказ вьетнамцев от нашей дополнительной помощи и от наших „добровольцев“ можно будет использовать как предлог для того, чтобы дистанцироваться от нереалистической политики вьетнамского руководства.

Все эти соображения отнюдь не исключают и мероприятий пропагандистского характера. Они проводятся и, несомненно, должны проводиться. Однако суть дела заключается в том, чтобы пропаганда была подчинена разумной и последовательно проводимой политической линии. К сожалению, до сих пор наблюдается обратная тенденция: подчинять политику пропаганде. Вряд ли это приносит пользу и политике, и пропаганде».

Раздумья над вьетнамским кризисом наводили и на более общие темы. Идеология приходила в противоречие с политикой. Идеология требовала поддерживать всякую страну, которая является социалистической (по критериям тех лет, разумеется). Но завязывались политические узлы, когда социалистическая страна проводила политику, которая явно не соответствовала интересам мировой системы социализма, интересам борьбы за мир. С этим мы столкнулись во время индо-китайского конфликта. С этим мы сталкиваемся во Вьетнаме, руководство которого настроено против любых компромиссов.

«В связи с этим, — писал я Андропову, — было бы целесообразно откорректировать теорию, приведя ее в соответствие с политической практикой. Следовало бы разработать тезис о том, что социализм не дает права на непогрешимость в политике. Вполне допустимы случаи, когда та или иная социалистическая страна предпринимает внешнеполитические акции не социалистического характера (действия китайцев на границах с Индией, разрыв нами дипломатических отношений с Албанией и т. п.). В этом случае Советский Союз (и любая другая страна социализма) не считает себя обязанной поддерживать такие акции.

Выступление с этим тезисом имеет известные минусы: поднимут шум китайцы, возникнут разговоры о том, что мы якобы не выполняем свой интернациональный долг. Но эти временные минусы

перекрываются плюсами: мы избавляемся от противоречия между теорией и политикой, мы развязываем себе руки и получаем идеологически „легализованную“ возможность не втягиваться в сомнительные ситуации. Мы заставляем кое-какие горячие головы более реалистически оценивать обстановку и не надеяться, что их авантюристический курс будет поддержан авторитетом Советского Союза. Разумеется, эти соображения следует высказать не сейчас, когда они будут выглядеть как идеологическое прикрытие политического отступления. Видимо, целесообразно выбрать более спокойное время, которое может наступить после урегулирования вьетнамского кризиса».

Сочиня бумаги такого типа, я и мои коллеги-консультанты не были настолько наивными, чтобы надеяться на их незамедлительный эффект. Многие идеи, которые нам казались бесспорными, отвергались, многие принимались в усеченном, кастрированном виде. Но постепенно, медленно, непоследовательно происходили подвижки в идеологии, она приближалась к практике, к реальным политическим процессам. К сожалению, слишком медленно...

И последний вьетнамский сюжет. Одно время, где-то уже ближе к 70-м, была идея использовать аэродромы на китайском острове Хайнань для промежуточной посадки наших самолетов, которые могли бы быть задействованы во Вьетнаме. Мне было поручено предварительно, «в первом приближении», проработать вопрос. Министерство обороны прислало двух генералов-летчиков и адмирала. Сидели долго. Вроде понимали друг друга. На прощание я спросил:

— Почему военные выдвигают так мало толковых, конструктивных предложений в связи с вьетнамской войной?

— Потому что это война не Министерства обороны, это война ЦК КПСС, — так ответил один из трех собеседников.

Остальные промолчали. Возникла некая неловкость. Гости ушли.

Прошло минут десять. Стук в дверь. Входит один из трех.

— Простите, но я не согласен с... Это наша общая война. Прошу учесть.

И вышел...

Если принять за основу речевую систему координат, то 1965 год — это прежде всего год 20-летия Победы. Речь шла трудно. С одной стороны, решался вопрос о мере правдивости, о возможной степени обнажения негатива, характерного для первой половины войны. С

другой — требовал внимания и вопрос о роли Сталина в подготовке к войне, в наших поражениях и победах. Казалось, обо всем уже переговорено и переспорено, но бурные дискуссии вспыхивали снова и снова, свидетельствуя, кстати, о том, что военные историки давно топчутся на месте.

До XX съезда: «За Родину! За Сталина!» И вообще, Сталин — это наше все. После съезда: Сталин воевал по глобусу. Маршалы писали обличительные мемуары. Еще после: сталинометр сдвигается назад. Маршалы ругают Хрущева и переписывают мемуары. Где-то на такой волне появляется новое руководство, в основном составленное из далеко не новых руководителей.

Брежнев раздваивался.

Как человек, как фронтовик, как выдвигенец Сталина, он уважал «Корифея», даже преклонялся перед ним.

Как политик, как лидер партии, сумевшей взглянуть в глаза правде ГУЛАГа, правде пыток и измышательства, он понимал: реабилитация Сталина невозможна, она расколует партию, вызовет опасное брожение в стране.

И Брежнев лавировал. В чем-то уступал сталинистам. Но так, чтобы не дать повода обвинить себя в отступлении от принципиальной линии XX–XXII съездов КПСС.

Сам он в спорах наших не участвовал. Сидел, слушал, молчал. Окончательные решения принимались тогда, когда начинали править текст. «Великий» полководец можно ведь исправить на «выдающийся». И наоборот.

Фронтовикам, ветеранам — это я пишу уже независимо от речи — повезло. Их было стали забывать. Но когда фронтовик, прошедший от звонка до звонка всю войну, стал во главе партии, страны, положение резко изменилось. Не только льготы. Память, уважение. Не стыдно стало носить ордена.

Брежнев, как и многие фронтовики, любил вспоминать военные годы. Отдельные эпизоды. Люди. Атмосфера. Рассказчик он был хороший. Правда, годы берут свое, и иногда одна и та же тема повторялась по несколько раз. Чины у Брежнева были невеликие. Поэтому всего он навиделся, так сказать, «в натуре». И без прикрас рисовал батальные и околотатальные сцены.

Вспоминается такой случай. Константину Симонову не разрешали печатать военные дневники 1941 года. Летопись поражений и отступления, часто — бегства. И мы, которые спичрайтеры, или, по-нашему, речеписцы, решили организовать встречу Симонова с Брежневым. Надеюсь, что Симонов сможет склонить Брежнева на свою сторону. Обстановка благоприятствовала. Сочинялась речь при открытии Волгоградского мемориала. Мы сидели в комнате недалеко от кабинета Брежнева. И он часто заходил к нам. Послушает абзац-другой, поговорим, попьем чайку и дальше...

Замысел вызрел такой. Пригласить в группу Симонова. Заходит Брежнев (а мы знали, что он очень ценит Симонова и как поэта, и как писателя). Знакомство и «непринужденный разговор». Так и получилось. Часа два говорили.

— Ну, что там у тебя? — спрашивал Брежнев.

Симонов читал какую-то неприемлемую для цензуры страничку из дневника.

— Подумаешь! — восклицал Брежнев. — Я и не такое видел.

И начинал живописать это самое «не такое». В общем, каждый показывал друг другу изнанку войны. Наконец Симонов:

— Это и есть правда, мы знаем ее, и мы обязаны рассказать о ней людям.

Брежнев не соглашался:

— Мало ли что мы видели, главная правда — мы победили. Все другие правды меркнут перед нею. О них тоже надо говорить. И мы уже (и вы — писатели — в первую очередь) наговорили много. Но может быть, стоит пожалеть людей, победителей, их детей и внуков и не вываливать все сразу. Дойдет время и до твоих дневников. Скоро дойдет...

Брежнев взял Симонова с собой в Волгоград. Рассказывают, что они проговорили весь путь туда и обратно. Наверное, обоим было интересно и полезно... А дневники вышли.

Смена руководства потребовала своего рода «инвентаризации» политики партии, выделения участков, требующих новых подходов и максимума внимания. Этому были посвящены мартовский и сентябрьский пленумы ЦК КПСС.

На мартовском пленуме рассматривалось положение в области сельского хозяйства. Докладчиком был Брежнев. На сентябрьском

пленуме с докладом о положении в промышленности и «о мерах по...» выступил Косыгин.

Мне пришлось по касательной прикоснуться к докладу Брежнева. Была попытка развернуть тезис об аграрной политике КПСС как о важнейшей части политики экономической и социальной. Но не получилось. Какая политика, когда всегда можно принять «меры по дальнейшему...»? Результат стал ясен еще при советской власти. Огромные суммы вбухивались в деревню, но с минимальной отдачей.

Косыгин предложил комплекс весьма ограниченных реформ. Но и они были погребены бюрократическим аппаратом под грудой охранительных оговорок.

Приходилось слышать разговоры о том, что Брежнев не любил Косыгина и поэтому глушил его прогрессивные идеи. Не думаю, что все так просто. Брежнев действительно «не любил» Косыгина. Он ревновал к известности, популярности Косыгина. Ему не нравилась независимость (пусть относительная, но все же...) Косыгина. Его настораживало сдержанное участие Косыгина в хоровых славословиях (кстати, по этим же причинам Брежнев недолюбливал Машерова). Но если иметь в виду дело, понимание политики, умение расшифровать пульс (кардиограмму) советской власти, «развитого социализма» вообще, то, по-моему, перед нами, что говорится, два сапога пара. Это особенно было заметно во время чехословацкого кризиса.

Косыгин слишком рано осел в Москве. Не месил грязь на военных дорогах. Не работал в республиках. Редко бывал на предприятиях. Возможно, сказывался и характер Косыгина. Он был довольно замкнут, не слишком коммуникабелен. Во время редких встреч и разговоров с Косыгиным мне не приходилось слышать ничего, что выделяло его из его же окружения. Судя по всему, Косыгин был превосходным сталинским наркомом. То есть четким, досконально знающим дело исполнителем. Таким он и оставался — на любых постах и в любое время.

Реакция руководства братских стран на октябрьский пленум, продолжение полемики с лидерами КПК, вьетнамский кризис выдвигали на передний идеологический край проблематику мирового социализма. В отделе ЦК именно этой проблематикой приходилось заниматься в первую очередь. Мощные импульсы исходили от Андропова. Он требовал от нас, своих консультантов, «пищу для ума».

«Думайте, пишите по максимуму, — наставлял он, — а что сказать в политбюро, я и сам соображу».

Думали мы довольно долго. 18 октября я вручил Андропову 13 страниц «материала для размышлений», который был озаглавлен вполне в духе отбития всяких попыток размышлять: «О мерах по дальнейшему оздоровлению отношений между социалистическими странами Европы».

Попробую изложить основные идеи. Напоминаю, что дело происходит почти сорок лет назад.

Начинается с констатации: «Между социалистическими государствами существуют острые конфликты, доходящие до прямой политической борьбы (Китай — СССР, Югославия — Албания), серьезные противоречия, временно приглушенные чрезвычайными обстоятельствами (СССР — ДРВ, СССР — КНДР), расхождение политических и экономических интересов (Румыния — СССР, ЧССР — ГДР). По существу, во всех социалистических странах получили распространение националистические, зачастую антисоветские настроения». Все это ослабляет социализм. Становится актуальной разработка мер по стабилизации обстановки в мировой системе социализма. Поскольку ситуация с Китаем пока бесперспективна, надо сосредоточиться на европейских странах социализма.

Сначала вопрос: действие каких факторов вызвало нездоровые явления в содружестве? Во-первых, относительная политико-экономическая отсталость братских стран, что вызвало преобладание административно-принудительных методов руководства социальными процессами. Во-вторых, навязывание советского опыта, советских форм и методов социальных преобразований. Наша политика строилась на предпосылке, что хорошо и правильно лишь то, что мы считаем хорошим и правильным. Под покровом искусственной монолитности зрели обиды, подозрения, противоречия. Рано или поздно они должны были выйти на поверхность.

Первым признаком назревавшего кризиса были события, связанные с Югославией. Они доказали, что социалистическая страна может проводить независимую от СССР внутреннюю и внешнюю политику. Сначала они рассматривались как досадное исключение из правила. Но XX съезд КПСС перечеркнул этот примитивный подход.

Декларация от 30 октября 1956 года означала новую фазу в развитии взаимоотношений социалистических стран.

За десять лет многое изменилось. Но, как указывалось на октябрьском пленуме ЦК КПСС, советские привычки великодержавия и командования продолжали сказываться на положении дел.

Нынешняя задача: «сплотить социалистические страны на основе действительного равенства, реальной независимости и безусловного суверенитета».

Разногласия, различия во мнениях ликвидировать невозможно. Это было бы «догматической утопией». Надо научиться нормально сотрудничать при наличии разногласий. «Наука эта, как показал опыт, дается нелегко. И чтобы овладеть ею, чтобы научиться вводить разногласия в русло нормальных, здоровых взаимоотношений, нам надо прежде всего понять, что наш опыт, наши представления и оценки не обладают самодовлеющей ценностью и абсолютной истинностью... Крайне необходимо также научиться понимать иные, отличные от наших, точки зрения, иные, не схожие с нашими, позиции. Надо, наконец, научиться подавлять внутреннее раздражение, которое обычно вызывается несогласием с нами, не драматизировать ситуацию, не давать волю чувствам».

Это — психология и принципы. Теперь — практика.

А. Политические отношения. Главное здесь — координация внешней политики. Не ставить братские страны перед фактом, а привлекать их к выработке решений. Для этого необходимо сделать более гибким и оперативным механизм Варшавского договора.

Б. Экономические отношения. Следует вывести СЭВ из состояния полупаралича. Советский Союз должен покончить с настроениями автаркии и пойти на координацию производства с партнерами по СЭВу.

В. Идеологические отношения. В теоретических разработках мы отстаем от ряда стран (Польша, Чехословакия, Югославия, ГДР). Надо смелее пересматривать устаревшие, догматические концепции, активнее идти на контакты с братскими партиями в изучении новых процессов и явлений.

Г. Обмен опытом. Надо научиться учиться опыту братских стран. Мы же пока не только не учимся, но замалчиваем почти все, что не похоже на наше.

И вывод: «Общая идея, которая должна связать все мероприятия по политической, экономической и идеологической линиям, — это действительное признание равноправия и независимости всех социалистических стран, всех братских партий, окончательное искоренение всяких намеков на нашу исключительность, привилегированное положение, на нашу теоретическую непогрешимость. Вместе с тем мы имеем полное право требовать, чтобы отношение к СССР и КПСС основывалось на этих же принципах».

Последнее. Дифференцированный подход. «Принцип этой дифференциации прост: мы должны лучше относиться к тем странам и партиям, которые лучше относятся к нам».

Давно все это писалось. Нет мировой системы социализма. Однако многие «меры по...» имеют смысл и применительно к Содружеству Независимых Государств. Изобретая велосипеды, полезно изучить уже имеющиеся образцы...

Наряду с замахами, которые демонстрирует записка о положении в системе социализма, занимались и более заземленными вопросами.

Что знает «рядовой» гражданин о деятельности советского руководства? О повседневной работе тех органов, которые вершат судьбами миллионов? Практически ничего. Чуть-чуть о внешней политике, тут протокол пробивается на страницы газет. О внутренней, если публикуются объемистые постановления «партии и правительства». А ведь президиум и секретариат ЦК заседают каждую неделю. Регулярно собирается правительство. Решаются десятки важнейших вопросов. Но никто не сообщает об этом. Коммунисты, граждане страны об этом не знают.

С подачи консультантской группы Андропов внес в президиум предложение еженедельно публиковать в «Правде» и «Известиях» сообщения о заседаниях руководящих органов партии и государства. С конкретной информацией о вопросах, которые там рассматривались. Предложение было одобрено президиумом ЦК КПСС.

Но радовались мы рано. Ни «Правда», ни «Известия» не печатали сообщений из Кремля. Оказывается, в постановлении президиума не указывалось, кто будет составлять текст сообщения, которое должно появиться в газете. Наконец и это препятствие было преодолено.

По существу сообщения были, конечно, пустые. Но формально — первые ростки гласности, если угодно. Гласности пока безгласной.

Тем временем начиналась подготовка к XXIII съезду КПСС.

Съезд партии — это прежде всего отчетный доклад ЦК. Что сделано за отчетный период и куда двигаться дальше. Лучше всех знает, что сделано, тот, кто делает. Следовательно, отчет должны составлять отделы ЦК. Видимо, таков был ход мыслей Брежнева, когда он дал команду включить в группу для составления доклада руководителей отделов. Местом работы была определена сталинская дача — Волынское-1.

Но работать в таком составе было невозможно. Каждый отдел был представлен, как правило, заместителями заведующего. Писать то, что нужно для съезда и как нужно, они не умели. Они не имели представления о стратегических наметках руководства партии. Если говорить серьезно, то Брежнев должен был собрать команду и дать общие установки, обозначить направляющие для текста. Но он не сделал это. Возможно, потому, что сам еще толком не понимал, как должен выглядеть доклад, не вообще доклад, а его, брежневский. Имея за спиной Сталина и Хрущева, тут было о чем подумать.

Погрузились в бестолковщину. Долго не было общего плана доклада. Какие-то не связанные между собой заготовки делались в отделах, присылались в Волынское, а тут бедные замзавы не знали, что с ними делать. Днем все тихо сидели по своим комнатам. А после ужина собирались и до полуночи пили и «обсуждали». До обеда набирались новых сил...

Нам, международникам, было проще. Из разговоров с Брежневым мы примерно знали, что ему нужно. И еще мы знали, что нам нужно. В команде все умели сочинять партийные тексты. Руководил нами диумвират, состоящий из М. В. Зимянина (главный редактор «Правды») и Л. Н. Толкунова (первый заместитель Андропова). К середине декабря у нас уже был готов проект международного раздела. Дальше начиналось самое интересное. Но оно требует предисловия.

Отсутствие прений на октябрьском пленуме предопределило отсутствие серьезного, делового анализа всего хрущевского наследия. Партия расставалась с «дорогим Никитой Сергеевичем» без открытого обсуждения связанных с его именем новшеств в теории, в политической идеологии (КПСС — партия не рабочего класса, а всего

народа; общенародное государство вместо диктатуры пролетариата; не революция, а «мирный переход» и т. д. и т. п.). Но обсуждение шло. Не только Пекин атаковал «три мирных». У нас были свои, внутренние, китайцы. Они занимали важные позиции в аппарате ЦК КПСС. И в ходе подготовки к XXIII съезду они дали бой. Главный удар пришлось принять международным отделам.

Свою продукцию мы должны были предъявлять не Брежневу, а тройке в составе В. И. Степаков (зав. отделом пропаганды ЦК), С. П. Трапезников (зав. отделом науки ЦК) и В. А. Голиков (пом. Брежнева по вопросам сельского хозяйства и идеологии). И Трапезников, и Голиков были отчаянными консерваторами, догматиками, сталинистами. Они работали с Брежневым еще до ЦК, и он, если я не ошибаюсь, испытывал к ним личную привязанность. 16 декабря указанная тройка получила проект развернутых тезисов к разделу под названием: «Международное положение СССР. Внешнеполитическая деятельность КПСС и Советского государства». На экземпляре, сохранившемся у меня, помечены места, которые тройка предлагала вычеркнуть:

- утверждение принципов мирного сосуществования с капиталистическими странами;
- избавление человечества от мировых войн;
- предотвращение мировой войны; большое разнообразие условий и методов строительства социализма в различных странах и в связи с этим возможность неодинаковых подходов к решению отдельных экономических и политических вопросов. Реалистическая марксистско-ленинская оценка положения в мировой социалистической системе, более тщательный и всесторонний учет позиций и специфических интересов каждой страны социализма, согласование их между собой и с общими интересами всего социалистического содружества, взаимное уважение мнений и интересов друг друга, гармоничное сочетание национальных и интернациональных задач — неперемненное условие обеспечения прочного единства между независимыми и равноправными социалистическими странами;
- продолжение борьбы на два фронта: против ревизионизма и догматизма, против правого оппортунизма и левого авантюризма;
- строгое соблюдение принципов равноправия и самостоятельности каждой партии, невмешательства во внутренние

дела друг друга;

— могущество СССР и других социалистических стран, их активная политика, антивоенное движение международного рабочего класса, действия всех антиимпериалистических, миролюбивых сил срывали замыслы агрессоров, вновь доказали возможность предотвращения мировой войны;

— дать всестороннее определение политики мирного сосуществования, отпор попыткам извратить ленинские принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Думаю, что комментарии здесь излишни.

У меня сохранились и странички с замечаниями Голикова и Трапезникова. Они начинаются почти по Жванецкому: «Сегодня Ленина изучают и по Ленину живут в джунглях. Это победа ленинизма». Однако, несмотря на эту победу, предлагается отметить «невероятную напряженность» на мировой арене. «Империализм просто наглет по всем линиям». А тут — «смещения»: выдвигаем на первый план мирное сосуществование, мирное соревнование, а где же ленинское положение о социалистической революции? У нас «исчез пролетариат». Все говорим: народ, народ, народ. «Слитность такая, слитность всех революционных сил. Это неправильно. У нас, товарищи, получился какой-то моральный удар по революции. Мы сняли слово — диктатура пролетариата. Рабочий класс потерпел поражение...» Надо сделать так, «чтобы до конца веяло духом ленинской теории социалистической революции». Почему следует снять слово «догматизм»? Потому что «противнику удобно под флагом атаки на догматизм вести поход и против марксизма-ленинизма».

Рекомендовалось резко усилить критику империализма США, «показать его звериную, хищническую колониальную сущность; агрессивность и бешеную подготовку к войне; показать США как мирового жандарма. Активное развитие фашистской тенденции в США».

«Мировая война на подходе, — утверждал Голиков. — Надо с этим считаться».

Обсуждение нашего раздела на тройке завершилось скандалом. Зимянин сначала терпеливо выслушивал все эти разглагольствования о «смещениях» и «слитности». Но не выдержал. Вскочил и сразу на крик:

— Мне надоело выслушивать рассуждения дилетантов! Что вы понимаете в международных делах?! Трясите здесь идеологическим старьем — не это нужно партии!..

Воспроизвожу по памяти. Что-то забыл. Но за смысл ручаюсь.

В ответ Трапезников заявил, что он вообще не будет больше делать никаких замечаний по международному разделу. И тройка покинула зал заседаний. Замечания, к сожалению, продолжали поступать.

Любопытна позиция Брежнева. Думаю, он понимал, что сталкивает крайности. И он делал это, как раз чтобы избавиться от крайностей, чтобы эти самые «крайности» ограничили друг друга, заставили искать точки соприкосновения, компромиссы. Так и получилось. Хотя в целом атаку консерваторов на основных направлениях удалось отбить. Увы! Не без потерь.

Борьба за «чистоту марксизма-ленинизма», которая сопровождала работу над текстом, вызвала у меня творческий подъем:

Все это было, было, было...

Опять — мочало, снова — мыло.

Все те же веники. Все та

Бодрящая журчит вода.

И баней тянет за версту:

Марксизм, он любит чистоту.

В руках Кускова блещет снова

До дыр протертая основа.

А. Беляков, мрачнее тучи,

Полощет принципы. И тут же

Спешит Арбатов на подмогу:

В ведре он кипятит эпоху.

В. В. Загладин и Ю. Жилин

Давно в поту, давно уж в мыле.

Смывают пятна обещаний

С лица московских совещаний.

Программы, линии, платформы, —

Чтоб сохранили свои формы, —

Крахмалит Бовин, а потом

Их Брутенц гладит утюгом.

Кипит работа. Пар клубится.

Марксизм как будто вновь рождается.

Устали банщики. Пьют чай.
На лицах их раздумий тень.
Кончай работу не кончай,
Ведь завтра снова банный день.

Так мы развлекались. Правда, настоящая баня, еще сталинских времен, тоже была. Но чтобы попасть туда, надо было переступить через Шишлина, который жил там ввиду всеобщей тесноты. Количество марксистов на квадратный метр было выше нормы.

В результате коллективных «проходок» с участием докладчика текст доклада становился все более серым, скучным, шаблонным. Брежнев еще не чувствовал себя уверенно. Он предпочитал придерживаться уже апробированных формул, принятых большинством коммунистических партий. А «смещения» и «слитность», так беспокоившие приближенных к нему догматиков, самого Брежнева не смущали. Но, правда, и не вдохновляли.

Особый упор Брежнев делал на тональность международного раздела. Говорить только от своего имени. «Не отчитываться за социалистическую систему». Не лезть во внутренние дела братских стран, «ничего не критиковать в их развитии». О Китае сказать очень сдержанно, «проявить выдержку». Так оно и было сделано.

Во время съезда мне было поручено следить за откликами и докладывать их начальству. Многие обозреватели отмечали «достойный и конструктивный тон доклада», «отсутствие сенсаций», «оптимизм без иллюзий», «разумное и реалистическое поведение» (в отличие от «догматического рвения» китайцев). Выделялся акцент на независимость и самостоятельность братских стран и партий («все красные теперь равны»). Поскольку в докладе не упоминались ни Сталин, ни Хрущев (что, если говорить по существу, не плюс, а минус доклада), западные комментаторы сделали вывод, что новое советское руководство хочет «периода спокойствия и консолидации». Отсутствие среди делегатов съезда А. Т. Твардовского, жесткая по отношению к интеллигенции речь М. А. Шолохова, двусмысленности в речи Н. Г. Егорычева были истолкованы наиболее проницательными наблюдателями как сдвиги в направлении спокойной, без излишнего шума рестаилинизации.

Примерно в таком же духе трактовались преобразование президиума ЦК КПСС в политбюро и переименование первого секретаря в генерального секретаря ЦК КПСС.

Самое важное написал, с моей точки зрения, московский корреспондент еженедельника «Нью-Йорк таймс мэгэзин» П. Гроуз: «Коммунистическая партия отстала от того общества, которое она создала. Советское общество, построенное коммунистами, вызывает интерес и уважение. И менее всего волнующим, менее всего вдохновляющим, менее всего обещающим в нем стала коммунистическая партия. С ее ролью авангарда революции XX столетия покончено». Я не стал огорчать начальство.

От трехмесячного сидения в Волынском-1 осталась

ИНСТРУКЦИЯ

по составлению теоретических и политических документов исторического значения

1. Всегда помнить, что документы исторического значения не пишутся на воде.

2. Не торопиться. Спешка не только отражается на качестве документов, но, — что особенно важно, — создает у руководства ложное впечатление небрежности и невнимания к порученному делу.

3. Не открывать Америк. Помнить, что марксизм-ленинизм — законченное учение, вершина научной мысли.

4. Не забывать классических выражений:

— уделяла и уделяет;

— стояла, стоит и будет стоять;

— клеветнически утверждают, будто;

— нельзя не видеть, что;

— одерживает все новые и новые победы;

— уверенно идет вперед;

— с чувством глубокого удовлетворения отмечает;

— на основе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, Декларации и Заявления московских совещаний и т. д.

5. Во время работы:

- не ловить рыбу;
- не собирать грибы;
- не разжигать костры;
- не играть в бильярд;
- не ходить на лыжах;
- не варить варенье;
- не бродить бессмысленно по лесу.

* * *

Как уже говорилось, на съезде имя Сталина практически не звучало. Однако весь год — и до съезда, и на съезде, и после съезда — проблема Сталина (продолжать и углублять критику? восстановить доброе имя вождя народов? отмолчаться, сделать вид, что проблемы не существует?) была стержнем идеологической борьбы в партии и обществе. На консервативном, догматическом фланге оживились люди вчерашнего дня, придавленные было решениями XX и XXII съездов КПСС. Им казалось, что новая расстановка сил в руководстве партии позволяет надеяться на реабилитацию Сталина. На другом фланге зашевелились противники Сталина и сталинизма. Они не хотели пассивно, молча ждать закручивания гаек. Они боролись.

Приведу текст письма, поступившего в ЦК в начале марта:

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

В последнее время в некоторых выступлениях и статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина.

Мы не знаем, насколько такие тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу.

Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющих думать, что осуждение культа личности было чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях

Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не предана гласности.

Дело и в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ это никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода — хотя бы и частичного — от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто.

Любая попытка сделать это приведет только к замешательству и разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, например, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроения среди нашей молодежи. Как и вся советская общественность, мы обеспокоены за молодежь. Никакие разъяснения и статьи не заставят людей вновь поверить в Сталина; наоборот, они только создадут су мятицу и раздражение. Учитывая сложившееся экономическое и политическое положение нашей страны, идти на все это явно опасно.

Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутривнутриполитический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении к его реабилитации создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения. На этот раз между нами и компартиями Запада. С их стороны такой шаг был бы расценен, прежде всего, как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут.

Это — фактор исключительного значения, списывать его со счетов мы также не можем. В дни, когда нам с одной стороны грозят активизирующиеся американские империалисты и западногерманские реваншисты, а с другой — руководители КПК, идти на риск разрыва или хотя бы осложнений с братскими партиями на Западе было бы предельно неразумно.

Чтобы не задерживать Вашего внимания, мы ограничиваемся одним лишь упоминанием о наиболее существенных аргументах,

говорящих против какой-либо реабилитации Сталина, — прежде всего об опасности двух расколов. Мы не говорим уже о том, что любой отказ от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы достигнутые результаты.

Мы не могли не написать о том, что думаем. Совершенно ясно, что решение ЦК по этому вопросу не может рассматриваться как обычное решение, принимаемое по ходу работы. В том или ином случае оно будет иметь историческое значение. Мы надеемся, что это будет учтено».

Письмо подписали:

Л. А. Арцимович, академик.

О. Н. Ефремов, главный режиссер театра «Современник».

П. Л. Капица, академик.

В. П. Катаев, писатель.

П. Д. Корин, художник.

М. А. Леонтович, академик.

И. М. Майский, академик.

В. П. Некрасов, писатель.

Б. Н. Неменский, художник.

К. Г. Паустовский, писатель.

Ю. И. Пименов, художник.

М. М. Плисецкая, балерина.

А. А. Попов, артист.

М. М. Ромм, режиссер.

С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), писатель.

С. Д. Сказкин, академик.

А. Д. Сахаров, академик.

Б. А. Слуцкий, поэт.

И. М. Смоктуновский, артист.

И. Е. Тамм, академик.

В. Ф. Тендряков, писатель.

Г. А. Товстоногов, режиссер.

М. М. Хуциев, режиссер.

С. А. Чуйков, художник.

К. И. Чуковский, писатель.

Через несколько дней пришло еще одно письмо аналогичного содержания. Его подписали:

- А. Агшханов, академик.
- Б. Асатауров, член-корреспондент.
- В. Дудинцев, писатель.
- В. Жданов, академик.
- П. Здравовский, академик.
- И. Ильинский, артист.
- М. Кнуньянц, академик.
- А. Колмогоров, академик.
- В. Мурадели, композитор.
- И. Никифоров, историк.
- С. Смирнов, писатель.
- Г. Чухрай, режиссер.
- И. Эренбург, писатель.

«Подписанты» могли бы радоваться. На XXIII съезде никакого пересмотра решений о культе личности не произошло. Произошло другое. И не на съезде, а независимо от съезда. Послехрущевское руководство, мало что меняя на верхних, официальных, парадных этажах идеологии, дало понять «местам», что желательно умерить антисталинские настроения, осадить «очернителей» нашей славной истории.

«Деятели интеллигенции» явно переоценили «принципиальную решительность» партии и народа, да и многих представителей интеллигенции. Брежнев понимал это и пользовался этим. В лучшем случае он закрывал глаза на контратаки сталинистов, на то, что значительная часть аппарата ЦК поощряла, поддерживала такие атаки.

Примеров сколько угодно.

Пропустили «сквозь строй» и ошельмовали великолепную, честную книгу А. М. Некрича «1941. 22 июня».

Вновь стали усердно перелицовывать, подгонять под «генералиссимуса» историю Великой Отечественной войны.

Приступили и к очередному переписыванию истории партии.

Секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, который «курировал» подготовку учебного пособия по истории партии, попросил меня дать оценку проекту программы по курсу истории КПСС. Программа — это значит то, чему и как будут учить студентов.

Приведу несколько выдержек из моих «Замечаний» (они были переданы Пономареву 17 июля).

«Ныне принято говорить о „патриотическом воспитании на героическом прошлом“. Причем предполагается, что чем больше мы будем говорить о победах и меньше о поражениях, тем эффективнее будет такое воспитание. К сожалению, это — опасное заблуждение. Скептицизм, нигилизм, неверие в партийные лозунги и программы, — такая „болезнь“ существует, особенно среди молодежи, — вызваны отнюдь не тем, что мы много говорили о теневых сторонах истории КПСС и мало о светлых. Указанная „болезнь“ вызвана иными причинами. Молодежь теряет доверие к нам, становится циничной и скептической, когда она видит разрыв между словом и делом, нежелание говорить правду, недоговорки и лицемерие, когда она видит, что каждое крупное изменение в руководстве ЦК КПСС ведет к существенному пересмотру курса истории партии, и каждый раз это делается под лозунгами „объективности“ и „научного подхода“.

Я вынужден высказать эти самые общие соображения, ибо именно они определяют мою отрицательную оценку проекта программы в целом. Этот документ — шаг назад от тех позиций, которые уже завоевала наша историческая наука. Преподавать такую историю КПСС — значит не воспитывать, а разлагать студентов, подрывать у них веру в партию, в ее возможности и желание правильно оценить пройденный путь во всей его сложности и противоречивости.

Основные пороки проекта программы концентрируются вокруг вопроса о роли и значении И. В. Сталина. На первый взгляд именно здесь авторы проекта демонстрируют свою объективность: вновь появилось имя Сталина, отмечаются его „недостатки“, в списке литературы фигурируют его работы. Однако это лишь видимость объективности... Под прикрытием „объективности“ в проекте по существу оправдывается вся деятельность И. В. Сталина».

Завершая анализ конкретных сюжетов, который занимает несколько страниц, я пишу: «Проект программы даже не пытается

подойти к культу личности как к определенному социально-историческому явлению, общему для многих, если не для всех, социалистических стран. Не ставится вопрос о его причинах, о живучести его последствий, — а ведь без всего этого невозможно научное изучение истории КПСС».

Три заключительных вывода:

«1. С научной точки зрения проект программы по истории КПСС несостоятелен, ибо он искажает историю партии, умалчивает как раз о тех проблемах, которые в последние годы находились в центре внимания историко-партийной науки и всей советской общественности.

2. С политической точки зрения проект программы вреден, ибо он ставит под сомнение искренность и последовательность партии в ее борьбе за преодоление культа личности Сталина и его последствий и может породить неверие в способности и желание партии объективно оценить свою собственную историю.

3. Со всех точек зрения проект программы будет воспринят прогрессивной мировой общественностью (в том числе и у нас, и в большинстве компартий) как попытка возрождения „сталинизма“. Об этом, кстати, уже говорилось в ходе обсуждения проекта программы.

Кому это выгодно?»

Чем кончилось дело, не помню. Наверное, нашли какие-то половинчатые решения. В принципе в этом и заключалась «линия»...

* * *

Брежнев, как и Косыгин, только после октябрьского пленума плотно занялся международными делами. И прежде всего — обстановкой в мировой системе социализма. Полемика с китайцами перевернула многие привычные представления. Стали все очевиднее расхождения интересов внутри социалистического содружества. В ряде братских партий усилились националистические тенденции. Мы все чаще стали сталкиваться с критическим отношением к тем или иным акциям СССР, к политике КПСС. Обо всем этом отдел докладывал руководству. Насколько я мог видеть, Брежнев внимательно штудировал наши бумаги (точнее, те, которые преодолевали сито помощников). Для самообразования были очень полезны визиты в братские страны. Даже

сквозь плотный протокольный занавес всегда — при желании — можно было разглядеть что-то интересное. Много давали и беседы с коллегами, которые посещали Москву довольно часто.

К концу 1966 года у Брежнева появилась идея обобщить все сделанное, включая и контакты внутри международного коммунистического движения, и доложить пленуму ЦК. Такой пленум был проведен в декабре. Затем было решено на базе доклада («сократить и оживить») создать материал для партийно-советского актива. Работали в Завидове.

В Завидово я попал первый раз. Тогда это было очень скромное охотничье хозяйство Министерства обороны. Я еще застал гостевую книгу, где маршалы и генералы изливали свои охотничьи чувства. Жили все мы в двухэтажном доме улучшенного барачного типа. Малюсенькие комнатки. Только у Брежнева были апартаменты из трех комнат с балконом. Зато был довольно большой «зимний сад» — нечто вроде оранжереи, где росли пальмы, кактусы и прочая экзотика. Там стоял здоровенный стол, за которым мы и собирались для работы.

На первом этаже была столовая (она же — кинозал) и бильярдная.

Новая обстановка подействовала на меня: события каждого дня я записывал на отдельном листочке. Всего их пять: 22–26 декабря. Есть почему-то и листок от 19 декабря. Он посвящен боям вокруг Твардовского и кончается так:

«Атмосфера в литературе все более сгущается. Съезд писателей перенесли с декабря на май, чтобы „подготовиться“. Размежевание между, условно говоря, „Новым миром“ и „Октябрем“ — это отражение борьбы, которая подспудно ведется в обществе. К сожалению, в данное время верх берут охранительные, консервативные силы. Представляю себе название параграфа в „Истории СССР“ издания 2066 года: „Неосталинская реакция во второй половине 60-х годов“».

Из записи 22-го. Наличная команда: докладчик, Андропов, Пономарев, Александров (помощник докладчика), Загладин и Бовин. Брежнев уехал охотиться. Родился лозунг: «Тактически работать, стратегически отдыхать!»

Ужин с горилкой. Читали стихи. Брежнев много рассказывает. Оказывается, в 1956 году он писал обращение к венгерскому народу от имени Кадара, а потом — отвозил Кадара в Будапешт.

Брежнев не любит сюжетные фильмы. Поэтому после ужина смотрели журналы и очерки.

За подготовку пленума получили по фотоаппарату «Зоркий-10».

Запись 23-го. До обеда Брежнев работает. После едет на охоту. Сидит на вышке и ждет кабана. Пока безрезультатно.

Из рассказов докладчика. С мандатом от Маленкова к ним в соединение прибыл Шолохов. Писать книгу о войне («Они сражались за Родину»). Две недели все было нормально. А потом запил: гармонь, девки и т. д. Резко высказался против тех, кто «ковыряется в истории» (сколько было панфиловцев, был ли залп «Авроры» и др.).

Запись 24-го. Перед входом в «зимний сад» есть небольшая комната, где стоит телевизор плюс стол и несколько стульев. Поскольку я встаю очень рано (5–6 часов), то до завтрака работаю в этой комнате (в своей тесно очень). Неожиданно зашел Брежнев. Попросил рассказать о Мао Цзэдуне.

После могучего обеда катание на тройке. Лошади, снег, машинистки — все как надо. Как-то незаметно, но мы с Вадимом Загладиным выпили за вторую половину дня 5 бутылок коньяка. «Это было явно сверх меры. Я еще порывался работать, хотя следовало бы лечь спать. Кульминация — Андропов ласково уводит меня из кино».

Запись 25-го. Тяжелое утро раскаяния.

Перед завтраком встречаю Андропова.

— Эх вы! Мы-то свои люди, а посмотрели бы на физиономию Пономарева... Советую извиниться перед Леонидом Ильичом.

Я что-то бормочу в ответ.

Разговор с Л. И. — в телевизионной.

— Прошу извинить меня.

— ?

— Я был вчера в кино слишком возбужден.

— Брось ты это. Ерунда. Ну, был веселый. Я это сам люблю.

Андропов обещал «обстоятельно» поговорить в спокойной обстановке, то есть в Москве. Буду ждать...

Обед был назначен в «шалаше». Роскошный деревянный дом в лесу километрах в сорока от Завидова. Камин. Волчьи шкуры. Лакированные пни вместо стульев. Брежнев уложил двух кабанов. Ужин с хорovým пением.

«Сегодняшний день как-то снял неприятный осадок. Но не совсем, конечно».

Запись 26-го. Пономарев и Андропов с утра уехали. Брежнев — на охоту. А мы сидели и до вечера «ловили блох» в тексте.

Писание ответственных документов, тем более в присутствии начальства, создает излишне напряженную, перенасыщенную ответственностью атмосферу. Чтобы уменьшить психологический груз, занимались стихоплетством^[8]. В качестве примера — презентация участников.

Товарищ Брежнев строго правил
(своих речей и стиль, и слог).
Он нас доклад писать заставил
И хуже выдумать не мог.

О, боже мой, какая скука,
С тоскою глядя друг на друга,
Слова и фразы тасовать
И думать: «Мамочка ты мать!»

Пономарев в душе зеваает,
Но внешне сух и деловит.
Он неуклонно сохраняет
Глубокомысленнейший вид.

Андропов жалобно вздыхает.
В уме бутылки он считает.
Найти он хочет место, где
Доклады пишут на воде...

А где же Демичев? — В лесу!
Стоит с винтовкой на весу
В порядке дружеской нагрузки —
Обеспечения закуски.

Арбатов интенсивно мыслит.
Он, как всегда, предельно прост:
Интеллигентным пальцем чистит

Интеллигентнейший свой нос.

Загладин гладок и приятен.
По существу он необъятен.
Как необъятен сей доклад,
В котором целый мир объят.

Вот Иноземцев поднял руку.
Он представляет здесь науку.
И, как ученый, должен знать,
Кому, чего и как писать.

Расстроен Бовин. Между строк
Он видит кабанячий бок.
Он ест его — увы! — глазами,
Печально шевеля усами...

* * *

Следующий, 1967 год в речевой системе координат был годом юбилейным, годом 50-летия Октября. Но для меня он начинался совсем в другом ключе. Как ни крути, диссертация не помешает. Надо было готовиться к защите. Это означало окончательно распрощаться с бесконечностью и найти тему среди конечных процессов и явлений. Тему подсказала жизнь. Идеологическая пропасть, долгое время разделявшая коммунистов и социал-демократов, стала постепенно сужаться. Причем не социал-демократы превращались в коммунистов, а коммунисты начали двигаться в сторону социал-демократов. Это было интересно. И это было в русле моей работы. Начал собирать материал и старался каждую свободную минуту складывать в диссертационный ящик.

Брежнев стал проявлять интерес к 50-летию где-то, по-моему, в мае. Начало июня встретили на даче Горького. В краткой беседе с Брежневым симпровизировали примерный план и отправились на природу.

Помешала война на Ближнем Востоке. Разгром израильянами наших арабских друзей поставил Советский Союз в трудное положение. Срочно был созван пленум ЦК. Диссонансом прозвучало выступление первого секретаря МГК КПСС Николая Григорьевича Егорычева, который выразил сомнение относительно нашей обороноспособности. То есть вторгся в личную епархию генерального секретаря. Егорычева дружно отмузузили и отправили послом в Данию. Ходили разговоры, что за Егорычевым просматривается фигура Шелепина («железного Шурика», как его называли, имея в виду склонность Шелепина к «наведению порядка»).

После всплеска антиссионистских эмоций жизнь вошла в юбилейное русло. Но в русло явно беспокойное. Мы оказались в центре интриг и всяких завихрений.

Аппарат протестовал против самого состава группы. Она включала в себя Н. Н. Иноземцева, директора Института мировой экономики и международных отношений, Г. А. Арбатова, руководителя группы консультантов отдела ЦК, В. В. Загладина, заместителя заведующего международным отделом ЦК, и меня, консультанта отдела. Нашим командиром был определен А. М. Александров-Агентов, помощник Брежнева. С точки зрения аппарата, особенно отделов пропаганды и науки, широкая, многогранная тематика выступления, корпоративная цековская этика требовали подключения к работе над юбилейным докладом гораздо более широкого круга лиц.

Был и другой мотив для недовольства. Цековские радители «чистоты» марксизма-ленинизма распространяли слухи о «ревизионистском» нутре нашей «банды четырех»^[9], о нашем намерении своими сомнительными идеями сбивать с толку «доверчивого Леонида Ильича». Говоря языком начала XXI века, наши недоброжелатели занимались «черным пиаром», сливали на нас компромат.

Брежнев не реагировал на этот компромат, но на всякий случай не возражал против создания полуподпольной параллельной группы из сотрудников отдела пропаганды. Ее возглавил А. Н. Яковлев, будущий прораб перестройки. Работа кипела в Серебряном Бору. И снова — пока на заднем плане — маячил, как толковали обычно сведущие люди, «железный Шурик», которому, надо думать, хотелось забраться в кресло генерального секретаря.

Память подводит. То ли в те дни, а может, позже ко мне пришел один из близких людей Шелепина.

— Не тот ты сделал выбор. Брежнев долго не задержится. Александру Николаевичу нужны умные люди. Подумай. Мой телефон знаешь.

— Имей в виду: сегодня же расскажу Андропову о твоём предложении. Но не бойся. Фамилия твоя названа не будет.

Разговор с Андроповым состоялся. Он шумел и требовал «назвать сукина сына». Но я не сдался. Не фамилии сейчас важны, убеждал я шефа. Важно знать, что «Шурик» действует. Прошло много лет. На Лубянке у Андропова мы перебирали прожитое. Вспомнили. И я назвал фамилию. Ибо ее владелец уже избавился от власти людей...

Недавно я где-то прочитал, что Брежнев «по-настоящему» дружил с Шелепиным. Возможно. Но тогда Брежнев — замечательный конспиратор. Ни разу за все те годы, которые я мог близко видеть Брежнева, он ни словом каким-нибудь, ни поступком даже не намекнул на дружеские связи с Шелепиным. Слова неприязни я слышал.

И чтобы не возвращаться больше к Шелепину. Яковлев пишет, что он уехал послом в Канаду из-за того, что начальству не понравилась его статья «Против антиисторизма», опубликованная в «Литературке» 15 ноября 1972 года. Не исключаю, что статья сыграла свою роль. Но думаю, подыграл и тянувшийся за Яковлевым шелепинский хвост.

Интриги мотали нам нервы. Но дело двигалось. Мы поставили перед собой задачу воспользоваться юбилеем, чтобы избавиться от мифов и легенд и попытаться изложить историю страны и партии с максимальным приближением к правде, к реальному ходу событий. Понимали, что это трудно, может быть, пока еще невозможно. Но — без труда и т. д.

Раза два или три говорили с докладчиком. Но вскользь. Он еще жил другими заботами. В принципе наш подход одобрил. Но мы уже понимали, что это практически мало что значит. Решения будут приниматься на тексте.

Однажды задумчиво сказал:

— Просто и красиво — вот как надо. Вечером перед сном просматривал «Советский цирк». И там про революцию. Но так здорово написали, доходчиво, понятно. Попробуйте, ребята, чтобы за душу брало...

С таким напутствием мы вернулись на дачу Горького. Понимали, что нет смысла язвить. Но есть смысл попытаться соединить несоединимое. Брежнев не будет говорить то, что он не хочет говорить.

Дача Горького, особенно подходы, парк, да и мебель, была в запущенном состоянии. Мы заявили, что ждем Брежнева. Управление делами устроило капитальный аврал. Брежнев не приехал. Пуганули еще раз. Аврал был пожиже. Брежнев снова не приехал. Но все-таки дача преобразилась. Мы дружно отметили это — «с чувством глубокого удовлетворения».

К концу августа первый вариант проекта был готов. Брежнев вызвал нас в Ялту, где проводил отпуск. Дача средняя, как у бедного «нового русского». Зато бассейн великолепен. Даже обидно, что рядом море и погода хорошая... Нам выделили одну большую комнату на всех в каком-то флигеле. Столуемся с охраной, в ходу почему-то макароны по-флотски. Когда надоедает, привозим харч из Ялты и пируем у себя в комнате.

Работаем вместе каждый день до обеда. После обеда докладчик в отпуске, а мы учитываем его замечания. Судя по всему, «серебряный текст» у него уже побывал и не произвел. Выбор вроде сделан в нашу пользу. Такое впечатление, что Брежнев не сильно вдается в содержание (время еще есть!), а делает упор на сокращение, выстраивание общей логики текста, снятие налета «учености» и на подъемные, «ударные» места. Чтобы аплодировали...

Отпуск Л. И. проводит своеобразно. Гулять, ходить пешком ради ходьбы он не любит, читать тоже не любит. Иногда плавает в сопровождении охраны. Часто на пирсе под большим брезентовым тентом играет в домино. Постоянные партнеры: врач, дежурный помощник (тогда был Г. Э. Цуканов) и кто-либо из охраны. Пирс этот прозвали «Монте-Козло».

Несколько раз Виктория Петровна приглашала нас на хозяйский обед. Он отличался от макарон по-флотски. Угощала великолепной бузой собственного производства. Иногда допускались в кинозал.

По периметру дачного участка были густые заросли кустов. Среди них мы разглядели нити тонкой проволоки. Нам объяснили, что если злоумышленник коснется проволоки, на пульте охраны загорится лампочка и зазвенит звонок. «Не верю!» — вспомнили мы Станиславского. И как-то поздно вечером, имитируя

злоумышленничество, длинной палкой прошлись по кустам. Поскольку никто не прибежал, было понятно, что лампочка не загорается и звонок не звенит.

Бдительнее оказались пограничники. Ночи были душные, и Арбатов устроился спать в пляжной палатке. Тут его и настигли ученые собаки. Не лаяли. Молча стали рядом. Ждали подхода пограничников. Узнав об этом эпизоде, Брежнев распорядился собак на пляж не пускать. И Арбатов спал спокойно.

* * *

После Ялты еще какое-то время на даче Горького, и вызов в Завидово.

Установилась такая практика. Сначала Брежнев посылал черновой проект узкому кругу лиц, чье мнение его интересовало. Вместе с ним мы проходились по замечаниям, что-то принимали, что-то — нет. И только после этого следовала официальная рассылка: всем членам и кандидатам в члены политбюро и секретарям ЦК КПСС. Учетом (или неучетом) их замечаний кончалась работа над документом. Поэтому все, что говорил генеральный секретарь, считалось не только его мнением, но позицией ЦК.

К нашему приезду Брежнев уже получил отзывы на проект. Это был тот проект, где даже после Ялты сохранились результаты нашего вольнодумства. Там не было «врагов народа», не было троцкистов, бухаринцев, шпионов и предателей, пробравшихся в руководство партией. Там была борьба с политической оппозицией. Там не было возвеличивания Сталина. Там была попытка противостоять напору неосталинистов. В общем, повторяю, это была, как нам казалось, история послеоктябрьского развития почти без мифов и легенд.

Брежнев вручил нам замечания на 21 странице, заметив, что подписи он снял: «Не важно, кто говорит, важно, что говорят!» И дал нам два дня на «обмозговывание». Уже по этому сроку мы поняли, что бьют нас крепко.

Автор замечаний (скорее всего, это был или Голиков, или Трапезников) избрал простой и понятный любой партийной душе алгоритм. Есть утвержденные политбюро тезисы ЦК КПСС к 50-летию

Октября. Доклад должен соответствовать этим тезисам. Далее по схеме: в тезисах сказано так, а в проекте совсем не так. И припев: этот вопрос лучше освещен в материале отдела пропаганды.

Невозможно кратко изложить конкретное содержание замечаний. Они тонут в общих словах, по всем направлениям возвращающих нас к «Краткому курсу». Но все же один ароматный пример.

«Вызывает категорическое возражение не только замалчивание опасной для партии в свое время деятельности троцкистов, правых националистов и др., но и явное стремление реабилитировать всех главарей этих антиленинских и антисоветских группировок... Такой подход к троцкизму и правым оппортунистам воспринимается только как попытка ревизовать историю нашей партии, воздвигнуть на пьедестал главарей троцкизма и правого оппортунизма. Надо подумать, с каким трауром это было бы встречено в нашем народе и партии прежде всего. Говорить в юбилейном докладе о „заслугах“ Троцкого, Каменева, Зиновьева и других проходимцев — этого еще свет не видел».

Автор с восхищением вспоминает «две такие бессмертные работы Сталина, как „К вопросам ленинизма“ и „Об основах ленинизма“».

В связи с тем, что вопрос был поднят на принципиальную высоту, мы вручили Брежневу наш письменный ответ на 7 страницах.

По поводу отношения к «проходимцам» мы писали: «В наши дни, когда издано Полное собрание сочинений В. И. Ленина с обширными комментариями, когда издаются стенографические отчеты партийных съездов и когда, следовательно, каждый коммунист может судить о действительной роли тех или иных деятелей, возвращаться к эрзац-истории сталинского типа — значит подрывать доверие и уважение к партии, к ее способности спокойно, объективно судить о собственном прошлом».

«Хотелось бы подчеркнуть, — продолжаем мы мысль, — что автора замечаний заботит отнюдь не качество доклада. В данном случае доклад — лишь повод, в связи с которым изложена определенная политическая платформа. Эта платформа ясна: перечеркнуть все, что сделано после XX съезда КПСС, отбросить Программу КПСС, поставить под вопрос крупнейшие мероприятия, осуществленные в стране после октябрьского (1964) пленума ЦК КПСС. Замечания пронизаны одной мыслью — восхвалением, возвеличиванием того

периода в жизни партии и народа, который связан с грубыми нарушениями социалистической законности, ленинских норм партийной и государственной жизни. Нельзя не обратить внимание на то, что автор замечаний по существу смыкается с позицией группы Мао Цзэдуна...

Благотворные, прогрессивные изменения, происшедшие в стране и партии после XX съезда, в принципе необратимы... В таких условиях любая попытка повернуть вспять — какими бы благими намерениями она ни вызывалась — не только не ведет к укреплению порядка, а, напротив, создает дополнительные трудности».

С высоты начала XXI века, когда уже нет ни той партии, ни той страны, эта перепалка может показаться мелкой, пустой, не затрагивающей реальных проблем. Но до этой высоты было еще далеко. Для нас за спором о Сталине просматривались вполне реальные проблемы и главная из них — доведем ли мы десталинизацию до действительной демократизации партийной и советской жизни. Мы работали в конкретном политическом пространстве, с конкретными партийными руководителями. Не все проблемы можно было даже поставить во весь рост. И все же мы пытались сохранить заданный XX съездом курс, ограничить по возможности глубину отхода от него, сохранить отвоєванные плацдармы демократии. Кстати, возможность спорить с генеральным секретарем ЦК КПСС, убеждать его была одним из таких плацдармов.

Каждый из нас произнес пламенную речь. Последним с обоснованием нашей позиции выступал Иноземцев. Ему и отвечал оратор. Примерно так:

— Вы видели, я вам не возражал. Хотя тревога у меня была. Тревога не по существу вашей позиции. Я ведь тоже не верю, что Троцкий или Бухарин были шпионами, врагами народа. И меня не очень смущает ретивость замечаний. Меня смущает другое: мне кажется, что очень многие коммунисты еще не готовы к такому резкому переходу. Твои аргументы, Николай Николаевич, могут убедить 10, 100, ну, 1000 человек, а партию они не убедят. Не поймет меня партия. Не поймет. Поэтому я предлагаю на эту тему больше здесь не спорить, резкости, неожиданности снять. Конкретные замечания будем обсуждать как всегда — спокойно и по делу.

Мы не стали возражать. Видели, что Брежнев — на нервах, почти на пределе. Давит на него чиновная свита, тащит назад, да и самому как-то спокойнее в мире мифов и легенд, в мире без острых углов. Но нас он все-таки не сдавал. И не только из-за личных симпатий. Понимал, что здравый смысл, политический смысл требуют сближения формул и фактов, отказа от лжи и самообмана. Во всяком случае, пытался понять...

Существенное значение имело то обстоятельство, что нас поддерживал Андропов. Не всегда явно. Ворчал: «...торопитесь, меры не знаете». Но Брежнева успокаивал.

После снятия «резкостей» и «неожиданностей» доклад был разослан по широкому кругу. Замечаний было много, но они имели в основном уточняющий характер.

У меня почему-то сохранились замечания Шелеста (тогда — партийный гетман Украины). Он обратил внимание на то, что «редко упоминается „наша страна“, „народы нашей страны“ и много говорится „Россия“ и „российский“». И на этой страничке автограф: «Ну, это он зря! *Брежнев*».

На торжественный ужин, посвященный сдаче готовой продукции, приехал (уже с Лубянки) Андропов. Много и с тревогой рассказывал о чехословацких делах: «интеллигенция бужит», Новотный «ничего не понимает», «наши люди растеряны». Но, видимо, и сам не ожидал быстрого обвала.

Юбилейный год мы с Арбатовым завершали в Чехословакии. Отдыхали с женами в Высоких Татрах. Снег. Лыжи. Сауна в лесу. Благодать...

Но Прага уже бурлила.

* * *

1968 год — год нашего вторжения в Чехословакию, предопределившего в конечном счете крах мирового социализма.

Оглядываясь на прожитую жизнь, я выделяю два события как трагедию, как разрушение каких-то глубинных оснований моего бытия в качестве политического существа, мыслящей социальной единицы. Первое: насильственное уничтожение ростков «социализма с

человеческим лицом». Тогда, тридцать с лишним лет назад, я еще не понимал истинных масштабов трагедии, не понимал, что вошедшие в Прагу советские танки обозначили провал грандиозного эксперимента по коренному преобразованию социального устройства мира. Но понимал, что мы опозорили себя и социализм. И второе: развал Советского Союза, искусственно вызванное безответственными лицами разрушение могучей державы. К вопросу о роли личностей в истории. В обоих случаях решения, изменившие ход истории, принимались узкой группой людей, большинство из которых без всякого сомнения может быть отнесено к посредственностям.

В декабре 1968 года Арбатовы и моя Лена Петровна вернулись в Москву, а я с разрешения К. В. Русакова (он возглавил отдел после Андропова) остался в Праге. Чтобы было лучше видно происходящее. А происходил знаменитый пленум ЦК КПЧ, где началось восстание против А. Новотного — первого секретаря ЦК. Местом наблюдения я выбрал партийную гостиницу «Прага», где жили многие участники пленума. Поэтому каждый вечер у меня была свежая информация. Разговаривал с одним из руководителей восстания Александром Дубчеком. Он просил передать в Москву, чтобы там не беспокоились.

Но основания для беспокойства были. Критиковали не просто Новотного. Или — «отдельные недостатки». Критиковали существующую систему партийного руководства. За антидемократизм. За бюрократизацию. За гнетущий догматизм. За непонимание главных тенденций мирового развития. Во главе партии, говорил, например, известный экономист Ота Шик, должны стоять товарищи, «отвечающие новым условиям ее деятельности, товарищи, способные сплотить вокруг себя наиболее передовых, наиболее эрудированных руководителей и помощников, способных вовремя определить, что является решающим в обществе, какие существенные противоречия нарастают и какими средствами их лучше всего разрешить». Новотный, само собой, к таким «товарищам» не относился.

В какой-то день я пошел в посольство и предложил сообщить в Москву, что политическая карьера Новотного кончилась и надо ориентироваться на его замену. Посольство со мной не согласилось. Но в Праге и без меня было много информаторов. Москва встревожилась. В Прагу тайно прибыл Брежнев. Встречался с членами президиума ЦК КПЧ. Пытался понять, что они хотят. Пытался предостеречь от

поспешных и слишком «демократических» решений. Но, как я позже убедился, не понял и не преуспел.

Вернувшись в Москву, я написал записку «К урокам чехословацких событий», поставил на ней гриф «Сов. секретно» и 18 января вручил Александрову.

С Александровым, вернее, под командой Александрова мне пришлось работать много. Он пришел в политику из филологии, был специалистом по исландскому языку. Но еще накануне войны начал работать в Стокгольме под началом А. М. Коллонтай. Потом — хорошая школа МИДа. С 1961 года — помощник Брежнева по внешнеполитическим вопросам. Живой, гибкий ум. Знание нескольких языков. Приличная общекультурная эрудиция. Умение спорить с шефом, отстаивать свои позиции. Все это было. А еще были нервный, вибрирующий характер, суетливость, способность взрываться по пустякам, обидчивость. Возможно, некоторая закомплексованность вызывалась чрезвычайной subtilностью фигуры. Не случайно его звали «воробей». Или — «тире», просто «тире». Потому что Александров-Агентов. Он не был догматиком. Но шатания его мысли имели гораздо меньшую амплитуду, чем, скажем, у меня или у Арбатова. И в протокольно-политесных делах он был более строг. Иногда возникали конфликты. Раза два он переставал здороваться со мной. Потом отходил. После Брежнева оставался помощником у Андропова, Черненко и Горбачева. Перебор, по-моему... Итак, «Сов. секретно».

«К УРОКАМ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЙ»

Последние события в Чехословакии ставят перед нами ряд проблем общего значения. Некоторые из них перечислены ниже.

1. Об информации. Очевидно, что соответствующие органы и, прежде всего, посольство СССР в Праге, располагая значительным количеством фактов, все же не смогли правильно оценить ситуацию и, соответственно, не смогли правильно ориентировать ЦК КПСС. Причина, по-видимому, в том, что поступающая информация обрабатывалась с предвзятой точки зрения. Не исключено, что этой же

болезнью страдают и другие совпосольтва, в результате чего ЦК КПСС вновь может оказаться перед неожиданным развитием событий.

Представляется целесообразным внимательно проанализировать материалы, поступившие в ЦК КПСС с октября по декабрь 1967 года в связи с положением в КПЧ и ЧССР, сопоставить оценки и предложения с действительным ходом событий. По материалам такого анализа следовало бы провести в ЦК КПСС совещание наших послов в социалистических странах и остро, по-партийному поставить вопрос об объективности информации.

2. О положении в руководстве братских стран и партий. Кризис в руководстве КПЧ заставляет более внимательно, чем прежде, изучить положение дел в руководстве других стран и партий. Имеющиеся данные заставляют предположить, что аналогичные процессы назревают в Монголии и Болгарии; сложная борьба ведется вокруг тт. Гомулки и Тито; есть свои сложности в Берлине и Будапеште. В настоящее время соответствующая информация (насколько мне известно) никем и нигде специально не обобщается. ЦК КПСС недостаточно осведомлен о расстановке сил в руководстве братских стран и партий, политических позициях того или иного лидера (второго и третьего эшелонов) и т. п. Все это существенно ограничивает наши маневренные возможности, вынуждает активно поддерживать уже политически отжившие фигуры, что, соответственно, вызывает рост неблагоприятных для нас настроений в братских партиях и странах.

Представляется целесообразным поручить специально созданной группе обобщить весь имеющийся материал по затронутому вопросу и выводы доложить руководству ЦК КПСС.

3. О внутреннем положении в братских странах. Отношения внутри руководства КПЧ, приведшие в конце концов к открытому конфликту, в немалой степени связаны с личными симпатиями и антипатиями и, возможно, с карьеристскими настроениями отдельных товарищей. Вместе с тем нельзя не видеть, что борьба внутри руководства (и это относится не только к Чехословакии) отражает, — хотя и не всегда прямолинейно, непосредственно, — борьбу различных тенденций и сил внутри социалистического общества. В каждой братской стране есть, разумеется, своя специфика, но, если отвлечься от частных особенностей, то довольно отчетливо вырисовывается общая для многих стран проблема: общество, партия, люди переросли (или перерастают)

существующий уровень руководства, его компетентность, существующие формы организации общественной жизни. С постепенным осознанием этого противоречия и опасностей, которые могут явиться следствием его углубления, связаны экономические реформы, интенсивное обсуждение роли партии и характера партийного руководства, новые моменты в государственном строительстве и т. д. Благотворность этих мероприятий (оставляя в стороне крайности югославского варианта) несомненна. Однако они проводятся не всегда вовремя и не всегда последовательно. Отсюда — широкое распространение настроений неудовлетворенности, недовольства — настроений, которые накладывают отпечаток и на положение внутри руководства.

В основе своей такие настроения вызваны законным и естественным стремлением к дальнейшему совершенствованию социалистических общественных отношений — и в экономике, и в политике, и в духовной сфере. Но поскольку, во-первых, это стремление встречает заметное сопротивление со стороны консервативных сил в партии и государстве и поскольку, во-вторых, на позиции и поведении определенных кругов общества сказывается сильное воздействие со стороны антисоциалистических сил (в основном из-за рубежа, но не только), постольку указанные настроения могут приобретать нежелательные, опасные для дела социализма формы. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы разобраться в чрезвычайно сложной, противоречивой, запутанной картине общественной жизни братских стран, отделить здоровые, перспективные процессы от наносных, искажающих их явлений, понять, какие социальные группы (и какие лидеры) представляют те или иные тенденции. Если не сделать этого, то мы рискуем поддержать не те силы и тенденции, которым принадлежит будущее.

Представляется целесообразным поручить соответствующим организациям подготовить для ЦК КПСС информационные материалы по следующим направлениям:

— ход экономических реформ — с акцентом на встретившиеся трудности, на борьбу мнений вокруг предполагаемых или осуществляемых мероприятий;

— роль партии в современном социалистическом обществе — с акцентом на разные подходы в разных странах (Югославии, Румынии,

Чехословакии) и с выделением общих, главных тенденций;

— совершенствование социалистической демократии — с акцентом на реформы избирательного права, повышение роли органов государственной власти.

При анализе указанных проблем следует обратить особое внимание на отношение к ним в разных слоях общества, на характер и уровень дискуссий в общеполитической и научной печати, на позиции руководящих деятелей соответствующих стран и партий.

4. Об авторитете КПСС и СССР. События в Чехословакии отрицательно сказались на авторитете нашей страны и партии. Это связано с тем, что в глазах широкой общественности, в глазах большинства коммунистов Советский Союз рассматривается (и, видимо, не без оснований) как сила, препятствующая обновлению руководства. Аналогичные ситуации могут возникать и в других странах. Но дело не только в отношении к руководству. Как известно, советская печать фактически ничего не пишет о тех преобразованиях, которые в той или иной степени осуществляются в социалистических государствах и которые воспринимаются там как прогрессивные. Этот факт рассматривается как молчаливое неодобрение происходящего и, следовательно, как поддержка тех сил и людей, которые тормозят начавшееся движение к более зрелым формам социалистического общества.

Все это еще и еще раз требует тщательно разобраться в обстановке, определить и отчетливо выявить свое принципиальное отношение к действительно прогрессивным и назревшим преобразованиям. Это один из реальных путей повышения авторитета КПСС и СССР и усиления нашего влияния на процессы, происходящие в мировой системе социализма.

Таковы, на мой взгляд, главные и основные уроки, которые можно было бы извлечь из недавних событий в Чехословакии...»

Тогда мало кто догадывался, что события еще впереди.

* * *

В светлую паузу мне удалось защитить кандидатскую диссертацию. Во время обеденного перерыва.

Защита происходила на заседании ученого совета по закрытой тематике Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Председательствовал академик А. М. Румянцев.

Тема диссертации: «Коммунисты и социал-демократы. Некоторые проблемы идейно-политической борьбы в современном рабочем движении». Я произнес небольшую речь. Содержательно выступили оппоненты А. П. Бутенко и А. С. Черняев. Диссертанта поддержали Ф. М. Бурлацкий, Ю. А. Красин, Т. Т. Тимофеев. Проголосовали: 15 — за, 0 — против. Банкет состоялся в армянском ресторане «Арарат». Помню редкий в Москве портулак. Текст главного тоста завершался так: «Большинство сидящих здесь товарищей знакомы с товарищем Бовиным, но не знакомы с его работой. Это не важно. Подводя итог выступлениям, академик Румянцев сказал: „Сам я работу не читал, но говорят, что она хорошая“. В этом году труд товарища Бовина должен быть опубликован. Тем самым впереди нас ждут новые встречи. И будет правильно поднять бокал за творца этих встреч товарища Бовина».

Труд, к сожалению, не был опубликован. Он был написан с позиций приближавшегося еврокоммунизма. А советские танки в Праге сделали эти позиции неприемлемыми для наших издательств.

* * *

Начиналась Пражская весна. Развитие событий приобретало лавинообразный характер. В Чехословакии возникали десятки, сотни политических клубов, союзов, движений. Но это не было броуновское движение. Сквозь кажущийся хаос пробивался вектор демократии, свободы. Отмена цензуры развязала языки. Влтава не Ганг, священные коровы отсутствовали. Критике подвергалось все, включая Советский Союз, Варшавский договор, СЭВ. И критике серьезной, почти академической, и гротескной, карнавальной.

В качестве свидетельства наступления контрреволюции мне привезли меню из какой-то придорожной чешской корчмы. Там значилось:

- печень Яноша Кадара,
- ребрышки Леонида Брежнева,

— мозги Вальтера Ульбрихта,
— язык Владислава Гомулки и, кажется,
— яйца Тодора Живкова.

Обидно, конечно...

Пражский праздник, фестиваль свободы напугал не только Москву. Встревожилось партийное руководство в Берлине и Варшаве, в Софии и даже в Будапеште. Состоялось несколько встреч «пятерки». Приглашали Дубчека и воспитывали. Дубчек, как правило, каялся и доказывал, что он — за социализм, за Советский Союз и даже за ГДР.

Встреча в Дрездене (23 марта) запомнилась таким эпизодом. После того как все расселись, Брежнев предложил «техническому персоналу» покинуть зал. У нас это касалось меня и заместителя министра иностранных дел А. Г. Ковалева. Мы вышли. Но я при этом автоматически положил в карман аппарат для прослушивания синхронного перевода. Пошел осматривать ратушу (в ней мы заседали). Для интереса включил аппарат. Батюшки святы — все слышно. Уселся где-то, даже записывать стал. Потом бдительность заела. Отправился на улицу. Хуже, но слышно. Вернулся, сказал кому-то из профессионально бдящих. Тот махнул рукой: не прерывать же заседание...

И снова возмутители спокойствия из Праги каялись и клялись. Однако наши друзья из Праги (их называли «здоровые силы») докладывали, что ничего не меняется к лучшему, партия разлагается, социализм под угрозой. Говорили о том, что в ЦК КПЧ складывается «второй центр», который постепенно перехватывает власть у Дубчека и ведет дело к отказу от социализма.

В июле встреча «пятерки» состоялась в Варшаве. Но президиум КПЧ отказался прислать свою делегацию. Видимо, надоело слушать трафаретные упреки. «Очень нездоровые силы» рассматривали встречу в Варшаве как идейную подготовку «интервенции» и продолжали настаивать на том, что они — не противники социализма. Они — противники «плохого» социализма.

Освобождаясь от лишних бумаг, я наткнулся на статью Иржи Гохмана (кто такой — не помню) в отъявленно правом журнале «Репортер» (№ 31, 1968). Четкая постановка вопроса:

«Мы фактически не совершали ничего, в чем нас обвиняют. Мы не собирались „втихомолку“, обдуманно и предательски ликвидировать социализм. Мы не собирались ликвидировать свои союзнические

отношения и перепрыгнуть через забор. Мы, однако, приносим на сцену что-то другое, что-то, о чем нельзя в плане пропаганды много говорить, но что является самой сущностью вопроса.

Мы приносим на сцену призрак ликвидации абсолютной власти бюрократической касты, которая была создана в международных масштабах сталинской моделью социализма. Объективно говоря, это является пунктом исторической повестки дня в каждой соответствующей стране. Но бюрократия, если она и не обладает признаками класса, там, где затрагивается вопрос о ее существовании, ведет себя во всех отношениях как класс. Она чувствует себя под угрозой и защищается. И будет защищаться до самого конца...

Мы не ставим под угрозу социализм. Именно — наоборот. Мы ставим под угрозу бюрократию, которая медленно, но верно хоронила и хоронит социализм в мировых масштабах».

Так оно и было. Но руководство СССР и его союзников категорически не желало это понять. А сплошь и рядом, кажется мне, просто не могло это понять, не могло переступить через свою биографию. Брежнев никак не мог взять в толк, чем же провинился Новотный. «А может быть, он был прав? — рассуждал Брежнев при обсуждении очередного документа. — Вы видите, что атаки идут не столько на тов. Новотного, сколько затрагиваются совершенно другие вопросы: какая-то свобода, демократизация, либерализация... С тов. Новотным были встречи. Я с ним сидел на концерте. Он сказал: какое великое дело сделали — сказали о Сталине, о роли партии, рабочего класса и т. д. Он ничего не говорил о трудностях». В общем, Новотный делал то, что все делают. А если так, то понятен вывод Брежнева: «Нам и себя надо оградить».

На таком идеологическом и психологическом фоне мысль о необходимости «крайних мер» не вызвала особого удивления. Открыто она прозвучала на июльском (1968) пленуме ЦК КПСС. «Мы и впредь, — заявил Брежнев, — прежде, чем принимать крайние меры, будем прилагать все усилия к тому, чтобы политическим путем, действиями самих здоровых сил КПЧ дать должный отпор антисоциалистическим и контрреволюционным элементам и сохранить КПЧ как руководящую силу, сохранить социализм в Чехословакии».

Однако для «всех усилий» оставалось мало возможностей. Точнее — одна. Договорились провести встречу членов политбюро ЦК КПСС

и членов президиума ЦК КПЧ. Местом встречи избрали малюсенькую железнодорожную станцию на границе Словакии и Украины — Чиерну-над-Тиссой.

У меня сохранилась часть стенограммы обсуждения проекта выступления Брежнева на этой встрече. Несколько выдержек.

Л. И. Брежнев. Надо сказать, дорогие товарищи, совсем не трудно заметить то обстоятельство, что антисоциалистические и контрреволюционные элементы, используя средства пропаганды и говоря о какой-то новой модели, о какой-то социалистической демократии и «либерализации», связывают это (и довольно прозрачно намекают) с возвращением Чехословакии к республике типа Бенеша и говорят, что нужен масариковский социализм.

А. Н. Косыгин. Это не случайно. Масарик был одним из инициаторов интервенции.

Л. И. Брежнев. Им нужен тот, кто привел дело к Мюнхену. Сказать о том, что при Масарике дважды компартия загонялась в подполье, была под запретом, сказать, что он инициатор Мюнхенского соглашения.

Б. Н. Пономарев. И закончить тем, что все это есть по существу идеологическое обоснование контрреволюции.

Н. В. Подгорный. Нужно обязательно сказать, над чем работает наша партия после XXIII съезда КПСС, какие мы имеем успехи, что мы не такие слабаки, не такая уж деревня, не консерваторы. Посмотрите, чего мы добились, дойдите сначала до этой деревни.

С таким багажом наши лидеры ехали отстаивать интересы социализма. Воистину, «не такая уж деревня».

Летели тремя самолетами. Из Мукачева в Чоп машинами. Но через Ужгород, так как прямая дорога, по словам секретаря Ужгородского обкома КПУ, была забита войсками.

Жили на нашей территории прямо в тех вагонах, в которых приехали. Начальству создали персональный комфорт. А для остальных — две деревянные будки на отлете.

Ночью согласовывали с чехами процедуру.

Они намеревались закончить встречу за один день; мы — сколько надо.

Они хотели начало встречи снять на киноплёнку; мы — против.

Они предложили записать все на магнитофон; мы — пусть каждая сторона ведет свою стенограмму.

В порядке равноправия были приняты все наши предложения.

Каждое утро наш состав пересекал границу, и мы плавно въезжали в Чиерну-над-Тиссой. Переговоры велись в фойе клуба железнодорожников. Охраны — тьма. Никаких фото- и киноаппаратов. Но, вернувшись в Москву, я увидел на развороте журнала «Пари-матч» запечатленное заседание, даже себя обнаружил. История не любит тайн.

Как всегда, шел обмен речами. Драматический момент: Биляк выступил вразрез с общей позицией президиума. Скандал: Шелест как-то обидно обошелся с Кригелем. Вечером Косыгин и Суслов ходили извиняться.

Самое главное произошло в туалете. Биляк передал Шелесту письмо с настойчивой просьбой о «всесторонней помощи». Письмо подписали члены президиума ЦК КПЧ Алоис Индра, Драгомир Кольдер, Антонин Калек, Олдржих Швестка и Васил Биляк. Последний абзац звучал так: «В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране просим вас о максимальном засекречивании этого нашего заявления; по этой причине пишем его прямо лично для вас на русском языке». Засекречивание было обеспечено. Я, например, узнал имена «подписантов», только прочитав газету «Известия» от 17 июля 1992 года. Расследование производил мой друг Леня Шинкарев.

Из Чиерны-над-Тиссой отправились в Братиславу. Там 3 августа состоялось очередное (и последнее) совещание в формате 5+1. Было принято Заявление. В нем провозглашалось, что защита завоеваний социализма — это «общий интернациональный долг всех социалистических стран». Именно ссылаясь на этот долг, армии «пятерки» меньше чем через двадцать дней вторглись в Чехословакию.

Не успели мы вернуться в Москву, как из Праги стали поступать неприятные сообщения. Некоторые участники встречи в Чиерне-над-Тиссой стали выступать на партийных активах с рассказами о том, как они «надули» русских: наговорили им то, что они хотели, а делать будем то, что мы хотим. Обстановка накалялась...

14 августа передал Андропову свою записку:

«К ВОПРОСУ О „КРАЙНИХ МЕРАХ“

Очевидно, что принятие „крайних мер“ для стабилизации обстановки в Чехословакии вызовет далекоидущие последствия как с точки зрения международной обстановки в целом, так и с точки зрения положения дел в коммунистическом движении. Поэтому необходимо еще раз тщательно и всесторонне взвесить предпосылки, все плюсы и минусы столь ответственного шага.

Ниже делается попытка высказать несколько рабочих соображений по указанному вопросу.

Предпосылки. Очевидно, что „крайние меры“ могли бы быть оправданы только и исключительно при одном условии — при наличии реальной, фактически доказанной угрозы реставрации капитализма в Чехословакии, ее перехода в лагерь империализма.

Реальность такой угрозы нельзя доказать (вернее, это доказательство будет неубедительным) ссылками на статьи в „Литерарних листах“ или на хулиганские выходки экстремистов. Ее нельзя доказать и ссылками на националистические, антисоветские настроения или требования свободы слова. Югославский конфликт 1948–1954 годов, в частности, показал, что вызванные специфическими условиями антисоветизм, экономическое и политическое сближение с Западом, предоставление известной независимости прессе и т. д. не ведут автоматически к утрате завоеваний социализма.

Реальность угрозы таким завоеваниям может считаться доказанной лишь тогда, когда конкретный анализ подтверждает, что наметилась коренная передвижка классовых сил в стране, обозначились тенденции в сторону реставрации капитализма в социально-экономической сфере. То есть требуется учет фундаментальных фактов и явлений, которые порой заслоняются злобой дня, шумными выступлениями газетчиков и т. д. Именно такой подход применяется нашей партией при оценке положения в Югославии, Китае, Албании или на Кубе. Такой же подход должен быть применен и при оценке положения в Чехословакии.

Существуют ли серьезные факты, доказывающие, что за истекшие месяцы 1968 года в ЧССР осуществлены какие-либо реальные шаги, направленные на переориентацию социально-экономических отношений в сторону капитализма? По-видимому, таких фактов не существует.

Однако правомерно оценивать не только факты. Правомерно оценивать и намерения, особенно если это намерения людей,

обладающих властью или имеющих возможность получить власть. Предположим, — а это вполне реальное предположение, — что XIV съезд КПЧ укрепит позиции „второго центра“ (Смрковского, Кригеля, Цисаржа, Шика, Шимона и т. д.). Имеем ли мы проверенные данные, позволяющие твердо утверждать, что эти люди намерены — в ближайшей или отдаленной перспективе — реставрировать капитализм в Чехословакии? По-видимому, таких намерений у них нет.

Куда же развиваются события?

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предположить, что в Чехословакии речь идет о попытке создать „модель“ социализма примерно по югославско-румынскому образцу. Югославские тенденции (децентрализация управления экономикой, ориентация на рынок, частное предпринимательство в сфере услуг, партия — не фактор власти, а идеологическая направляющая сила, положение прессы и т. п.) проявляются и, видимо, будут еще более заметны во внутренней политике. Румынские тенденции (подчеркнутая независимость и равноправие в отношениях с Советским Союзом, полностью самостоятельные внешнеполитические акции, особая позиция в Варшавском договоре, СЭВе и т. п.) проявятся, но, видимо, в меньшей степени, в области внешней политики.

Разумеется, в Чехословакии есть силы, которые хотели бы пойти значительно дальше и шаг за шагом вернуть страну к дофевральским порядкам. Однако этим силам противостоят такие решающие объективные и субъективные факторы, как прочность социалистических отношений в социально-экономической сфере, взаимосвязи ЧССР с другими социалистическими странами, просоциалистические настроения широких масс. Несмотря на значительное ослабление механизмов, позволяющих партии воздействовать на ход социальных процессов, она продолжает в целом контролировать положение, обеспечивает нормальное функционирование экономических и политических структур.

Всякое прогнозирование такого рода политических процессов имеет гипотетический характер. Однако представляется, что в нынешних условиях „югославо-румынская“ гипотеза гораздо вероятнее, чем гипотеза о реставрации капитализма.

Следовательно, действительное значение применения „крайних мер“ в настоящее время будет заключаться в предотвращении

дальнейшей эволюции Чехословакии по „югославо-румынскому“ пути. Именно так, если судить по уже наметившимся оценкам нашей политики, будут восприняты „крайние меры“ значительной частью коммунистических партий и мировым общественным мнением в целом. В таком же плане поэтому следует оценить возможные плюсы и минусы использования „крайних мер“.

П л ю с ы

1. Подтверждение Советским Союзом решимости сохранить сложившееся соотношение сил и отстаивать свои интересы как великой державы.

2. Возможность на какой-то, может быть, длительный срок оказывать эффективное воздействие на характер внутреннего развития и внешней политики ЧССР.

3. Укрепление существующего положения в ГДР, Польше и Болгарии, торможение процессов, аналогичных чехословацким, в этих странах, в их коммунистических партиях.

М и н у с ы

1. Советско-чехословацкие отношения: появление на неопределенно длительное время скрытого, но тем не менее действенного фактора, расшатывающего основу дружественных отношений между ЧССР и СССР; дополнительные (и значительные) расходы на поддержание нового чехословацкого руководства.

2. Положение в социалистическом содружестве и коммунистическом движении: создание благоприятных условий для культивирования националистических, антисоветских настроений в социалистических странах. Публичная и официальная критика наших действий со стороны Румынии и Югославии. Возможный выход Румынии из Организации Варшавского договора. Резкое ухудшение отношений с Югославией. Поиск этими государствами союзников среди неприсоединившихся и капиталистических государств.

Очередной взрыв антисоветизма в Китае; обвинение КПСС со стороны КПК и примыкающих к ней партий и групп в „великодержавности“ и т. п.; укрепление на этой основе позиций группы Мао; интенсивное распространение маоизма (и кастроизма) в национально-освободительном движении.

Новый раскол в мировом коммунистическом движении. Фактическая изоляция КПСС в Европе. Срыв Международного

совещания коммунистических и рабочих партий.

Значительное ослабление притягательной силы идей социализма и коммунизма среди трудящихся масс в капиталистических странах и „третьем мире“. Падение влияния коммунистических и рабочих партий.

3. Международная ситуация в целом: глобальный рост антикоммунизма и антисоветизма. Падение международного престижа СССР, ослабление наших позиций в ООН.

Осложнение советско-американских отношений. Рост международной напряженности. Укрепление Атлантического союза. Возможные трудности с Договором о нераспространении. Эскалация войны во Вьетнаме и, возможно, активизация Израиля как ответные меры со стороны США и их союзников. Новый этап во всемирной гонке ракетно-ядерного оружия.

Усиление реакционных сил в США и их влияния на исход президентских выборов и всю политику Соединенных Штатов.

Передвижка политических сил в Западной Европе. Сближение Западной Европы с Соединенными Штатами. Рост милитаристских и неонацистских сил в ФРГ. Сдвиг вправо политических режимов в ряде других капиталистических стран. Ослабление тенденций к нейтрализму малых европейских государств.

Как общий результат — значительная перегруппировка сил в мире не в пользу Советского Союза и сил социализма. Необходимость увеличить наши расходы на оборону.

Разумеется, не все указанные плюсы и минусы выявятся в одинаковой степени. Много будет зависеть от того, как встретят наши „крайние меры“ в Чехословакии. Очевидно, что ответные „крайние меры“, которые могут предпринять чехословаки, значительно обострят общую ситуацию, ослабят плюсы и усилят минусы, а также внесут нежелательные элементы в реакцию на эту ситуацию со стороны советского общественного мнения.

Особого рассмотрения заслуживают два частных, но тем не менее серьезных обстоятельства.

Во-первых, существует тенденция апеллировать к эффекту применения „крайних мер“ в Венгрии, где, как известно, плюсы за несколько лет перекрыли минусы. Такая постановка вопроса требует дополнительного изучения. В Венгрии была иная политическая ситуация (открытые действия контрреволюционных сил, фактический

развал армии, роспуск партии и т. п.). Иная ситуация существовала и в мире. Гораздо сплоченнее действовали братские страны и партии. Не было раскола в коммунистическом движении. Национальное самосознание в социалистических странах стояло на гораздо более низком уровне, чем сейчас. Не приобрели еще повсеместно такой остроты проблемы независимости, суверенитета, невмешательства. Благоприятно складывалась международная обстановка (франко-англо-израильская агрессия). Теперь все перечисленные моменты выглядят совершенно иначе, чем двенадцать лет назад.

Кроме того, первый факт применения „крайних мер“ может рассматриваться как чрезвычайный случай, как аномалия, второй же, поставленный в один ряд с первым, приобретает совсем иную окраску и может рассматриваться как доказательство внутренней слабости социалистического строя в странах народной демократии, как свидетельство того, что единство стран социализма может существовать, лишь опираясь на „крайние меры“ (или угрозу их применения) со стороны СССР.

Во-вторых, можно отметить известное влияние на нашу позицию оценок и выводов определенной группы чехословацких товарищей. Потенциально именно от этой группы может исходить и призыв к применению „крайних мер“. Конечно, мнения этих товарищей, как и любые другие мнения и факты, должны быть обязательно использованы для создания объективной и всесторонне обоснованной картины событий, происходящих в Чехословакии. Однако в данном случае следует особенно внимательно учитывать психологический настрой этих людей, тесно связанных, как правило, с „доянварским“ прошлым, с его порядками и методами работы. Этим товарищам, несмотря на всю искренность их побуждений, трудно охватить ситуацию во всей ее сложности. Поэтому они легко могут дать „простой“ совет и даже подтолкнуть применение „крайних мер“. Тем более что ответственность лежит не на них, а на тех, кому они советуют.

В ы б о р м о м е н т а

Оценивая указанные выше плюсы и минусы, нельзя не сделать вывода о том, что применение „крайних мер“ в нынешних условиях создаст такие трудности, которые вряд ли компенсируются возможным политическим выигрышем.

По-видимому, целесообразно продолжать занимать выжидательную позицию. В конце концов, с точки зрения технических возможностей мы можем применить „крайние меры“ через два-три месяца с таким же успехом, как и через два-три дня.

Возможно, что за это время обстановка в стране стабилизируется. Тем более что в такой стабилизации будет крайне заинтересовано избранное XIV съездом новое руководство КПЧ. Это, конечно, будет стабилизация на основе принципов, изложенных в программе действий КПЧ. И для нас здесь возникнут определенные трудности. Однако опыт отношений с Югославией и Румынией показывает, что для преодоления этих трудностей нет необходимости прибегать к „крайним мерам“.

Если же предположить, что дело не остановится на „югославо-румынском варианте“, что правые, контрреволюционные силы раскроют свои карты, то тем лучше. Ведь чем очевиднее угроза контрреволюции, тем правомернее применение „крайних мер“.

Ориентация на такой ход вещей требует значительного изменения нашей тактики и тактики наших друзей. Но это уже другой, самостоятельный вопрос, который нуждается в самостоятельном изучении.

Конечно, схематичное изображение возможных плюсов и минусов, хотя и может оказаться полезным при выработке окончательного решения, далеко не исчерпывает всей сложности и противоречивости ситуации, с которой мы столкнулись. Здесь могут и должны быть привлечены дополнительные соображения, новые аргументы по тем или иным аспектам рассматриваемой проблемы. А пожалуй, не будет преувеличением сказать, что это — самая трудная проблема, которую приходится решать нашей партии, ее руководству за послевоенный период. От ее правильного решения зависит слишком многое».

Вот такую бумагу я сочинил и передал председателю КГБ. Просил его дать совет: имеет ли смысл посылать ее на юг Брежневу. Через помощника председателя полковника Тихомирова пришел ответ: «Не высовывайся!»

По моим сегодняшним меркам, записка слишком наивна. Она оперирует «интересами социализма». А те, к кому я обращался, исходили из других интересов, из интересов бюрократической группы,

которая во что бы то ни стало хочет сохранить власть. Но то, что уже было понятно Иржи Гохману, было еще непонятно мне...

Я не внял совету Андропова и все-таки «высунулся». Когда Брежнев прилетел с юга, уже после «главного» политбюро, мне удалось прорваться к нему. «Тридцать минут — не больше!» — сказал он. Поэтому записку я не читал, а изложил минут за двадцать суть. Очень нервничал. Слушал он внимательно, но мрачно. Пару раз что-то переспросил. Маленькая пауза — и вердикт: «Решение политбюро уже состоялось. Мы с тобой не согласны. Принципиально. Ты имеешь право думать как хочешь. А дальше так — или уходи, выходи из партии, или выполняй принятое решение. Как положено по уставу. Решай. Все. Извини, занят». Кавычки условные, я не записывал. Но смысл и тональность передаю, по-моему, точно.

Выходить из партии я был не готов. Как прыжок в ничто...

События дальнейших десяти дней, — которые, как оказалось, не потрясли мир, но в конечном счете предопределили крах того, нашего, «казарменного» социализма, — будут излагаться по моим записям, которые я вел недели две.

16 августа. Как мне стало известно, «здоровые силы», по существу, предъявили нам ультиматум. Они готовы на заседании президиума 20 августа вести дело к расколу, если в ночь с 20-го на 21-е советские войска войдут в Чехословакию. Со своей стороны они обещали, что к обращению, переданному ранее Брежневу, будет добавлено еще около пятидесяти подписей членов ЦК и правительства. Они предполагают захватить радио и телевидение и обратиться к народу. Утром 20-го будет созван пленум ЦК КПЧ.

17 августа заседало политбюро (Брежнев прилетел с юга). Насколько я понимаю, приняли решение войска ввести. Рассказывают, что после заседания предложили членам политбюро все записи и пометки, которые они делали в ходе заседания, оставить на столе.

На этом же заседании утвердили текст письма политбюро ЦК КПСС в адрес президиума ЦК КПЧ:

«Дорогие товарищи!

Развитие событий после наших встреч в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе заставляет нас поставить перед вами вопрос — сохранилось ли между нами то взаимопонимание, которое было достигнуто в

результате этих встреч, и готово ли руководство КПЧ осуществить на деле достигнутую договоренность.

В Чиерне-над-Тиссой мы прямо, по-товарищески, высказали вам свои опасения за судьбу социализма в Чехословакии в связи с нарастающей угрозой контрреволюции. Мы вместе с вами пришли к общему выводу, что этот вопрос затрагивает жизненные интересы всего социалистического содружества. Президиум ЦК КПЧ со своей стороны признал, что обстановка в партии и стране требует более активных и решительных мер против тех, кто дискредитирует КПЧ, атакует основы социализма, пытается подорвать братскую дружбу Чехословакии с Советским Союзом и другими странами социализма. Вы заверили, что руководство КПЧ предпримет в ближайшее время конкретные шаги:

- овладеет средствами массовой информации;
- прекратит в печати, по радио и телевидению антисоциалистические и антисоветские выступления;
- пресечет деятельность разного рода клубов, группировок и организаций, занимающих антисоциалистические позиции;
- примет меры к недопущению деятельности социал-демократической партии;
- осуществит другие соответствующие меры, в том числе предпримет шаги по укреплению руководящих органов в интересах обеспечения руководящей роли партии, упрочения позиций социализма в Чехословакии.

Именно на основе такого взаимопонимания, достигнутого в Чиерне-над-Тиссой, мы вместе предприняли шаги по созыву совещания в Братиславе, на котором было принято согласованное заявление. Это заявление встретило положительное отношение со стороны коммунистических партий и народов социалистических стран.

Мы вынуждены вновь напомнить вам об этом, поскольку ряд важных фактов свидетельствует, что события пошли по такому руслу, которое отнюдь не соответствует смыслу нашей договоренности, и что президиум ЦК КПЧ не предпринимает действенных конкретных мер, направленных на ее практическое осуществление.

В беседах по телефону с т. Дубчеком А. С. т. Брежнев Л. И. высказывал нашу серьезную озабоченность по поводу продолжающегося наступления антисоциалистических и контрреволюционных сил, которые наносят в последние дни главный

удар по марксистско-ленинским принципам социализма и пролетарского интернационализма, по здоровым силам Чехословакии, по братским отношениям между Чехословакией и Советским Союзом, а также другими социалистическими странами.

В связи с этим по поручению политбюро ЦК КПСС посол СССР в Чехословакии т. Червоненко С. В. 7 и 13 августа дважды обращался к тт. А. Дубчеку и О. Чернику. К сожалению, положение дел не изменилось в лучшую сторону.

Поэтому политбюро ЦК КПСС, обеспокоенное развитием событий в КПЧ и ЧССР, решило обратиться к президиуму ЦК КПЧ, несущему ответственность за реализацию достигнутой между нами договоренности.

Мы хотели бы обратить ваше внимание на то, что печать, радио, телевидение преподносят итоги встреч в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе как победу КПЧ над КПСС и другими братскими партиями. Братиславскому заявлению дается одностороннее толкование, в ряде случаев проникнутое духом национализма. Причем речь идет не о единичных выступлениях, а о линии.

Более того, безответственные оценки и выводы, которые делаются прессой, по существу, находят поддержку в выступлениях некоторых руководящих деятелей КПЧ.

Партийные и государственные деятели, которые объективно, с марксистско-ленинских, интернационалистических позиций оценивают итоги встреч в Чиерне-над-Тиссой и Братиславе, подвергаются грубым нападкам. Им угрожают, против них настраивают общественность, их пытаются представить как „консерваторов“. Однако президиум ЦК КПЧ продолжает хранить молчание.

Продолжается политическая кампания, направленная на подрыв дружеских отношений между ЧССР и СССР, на дискредитацию политики КПСС, на то, чтобы вызвать у народов Чехословакии неприязнь, недоверие к братским партиям и странам. В этой недружественной, враждебной по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам кампании особенно неприглядную роль занимают „Литерарни листы“, „Млада фронта“, „Праце“ и журнал „Репортер“, которые давно уже превратились в рупор правых, антисоциалистических и антисоветских сил. Эти органы

систематически клеветают на Советский Союз, который принес чехословацкому народу свободу, избавил его от фашистского рабства...

Продолжаются нападки на Варшавский договор. Делаются намеки на возможность пересмотра союзнических отношений ЧССР с социалистическими странами, говорится о расчленении оборонительных сил социалистического содружества...

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что правые, контрреволюционные силы активизируются, наступают. Вопреки неоднократным заявлениям официальных представителей о неизменности курса ЧССР на дружбу и союз с СССР, органы массовой пропаганды грубо клеветают на политику КПСС и СССР, и по любому поводу правые инспирируют митинги, на которых распоясавшиеся личности выступают против дружбы наших народов и партий. В Праге правые открыто собирают толпы хулиганствующих молодчиков, и те под антикоммунистические выкрики безнаказанно забрасывают камнями здание ЦК КПЧ. Правые под антикоммунистическими лозунгами открыто ведут кампанию за ликвидацию народной милиции. Контрреволюционные силы проводят сбор подписей за ликвидацию коммунистической партии...

Таким образом, в стране создана обстановка, которая позволяет антисоциалистическим силам реализовывать свои планы — наносить новые удары по КПЧ и по позициям социализма. Все говорит о том, что до сих пор не организовано решительной борьбы против антисоциалистических сил, необходимой для упрочения социализма в Чехословакии.

Складывается впечатление, что в президиуме ЦК КПЧ есть силы, которые мешают развертыванию этой борьбы, выполнению договоренности, достигнутой в Чиерне-над-Тиссой, и заявления, провозглашенного в Братиславе.

Политбюро ЦК КПСС хотело бы со всей серьезностью подчеркнуть неотложную необходимость выполнения обязательств, данных вами на этой встрече, на совещании братских партий. Промедление в этом деле крайне опасно.

Направляя это письмо, политбюро ЦК КПСС выражает уверенность, что президиум ЦК КПЧ отнесется к нему со всем вниманием, правильно поймет нашу тревогу и примет необходимые неотложные меры.

Политбюро ЦК КПСС просит, чтобы с настоящим письмом были незамедлительно ознакомлены все члены президиума ЦК КПЧ».

Я не видел этого письма тогда. Сегодня же оно производит странное впечатление. Вроде бы поезд уже ушел...

18 августа в Москве экстренное совещание «пятерки». Решение о применении «крайних мер» поддержали все. Раньше Кадар призывал к осторожности. Теперь, после субботней встречи с Дубчеком, Кадар пришел к выводу, что Дубчек хитрит, крутит, пытается выиграть время; договоренности он выполнять не будет. Все подписали краткое решение.

Все, кто имеет отношение к чехословацким делам, подписали бумагу о соблюдении «абсолютной тайны».

В какой-то из этих дней пражский посол Володя Коуцкий устраивал небольшую встречу по случаю своего отъезда в отпуск. Мы были друзьями. Я отозвал его в уголок и рассказал старый анекдот.

Идет Иисус Христос по воде, яко посуху. А за ним идут все апостолы. Последний Павел. Павел передает по цепочке:

— Иисусе, я уже по колени в воде.

— Читай «Отче наш».

— Иисусе, я по пояс в воде.

— Читай «Отче наш».

— Иисусе, я по шею в воде!

— Не выдрючивайся и, как все, иди по камушкам!

— Ну и что? — спросил Коуцкий.

— Да ничего, — ответил я. — Передай в Прагу. Скажи, что Бовин тебе рассказал. И отправляйся в отпуск.

Что он и сделал.

19 августа. Снова политбюро. У меня записано: «В общем, дело идет к развязке. Те, кто принял решение о вводе войск, тем самым подписали себе обвинительный приговор. Когда он будет приведен в исполнение — вопрос времени. В нашем отделе, в международном, в МИДе преобладают настроения резко критические. Этот шаг считают неоправданным или в лучшем случае — преждевременным».

20 августа. Слоняемся по кабинетам. В какой уж раз редактируем всякие ненужные бумаги (обращение к чехословацкому народу, обращение к советскому народу, обращение к чехословацкой армии, декларация правительства ЧССР и многое другое).

Поступило сообщение, что президиум ЦК КПЧ начал заседать в 16.00 по Москве. Дубчек не соглашается с позицией «здоровых сил».

Остаемся на ночь. Команда отдела: Русаков, Рахманин, Блатов, Александров В. А. и я.

21 августа. Военная часть операции «Спасаем социализм» про шла успешно. Колоссальную роль сыграл министр обороны ЧССР Мартин Дзур — он дал приказ по войскам: не покидать казармы.

Но уже к концу ночи выяснилось, что в политическом плане мы сели в большую лужу.

Во-первых, «здоровые силы» не смогли прибавить ни одной новой подписи к имеющимся пяти. Пришлось срочно менять первую фразу заявления о вводе войск. Ведь там говорилось о том, что нас приглашает «большинство» членов президиума и правительства. Переписать — нетрудно. А вот поднять ночью Гомулку и Живкова, Кадара и Ульбрихта и растолковать им, что и почему, было нелегко.

Во-вторых, в последний момент два члена президиума, которые собирались поддержать ввод войск, изменили позицию. После чего президиум ЦК КПЧ большинством голосов (7:4) осудил вторжение. Соответственно «братская помощь» была осуждена всей официальной Чехословакией.

В-третьих, «здоровые силы» не смогли, как обещали, взять под контроль центральные радио и телевидение. Это мы поняли, когда вместо ожидаемой нами благодарности за помощь услышали протест президиума ЦК КПЧ.

Практически весь мир нас осудил. В том числе и многие компартии. Андропов дал указание ввести в действие «глушилки». Утром уже жужжали.

22 августа. Вся Чехословакия вдруг покрылась сетью небольших радиостанций, которые, естественно, призывают народ создавать вокруг «оккупантов» атмосферу осуждения и недоброжелательности. Наши «спецслужбы» грешат на «спецслужбы» империалистические.

Встретился с представителем ЧТК в Москве Яном Рижкой («очень здоровая сила»). Он считает, что активная работа радиостанций связана с тем, что руководители организаций вскрыли пакеты, приготовленные на случай чрезвычайного положения. Там сказано, где находится предназначенная для данной организации радиостанция и как ею пользоваться.

По указанию Брежнева создана комиссия по оперативной обработке всей информации и даче предложений. Должны выдавать сводку два раза в сутки. В комиссии, кроме двух отделов ЦК, представлены МИД, КГБ и ГРУ. Дело стоящее, потому что много гонят липы, такой липы, которая должна понравиться начальству. Передо мной «сводка по обстановке на 9.00 19.8.68». Маршал Гречко докладывает ЦК, что авторитет Дубчека в стране «начинает падать», что секретарь ЦК КПЧ Ленарт «не утратил популярности в партии и народе», что вместе с ним «наибольшим доверием» пользуются члены президиума ЦК Швестка, Кольдер, Биляк и секретарь ЦК Индра. Если так — зачем «крайние меры»? На самом деле — все как раз наоборот. Культ Дубчека не поколеблен. А остальные — типичные генералы без армии. Надеюсь, что комиссия позволит более здраво судить о происходящем.

В порядке примечания. У ЦК помимо МИДа было два основных источника информации: КГБ (1-е Главное управление, которое позже стало Службой внешней разведки) и ГРУ (Главное разведывательное управление Министерства обороны). Поскольку МИД считался точкой отсчета разведывательных координат, а МИД долгое время располагался рядом с Лубянкой, на аппаратном сленге комитет обозначался как «ближние соседи», а ГРУ как «дальние соседи». «Соседи», естественно, конкурировали. И это хорошо. Плохо, что в обоих ведомствах питали слабость к «корректировке» информации. Старались, по мере возможности, не слишком огорчать начальство, убирать сомнительные моменты, припудривать факты, избегать ответственных выводов.

Насколько я мог наблюдать, информация комитета в принципе пользовалась приоритетом. Но вот с апреля по октябрь, когда я плотно занимался Чехословакией и каждый день через меня проходил весь поток информации, мои приоритеты изменились. Сообщения ГРУ в целом давали более объективную и полную картину. По ходу дела познакомился с «грутниками». Мне объяснили, что информация могла бы быть еще более интересной и оперативной, если бы до отсылки «наверх» она не ложилась на столы руководящих «редакторов». И мы, нарушая все порядки, договорились, что я буду иметь возможность смотреть первоисточники. Что я и делал иногда по утрам. И никто из нас не подвел друг друга, не проболтался...

Одно цепляется за другое. За три года до Пражской весны в Китае начиналась «культурная революция». Но из Пекина шли какие-то маловразумительные депеши. Я тогда совсем не был отягощен знанием аппаратных порядков и нравов. Спокойно позвонил «ближним» и попросил приехать кого-нибудь из китаистов и разъяснить. Приехал (в смысле — площадь перешел) и разъяснил.

— Почему не информируете?

— Это не в моей компетенции.

Андропов простудился сильно, лежал в больнице. Отправился к нему с очередными бумагами. И захлеб рассказал о том, что происходит в Пекине. И откуда я это знаю. Не обладая даром художественного слова, не могу описать реакцию Ю. В. Такой взбучки я ни до, ни после не получал. Какие-то, видимо, я затронул чувствительные аппаратные струны. Но какие — до сих пор не понимаю. Это и к лучшему. Если бы понял, наверное, не решился бы на самодеятельность с ГРУ.

Возвращаюсь в Прагу. Сегодня «нездоровые силы» (Дубчека, Черника, Смирковского и еще несколько человек) вежливо взяли под локотки и вывезли в Польшу. Думаю, что в Москву доставят.

23 августа. «Здоровые силы» уговаривали президента Свободу возглавить правительство. Свобода отказался, сказав, что есть законное правительство — правительство Черника.

Главные «здоровые силы» боятся быть в городе и живут в посольстве. Еще раз настойчиво попросили, чтобы «ни при каких обстоятельствах» не был раскрыт список лиц, подписавших заявление о вводе войск в ЧССР.

Посол запросил дополнительно 150 раскладушек и 100 банок красной икры.

В Москву прилетел Свобода. Привезли интернированных чехословацких руководителей. Кажется, нашим стало понятно, что без возвращения ядра старой команды (Дубчека, Черника и пр.) положение не стабилизируется. Тем более что Мазуров, который 21 августа был отправлен в Прагу для оперативного руководства, слал панические телеграммы (не знаю уж по каким соображениям, но он подписывался «Трофимов», Брежнев же был закодирован как «Железнов»): или возвращайте Дубчека, или тут все взорвется! Начались «переговоры».

Наш замысел таков. С одной стороны, подписать благостную официальную декларацию, а с другой — секретный протокол, содержащий перечень необходимых политических перемен. На тот случай, если Дубчек заартачится, стали готовить «оккупационный статут». Для этого создали группу: В. С. Семенов (германский опыт!), В. М. Фалин, В. В. Загладин, О. Н. Хлестов, А. Е. Бовин.

24 августа. Продолжались «переговоры». Видел, как, выйдя из комнаты, где им выламывали руки, Черник заплакал. Сел в углу и вытирал слезы. Суровая штука — «интернациональная помощь».

Из Чехословакии по линии военных поступает тревожная информация, что наши солдаты, да и офицеры, контактируя с населением, не могут толком объяснить, зачем они здесь, не видят никакой «контрреволюции», начинают ругать тех, кто их сюда послал. Одновременно сообщается, что личный состав чехословацкой армии все более враждебно относится к интернациональному воинству. Растет вероятность эксцессов.

Громыко вместе с Семеновым и Фалиным работали над секретным протоколом. Загладину и мне поручено основное содержание протокола изложить в виде постановления президиума ЦК КПЧ (что запретить, кого вывести из правительства, кого — из ЦК, согласиться с нахождением войск до «нормализации»).

Записано: «Итак. Мы провалились стратегически. Неправильно оценили обстановку. Крупнейшая политическая ошибка за послевоенное время.

Мы провалились тактически. Не сумели обеспечить поставленную задачу, скоординироваться со „здоровыми силами“.

Кто отвечает? По стратегии П/Б. Но это, видимо, еще не скоро. По тактике — Совпосольство и КГБ».

Вечером рассуждал на эту тему, но не так остро, в информгруппе.

25 августа. Собирается «пятерка». Будут одобрять.

Блатов «по секрету» сообщил, что Андропов звонил Катушеву и ругался по поводу «нездоровых настроений», которые Бовин распространяет в информгруппе.

26 августа. «Переговоры» завершились. Вместо декларации приняли коммюнике. Отказался подписать бумаги только Кригель.

На этом мой «дневник» кончается.

В конце августа сочиняли информационные письма для нашей партии и для братских партий. Логика: вошли, потому что угрожала контрреволюция. Значит, надо доказать, что контрреволюция была. Доказательства? Обнаружены склады оружия, тайно доставленного из ФРГ. На самом же деле это были склады оружия народной милиции. Обнаружены подпольные радиостанции, которые, ясное дело, заброшены «оттуда». На самом же деле, как я уже писал, это были радиоточки, заготовленные на случай войны. И самое простое: контрреволюционер — это тот, кто требует вывода наших войск.

В начале сентября пришел список нового состава президиума ЦК КПЧ. Состав этот вызвал почти истерику. По указанию свыше начали сооружать «жесткое» послание Дубчеку. На жесткости настаивал и Андропов. Но вдруг подул другой ветер. На политбюро выступил Брежнев и сказал, что реализация московской договоренности — трудное дело. Не надо мешать чехам, все время шпынять их. Надо работать с теми людьми, которые есть. А то посольство ориентируется только на тех, кто ничего, кроме оккупационного режима, посоветовать не может.

Поступили данные КГБ о потерях. На 8 сентября убито советских военнослужащих — 61 человек (из них — 11 офицеров), ранено 232 человека (офицеров 36). Выведены из строя 1 танк, 1 вертолет, 1 самолет и 43 автомашины и бронетранспортера.

По данным МИДа, действия «пятерки» полностью или с небольшими оговорками одобрило 21 государство (из них — 13 «безоговорочно»). В этом списке, разумеется, Ирак, Куба, КНДР, Ливия, ДРВ, Сомали... Резко отрицательная реакция — 29 государств, включая Китай, Югославию и Румынию. И «сравнительно умеренная реакция» (то есть ругают, но не матом) у 23 государств.

Картина в коммунистическом движении: поддержали 26 партий. Ни одной крупной, заметной.

Для подготовки доклада на пленуме по итогам чехословацкой акции пригласил Брежнев. Привожу запись его напутствия.

— Нельзя не видеть, что в Праге что-то делается. Правда, хитрят. Но все-таки XIV съезд опрокинули, протокол их пленум признал. Убрали ряд лиц.

— В условиях, когда сильны социал-демократические настроения, когда дает о себе знать швейковский характер, мы должны проявлять максимум терпения.

— Наша акция — героический, мужественный поступок. Армия хорошо себя показала. Страху нагнали, но без кровопролития.

— В связи с последними событиями мы поднялись на гребень политической волны в мировом масштабе. Видим плюсы и минусы. Надо теперь осмыслить в теоретическом плане. Идет раздрай в мировом коммунистическом движении. Откуда опасность? Сползание с классовых позиций, национализм + ревизионизм.

— При Тольятти еще началось. Что Лонго внес за эти четыре года? Ничего! Вечно с запахом социал-демократии. Одного у нас тронут — а там кричат. Забывают, что СССР — оплот мировой революции, сила, которая защищает марксизм-ленинизм. Они все борются за голоса. Просят у нас миллионы долларов и радуются, если увеличат число мандатов. Разве они призывают рабочий класс — ну, не к диктатуре пролетариата, а к захвату власти?

— А французы? Десять миллионов бастовало, а они спасовали.

— Кто может в защиту чистоты и величия марксизма-ленинизма выступить? Кто может поднять голос об опасности? Венгры, немцы — к ним не прислушаются. Только КПСС. Пусть другие колеблются. Важно, чтобы наша партия не колебалась.

— Пройдет месяц-другой, и все опять будут нас слушать.

— Теперь выявились те, кто сразу понял, кто заблуждается.

— Мы не можем поддаваться этому брожению. Кое-кто говорит у нас — как бы не нарушить единство. А зачем нам единство со шведами? На какой основе это единство?

— Мы должны поблагодарить наших рабочих, крестьян, интеллигенцию за то, что они верны КПСС, поддержку оказали. Если будем прислушиваться к одному интеллигенту — сами заблудимся.

— Надо бы пойти к рабочим и сказать — вот я из рабочей семьи. Хочу по-простому рассказать...

— В теоретическом плане надо на пленуме затронуть эти вопросы. Одна-две главные цитаты из Маркса и Ленина. Не надо обижать компартии Франции или Италии, но сказать надо.

— Вывод — мужественный, героический поступок. Нам нельзя оправдываться. Мы защитили дело социализма в Европе.

Я, конечно, понимал, что ввод войск в Чехословакию, вся эта многомесячная нервотрепка отразятся на умонастроении Брежнева, на его психологии, на подходе к тем или иным проблемам. Но столь резких, стремительных перемен я не ожидал. Вместо привычного рассудительного тона, вместо желания разобраться в проблемах, вместо апелляции к практике, к реальности набор идеологических клише худшего пошиба. Из чехословацкой купели вышел другой Брежнев... Мне могут возразить: ты просто идеализировал того, «раннего» Брежнева; не Брежнев изменился, изменилась обстановка, в которой более ярко проступили те черты Брежнева, которые не очень были заметны раньше. Как у подпоручика Дуба, которого Швейк должен был узнать и с плохой стороны... Возможно, только уж слишком заметно.

Где-то на этих же днях ко мне зашел Александр Иванович Алексеев, бывший посол на Кубе (в девичестве — генерал КГБ). Умный, толковый человек. Два месяца он находился в Праге, поддерживая контакты со «здоровыми силами». Его впечатления. Нас там все ненавидят. Никакой контрреволюции там нет. Просто хотят отойти от нас, попробовать задействовать опыт Югославии. По словам Алексеева, он все это изложил Андропову. На что тот изрек: «Уж если ты, Alexandro, так говоришь...»

Подготовка к сентябрьскому пленуму шла довольно гладко. Работали на даче Горького, что при хорошей погоде нагружает дополнительными положительными эмоциями. Брежневу важно было получить от ЦК одобрение политики «интернациональной помощи». Это было нетрудно. Полный «одобрямс» прозвучал отчетливо.

На начало октября намечались переговоры с Дубчеком. Он хотел приехать в Москву, чтобы отстаять свое понимание некоторых сюжетов московской договоренности. В Москве это понимали. Обстановка была нервной и напряженной. Усиливается намерение — записано на одном из моих листков — «выложить Дубчеку все». Подготовленный в консультантской группе проект коммюнике Катушев забраковал как либеральный.

2 октября позвонил посол ЧССР Коуцкий и попросил срочно встретиться. Я был очень занят. Но поскольку знал Коуцкого давно и мы, как говорится, дружили семьями, поехал в посольство. Привожу запись беседы, которую утром 3-го передал Брежневу.

«В процессе беседы т. Коуцкий говорил о том, что, по его мнению, нынешнее руководство ЦК КПЧ не собирается выполнять достигнутую в Москве договоренность. Правда, заметил т. Коуцкий, о необходимости действовать в соответствии с Московским протоколом сейчас говорят все. Однако это лишь слова. В действительности же происходит другое.

Тов. Коуцкий с раздражением говорил о том, что т. Дубчек и его люди активно поддерживают „шайку“ провокаторов, которые засели в органах массовой информации и продолжают нагнетать в стране националистические страсти. Если говорить о кадровой политике т. Дубчека, то она сводится к тому, что он „выбрасывает за борт“ людей, которые проявляют малейшие чувства симпатии к Советскому Союзу.

В стране, продолжал т. Коуцкий, складывается, причем не без воздействия сверху, культ личности Дубчека. Когда он приезжает на работу, его уже ждут толпы людей. Девушки преподносят ему цветы. Здесь же обязательно присутствуют операторы кинохроники и телевидения. По линии идеологического отдела ЦК КПЧ дана команда всячески популяризировать письма, направленные в адрес Дубчека. В частности, апологетический анализ этих писем был дан в журнале „Живот страны“ под выразительным заголовком „Любимый“.

Тов. Коуцкий сказал, что, по его сведениям, аппарат ЦК КПЧ фактически не функционирует. Отделы никаких заданий не получают и материалов для президиума и секретариата не готовят. Поскольку, заметил т. Коуцкий, трудно себе представить работу руководства без аппарата, то можно предположить, что существует другой аппарат, на который опирается руководство ЦК КПЧ.

Имея в виду предстоящие переговоры, т. Коуцкий несколько раз подчеркивал, что необходимо активно „нажать“ на т. Дубчека и заставить его осуществить „непопулярные мероприятия“, может быть, выступить с заявлениями, в которых самокритично оценить деятельность партийного руководства в послелянварский период.

Следовало бы учесть, добавил т. Коуцкий, что и Свобода, и Гусак, и, может быть, в меньшей степени Черник раздражены поведением т. Дубчека. Это раздражение можно было бы использовать для изоляции т. Дубчека, но делать это следует умело, тонко, с учетом огромной популярности Дубчека в стране.

Поскольку т. Дубчек не перестает утверждать, что он никогда и нигде на себя никаких обязательств не брал, то, может быть, сказал т. Коуцкий, следовало бы подумать о возможности опубликования отдельных фрагментов из стенограмм переговоров, проходивших в Дрездене, Москве, Чиерне-над-Тиссой, которые бы могли опровергнуть эти утверждения.

Из отдельных деталей беседы заслуживают внимания следующие.

Из Праги доходят „слухи“ о том, что есть намерение провести учредительный съезд Компартии Чехии 14–15 октября с. г.

Известно, что т. Кольдер написал статью, в которой рассказывается об обстановке в президиуме ЦК КПЧ в мае — августе с. г. Он хотел опубликовать эту статью в „Руде право“ или в одной из газет братских стран. По этому поводу Дубчек имел с ним трехчасовую беседу и уговорил его не публиковать статью.

Вчера у Коуцкого состоялась беседа с послом США Томпсоном. Томпсон спросил Коуцкого, соответствует ли интересам Чехословакии продолжение переговоров с Советским Союзом относительно замораживания систем противоракетной обороны. На это т. Коуцкий ответил, что, по его мнению, интересам Чехословакии соответствуют все шаги, направленные на разрядку международной напряженности.

Томпсон заметил, что в Вашингтоне много людей, которые хотели бы ухудшить советско-американские отношения. По мере его, Томпсона, возможностей он пытается воздействовать на Джонсона в противоположном духе. Однако, сказал Томпсон, практически в Москве он находится сейчас в изоляции, имеет очень мало контактов с советским руководством и поэтому — в отличие от прошлого — далеко не всегда уверен, что его советы правильно отражают настроения, господствующие в Москве».

Брежнев при мне просмотрел эти два листка и сказал: «Пока будет Дубчек, ничего не изменится. Убирать его надо».

Переговоры прошли спокойнее, чем ожидалось. Брежнев не любит «жесткости». Дубчеку было отмерено еще полгода.

Две чехословацкие недели были, думаю, самыми трудными, самыми драматическими неделями в моей жизни.

Естественный вопрос: почему я не ушел, не хлопнул дверью, не положил партийный билет?

На этот вопрос я придумал много ответов. И правильный лежит, наверное, на их скрещении.

Боялся, несомненно, расставаться с налаженной, организованной, обеспеченной жизнью. С приятно щекочущим ощущением близости к власти.

Надеялся, что мое участие, мои бумаги позволят сгладить чересчур острые углы, позволят руководству увидеть события другими глазами, понять, что есть альтернатива.

Не решался, не был готов противопоставить себя партии. Рационально, «умственно» критикуя политику ЦК, психологически я оставался внутри ее. Я не был за «поражение своего правительства». Политический провал нашей операции в Праге не радовал, а огорчал меня.

Наконец, повседневная погруженность в десятки конкретных проблем, воспитанная годами привычка работать по максимуму, делать порученное дело хорошо — все это тормозило саморефлексию, мешало отделять себя от среды, в которую ты был впаян, от людей, которых привык видеть рядом с собой.

В общем, не хватило у меня пороха начать новую жизнь.

Еще одно воспоминание в чехословацкой тональности. Сажу пью чай в домике старого Капицы. Июль 1968 года. Разговариваем о пражских делах, о неприятии советскими деятелями социализма «с человеческим лицом». Капица сердится, стыдит меня: вот вы там рядом с начальством, неужели вы не можете твердо сказать: оставьте Прагу в покое, пусть делают «лицо», которое хотят, нам бы о своем лице лучше побеспокоиться.

Я тоже разозлился. А почему вы, ученые, молчите? Меня, моих друзей легко выгнать, мы заведем только словами. А вы и ваши друзья заведете оружием. Капицу, Келдыша, Харитона не выгонишь. Так что же вы молчите? Судьба Сахарова смущает? Потому что вы обрекли его на одиночество, позволили измываться над ним...

Крупно поговорили. Типичный кухонный разговор. Выпускание паров. Много было таких разговоров. Через двадцать лет они стали политикой.

С осени 1968 года Прага начинает отодвигаться на периферию моих забот. Согласно прогнозам, которыми я пугал начальство, ввод войск в Чехословакию отодвинет в неопределенность созыв Международного коммунистического совещания. Но я переоценил принципиальность коммунистических партий и недооценил возможности своей родной партии. Совещание открылось в Москве 5 июня 1969 года.

Политически и идеологически созыв Совещания упирался в две, как минимум, трудности. Во-первых, напряженность, разногласия, возникшие в результате чехословацкого кризиса. Во-вторых, опасения потенциальных участников, что Совещание превратится в судилище над компартией Китая. Относительно спокойное развитие событий в Чехословакии, гибкая политика ЦК КПСС позволили эти трудности преодолеть.

Организационно за подготовку Совещания отвечали венгерские товарищи. В Будапеште обосновался своего рода штаб. Его главная задача — создать условия для проведения встреч, на которых выработывался текст основного документа Совещания. Так что в эти месяцы приходилось больше жить в Будапеште, чем в Москве.

Документ рождался в муках. Было несколько заседаний рабочих групп, которые пункт за пунктом обсуждали содержание заявления. Вносились сотни предложений по формулировкам. Мы по привычке стремились идеологизировать документ. Но наши главные западные партнеры (французы, итальянцы, англичане и др.) предпочитали не выходить за пределы политических задач. Была, разумеется, и насыщенная культурная программа. Слишком насыщенная. Один из номеров: в коридоре партийной гостиницы Загладин, Жилин, Бовин и «мисс ЦК» Лариса Латышева исполняли танец маленьких лебедей.

А еще надо было сочинять выступление для Брежнева. Обсуждение проекта состоялось 13 мая. Докладчик подошел с наивной позиции «здравого смысла». Самое главное, сказал он, — это раскол коммунистического движения в результате действий китайцев. Но именно «китайский вопрос» как-то смазан. «Если уж мы будем говорить о единстве и в какой-то мере умолчим о расколе в коммунистическом движении, о всех сложностях, которые в нем возникли из-за Китая, так кто же мы тогда такие? Тогда мы действительно не марксисты. Я считаю, что наше выступление должно

быть абсолютно бескомпромиссным. Только в этом случае оно будет носить ленинский характер. Если же мы будем приспосабливаться к тому, чтобы не ушел Лонго или чтобы румыны чего-нибудь нам не устроили, да австрийская партия, да австралийская, да Голлан, тогда уж не определишь, кто мы — центристы или кто-ни будь другой». И дальше: «Пусть слушают, пусть знают нашу точку зрения, лучше бы согласились. Но я прямо говорю, если пять партий не согласятся, — хорошо, добро пожаловать, дорогие, — внуковский аэродром, самолет, проводят, кому положено по протоколу, и езжай, объясняй своему рабочему классу — с кем ты».

Андропов и Пономарев согласно кивали.

Брежнева можно понять. Китайцы просто обнаглели. Спровоцировали большую кровь на Даманском. Но что касается окончательного текста, то конечно же крайностей там не было.

Брежнева смутил нажим на самостоятельность партий. Вот мы «все время говорим, что каждая партия сама решает, сама определяет, сама находит, сама выходит. Одним словом, без конца толкаем формулы, что каждая партия — это как будто разошлись хлопцы по национальным квартирам и не трогайте нас». Тут надо «найти пропорции». Не забывать об интернационализме.

Возражения вызвал и неконкретный подход к демократии. «А что, чехи были против демократии? За какую демократию, надо сказать... Хороша та демократия, которая служит рабочему классу, трудовому народу. Вот это и есть настоящая демократия, а не вообще демократия... Газета „Унита“ может писать против СССР, она может сожалеть о Палахе, она сожалеет, что Дубчека ЦК освободил. Я не могу согласиться с таким пониманием демократии. Если отделаться общими фразами, то это очень плохо».

И, как обычно, Брежнев протестовал против налета «академизма», требовал «ораторского» подхода, усиления ярких, ударных, «пафосных» моментов.

Среди замечаний членов политбюро выделялись замечания А. Н. Шелепина. Практически это был новый текст выступления. Не знаю, что подумал по этому поводу Брежнев, но мы решили, что «железный Шурик» еще не утратил надежд...

После совещания мы с женой отправились отдыхать в ГДР. Там все было в полном порядке. На севере мы жили на малюсеньком острове Фильм. Утром откроешь окно, а недалеко сидит здоровенный заяц...

Из сюжетов неотпускных запомнился обед с заведующим международным отделом ЦК СЕПГ Паулем Морковски. Именно в этот день, когда мы сидели за столом в партийной гостинице «Хаус ам дер Шпрее», американский астронавт Нил Армстронг должен был сделать первый шаг на Луне.

— Давайте выпьем, чтобы американцы гробанулись, — предложил Пауль.

Моя Петровна чуть не поперхнулась.

Как ко всему привыкший, я предложил, чтобы каждый выпил за то, что он хочет. Так и сделали.

— Утрачиваешь классовое чутье, — констатировал Пауль.

А ведь вне политики это был интеллигентный, умный, обаятельный человек. Через несколько лет, к сожалению, разбился в Ливии. Авария вертолета.

* * *

Вторая половина 1969 года не оставила в памяти значимых ориентиров. Была какая-то подковерная возня вокруг 90-летия со дня рождения Сталина. Она кончилась куцей редакционной статьей в «Правде».

Вместе с тем уже в декабре был объявлен сбор на даче Горького для составления развернутого плана доклада, посвященного 100-летию В. И. Ленина. В обсуждении плана участвовали П. Н. Федосеев (директор Института марксизма-ленинизма), В. И. Степаков (зав. отделом пропаганды), Б. М. Сухаревский (зам. председателя комитета по труду и заработной плате), Александров, Загладин и Бовин. Решили, что план созрел для показа докладчику.

Докладчик сформулировал свои замечания 12 декабря. Он отметил важность, ответственность и самого события, и выступления.

«Когда подумаешь — весь мир, все честные люди готовятся встретить эту дату. Мы получаем сообщения от одной партии, от другой, от третьей, десятой партии.

Уже сейчас нам сообщают через послов, через наших людей, что они будут проводить митинги, прием в партию. Наш народ уже полтора года готовится к этой дате: по этому поводу проходят всякие соревнования, это фиксируется на страницах печати, учреждена юбилейная медаль, учреждены знамена и прочее. Колышется под нами земля. В этот момент надо рассказать о Ленине. В этот момент наша партия должна прозвучать своим голосом на весь мир, причем надо тонко показать ревизионизм, оппортунизм, маоизм и современный ревизионизм. Все это не просто так саблей по-буденновски рубить, а надо найти слова, чтобы шло, как говорят, как по маслу. Мы не можем допустить никаких неточностей, никаких фальсификаций, никакой отсебятины, я бы грубо сказал. Все это должно быть обоснованно и убедительно».

И общие соображения по стилю. «Стиль доклада должен быть в целом приподнятым, торжественным, местами даже с пафосом, но не крикливым. Стиль должен быть ясным, четким, спокойным, деловым. Нужно, очевидно, в меру пользоваться цитатами, но не перегружать доклад. Цитаты подобрать весомые, вошедшие в классические труды и определяющие развитие науки в той или иной области... Доклад не должен быть шаблонным, примитивным, когда об этом говорилось сто раз и приходится говорить сто второй».

Давно известно: стиль — это человек. То, о чем Брежнев говорил, что он говорил, определялось его положением, его функцией. И Хрущев, и Сталин, как лидеры партии, говорили бы примерно то же. Лично Брежнев начинался с того, как он говорит, как он хочет говорить. Трудно представить Андропова, требующего «пафосности», или Горбачева, говорящего без «отсебятины». Именно требования Брежнева к стилю, форме своих выступлений, его оценка времени и среды, в которых он должен говорить, показывают личность Брежнева: странную смесь здравого смысла и искренней веры в юбилейное «колыхание земли», наивности («никаких фальсификаций») и идеологической зашоренности, неотделимой от сплошной фальсификации.

А теперь представьте себе положение тех, кто сочиняет текст. Для данного докладчика и в его стиле. Совместимость не гарантирована. Можно, разумеется, уйти — пусть приходят и сочиняют другие. А если

не ушел, гарантированы всяческие переживания. Ведь всегда хотели как лучше, но почти всегда получалось как всегда...

В конце февраля — начале марта состоялось фундаментальное четырехдневное обсуждение. С участием начальства (Андропов, Пономарев, Кириленко, Демичев, Русаков). В принципе одобрили. Общее замечание Брежнева: «Слишком земной доклад. Так не подходит. Нужна значительно более высокая вышка». Тут все загудели, что выше этой «вышки» будет перебор. Вроде бы уговорили. И под конец докладчик жалостливо так вздохнул: «То ли потому, что часто за последние годы говорим слишком много, все кажется знакомым, как будто нет ничего нового. Создается такое впечатление». Тут было трудно возражать, но возражали.

Самое, на мой взгляд, оригинальное замечание принадлежало Пономареву. В тексте утверждалось, что Ленину было присуще чувство юмора. Б. Н. счел, что юмор принижает. Эта юмористическая сценка закончилась, к сожалению, в пользу Пономарева.

Большой, но совершенно пустой разговор состоялся по поводу демократии. Его итог подвел Брежнев: «В буржуазных государствах, конечно, есть демократия. Люди выбирают и голосуют. Но сейчас парламент потерял свое значение, и его функции сходят на нет. А у нас происходит расцвет демократии. Ленин определил расцвет демократии при сохранении руководящей роли рабочего класса, Советского государства и партии». Я так и не понял (ни тогда, ни позже), эти слова насчет «расцвета» — искренняя вера, убежденность или привычная, нужная ложь.

После октябрьского (1964) пленума зашевелились не только сталинисты. Зашевелились и шестидесятники, нажимая на необходимость демократизации по всем азимутам. Брежнев тогда относился к этой теме серьезно. На Старой площади начались даже разговоры — не подготовить ли пленум «О мерах по дальнейшему развитию внутрипартийной демократии, а также демократических норм государственной жизни». Аналогичные настроения оживились в братских странах. События в Чехословакии все это перечеркнули. Только, кажется, болгары успели провести пленум ЦК БКП. Но его решения («О мерах по...») быстро ушли в песок.

Наши шестидесятники не сдавались. Довольно часто в ЦК приходили письма, в которых излагались разные варианты «введения»

демократии. Мне бы хотелось познакомить читателей с письмом физика А. Д. Сахарова, математика В. Ф. Турчина и историка Р. А. Медведева. Письмо датировано 19 марта и интересно тем, что соединяет демократию с экономикой.

Авторы начинают с того, что демократизация должна быть постепенной, проходить под руководством КПСС и сохранить руководящую роль партии. «Без коренной демократизации, — пишут они, — наше общество не сможет разрешить стоящих перед ним проблем, не сможет развиваться нормально».

Анализ проблем выглядит так.

«В течение последнего десятилетия в народном хозяйстве нашей страны стали обнаруживаться угрожающие признаки разлада и застоя, причем корни этих трудностей восходят к более раннему периоду и носят глубокий характер. Неуклонно снижаются темпы роста национального дохода. Возрастает разрыв между необходимым для нормального развития и реальным вводом новых производственных мощностей. Налицо многочисленные факты ошибок в определении технической и экономической политики в промышленности и сельском хозяйстве, недопустимой волокиты при решении неотложных вопросов. Дефекты в системе планирования, учета и поощрения часто приводят к противоречию местных и ведомственных интересов с общенародными, общегосударственными. В результате резервы развития производства должным образом не выявляются и не используются, а технический прогресс резко замедляется. В силу тех же причин нередко бесконтрольно и безнаказанно уничтожаются природные богатства страны: вырубается леса, загрязняются водоемы, затопляются ценные сельскохозяйственные земли, происходит эрозия и засоление почвы и т. п. Общеизвестно хронически тяжелое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Реальные доходы населения в последние годы почти не растут. Питание, медицинское обслуживание, бытовое обслуживание улучшаются очень медленно и территориально неравномерно. Растет число дефицитных товаров. В стране имеются явные признаки инфляции.

Особенно тревожно для будущего страны замедление в развитии образования: наши расходы на образование втрое меньше, чем в США, и растут медленнее. Трагически возрастает алкоголизм и заявляет о себе наркомания. Во многих районах страны систематически

увеличивается преступность. В ряде мест растут симптомы явлений коррупции. В работе научных и научно-технических организаций усиливаются бюрократизм, ведомственность, формальное отношение к своим задачам, безынициативность.

Решающим итоговым фактором сравнения экономических систем является, как известно, производительность труда. И здесь дело обстоит хуже всего. Производительность труда у нас по-прежнему остается во много раз ниже, чем в капиталистических странах, а рост ее резко замедлился. Это положение представляется особенно тяжелым, если сравнить его с положением в ведущих капиталистических странах и, в частности, в США. Введя в экономику элементы государственного регулирования и планирования, эти страны избавились от разрушительных кризисов, терзавших ранее капиталистическое хозяйство. Широкое внедрение в хозяйство вычислительной техники и автоматики обеспечивает быстрый рост производительности труда, что, в свою очередь, способствует частичному преодолению некоторых социальных трудностей и противоречий (например, путем установления пособий по безработице, сокращения рабочего дня и т. п.). Сравнивая нашу экономику с экономикой США, мы видим, что наша экономика отстает не только в количественном, но и — что самое печальное — в качественном отношении. Чем новее и революционнее какой-либо аспект экономики, тем больше здесь разрыв между США и нами. Мы опережаем Америку по добыче угля, отстаем по добыче нефти, очень отстаем по добыче газа и производству электроэнергии, чрезвычайно сильно отстаем по химии и бесконечно отстаем по вычислительной технике. Последнее особенно существенно, ибо внедрение ЭВМ в народное хозяйство — явление решающей важности, радикально меняющее облик системы производства и всей культуры. Это явление справедливо получило название второй промышленной революции. Между тем мощность нашего парка вычислительных машин в сотни раз меньше, чем в США, а что касается использования ЭВМ в народном хозяйстве, то здесь разрыв так велик, что его невозможно даже измерить. Мы просто живем в другой эпохе.

Не лучше обстоит дело и в сфере научных и технических открытий. И здесь не видно возрастания нашей роли. Скорее наоборот. В конце пятидесятых годов наша страна была первой страной в мире, запустившей спутник и пославшей человека в космос. В конце

шестидесятых годов мы потеряли лидерство и в этой области, как давно потеряли его во многих других областях. И первыми людьми, ступившими на Луну, стали американцы...

В чем дело? Почему мы не только не стали застрельщиками второй промышленной революции, но даже оказались неспособными идти в этой революции вровень с развитыми капиталистическими странами? Неужели социалистический строй предоставляет худшие возможности, чем капиталистический, для развития производительных сил?

Конечно нет! Источник наших трудностей — не в социалистическом строе, а, наоборот, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник — антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день. Внеэкономическое принуждение, ограничения на обмен информацией, ограничения интеллектуальной свободы и другие проявления антидемократических извращений социализма, имевшие место при Сталине, у нас принято рассматривать как некие издержки процесса индустриализации. Считается, что они не оказали серьезного влияния на экономику страны, хотя и имели тяжелейшие последствия в политической и военной областях, для судьбы обширных слоев населения и целых национальностей. Мы оставляем в стороне вопрос, насколько эта точка зрения оправдана для ранних этапов развития социалистического народного хозяйства — снижение темпов роста в предвоенный период скорее говорит об обратном. Но не подлежит сомнению, что с началом второй промышленной революции эти явления стали решающим экономическим фактором, стали основным тормозом развития производительных сил страны. Вследствие увеличения объема и сложности экономических систем на первый план выдвинулись проблемы управления и организации. Эти проблемы не могут быть решены одним или несколькими лицами, стоящими у власти и „знающими все“. Они требуют творческого участия миллионов людей на всех уровнях экономической системы. Они требуют широкого обмена информацией и идеями. В этом отличие современной экономики от экономики, скажем, стран Древнего Востока.

Однако на пути обмена информацией и идеями мы сталкиваемся в нашей стране с непреодолимыми трудностями. Правдивая информация

о наших недостатках и отрицательных явлениях засекречивается на том основании, что она может быть „использована враждебной пропагандой“. Обмен информацией с зарубежными странами ограничивается из-за боязни „проникновения враждебной идеологии“. Теоретические обобщения и практические предложения, показавшиеся кому-то слишком смелыми, пресекаются в корне без всякого обсуждения — под влиянием страха, что они могут „подорвать основы“. Налицо явное недоверие к творчески мыслящим, критическим, активным личностям. В этой обстановке создаются условия для продвижения по служебной лестнице не тех, кто отличается высокими профессиональными качествами и принципиальностью, а тех, кто, на словах отличаясь преданностью делу партии, на деле отличается лишь преданностью своим узколичным интересам или пассивной исполнительностью...

Нашу экономику можно сравнить с движением транспорта через перекресток. Пока машин было мало, регулировщик легко справлялся со своими задачами, а движение протекало нормально. Но поток машин непрерывно возрастает, и вот возникает пробка. Что делать в такой ситуации? Можно штрафовать водителей и менять регулировщиков, но это не спасет положения. Единственный выход — расширять перекресток. Препятствия, мешающие развитию нашей экономики, лежат вне ее, в сфере общественно-политической, и все меры, не устраняющие этих препятствий, обречены на неэффективность.

Пережитки сталинского периода отрицательно сказываются на экономике не только непосредственно, из-за невозможности научного подхода к проблемам организации и управления. Но и в не меньшей степени косвенно, через общее снижение творческого потенциала всех профессий. А ведь в условиях второй промышленной революции именно творческий труд становится все более и более важным для народного хозяйства.

В этой связи нельзя не сказать о проблеме взаимоотношений государства и интеллигенции. Свобода информации и творчества необходима интеллигенции по природе ее деятельности, по ее социальной функции. Стремление интеллигенции к увеличению этой свободы является законным и естественным. Государство же пресекает это стремление путем всевозможных ограничений, административного давления, увольнения с работы и даже судебных процессов. Это

порождает разрыв, взаимное недоверие и глубокое взаимное непонимание, делающее трудным плодотворное сотрудничество между партийно-государственным слоем и самыми активными, то есть наиболее ценными для общества, слоями интеллигенции. В условиях современного индустриального общества, когда роль интеллигенции непрерывно возрастает, этот разрыв нельзя охарактеризовать иначе как самоубийственный.

Подавляющая часть интеллигенции и молодежи понимает необходимость демократизации, понимает также необходимость осторожности и постепенности в этом деле, но не может понять и оправдать акций, имеющих явно антидемократический характер. Действительно, как оправдать содержание в тюрьмах, лагерях, сумасшедших домах лиц хотя и оппозиционных, но оппозиция которых лежит в легальной области, в сфере идей и убеждений? В ряде же случаев речь идет не о какой-либо оппозиции, а просто о стремлении к информации, к смелому и непредвзятому обсуждению общественно важных вопросов. Недопустимо содержание в заключении писателей за их произведения. Нельзя понять и оправдать такие нелепые, вреднейшие шаги, как исключение из Союза писателей крупнейшего и популярнейшего советского писателя, глубоко патриотичного и гуманного по всей своей деятельности, как разгром редакции „Нового мира“, объединявшего вокруг себя наиболее прогрессивные силы марксистско-ленинского социалистического направления.

Демократизация с ее полнотой информации и соревновательностью должна вернуть нашей идеологической жизни (общественным наукам, искусству, пропаганде) необходимую динамичность и творческий характер, ликвидировав бюрократический, ритуальный, догматический, официально-лицемерный и бездарный стиль, который занимает сейчас в ней столь большое место...

Проведение демократизации — нелегкий процесс. Его нормальному течению будут угрожать, с одной стороны, индивидуалистические, антисоциалистические силы, а с другой — поклонники „сильной власти“, демагоги фашистского образца, которые могут попытаться в своих целях использовать экономические трудности страны, взаимное непонимание и недоверие интеллигенции и правительственно-партийного аппарата, существование в определенных слоях общества мещанских и националистических

настроений. Но мы должны осознать, что другого выхода у нашей страны нет, и что эту трудную задачу решать надо».

Далее предлагалась рассчитанная на три-четыре года управляемая эскалация демократии (14 ступеней).

«1. Заявление высших партийно-правительственных органов о необходимости дальнейшей демократизации, о темпах и методах ее проведения. Опубликование в печати ряда статей, содержащих обсуждение проблем демократизации.

2. Ограниченное распространение (через партийные органы, предприятия, учреждения) информации о положении в стране и теоретических работ по общественным проблемам, которые пока нецелесообразно делать предметом широкого обсуждения. Постепенное увеличение доступности таких материалов до полного снятия ограничений.

3. Широкая организация комплексных производственных объединений с высокой степенью самостоятельности в вопросах производственного планирования и технологического процесса, сбыта и снабжения, в финансовых и кадровых вопросах, и расширение этих прав для более мелких производственных единиц. Научное определение — после тщательных исследований — форм и объема государственного регулирования.

4. Прекращение глушения иностранных радиопередач. Свободная продажа иностранных книг и периодических изданий. Вхождение нашей страны в международную систему охраны авторских и редакторских прав. Постепенное (3–4 года) расширение и облегчение международного туризма в обе стороны, облегчение международной переписки, а также другие мероприятия по расширению международных контактов, с оперативным развитием этих тенденций по отношению к странам СЭВ.

5. Учреждение института по исследованию общественного мнения. Сначала ограниченная, а затем полная публикация материалов, показывающих отношение населения к важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, а также других социологических материалов.

6. Амнистия политических заключенных. Постановление об обязательной публикации полных стенографических отчетов о

судебных процессах, имеющих политический характер. Общественный контроль за местами заключения и психиатрическими учреждениями.

7. Осуществление ряда мероприятий, способствующих улучшению работы судов и прокуратуры, их независимости от исполнительной власти, местных влияний, предрассудков и связей.

8. Отмена указания в паспорте о национальности. Единая паспортная система для жителей города и деревни. Постепенный отказ от системы прописки паспортов, проводимый параллельно с выравниванием территориальных неоднородностей экономического и культурного развития.

9. Реформы в области образования. Увеличение ассигнований на начальную и среднюю школы, улучшение материального положения учителей, их самостоятельности, права на эксперимент.

10. Принятие закона о печати и информации. Обеспечение возможности создания общественными организациями и группами граждан новых печатных органов.

11. Улучшение подготовки руководящих кадров, владеющих искусством управления. Создание практики стажеров. Улучшение информированности руководящих кадров всех ступеней, их права на самостоятельность, на эксперимент, на защиту своих мнений и проверку их на практике.

12. Постепенное введение в практику выдвижения нескольких кандидатов на одно место при выборах в партийные и советские органы всех уровней, в том числе и при не прямых выборах.

13. Расширение прав советских органов. Расширение прав и ответственности Верховного Совета СССР.

14. Восстановление всех прав наций, насильственно переселенных при Сталине. Восстановление национальной автономии переселенных народов и предоставление возможности постепенного обратного переселения».

Авторы подчеркивали, что демократизация резко поднимет престиж СССР на мировой арене. Усилит авторитет КПСС в коммунистическом движении. Укрепит наши позиции в борьбе с китайскими «раскольниками».

Письмо заканчивалось следующим пассажем:

«Не существует никакого другого выхода из стоящих перед страной трудностей, кроме курса на демократизацию, осуществляемого

КПСС по тщательно разработанной программе. Сдвиг вправо, то есть победа тенденций жесткого администрирования, „завинчивания гаек“, не только не решит никаких проблем, но, напротив, усугубит до крайности эти проблемы, приведет страну к трагическому тупику. Тактика пассивного выжидания приведет в конечном счете к тому же результату. Сейчас у нас есть еще возможность стать на правильный путь и провести необходимые реформы. Через несколько лет, быть может, будет уже поздно. Необходимо осознание этого положения в масштабе всей страны. Долг каждого, кто видит источник трудностей и путь к их преодолению, указывать на этот путь своим согражданам. Понимание необходимости и возможности постепенной демократизации — первый шаг на пути к ее осуществлению».

Сейчас, когда трагический прогноз ученых подтвердился, когда Советский Союз рухнул под тяжестью нерешенных проблем, это письмо вызывает острую, пронзительную боль. Тогда, тридцать с лишним лет назад, оно воспринималось спокойнее. Даже соглашаясь в принципе с авторами, я не думал о тупике и катастрофе. Однако после чтения такой «литературы» уже вроде бы привычный, включенный в правила игры разрыв между речами и делами становился более разительным, обнаженным, кричащим. Увеличивалась затрата нервной энергии на «пафосность» и «ударные места».

Что же касается начальства, то, боюсь, помощники и референты блокировали основной поток писем, требующих демократизации. Если же эксклюзивные случаи докладывались, их благие порывы блокировал здоровый инстинкт правящего «класса», понимание, часто интуитивное, того, что пытаются лишить власти или существенно ограничить ее. А тут уж насмерть надо стоять. Вплоть до «крайних мер». Против всякого рода реформаторов работал и огромный массив идущей со всех сторон оптимистической информации, на фоне которой все недостатки были исключительно отдельными, а трудности — временными.

Очередные временные трудности были и у нас. После всех обсуждений, когда мы, не торопясь, шлифовали абзац за абзацем, Брежнев вручил нам «замечания анонима» на 11 страницах. Аноним разносил проект в пух и прах. От нас требовалось отразить «бешеную атаку» сегодняшних оппортунистов, включая директора Института философии, на марксистскую философию. Обвиняя нас в софистике,

«мошенничестве», аноним ловил нас на том, что единичное высказывание Ленина о «мирном переходе» от капитализма к социализму мы превратили «в целое учение», и настаивал на обратном превращении. Отвергалось понятие «зрелый социализм», ибо «это пахнет тем, чтобы свести на нет, умалить завоевания социализма 30-х годов». Было рекомендовано не критиковать китайцев, а заявить, что «мы всегда радовались и будем радоваться успехам Китая».

В целом, заключал аноним, «представленный материал недостаточно боевой, наступательный. Ленин и ленинизм — это прежде всего борьба. Борьба была каждый день, на каждом этапе... Нередко борьба эта носила смертельный характер. Никогда враги партии, враги Ленина не успокаивались, не сдавались мирно.

В тексте все это недостаточно учтено. Троцкистов здесь почти нет (лишь раз или два упоминаются они). Нет и бухаринцев, как и других всякого рода оппортунистов, которые раскалывали партию, раскалывали рабочее движение, подвергали ревизии марксизм и т. д. Совершенно слабо, робко и не по-боевому говорится о современных ревизионистах, оппортунистах и т. п.».

На одиннадцать страниц анонима мы ответили восемнадцатью. Сообщили докладчику, что ряд редакционных поправок мы приняли. И дали общую оценку: «Вместе с тем мы считаем своим долгом подчеркнуть, что в главной своей части анонимные „замечания“ представляют собой документ, наполненный совершенно неправильными утверждениями, которые в лучшем случае объясняются недостаточной осведомленностью автора или неправильным пониманием ряда важных ленинских положений, либо же написаны с позиций, коренным образом расходящихся с политикой нашей партии, ее основополагающими документами, решениями ее руководящих органов, а также с коллективными документами международного коммунистического движения». Эта оценка подкреплялась скрупулезным разбором тезисов анонима.

Использовали мы и аппаратные методы борьбы: «Вызывает возмущение и весь тон „замечаний“, применяемые в них приемы полемики. В то время, как другие товарищи, которым Л. И. Брежнев разослал проект доклада, — члены и кандидаты в члены политбюро, секретари ЦК КПСС — по-деловому подошли к его тексту и, полностью одобряя принципиальное направление доклада, стремились

помочь улучшить, усовершенствовать его, автор анонимных „замечаний“ повел себя по-иному. Он не стесняется в выражениях. „Это пахнет тем, чтобы свести на нет...“ (с. 6), „ничего общего не имеет с русским языком“ (с. 9), „звучит странно“, „примитивно звучит“, „это просто вульгарно“, „это немножко пахнет очернительством“ (с. 10), — такие и подобные им оценки доказывают только одно: крайне недоброжелательное, нелояльное отношение автора „замечаний“ к проекту доклада, разосланного генеральным секретарем ЦК КПСС».

Подписи: Федосеев, Бовин, Загладин, Александров.

Брежнев, показав с помощью анонима, что на нас точат зубы, с нами согласился, показав этим, что он не даст нас скушать. Но цените...

Докладчик еще был в форме. Говорил с выражением. Во время «ударных мест» зал гремел аплодисментами.

* * *

Назревал официальный визит генерального секретаря ЦК КПСС в Чехословакию. Были споры. Многие утверждали, что пыль еще не осела, могут быть эксцессы. Гусак заверял, что держит ситуацию под контролем и гарантирует полный порядок. Брежнев колебался, но в конце концов решил ехать. «Летаем же мы самолетами „Аэрофлота“», — буркнул он.

Протоально-торжественная часть была на уровне. По маршруту делегации — толпы с флажками. Погода удалась. Но... «Но» идет от сравнения с визитом Хрущева в Венгрию. Лица толпящихся были другие. В атмосфере, в дыхании масс там ощущались приязнь, доброжелательство. Прага была холодной. Возможно, время еще не зарубцевало раны. Я почувствовал это очень хорошо, когда позвонил своим приятелям, которые «правые». Тяжелые были встречи. Хорошо, что у Брежнева не было приятелей в Чехословакии...

Мне разрешили остаться на несколько дней в Праге. Перебрался из резиденции в ту самую гостиницу, в которой полтора года назад беседовал с Дубчеком. В мой первый самодеятельный вечер в гостинице появился Гусак. Его привез мой «левый» приятель Богуш Хнеупек. Просидели в ресторане до утра. Говорили «за жизнь». А

жизнь во времена «пражской зимы» строилась по принципу: «Кто был не с нами, тот против нас». Из партии в массовом порядке, сотнями и тысячами, исключались коммунисты, поддерживавшие Дубчека, выступавшие против «интернациональной помощи». Мне представлялся более правильным, работающим не на раскол, а на стабилизацию, лозунг Кадара: «Кто не против нас, тот с нами».

— Москва доверяла Кадару, — парировал Гусак, — а мне не доверяет. Ко мне как ваш комиссар приставлен Биляк. Он сообщает, что советское руководство настаивает на твердой линии.

Я не питал симпатий к Биляку. Но у меня не было никаких полномочий обсуждать «линию». Поэтому пришлось плести какие-то почти дипломатические кружева, через которые все-таки просвечивала моя либеральная позиция. С упором на то, что эта позиция сугубо личная. Это была моя первая и последняя встреча с Гусаком. Он, к сожалению, так и не стал пражским Кадаром. А последняя встреча с Дубчеком состоялась через много лет в Москве...

* * *

В общем, для нас чехословацкий кризис уходил в прошлое. Но на политическом горизонте все чаще появлялись всполохи другого кризиса — польского.

Еще в начале февраля 1968 года польские власти запретили представления «Дзядов» («Дедов») Мицкевича на сцене театра «Народовы» в постановке Казимежа Деймека. Это вызвало волнения варшавской интеллигенции. 29 февраля состоялось чрезвычайное собрание варшавского отделения Союза польских писателей. Писатели протестовали. 8 марта стали митинговать студенты Варшавского университета. Волнения вышли за пределы Варшавы. С 8 по 15 марта «за участие в нелегальных демонстрациях и эксцессах», по словам Гомулки, были задержаны 1208 человек, из них — 367 студентов.

Как известно, Мицкевич не жаловал Россию. «Дзяды» наделены отчетливо выраженным антирусским характером. Но если вспомнить, что Мицкевич имел дело с царской Россией, если считать, что нынешние польско-советские отношения принципиально отличаются от тех, что были в XIX веке, то пьесы Мицкевича можно пустить по

разряду исторических, антицарских^[10]. Что и было сделано в Польше. «Дзяды» неоднократно и много лет ставились в разных театрах, на радио и телевидении.

Но ведь «театры на Таганке» существовали не только в Москве.

Русский офицер говорит декабристу Бестужеву: «Не удивляйся, что нас здесь проклиняют. Ведь уже целое столетие, как из Москвы в Польшу шлют только подлецов».

Еще реплика: «Я буду свободным — да. Я не знаю, откуда пришла эта свобода, но я знаю, что значит получить свободу из рук москаля. Подлецы, они мне снимут кандалы с ног и рук, но наденут на душу».

Нетрудно себе представить, как могут звучать эти и аналогичные слова, если режиссер «спутает» XIX век с XX веком. По мнению Гомулки, так и произошло. Антицарское острие «Дзядов» было превращено в антисоветское оружие. Отсюда и острая реакция властей.

Борьбу вокруг «Дзядов» можно было рассматривать как сигнал тревоги. В записке «К положению в Польше» я писал, что политическая ситуация в стране «довольно неустойчива», что в руководстве ПОРП соперничают две группы.

Одна склонна к демократизации общественной жизни, внимательно смотрит в сторону рынка, хотела бы усилить внешнеполитическую самостоятельность Польши. Нечто «чехословакоподобное», но пока в очень разбавленном виде. Так сказать, «правая оппозиция». За ней — творческая интеллигенция.

Другая группа (ее именуют «партизаны»), апеллируя к истории, нажимает на «польский дух», делает упор на «сильную» Польшу, на «крепкую руку» внутри страны. Два главных врага — ревизионизм и сионизм.

Гомулка лавирует, ведет линию на уравнивание противоположностей, на поиски «золотой середины». Опираясь на «правых», он сдерживает «левых». И наоборот.

По моим наблюдениям, «левые» усилили нажим. Но националистические тенденции вряд ли возьмут верх. «Ревизионисты» (в хорошем смысле этого слова) будут преобладать.

И вывод: «Политическая карьера Гомулки явно на исходе».

Гомулка продержался до конца 1970 года. Повышение цен вызвало волну протеста на Побережье. Рабочие вышли на улицы. Власть дала команду стрелять. Польша бурлила.

Начало кризиса я мог наблюдать из Завидова. По-моему, поляки просили задействовать наши войска. Во всяком случае, я слышал слова Брежнева: в Чехословакии бузила интеллигенция, а здесь протестует рабочий класс. Это принципиально меняет дело.

Брежнев попросил найти Герек (член политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь в Катовицах). Отвечают, что с Катовицами нет закрытой связи. Не важно, найдите и соедините! Нашли. Разговор велся из зимнего сада, при мне. То, что говорил Брежнев, я слышал, а то, что говорил Герек, понял из рассказа Брежнева. Кстати, следует иметь в виду, что они уже были знакомы и как-то хорошо монтировались вместе.

— Товарищ Герек, как у вас дела?

— Все дни — по шахтам. Пока держу.

— А почему вы не в Варшаве?

— Меня никто не приглашает.

— Какое приглашение? Вы же член политбюро, вы отвечаете не только за Катовицы, но за всю Польшу.

Вот такова была суть. Разговор был более долгий. Герек поехал в Варшаву. 20 декабря ЦК ПОРП избрал Эдварда Герек первым секретарем ЦК ПОРП. Это означало десять лет отсрочки...

Польша Польшей, а наша страда — подготовка XXIV съезда КПСС.

* * *

План и основные направления доклада первоначально обсуждались где-то на высоком уровне. Наша консультантская группа получила задание: параграф о мировой системе социализма. Кубики по международному разделу соединяли Пономарев и Катусhev.

Первое обсуждение, на которое я попал, состоялось 4–6 января 1971 года. Кажется, в Волынском-1. На высоком руководящем градусе: Ю. В. Андропов, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, А. П. Кириленко, М. С. Соломенцев, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, К. Ф. Катусhev, И. В. Капитонов, К. В. Русаков. Мне было известно, что 1-й раздел числился за Пономаревым, 2-й (экономика) — за Шелепиным и 3-й (партия и все остальное) — за Капитоновым.

После «завоевания» Праги не скажу, что я поумнел, но повзрослел на несколько лет. Возможно, в результате долгого общения светлый образ членов, кандидатов и других членов как-то потемнел, потускнел. Но то, что я услышал, то, что я слушал три дня, расстроило меня до крайности. Прошло пять лет. Огромный мир, насыщенный интереснейшими, сложнейшими проблемами. Огромная страна, которая никак не может освоить новое социальное пространство, в которое ее забросили превратности русской истории. И о чем же говорят эти люди, в руках которых жизнь, судьбы сотен миллионов?

У меня сохранились 316 страниц стенограммы. Представляю избранные места.

Брежнев дает настройку:

«В международной части доклада нужно сильно „разделать“ империализм, показать его разбойничью, агрессивную политику на современном этапе. Это надо сделать аргументированно, резко и принципиально, но без персональных выпадов. Наша твердая позиция в этом вопросе будет оценена всем мировым комдвижением. Надо убедительно раскрыть облик империализма наших дней...

В разделе о партии надо остановиться и на таком вопросе, как лицо некоторых коммунистов, которые не являются настоящими бойцами партии. Сталин в свое время остро поставил вопрос о болтунах. А нам, может быть, резко высмеять трусов, безынициативных, „молчальников“, ожидающих по поводу каждого шага указаний сверху, и т. п. Подумать, какой именно объект избрать. Но дать это ярко и запоминающимся образом, чтобы люди могли узнать в этой критике конкретных носителей таких недостатков вокруг себя и критиковать их...

Надо также найти подходящее место в докладе, чтобы дать сильный отпор буржуазным специалистам по клевете на нашу страну и на мир социализма вообще. Клеветают уже десятки лет с неослабевающей энергией и неистощимой фантазией. Врут беспардонно, льют всякую грязь. Дать наиболее яркие примеры за последние годы, показать всю нелепость распространяемых выдумок, поиздеваться над империалистами и их наемными борзописцами, дать запоминающийся отпор брехунам».

Еще один заход:

«Показать, что идеи марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма все больше распространяются, являясь свидетельством торжества идей марксизма-ленинизма. Косвенно, может быть, лягнуть каких-то отщепенцев, не прямо китайцев называть, а сказать, что такой-то показатель — лучший ответ всем тем, кто сошел с пути, и т. д.

У меня нет сформулированной мысли сейчас, но, может быть, начало положить такое: товарищи делегаты, уважаемые гости! Наша партия в 24-й раз собирается на свой съезд. В истории нашей партии большой арсенал политической и практической деятельности. Если первые годы, первые съезды были посвящены тому-то, сделать маленький экскурс, вспомнить историю партии, чуть-чуть, ее борьбу, дореволюционные съезды. Это напомним партии все этапы. С самого начала это сказать. Борьба партии за свержение царизма. Такие-то съезды под руководством Ленина положили начало строительству социализма. Они были путеводной звездой для партии, и сегодня мы пользуемся этими указаниями. Что такое коммунизм, первые съезды, первые декреты о земле. Это — самые знаменательные рубежи деятельности нашей партии. Они предопределили классовое расслоение, классовую борьбу. Поэтапно. А теперь мы собрались после XXIII съезда, который уже определил совершенно другую Программу — Программу строительства материально-технической базы коммунизма. И сегодня нам предстоит обсудить, каким образом наша партия справилась с задачами, каким образом ЦК осуществлял решения партии. Такой практический подход. Гостям бы это напомнило путь, пройденный партией. Многие из них не знают этого, даже не читали историю нашей партии...

Страницы две, не больше. Это нестандартно, необычно.

К тому, что я говорил, сразу, во вводной части, надо обязательно найти ленинские слова о роли партии, какую роль партия должна играть в нашем обществе. Сказать собравшимся на XXIV съезде, что мы хотели бы вспомнить замечательные слова, учение Ленина о партии, как говорил Ленин, что партия будет ведущей силой. О повышении роли партии при переходе к коммунизму. Что эти слова подтвердились, что к XXIV съезду партии после тех знаменитых слов Ленина, когда было в партии столько-то, пришло 14 миллионов коммунистов. Хотя о

партии будет отдельно, но в самом начале сказать, что партия верна ленинскому курсу, о притоке в партию рабочего класса...

Если можно, привести и Маркса. Маркс и Ленин. Было бы очень хорошо. Пусть это будет 5 страниц, ничего. Надо в какой-то мере иметь в виду подъемные места, чтобы овладеть аудиторией, чтобы каждый чувствовал свое достоинство. Потом будем говорить о роли каждого коммуниста, а здесь это подняло бы значение».

Так сказать, «поток сознания», но только и исключительно «на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма». Привычные, родные, насмерть впаянные в мозги понятия двигаются почти в автоматическом режиме, повторяясь, меняясь местами, пересекая друг друга. Под поощрительные голоса слушателей: «Правильно! Верно!»

Разумеется, в тексте ничего подобного нет. И где-то в глубинах своего подсознания Брежнев, думаю я, «понимал», что «поток сознания» и не предназначается для текста. Он как бы шаманил, произносил нечто вроде заклинания, молитвы. Он возбуждал аудиторию.

Аудитория соответствовала. Делала серьезный вид. Предлагала поправки и уточнения.

«Русаков. Может быть, все-таки для того, чтобы тональность этого куска была реалистической, сказать одну хорошую фразу относительно того, что путь партии был нелегким, трудным, особенно в связи с предложением об упоминании прошлых съездов. Приходилось мобилизовывать усилия всего народа, всей партии, чтобы эта сторона дела не казалась панегириком. Дальше будут трудности, противоборства, а здесь сказать одну хорошую фразу.

Брежнев. Партия пережила разные этапы. Надо показать, что мы собрались на XXIV съезд партии, что партия собирается в 24-й раз, чтобы отчитаться о пройденном этапе и наметить пути дальнейшей работы.

Андропов. Путь партии был непрост. Несмотря на это, мы достигли таких-то выдающихся успехов — сказать об этом.

Брежнев. Да, действительно, партия прошла Гражданскую войну и голодовку и страну превратила в индустриальную мощную державу; победила во Второй мировой войне. 25 лет мы ни в кого не стреляем,

боремся за мир. Мне кажется, это сформулировать следует хорошо. В сжатом виде на трех страницах показать этапы партии...

Следовало бы несколько приподнять вводную часть. Аудиторией надо овладеть. Дать ей вдохновляющее начало, что сразу бы создало нужную атмосферу. И читателя чтоб это захватило.

Пономарев. ...чтобы записка была.

Брежнев. Когда я был секретарем Днепропетровского обкома, к нам прислали докладчика из МИДа т. Аркадьева. Это было до войны. Он вышел на трибуну и говорит: „Не успели еще заглухнуть разрывы бомб и очаги пожарищ Гражданской войны не успели потухнуть, как началось...“ Я помню, какое это на меня произвело впечатление».

Все обсуждавшие энергично призывали разоблачать империализм, показывать, что он гибнет, сдает позиции социализму. Тут докладчик застенчиво засомневался.

«*Брежнев.* Не кажется ли вам, что мы капитализм изображаем гибнущим, подпорки ему поставили.

Кириленко. А он все звереет.

Андропов. И силенки у него есть.

Брежнев. Об этом умирающем империализме мы говорим с 1917 года, с тех пор, как совершилась революция. От него много стран отошло.

Демичев. Следовало бы поставить акцент на пороках империализма, которые вырисовывались с наибольшей очевидностью.

Катушев. Техническая революция позволяет использовать внутренние силы капитализма.

Демичев. Надо собрать все пороки капитализма и хорошо показать их... У нас есть сейчас возможность пригвоздить империализм, раскрыть, что сейчас это общество является аномалией. Тут можно привести много доказательств: вот концентрация капитала в руках небольшой кучки; маразм общества; варварское расхищение природных богатств — а после нас хоть потоп. Мы сейчас должны найти наиболее уязвимые места для критики империализма...

Шелепин. Говоря о современном империализме и его политике, следует сказать о том, что одной из характерных черт этой политики (прежде всего, американского империализма) является насаждение, поддержка, вскармливание самых отвратительных, прогнивших,

чудовищных, зверских режимов, плавающих в крови своего народа, сидящих на его шее только с помощью иностранных империалистов.

Андропов. На фоне главного противоречия — усиления эксплуатации — можно показать все другие язвы и пороки империализма. Опять же я согласен с тем, чтобы это не выглядело так, что он разваливается. Конечно, у него есть возможности.

Суслов. На шестнадцатой странице и на последующих прямо ставится вопрос о том, что государственно-монополистическое регулирование и научно-техническая революция позволили укрепить капиталистический строй. Это по существу неправильно. Это не соответствует действительности».

Этот сочный обмен соображениями почти не нуждается в комментариях. «Почти», потому что все же хочется в очередной раз удивиться. Во главе одной из двух сверхдержав десятилетиями находились люди, которые не видели, не хотели видеть трансформации мирового капитализма. Парадокс: появление социализма улучшило капитализм, но улучшение капитализма было «запрещено» теорией социализма и поэтому не заставило социализм «подтянуться», не дать себя обогнать.

В основном тексте доклада тезис Петра Ниловича о «маразме общества» не нашел полного отражения. Зато он вызвал к жизни вдохновенные поэтические строки, посвященные разоблачению империализма.

Наш враг теперь во многом новый.
Но надо сразу вам сказать:
Его природа — клык слоновый,
Ее не сжечь и не сломать.
Его стремление к господству
Я уподоблю только скотству.
Везде он лезет, всюду прет.
Кондрашка пусть его возьмет!
Несет народам он мученья
И совершает преступленья.

Или возьмем опять же НАТО —
Проклятое исчадь ада.
Ракеты, пушки, эскадрильи.

Штабов военных камарильи.
Повсюду плавают флоты.
Натыканы по миру базы.
И атлантической заразы
Цветут тлетворные цветы
Среди духовной наготы.
А озверевшие акулы,
Все шире раскрывая пасть,
Оскалом хищным щерят зубы,
Мечтая, на кого б напасть.
Друзья! Уму непостижимо
Злодейство хищников. Но мы —
Мы не пройдем спокойно мимо,
С акулов шкуру спустим мы.

Однако наряду с угрозой
Мы оптимизма видим тень,
Как рядом с прошлогодней розой
Молодняка глухую сень.
Борьбы возможность есть. И прежде
Всего внушает нам надежды
То, что от кризиса пути
Не удалось врагу найти.
За спадом спад, инфляций волны.
Маразм. Миазмов густота.
Там безработных бродят толпы
И нищих рваные стада.

Куда ни глянь — сплошная мерзость
Заполонила жизни храм.
Нагих грудей — простите! — дерзость,
Нагих задов — простите! — срам.
В кино, журналах, книгах — ахнешь! —
Одни аспекты голых баб.
Нехорошо там. Сексом пахнет.
Там рекламируют найт-клуб.
Льют порнографии потоки.

Льют наркомании дожди.
В романах — матерные строки,
А строк марксистских там не жди.
Мешают с виски лед в стаканах.
Не берегут девичью честь.
Нет больше слов! Хоть в ихних странах
И не такое еще есть!

Это — фрагмент из стихотворной версии международного раздела доклада, который мы с Вадимом Загладиным сочинили в свободное от прозы время.

Но вернемся в зал заседаний. Основательно подготовился к обсуждению Шелепин. Он критически отнесся к проекту. «Оценки внутривнутриполитического развития страны за прошедшие пять лет даны такими общими, шаблонными фразами, что их можно отнести почти к любому периоду мирного развития и строительства в нашей стране до войны или после войны. Решительно ни в чем не отражены в этих оценках конкретные особенности отчетного периода. Так нельзя. Кроме того, общий тон этих оценок кажется слишком восторженным, почти захлебывающимся. Лучше бы сформулировать несколько поскромнее, с элементами реализма, но зато и подчеркнуть те моменты, которые представляют собой действительно главное достижение в работе партии за отчетный период». Несколько замечаний Шелепина.

— Не следует считать укрепление социалистического лагеря главным вопросом внешней политики. Таким вопросом является борьба за мир.

— Пора сказать, что и в Африке есть социалистические страны. Сомали, например, или Египет.

— Когда мы говорим, что важнейшие решения в области внешней политики братских стран принимаются после совместного обсуждения и консультаций, это понимается как вмешательство во внутренние дела.

— Имея в виду Чехословакию, сказать Западу, что не удастся врагам вырвать из социалистического лагеря ни одно звено.

— Там, где речь идет о Ближнем Востоке, сказать о сионизме.

— И последнее. Может быть, где-то нужно кратко порассуждать, что кое-кто пытается указывать нам, Советскому Союзу, где и как нам плавать, где и как нам ходить. Мы — великая держава, мы можем сами

определить политику, кому что можно, а кому — нельзя. Время другое. Советский Союз стал не тот.

Демичев. Это слишком великодержавно. Это надо делать, но не говорить.

По понятным причинам («чуёт кошка...») много говорили о Чехословакии. Докладчик призвал сказать «более смело и более мужественно». Анализ по Чехословакии «должен быть политически сильным, во всяком случае, не слабее того, что сделали сами чехи. Если мы чехов подвели под это и помогли им — это одно дело. Но надо иметь в виду, что и мы в этом деле не посторонние люди. Мы ввели войска. Мы не должны, наверное, говорить о том, что ввели войска, задушили. Мы должны дать очень сильный анализ, что это такое за события, почему КПСС и братские партии так поступили, как это имело место, и какие выводы мы из этого должны делать. И на этом с этим этапом закончить. Он уходит в историю».

Кириленко. Нельзя не согласиться с замечанием Леонида Ильича об анализе чехословацких событий. Я согласен, что надо исходить не изолированно. Эти события не являются присущими только Чехословакии. Надо исходить из общего тезиса, что это была попытка империализма осуществить диверсию в целом в социалистическом содружестве. И тут надо показать величие самих чехов, что события эти сыграли большую роль в укреплении не только их страны, но что эти события явились могучим средством для укрепления всего социалистического лагеря.

Шелепин. Никак нельзя согласиться с тем, что среди политических выводов из чехословацких событий в данном тексте вообще не фигурирует вывод о значении высокой политической бдительности, постоянной и непримиримой борьбы с правым оппортунизмом и ревизионизмом, как с активным оруженосцем империалистов, о неослабной борьбе против попыток буржуазного идеологического проникновения в наш лагерь.

Высказывались предложения усилить польскую тему. Брежнев возразил: «Не надо смаковать вопрос. Там фактически не произошло контрреволюции, там были ошибки в руководстве».

Кириленко. Это эпизод, который должен сойти со сцены.

Так говорили наши вожди. А ведь уже тогда был очевиден и понятен главный «вывод»: все, что происходило там, в Чехословакии и Польше, имеет непосредственное отношение к нам, к нашей партии, к советскому обществу. Я даже рискну предположить, что это чувствовали и многие из нашего руководства. Чувствовали, но не хотели, боялись сделать следующий шаг — перейти от языка чувств к языку логики. Менее двадцати лет оставалось...

Другая разработка той же темы.

Пономарев. Весь мир кричит о кризисе мировой социалистической системы. Китай против Советского Союза. Албания. События в Чехословакии. Взрыв в Польше. Все говорят, что плохо дело в мировой социалистической системе. Если промолчим, вроде бы согласны. Что же делать? Сказать одним абзацем, что много всяких враждебных голосов кричат о кризисе, а что на самом деле? Показать, что на самом деле. И оказывается, что «на самом деле», несмотря на «события», все совершенствуется.

Катушев. И наши друзья спрашивают, как объяснить эти события. Оппортунисты их сбивают, говорят, что идет кризис. А мы скажем, что нет кризиса.

И говорили. Не других убеждали, а себя прежде всего пытались убедить. Но не всегда получалось. В остатке, «на кухне», когда один, подспудное чувство уязвимости. И оно усиливало раздражение по отношению к тем, кто сыпал соль на наши раны (даже если официально отрицалось наличие ран).

Брежнев рвался в бой. «Давайте вспомним, как Ленин боролся с социал-демократами и со всей этой братией. Я думаю, что не случайно и Сталин вспомнил об этом. Ни одна социал-демократическая партия не привела рабочий класс к революции, ни одна. Только Коммунистическая партия это сделала... Возьмите вы Канадскую социал-демократическую партию и другие. Поэтому мы должны, Борис Николаевич, остро разделить некоторые партии и не бояться этого. Всех нельзя. Я с этим согласен. Но на примере какой-нибудь партии это надо сделать. Давайте разберем, какую позицию занимает социал-

демократическая партия Швеции, партия Норвегии. Там и не пахнет марксизмом. Возьмите Англию.

Демичев. Австралию.

Брежнев. Кто же кроме нас поднимет голос? Венгрия не может. ГДР не может. Польша — тоже не то звучание. Только КПСС может смело взять это на себя. Не смотрите на то, обидится или нет партия. Конечно, форма должна быть корректная. Пусть когда-то они не приедут. От этого революционное движение на земном шаре не убавится.

Суслов. Надо направить удар против социал-демократов.

Демичев. Я говорил: ударить по социал-демократам».

Но когда рука раззудится, трудно остановиться. Бить так бить.

«Брежнев. Если какая-то партия осмеливается, не у власти, маленькая, неавторитетная, не может даже численности своей сохранить, поднимать голос против партии Ленина, так чего нам бояться им немного по рылу ударить?

Голоса. Правильно.

Демичев. Если бороться не будем, все будет расползаться.

Брежнев. В чем же состоит наша руководящая роль в этом вопросе? В чем же состоит наша борьба со всякими течениями, если не разоблачим кого-то? Всех называть не надо, но о таких явлениях надо сказать».

Пока докладчик шел к трибуне съезда, намерение ударять и разоблачать не то чтобы пропало, но облеклось в привычные обтекаемые, пустые формулы.

Следующий круг обсуждения состоялся в Завидове в начале февраля. Аудитория была другая. Члены и кандидаты отсутствовали. Присутствовали: М. В. Зимянин (главный редактор «Правды»), С. Г. Лапин (председатель Гостелерадио), Г. Л. Смирнов (зам. заведующего отделом пропаганды ЦК), Н. А. Ломакин (консультант отдела организационно-партийной работы), а также стандартная группа — Александров, Арбатов, Иноземцев, Загладин и Бовин.

В январе разыгрались бурные события вокруг экономического раздела. Арбатов и Иноземцев доказывали Брежневу, что традиционный подход — группа «А» (производство средств производства) идет впереди группы «Б» (производство предметов

потребления) — устарел. Производство для потребления, для повышения благосостояния людей — так надо ставить вопрос. Соответственно темпы роста группы «Б» должны быть выше, чем темпы роста группы «А». После длительных дискуссий Брежнев согласился. Арбатов и Иноземцев радикально переориентировали текст. Так что мы обсуждали уже новый вариант.

Сразу споткнулись на проблеме «А» и «Б». Наиболее жестко высказывался Николай Андреевич Ломакин (и такие консультанты появились!). Его смущал «излишний перегиб» в сторону потребления, «чрезмерный крен» в сторону производства товаров народного потребления. Почему «поворот экономики» к удовлетворению потребностей? А раньше куда она была повернута?

Арбатов и Иноземцев энергично отбивались.

Иноземцев. Я не вижу ничего дурного в том, что на съезде партии генеральный секретарь в полный голос скажет, что, создав возможности, которыми располагаем, партия в предыдущем пятилетии начала, а сейчас в еще большей степени, чем раньше, уделяет внимание вопросам потребления. Почему надо бояться, что народ этого не поймет? Это не уменьшит, а повысит авторитет партии.

Мы не снимаем вопрос об обороне. У нас это сказано сильнее, чем где бы то ни было. Нельзя сказать, что мы это приуменьшаем, недооцениваем. Насчет тяжелой промышленности — начинается с нее, без нее ничего нельзя сделать. Снимать саму идею поворота совершенно неправильно. Это — основа, может быть, всего доклада.

Плел запутанные кружева Зимянин. Вроде бы и да, но вроде бы и нет.

Иноземцев. Должна быть идея «поворота» или нет?

И снова словесные кружева с упором на то, что «последний и решительный бой» еще впереди и не стоит расслабляться.

Иноземцев. «Последний», «решительный» — это не только ракеты. Это уровень жизни, это то, что дает социализм. Это демократия.

Зимянин. Но это не значит, что поворот к потреблению должен исключать упор на оборону.

Александров. Тов. Иноземцев моложе годами, и он, наверное, не помнит, что в 1935–1936 годах в нашей пропаганде и в значительной степени в экономике был взят широкий курс на производство товаров для населения, конечно, на другой, более слабой, чем теперь, основе.

Затем последовал Мюнхен, и все повернулось: увеличился рабочий день, прекратилась продажа товаров. Но где у нас гарантии, что не будет сорвана ратификация договоров с ФРГ. Что нам делать тогда со всеми этими обещаниями?

Иноземцев. Если пошел такой откровенный разговор, то я хотел бы сказать: что нам грозит через десять лет? Америка слабее не станет. Европа станет сильнее. Япония станет второй промышленной державой мира, и на границах у нас неизвестно какой Китай. Как можно подойти к этому, чтобы быть во всеоружии? Только максимально развивать экономику, а максимальное развитие экономики сегодня — это, прежде всего, научно-технический прогресс. Ни одна страна не смогла обеспечить этого при мизерной заработной плате. Это экономический закон. Мы должны внутри своей страны всячески стараться поставить экономику на обе ноги. Тяжелая промышленность — одна нога. С одной тяжелой промышленности мы не сможем обеспечить накопления...

Сегодня слабым звеном экономики являются потребительские товары, низкий уровень заработной платы.

Слово «поворот» в тексте осталось. Но с руководящими головами было хуже. Они не поворачивались. И без боя проиграли последний, решительный. Уже к концу 80-х наша экономика, наш «социализм» стали жертвой группы «А». Раздавила нас эта группа. К сожалению, в начале 70-х этот трагический конец не был виден. Нам, по крайней мере. Было смутное беспокойство, ощущение приближающегося тупика. И попытка выйти из положения полумерами, четвертьмерами. Но даже эти полу- и четверть воспринимались настороженно.

И еще любопытный эпизод из обсуждения.

Ломакин. По поводу международного раздела. У меня сложилось мнение, не пахнет ли от него пацифизмом. Грубо говоря, этот раздел недостаточно ясно выражает революционную позицию нашей партии. КПСС, что бы ни говорили другие, — самая последовательная и ведущая революционная сила в мире. Это сейчас недостаточно четко просматривается в материале...

Мы, конечно, должны гордиться, что избежали мирового конфликта. А вообще обязательства могут заставить нас воевать, и надо будет воевать.

Арбатов. Если ориентироваться на мировой конфликт, то совершенно не надо строить то, что мы сейчас строим. Тогда вся программа строительства коммунизма не нужна.

Александров. А разве кто-нибудь предлагал ориентироваться на мировой конфликт?

* * *

Прошло пять лет после предмостных боев перед XXIII съездом. Казалось, политика, практика внесли ясность в понимание мирного сосуществования, борьбы за мир, пацифизма. Но — нет. «Революционеры» не сложили оружие. Их продолжало тянуть к маоистам — «острие против острия». Но тут, после берлинского кризиса, после Карибского кризиса «поворот» был не только в словах, но и в головах. Так что мы отбились довольно легко.

Важным результатом этого тура обсуждения была договоренность ввести в доклад специальный раздел о социальной политике КПСС. Раньше эта проблематика (социальные группы и слои, национальный вопрос, политическая организация, проблемы управления и т. п.) в скомканном виде присутствовала в разделе о партии. Теперь решили ее развернуть. На мою голову, правда, но об этом — позже.

Начались завидовские будни. Мой главный участок работы — международные дела. Там — легко. Все свои или почти свои. Все понимают, что мост надо строить не вдоль реки, а поперек. Если спорим, то не о принципах, а о нюансах. Работаем весело. У кого-то возникает идея создать параллельно стихотворный текст раздела. Взялись, как я уже упоминал, мы с Загладиным. Воспроизведу несколько кусков.

Друзья! И гости! Этот час
Войдет в истории анналы.
В двадцать четвертый ныне раз
Сюда нас партия послала.
Должны мы подвести итоги,
В грядущее найти дороги
Средь непролазной целины
И доказать, что мы верны,

Крепки, едины, сплочены
И что любимая Отчизна
Полна идей и оптимизма.

Мы от победы шли к победе,
Держа винтовку с молотком.
И наши деды, папы, дети
Боролись все в строю одном.
Есть что сказать,
Есть чем гордиться,
Успехи есть на всякий вкус.
И никуда не отклонится
Наш самый генеральный курс!

Начнем, пожалуй, с заграницы.
И наши первые страницы
Мы посвятим, ан глоб, пунктиром
Аналізу картины мира.
Она пестра и мозаична,
Местами архиархаична,
Местами же — сплошной модерн,
Смесь добродетелей и скверн.

Противоречия, как змеи,
Переплелись между собой,
Смешались в кучу все идеи,
И все народы рвутся в бой.
Но хоть поверхность мозаична
И в пестроте своей глупа,
Марксистам смолоду привычна
К корням ведущая тропа.

За дымным факелом ученья
По этой движемся тропе.
И вот сверкнуло озаренье:
Вся суть политики — в борьбе!
В борьбе двух сил и двух укладов,

В борьбе, которой дух суров,
В борьбе концепций и догматов,
В борьбе общественных миров.

Мир наш — он светел и опрятен,
Мир их — он черен и колюч.
Мир наш — он людям всем приятен,
Мир их — он комплексно вонюч.
Мир наш — он сизый голубь мира,
Мир их — он воющий шакал.
Мир наш — он вечно будет молод,
Мир их — он полутрупом стал.

Еще один пример графоманской активности — мои вирши о Шестидневной войне. Говорят: Бог шельму метит. Значит, он пометил меня еще в 1971 году. Только не догадывался я. Пока не оказался в Тель-Авиве.

Там, где Синайская пустыня
Сверкает желтизной, как дыня,
Евреи, обнаглев вконец,
Арабам сделали амбец.
Бежит араб быстрее лани,
Бежит араб через канал...
Но вот над полем жуткой брани
Наш голос к разуму воззвал.
Израильтянам громко «Ша!»
Сказали мы во имя мира.
И, не дойдя до стен Каира,
Рванул назад Даян Мойша.
Однако бабушка Меир
И по сей день срывает мир.

Брежнев появлялся довольно регулярно. Прорабатывали с ним отдельные куски. Мне практически пришлось принимать участие во всех сидениях и после доводить до кондиций.

Неувязка получилась с разделом о социальной политике. Его должна была делать группа во главе с Зимяниным и Лапиным. Соорудили они что-то неудобочитаемое. И заявили, что в процессе работы поняли: сама идея отдельного раздела ущербна. Как бы в укор авторам этой идеи. Тогда мы с Загладиным решили закрыть амбразуру. Материал, сказали, собран. Но товарищи не смогли с ним справиться. Дайте нам три дня, и мы приведем его в порядок. Что мы и сделали. Раздел был одобрен.

Сдача готовой продукции обычно сопровождалась праздничным застольем. Не только пили и закусывали. Стихи читали. Пели песни. Брежнев любил рассказывать всякие байки из своей богатой биографии. Кстати, многое из услышанного в Завидове я потом прочитал в знаменитой серии мемуаров Брежнева.

Так было и в этот раз. Брежнев еще был вполне здоров. В хорошем настроении. К этому торжеству я написал «Трагикомические стансы». Огласил их.

За речью — речь,
За дачей — дача,
За выпивоном —
Выпивон.
И каждый день,
Смеясь и плача,
Встречаем мы
Как страшный сон.
То нас возносит на вершины,
То засыпает нас песком,
То погружаемся в глубины,
То на верблюдах мы верхом.
Мы проникаем в базы НАТО,
Клеймим позором ихний строй,
И насаждению разврата
Мы объявляем страшный бой!
За речью — речь.
Покой нам только снится.
За страшным сном
Еще страшнее сон.
Холмом могильным

Высятся страницы,
И рвется из души
Отчаяния стон.

Аплодисменты, хотя и не бурные. Докладчик смотрел кисло. Не попал, говорит, в десятку...

Решил пойти другим путем. Написал гимн Завидову. В качестве первоосновы взял известную песню «На тебе сошелся клином белый свет» (М. Танич, О. Фельцман). Вот что получилось.

На речах сошелся клином белый свет,
На речах сошелся клином белый свет,
На речах сошелся клином белый свет,
А конца им, а конца им нет и нет,
А конца им, а конца им нет и нет.

Речь на праздник, речь на пленум, речь на съезд,
Речь на праздник, речь на пленум, речь на съезд,
Речь на праздник, речь на пленум, речь на съезд.
Ох, тяжелый, ох, тяжелый это крест,
Ох, тяжелый, ох, тяжелый это крест.

Я пытался как-то выйти из ворот,
Я пытался как-то выйти из ворот,
Я пытался как-то выйти из ворот,
Да охрана, да охрана не дает,
Да охрана, да охрана не дает.

Эх, построить бы в Завидове дворец,
Эх, построить бы в Завидове дворец,
Эх, построить бы в Завидове дворец
И с семьей поселиться наконец,
И с семьей поселиться наконец.

Но «девятка» не дает нам кирпичей,
Но «девятка» не дает нам кирпичей,
Но «девятка» не дает нам кирпичей,

Говорят, их не хватает для речей,
Говорят, их не хватает для речей.

Сколько зим сидим и пишем, сколько лет,
Сколько зим сидим и пишем, сколько лет,
Сколько зим сидим и пишем, сколько лет,
На речах сошелся клином белый свет,
На речах сошелся клином белый свет.

Докладчик остался доволен.

Вот так и жили. И пели. Челядь второй категории — так я обозначал для себя наше положение в партийно-государственной иерархии.

* * *

По-моему, XXIV съезд и по содержанию доклада, и по характеру прений, и по кадровым переменам был интереснее, чем XXIII съезд. Беда только в том, что все интересные мысли, рекомендации, указания постепенно тонули, угасали в бюрократических дебрях аппарата. Точнее, так: тонуло, поглощалось все, что шло вразнотык с интересами аппарата.

Было и личное огорчение. Иноземцев был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, Арбатов, Александров и Загладин — членами Центральной ревизионной комиссии. А меня «забыли». Мне надоело отвечать на вопросы знакомых по этому поводу. Тем более я не знал, что отвечать.

После съезда Брежнев лег в больницу на ул. Грановского, чтобы прийти в себя после предсъездовской и съездовской суеты. Однажды позвонил Цуканов и сообщил, что Брежнев приглашает нас на ужин. Приехали. Все путем. Удивил арбуз без косточек. Макариос прислал, пояснил хозяин. Перебрасывались какими-то пустыми репликами. Тягомотина, в общем. И наконец:

- Ты, наверное, обиделся на меня?
- За что?
- Не придуривайся. За то, что не избрали тебя.

— Не обиделся (продолжал я придуриваться). Просто надоело отвечать на вопросы, ответы на которые я не знаю.

— Ты, конечно, считаешь, что я всемогущий. Что хочу, то и ворочу. Не так дело обстоит. Я несколько раз предлагал твою кандидатуру. А мои товарищи по политбюро — против. Уж больно ты непочтительный, что ли... Они же чувствуют, как ты на них смотришь. А помнишь протокол? В общем, не взыщи. Если хочешь — делай выводы.

Я конспективно излагаю. Л. И. долго говорил. Почти весь арбуз успели съесть. Так для меня закончился XXIV съезд.

Поясню по поводу протокола. Речь шла о секретном протоколе, который прилагался к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года и который делил Польшу между Сталиным и Гитлером. Официально мы отрицали наличие такого протокола. Хотя на Западе он был опубликован еще в 1964 году (в седьмом томе тринадцатитомной «Серии Д», составляющей часть «Документов германской внешней политики 1918–1945»). Находясь в Бонне, я попросил сделать мне фотокопии. Кстати, я был уверен, что все члены и кандидаты знают этот документ. Но по разным причинам не разрешают его публиковать.

Как-то в Завидове за обедом, не помню уж в связи с чем, я упомянул о четвертом разделе Польши. Сидевшие за столом члены политбюро дружно загалдели и заявили, что негоже повторять зады буржуазной пропаганды. После обеда позвонил в Москву своему заместителю Коле Шишлину, попросил открыть мой сейф, достать папку «Германия» и срочно с фельдом прислать в Завидово. Что и было сделано. За ужином я передал протокол с картой (на карте — роспись Сталина!) Брежневу. Он молча прочитал (по-моему, он сам видел эти бумаги первый раз) и передал членам. Они что-то загудели. «Давайте спокойно поужинаем», — сказал Брежнев. Цуканов мне рассказывал, что после ужина начальство о чем-то долго толковало. Утром Брежнев молча вернул мне бумаги.

И снова — круговерть текущих дел.

Но не только текущих. Были дела и поважнее. В мае исполнилось 50 лет Черняеву. Это была первая юбилейная дата в наших консультантских рядах. Хотя юбиляр к моменту юбилея уже выбился вверх. Отмечали с помпой. О чем свидетельствует доклад на торжественном заседании московской общественности, посвященном 50-летию со дня рождения товарища Черняева Анатолия Сергеевича.

Этот доклад — одно из самых любимых мною собственных сочинений. Но для тех, кто не знает юбиляра, он не звучит. Поэтому здесь привожу только несколько абзацев. Чтобы можно было почувствовать настроение и стиль.

«Дорогие друзья! Товарищи!

Нам выпала большая честь быть свидетелями и участниками выдающегося события в истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Сегодня исполняется 50 лет со дня рождения кандидата исторических наук, члена редколлегии журнала „Вопросы истории“, заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС, большого друга Эллы Петровны Левиной, всех советских и зарубежных женщин Анатолия Сергеевича Черняева.

Не будет преувеличением сказать, что это событие имеет уникальный характер. Пройдут годы и десятилетия, на смену нашему поколению придут — и не без помощи дорогого юбиляра — другие, настанет, как говорится в народе, эра коммунистической цивилизации, но никогда не повторятся эти волнительные минуты — минуты, которые мы переживаем сегодня.

Разрешите мне, дорогие товарищи, от имени и по поручению группы консультантов братского отдела, а также Татьяны Васильевны Пинчук сердечно, от всей души, горячо и искренне поздравить дорогого юбиляра и пожелать ему крепкого здоровья, успехов в работе и учебе, счастья в личной и семейной жизни!

Формально Анатолий Сергеевич — сын военнослужащего и домохозяйки. По существу же он — настоящий сын своего народа. Его биография неразрывно сплетена с биографией нашей страны, нашей партии, с историей революционного движения. Вспомним, друзья, события 1921 года. Контрреволюционный мятеж в Кронштадте. X съезд РКП(б) и переход к НЭПу. Неурожай и голод в Поволжье. III конгресс Коминтерна с его знаменитым лозунгом: „В массы!“ Создание Профинтерна, а затем — МОПРа. Бурлящий, клокочущий мир...

И далеко не случайно, что именно в это время, а говоря совершенно точно, в день, когда Владимир Ильич Ленин пишет приветственное письмо горнякам Донбасса и настойчиво советует наркомпроду Н. П. Брюханову укреплять дисциплину среди

продовольственных работников на местах, — именно в этот день мир стал выше на целую голову.

Эта голова, а точнее, головка маленького Толи появилась на свет в квартире № 5 дома № 24, что по 6-му проезду Марьиной Рощи. Мне доставляет большую радость сообщить вам, товарищи, что исполком Совета депутатов трудящихся Дзержинского района Москвы принял вчера решение переименовать 6-й проезд Марьиной Рощи в 6-й проезд Анатолия Сергеевича рощи. Решено также установить в квартире № 5 дома № 24 мемориальную колыбель из гранита работы известного скульптора, лауреата Ленинской премии товарища Вучетича».

И сразу идем к финалу.

«И наконец, товарищи, еще один штрих к портрету юбиляра. Анатолий Сергеевич — примерный семьянин, заботливый муж и отец. Его отношение к социалистической семье свободно от мелкобуржуазного эгоизма и частнособственнических инстинктов. Воспитанный на идеалах К. Маркса и Ф. Энгельса, мыслящий свободно и широко, он щедро дарит себя чужим семьям, чужим женам и детям — дочерям, естественно. И они отвечают ему тем же.

Таков наш дорогой и любимый Анатолий Сергеевич Черняев — человек многоплановый и разносторонний. Он — не Человек с большой буквы, а ЧЕЛОВЕК из больших букв.

С чувством радостного волнения хочу сообщить вам, что сегодня утром председатель президиума Верховного Совета СССР товарищ Подгорный Н. В. подписал Указ о награждении товарища Черняева вторым орденом Трудового Красного Знамени. Разрешите от души поздравить юбиляра с этой высокой наградой.

Дорогие друзья! Совсем недавно мне удалось встретиться и побеседовать с нашим замечательным юбиляром. Задумчиво перебирая в памяти прожитые годы, вспоминая тех, кого он любил, и тех, кто любил его, Анатолий Сергеевич заметил, что в большинстве своем это были советские женщины еврейской национальности. Ну, были, добавил он, несколько русских, украинка, одна латышка, еще что-то такое армяно-греческое, карелка одна, да еще итальянка и полька. В общем, с грустью заключил Анатолий Сергеевич, полвека вот стукнуло, а даже основные национальности Советского Союза не охвачены.

В связи с этим, хотя и несколько частным поводом, вполне уместно вспомнить замечание Владимира Ильича о том, что лучший способ

отметить юбилей — это сосредоточить внимание на еще нерешенных задачах. Поэтому позвольте мне, завершая юбилейный доклад, пожелать Анатолию Сергеевичу успешно решить не только нерешенные задачи, оставшиеся в наследство от первого 50-летия, но и те, которые будет выдвигать жизнь на протяжении следующих пяти десятков лет. Благодарю за внимание».

* * *

А в сентябре на даче Горького шумно и весело отмечалось 50-летие еще одного пономаревского заместителя Виталия Сергеевича Шапошникова. Он был известен тем, что расхаживал по дачным дорожкам с палкой весом 20 кг (свинцом залита была). Это вместо бодибилдинга, до которого тогда еще не додумались. С консультантами дружил.

На этот раз я был гораздо лаконичнее:

Погрустить порой не вредно,
Когда круглое число.
Незаметно, незаметно,
А полжизни унесло.

Видел разные ты штуки,
Был на разных ты постах.
Политические суки
В твоих путались ногах.

Дуло разными ветрами,
Било в разные места.
Не оброс ты, Шап, кудрями...
Это тоже неспроста.

Не оброс ты степенями
И не жил с Брижит Бардо.
C'est la vie. Но между нами,
Что-то в этой vie не то.

Ты гроссмейстер аппарата.
Сам себе ты монумент.
Это — крест или награда?
Это — вечность иль момент?

Впрочем, все не так уж скверно.
Мимолетная хандра...
Перепил вчера, наверно, —
Голова болит с утра.

Извини ты, бога ради.
Извини и не грусти.
Если, Шап, полжизни сзади,
То полжизни — впереди.

Ругаю себя за то, что обрушиваю на читателя водопад своих рифмованных творений. Но побеждает логика графомана: я, конечно, не Пушкин и даже не Лукьянов, но все же...

* * *

В паузах пытался делать заготовки к докторской диссертации. Тему выбрал роскошную: «Теория политики». Пиши что хочешь. Набрался наглости, испросил трехмесячный отпуск (с сохранением заработной платы) и уехал в Сочи. Это уже было начало 1972 года. В Сочи зимой пусто и тихо. Разложил бумажки. Но что-то не ладилось. Мысль приходилось выдавливать как засохшую пасту из тюбика. Не смог мобилизоваться. Впустую ушло время.

Вернувшись в Москву, стал ощущать вокруг себя какое-то сгущение атмосферы. Вроде ничего определенного, а тревожные сигналы идут. Откуда — непонятно. И никуда не вызывают. Ни к Русакову, ни к Катушеву, ни к Брежневу. Испортил меня аппарат. Нервно. Ну, еще немножко — и прямо «смерть чиновника».

Вдруг Цуканов на проводе: «Позвонил бы ты Андропову». Чего звонить? Но звоню. Поговорили о том о сем. Голос, который я услышал, был скорее кагэбэшным, чем цековским.

Развязка наступила скоро. В одно прекрасное апрельское утро очередной фельдъегерь принес мне очередной пакет из секретариата ЦК КПСС. Вскрываю. Постановление секретариата «О тов. Бовине». Товарища Бовина освобождают от должности руководителя группы консультантов отдела ЦК КПСС и назначают политическим обозревателем газеты «Известия». Подписал Суслов.

Иду к Русакову. Клянется и божится, что ни он, ни Катусhev абсолютно не в курсе дела. Никто им ничего не говорил. Звоню Льву Николаевичу Толкунову (он тогда уже был главным редактором «Известий»):

— Лева, ты знаешь, что у тебя новый политический обозреватель?

— Вчера поздно вечером узнал, но решил не беспокоить ночью. Я рад. Приезжай поговорим...

Собрал группу. Удивил всех. Сказал, что вместо себя буду рекомендовать Колю Шишлина.

На эвакуацию мне дали неделю.

Так закончились девять с лишним лет на Старой площади.

Что же произошло? Почему такая бесцеремонность? Обычно увольняемого приглашает начальство и сообщает причины увольнения. Увольнять через фельдъегеря — это было что-то новое. Так что же все-таки произошло?

Коллеги, друзья выдвигали разные варианты. Чаще всего всплывали чехословацкие дела. Предполагали, что «здоровым силам» (в Праге и в Москве) удалось в конце концов додаться Брежнев, втолковать ему, что нельзя держать в ЦК «отпетого ревизиониста», друга всех самых нездоровых сил в Чехословакии и, наверное, не только в ней. Меня эта версия не убеждала. Давно все это было. И потом, Брежнев как бы выдал мне индульгенцию, отпустил грехи по чехословацкой части...

Месяца через два появилась отгадка. Неожиданная. Находясь в Сочи, я иногда писал письма друзьям. И в одном из таких писем, находясь, видимо, в возбужденном состоянии, я дал нелестную характеристику партийным бонзам, с которыми приходилось работать. Письмо это попало в КГБ. Легло на стол Андропова. Он пригласил Цуканова и Арбатова, показал им мое сочинение и сказал, что вынужден доложить Брежневу. Логика элементарная: если этого не сделаю я, сделают «брежневские комиссары» Цинев или Цвигун. И

получится, что я скрываю важную информацию, выгораживаю «своего» Бовина. Арбатов пытался отговорить Ю. В. от этого шага, ссылаясь на то, что в письме имя Брежнева не упоминается. Но тщетно. Письмо было доложено. Брежнев колебался. Суслов решительно — гнать! И прогнали.

В этой эпистолярной истории меня не удивило поведение Андропова. Он заботился о себе. Удивило, что мои друзья молчали как партизаны. Они оправдывались: дали слово Андропову.

Ну ладно. Прошлое уходило. Настоящее тащило в будущее.

* * *

Но прежде чем начать новую полосу жизни, перебраться в третью молодость, хотелось бы резюмировать молодость вторую, подвести некоторые итоги, всегда, пока жив, предварительные.

Итог первый. Свой главный университет на Старой площади я закончил хотя и принудительно, но, пожалуй, с отличием. С отличием, потому что не позволил аппарату перемолоть себя, остался самим собой. И вместе с тем открыл для себя неизвестные ранее континенты, материи общественной жизни. Погрузился в политическую проблематику. Основательно прикоснулся к экономике. Заглянул за кулисы советской власти. Окончательно убедился в безнадежности, безжизненности господствующей идеологии. Набрался, надеюсь, ума. И укрепился в спасительном, спасающем, животворном скептицизме, без которого мысль беспомощна. Но даже после чехословацкой трагедии не стал диссидентом.

Легендарный руководитель гэдээровской разведки Маркус Вольф считал, что события, приведшие к краху социализма, начались в 1956 году. Вольф имеет в виду XX съезд КПСС и вызванные им кризисы в Венгрии и Польше. Не могу согласиться с Вольфом. Социализм погубил не XX съезд, а нежелание советского руководства довести до конца разрушение «казарменного социализма» в Советском Союзе и, как возвести советские танки в Праге, желание сохранить его в других странах («доктрина Брежнева»). В 1968 году я и понимал это, хотя не очень отчетливо, и продолжал сохранять надежду на возможность другого социализма, с тем самым человеческим лицом. Я

и сейчас сохраняю, только отодвинул социалистическую перспективу за видимый, за прогнозируемый горизонт.

Итог второй. Пришел в согласие с самим собой, убедив себя в том, что я правильно сделал, оставаясь при всех зигзагах в ЦК. Все-таки пользы было больше, чем вреда.

Слова и формулировки, которыми мы «заведовали» и набор которых предлагали, были связаны с реальными проблемами. Драки из-за слов, которыми сопровождалась работы над каждым документом, отражали столкновение разных точек зрения, разных политических линий. И здесь наша аппаратная позиция — близко к бумаге и к руководящему уху — играла заметную роль.

Разумеется, мы не принимали решения. Но мы готовили материалы, на основании которых решения принимались. Это открывало определенные возможности влиять на направленность решений. Иногда получалось, иногда — нет. Но это уже другой вопрос — значит, не умеем работать, не умеем убедить...

Поскольку большой политикой занимались большие люди, нам оставалась «политика малых дел». Она привлекает тем, что каждый раз конкретный результат перед глазами.

Много раз приходилось выручать из беды Юрия Петровича Любимова, помогать ему отбивать атаки на Таганку.

Спасали, выводили из трудных положений пьесы Михаила Шатрова, который использовал ленинскую тему для вторжения в самые актуальные проблемы современности.

Пытались втолковать начальству, что Эрнст Неизвестный — скульптор от Бога, огромный необузданный талант, который нужно беречь и холить. Не помогло. Уехал Неизвестный.

Не получилось и с грандиозным «Андреем Рублевым» Тарковского. Его всюду запретили. Осталась одна инстанция — Брежнев. И Шахназаров решил рискнуть: вызвал картину в Завидово. Сели смотреть. Брежнев посидел две части и молча ушел. Не понял и не принял. Объяснять было бесполезно.

Получилось с «Белорусским вокзалом». Сейчас уже просто невозможно представить ход мыслей тех идиотов, которые не пускали картину. А они были и командовали (как были и командовали те, кто запрещал «Марш Победы» Тухманова). Итак, «Белорусский вокзал» в Завидове. Как всегда, после ужина — кино. Мы больше смотрим на

Брежнева, чем на экран. Видим — схватило. Платок вынул. Задача была решена.

Дополнительная трудность заключалась в том, что в каждом из этих и других «малых дел» мы вмешивались в прерогативы не наших отделов. А в аппарате межотдельские границы соблюдались не хуже государственных. А поскольку тут мы забирались в область культуры, то гневались Демичев или, скажем, Фурцева. Причем Демичев не жаловался Катушеву или Русакову, к которым я был приписан. Он звонил Андропову: «Там ваш Бовин опять...» Андропов звонил мне и читал нотацию. Иногда добродушно, часто — зло.

Итог третий. Близко познакомился с двумя выдающимися — каждый по-своему — деятелями, общение с которыми помогло мне лучше понять изнанку советской политической жизни. С Андроповым и Брежневым.

Фигура Андропова обросла легендами. Вот, например, что пишет Леонид Митрофанович Замятин (он занимал разные должности в МИДе и ЦК, руководил ТАССом, закончил карьеру советским послом в Лондоне): «В брежневскую эпоху стиль работы с документами определил Андропов, как ни странно. Еще будучи секретарем ЦК по соцстранам. Он считался интеллектуалом, знатоком искусств и литературы. Брежнев ему доверял по всем вопросам, особенно в идеологии. Андропов начал практиковать у себя совещания интеллектуалов, и за его столом в ЦК партии появились такие люди, как Арбатов, Бовин, Иноземцев, Черняев, Бурлацкий. Различные вопросы, в том числе и подготовку документов, сначала выносили на свободное обсуждение этой группы. Это были люди не столь зацикленные с точки зрения идеологии, как их предшественники в пресс-группе^[11]. Потом они садились в отведенных им комнатах и писали. Бовин предпочитал уединяться, ставил бутылку водки, наливал и работал. Как-то мы готовили документы, и я ему сказал: „Саша, ты до конца документа не дотянешь“. А он ответил: „Наоборот, мышление становится чище“. И писал замечательно».

Если интеллектуалом считать умного, проницательного, знающего человека, то Андропов таковым был. Несмотря на свое сомнительно «высшее» образование, он был самым образованным членом политбюро. Много читал. По словам его секретарей, каждую неделю

ему из разных библиотек привозили 10 книг — недельная норма. Я как-то увидел у него томик Платона.

— Зачем это вам? — задал я глупый вопрос.

— Чтобы беседовать с собственными консультантами.

Что же касается искусства, то тут «не находился» и «не состоял». Ни в театрах, ни в концертах Андропов замечен не был. И джазом, о чем иногда пишут, не увлекался.

Никаких языков, кроме русского, не знал. Матерный, наверное, знал, но тщательно это скрывал.

Я очень сомневаюсь, что Брежнев выделял Андропова как идеолога. Да и сам Андропов при обсуждении тех или иных текстов старался держаться дальше от идеологии и ближе к политике.

Стиль работы? Сначала свободная дискуссия допущенных интеллектуалов, споры, шум, потом сочинение текстов, потом учет замечаний и снова дискуссия — и так несколько кругов. Таков стиль Андропова. Таков, кстати, оптимальный алгоритм данного вида деятельности вообще. Так же работал и Брежнев. Андропов (и Пономарев) были заинтересованы в том, чтобы рядом с генеральным секретарем находились их люди. И нас «внедрили». Вместе с нами внедрялся и неформализованный стиль работы.

Две поправки.

Андропов не практиковал «совещания интеллектуалов», а взял в отдел несколько человек неаппаратного склада. Начал с Бурлацкого. Понравилось. Добавил Шахназарова. И поехало... Люди, которых называет Замятин, никогда в таком составе за столом у Андропова не сидели и не составляли устойчивую «группу». Они могли быть в разных группах и сидеть за разными столами.

Я никогда не пил ни до работы, ни во время работы. Только после. Да и то не всегда.

С Андроповым было интересно работать. Он умел и любил думать. Любил фехтовать аргументами. Его не смущали неожиданные, нетрафаретные ходы мысли. Правда, была граница, которую было лучше не переходить. Это — интересы социализма, основы социализма в его поственгерском восприятии. Последнюю мысль попробую иллюстрировать стихами.

Когда Андропов ушел в КГБ, мы с Арбатовым послали ему два пожелания.

Первое, очень логичное:

Сказал кто «А», сказать тот должен «Б».
Простая логика — и вот Вы в КГБ.
Логично столь же, если из Чека
Все та же логика Вас возвратит в ЦК.

Второе, не очень логичное, но личное:

Как дважды два, известно нам от века,
Что власть и слава портят человека.
Здесь тоже логика. Но все же мы хотим:
Пусть дважды два равняется пяти.

Скоро мы получили вот такое послание:

Мой ответ Ю. А. Арбатову и А. Е. Бовину на «Два пожелания» в
связи с поздравлениями

Известно: многим Ка Гэ Бе,
Как говорят, «не по губе».
И я работать в этот дом
Пошел, наверное б, с трудом,
Когда бы не случился впрок
Венгерский горестный урок.

Когда я начал понимать,
Что Правду должно защищать
Не только словом и пером,
Но если надо — топором.

Чтоб прощельга или тать
Не смел поганить и топтать
То, что, уверен я вполне,
Вам так же дорого, как мне.

Сбрехнул какой-то лиходея,
Как будто портит власть людей.
О том все умники твердят
С тех пор уж много лет подряд.
Не замечая (вот напасть!),
Что чаще люди портят власть.

Правду (особенно ежели она с большой буквы) действительно надо защищать топором. А если — Чехословакия? А если Солженицын и Сахаров? Тут расходилось понимание правды и кончалось взаимопонимание. Ю. В., конечно, догадывался о том, что мы думаем. Как-то по поводу Арбатова была произнесена чеканная фраза: «Он, разумеется, коммунист, но не большевик!» Но Андропов не обострял ситуацию и принимал нас такими, какими мы были.

Меня старался воспитывать. Мой образ жизни называл «гусарством» и читал нудные нотации. Однажды ну прямо допек меня. И я перешел в контратаку:

— Ваша цель понятна — вы хотите стать генеральным!

Тут он энергично (и отрицательно) замахал руками. Но я продолжал:

— Давайте откровенно. Хотите. Ради этого, возможно, и стоит зажать себя. Но у меня иное положение. Максимум, на что я мог бы рассчитывать, — это заместитель министра иностранных дел. Неужели вы думаете, что ради такой цели я перейду на вегетарианский образ жизни?!

Андропов что-то пробурчал, и разговор был закончен.

Сам Андропов жил почти аскетически. Пил по капельке для видимости. И дома, и на даче все было предельно скромно. Бессребреник полный. Детей держал в строгости. Не позволял своей конторе обслуживать их. Сдавал в казну многочисленные подарки. Не потому, что хотел взойти на вершину. Натура была такая. Возникает пугающее сравнение с Савонаролой...

Через много лет, когда я последний раз виделся с Ю. В. и все было ясно, расчувствовались мы оба. И Ю. В. вдруг сказал: «Молодец, что не

слушался меня, гусарил... Судьба другая».

В отделе, к сожалению, пришлось мало поработать под началом Андропова. До мая 1967 года. Но за три с половиной года почти ежедневного общения я получил от Андропова больше, чем дал ему. Я мог дать какие-то частности, детали, сведения, знание которых предполагало специальную подготовку. Андропов дал мне умение схватывать общую картину событий, находить связи между, казалось бы, отдаленными фактами и явлениями, видеть, выделять главное в сумятице жизни.

Андропов раздвигал мои политические горизонты радикальным способом. Послы обязаны в начале каждого года присылать в МИД годовые отчеты. В каждом отчете суммируются основные проблемы страны и отношений с ней. Копии отчетов автоматом направлялись в ЦК. Андропов поручил мне знакомиться со всеми отчетами и самое интересное докладывать ему. Послов было около семидесяти. Каждый отчет тянул на сто страниц. Написанных, как правило, кондовым, отчаянно чиновничьим языком. Приходилось читать. Голова становилась чугуной. Обидно, что улов (заслуживающие внимания предложения послов, любопытные картины страны пребывания, вообще «что-нибудь интересное») был крайне мал. Но был. При моих докладах Ю. В. по социалистическим странам сразу же вызывал людей и давал задания. По странам, которые «не его», часто просил уточнить детали и, видимо, потом принимал решение. В редчайших случаях просил принести отчет. Эта каторга длилась три года: 1965, 1966 и 1967 годы.

Через тридцать с лишним лет мне пришлось составлять посольские отчеты. Но гораздо легче написать один отчет (тем более с помощью коллектива), чем читать десятки.

У Андропова в комитете приходилось бывать редко. Иногда он приглашал, просил помочь по какому-нибудь делу. Но всегда выходили за рамки данного дела. Я старался использовать случай на полную катушку. Помню крупный разговор о Щаранском. Я не был знаком с этим человеком. Но то, что я слышал о нем, не стыковалось со шпионской деятельностью. О чем я сообщил Андропову. Он ссылаясь на доказательства. Покажите, обнаглел я. Не могу, секретно. И сердился.

Помню первый визит на Лубянку. Зашел в приемную. Вожу глазами, но не вижу дверь в кабинет. Шкафы есть, двери нет. Оказалось, вход к Андропову как раз через шкаф. Входишь в шкаф, попадаешь к шефу КГБ. Конспирация, перерастающая в глупость. Убрали потом шкаф.

«У меня теперь самолет свой есть», — сказал Ю. В., смущенно улыбаясь. «Все мы люди, все мы человеки», — подумал я.

Андропов намеревался и в комитете создать консультантскую группу на манер своей цековской. Только в погонах. Четыре полковника и четыре генерал-майора. А меня прочил начальником в чине генерал-лейтенанта. Представив, как вхожу в Домжур в генеральском мундире, я согласился. Брежнев все поломал: «Арбатова отпустил, а Бовин пусть тут вкалывает...»

Разгар полемики с китайцами застал Андропова в отделе. Именно эта тема — китайская — была тогда главным предметом наших забот, тревог и обсуждений за столом у Андропова. Сначала мне казалось, что Ю. В. под влиянием отделеских китаистов слишком уж демонизирует Мао Цзэдуна. Все-таки песня «Москва — Пекин» глубоко сидела. Но когда подняли коминтерновские и комитетские архивы, пришлось признать, что надо теперь петь другие песни...

Даже в больнице, куда Андропов попал с простудой, китайские сюжеты не оставляли его. Свидетельство тому — написанное в стихах «Письмо волжского боцмана Николая Попикова председателю Мао Цзэдуну»^[12]. Очень длинное письмо. Конец звучит так:

Пожалуй, закругляться вышел срок,
Да есть вопрос, где высказаться стоит.
Слыхал я, что советский наш Восток
Тебя и днем и ночью беспокоит.

Все видятся тебе в твоих бредовых снах
Хабаровск и Чита, равнины Казахстана,
Туда, туда тебя толкает прах
Кровавого бродяги — Чингисхана.

Что тут сказать? Уже не первый вор
Из Азии иль разных стран в Европе
На наши земли пялит алчный взор

И вон летит, схватив пинка по ж...е.

Прости меня за грубые слова,
Которых дипломатия не знает.
Хоть ты теперь в Китае голова,
О заднице подумать не мешает.

На сем кончаю. Если что не так —
Не обессудь. Подумай на досуге,
О чем тебе писал из Рыбинска бурлак.
Привет детишкам и твоей супруге.

Стихи на уровне типичного графомана. Когда же их пишет секретарь ЦК КПСС, они становятся признаком общей культуры. Но в данном случае меня другое интересует. Боцманский язык, который использован в стихотворном письме, никогда не проступал в андроповской прозе.

Мне же, поскольку я не простужался, пришлось разрабатывать китайскую тему в прозе. Эта тема часто выводила на проблемы общего плана. В октябре 1966 года я выдал «на-гора» записку «К китайскому вопросу». Исходный пункт анализа — завоевания социализма в Китае поставлены под угрозу. Эта констатация ведет к цепочке выводов.

«Как развернутся события в будущем?.. Если руководство КПК и КНР сумеет на длительный срок закрепить нынешний политический курс, то мы, видимо, станем свидетелями гигантского исторического зигзага, постепенного перерождения китайского общества.

Вопрос „кто кого?“, стоящий в современном Китае, наполнен иным социальным содержанием, чем, скажем, в России 20-х годов. Антисоциалистические силы, представленные группой Мао Цзэдуна, не могут рассматриваться как выразители интересов китайской буржуазии, капитализма. Поэтому вряд ли правильно оценивать возможную перспективу перерождения общественного строя в Китае как возвращение к „классическому“ буржуазному обществу. Скорее всего мы столкнемся с новым, своеобразным социальным образованием, которое будет характеризоваться государственной собственностью, авторитарно-диктаторским политическим режимом, закрепляющим власть узкого слоя партийной и государственной бюрократии, и

абсолютной монополией псевдореволюционной, националистической идеологии, поддерживаемой всей силой государственного аппарата.

Такого рода социальные образования, не являющиеся ни социалистическими, ни капиталистическими, не „предусмотрены“ марксистско-ленинской теорией общественного развития. Однако историческая практика, опыт колониальных или полуколониальных стран, вступивших на путь некапиталистического развития, показывает, что непосредственная переплавка феодальных и даже дофеодальных общественных отношений в социалистические — сложный и противоречивый процесс, который может привести к самым неожиданным результатам. Это относится не только к Китаю, где такие результаты уже достаточно очевидны, но и к ряду азиатских и африканских государств так называемой „социалистической ориентации“ (Гвинея, Мали, недавно — Гана и Индонезия, ОАР, Бирма, Конго со столицей в Браззавиле)...

Известно, что страны, о которых идет речь, осуществляют антиимпериалистическую внешнюю политику, резко ограничивают (иногда — явно преждевременно) рост частного капитала, проводят, правда не всегда последовательно, реформы, цель которых — улучшить положение трудящихся, словом, держат курс на модернизацию архаических социальных структур, на форсированное преодоление вековой отсталости. И при благоприятных условиях (общий рост авторитета и могущества мировой системы социализма, расширение контактов с отдельными социалистическими странами, умная политика местных коммунистов и т. д.) — все это открывает реальный путь к социализму. Но силы традиции настолько велики, исходные рубежи для движения к социализму настолько слабы, что не менее реальны и другие возможности.

Во-первых, не исключен поворот к капитализму — поворот, за который активно борются внутренняя реакция и международный империализм. И во-вторых, — о чем уже шла речь выше, — не исключено появление нового типа социального организма, для которого пока еще нет ни названия, ни „места“ в теории. С точки зрения всемирно-исторической такое общество будет иметь переходный, неустойчивый характер. Внутренние противоречия, объективное воздействие подлинно социалистических сил извне рано или поздно расшатывают и взорвут его. Однако этот процесс может занять длительное

время и привести в перспективе к обострению противоречий между Севером и Югом, между „богатыми“ и „бедными“ районами мира, что в свою очередь может оказать негативное воздействие на развитие мирового социализма.

...Деградация социализма в Китае, если она будет прогрессировать, может занять длительный отрезок времени, пройти через множество промежуточных ступеней, сопровождаться колебаниями, шатаниями, борьбой внутри руководства, стихийными выступлениями масс, новыми авантюрами во внешней и внутренней политике. Несомненно одно — трагедия китайского народа самым отрицательным образом сказалась бы на развитии мирового революционного процесса.

Преждевременно говорить о каких-либо конкретных политических акциях с нашей стороны, которые будут реакцией на возникновение принципиально новой ситуации. Но, чтобы не быть застигнутым врасплох, было бы полезно, не откладывая, заняться научным, глубоким, обстоятельным анализом состояния и тенденций развития китайского общества, а также проблем некапиталистического развития в целом. Не исключено, что такой анализ, как и сам ход событий, приведут к выводам, отличным от изложенных выше. Не исключено, что они полностью или частично будут подтверждены. Но именно для того, чтобы получить определенный результат, иметь научно обоснованную концепцию, следовало бы начать работу в этом направлении».

Нынешнему читателю мой *opus* покажется наивным. Но он писался в заданной и жесткой идеологической системе координат. И в той системе координат попытка обосновать возможность социальных организмов, не предусмотренных марксистской теорией, имела смысл. Имеет она смысл и сегодня. Давайте спросим себя: в каком обществе мы живем?

* * *

А теперь — о Брежневе, каким я его видел.

Я работал с двумя Брежневыми. Здоровым и больным. Это — разные люди. Тут можно делать кучу оговорок, уточнений и т. д. —

человек-то все-таки один. И все же я настаиваю — разные были «человеки».

Брежнев, с которым я познакомился в октябре 1964 года, был энергичным, жизнерадостным человеком. И человеком далеко не глупым. Во всяком случае, несравненно умнее тех, кто нынче склонен изображать в карикатурном виде «творца застоя». Скажу больше: требовался недюжинный ум, чтобы столь длительное время возглавлять одну из двух «сверхдержав».

Плохо было с образованием. Формально — высшее (металлургический институт). По существу — все же ближе к уровню знаменитой ЦПШ (церковно-приходская школа). Но не было комплексов, не стеснялся сказать: «Не знаю», не стеснялся задавать вопросы. Я, кажется, уже упоминал об обмене «конфронтации» на «боровую дичь»...

Книг не читал. Книгами для Брежнева служили люди, специалисты, эксперты, с которыми он встречался и беседовал. Он был хорошим собеседником — умел слушать. Умел располагать к себе людей вниманием, вовремя заданным вопросом, интересом к содержанию беседы. И умел воспринимать аргументы.

Исходя из этих качеств Брежнева, из его контактности, мы как-то решили попробовать организовать его встречу с Сахаровым. Нам казалось, что такая встреча помогла бы снять напряженность между Сахаровым и властью и вывести на какой-нибудь *modus vivendi*, устраивающий обе стороны. Брежнев не возражал. Даже проявил интерес. Но решил «посоветоваться» с Сусловым. И Сулов, как мы и боялись, отсоветовал.

Не могу не сказать о гостеприимстве Брежнева. Конечно, это было гостеприимство за казенный счет, но зато весь остальной антураж был хлебосольно-русским. Брежнев любил заводовское застолье. Не из-за выпивки. Пил он мало. Для него делали «Столичную с перцем», ставили малюсенькие коньячные рюмочки. За вечер — несколько, и все дела. Но тем, кому требовалось больше, не мешал. Даже оказывал содействие. Помню, водка кончилась, а пруть еще осталась. Брежнев уловил наши с Загладиным вопросительные взгляды и обратился к Черненко: «Костя, сбегай на кухню, у ребят водка кончилась!» Костя сбегал. Но запомнил надолго...

Застолье было формой общения, «расслабухи», как теперь говорят. Не чувствовалось скованности: вот — генеральный, а вот — машинистка. Перед выпивкой и закуской все были равны. Читали стихи. Брежнев прекрасно знал Есенина и, встав на стул, декламировал почти всю «Анну Снегину». Пели песни.

Брежнев любил рассказывать всякие истории из своей жизни, особенно военной. Со временем стал повторяться. Но блюдо было обязательным, и слушали каждый раз как в первый раз.

Следить за своим здоровьем Брежнев не умел и не любил. Его с трудом можно было вытащить на прогулку. С трудом давалась зарядка. Любимая (и единственная) форма физической нагрузки — охота. Тут он был большим мастером. Стрелял очень метко. Помоложе был — «с подхода». То есть бродил с егерем по лесу, пока не натыкался на кабана. Егерь наклонялся, Брежнев облакачивался на его спину и стрелял (когда я первый раз попал в Завидово, егерь имел чин майора, когда был там последний раз, майор уже превратился в генерал-майора). Как правило, охотился с вышки. Удобное кресло и всякие причиндалы. Ружье классное, с оптическим прицелом. Вышка на краю поляны. На поляне столб с лампочкой, а у столба — корыто с картошкой. Кабан выходит подзаправиться. Но охотник не дремлет (если не дремлет)...

Один раз Брежнев затащил на вышку Андропова. По словам Ю. В., он стрелял в воздух. Но егеря все равно притащили «раненного» им кабана.

В Завидове было помещение, где свеживали кабанов и разделявали каждую тушу на четыре части. Это были подарки от генерального, которые согласно специальному списку фельды развозили по домам. Я был в этом списке несколько лет. И получал подарки независимо от того, был в Завидове или нет. Управиться с ними без посторонней помощи не было никакой возможности. Так что несколько лет обеспечивал кабанятиной широкий круг знакомых. С тоской вспоминаю придуманное в те дни блюдо: украинский борщ с белыми грибами и кабанятиной.

Был и другой вариант подарков. Редко, но привозили по десятку убиенных докладчиком уток. Чтобы их съесть, надо было ощипать, избавиться от перьев. Жена переложила эту операцию на меня. Пришлось осваивать. Зато гостям было хорошо.

К положительным качествам Брежнева я бы отнес отсутствие злопамятности. Ну, может быть, она не отсутствовала, но была слабо выражена. Я это на себе испытал. Мое отлучение продолжалось всего два года. А потом — неожиданный вызов в Завидово, и все опять завертелось. Только я уже был вольноопределяющимся.

Брежнев воспринимал место, которое он занимает, с непосредственной наивностью. Открывали ленинский мемориал в Ульяновске. Собрание, речь, все как положено. Вечером, тоже как положено, за столом с обкомовским начальством. «Я, — говорит, — как царь. Только не могу, как царь, дать землицу, крепостных. Зато могу дать орден». А ведь действительно так оно и было. И называлось «ленинские принципы партийной жизни».

Мне еще в те времена пришла в голову мысль — Брежнев прекрасно бы смотрелся как средней руки помещик где-нибудь в Курской, например, губернии. Особняк вроде дачи Горького на крутом берегу. Хорошая псарня. Смешливые дворовые девки. Конюшня. Днем — хозяйственные заботы или охота. Вечером, если сам никуда не едет, съезжаются в гости окрестные помещики. Карты. Сытный стол. Свои наливки. Разговоры: «Дизраэли тоже голова...»

Да вот не повезло. Слишком поздно родился. И пришлось впрягаться в скрипящую, с трудомдвигающуюся телегу.

Царь-то он, конечно, царь. Но нет царя без свиты. Как нет генерального секретаря без аппарата. С аппаратом Брежнев справлялся. Знал аппаратные нравы и правила. Знал, где нужно уступить анонимной аппаратной силе, а где настоять на своем.

Демосфену приписывают следующие слова: «Как генерал идет впереди своих войск, так и мудрые политики должны идти во главе своих дел... Им не следует дожидаться событий, чтобы решить, какие принимать меры. Напротив, принимаемые ими меры сами должны производить эти события». Брежнев, как и большинство советских (и российских) политиков, к сожалению, принимал меры после событий. С одним существенным исключением. В аппаратных интригах он действовал на опережение. Это показала подковерная борьба с Шелепиным. Брежнев не суетился, позволил «железному Шурику» и его команде высунуться и постепенно оттер его от власти.

В аппаратных делах, насколько я мог уловить, Брежнев был против резких, нелегитимных движений. Поэтому я решительно не могу

принять версию о причастности Брежнева к гибели первого секретаря ЦК КП Белоруссии Петра Мироновича Машерова. Верно, что Брежнев, особенно поздний, не жаловал Машерова. Ему не нравилось, что Машеров держался независимо, без подхалимажа. Во всяком случае, в хоре славословящих его голос звучал очень тихо. Разве сравнишь с Алиевым или Шеварднадзе?!

Я мало интересовался аппаратными тонкостями и не сразу врубился в ситуацию. В ходе какого-то разговора о возможном преемнике Косыгина я назвал Машерова. Лицо Брежнева не изменилось. Сидевший же рядом со мной Александров наступил мне на ногу. Видимо, не хотел, чтобы я развил свою идею. А потом долго корил меня за то, что я «огорчил» шефа.

Шеф мог «огорчиться». Но я убежден, что его причастность к трагедии в Минске совершенно исключается. Не та «натура», не тот человеческий материал.

Если переместиться в плоскость большой политики, то в деятельности Брежнева выделяются два стратегических направления: улучшить жизнь людей, особенно деревни, и не допустить новой войны.

На первом направлении Брежнев стартовал мартовским (1965) пленумом ЦК КПСС и финишировал Продовольственной программой. За это время в сельское хозяйство были вложены колоссальные деньги (по данным ЦСУ, если с 1918 по 1965 год сельское хозяйство получило 149,5 млрд рублей, то с 1966 по 1980 — 465,9 миллиарда). Крестьяне, несомненно, стали жить лучше. Но эти перемены имели поверхностный характер. Они не решали качественных проблем сельского хозяйства (низкая производительность труда и огромные потери). Поэтому капиталовложения давали минимальную отдачу. Экономика не была экономной.

Понимал ли это Брежнев? Понимал «технократически», по частностям, по отдельным тормозящим, мешающим причинам, по отдельным «дырам», которые можно заткнуть той или иной «мерой». Но не понимал социально-политически, в целом как следствие неработающей, силой насажденной и силой сохраняемой системы. Он сам был порождением этой системы. И хотя иногда открывались окошки «здорового смысла», угадывались проблески постижения реальности, собственные, внутренние танки делали свое дело.

На втором направлении были достигнуты очевидные успехи. Договорились не создавать полномасштабные противоракетные системы. Заключили первые соглашения об ограничении наступательных стратегических вооружений. Подписали Заключительный акт в Хельсинки. И каждый раз приходилось преодолевать сопротивление консервативных кругов в Москве. Генеральских в первую очередь.

О том, как понимал Брежнев проблему «война или мир», дают представления его соображения, высказанные в ноябре 1971 года в связи с подготовкой доклада на пленум ЦК КПСС: «Нельзя упустить один серьезный вопрос. Вопрос о возникновении новой войны. В своей внешней политике после окончания прошлой войны, все последние двадцать семь лет, мы уделяем ему большое внимание. Мы все время боремся за разрядку. И тут мы многого достигли. Сегодня в наших переговорах с крупнейшими государствами Запада речь идет уже не о конфронтации, а о соглашении. Это уже обеспечивает нам на ближайшие годы возможность дальнейшей мирной борьбы за осуществление этого идеала не только наших народов, но и народов всего мира. Надо подчеркнуть, что сегодня, по крайней мере, не пахнет огнем, как пахло этим огнем еще десять лет тому назад, когда в Берлин мы ввели наши танки и американцы ввели свои. Конева назначили командующим группой, отозвали из отпуска. Этот период был на наших глазах, когда мы воздвигали стену в Берлине как одну из мер. Вместо дипломатических успехов строили китайскую стену, грубо говоря, и хотели так решить проблему. А сегодня Брандт подписал договор, крупные державы дали согласие на проведение европейского совещания. И мы будем вести дело к тому, чтобы это совещание провозгласило декларацию о принципах мирного сосуществования в Европе. Это отодвинет лет на двадцать пять, а может быть, на век проблему войны. К этому мы направляем все свои мысли и деятельность нашего МИДа и всех общественно-политических организаций не только своей страны, но и наших союзников. Провести крупный подход. Охватить и членов ЦК, чтобы они не исходили из мелких вопросов. Мы должны все использовать, любой бугорок, как говорил Ленин, если он направлен на то, чтобы предотвратить войну и защитить дело социализма. Не захлебываясь, но как-то рассуждая, высказать такую мысль».

Ахиллесовой пятой Брежнева были проблемы демократии, прав человека. Здесь отказывал «здравый смысл». Здесь «чистота марксизма-ленинизма» оставалась незапятнанной. И хотя удалось уговорить Брежнева принять «третью корзину» Хельсинкского акта (права человека), и хотя эти самые права были зафиксированы в «брежневской» конституции, для него это были фикции, навязанные непонятным временем.

Впрочем, случались ситуации, в которых Брежнев демонстративно выступал как защитник прав человека. Один такой случай я наблюдал.

29 мая 1970 года в Обнинске группа милиционеров явилась на квартиру Жореса Александровича Медведева и насильно увезла его в Калужскую психбольницу «на экспертизу». Медведев (брат Роя Медведева) — известный биолог, автор десятков научных работ в области генетики и геронтологии. Вместе с тем он выпустил фундаментальное исследование о произволе и беззаконии, которые творила в биологической науке группа Лысенко. Он систематически выступал против бессмысленных преград, которые мешали сотрудничеству советских и зарубежных ученых. Разумеется, публицистическая активность Ж. Медведева находилась в сфере интересов КГБ.

В самом начале июня я по каким-то делам был у Брежнева в кабинете. О факте помещения Медведева в психушку я знал, по Москве уже ходили слухи. Но с Брежневым об этом разговор не шел. Вдруг он прервал нашу беседу. Подожди, говорит, вспомнил. И давит кнопку на аппарате, который соединял со всем начальством. Трубку не снимает, поэтому мне все слышно. Ответил Андропов.

— Что там у тебя с Медведевым?

— Перестарались в Калуге.

— Наведи порядок, а то шум пошел.

— Я уже дал команду.

— И вообще, действуй поаккуратнее.

— Стараемся, но не всегда получается...

Не ручаюсь за точность. Давно дело было. Но смысл был именно такой. И самое интересное. Кончив разговор с Андроповым, Брежнев без всяких комментариев вернулся к беседе со мной.

Отправился к Цуканову. Он дал такое разъяснение: Брежнев понимает, что ты будешь рассказывать знакомым, как он выручал

Медведева. Это ему и нужно.

Я и рассказывал.

Наконец, о том, что мне известно лучше всего. О работе рядом с Брежневым. Брежневым здоровым.

Хорошо работалось. Обстановка была максимально демократической. Докладчик не давал подробных установок. Самые общие соображения. Это позволяло предлагать разные варианты. Во время обсуждений можно было спорить, отстаивать свою точку зрения, свою позицию. Нервные могли шуметь и размахивать руками. Брежнев внимательно слушал, обычно сохраняя невозмутимый вид. Мог пошутить. Даю пример руководящего юмора:

— Кричите, кричите, а я выйду на трибуну, скажу, и это станет цитатой.

Требовал от нас внимательно относиться к замечаниям членов и кандидатов. Особенно Сусллова. К Сусллову он относился с иронией, усмешкой. Как бонвиван к кабинетному сухарю. Никогда, как иногда пишут, Сусллов не играл роль «серого кардинала». Он был главным по «чистоте», и только тут его голос имел решающее значение.

В общем, Брежнев был восприимчив к новым постановкам вопроса, к новым подходам. Но там, где наружу выходили его нутряные «марксистско-ленинские» установки, сбить с этих установок было невозможно. Тем более если он мог сослаться на Сусллова.

Не менее, чем содержанию, Брежнев уделял внимание форме выступления. Его допингом были аплодисменты. Поэтому, чтобы расшевелить аудиторию, он настойчиво требовал внедрения в текст «ударных мест», «пафосности». Внедряли...

Итог четвертый. За цековские годы я познакомился и работал вместе со многими замечательными людьми, которые прочно вошли в мою жизнь. О некоторых из них я уже упоминал. Дополню галерею мини-портретов.

Из отдела пропаганды к нам перешел Николай Владимирович Шишлин. Элегантный, подтянутый, умеющий не только говорить (он был лектором), но и писать. В Завидове, когда Брежнев бросал курить, он во время кино сажал рядом с собой курящего Шишлина и велел пускать дым в свою сторону.

Помню еще забавный случай. Брежнев возвращался из Братиславы поездом, а желающим отдал свой самолет. Мы с Николаем и Вадимом

Загладиным были желающие. Плюс Блатов. Летели весело. Потом Николай скрылся, думали — спать пошел. Вдруг слышим, кто-то снаружи стучит в самолет. Растерянно смотрим по сторонам. Высоко ведь. Стук повторяется. Появляется Николай. Оказывается, он решил исследовать генеральные удобства, захлопнул дверь, а выйти не может. Стал стучать. Испугал нас. Выпили за здоровье Маршака: «Кто стучится в дверь ко мне...»

Мы с Николаем любили жарить мясо. Покупали бифштексы по 37 коп. Раскаляли у него на кухне сковородку. И без капли масла, стоя у плиты и орудуя вилками, доводили бифштексы до кондиции. Жена его, прелестная Елена Владимировна, гостеприимно терпела.

Как и всякий хороший человек, умер преждевременно.

Большим оригиналом был Рафаил Петрович Федоров. Ходячая энциклопедия. Знал все. Исключительный педант. Был нетерпим к беспорядку в любых его проявлениях. Долго жил в ФРГ (нелегал по линии ГРУ). Немецкий знал блестяще. В Завидове тренировал Александрова. Произвел фурор, уйдя из социалистической семьи и женившись на машинистке. В годы перестройки стал заместителем заведующего международным отделом. Была, говорят, идея направить его послом в Германию, но МИД заартачился. Умер от рака.

Валентина Алексеевича Александрова импортировали из МИДа. Поначалу это вызывало некоторые сложности. Нам приходилось довольно часто критически отзываться о бумагах из МИДа, даже подписанных Громыко. Александрову это казалось почти кощунством. Но освоился. Работал, как правило, в паре с Блатовым. Жена (тогдашняя) — пианистка Тамара Гусева. Пудель еще был. Пианистка тщетно настаивала, чтобы консультант его выгуливал. Все это отражено в элегии

ПЛАЧ КОНСУЛЬТАНТА

Курица — не птица.
Пудель — не кобель.
Мне давно не снится
Вешняя капель.

Ж...а — не соловушка.
Консультант — не муж.
Жена моя — вдовушка.
В сердце моем сушь.

Утро, день и вечер
В ленинском ЦК
За речами речи
Ткет моя рука.

Ночью, как в тумане,
Собственной жене
«Анатолий Иванович»
Я шепчу во сне.

Гусева — не Гусак,
Блатов — не рояль.
Мир угрюм и узок.
Пуделя мне жаль.

Анатолий Иванович Блатов тоже был взят из МИДа. Из плеяды блестящих германистов. Удивительно вне суеты. Нетороплив, сдержан. Иногда казалось, что он каждое слово смотрит на свет, пробует на зуб и только после этого вставляет в текст. Почти по Самойлову:

Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Вместе с Александровым Блатов вплотную занимался чехословацкими делами. И еще плотнее — германскими. Был в команде, которая готовила договор с ФРГ. Завершил карьеру послом в Голландии. А жизнь — уже в Москве.

Когда консультанты появились (начало 60-х), их было мало, только в двух отделах. Они были штучным товаром. Они заметно отличались от других работников аппарата. Работали, как верхолазы, на самом

«верху». И — в нарушение аппаратных традиций — сразу получали весь набор привилегий, положенных заведующему сектором. Но постепенно консультанты появились практически во всех отделах. Количество съедало качество. Аппарат реагировал по-аппаратному. Стали прижимать. «Подравнивать» к референтам.

Пытаемся отбиться. В июле 1970 года появляется записка на имя Цуканова:

«В международном отделе и отделе ЦК КПСС работает 18 консультантов. Это, как правило, квалифицированные специалисты широкого профиля, которым приходится заниматься самыми различными вопросами внешней и внутренней политики КПСС. С учетом специфики и ответственного характера работы консультантов их должность приравнена к должности заведующего сектором.

Однако за последнее время был осуществлен ряд мер, которые ухудшают положение консультантов, негативно сказываются на их работе.

Во-первых, принято решение, лишаящее консультантов права пользоваться телефонами АТС Кремля. Если учесть характер работы консультантов (необходимость постоянных контактов с руководящими работниками ЦК, МИДа и других ведомств, обсуждение вопросов секретного содержания и т. п.), то вряд ли такое решение можно признать целесообразным.

Во-вторых, принято решение, лишаящее консультантов права получать спецпереводы издательства „Прогресс“. Складывается странное положение. С одной стороны, чтобы хорошо выполнять свою работу, консультант должен знать состояние общественной мысли за рубежом. А с другой — его лишают возможности пользоваться основным каналом, по которому поступает соответствующая информация.

Следует, пожалуй, отметить, что указанные решения не только ухудшают условия работы консультантов, но и производят негативный психологический эффект. Ведь они, по существу, означают, что руководство ЦК стало по непонятным причинам меньше ценить работу консультантов, чем прежде. Это не может не огорчать людей.

По нашему мнению, было бы полезно, если бы этот вопрос был доложен Леониду Ильичу».

Подписали руководители групп консультантов двух отделов А. Бовин и А. Черняев.

Не помню, как дальше разворачивались события. В нашем отделе то, что уже было, осталось. Но новые консультанты уже не получали «вертушек» и закрытых переводов «не нашей» литературы. Аппарат не любит исключений.

* * *

Мои коллеги и друзья, о которых упоминается в этой книге, принадлежат, как и я, к разным видам и подвидам общего семейства «шестидесятников». Последние годы модно кидать в них камни. Камни — это больно. Нас легко упрекать. Ведь приходилось и кривить душой, и наступать на горло собственной песне. И тем не менее нам не стыдно за прожитую жизнь, за дороги, которые мы выбрали и которыми шли. Мы видели свою задачу в том, чтобы не дать растоптаться, уничтожить всходы, проклюнувшиеся после XX съезда. И нам, нашему поколению удалось это сделать. Иначе была бы невозможна перестройка.

Нам не повезло. Мы были еще слишком молоды, когда случился XX съезд партии. И поэтому не смогли превратить «оттепель» в весну. Мы были уже слишком старыми, когда началась перестройка. И поэтому, вытаскивая перестройку, вытаскивая демократию и гласность, мы не смогли предотвратить развал и хаос.

Нам осталось писать мемуары. Чтобы наши дети и наши внуки лучше поняли наше время, а значит — и нас.

Все мы герои и все мы изменники.
Все, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

Каждое поколение должно само ответить на этот вопрос, который задал себе, нам и всем Георгий Иванов.

А теперь расстанемся с 60-ми. Вторая молодость уходит в автобиографию.

Третья молодость

1972–1991

Итак, позади — три университета. Впереди — третья молодость. Наверное, у каждого она бывает разная. У меня это время относительной свободы (все-таки «Известия» — не ЦК КПСС, а журналист — не чиновник). Время, когда я перестал быть «ответственным работником», да еще и певцом за сценой. И, значит, время, когда люди могли судить, чему я научился, что я хочу и могу делать. Время, когда жизнь уже не была сплошь голубой и зеленой, но яркие краски еще преобладали.

Чем большим числом степеней свободы обладает объект (в данном случае — я), тем труднее обозначить его, создать его биографию. В речевой системе координат («речь на праздник, речь на пленум, речь на съезд...») можно было, двигаясь в кильватере оратора, листать год за годом. Теперь кильватерный след отсутствовал. И трудно было плести одну хронологическую нить.

Получилось несколько блоков.

Главный — собственно «Известия» в разных планах. Плюс внедрение в телевидение. Потом — «отхожие промыслы», возвращение в Завидово, дополнительные итрихи к портретам Брежнева и Андропова. Наконец, желанная перестройка, которая не захотела считаться с желаниями ее инициаторов.

«Известия» как судьба

В те времена «Известия» еще ассоциировались с Аджубеем. Напомню нынешнему читателю, что Алексей Иванович Аджубей был женат на Раде Никитичне Хрущевой. Понятно, что это облегчало ему жизнь и работу. Да и сам он был умен, энергичен, с чутьем и повадками настоящего журналиста. Он превратил «Известия» в лучшую газету Советского Союза. Собрал — за малым исключением — коллектив единомышленников, людей неравнодушных, умеющих писать и уважающих тех, для кого они пишут. Близость к власти портит, и Аджубея иногда заносило. Но как бы то ни было, он делал хорошую газету.

Вслед за Хрущевым сняли и Аджубея. Руководящие завистники сладострастно улюлюкали. Даже намеревались выслать его из Москвы. Кажется, Брежнев не разрешил это сделать. Аджубея определили в журнал «Советский Союз» заведовать отделом очерков. Без права печататься.

Газету корежило, мотало из стороны в сторону, чуть ли не дустом ее посыпали, но пока оставались аджубеевцы, аджубеевский дух был неискореним. Так что мне повезло.

Толкунов, который в 1965 году сменил краткосрочного Степакова (он командовал газетой с 14 октября 1964 года по 21 мая 1965 года), был максимально тактичен.

— Осмотрись, потолкайся тут среди людей, почувствуй атмосферу. Когда созрешь, пиши.

Осматривался я месяца полтора. Толковал с известинцами, многих из которых знал раньше. Часто сидел в кафе «Север» недалеко от «Известий». Пил свой любимый напиток — шампанское, ел мороженое и думал грустную думу. Все-таки обидно, когда тебя выбрасывают без всяких объяснений. Строго говоря, слово «выбрасывают» не совсем подходит. «Политические обозреватели» — их тогда было семь — входили в номенклатуру секретариата ЦК КПСС^[13]. Зарплата выше моей цековской — 500 рублей. Да еще гонорары! И все равно обидно.

Но прошлое уходило. Надо было заниматься настоящим. Ожидался приезд в Москву югославского лидера маршала Тито. «В преддверии визита» — назывался мой материал. Парадная манера, несомненно,

присутствовала. Вместе с тем была сделана попытка сказать серьезно о трудностях в советско-югославских отношениях. Разразился скандал. Толкунов был в отъезде. Командовал парадом его первый заместитель — Николай Евгеньевич Полянов. Он шумел на дежурного редактора:

— Если Бовин не понимает, что можно писать, а что нельзя, то вы-то должны понимать!

Полянов не стал разъяснять мне, что нельзя писать. Снял материал, и все. Узнав об этом от дежурного, я решил сделать ход конем. Позвонил Катушеву, обрисовал ситуацию и попросил принять меня прямо сейчас. Катушев согласился. При мне прочитал статью. Вычеркнул один абзац. Расписался на полях. Я вернулся в редакцию, отдал статью дежурному, и она успела в номер.

Абзац был важным. Когда я сегодня читаю эту статью, то она вообще кажется пустой. Но тогда даже в кастрированном виде статья отходила от стандарта.

С Поляновым — независимо от казуса с первой статьей — отношения не сложились. Образован, умен, умел писать. Но в нем сидела масса комплексов, главный из которых требовал постоянно утверждать свой начальственный статус, какое-то недоброжелательство. С удовольствием шпынял и гонял низших чинов. Лебезил перед начальством. Толкунову он был удобен тем, что брал на себя ежедневную газетную суету.

Внешне у нас все было вроде бы нормально. Но его раздражала моя независимость. И еще больше раздражала необходимость считаться с этой независимостью. После ухода Толкунова всерьез рассматривался как кандидат на пост главного.

После второй или третьей статьи раздался звонок. Звонил Аджубей. Предложил встретиться и пообедать вместе. Он подъехал на своем «москвиче», и мы отправились в ЦДРИ. Я до этого не был знаком с Алексеем Ивановичем. И никак не мог взять в толк, что же случилось. Но вопросов не задавал. Пили, закусывали, говорили о всяких пустяках. И наконец:

— Хочу вас предупредить, вас уволят с работы.

— ?

— Потому что писать так, как вы пишете, нельзя. Люди, которые руководят газетами, этого не допустят!

— Но я же пишу.

— Да, вы начали писать. А в отделе пропаганды, видимо, растерялись. Ведь они знают, что у вас хорошие отношения с Брежневым. Но поверьте мне, наведут справки, пыль осядет, и вам перекроют кислород. Или будете писать в рамках. Или уволят.

— По-другому не умею. Если речь пойдет о частностях, готов к уступкам, к поиску приемлемых формулировок. Но врать, обманывать не буду. Буду драться.

— Понимаю вас. Желаю успеха. К сожалению, в нынешней ситуации ничем не могу вам помочь. Хотя вот предупредил.

Довез меня Алексей Иванович до «Известий», на том и расстались.

Не уволили. Хотя тучи иногда сгущались, погромыхивало, но без молний.

С Аджубеем я потом встречался, но редко. Он всегда (и это понятно!) заикливался на теме своей не востребоваемости. После перестройки пытался выйти на новую орбиту. Уже будучи в Израиле, я получил записку Алексея Ивановича и первый номер созданной Аджубеем газеты «Третье сословие». Но дальше шестого номера дело не пошло. Старые песни о главном годятся только для телевидения... Да и то, если найдется желающий платить за них.

* * *

За неполные двадцать лет в «Известиях» были напечатаны, если верить блокноту, 428 моих материалов. Не слишком много. Сказывались постоянные (после 1974 года) отлучки на «отхожий промысел». В год старался сделать 2–3 статьи для души, десяток хороших, остальные — на добротном уровне.

Жалея читателя, упомяну лишь некоторые свои работы, которые запомнились по резонансу, по откликам.

Последняя статья в 1972 году («Престиж и позор Америки») была посвящена взаимоотношению морали и политики на примере войны во Вьетнаме. Писалась для души. Получил десятки благодарственных, восторженных писем. Прочитую только одно, самое-самое. «Сказать, что статья талантлива, значит, ничего не сказать! — восклицает Г. Г. Черник из Полтавы. — Впечатление такое, что эту статью писали Радищев, Белинский, Герцен, Горький, Ленин и Михаил Кольцов,

взяты вместе». Чересчур, конечно. Звучит как пародия. Ну и ладно. В конце концов, доброе слово и кошке приятно. Но в отличие от кошки я обязуюсь каждый хвалебный отзыв компенсировать отзывом ругательным.

Вот, пожалуйста.

«Брежневский холуй. Чернильный солдат партии Брежнева. Клеветник. Марионетка. Толстый боров. Дармод на шее народа». Подпись — Котова.

Другой вариант. «Прошу незамедлительно сдать свои полномочия и уйти на заслуженный отдых. Комментарии излишни». Подпись — неразборчива.

В 1973 году для души писались «Решения, которые ничего не решили». Статья рассказывала о X съезде КПК. Вообще, Китаем, политикой КПК приходилось заниматься регулярно. Руководящие китаисты из отдела ЦК (О. Б. Рахманин и его окружение) требовали зуботычин вместо критического анализа. Но я все-таки до зуботычин не опускался. Когда накал противоборства несколько спал, меня пригласили на прием в китайское посольство. «Вы критикуете китайских товарищей, — сказал мне посол, — но не обижаете китайский народ».

Среди многих откликов было письмо от журналиста Сергея Гущева.

«Я вижу в этой публикации, — писал он, — не только совершенно новый литературный стиль, которого у нас до сих пор не было в материалах на зарубежные темы, но и новую манеру мышления, что еще важнее. И я, профессиональный журналист, благодарен Вам за то, что своим искусством Вы вдруг оживили у многих интерес к зарубежной тематике, который угасал из-за общепринятых мертвящих штампов наших „зарубежников“».

Логика, энергия, краткость выгодно отличают Вашу статью от целой серии других, посвященных той же теме, и есть в ней, простите за невольный комплимент, нечто такое, чем богата была ленинская публицистика. Дома я веду маленькое досье. Есть у меня папка „Как надо писать“. В ней — и Ваша статья».

В этом же году была опубликована статья «Выигрывает мир», которая положила начало моему затяжному конфликту с военными теоретиками. В статье говорилось: «Широко известна формула Карла

Клаузевица: „Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами“. Уточняя свое понимание „иного средства“, Клаузевиц писал, что „война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить вашу волю“. Концепция Клаузевица как бы предоставляет государственному деятелю выбор: для достижения данной политической цели можно действовать или мирным путем, или при помощи вооруженного насилия.

Так было. А теперь? Можно ли теперь рассматривать всеобщую термоядерную войну как „иное средство“ государственной политики, как акт навязывания своей воли предполагаемому противнику? По-видимому, потенциал ответного удара лишает такой выбор всякой рациональности, автоматически превращает средство насилия над противником в средство самоуничтожения агрессора. Поэтому, оставаясь в пределах рассудка, невозможно рассматривать всеобщую ракетно-ядерную войну как средство достижения какой бы то ни было политической цели».

Эту мысль я развивал во многих публикациях. Военные отвечали. Дело дошло даже до того, что меня пригласили к руководству ГлавПУРа, где несколько генералов, уверенные в том, что Советский Союз победит США в ракетно-ядерном столкновении, укоряли меня за «пораженчество». За границей было отмечено, что против всеобщей ракетно-ядерной войны как «нормального» средства политики выступают люди из окружения Брежнева (Арбатов, Бовин, Иноземцев). Отсюда делался вывод о расхождении взглядов политиков и военных. Писал об этом, в частности, и известный «кремленолог» Виктор Зорза. Расхождения действительно были. Генералы заметно отставали от времени.

Потом Зорза неожиданно исчез с журналистских горизонтов. Прошло много лет.

— Вам что-нибудь говорит фамилия Зорза? — услышал я однажды в телефонной трубке.

— Да, — признался я, — «что-то» говорит.

И через пару дней коренастый, плотный, почти лысый человек с седеющей окладистой бородой сидел у нас дома и с аппетитом ел кислые щи с грибами. Рассказывал...

Родился он в 1925 году в Западной Украине. После 1939 года оказался в Сибири. Сбежал с поселения. Бродяжничал. Нищенствовал. Добрался в 1942 году до Куйбышева. Там нашел Эренбурга и по его совету вступил в формирующуюся польскую армию.

Затем Лондон и новая жизнь на новой земле. Международную известность Зорзе приносят его еженедельные колонки в «Вашингтон пост». В отличие от других «кремленологов» он не столько «вскрывал», сколько исследовал. У нас его считали агентом ЦРУ, в Штатах — агентом КГБ.

В 1977 году умирает от рака его 25-летняя дочь. И смерть входит в его жизнь, в его творчество. Вместе с женой они пишут статью «Смерть дочери», а потом — необычную, рвущую душу книгу «Путь к смерти».

В 1979 году Зорзе сделали операцию на сердце и сказали, что жить ему осталось не более года. Он обжаловал приговор медиков. Отправился в Индию. Долго мыкался там с места на место, а с 1981 года обосновался в гималайской деревне на высоте около четырех километров. Там и жил, как живут крестьяне...

В 1989 году через Москву возвращался в Лондон. И позвонил мне.

С моей подачи статья Виктора и Розмари Зорза «Смерть дочери» была опубликована в журнале «Наука и жизнь» (1989, № 8).

Главная идея Виктора — организация особых больниц, больниц для умирающих (хосписов) осталась нереализованной. Но ведь жизнь продолжается. Когда-нибудь и мы станем добрее... И сердобольнее.

В октябре 1972 года в Вашингтоне был подписан пакет соглашений по торгово-экономическим вопросам. Американцы снимали дискриминационные ограничения в торговле и предоставляли Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования. Советский Союз соглашался выплатить определенную сумму, которую американцы рассматривали как советские «долги» по ленд-лизу. Ставлю кавычки, ибо по существу долги эти давно и сполна оплачены кровью советских солдат. «Позорно, — писала в те дни „Вашингтон пост“, — что вопрос о советском долге по ленд-лизу был поднят вообще, — помощь, оказанная России, которая вынесла колоссальные страдания, эта помощь спасла бесчисленные американские жизни и доллары...» И если Москва все-таки согласилась заплатить часть «долга», то это свидетельствовало о желании в максимальной мере облегчить нормализацию советско-американских отношений.

К сожалению, американцы не ответили взаимностью. Конгресс (поправка Джексона — Вэника) обусловил предоставление режима наибольшего благоприятствования изменениями эмиграционной политики Советского Союза (выпускайте евреев — получите режим). В ответ на этот произвол советское правительство отказалось ввести в действие торговое соглашение. Американцы зашумели, что Кремль «кардинально переоценивает» политику разрядки. Ответом служила моя статья «Торговля и разрядка», опубликованная в январе 1975 года. С тех пор прошло почти тридцать лет. Все, кто хотел, давно уехали и продолжают уезжать, но поправка Джексона — Вэника остается в повестке дня встреч Путина с Бушем. Так кто же против «разрядки»?

В марте того же года корреспондент «Известий» на Кубе Владимир Леонидович Верников «экспромтом» организовал встречу с Фиделем Кастро. Сидели у команданте глубокой ночью, взяли большое интервью. Остаток ночи и утро пили кофе и печатали текст.

Тут была большая формальная трудность. Чтобы взять интервью у «первого лица», надо было иметь разрешение ЦК. У меня такого разрешения не было, поскольку я не рассчитывал на «экспромт». Решили вопрос так: я позвонил жене и попросил ее срочно связаться с Шишлиным и Загладиным и предупредить их, что из «Известий» придет интервью с Кастро. Все прошло нормально. Зажегся зеленый свет.

Очень был недоволен наш посол на Кубе: почему с ним не согласовали?! Пришлось его огорчить — некогда было.

Большой внутримидовский шум произвела статья «Сопоставляя точки зрения». Точнее, не сама статья, а некоторые особенности ее подготовки. Речь шла о Кипре. 15 июля 1974 года греческие офицеры подняли мятеж, требуя присоединить Кипр к Греции. 20 июля Турция направила на Кипр свой экспедиционный корпус. В результате Кипр оказался разделенным. От переговоров толку не было.

Чтобы разобраться в проблеме, я отправился по маршруту: Анкара, Афины, Никозия. В каждой столице беседовал с политиками. По согласованию с ЦК из каждой столицы направлял в Москву телеграмму. Плюс одна обобщающая. Все телеграммы строились по одинаковой схеме, что облегчало сопоставление позиций. Содержание этих же телеграмм, освобожденное от имен и существенных деталей, послужило основой статьи, опубликованной в январе 1976 года.

В Анкаре нажимали на то, что греки не мытьем, так катаньем хотят присоединить Кипр к «матери-родине». И в этом причина конфликта.

В Афинах подчеркивали, что турки-киприоты, по существу, блокировали развитие Кипра как единого государства.

На самом острове лидеры общин в тех или иных вариантах повторяли указанные позиции.

Все это я основательно описывал в телеграммах, которые шли по «большой рассылке», то есть всем членам политбюро. Увлёкся я в обобщающей депеше. Написал: если мы будем пассивны, нас ототрут от решения кипрской проблемы, как оттерли от решения проблемы ближневосточной. Громыко был очень недоволен. Телеграмму МИД зажал. Когда я вернулся в Москву, что-то где-то громыхало. Но обошлось.

А после опубликования статьи наш посол в Никозии Сергей Тимофеевич Аставин написал на меня телегу — киприоты, мол, недовольны писаниной Бовина, да и вообще кому нужны эти «журналистские эксперименты»? Тоже обошлось.

* * *

В начале 1976 года велась бурная подковерная борьба вокруг нового главного редактора «Известий». Толкунова перемещали в АПН (агентство печати «Новости»). Кто вместо? Я работал тогда в Завидове и поэтому мог не только с близкого расстояния наблюдать за ходом борьбы, но и вступать в этот самый ход. Вариантов было много, но на первом плане находился Полянов. Толкунов возражал, ссылаясь на то, что Полянов не знает внутренних дел. Мои возражения исходили из того, что Полянов не может работать с подчиненными ему людьми, обижают их. Другие завидовцы — в порядке солидарности с известинцами — тоже были против Полянова.

За Полянова были Суслов и Пономарев. Брежнев долго колебался. И я боялся, что он колебнется в сторону Суслова. Наступив на горло собственной совести, я сообщил Брежневу, что настоящая фамилия Полянова — Поллак. Его родители по коминтерновской линии перебрались из Австрии в страну социализма.

Не могу ручаться, что мой аргумент сыграл какую-то роль, но вскорости кандидатура Полянова отпала. Некоторое время всплывали фамилии Стукалин, Панкин, Тяжелников, Замятин. Даже Бовина вспоминали. Но в феврале вдруг возник Алексеев и пробился к финишу.

До сих пор не могу понять: кто лучше (или — кто хуже) — Полянов или Алексеев? Для «Известий» Алексеев был явно хуже. Полянов был бы хуже для известинцев.

Петр Федорович Алексеев пришел к нам из «Советской России». В записной книжке у меня значится: «...не очень. Сильно простоват». Потом выяснилось, что очень сильно. Какой-то весь никакой. Просто серый. Пугливый до невозможности. По-моему, он и меня боялся: как же, крутится там рядом с Брежневым... Но мне от этого было легче, меньше вмешивался в мои публикации.

А в 1977 году кадровые перемены коснулись меня непосредственно. Заместителем главного по международным вопросам был назначен Станислав Николаевич Кондрашов, долгие годы бывший корреспондентом «Известий» в США. На мой взгляд, Кондрашов — лучший за послевоенные годы советский журналист-международник. Блестящий знаток русской литературы, особенно поэзии. Тонко играющий словами не ради слов, а ради выявления смыслов, значений. Глубокий, основательный аналитик, работающий в психологическом ключе. Типичный русский интеллигент, яркая индивидуальность.

Беда в том, что Кондрашов никогда не был начальником. Не научился относиться с долей иронии к своим функциям и не навязывать коллегам свое видение проблемы и материала. А так, к сожалению, бывало. Статьи задерживались. Появлялась дополнительная нервная нагрузка. По-моему, ему было неловко делать мне замечания. А мне было неловко с ними не соглашаться.

Кондрашов был труден как начальник, но он был труден и как подчиненный. Алексеев, видимо, полагал, что известинская общественность будет рассматривать приближение Кондрашова к власти как признак интеллектуальной высоты этой власти, ее либеральных тенденций. Но быстро понял, что минусы превосходят плюсы. С Кондрашовым нельзя было разговаривать в привычной руководящей манере. Кондрашов вовсе не собирался безропотно

принимать все замечания сверху. Кондрашов не боялся возражать главному, спорить с ним, доказывать свою правоту.

Помаялись несколько месяцев и разошлись. В июле Стасик был определен в политические обозреватели. В этом кресле он просидел почти четверть века.

* * *

Одной из сквозных тем тех лет была, несомненно, китайская. В сентябре 1976 года умер Мао Цзэдун. Вскоре арестовали «банду четырех». Китай, что было ясно даже не специалистам по Китаю, втягивался в полосу больших перемен. Для Советского Союза это имело огромное значение. Надо было писать, объяснять читателям происходящее. Да не тут-то было. Рахманин и его группа в отделе ЦК, в том самом, где я не так уж давно постигал китайские сюжеты, плотно перекрыли все пути к объективному освещению обстановки в Китае. Они сумели внушить начальству глупейшую мысль: при Мао Цзэдуне был левый маоизм, а после Мао Цзэдуна маоизм стал правым. Так что никаких значимых перемен в Китае не происходит.

Все-таки написал я в феврале 1977 года статью о переменах в Китае. Показал Андропову, Катушеву, Александрову, Блатову. По существу вроде никто не спорит. А печатать не дают. «Годить», говорят, надо. А чего «годить», не говорят. «Гожу». Статья путешествует по всем возможным инстанциям, включая китайскую комиссию политбюро, и всюду из нее вытравливают всякие намеки на свежую мысль. Итог: статью в адаптированном виде разрешают печатать в «Литературке» под роскошным названием «Что же изменилось?».

Понадобилось не так уж много времени, чтобы напор событий перечеркнул точку зрения наших официальных китаистов. Перемены в Китае действительно происходили. Не замечая этого, мы понесли значительные потери — и в политическом плане, и в научном, и в плане пропагандистском.

Еще большие потери мы понесли, «не заметив», что война с афганской контрреволюцией переросла в войну против афганского крестьянства, афганского народа. И моя совесть тут нечиста.

Правда, я почти ничего не знал об Афганистане. Был там однажды в 1973 году, освещая визит Подгорного, видел сосуществование времен, когда вот здесь, где ты стоишь, век XX, с телефонами и аптеками, а там, через квартал, век, ну, скажем, XIV, с ужасающей нищетой, грязью, исковерканными телами на улицах.

Поначалу я принял официальную версию: защитим Кабул от внешней контрреволюции, от проникновения американского империализма. Вспоминал Испанию, Китай, где Советский Союз активно выступал на стороне революции.

Именно под таким углом зрения была написана статья «Размышления об афганской революции», опубликованная в апреле 1980 года в английском издании «Московских новостей». Поскольку я размышлял и об ошибках революции, статья не понравилась кабульскому начальству.

Принимал участие в создании документального фильма «Афганистан: революция продолжается». Снимал «на натуре» превосходный узбекский документалист Малик Каюмов. По его просьбе я разложил «по полочкам» снятый материал и записал текст к нему. За эту ленту мы получили Государственную премию в 1981 году.

Поступавшая из Афганистана информация заставила замолчать. Только в конце 1988 года, когда перестройка позволила говорить правду, я сказал эту правду в «Известиях». И получил письмо из Афганистана. От наших солдат, с которыми я там встречался.

«Статью вашу прочитали. Со всем согласны. Но мы воюем. А после таких статей трудно воевать...»

Солдаты были правы. И я снова замолчал.

Афганская заноза сидела глубоко, беспокоила. Пришлось ее вытаскивать. Об этом свидетельствует статья «Опыт самокритики», помещенная в журнале «США — ЭПИ» летом 1989 года.

В качестве любопытнейшего объекта наблюдения выступала послефранкистская Испания. С послом «Известий» в Мадриде Леонидом Ивановичем Камыниным мы сделали своего рода испанский триптих — три статьи на испанские темы. Послали на согласование в международный отдел ЦК. Неожиданностей не ожидали, все вроде было в пределах допусков. Но недоучли. Последняя статья заканчивалась примерно так: повезло испанцам, попался им умный король. Снять, сказали нам, умных королей не бывает! Мы проявили

настырность, и статью прочитал сам Пономарев. Мы ждали с трепетом. Бывают, изрек он, умные короли, но советским газетам можно и не писать об этом. И не написали.

Много хлопот принесли события в Иране. Мои попытки рассказать читателям «Известий» о кризисе шахского режима наткнулись на непробиваемую позицию МИДа (точнее, заместителя министра Виктора Федоровича Мальцева). Спасибо Валентину Михайловичу Фалину, он тогда работал первым заместителем заведующего отделом международной информации ЦК КПСС и разрешил напечатать статью («Иран: следствия и причины») в «Литературной газете».

Большие круги вызвал материал «С Кораном и саблей...», опубликованный в «Неделе» в сентябре 1979 года. Там говорилось, что иранская революция не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Цитировался аятолла Хомейни: «Ислам родился и возрос в крови. Предводители ислама всегда держали в одной руке Коран для управления народом, а в другой — саблю для подавления преступников, предателей, заговорщиков и тех, кто противится исламскому правлению... Мы не боимся крови и жертв, ислам — религия крови, а гибель во имя ислама — священна».

Хомейни был недоволен. Три телеграммы пришли из Тегерана, в которых посол передавал негодование аятоллы и его требование наказать Бовина. Главный редактор был перепуган до смерти. И всем говорил, что его не было в Москве. Мне тоже было как-то муторно. Требовалось доложить телеграммы Брежневу. Дальше рассказ докладывавшего. Брежнев спросил: «То, что написал Бовин, это правда? это правильно?» — «Да, — ответил докладывавший, — у Бовина все правильно». Тогда Брежнев взял карандаш и написал: «В архив!» На нашей улице был праздник...

* * *

Но главный праздник пришелся на 1980 год. 9 августа мне исполнилось 50 лет. До этого декады отмечались в камерном порядке. 20 — не помню. 30 — на квартире у кларнета. 40 — уже в своей трехкомнатной квартире. Теперь квартирой отделаться не удалось.

Неожиданно возникла помеха. 5 августа секретариат ЦК КПСС принял антиюбилейное решение. Но, как нам разъяснили, оно было направлено против учреждений и организаций, а не против индивидуумов.

7 августа в здании «Известий» гулял международный отдел и отдельные присоединившиеся к нему лица. В качестве вещественного доказательства привожу распространенную ТАССом вечернюю сводку зарубежной информации.

«О ЮБИЛЕЕ ТОВАРИЦА БОВИНА А. Е.»

Средства массовой информации практически всех стран мира основное внимание уделяют 50-летнему юбилею товарища Бовина А. Е.

Весть о том, что т. Бовин встречает свой юбилей в расцвете сил, полный боевого творческого задора и обычного для него кипения мыслей, идей, планов, вызвала ликование в странах социалистического содружества. „Бовину — 50 лет, кто бы мог подумать! — восклицает чехословацкая „Руде право“ и продолжает: — Как бы то ни было, имея такого друга, как Бовин, мы смело смотрим в будущее. За Бовиным мы как за каменной стеной“.

Нью-Йорк. В кулуарах Мэдисон-Сквер-Гарден, в котором в понедельник 11 августа открывается съезд Демократической партии США, начали циркулировать слухи о том, что в задымленных комнатах, где партийная элита перебирает кандидатов, которые могли бы заменить Дж. Картера, если он не сможет противостоять вызову, брошенному кандидатом республиканцев Рейганом, все чаще упоминается имя Бовина. Утечка информации, которую относят к ведомству З. Бжезинского, позволила журналистам узнать основные мотивы, двигавшие теми, кто первым назвал имя Бовина. „Бовин велик, кроме того, он несомненный демократ. По правде говоря, я не вижу сейчас другой фигуры, которая могла бы сплотить нашу переживающую критические дни партию“, — говорится в заявлении, сделанном для прессы от имени группы конгрессменов Моррисом Юдолом из штата Аризона.

Сообщение о реальных шансах Бовина быть выдвинутым на съезде демократов кандидатом в президенты США вызвало настоящую панику в Белом доме. Наиболее эмоциональной была реакция на эту новость супруги нынешнего хозяина Белого дома Розалин Картер. Не скрывая крайнего волнения, которое, по-видимому, связано с какими-то причинами личного характера, Розалин Картер воскликнула: „Только не он!“ — и заплакала.

Уолтер Кронкайт, наоборот, воспринял эту новость спокойно и перед своими знаменитыми словами — „Такие дела“, — которыми он, как известно, завершает ежевечернюю программу новостей, сказал: „Я хорошо знаю Бовина и немножко знаю американцев. Они будут последними идиотами, если не воспользуются этим шансом и не поместят, наконец, в Белый дом по-настоящему умного человека“.

Пекин. Изливая яд по поводу события, которое вылилось в праздник народов разных континентов, „Жэньминь жибао“ помещает обычные злопыхательские комментарии. Отдавая дань ловкости московских пропагандистов, подгадавших церемонию закрытия Олимпийских игр к 5-летию социал-империалистического Хельсинкского Заключительного акта, нельзя одновременно не заметить, что они не осмелились привлечь гостей спортивных игр к празднованию пресловутого бовинского юбилея. В последний момент в Москве, надо полагать, сообразили, что Бовин — не пускающий лицемерные слезы воинственный русский медведь, заgrimированный под безобидного мишку, и его не поднять на воздушных шариках.

Париж. В интервью Нородома Сианука корреспонденту еженедельника „Экспресс“ говорится: „Мы хотим сотрудничать с Бовиным в области культуры и медицины. Мы готовы вести переговоры. Но это зависит и от французского правительства, которое впредь должно будет признавать и нас, а не только Бовина“.

Лагос (Нигерия). Как здесь стало известно, толпы возбужденных людей вышли на улицы городов и сел Либерии, Реюньона, Габона, Камеруна, Ботсваны и других африканских государств. „Мы хотим Бовина!“ — скандировали демонстранты, в подавляющем большинстве женщины.

Иерусалим. В самозваной столице Израиля весть о юбилее Бовина А. Е. взорвалась бомбой. Из достоверных источников стало известно, что в кнессете начались бурные дебаты, а премьер Бегин

срочно созвал совещание кабинета, проходящее в обстановке строжайшей секретности. Поползли слухи о неминуемой отставке Бегина. Рассказывают также, что в ходе длившегося всю прошлую ночь заседания Бегин, то и дело хватаясь за больное сердце, растерянно повторял: „Фиг у нас есть, а не Кэмп-Дэвид, и это все — он, это все он — Бовин“.

Хаим Герцог, бывший руководитель израильской разведки и представитель Израиля в ООН, в ответ на просьбу прокомментировать сообщение о юбилее Бовина заявил: „Раньше мы всегда считали, что время работает на нас, теперь мы узнали жестокую правду — Бовину всего лишь 50. Если бы он хоть был антисемитом, куда ни шло, но он к тому же еще и принципиальный интернационалист. Он у нас был, мы его видели и прекрасно отдаем себе отчет в масштабах опасности, которая маячит за этой фигурой“.

Тегеран. Как стало известно, в кругу близких ему людей аятолла Хомейни ясно дал понять, что готов пойти на примирение с Александром Евгеньевичем Бовиным. В связи с юбилеем был издан указ о проведении внеочередного праздника Рамадан и присвоении Бовину звания аятолла. В качестве подарков Бовину посланы выкованная из чистого золота сабля и специальное юбилейное издание Корана в красном переплете. В доверительной беседе с совпослом Хомейни просил довести до сведения юбиляра следующее личное послание: „Как аятолла аятолле прошу тебя, Саша, — забудем былые распри“. Совпосол сообщает, что, передавая послание, Хомейни даже заплакал».

* * *

В порядке укрепления самодисциплины известинцы четко обозначили перечень условий, при соблюдении которых в отделе социалистических стран и в иностранном отделе, включая кабинет иностранной печати, разрешаются дружеские встречи с распитием алкогольных напитков, включая пиво.

1. Дружеские встречи, охватывающие более половины сотрудников указанных отделов, включая кабинет

иностранной печати, не должны проводиться чаще одного раза в течение одного рабочего дня.

2. Дружеские встречи, подпадающие под п. 1 настоящего Перечня, не должны начинаться ранее, чем за полтора часа до окончания рабочего дня.

3. Учитывая ничем не заменимую роль качественной закуски, администрация отделов не позднее 14.00 дня, предшествующего дню дружеской встречи, освобождает сотрудников кабинета иностранной печати от всякой посторонней работы, не связанной с заготовкой и приготовлением закуски.

4. Сдвиг столов, сбор и снос стульев начинаются не ранее 14.00 дня встречи и осуществляются сотрудниками мужского пола моложе 40 лет; остальные сотрудники, включая администрацию, продолжают работать стоя.

5. В радиусе 15–20 метров от места дружеской встречи оборудуется временный вытрезвитель быстрого действия (ВВБД); дежурными по ВВБД назначаются лица, которым по состоянию здоровья противопоказано введение алкоголя внутрь; дежурный по ВВБД имеет в своем распоряжении емкость с рассолом, воду кипяченую, соду питьевую, мыло, тазик, полотенца и половую тряпку.

6. От места дружеской встречи до ВВБД и — факультативно — до туалетов должны быть навешены направляющие канаты.

7. Приглашения на дружескую встречу жен сотрудников и мужей сотрудниц не допускаются; потребности в общении, выходящем за рамки дружеского, удовлетворяются исключительно за счет редакционного людского фонда; вопрос о помещениях для двусторонних встреч и бесед решается администрацией отделов по согласованию с заинтересованными лицами.

8. Категорически запрещается:

— производить любые звуки силой свыше 23 децибел,

— бить т. Паклина пустыми бутылками,

— пускаться в рассуждения относительно бывшего т.

Полянова Н. Е.,

- распивать спиртные напитки в ВВБД и в женском туалете,
- сексуально возбуждать тт. Скачкову И. С. и Кукушкина В. И.,
- танцевать на столах в обуви и верхней одежде,
- оставлять незапертыми двери помещений совместного пользования.

9. Сразу же после окончания дружеской встречи все редакционные помещения приводятся в предшествующее встрече состояние, как то:

- пустая тара выносится из здания незаметным для вахтера образом,
- оставшаяся закуска распределяется по жребию,
- забытые предметы туалета законвертовываются и сдаются т. Пиляцкину Б. А. для последующего возвращения желающим,
- лица, утратившие способность к самостоятельному передвижению, разносятся по комнатам и в натуральных позах крепятся к своим рабочим местам.

Завершающий осмотр места дружеской встречи, ВВБД, туалетов, а также помещений совместного пользования производит комиссия в составе: тт. Касторская Ю. Ф., Новиков Н. Г. и Григорянц А. А. Комиссия несет персональную ответственность за своевременную ликвидацию всех следов и последствий дружеской встречи.

10. Редакционная коллегия и партийное бюро газеты «Известия» не располагают и не хотят располагать сведениями о проведении дружеских встреч, сопряженных с распитием алкогольных напитков, включая пиво. В случае поступления соответствующих сигналов редакционная коллегия и партийное бюро будут неукоснительно руководствоваться п. 1 Инструкции «О порядке проведения дружеских встреч, связанных с Новым годом, а также с другими праздниками, событиями и датами», утвержденной редакционной коллегией газеты «Известия» 6 августа 1980 года.

Вышеупомянутый пункт гласит: «Всякую организацию дружеских встреч, сопряженных с распитием алкогольных напитков, включая пиво, категорически запретить».

*6 августа 1980 года. Заведующий редакцией газеты
«Известия»*

Г. Коновалов.

Насколько я могу судить, газета «Известия» аккуратно вышла 8 августа.

В этот же день общественность чествовала юбиляра в ресторане «Мир» (здание СЭВа). Было 80 человек.

Тамада — Леон Аршакович Оников. О нем следует сказать особо. Армянин тбилисского разлива. Почти всю сознательную доперестроечную жизнь провел в аппарате ЦК КПСС. Тем не менее верующий и глубоко порядочный человек. Его основной «специальностью» была дружба, а главным капиталом — друзья.

Как-то в Мадриде с коллегой Камыниным мы зашли в баскский ресторан. Только в баскских ресторанах вам предложат бычий стейк весом в 1 килограмм. Сидим трудимся, говорим, само собой, по-русски. Подходит испанец. И тоже по-русски:

— Вы из Москвы?

— Да, оттуда.

— А вы Оникова знаете?

Занавес. Оникова знали все.

Когда Леве стукнуло 50, я воспел его в «Львиных стансах»:

Средь баб, бутылок и бумаг
Любой бы лев давно зачах,
Любой бы лев давно бы спился
Иль подчистую разорился.

Но Лев, который среди нас,
Не просто лев, а высший класс.
Он не зачах, не разорился,
И он тем более не спился.

У Льва, который среди нас,
Еще остер и точен глаз.
Не родилась еще та львица,
Что от него могла бы смыться.

Со Львом, который среди нас,
Еще мы выпьем, и не раз.
И как бы ни был Лев на взводе,
К утру он будет на работе.

Для Льва, который среди нас,
Услуги не нужны сберкасс.
Богат, как Крез. Но не рублями.
Богат людьми, богат друзьями.

Ждет Льва, который среди нас,
Не трубный глас, а звездный час.
Звезда — знак львиности — готова.
Храни ее до гроба, Лева.

О, Лев, увенчанный звездой,
На чем стоял, на том и стой!
Живи на совесть, не на страх
Средь баб, бутылок и бумаг.

Лева уже ушел от нас.

«Как все-таки несправедливо устроена эта самая наша „небесконечная“ жизнь. Сколько бесполезных, никому не нужных людей живет на свете, недоумков, хамов, убийц, воров, дармоедов, рвачей, а хорошего человека вот нашла смерть, измучила болезнью, иссушила в нем соки, истерзала страданием и убила. Неужто это побожески? — святой должен страдать за грешных, и грешные, видя муки святого, должны терзаться и обретать его облик? Но что-то много страдают мученики и мало действуют их страдания на человеческий мусор. Он чем был, тем и остался...» Эти горестные слова принадлежат Виктору Петровичу Астафьеву. Правильные слова...

Но тогда, 8 августа 1980 года, царило другое настроение. Лева, как и всегда, был на высоте. Что-то вроде Карояна, но при гораздо более недисциплинированном оркестре. Только в одном я не согласился с ним. Лева настаивал, чтобы в «президиуме», то есть рядом со мной, сидели наиболее знатные гости. Я же посадил в «президиум» маму, жену и двух братьев.

Торжественный момент: Цуканов огласил Указ о награждении меня орденом Ленина. Вообще-то такой орден был мне не по чину. Но тут, видимо, сказалась Конституция. И какие-то соображения Брежнева. Во всяком случае, мне было приятно. А маме — тем более.

Получил еще премию имени В. В. Воровского.

Гуляли на полную катушку. Вплоть до танцев. Но без вокала.

Попросил произносителей тостов отойти от традиции и вскрывать мои недостатки. Приняли за шутку, и весь вечер я слушал, какой я хороший. В этом отношении юбилеи напоминают похороны. Минус хохмы.

Всеволод Владимирович Овчинников из «Правды» одарил стихами:

Итак — тебе полста.
Живого веса — за сто.
Но перевесит их
Весомость строк твоих.
Пускай завидуют!
Ты ешь, и пей, и здравствуй.
Как легковесен я!
Как невесом мой стих!

Гаргантюа, Бальзак,
Пузатый бонисатва,
Ты — кит среди плотвы,
Арбуз среди травы.
Ты с десяти пудов
Сам-сто снимаешь жатву.
Как легковесен я!
Как легковесны мы!

Двойного «табака»

Запей тройным шампанским.
И с кем-нибудь в другом
Углу перемигнись.
А после — снова врежь
Кругам американским.
Ведь весу-то в них — пшик,
Хотя и зарвались.

Философ. Публицист.
Гурман. Звезда экрана.
Пусть годы за спиной
Все ускоряют бег.
О финише в полете
Задумываться рано.
Прими же новый старт —
Старт в двадцать первый век!

Запомнилось, что мама все охала в конце: много первоклассной закуски осталось. И порывалась изъять неостребованный продукт. Еле отговорил ее. Мы еще тогда не привыкли — «для собачки». А официанты тоже хотят кушать...

На следующий день, уже дома, принимал компанию из «Коммуниста».

И еще на следующий день, там же, всех родственников.

Завершающий аккорд прозвучал 11 августа. Официальное чествование в кабинете главного редактора.

Подарок, который я сам себе хотел сделать к юбилею, опоздал. Имею в виду сборник статей «Мир семидесятых. Политические очерки». Меня пугали, что газетная продукция моментально устаревает. Но я все же рискнул. Рукопись сдал в марте. Она была подписана к печати в мае. А потом дело застопорилось. Книга вышла только в декабре.

Завершить юбилейную тему хочу статьей Кондрашова, которая была помещена в «Известинце» 4 октября и называлась «Феномен Бовина». Привожу текст:

«Александр Евгеньевич Бовин — обширная тема. Не берусь исчерпать ее всю, но в связи с его юбилеем хотел бы сказать о нем

несколько слов — как о журналисте и человеке, как о соседе, с которым спина к спине сидим через стенку в служебных кабинетах и к которому питаю дружеские чувства.

Из своих прожитых пятидесяти лет Бовин лишь восемь профессионально, как основным делом, занимается международной журналистикой. Коллеги подтвердят, что это срок слегка затянувшейся заграникомандировки. Но Бовин уверенно занял место в президиуме или, возьму образ побоевее, в первом ряду нашей рати международных. Занял не автоматически, не в силу обозревательского ранга, а по праву успехов и заслуг. Его уважают товарищи по перу, что нелегко дается и многого стоит. В известинском коллективе он, по моему, любимец. А у главного массового потребителя нашей продукции популярность Бовина чрезвычайно велика — благодаря газете и телевизору, программе „Международная панорама“.

Он суперзвезда, на уровне и выше самых знаменитых из Гостелерадио. На улице, когда он движется вразвалку, разрезая корпусом людской поток, даже зимой с непокрытой головой и в подбитом ветром распахнутом плащишке, его узнают, оборачиваются, смотрят вслед, шепчутся. В Домжуре, когда — для всех Саша — он сидит за столиком, к нему подходят за автографами, и это не нарушает его аппетит; сказав шутливо-резковатое словцо, он тщательно выводит свою вертикальную подпись. В коридоре шестого этажа я порой боюсь запутаться в протянувшихся по паркету резиновых кабелях и через вечно открытую дверь его кабинета вижу разных иностранных джентльменов, которых он, оставаясь верным себе, принимает в рубашке без галстука. Джентльмены несут его телевизионную известность за наши пределы. Из-за пределов он получает отклики, а также письма с рецептами похудеть или, напротив, возглавить международное братство людей, которые смело бы бросили вызов всюду проникшему лозунгу контроля над весом...

Иногда, признаюсь, становится боязно, глядя, как он проходит это испытание медными трубами. Ведь она, телевизионная популярность, — самая соблазнительная и самая дурная. Шальная. Достается слишком быстро и дешево, бывает, что и задарма, и нередко являет собой торжество формы, то есть внешности и умения держаться, над содержанием. Сам, поддавшись искушению телевизором и начав бегать трех с половиной минутки в программе „Время“, вижу, что меня

вдруг открывают всего лишь как телевизионного спринтера, как будто и не бегал я долгие годы на средние дистанции газетных и журнальных статей и очерков и даже на длинные дистанции — книг. Чудеса телевизионного века. И жестокие его реальности — из армии читателей дезертируют в армию телезрителей...

Александр Евгеньевич Бовин — не скромник и не аскет. Он любит жизнь и ее удовольствия, можно сказать демонстративно (хотя где-то в глубине его природы мерцает иногда элегия и грусть). Смирение не исповедует. Популярность, кажется, смакует. И кто усомнится, что наш юбиляр в высшей степени телегеничен и колоритен?! Но он строго следит за приматом содержания и с телеэкрана, как и в газетных своих статьях, прежде всего проецирует не внешность, а личность, чувство ответственности, упорное стремление донести всестороннюю сложную правду о международных событиях и явлениях. Тут-то и зарыт феномен Бовина, объяснение его быстрого и заслуженного выдвижения в самый первый ряд наших международников. В нем есть нечто, объединяющее форму с содержанием, и это нечто называется талантом, поставленным на службу общего дела.

В отличие от многих он пришел в „Известия“ не мальчиком, но мужем — зрелым, сложившимся, с большим стажем партийной работы на ответственных участках, человеком развитого ума, знаний, авторитета. Став на стезю профессионального журнализма, он должен был кое в чем переучиваться, но пришел, конечно, не учиться, а работать в полную силу. Как он рассказывает, не обошлось на первых порах без некоторых великодушно-снисходительных попыток научить его писать, как все пишут. Но тот, кто эти попытки предпринимал, видимо, не знал, с кем имеет дело. Бовин сразу стал писать как Бовин. Читатели сразу же уследили, что в коллективе известинцев появилась крупная самобытная творческая единица. Крупная, потому что ему есть что сказать, не дожидаясь подсказки. Потому что берет крупные, по-настоящему важные и острые, еще необкатанные темы и умеет пробивать их. Потому что разрабатывает эти темы убедительно, защищает наши позиции, не упрощая позиции противника, давая ему слово и в честном бою пытаясь разбить и опрокинуть его аргументы.

Бовин — сильный систематизатор, и трудно сопротивляться его логике даже тем, кто, как автор этих строк, считает, что причудливая,

как река, международная жизнь отнюдь не всегда подвергается систематизации.

Его слово подчинено его логике и хорошо ей служит. Оно скупое, точно, отчетливо. Он никогда не участвует в тех произвольных и непроизвольных, так называемых публицистических упражнениях, в ходе которых ставятся новые рекорды невесомости слова.

Крупность его сначала удивляла. Теперь к ней привыкли. Став привычной, она обязывает его исправно тянуть тот же нелегкий воз. Его вклад в нашу международную журналистику я бы определил так: он раздвинул рамки принятого, пределы возможного...

За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Эта поэтическая декларация Твардовского может поначалу вызвать чувство протеста. Как это так: „О том, что знаю лучше всех на свете...“ Но тут ни грани зазнайства, а лишь убежденность художника в необходимости того, что он делает, та выстраданность, которая одна и может оправдать появление на людях со своим словом. „И так, как я хочу...“ И это не каприз, а забота о том, чтобы слово было своим, личным, предельно продуманным и прочувствованным. Мы не поэты, а журналисты, тесно связанные с политикой. Но думаю, что и Бовин мог бы согласиться с декларацией, утверждающей служение обществу посредством максимальной самореализации творческой личности...

В Бовине нет ничего уныло-казенного, мелко-деляческого. Он очень определенный. Его прямота порой переходит в резкость, задевает, но зато многие знают, какой он верный, бескорыстный, отзывчивый товарищ и друг.

Живи, Саша, весело и счастливо и сохраняй свою свежесть».

Пытаюсь следовать наставлениям Стасика. Не всегда получается, правда. Для веселья, как известно, планета наша плохо оборудована. Да и в отличие от осетрины первая свежесть не всегда гарантируется. Только на счастье нет лимитов. Бери, как суверенитет, сколько унесешь.

Юбилейный год был неурожайным с точки зрения «Известий» — опубликовал всего 13 материалов. Следующий год был еще хуже — 6, и в 1982 году — 11 материалов. Причины столь низкой производительности труда разные.

Главная — постоянное отвлечение на «отхожие промыслы».

Полуглавная — постепенное нарастание телевизионной (и радио) нагрузки.

И не главная — частые выступления с лекциями и по линии ЦК, и по всяким другим линиям. Согласно моим записям, в 1979 году прочитал 50 лекций, в 1980 — 40, в 1981 — 19, в 1982 — 32. Рекордным был год 1987-й — 73 лекции. География: от Владивостока до Ужгорода и от Ташкента до Тикси. Сначала были классические лекции, то есть я говорил, допустим, час, а потом отвечал на вопросы. Но опыт показал, что вопросная часть проходит интереснее, живее, эффективнее. И я стал просто отвечать на вопросы. Любые. Под лозунгом: нет плохих вопросов, есть плохие ответы.

А после XXVI съезда КПСС стали как бы прикреплять к конкретным организациям. Для разъяснения политики партии. У меня был Курский вокзал. Точнее, «Курская дуга» на этом вокзале. Так назывались всякие «точки» услуг и сервиса, расположенные по дуге на втором этаже. Собирались мы в сапожной мастерской. Подтягивались часовых дел мастера, скорняки, не помню, еще кто-то. Иногда вокзальное начальство приходило. Разговаривали за разнообразную жизнь.

Все это хождение в народ было чрезвычайно полезным для меня. Видел, как живут люди, что их заботит, беспокоит. И чем больше было вопросов, на которые я не мог ответить, тем чаще приходилось задумываться самому. А беда в том, что чем чаще думаешь, тем труднее писать. Тем более в «Известиях», тем более когда от тебя ждут правду.

Или — как минимум! — не ждут лжи.

Говорить правду всегда было сложно, а часто — и невозможно. Не лгать — было легче. А между — тысяча всяких и всяческих нюансов.

1 сентября 1983 года. Утром позвонил Андропов и сказал, что уезжает в отпуск, и — в продолжение нашего разговора — просил к возвращению приготовить записку по национальному вопросу.

Вечером, еще до программы «Время», домой позвонил немецкий журналист Уве Энгельгарт. Был очень взволнован. Сказал, что советские летчики сбили где-то возле Сахалина корейский пассажирский самолет. Почти кричал: «Идет пропагандистское цунами!» Просил связаться с руководством и сказать, что нужна максимальная серьезность и честность.

Я так и не понял, что же мне надлежит делать. Подошло «Время». ТАСС заявил, что какой-то самолет нарушил границу, на предупреждения не обращал внимания и «продолжал полет в сторону Японского моря».

Утром по зарубежной информации становится ясно: самолет нарушил границу, самолет был пассажирский, мы его сбили. Звонил Горбачеву, Крючкову, Александрову. Никого не застал.

3-го публикуется очередное заявление ТАСС. И опять «в сторону...». Моя позиция: пока не извинимся, писать ничего не буду.

4-го появляется редакционная в «Правде». Ругает американцев. Газета продолжает гнуть в сторону «исчезновения неопознанного самолета».

5-го, в воскресенье, вел «Международную панораму». О самолете не говорил. Лапин заочно гневался. Позвонил ему. Отбивался тем, что новой информации не было, а старую все знают. Ответ Лапина: «Я вам не навязываю свою точку зрения, а излагаю ее».

Подготовили с Шишлиным формулу извинения. С подачи Черненко она вошла в заявление правительства. Опубликовал: «Трагедия в небе и преступление на земле». В рабочей тетради три урока.

1. Сразу сообщать факты, а не ждать, когда надавят.
2. Разрабатывать систему аргументов, а не ругаться.
3. Советоваться со специалистами.

Ну прямо по Маяковскому: скрипка и немножко нервно. Нервировала и неопределенность вокруг главного редактора. После Алексеева вернулся встреченный овацией Толкунов. Но все время ходили слухи о его выдвижении. Слухи стали реальностью в апреле 1984 года. Толкунова забирали в Верховный Совет. И сразу суэта и сумятица вокруг открывшейся вакансии. Назывались самые невероятные кандидатуры вплоть до откровенных сталинистов Севрука и Косолапова. Назывались Черняев, Игнатенко, Капто (из Киева),

Яковлев А. Н. И наш Ефимов. Я агитировал за Ненашева. Даже с Горбачевым говорил на эту тему (он поддержал). Но партийная верхушка боялась Ненашева — «неуправляем». В конце концов из «Правды» перевели Ивана Дмитриевича Лаптева — заместителя главного редактора. Известинцы переживали: почему «варяга»? Но Лаптев оказался вполне на месте.

В те времена журналисты обычно не брали интервью у журналистов. Но я был вроде бы не совсем журналистом, не только журналистом. И мне коллеги задавали вопросы. Два примера.

Журнал «Журналист» интересуется тем, какое профессиональное качество особенно необходимо журналисту в современных условиях. Отвечаю:

— По-моему, любому журналисту в любых условиях «особенно необходимо» знать свое дело. То есть, во-первых, знать то, о чем он пишет, и, во-вторых, уметь писать. А дальше начинается журналистика. Занятия ею предполагают наличие совести, мыслей и мужества.

Совести — чтобы было стыдно работать плохо.

Мыслей — чтобы было что сказать людям.

Мужества — чтобы иметь совесть и мысли. Оставаться самим собой.

И вопрос газеты «Черноморская здравница»: «Любопытно хотя бы одним глазком заглянуть в вашу творческую лабораторию. Судя по вашим выступлениям в газете и в „9-й студии“, вы с завидной легкостью ориентируетесь в водовороте международных событий. Но ведь и непосвященному понятно, что за такой легкостью стоит большой труд...»

Отвечаю:

— Когда у меня спрашивают, какова моя узкая специальность, мне ничего не остается ответить, кроме того, что я специалист по общим проблемам внешней политики. То есть я дилетант, но стараюсь быть дилетантом высокой квалификации. Так, во всяком случае, сам я воспринимаю свою роль. Мне интересно знать обо всем. И самое интересное — это ассоциации, связь явлений. Чем шире круг явлений, тем лучше видишь комплекс мировых дел в целом. Разумеется, для этого приходится много работать. Аналогии тут, конечно, условны, но если, скажем, вы хотите остаться хорошим пианистом, то должны ежедневно играть гаммы. Равно как хорошая балерина должна каждый

день работать у станка часа по три-четыре. Мой рабочий день тоже начинается с того, что я прочитываю папку бумаг объемом в 300–400 страниц: сообщения телеграфных агентств и переводы важнейших статей мировой прессы за вчерашний день. Это минимальная порция, которую мне нужно осваивать ежедневно, чтобы в любой момент быть, как говорится, в хорошей форме. Что-то из этой папки я читаю более внимательно, что-то бегло проглядываю — два-три часа это занимает. Помимо того, регулярно читаю научные, общественно-политические журналы, монографии, словом, стараюсь быть в курсе.

Честно говоря, я считаю себя не очень-то профессиональным журналистом. В том смысле, что профессиональный журналист обычно отталкивается от поездок, от встреч с людьми. Меня же все это довольно мало интересует. Да я и не умею это делать. Хотя тоже, разумеется, езжу за границу, тоже встречаюсь с людьми, но все это имеет для меня второстепенный характер. Главное же мое дело — политический анализ, работа с бумагой, с документом, с текстом. А поездки, личные встречи — это, так сказать, эмоциональный фон, помогающий основной работе.

«Берег турецкий...»

Тема «езжу за границу» — первейшая для международногоника. Мне посчастливилось побывать в 47 странах. Раньше пели: «Не нужен мне берег турецкий...» Журналистам, да и не только журналистам, это не подходит. Не отдых имею в виду. Работу. Все «берега» интересны. Люди, нравы, природа, проблемы — все годится для репортажа, очерка, статьи. Для «акул пера» или телевизионной камеры.

У меня, как у непрофессионала, был один очевидный минус. Большой минус. Я не говорил свободно ни на каком языке. Учил немецкий, французский, лет сорок — английский. Читал для интереса учебники разных языков. Мог сказать несколько фраз даже на китайском или японском. Но все это — игра. Серьезно же работал с переводчиками. За границей находились 40 известинских корреспондентов. Посольства помогали. Так что немота не угрожала.

Самомнение подводило иногда. В Белграде затеялся спор полиглотов: кто полиглотистее. Мне было обидно сидеть молча. И я сказал: по газете определю любой европейский язык, хоть исландский, хоть шведский, хоть какой. Нет, заявили югославы, — не определишь. Настроение было боевое. Спорим! Пospорили на несколько бутылок коньяка. Югославы приносят газету. Смотрю как баран на новые ворота. Ничего похожего на что-то известное. И так крутил, и эдак. Не помогало. Оказалось, что это — баскская газета. На баскском языке я и погорел. Выставил коньяк на радость полиглотам...

Каждая командировка была связана с какой-то темой. Но я, как правило, не буду вдаваться в эти темы. Уже неинтересно. Даже мне. Попробую описать только неординарные, забавные, чем-то примечательные сюжеты. У поляков есть слово, которое мне очень нравится, — «чикавостка». Можно перевести как «интересинка». Так вот — некоторые командировки с чикавостками...

Куба. В одну из поездок мне нужно было передать Фиделю Кастро устное послание Брежнева. А у лидера кубинской революции тогда еще не было постоянного кабинета. Надо было искать. Посольство нашло и сообщает: через два дня лидер будет в горном массиве Сьерра-Маэстра. Там на вершине какой-то горы (кажется, пик Куба) Кастро вручит дипломы первому выпуску мединститута.

Лечу из Гаваны на другой край острова — в Сантьяго-де-Куба. Оттуда добираюсь на машине до подножия указанного пика. Там ждет военный вертолет. Поднимаемся. Но высоко, не тянет. Спускаемся. Летчики снимают два пулемета и кладут их на травку. Снова поднимаемся. Опять не тянет. Спускаемся и снимаем дверь. Еще что-то ребята выносят из вертолета. И укоризненно смотрят на мою фигуру. На этот раз добрались до пика.

Палаточный городок. Мне выделяют персональную палатку. Кастро обещает принять вечером. Прилетел и наш посол — Александр Иванович Алексеев. Хожу осматриваюсь. Садится здоровенный вертолет. Из него выпархивает стайка очаровательных созданий. Оказывается, Кастро дал команду доставить сюда парикмахерш. В мединституте в основном девушки, пока будут подниматься на вершину — разлохматятся. Надо их причесать!

На следующий день — улетать. Мы с Алексеевым собираемся садиться в вертолет. Вдруг подходит жена Че Гевары (он уже был в Боливии) Алейда и приглашает Алексеева спускаться с горы пешком, вместе со студентами. Галантный амбассадор не мог отказать даме. А нам нужно через день идти к президенту Кубы. Договариваемся встретиться у президентского дворца в 12.00. Я улетаю, он уходит.

В назначенное время встречаемся у дворца. К нему ведет парадная лестница. Но Алексеев после спуска с пика Куба ноги поднять не может. Еле-еле добрались до президента.

Я уже упоминал о том, что однажды пришлось брать интервью у Кастро. После интервью состоялся довольно долгий разговор. Узнав, что я лечу в Перу, Кастро предложил мне зайти к кубинскому послу, «который все знает лучше советского посла и все расскажет». Посла кубинского я знал. Это был известный ученый Нуньес Хименес, кажется, президент Академии наук. Потом «перевели» в дипломаты. Я усомнился: с какой стати кубинский посол будет информировать меня о ситуации в Перу. Кастро взял лист бумаги и тут же написал рекомендательное письмо:

«Нуньес, наш друг Бовин, политический обозреватель „Известий“, очень скоро посетит Перу. Я тебя прошу предоставить ему любую помощь и информацию, которая может понадобиться. Я ему предоставил общую информацию о внешней ситуации. Можешь ему полностью доверять.

Искренне твой, Фидель Кастро. Февраль, 24, 75».

Это письмо мне очень пригодилось. Два раза я встречался с Хименесом. Он действительно знал все.

Из Гаваны самолеты в Лиму не летали. Надо было сначала лететь в Мехико. А мексиканцы тянули с визой. Деньги кончились. Выручил Фидель. По его указанию мне дали «тархету», такую карточку, по которой я мог бесплатно жить в лучшей гостинице и бесплатно же ходить (с друзьями!) в рестораны этой гостиницы. Что я и делал две недели. Спасибо авторитарному режиму!

Япония. Недалеко от Токио японцы устроили нечто вроде кактусового парка — свезли кактусы со всего мира. Чтобы посетителям было веселее, там есть вольеры с экзотической живностью. В частности, посреди небольшого озера на острове живет семья горилл: мама, папа и два гориллчонка. Иду я спокойно по берегу озера, смотрю на семейство отдаленных предков. Очень похожи! Но вдруг они засуетились, одна из горилл схватила довольно крупный камень и запустила в меня. Промазала. Я продолжал спокойно идти. Она схватила вторую булыгу. И опять промазала. Но я больше не стал выпендриваться и ударился в бегство.

Все мои поездки в Японию были связаны с Курильскими островами. Вели дискуссии. Многие японцы, по-моему, просто зашкалились на этом пункте. Сидишь с интеллигентнейшим человеком, ешь сырую рыбку, толкуешь о Достоевском или Куросаве, но на каком-то градусе он обязательно схватит тебя за грудки и потребует возврата Южных Курил.

Мне однажды пришлось участвовать в теледебатах на эту неувыдаемую тему с профессором Токийского университета. Он водил указкой по карте Советского Союза и говорил:

— Бовин-сан, посмотрите на карту, такая огромная страна, ну что вам стоит отдать нам эти малюсенькие острова!

Мой ответ звучал так:

— Вот потому-то моя страна такая огромная, что мы никогда, никому и ничего не отдаем!

Я понимал, конечно, что мой аргумент не годится в академическом, научном споре. Но как выпад журналистской рапирой он вполне годился. Даже японская пресса это оценила.

Вспоминая о днях, проведенных в Стране восходящего солнца, не могу не сказать доброго слова о председателе Научно-исследовательского совета по проблемам национальной безопасности Японии господине Итиро Суэцугу. Он неизменно был организатором, мотором, душой наших встреч и дискуссий. И он был мужественным человеком. Заболев раком, он стал писать книгу о том, что чувствует человек, приближаясь к смерти. Тогда смерть отступила перед твердостью его характера...

Выступая на очередном симпозиуме, я предложил: если и когда «северные территории» будут подарены Японии, назвать их «острова Суэцугу».

Западный Берлин. Жил в маленькой гостинице. Поскольку чтение немецких текстов требовало усилий, то многочисленные объявления около рецепции не читал. Позвонил Загладин. Он прибыл в «наш» Берлин. Предложил состыковаться. Еду вечером в тот самый «Хаус ам дер Шпрее». Глубокой ночью возвращаюсь обратно. Рецепция, где находится мой ключ, закрыта и пуста. Вынужден читать объявления. Выясняю: если гость собирается вернуться после 12, ключ сдавать не надо. Дежурный появится в рецепции в 7.00 утра. Сейчас — около трех.

Лифт включен. Поднимаюсь на свой этаж. Вот дверь. Вот я. А толку нет. Замечаю стенной шкаф. Открываю — груды перин сложена. Беру две штуки, кладу возле своей двери, снимаю туфли и отхожу ко сну.

Утром взял ключ, поспал еще пару часов и отправился в клуб иностранных журналистов, аккредитованных в Западном Берлине. Они просили меня устроить нечто вроде пресс-конференции. Накануне одна берлинская газета дала крупными буквами: «О чем спрашивать Бовина? Он скажет только то, что говорит его правительство».

— Все читали? Читали, кричат.

— Так вот. Неверно это. Мое правительство никогда не ошибается. А я ошибаюсь, и довольно часто.

Смех в зале. Но лед был сломан. А если говорить по существу, то даже позицию правительства, — если сам с ней согласен, — можно изложить интереснее, убедительнее, чем это делают чиновники.

Восточный Берлин. Мое любимое немецкое блюдо — айсбайн. Это здоровый шматок вареной свиной ноги с квашеной капустой и

гороховым пюре. И шнапс в любых вариантах. В «братские» времена в «нашем» Берлине было не так много заведений, где айсбайн готовили мастера. Одно из них — «Эрмелер хаус». Ресторан с сохранившейся старой кухней. И атмосферой.

Съел я как-то один айсбайн. Задумался и попросил принести следующий. Это было необычно.

— Was? Was? Was? — зачастил официант.

— Не «вас, вас», — сказал я. И пустил в ход вдруг возникший немецкий язык: — Noch ein mal, bitte!

Началось движение. Из кухни выглядывали повара. Мимо меня туда-сюда дефилировали официанты. Сосед перестал читать газету. И вот показалась процессия. Впереди шел представительный седой мужчина, похожий на министра иностранных дел Парагвая или Гондураса. За ним два человека в белоснежных колпаках везли тележку, на которой располагалось что-то, накрытое металлическим колпаком. В торжественном молчании айсбайн был перемещен на мой стол.

Когда я управился со второй порцией, подошел давешний седовласый мужчина и сообщил мне по-русски, что в «Эрмелер хаус» второй айсбайн всегда будет за счет заведения. К сожалению, я смог воспользоваться этой любезностью только один раз.

США. По разным поводам приходилось бывать. Например, объясняли, что такое perestroika и glasnost. Команда объяснителей включала в себя А. Ципко, П. Бунича и еще кого-то, но не помню. Повезли нас на Западное побережье в Эсален-институт. Симпатичное место на берегу Тихого океана. Место пользовалось популярностью еще среди индейцев. Хороший микроклимат, минеральные источники и какая-то, уверяли нас, мистическая аура вокруг.

До мистики дело не дошло. Организаторы семинара информировали нас, что здесь принято проводить встречи и обсуждения в бассейнах с минеральной водой. Причем принято также, что все — и женщины, и мужчины — минерализуются без одежд. Еще несколько лет назад советские люди сочли бы это провокацией. Но нравы шли за временами. И мы разделись. Представьте себе картину: большая каменная чаша, по периметру — обнаженные участники и участницы семинара, в том числе и бывшие большевики, включая православного большевика Александра Ципко, а в центре — не менее

обнаженная переводчица. В воде, правда, рефракция и т. п., но все же отвлекает от темы.

Как это ни странно, но другие американские «чикавостки» в голову не приходят.

Монголия. Первый раз я туда попал, когда помогал Цеденбалу писать программу Монгольской народно-революционной партии. Естественно, я был глубоко законспирирован. Имел дело только с Цеденбалом. Еще был прикрепленный, который заботился о моем быте и отдыхе и почему-то рвался повезти меня «на передовое предприятие». Я возражал и просился посмотреть монастырь. В Улан-Баторе один сохранился. Но прикрепленный держал меня подальше от опиума и настаивал на индустриальных сюжетах. Пришлось обращаться к Цеденбалу. Помогло.

Не только в монастыре побывал, но и был допущен к главному ламе. На вид главлама — борец в тяжелом весе. Умнейший и знающий. Говорит на разных языках, которых я не знаю, включая китайский, японский, тибетский. Занимается древней философией. Перечисляя темы, которые его интересуют, упомянул о бесконечности. Тут я встрепенулся, вспомнил первую молодость, и мы поговорили о бесконечности.

Через много лет по приглашению Цеденбала я проводил отпуск в пустыне Гоби. Там есть кусочки Сахары, но в основном это каменистое плато. Можно ехать в любую сторону (если знаешь куда). Для легкого самолета везде аэродромы.

Монгольский «Интурист» поставил в пустыне несколько домиков и возил туда туристов. Если ты видишь, что пара монголов начинают разгонять верблюдов, мирно жующих свои колючки, значит, скоро прилетит самолет. Но я отправился на машине, чтобы лучше видеть. И не пожалел. Шофер — бывший пастух, сухой и жилистый. Вел ночью машину по звездам. На второй день автопробега от жуткой жары у него пошла кровь из носа. В машине была аптечка.

Жил в гостевой спецюрте. Из юрты делал набег на кладбище динозавров. Вдруг яйцо найду — не нашел. Недалеко были горы и горные бараны с изумительно красивыми рогами. Из Европы приезжали охотники. Ружья с оптическим прицелом. Но, как правило, напивались до охоты, и это спасало баранов.

Помню эпизод, который пролил бальзам на душу советского командировочного. Ввиду отсутствия денег мы всегда шли по самому низшему классу. В пустыне Гоби я наконец взял реванш. Кормили нас в небольшой столовой. У меня в углу был свой стол. И свое меню. Как-то привезли человек десять из ФРГ. Кожаные шорты, перышки на шляпах, дородные немки. Они шумели недалеко за большим столом, поедая причитавшиеся им макароны по-флотски. И стояла у них монгольская водка «40 жил» (40 лет, значит).

Зоркая была публика. Засекли у меня виски. И, видимо, унюхали запах бараньей ноги. Вижу, встает один герр и направляется ко мне. Думаю, права качать будет. Сквозь непонятные слова было ясно, что он интересуется разницей в обслуживании. «Класс?» — произношу всем понятное слово. «Erste!» — гордо отвечает он и смотрит на меня вопросительно. И тут я бью в «девятку»: «Люкс», — говорю. Люкс! Это они понимают.

Но самое сильное впечатление от пустыни Гоби не «люкс», конечно, а ночное небо над пустыней.

Есть два чуда, две тайны, сказал великий Кант, — нравственный закон внутри нас и звездное небо над нами. Звездное небо как чудо, как тайну я воспринял, почувствовал только там. Здесь, в городах, залитых электрическим светом, сквозь насыщенный миазмами цивилизации воздух мы не видим и сотую долю того, что видел Кант где-нибудь в прусской глубинке и что видит и сегодня житель пустыни Гоби. Мириады мохнатых, пушистых звезд. Четко выписанный Млечный Путь. Холодные серебряные узоры на теплом черном бархате. И ощущение грандиозности, немыслимости мироздания... Почему? Для кого? Зачем?

В пустыне я мотался с небольшим транзистором. Для музыкального сопровождения. А ежели язык, то сплошь китайский. Но однажды на сплошном китайском фоне я услышал несколько раз повторенные слова: «Николай Николаевич Иноземцев». Левитановская тональность рождала смутную тревогу. Утром связался с Улан-Батором...

Теперь я уже привык — уходят друзья, уходят люди, с которыми вместе прожиты большие куски жизни. Но тогда была первая потеря. Неожиданная. Страшно неожиданная.

Иноземцев принадлежал к старшему слою шестидесятников. Фронтвик. Ученый и организатор науки. Очень четкий, подтянутый, как правило, застегнутый почти на все пуговицы человек. Требовательный руководитель. Убежденный антисталинист, во внутренней политике — сторонник сочетания плана с рыночными механизмами, в политике внешней — сторонник разрядки, поиска компромиссов с американцами. Брежнев с большим уважением, даже с почтением относился к Николаю Николаевичу. И в шумных спорах выделял его голос, прислушивался к нему.

Кувейт. Я был там до войны. Тоже — чудо. Хотя нет тайны — есть нефть.

Стоят пустые, готовые к заселению дома. Почему пустые? Люди не хотят сюда въезжать, ждут, когда подойдет очередь на виллу.

Медицина и обучение бесплатны. Можно учить детей хоть в Гарварде, хоть в Сорбонне. Бесплатны большинство коммунальных услуг.

Сами кувейтцы только руководят. Работают всюду иммигранты. Иммигранты же служат в кувейтской армии. Причем их лейтенант получает, наверное, не меньше нашего маршала. Я пытался через Кувейт подобраться поближе к ирано-иракской войне.

Но был выловлен в пустыне патрулем, состоящим из пакистанцев во главе с египтянином.

В выходные дни в пустыне, окружающей столицу, возникают палатки. Это бывшие бедуины из своих благоустроенных, оборудованных кондиционерами квартир выезжают «на природу». Раньше рядом с жильем паслись верблюды, теперь же стоят «мерседесы».

В Кувейте нет классовой борьбы — написал я в марте 1988 года. Редакция просила убрать эту фразу. Как-то боязно было еще без «чистоты марксизма-ленинизма».

Поскольку знакомых в Кувейте почти не было, а сухой закон почти был, то вечерами сидел в гостинице и писал свою главу в первое неподцензурное издание — книгу «Иного не дано». Правда, впоследствии выяснилось, что иное дано. Но ведь были не только архитекторы перестройки. Были и романтики перестройки...

Кипр. Несколько воспоминаний.

Был принят архиепископом Макариосом. Он мне долго и в деталях рассказывал о путче, о том, как ему удалось бежать.

— Господин президент, вам не кажется, что греки-киприоты допускали ошибки по отношению к туркам-киприотам?

— Только Бог никогда не ошибается...

Другая сценка. Зашел в лавку сувениров. За прилавком — симпатичная девица. Что-то спрашиваю у нее на всех ломаных. Она интересуется, откуда я.

— Из Советского Союза.

— А где это?

Первый раз встретил человека, который не знал о существовании Советского Союза. Даже настроение испортилось.

Однажды в делегации, которую я возглавлял, оказался митрополит Одесский и Херсонский Сергей. Человек большого ума и с типично одесским юмором.

Поздний вечер. Ужин, устроенный гостеприимными киприотами, явно затянулся. Владыка Сергей обращается ко мне и говорит:

— У Циперовича тоже были гости, а свет давно погас. Все ясно. Даю команду сворачивать застолье.

Много раз Сергей звал меня в Одессу. Так я и не собрался. А теперь и Сергия нет, и Одесса стала заграницей...

Исландия. Чудная страна. Армии нет вообще. В столичной тюрьме всего семь мест. Всех исландцев называют по именам; то, что мы считаем фамилией, — это отчество. Овощей, фруктов и цветов больше, чем в Москве (октябрь 1986 года). Встреча Рейгана и Горбачева привлекла в Рейкьявик тысячи сопровождающих лиц, журналистов, просто болельщиков с деньгами. В связи с этим телевидение, радио и газеты обратились к жителям столицы с просьбой несколько дней не ходить вечером в рестораны. Гости захотят отдохнуть, а ресторанов мало.

Подействовало. Я был в трех разных ресторанах. Но ни в одном не видел ни одного исландца.

Югославия. Мне нужно было лететь из Белграда в Приштину. Дело было в ноябре 1976 года, и там все было спокойно. Прилетаю, а багажа нет. Делать нечего, поехал в город. Утром встал, надо бриться. Бритва в чемодане. Вышел из гостиницы. Совсем рядом парикмахер-албанец. Усадил, вернее, уложил меня в кресло, намылил не кисточкой, а руками

и взялся за бритву. Бритва не чувствовалась. Сейчас это называется — кайф.

Позже выяснилось, что я забыл опознать свой чемодан перед загрузкой вещей в самолет. Но еще пару раз я успел получить удовольствие у албанца.

И еще в Приштине целая кустарная индустрия по чистке обуви. Чистильщики, опять же албанцы, сидят вдоль всей главной улицы. Хватают за штаны, и все тут!

Зимбабве. Очередная встреча лидеров неприсоединившихся стран. Все лидеры живут или в гостиничных люксах, или в особняках. Только Каддафи выбрал большую лужайку и поставил, как и полагается бедуину, шатер. В отличие от своих коллег полковник не говорил по бумажке. Он страстно разоблачал приспешников империализма и пальцем указывал на тех из них, которые сидели в зале. Вместе с Каддафи на сцену вышли несколько представительных девушек в военной форме. Каддафи говорил, а они пританцовывали и особо острые места поддерживали выкриками антиимпериалистических лозунгов.

Дания. С одной из крупных датских газет «Политикен» договорились о следующем. Я приезжаю в Копенгаген и на одну неделю поступаю в распоряжение редакции газеты. Она организует мне встречи с ведущими датскими политиками, а я в каждый номер пишу статью или отвечаю на письма читателей газеты. Так я попал на галеры. Сумасшедшие дни. Работал как машина, которую заправляют не бензином, а кофе. Например, письма. Их была уйма. Переводчик брал письмо и с ходу читал мне перевод. Я тут же диктовал ответ по-русски, другой переводчик переводил на датский. За два-три часа составлялась полоса. По-моему, я даже похудел. Но зато прилично заработал.

Не обошлось без скандала. Меня упросили дать интервью по телевидению одной весьма энергичной даме. Я согласился с одним условием: мы беседуем о внешней политике СССР и не затрагиваем внутренние вопросы. Она не возражала. Но в ходе интервью она стала нарушать нашу договоренность. Я пару раз предупредил ее, а потом прервал интервью. Просил материал в таком усеченном виде не показывать. Но дама оказалась весьма настырной и материал дала. С ехидным комментарием. Потом на этот сюжет было несколько карикатур. Бовин убегает, а его преследует дама с микрофоном.

Франция. Как и положено провинциалу, отправились в «Лидо». Я и переводчица. Поскольку я был гостем министра иностранных дел, билеты заказывались через МИД. Деталь важная для дальнейшего рассказа. У нас — отдельный столик. Пьем шампанское, ждем поднятия занавеса. Вдруг вижу, мимо нас медленно шествуют крепко скроенные молодые люди и внимательно на меня смотрят. Внутренне сосредоточился. Наркотиков со мной нет. Калашников остался в номере. Вроде все в порядке. А молодые люди идут обратно и опять буравят меня глазами. Перебираю в уме варианты...

Обстановка прояснилась через несколько минут, когда в зале появился министр иностранных дел Румынии Стефан Андрей. Мы давно были знакомы и помахали друг другу ручками. Кто-то что-то перепутал, и меня посадили на его место. Это взволновало службу безопасности. Остальное — понятно.

Поверив слухам, что я гурман, меня повезли в Лион, где, как считают французы, самая изысканная кухня. Возможно. Во всяком случае, пробуя суфле, я не мог понять, что это — рыба, мясо или курица. После торжественного ужина, когда нас с переводчицей оставили одних, я попросил поехать в район рынка. Опыт советского командировочного: в районе рынка всегда есть забегаловки, где кормят добротной крестьянской пищей. И недорого. Так и было. Дорвался до одного из моих любимых блюд — жареного рубца в соусе! Пусть гурманы едят устриц и трюфеля...

Никарагуа. Когда вокруг пальмы, странно, что рядом — война. Березы, ели — пожалуйста, а вот в пальмах для северного человека есть, по-моему, что-то пацифистское. Поехали на войну. Теперь уже не пальмы были вокруг, а заросли кофейных деревьев. Иногда на машину падали аккуратно срезанные веточки. «Поверху стреляют», — объяснял сопровождающий офицер.

Говорил с «контрас». Нормальные крестьяне. Но в колхоз не хотят.

Говорил с начальством. Нормальные националисты. Мы им нужны, пока не договорятся с американцами.

Посетил наших военных. Они жутко законспирированы. Жалуются, что никто их не слушает. Тут кубинцы верховодят.

Великобритания. Несколько раз участвовал в заседаниях «круглого стола». Нашу сторону представлял Институт мировой экономики и международных отношений, английскую — Королевский институт

международных отношений. С «лордами» (так мы величали наших визави) было интересно дискутировать. Они знали дело и, как правило, не занимались пропагандистской дешевкой.

Напротив Чатем-Хаус, где мы заседали, был милый такой сквер со скамейками и зеленью. Но private, частный, калитка на замке. Так хозяйева, в знак уважения, выдали нам по ключу: отдыхайте, пожалуйста, когда захочется. Пустячок, но приятно...

Однажды один из лордов зачитал письмо, полученное им в феврале 1977 года от сестры из Аддис-Абебы. Сестра с ужасом писала, что видела на улицах несколько трупов. Лорд осуждал революции и взывал к гуманности. Но мы еще были «революционерами». Отвечая лорду, я заметил, что если бы его сестра жила в Лондоне, предположим, в 1643 или 1649 годах, то она видела бы на улицах гораздо больше трупов. Но стоит ли упрекать Кромвеля в антигуманности? Я и теперь думаю, что не стоит. Но не стоит и сравнивать Менгисту Хайле Мариаму с Оливером Кромвелем.

В Лондоне я слушал (и смотрел!) знаменитых «Кошек». И регулярно пил пиво в том самом пабе, где Эллиот сочинял своих Cats.

Афганистан. Последний раз был там перед развязкой. Шефствовал надо мною КГБ (охрана, сопровождение, транспорт). Транспорт — самолет. Экипаж — из полярного пограничного отряда (Воркута). В Афганистане были уже не в первой командировке, страну знали. Самолет для пассажиров не был оборудован. Летчики стащили где-то могучее канцелярское кресло и прикрутили его в салоне. В нем я и летал.

Душманы уже всю использовали стингеры. Поэтому, чтобы выйти из зоны поражения, надо было после взлета свечой набирать высоту. А поскольку стингер идет на тепло, то во время набора высоты летчики отстреливали тепловые ловушки, температура горения которых была выше, чем тепло от мотора. Идея: обмануть стингер. Хуже (по ощущениям) было при посадке. Машина практически пикировала и только перед самой землей выходила из пике. А в комплексе все это воспитывало нервную систему.

Еще о нервах. Ночевал как-то в небольшом двухэтажном домике, где жили наши советники. На плоской крыше располагались два крупнокалиберных пулемета. Глубокой ночью где-то рядом обозначились душманы, и пулеметы стали стрелять. Домик ходил

ходуном. О числе децибел судить не берусь. Пришлось снова сесть за стол и продолжить разговор за жизнь.

Афганские офицеры, с которыми я встречался, были против вывода наших войск. Они не верили в своих солдат и даже в себя. О том, что вывод войск будет большой ошибкой, два часа мне втолковывал Наджибулла. Я понимал их. Но уходить было надо. Не только потому, что мы не могли победить. Но и потому, что армия наша разлагалась. Правда, генерал армии Валентин Иванович Варенников, представитель советского Министерства обороны в Афганистане, решительно это отрицал. Но я предпочитал верить своим глазам, а не его словам.

И вот что меня удивило. В Кабуле находились представители разных ведомств (КГБ, ГРУ, МВД), которые имели право, помимо посла, направлять свою информацию в Москву. Оценки и выводы не всегда совпадали. И чтобы избавить себя от излишней головной боли, Москва дала команду: вы там соберитесь, договоритесь и дайте Центру общие, согласованные рекомендации. Они собирались. Они спорили. В конце концов острые углы отсекались, и в Москву шли некие усредненности. А ведь истина часто именно в острых углах.

Голландия. Выступал там в университетах. Просвещал студентов относительно внешней политики Советского Союза. Последний аккорд — разномастная аудитория в каком-то театре, кажется. Подъезжаем. У дверей пикеты, раздают листовки. Заглавие такое: «Если лиса ходит рядом, то будь, крестьянин, осторожнее — береги кур!» И далее на трех страницах разоблачалась политика «империалистического царизма». Упоминались и Чехословакия, и Ангола, и Монголия, и Камбоджа, и все что угодно.

Предлагалось задать Бовину четыре вопроса:

1. Зачем СССР нужен мировой флот?
2. Зачем этот флот ходит вокруг Западной Европы?
3. Почему, подписав Заключительный акт в Хельсинки, исходящий из суверенности всех европейских государств, СССР заявляет, что суверенитет восточноевропейских стран ограничен?
4. Почему СССР не заявит, что он никогда первым не будет использовать ядерное оружие?

В зале шум и гам. Всякой твари по паре. И маоисты, и троцкисты, и анархисты, и прочие другие, объясняет мне переводчик. Каждый

кричит свое. Поскольку у меня был микрофон, то я всех и перекричал. Насчет флота и Акта все объяснил. Насчет ядерного оружия выкрутился. В общем, было весело. Потом с группой активистов долго пили пиво.

Завершая страницы журналистских странствий, хочу еще раз сказать, что мне везде было интересно.

Но самый мой любимый город — Нью-Йорк. Среди этих «каменных джунглей» я как рыба в воде. Возможно, потому, что я всю жизнь прожил в городах. А Нью-Йорк — воплощение урбанизма. Город в квадрате, в кубе. Вселенная в миниатюре. Где все рядом, все есть.

А теперь и Брайтон-Бич есть. Не знаю как сейчас, а был там гастроном «Москва». На знаменитом деревянном променаде. А в гастронOME при тебе жарили такую одесско-ростовскую котлетку (много лука и чеснока)! К ней соленый огурчик и 50 грамм. И неторопливая беседа с бывшим ростовчанином или вечным одесситом.

Второй самый любимый — Иерусалим. Не для жизни — для души. Город легенд, истоков, поверий. Все, что ни делает Бог, он делает руками Человека. И поэтому Иерусалим для меня — город человеческих страстей, человеческой истории, человеческой культуры. Последние десять лет я бываю в Иерусалиме каждый год. И каждый год надеюсь, что это — не последний...

Испытание телевидением

Процесс письма, выведения буквы за буквой, даже если я пишу при помощи клавишей компьютера, представляется мне более интимным, более сокровенным и более трудным, чем выступление по радио или телевидению. Автор статьи может воздействовать на читателя только текстом, только буквами. У автора передачи есть и другие возможности. Он работает и голосом, и мимикой, и всем, чем может. Поэтому создать захватывающий — интеллектуально или эмоционально — текст труднее, чем создать передачу. Хотя чисто технически все обстоит как раз наоборот.

Впрочем, можно выстроить и иную логику. Человек на экране, если он хочет иметь успех, всегда должен быть артистом. А это труднее, чем не быть им. Поэтому, уверенно себя чувствуя перед листом бумаги, я не был убежден, что справлюсь с голубым экраном.

Привел меня на телевидение один из ведущих известнейших международников Владимир Дмитриевич Осипов. Сделать пару реплик в «Международной панораме». Тогда на уровне работы с исполнителями парадом командовала Лена Иванова. Она сначала тренировала меня на отдельных сюжетах и, видимо решив, что я уже созрел, доверила вести «Панораму». Потом Иванову куда-то перевели, а в «Панораму» пришла Таня Миткова.

Если верить моей записной книжке, то с 1975 по 1991 год я провел 80 «Международных панорам». Каждая «Панорама» давала обзор наиболее интересных событий за неделю. Интересных, разумеется, с точки зрения ведущего. Или с точки зрения того, кто определял содержание «Панорамы».

Параллельно участвовал в созданной Зориным передаче «9-я студия». Тут была другая задача — анализ той или иной крупной проблемы мировой политики. Экспертами выступали ученые или чиновники высокого ранга. Меня Зорин привлекал 24 раза.

В принципе «Панораму» было легче делать. Мельтешение событий, возможность показать любопытную картинку как-то скрашивали, компенсировали поверхностность объяснения. Хотя, конечно, хотелось уйти в глубину.

В «9-й студии» главную роль играли не картинки, а мысли. Наскрести же мысли было гораздо труднее, чем найти картинки. Тем более что высокопоставленные чиновники находились в сложных отношениях с мыслями.

Однако основные трудности лежали не внутри передач, а вне их. Не обо всем можно было говорить. О многом нужно было врать. Кое о чем можно было говорить только полуправду. А поскольку самоцензуры явно не хватало, председатель Гостелерадио товарищ Лапин лично присматривал за идейной выдержанностью передач.

Георгий Сергеевич был убежденный консерватор и сталинист. Любитель театра и шахмат. Умный и язвительный. Утонченно-издевательское отношение к низшим чинам считал нормой.

Меня терпел, но с трудом. Ссылаясь на то, что «варяги» отбирают хлеб у штатных сотрудников телевидения, требовал не пускать «часто» Бовина в эфир. Особенно почему-то его нервировало отсутствие галстука. Много раз под разными соусами выходил на эту тему. Даже ссылался на указание Брежнева «надеть на Бовина галстук».

Мне удалось добиться права не писать предварительных текстов. Зато пленку начальство смотрело в лупу. Придирались ко всякой ерунде. А с Митковой повезло. Девочка оказалась с характером. Грудью, хотя и без бронежилета, ложилась на амбразуры. Отбивалась от глупых замечаний. Была такая практика: выбрось этот кусок из Бовина, — давили на Миткову, — но ему не говори. А она говорила, не скрывая этого от начальства. До сих пор не могу понять, почему Таню не выгнали...

За ельцинские годы Татьяна Ростиславовна Миткова вышла, вернее, вывела себя на орбиту самых ярких телезвезд. Я и радуюсь, и огорчаюсь. Радуюсь, потому что мне нравится ее манера работы — чуть жесткая, холодноватая, чуть отстраненная. Да и просто смотреть на Танечку приятно. Огорчаюсь, потому что ее интеллектуальный потенциал во многом остался не востребуемым. Но это — выбор Митковой. Имеет право.

Накануне 1989 года «Советская культура» обратилась с вопросом: «Весь год мы говорили о ТВ перестраивающемся. А каким вам видится ТВ перестроившееся?»

Мой ответ:

1. Собрание уполномоченных от трудовых коллективов после длительных и горячих дебатов избрало председателем Гостелерадио товарища... который назначил своим заместителем по всем международным делам и передачам Татьяну Миткову, нынешнего редактора «Международной панорамы».

2. У ведущих и участников «Международной панорамы», «Резонанса», «9-й студии», «Содружества» появляются дублеры в возрасте 30–35 лет.

3. Бравые милиционеры, охраняющие телерадиовходы, удовлетворяются членскими билетами Союза журналистов или служебными удостоверениями, выданными редакциями газет и журналов.

Приходится признаться, что здесь, как и во многих других случаях, я попал пальцем в перестроечное небо:

1. С собраниями нынче туго.

2. Ввиду ненахождения дублеров указанные передачи закрыли.

3. Милиционеры стали менее бравыми, но более суровыми.

В общем, будни «Международной панорамы», реакцию на нее начальства я определил бы двумя словами: «Патология в норме». Когда норма нарушалась, возникали скандалы.

Большой шум был, например, когда я заявил, что в войне Аргентины с Великобританией из-за Фолклендских островов международное право на стороне Великобритании. Наш МИД гневался. Английский посол стал приглашать меня на все приемы.

* * *

У нас было принято разделять под орех классовых врагов, не утруждая себя связным изложением их позиций. Я решил попробовать иной вариант действий. Допустим, нужно полемизировать с американцами. Я просил корреспондента в Вашингтоне взять интервью с изложением американской позиции по данной проблеме. Давал это интервью и лишь потом выстраивал контраргументацию. Начальство нервничало. Как же, даем трибуну врагам!

Однажды поступило указание вырезать интервью, взятое у заместителя Государственного секретаря США Л. Иглбергера. Я

отказался вести «Панораму». Мои телевизионные коллеги отказались меня заменить. Штрейкбрехером оказался политический обозреватель АПН Спартак Иванович Беглов. Звонил мне, извинялся, но все же возник на телеэкране. Ну а я долго потом не возникал...

Что делать? Русский человек всегда уповает на доброго, отзывчивого начальника. Написал большое письмо Горбачеву. Прочитую оттуда некоторые места.

О телевидении — разговор особый. Однажды один из американских корреспондентов в Москве заявил мне: «Что меня больше всего поразило в Советском Союзе, так это то, что ваше телевидение — самое аполитичное в мире». На первый взгляд может показаться, что американец ошибается, что, несмотря на чрезмерный футбольно-хоккейный уклон, политических передач не так уж мало. Но в том-то и дело, что такие передачи, как правило, настолько вялы, однообразны, поверхностны, что телезритель не «притягивается» к политике, а «отталкивается» от нее.

Очень часто в передаче «Сегодня в мире» и в программе «Время» зачитываются одни и те же тассовские тексты, которые телезритель или уже читал в газетах, или прочтет завтра. Умные, интересные зрителю комментарии появляются редко и с опозданием. Аргументы сплошь и рядом заменяются набором слов вроде «клеветнический», «злой», «тщетный» и т. д. и т. п. Почти отсутствует прямой телевизионный репортаж с места событий.

Руководство телевидения недооценивает значение полемики, дискуссий. То, что происходит в рамках «9-й студии», лишь отдаленно напоминает дискуссии. А когда вспыхивают настоящие споры, то они в большинстве случаев исчезают из окончательной редакции передачи. Давно уже ведутся разговоры о том, что было бы интересно и полезно приглашать на наше телевидение западных журналистов для обсуждения с ними тех или иных международных проблем. Такой опыт имеет, в частности, венгерское телевидение, и он вполне себя оправдал. Мы неизменно выигрывали эти политические матчи. Выигрывали и телезрители, потому что они видели и слышали живое столкновение позиций, оценок, аргументов. У нас же все по-прежнему.

Зачастую на телевидении наши противники представляются в оглушенном, примитивном виде, их аргументация подается с

большими упрощениями и изъятиями. Конечно, с такими противниками легче спорить. Но ведь люди-то наши все понимают, они чувствуют фальшь ситуации (например, критикуется речь Рейгана, а о том, что именно он утверждал, какими доводами оперировал, почти ничего не говорится) и перестают нам верить.

В этой связи большую роль могли бы сыграть интервью с нашими противниками — буржуазными политическими деятелями, сопровождаемые дельными комментариями. В сопоставлении с тем, что утверждает умный, умелый противник, наши аргументы, наша логика в принципе, при достаточном уровне квалификации журналистов-международников, выглядит еще более убедительно.

Дело, однако, продвигается крайне медленно. До сих пор удалось показать интервью с заместителем Государственного секретаря США К. Демом и одним из ведущих деятелей ХДС А. Дреггером. Судя по письмам, большинство телезрителей правильно поняло и хорошо приняло такую форму подачи материала. <...>

Однако кому-то что-то не понравилось в материале, где было использовано интервью с Дреггером. Возможно, мой комментарий был не на высоте. Отсюда вывод — надо лучше работать. Но руководство телевидения сделало другой вывод — лучше не надо интервью. И был снят материал с Иглбергером, хотя никаких замечаний к моему комментарию и на этот раз сделано не было.

Легче, конечно, идти по проторенной дороге, вести, как говорят боксеры, «бой с тенью». Но жизнь настоятельно требует искать, совершенствовать новые формы и методы работы. Телевидение — огромная сила. Каждый день, каждый вечер практически в каждую советскую семью приходят журналисты-международники. И если они работают плохо, если они говорят скучным, казенным языком, если они не дают телезрителям калорийной пищи для ума, не пробуждают их интерес, уходят от насущных, злободневных вопросов, эта огромная сила начинает работать против нас.

Не «на деревню». Не «дедушке Константину Макарычу». Ответа, само собой, не было.

Еще раз отлучили, когда я отказался взять сюжет о визите в Румынию заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельникова. Не считал важным событием недели^[14].

Одно время усиленно рекомендовали: поменьше политики, побольше развлекательности. Политика-де скучна и никого не интересует. Но мы все же пытались интересно говорить о политике. Что же касается развлекательности, то она восторжествовала именно тогда, когда политика перестала быть скучной.

Телевидение ближе к «массам», чем газета. Бдительных зрителей, по-моему, больше, чем бдительных читателей. Во всяком случае, ругательных писем приходило на ТВ больше, чем в «Известия». Требовательность была на высоте. В одной из передач я употребил расхожее выражение «бог знает куда». Реагирует Иван Дмитриевич Черемных из Перми:

«Вместо борьбы с религией как опиумом народа он возносит бога. Возникает вопрос: почему редакция разрешает проповедь религиозного учения и не борется за качество выступлений? Мы живем в пятилетку качества, — продолжает критик, — а Бовин не борется за качество, за высокую идейность своих выступлений, допускает отступления от марксизма.

Правда, верующие высоко оценили его ссылку на бога и заявляют: наконец-то начали по телевидению укреплять веру в бога, ибо его выступление прозвучало на всю страну».

Еще одно «массовое» направление критики иллюстрирует письмо Бориса Васильевича Козловского из Ворошиловграда: «Материал неплохой. Нельзя ничего сказать о содержании. Но до зрителя и слушателя доходит лишь какой-то процент. А в чем дело? Слишком пресыщено выступление иностранными словами. Какие-то словесные выкрутасы, что не сразу укладывается в мозговую коробку человека, и поэтому низкий процент усвоения содержания». Примеры: «стабильный уровень», «послушный сателлит», «в терминах геополитики», «радикальный переворот» и пр., и др.

«Тов. Бовину, — советует критик, — надо учиться у товарищей Юрия Жукова, Валентина Зорина и др. У них все понятно, когда они выступают».

Но большинство писем имело другой характер. Инженер Дашевская из Харькова (как зовут — не написала). Она считает, что мои выступления заставляют людей «думать и надеяться». И

продолжает: «Мои дети, мой муж всегда бегут к телевизору, если выступает Бовин. Даже мои пожилые соседи внимательно, с уважением слушают вас.

Хочется, чтобы вы знали — вас любят, уважают и ждут ваше слово. Ничего подобного я не знаю по отношению к остальным комментаторам. Пожалуйста, почаще ведите „Международную панораму“. <...> Извините, письмо, наверное, больше эмоциональное, чем разумное. Спасибо за вашу работу, за уважение к людям. Не забывайте о такой вере в ваши слова. Пусть в трудные моменты вам поможет эта вера».

И действительно, помогала. Если ты знаешь, что нужен людям, легче переносить раздражение и капризы начальства.

* * *

В «9-й студии», с одной стороны, было спокойнее. Валентин Сергеевич Зорин (Валька Зорин, или, еще короче, — «профессор») был опытный, умудренный жизнью профессионал. Сочетание ума и эрудиции позволяло ему ориентироваться и в мировой политике, и в московском политиканстве. Нам всем было не просто. Ему — «лицу еврейской национальности» — совсем не просто. И все-таки не один год он ухитрялся проводить ладью «9-й студии» между Сциллой пропаганды и Харибдой здравого смысла.

Не помню уж где, но читал о такой истории. Во время Шестидневной войны Зорин находился в Америке. Его там, естественно, изнуряли всякими интервью. В одном из интервью Зорин произнес (цитирую по памяти): «Эта война уничтожила два мифа. Первый — что евреи плохие солдаты. И второй — что евреи хорошие политики». По-моему, ничего более точного о Шестидневной войне никто не сказал.

«По умолчанию» дискуссии нередко имели искусственный характер, имитировали расхождение позиций. Солидный состав участников исключал заметные отклонения от линии. Но нередко неоднозначность многих крупных проблем порождала разброс мнений. Правда, не всегда этот разброс удавалось донести до зрителей.

Большие баталии сопровождали раскрытие китайской тематики. Ученые еще до смерти Мао Цзэдуна констатировали медленное изменение к лучшему положения в Китае. В постмаоистский период эти сдвиги стали рельефнее и заметнее. Руководящие китаисты (из ЦК, МИДа, КГБ), как я уже говорил, были склонны к иным оценкам. Они отрицали наличие перемен или сводили их к чисто поверхностным, показушным движениям. Конечно, их точка зрения «побеждала», и мы тонули в пропаганде. Но все-таки иногда удавалось что-то сказать по делу.

В наших внутренних спорах я предлагал такой ход мыслей. Давайте представим, что Китай продолжает развиваться в русле маоистских или постмаоистских идей. С одним исключением: нет антисоветизма. Китайцы возвращаются к «вечной дружбе», прекращают критику КПСС как ревизионистской партии, славят Советский Союз. Что бы мы тогда сказали о политике КПК, о китайском понимании социализма и путей его строительства? Так, может быть, и сейчас было бы полезно посмотреть на Китай, абстрагировавшись от антисоветской призмы? Увы! На такую высоту абстракции наши китаеведы подняться не могли.

Помню стычки вокруг Ирана (еще революция или уже контрреволюция?), вокруг Ближнего Востока (не стоит ли деликатно понизить температуру нашей критики «гнезда сионизма?»). Стратегически пропаганда побеждала. Но удавалось одерживать небольшие тактические победы: показывать фрагменты политики без пропагандистской завесы. Судя по письмам телезрителей, многие это понимали и были благодарны.

Давно уже в воздухе носилась идея приглашать в наши передачи западных политиков, политологов и вести дебаты «живьем», в реальном времени. Всех опередили венгры. Естественно, комплектуя «восточную» команду, они обратились в Москву за помощью. В частности, в эту команду предлагалось включить и меня. Лапин, как я и ожидал, вычеркнул мою фамилию. Только после разборки в ЦК я уехал в Будапешт.

В первый раз (февраль 1979 года) все, особенно венгры, волновались. Хотя западников (американца и японца) они пригласили довольно ручных. Еще был индус. Обсуждалась ситуация в Азии. Сталкивались, взаимодействовали аргументы, логики, мировоззрения.

Постепенно — а я принимал участие в нескольких таких встречах — и темы, и люди становились острее, а разговор интереснее.

Вслед за Будапештом приходилось летать в Варшаву, даже в Берлин. В Москве вроде бы попробовали, но как-то этот жанр не удержался.

Была еще передача с заунывным названием «Ленинский университет миллионов». Что-то там не выплясывалось, и первый заместитель Лапина Энвер Назимович Мамедов попросил меня помочь. С Мамедовым было интересно иметь дело. Он не любил пустой болтовни. Всегда выполнял свои обещания. Старался не мешать работать. Важно было только успеть с ним встретиться до обеда.

В «Университете» мне дали отделение внешней политики. Вел его два года, кажется.

Закрывая телевизионную тему, скажу несколько слов о «рейтинге». Рейтингом измеряется востребованность, популярность журналиста. Чем выше рейтинг, тем, значит, больше человек смотрят данную передачу. И тем, значит, дороже реклама. Есть разные пути установления рейтинга. Не исключены махинации и ошибки. Но в целом в среднем метод работает...

Высоким рейтингом поощряют, низким посыпают, как дустом клопов, — это я теперь знаю. А тогда имел весьма смутные представления о рейтинге и его установителях. Спрашивал, но от точных ответов телевизионное начальство уходило. Ответ поступил со стороны. 19 января 1989 года в «Советской культуре» была опубликована статья «Скальпелем истины». Статью написал В. Бараев, заведующий отделом социологических исследований Гостелерадио СССР. Было там и про меня: «Помню, как после опроса по лучшим передачам мая, когда были выявлены самые яркие из них, определены самые популярные политобозреватели, дикторы, ведущие, мои коллеги, подготовив публикацию, разъехались в командировки. Каково же было их удивление, когда в окончательном варианте публикации передача „Владимир Высоцкий“, с большим отрывом ставшая абсолютным лидером, вдруг оказалась на седьмом месте. Перетасована и первая десятка политобозревателей, а фамилия А. Бовина из нее вообще исчезла. Хочется верить, что подобная игра административных мускулов не повторится. Кстати, что касается популярности политобозревателей, то мнение рядовых зрителей во многом совпало с

точкой зрения профессионалов. Мы провели специальное исследование „Телевидение в системе контрпропаганды“, опросив 60 ведущих в данной области специалистов. По их мнению, среди „международников“, наиболее убедительно работающих в кадре, те же А. Бовин, В. Дунаев и Г. Герасимов».

С интересом прочитал. Понимал, что отношение ко мне определяется не рейтингом, но рассердился. И даже написал маленькую реплику в газету. Вот она:

«За последние месяцы я получил множество писем, в которых меня спрашивают: почему не выступаю по телевидению. Обычно отвечаю, что очень занят, командировки, то да се, в общем, для телевидения времени на остается.

Но вот прочитал статью В. Бараева „Скальпелем истины“. Рассказывая, как на телевидении препарировали данные социологических исследований, автор упоминает и мою фамилию. Чтобы было понятно, почему руководство телевидения опускается до фальсификации фактов, мне, видимо, следует сказать правду.

А правда была такой...

По графику, который составляется редактором „Международной панорамы“, моя очередь вести передачу попала на конец апреля прошлого года. За неделю до „Панорамы“ я узнал, что меня снимают с передачи. На мои недоуменные вопросы взволнованно-испуганные голоса сообщали: мы ничего не знаем, так велело начальство; „говорят“ (это уже почти шепотом), был звонок „сверху“...

Поскольку этот самый „верх“ не считал нужным изложить мне свои претензии, объяснить свои действия, я позвонил руководству Гостелерадио СССР.

После довольно долгих раздумий мне выдали „формулу отказа“. Она звучала примерно так: телевидение — самостоятельная организация и приглашает выступать только тех, кого считает нужным пригласить. Понимать это, разъяснили мне нижеруководящие работники, следовало так: выступать тебе не запрещают, запрещают „лишь“ приглашать тебя для выступлений...

Судя по тому, что я вижу вокруг себя, слышу от своих товарищей, история со мной — не частный случай. Сплошь и рядом натыкаешься на руководящих деятелей, которые воспевают перестройку, учат демократии, с пафосом толкуют о гласности, но сами предпочитают

действовать по-старому — исподтишка, келейно, не вдаваясь в „лишние“ объяснения, не утруждая себя соображениями деловой и партийной этики. Потому что они уверены, до сих пор уверены — им никто не осмелится возражать.

К сожалению, мы еще слишком часто молчим, точнее — покорно помалкиваем».

Мою реплику не напечатали. Потому что «сверху» — это был Лигачев... Его еще боялись.

Примерно через год накануне передачи «Резонанс» («живьем» отвечаем на звонки телезрителей) Леонид Петрович Кравченко (первый заместитель председателя Гостелерадио) пытается убрать меня из передачи. Но его уже не боятся, и я остаюсь в эфире. Больше того. Девочки передают мне вопрос: «Как вы расцениваете такой безобразный факт, что сегодня на Радиокomitee руководители некоторых редакций разъясняли своим сотрудникам, что не следует упоминать в репортажах ваше имя, как и имена таких „ренегатов“, как Нуйкин и Коротич?»

В дальнейшем колебания рейтинга (или — рейтингобрателей?) продолжались.

По официальным данным отдела социологических исследований Гостелерадио СССР, в октябре 1989 года в общем списке «обозревателей и комментаторов» первые пять мест заняли: Познер, Бовин, Боровик, Цветов, Зорин. А по данным на апрель 1990 года, как сообщил социолог В. Вильчек, я передвинулся на 12-е место, Познер — на 4-е, Цветов — на 11-е. Боровик и Зорин вообще зашли за горизонт. Уверенно лидировали Невзоров и Молчанов.

Вот и верь после этого людям...

Осенью 2000 года я был уволен с телевидения (3-й канал) по причине низкого рейтинга. Но об этом поговорим, добравшись до указанного года.

* * *

А еще было радио. Меня отловила и вытащила на «Маяк» Лидия Исааковна Подольная. Маленькая женщина. Умница. Умеющая работать и с проблемами (как автор), и с текстами (как редактор).

По сравнению с телевидением радио воспринималось как нечто устаревшее, менее модное. Но зато на радио было легче говорить то, что хочется сказать. Не все, конечно, но многое. Поэтому в радиостудиях я появлялся гораздо чаще, чем на телеэкране. Но это не было заметно.

Подводя итог своим доперестроечным занятиям журналистикой, могу теперь уверенно сказать: щуку таки бросили в реку. Правда, в отличие от настоящей щуки в настоящей реке, количество моих степеней свободы было ограничено. Но все же, сплетая и расплетая пропаганду с политикой, апологию с анализом, удавалось говорить серьезно с серьезными людьми. Бывали полосы пессимизма, уныния. Спасали письма читателей, слушателей, зрителей. Почта была огромной. И она говорила: то, что ты делаешь, нужно людям. На многие письма я отвечал. На многие — времени не хватало. Поэтому сейчас хочу извиниться и сказать «Спасибо!» всем, чьи письма позволяли преодолевать трудные минуты.

* * *

Особую категорию составляли письма-раздумья, письма, авторы которых думали в унисон со мною. С одним из таких писем я хочу познакомить читателей. Письмо длинное, но прочитать его полезно всем.

«Александр Евгеньевич!

Мысль написать Вам возникла у меня несколько дней назад, после того, как я прочитал сборник Ваших статей, вышедший в конце 1984 года. Хочу сразу сказать, что я не отношусь к людям, которые обращаются в газету или к отдельным журналистам ради того, чтобы получить информацию по тому или иному вопросу, — это можно сделать более естественным путем, никого не беспокоя. То, о чем я хочу написать, носит одновременно и гораздо более общий, и в то же время очень личный характер.

Ваши выступления в прессе и особенно по ТВ (к сожалению, ставшие более редкими в последнее время) всегда довольно заметно выделялись на общем сероватом фоне. Поверьте, это не дежурный комплимент: это действительно так. И различие здесь, как мне кажется,

вызвано даже не большей глубиной и научностью, сколько большей искренностью. Собственно, именно это и побудило меня написать, и написать именно Вам.

Я постараюсь провести сейчас цепь рассуждений, по поводу которых мне бы хотелось узнать Ваше мнение. Эти рассуждения не слишком приятны по своему содержанию, может быть, даже где-то чуть-чуть провокационны. В свое оправдание я могу лишь процитировать Ваши слова из интервью в конце сборника о том, что „не бывает плохих вопросов“, и постараться быть предельно лаконичным.

В том же интервью Вы сформулировали свои требования к настоящему журналисту-международнику. Главное, насколько можно понять, состоит в том, что он не должен ни при каких обстоятельствах отступать от истины и что он должен иметь и выражать собственное мнение, основанное, естественно, на марксистско-ленинской методологии. Это, несомненно, так; более того, эти требования справедливы, по-видимому, по отношению вообще ко всем людям, занимающимся пропагандистской деятельностью в любой ее форме.

Можно ли в настоящее время реально провести эти требования в жизнь в полном объеме? Вы сами отвечаете на этот вопрос, отмечая, что одним из наиболее заметных недостатков нашей публицистики является „неполнота информации о многих важных событиях...“ (это явно относится не только к публицистике). Если, конечно, не предполагать, что большинство журналистов сознательно или в силу некомпетентности искажает истину, то из этого утверждения логически вытекает, что существует определенный разрыв между тем, что журналисту в идеале хотелось бы сказать, и тем, что он может сказать. Велик он или мал, но он есть.

Как журналист (или любой пропагандист!), желающий быть предельно честным, может выйти из этой ситуации? Если он обладает большей или меньшей самостоятельностью, он скорее всего поступит в духе известного изречения К. Либкнехта о том, что человек не всегда может полностью сказать то, что он думает, но что ему ни при каких обстоятельствах не следует говорить того, что он не думает. Иными словами, наложив круг своих мыслей на круг того, что можно (и желательно) сказать, он выберет совпадающие сегменты, и они-то и явятся содержанием его выступления.

Таким образом, можно остаться субъективно честным и писать правду — одну только правду, без единого слова неправды, но, заметим, не всю правду. Однако этот выход все же не решает этической проблемы до конца. Ведь то, что истинно само по себе, становится в определенном, более широком смысле составной частью полуправды. Пусть доброкачественной, но все же частью.

Например (примеров можно привести много, я беру первое, что пришло в голову): о попытках выступления реакции в Венгрии в 1956 году или в Чехословакии в 1968 году у нас написано немало во всех жанрах. Но бросается в глаза: везде, и в статьях, и даже в книгах, речь идет лишь о том, что происходило накануне соответствующих событий. Об этом рассказывается ярко, аргументированно. Но можно ли всерьез объяснить эти события без объяснения того, что там происходило до этого.

Более того: ведь правдоподобность, привлекательность полуправды в целом зависит в первую очередь от того, насколько привлекательна каждая из ее частей. Поэтому можно представить себе парадоксальную на первый взгляд ситуацию: чем талантливее тот или иной пропагандист, чем лучше (субъективно) он работает, тем больше (объективно) он способствует укреплению полуправды, тем более тонкой и достоверной она становится и, следовательно, тем меньше шансов, что она, продемонстрировав свою несостоятельность, уступит место правде.

Так каким же все-таки должно быть решение? Мне кажется, оно должно зависеть прежде всего от того, как данный человек (напомню, что я пытаюсь рассуждать с позиций журналиста или вообще любого пропагандиста, стремящегося остаться предельно честным) оценивает доминирующую тенденцию развития в сфере массовой информации и пропаганды, что, понятно, является лишь проекцией процессов, происходящих в самом обществе. Все мы понимаем, что жизнь сложна и иногда приходится идти на компромиссы. Если считать, что развитие на данном этапе ведет к „плюсу“, то есть к постепенному искоренению тех недостатков, о которых Вы упоминали, то проблема действительно снимается. Разрыв между тем, что данный человек считает нужным сказать, и тем, что он может сказать, в этом случае постоянно сокращается, и, более того, он сам может в какой-то мере способствовать ускорению этого процесса. Однако если человек не

находит оснований для такого вывода, его положение резко осложняется. Ведь ясно, что если результирующая тенденция является отрицательной (а в прошлом такие периоды в нашей истории были), то его индивидуальные усилия могут лишь чуть-чуть притормозить эту тенденцию, но не остановить. В этом случае его личный авторитет оказывается на весах полуправды и, в силу все той же парадоксальной логики, укрепляет ее тем больше, чем большим этот авторитет является. Ведь полуправда крайне нуждается в правде (там, где она не угрожает ее существованию).

Для меня было бы крайне важно узнать, возникали ли перед Вами когда-либо такого рода проблемы, и если да, то как Вы их для себя решали. Честно говоря, мне бы и в голову не пришло обратиться с подобным вопросом к кому-либо из Ваших коллег. Но все Ваши интервью в сборнике, включая выбор любимых писателей и поэтов, говорят о том, что в какой-то форме они почти неизбежно должны были возникнуть. Например, одна из самых сильных, может быть, самая сильная вещь Айтматова — „И дольше века длится день“ — во многом о том же.

Моя личная проблема заключается в том, что с возрастом я как-то все больше утрачиваю оптимистическую веру в то, что развитие в целом идет в правильном направлении и что те проблемы, которые не решены сегодня, будут постепенно разрешены в будущем. Я не имею сейчас в виду экономические проблемы, это тема для особого разговора. Я хочу сказать, что „новый человек“, о котором в абстрактно-философском смысле у нас немало говорится, формируется не в вакууме, а на базе определенных политических, исторических и других представлений, господствующих в обществе и распространяемых им. Но если в фундаменте есть трещины, вряд ли на таком фундаменте может быть построено что-то действительно великое. „Острова умолчания“ в пропагандистской работе играют роль именно таких трещин. И, по-видимому, просто наивно считать, что их существование не имеет глубоких социологических корней.

Больше того, мне все чаще кажется, что сразу за проблемой предотвращения ядерной войны, которой уделяется сейчас столько внимания на телеэкранах и страницах газет, все настойчивее встает другая сопоставимая по важности проблема. Все знают, что такое атомная бомба, но подавляющее большинство людей понятия не имеют

о том, что уже сейчас существующие ныне технические средства позволяют, не сходя с места, наблюдать за тем или иным человеком двадцать четыре часа в сутки, где бы он ни находился. Перечень такого рода изобретений можно было бы продолжать долго, и эти изобретения совершенствуются с каждым годом. Надо полагать, что создаются они не только с целью научного любопытства. Иными словами, даже если человечеству удастся сохранить мир для будущих поколений, остается вопрос, будет ли этот мир действительно человеческим миром.

В любом учебнике можно прочитать, что принцип научности и принцип партийности, лежащие в основе нашей методологии, нашего подхода к окружающему миру, совпадают друг с другом. Это действительно так. Беда только в том, что они совпадают в глобально-историческом масштабе, но вовсе не обязательно будут совпадать по каждому конкретному вопросу в каждый конкретный момент времени. Вы лучше меня знаете, что бывают важные, но политически невыгодные факты. Можно ли в этом случае, утешаясь тем, что „начальству виднее“, в какой-то мере пожертвовать научностью ради сиюминутных политических интересов? И если да, то как далеко можно пойти по этому пути, претендуя в то же время на честность? Можно ли определить тот предел, за который ни в коем случае нельзя переходить?

Наверное, все эти вопросы — лишь частные случаи извечного философского вопроса о взаимоотношении цели и средств. Теоретически ответ состоит в том, что используемые средства всегда сказываются на характере цели. Но из этого все же не до конца ясно, как практически должен себя вести человек в данной ситуации. И для меня было бы очень важно узнать, как Вы представляете себе ответ на этот вопрос.

Мне остается лишь поблагодарить Вас за то, что Вы прочли это письмо. Понимаю, что Вы чудовищно заняты, и не рассчитываю на ответ в самом скором будущем, но надеюсь, что когда-нибудь он будет. Согласитесь, что фраза из Вашего интервью, что Вы стремитесь отвечать на каждое письмо, дает для этого некоторые основания.

В заключение позвольте пожелать Вам всего самого доброго».

Вот такое основательное послание от Олега Абалина из подмосковного Одинцова получил я в марте 1985 года. Не ответил тогда, так как ответ требовал философического сосредоточения.

А для этого бурное время не давало условий. А теперь всю эту книгу можно, пожалуй, считать ответом. И не только Абалину.

Одно дополнительное соображение. «Партийность» — это отношение к жизни, к своей деятельности, к фактам, явлениям и процессам под углом зрения интереса, пристрастности, симпатий и антипатий. Людей вне интересов, вне того или иного мировоззрения не существует. Поэтому от «партийности» уйти нельзя, невозможно. «Партийность» в сложных отношениях с научностью. Тем не менее я бы настаивал на том, что научность первична, «партийность» вторична. То есть не факты надо подгонять под интересы, что происходит сплошь и рядом. А интересы соотносить с фактами, что часто «невыгодно» интересам.

Цензура, при наличии которой приходилось работать, как раз и заставляла подгонять факты под интересы. Не сообщать о каких-либо фактах, обходить их (то есть довольствоваться полуправдой) — способ уйти от цензуры. Лошадь можно подвести к воде, нельзя заставить ее пить. Я не говорю всю правду, но я не вру. Это облегчает жизнь. Дает некий минимум нравственности.

* * *

Понимаю, что позиция уязвимая. Простейший способ уязвить — мало не врать, говори правду, и все тут! Так поступило «Новое русское слово», атаковавшее меня 20 декабря 1984 года. Слово обо мне под названием «„Антисоветчик“ из ЦК КПСС» произносит некто Я. Истеркейн. Привожу полностью его мате риал.

«Среди советских читателей он считается чуть ли не диссидентом. Вот что пишет в предисловии к интервью с ним журнал „Спутник“: „Каждый раз, когда этот человек, внешне похожий на Бальзака, появляется на голубом экране, миллионы советских телезрителей знают: предстоит встреча с интереснейшим собеседником — политическим обозревателем газеты „Известия“ Александром Бовиным. Он всегда откровенен в высказываниях, не любит уходить в сторону от острых проблем. Известные факты в его изложении приоткрываются новыми сторонами. При этом он не стремится

навязать свою точку зрения как готовую истину, а делает слушателей соучастниками ее поиска“»).

Да и само интервью с ним называется необычно остро для советской печати: «Люблю людей думающих». С каких это пор в тотально-тоталитарной стране, где не только думать, но даже сидеть в позе «Мыслителя» Родена считается смертным грехом, поощряются думающие люди?!

Секрет в том, что дайджест «Спутник», хотя и печатается на русском и многих других языках, в самой Стране Советов хождения не имеет. И предназначен он исключительно для зарубежного читателя. Более того, он даже печатается не в СССР, а в Финляндии — так что и типографские работники его не видят.

Александр Бовин — фигура и впрямь необычная для советской прессы. Все тамошние политические обозреватели, изворачиваясь, лгут. Бовин же изворачивается, чтобы не солгать. Собственно говоря, перед телезрителями он держится с таким достоинством, что это не назовешь изворачиванием. Он балансирует на тоненькой нити полуправды, — но нельзя же требовать совсем невозможного от лауреата Государственной премии 1982 года.

Эта премия несколько напоминает мне Ленинскую премию Аркадия Райкина и Государственную — Андрея Вознесенского. Но если, казалось бы, неблагонадежных людей одаривают шубой с царско-партийного плеча, значит, вероятно, они благонадежные?! Значит, это, вероятно, игра в демократию, которую так любят недемократические страны.

Но вернемся к нашему Бовину. В биографической справке, которая дана мельчайшим шрифтом, сообщается и когда он родился, и где учился, и где работал. Не указано лишь то, что делал Бовин с 1959 года по 1972-й. Сделано это явно и намеренно. Чем же занимался Бовин целых тринадцать лет, что об этом стыдно писать? Неужели в тюрьме сидел? Хуже. А. Бовин работал в отделе печати ЦК партии. Вот где он, оказывается, учился «не навязывать свою точку зрения».

Редакторы журнала «Спутник», конечно, знали об этом, но сочли нужным пропустить этот период: не хотели компрометировать диссидента в глазах западного читателя.

Вопросы, которые задает Бовину «Спутник», явно подогнаны под заранее заготовленные ответы.

Рассказывая о своих очных встречах с читателями, Бовин акцентирует на своем необычном подходе: «Обычно я говорю: „Вы можете писать, если угодно, записки, по ходу дела бросать реплики, перебивать, задавать любые вопросы“».

Вот какой Бовин человек! Это вам не Юрий Жуков, который письма с занозистыми вопросами, присылаемые ему на Центральное телевидение, немедленно передает в КГБ — чтобы оттуда ответили любознательному телезрителю.

Нередко на Западе, спрашивает Бовина «Спутник», можно услышать, что советские политические обозреватели и комментаторы похожи друг на друга, как близнецы-братья, что все они излагают только официальную позицию.

Что мы похожи друг на друга, отвечает Бовин, может сказать лишь человек, который не смотрит советское телевидение и не читает советских газет. Скорее верно обратное — мы очень разные. И по подходу к материалу, и по расстановке акцентов, и по манере изложения.

Нет, Бовин и здесь не врет. Подход, акценты и манеры у каждого обозревателя — свои (только он об этом никому не говорит). И все же политические обозреватели хотя и не братья, но близнецы. Бовин объясняет нам, что их роднит: «Что же касается „официальной точки зрения“, то она действительно есть — это общая направленность советской внешней политики. И меня не нужно „заставлять“ поддерживать эту точку зрения. Это и моя точка зрения. Другое дело — анализ конкретной ситуации во всей ее сложности и противоречивости».

Ну как тут упрекнуть А. Бовина? Разве он виноват в том, что его точка зрения всегда совпадает с навязываемой?! Не преминул «Спутник» спросить лауреата Госпремии и о цензуре. Дескать, есть ли она вообще в Советском Союзе?

«Если бы я написал, что такой-то завод в СССР делает ракеты такого-то типа или боеголовки к ним, то, уверен, Главное управление по охране государственных тайн в печати вычеркнуло бы эту фразу», — отвечает вольнодумец. И тем самым выдает сразу два страшных секрета: что в СССР делают ракеты и что в стране есть цензура.

Вместе с тем он свидетельствует, что сам никогда с цензурой не сталкивался. В этом есть небольшая доля правды: самая лучшая

цензура — самоцензура.

И конечно, был задан вопрос о западной прессе и телевидении: «Что в них нравится, а что — нет?»

Бовину нравятся оперативность, обилие материалов с места событий, сопоставление различных позиций и взглядов. Не нравятся ему скольжение по поверхности, некритическое употребление стандартного набора штампов — «рука Москвы», «рука Гаваны» и т. п.

Бовин прав: штампы эти действительно изготовлены на Западе. Но ведь не на Западе были отштампованы сами «руки»!

Многим из нас тоже не нравится, что статьи и книги на криминальные темы напоминают самоучитель для начинающего преступника. Что в программе новостей сначала показывают лошадь, павшую от летнего зноя, а затем президента, принимающего историческое решение.

Но зато только в советской телепрограмме «Время» можно увидеть репортаж о том, как молодые эфиопы изучают русский язык, — и ни слова о том, как они едят (вернее, не едят)...

Александра Бовина сравнивают с Оноре де Бальзаком. Спасибо еще, что не сравнили с Александром Дюма-отцом, который считал: чтобы быть мушкетером, мало не врать — надо еще говорить правду.

Если бы Бовин последовал этому правилу, он стал бы гораздо известней в мире. О нем бы писали газеты, вещало ТВ и радио, а на демонстрации у советских посольств приходили бы люди с плакатами «Свободу Александру Бовину!»

Очень уж хочется, чтобы меня посадили. Это, разумеется, прибавило бы мне славы. Но лишило бы меня возможности общаться с моими читателями, слушателями, зрителями. Для меня важнее второе.

* * *

Мы идем, так сказать, *crescendo*. От наивного философствования Олега Абалина через вымученную иронию «Нового русского слова» к высшему пилотажу повелителя старых и новых слов, аса публицистики Мэлора Стуруа.

Помню, летом 1994 года раздались звонки из Москвы.

— Ты читал, что пишет о тебе твой друг Мэлор?

— Нет. А что там? — спросил я, и внутри зашевелилось что-то теплое.

— Жди «Независимую», увидишь, — услышал я, и внутри похолодало.

Дождался наконец. Привет из Миннеаполиса (США). Заголовок: «Синдром Валентина Зорина». Подзаголовок: «Легко ли быть в фокусе и в фаворе».

А при чем здесь Бовин? Сейчас увидим.

«Отнюдь не преувеличивая и не пытаясь жонглировать парадоксами, утверждаю: наша международная журналистика времен оттепели, застоя и отчасти перестройки в неоплатном долгу перед Валентином Зориным. Долги наши, как и грехи наши, неисчислимы и неисповедимы, как пути Господни. Если бы Зорина не было, его следовало бы выдумать. Он был нашей палочкой-выручалочкой почти полвека.

О чем это я? А о том, что мы, его коллеги, превратили Зорина в своеобразный громоотвод, в бедного Макара, на которого все шишки валятся, на которого — уже не на Макара, а на Валу — всех собак вешают. Кто сознательно, а кто бессознательно канализовывал справедливое возмущение аудитории — читателей и зрителей — в сторону Зорина, отводя его от своего чела и стила. Благо дело, он был в фокусе, а главное — в фаворе, и эти два „ф“ делали его идеальной и абсолютно незащищенной мишенью, вызывавшей неприязнь аудитории и, чего скрывать, зависть коллег.

На фоне Зорина некоторые из нас смотрелись чуть ли не как ниспровергатели основ, так сказать, Радищевы и Чаадаевы при императоре Брежневле. Зорин был нам нужен как аршин, как мера, по сравнению с которыми наше грехопадение — при определенной ловкости рук — выглядело фрондой: у Зорина — микрофон в руке, у нас — кукиш в кармане.

И вот тут-то и возникает моральная дилемма: кто из нас был честнее — чистоплюи или Зорин? На необозримо растянутой шкале международной журналистики того времени крайними полюсами, согласно общему мнению, были Александр Бовин и Валентин Зорин. И Саша, и Валя — мои близкие друзья; не знаю, с кем из них у меня больше выпито и натрепано; и хотя ни тот ни другой не тянут на Платона, попытаюсь придерживаться, елико возможно, истины.

Противоположности — Бовин и Зорин — сходились. Несмотря на абсолютно разный почерк, и тот и другой были „любимчиками“. Им позволялось то, что было непреложным табу для всех остальных. Но вот само это дозволенное было ягодой разного поля. Зорину позволялось общаться с властью, Бовину — журить ее. И хотя все хором ненавидели Зорина и хором же восхищались Бовиным, я лично считаю, что объективно урон, нанесенный нашей международной журналистике Бовиным, куда тяжелее всех прегрешений Зорина. И это совсем не парадокс. Бовинские „отклонения от линий“ (в особенности в застойные годы) создавали иллюзию наличия свободы печати и даже инакомыслия, когда и того и другого и в помине не было. Бовин был Дымшицем от журналистики. Подобно тому как зам. пред. Совмина Дымшиц был призван демонстрировать отсутствие антисемитизма в Советском Союзе, Бовин был призван демонстрировать присутствие свободы слова. И тот и другой были экспонатами. Их показывали. В основном иностранцам. Зорина никто не показывал. Показывал он сам.

Однако Бовин был не только Дымшицем от журналистики, но и ее Гапоном. Некоторые мои коллеги — не то наивные, не то близорукие, не то просто глупые, не понимая, что к чему, пытались идти по стопам Бовина и попадали под ураганный огонь Агитпропа, иногда заканчивавшийся суровыми оргвыводами. Они искренне удивлялись своей горькой планиде, не понимая того, что было хорошо усвоено еще древними: „Что позволено Юпитеру, то не позволено быку“. (По иронии и по-латыни Бовин значит бык — *bovis*.)

Спешу оговориться: Бовин играл роль Дымшица и Гапона от журналистики отнюдь не умышленно. Он, как и любой пишущий, а тем более талантливый и умный, не мог не воспользоваться „окном возможности“, которое открывали перед ним власти, очарованные оригинальной личностью этого анфан террибля. Ему, скажем, разрешалось появляться на телевизионном экране без галстука, чего не позволили бы даже Зорину. (Впрочем, он сам себе этого не позволил бы.)

Бовину завидовали больше, чем Зорину, ибо пример первого показывал, что возможно и капитал приобрести, и невинность соблюсти. Но это было опасным заблуждением, опасным и в прямом смысле слова (могли выгнать с работы и из партии), и в переносном

(режим лицемерно обелял себя). Опасность, которую излучал Зорин, не превышала опасности радиационного излучения телеэкрана, то есть была ничтожной.

Но заслуги — да, да, заслуги — Зорина перед международной журналистикой не только негативно-пассивного характера, но и позитивно-активного. Он первым стал совать микрофон под нос великим мира сего, вернее, мира социализма, и тем самым способствовал их демистификации. Вожди были не в состоянии членораздельно отвечать даже на элементарные и, естественно, без всяких заковык зоринские вопросы перед лицом всего честного радиотелевизионного народа...

Зорин непроизвольно разоблачал наших голых королей, в то время как Бовин, журналист-спичрайтер, их непроизвольно (хотя как знать) наряжал в строгие английские костюмы и стильные пиджаки Джорджио Армани. Смотря по обстоятельствам.

Но не перечеркивалось ли в послужном списке — по гамбургскому счету — Зорина бессознательное, вернее, непроизвольное разоблачение вождей вполне сознательным разоблачением так называемой американской действительности, когда голос Зорина начинал звучать басом Андрея Андреевича Громыко? Нет, не перечеркивалось, а, наоборот, усиливалось. Подобно тому как, восхваляя вождей, он их развенчивал, Зорин, развенчивая Америку, пел ей осанну. Зрительный ряд и авторский текст его репортажей и фильмов настолько расходились, что образовавшимися ножницами любой здравомыслящий человек мог состричь пропагандистскую мишуру с реальной фактуры. Недаром столичные интеллигенты, бравируя своим инакомыслием, хохмили, что смотрят зоринские фильмы, „выключив звук“. Я далек от мысли, что сам Зорин занимался осмысленной подрывной деятельностью, прикрывая правоверным текстом неправоверные картинки. Он на это способен не был в силу целого ряда обстоятельств и личных, и профессиональных.

И тем не менее зрительный ряд, который был так по душе нашим интеллигентам, воротившим нос от Зорина, выстраивался им самим, его руками. То было позитивным раздвоением личности. Фактура его фильмов, как и фактура его книг об Америке, была долгое время основным источником, из которого советские люди черпали свои знания о Соединенных Штатах. И это была доброкачественная фактура,

во всяком случае, значительно лучше той, что поставляли многие „совестливые“ советские американисты — журналисты и политологи. А что касается существа, то урон, наносимый полуправдой, неизмеримо больше урона, наносимого предвзятостью, обезоруживающей своей откровенной пропагандой.

В личном плане Зорин был цельнее нас — „совестливых“, и в этом была одна из основных причин неприязни к нему со стороны коллег, неприязни высокооплачиваемых куртизанок, возомнивших себя матерью Терезой. В личном плане Зорин не путал друзей с врагами, готов был все сделать для первых и не спустить ничего вторым. И еще: Зорин умел говорить с начальством, включая непосредственное, останкинское. Думаю, что даже сейчас, в эпоху полуанархической свободы печати, мало кто осмеливается говорить со своими шефами и боссами в журналистских концернах, как Зорин разговаривал, например, с Лапиным, за что был неоднократно бит, и весьма больно — на грани замены партийного билета желтым. И конечно же он был крепкий профессионал, который мог собрать и разобрать по кирпичикам любой журналистский жанр.

Я всегда восхищался целостностью Зорина и, видимо, поэтому не принимал одно из его любимых детищ — передачу „Девятая студия“. В этой передаче в основном участвовали бовинообразные „совестливые“ светлые головы из нашего журналистского цеха и из идеологических отделов ЦК КПСС. Но эти светлые головы лишь морочили головы телезрителям, прельщая их подобно гомеровским сиренам. Им всем, вместе взятым, я предпочитал изредка появлявшегося в „Студии“ Леонида Замятина. Резко и безапелляционно он говорил то, что отражало нашу внешнюю политику, без сюсюканья, без слез, сиропа и соплей. Замятин говорил дело, а не лавировал между Сциллой власти и Харибдой вольнодумства, чтобы потрафить пикейным жилетам, попрятавшимся под кухонными столами.

Дорогие коллеги и вы, наши потомки! Прежде чем забивать Зорина камнями, вспомните об Иисусе Христе и Марии Магдалине.

Зорин был и остается зеркалом советской журналистики. И неча нам на зеркало пенять, коль скоро рожа наша вышла кривой. Даже у тех, кто щеголял идеальным профилем Рудольфо Валентино. Смотреть нас надо было в фас, то есть в корень. А корни наши были гнилыми. Не интеллигентски гнилыми, а просто гнилыми.

Хватит показывать Богу Зорина в свое оправдание.

(Для тех, кто не читал, перестал читать или подзабыл Маяковского: последняя фраза навеяна его строками „Проститутки, как святого, меня на руках понесут и покажут Богу в свое оправдание“.)»

Статья Стуруа напоминает женское письмо — весь смысл в последней фразе. Воспевая Зорина (боюсь, что, кроме вреда, это ничего Зорину не дало), оскорбляя Бовина, Стуруа защищает свою позицию, всю свою жизнь не «совестливого» американиста, все свои публикации, в которых правила бал «предвзятость, обезоруживающая своей откровенной пропагандой».

Я предпочитал полуправду. И мне не нужно показывать Богу «святого» Зорина. Я покажу ему письмо Дашевской...

Что же касается Мэлора Георгиевича, то долго думал и простил его. Потому что ему труднее и стыднее. Особенно — потому что там...

В день его 70-летия по просьбе «МК» написал поздравление. Назвал «Черная зависть»:

«Нас с Мэлором объединяла любовь к шампанскому. Кажется, еще к чему-то... Но забыл. Разъединяла же закуска. Он закусывал и оставался худым. А у меня это не получалось. Отсюда — постоянная зависть толстого к худому. Так, видимо, грузный славянский шкаф завидует гамбсовской этажерке.

Была и другая причина для зависти. Моя журналистская судьба складывалась трудно. Все время приходилось выдавливать из себя, как пасту из тюбика, некое подобие мысли. Мэлор же изначально был (и остается) непревзойденным мастером плетения изящнейших словесных кружев.

Теперь золотые языки ценятся гораздо дороже, чем золотые перья. Уверен, что, если бы Мэлор пошел на телевидение, он заткнул бы за пояс Якубовича с Ярмольником. Тоже ведь завидно.

И последнее. Всю жизнь отстаю от юбиляра на три года. Наверное, так и не удастся догнать...

Так держать, Мэлор!»

Отхожие промыслы

Мое отлучение от начальства продолжалось года полтора. Однажды раздался звонок, и мне было предложено на следующий день к 9 утра прибыть в Волынское-2. Там меня встретил Георгий Эммануилович Цуканов — помощник Брежнева. По тем временам, пожалуй, главный помощник.

Цуканов — металлург. Последняя его должность «в миру» — главный инженер металлургического завода имени Ф. Э. Дзержинского в Днепродзержинске. В 1958 году Брежнев уговорил его расстаться с металлургией и получить портфель помощника секретаря ЦК КПСС. Я познакомился с Цукановым (подпольные клички Хоттабыч и ЦуКа) после октябрьского (1964) пленума. Он произвел на меня впечатление солидного, основательного, выдержанного человека. Таким он и был. Постепенно у нас сложились довольно тесные и доверительные отношения. Цуканов как бы возглавлял неформальную группу, в которую входили Арбатов, Иноземцев, а затем — Ю. А. Белик (первый заместитель заведующего отделом плановых и финансовых органов ЦК КПСС), Н. Е. Кручина (первый заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС), С. А. Ситарян (заместитель министра финансов СССР), Б. М. Сухаревский (первый заместитель председателя Комитета по труду и заработной плате). Если группа А. М. Александрова занималась в основном международными делами, то нам приходилось заниматься внутренней политикой, преимущественно экономикой. Цуканову не раз приходилось говорить Брежневу неприятные вещи, что, по нашим аппаратным нравам, требовало немалого мужества.

Где-то в середине 70-х между Брежневым и Цукановым пробежала черная кошка. Откуда она взялась и куда бежала, я не знал и не старался узнать. Брежнев как бы отодвинул Цуканова и приблизил Черненко. Цуканов, естественно, переживал.

В Австралии при неясных обстоятельствах погиб сын Георгия Эммануиловича. Эта травма лечению не поддавалась.

Все это не могло не отражаться на состоянии Цуканова. Он становился более раздражительным, нервным, напряженным. И более склонным к оградительным компромиссам с начальством.

В честь 60-летия Цуканова была создана

ЭЛЕГИЯ

Прими, Цуканыч, рог.
Но из него не пей.
Мы знаем, ты бы мог,
Да все же — юбилей.

В баул охоты для
Сложи печалей груз —
В лесах и на полях
Прекрасен жизни вкус.

А если против чувств
Природу бить в упор,
Предметами искусств
Ты услади свой взор.

Неотвратим счет дней,
Как это и ни жаль.
Пронзают юбилей
И радость, и печаль.

Цуканыч, не тужи!
Ведь так уж мир устроен.

Два академика,
Седых
И с ними — некто Бовин.

После смерти Брежнева к Цуканову многие подъезжали, надеясь получить уникальную информацию. И за большие деньги. Но он был непробиваем. Мне иногда рассказывал живописные истории. Правда, не столько о самом Брежневе, сколько о придворных. Предварительно

взяв с меня слово, что дальше не пойдет. И не идет. Хотя когда сидишь перед компьютером и щелкаешь по клавишам, соблазн бывает велик...

Именно Цуканов сделал максимум возможного, чтобы вернуть мне милость начальства. Она вернулась. И с ней — еще почти десять лет сочинения под псевдонимом. А ведь с каждым годом это делать становилось все сложнее. Противнее становилось...

Впереди — до окончательного выхода из-за кулис — были два партийных съезда, Конституция, текущие речи и три генеральных секретаря.

Но в Волынское я был вызван для сочинения речи, посвященной 250-летию Академии наук. Речь мы написали. Но юбилей не состоялся. Болел и, как рассказывают, немножко капризничал президент академии — Мстислав Всеволодович Келдыш, знаменитый Главный теоретик.

Приближались выборы в Верховный Совет РСФСР и, следовательно, речь Брежнева перед избирателями.

Но жизнь полна неожиданностей. Я получил телеграммы, что в Мариинском, Ижморском и Яйском районах Кемеровской области меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Это означало полную реабилитацию. И означало, что теперь придется писать речь и самому себе.

Полетел в Кемерово. Ездил по указанным трем районам, встречался с избирателями. Речь, конечно, написал по всем законам жанра. Но щадил аудиторию — не читал. Импровизировал на заданную тему. Все прошло хорошо, штатно. 15 июня 1975 года меня выбрали депутатом Верховного Совета РСФСР девятого созыва. Ради этого пришлось выдержать крупные перегрузки на всех стадиях предвыборной борьбы. Народ в Сибири серьезный.

Через пять лет все повторилось. И маршрут, и нагрузки. С одним отклонением от нормы. В Ижморском районе встреча с узким кругом избирателей состоялась в лесу. Домик вроде бы солидный. Отвстречавшись, стали одеваться. Зачем-то мне понадобилось топнуть ногой. Топнул и провалился в подпол. Доски подвели. Но на выборах, которые состоялись 24 февраля 1980 года, все равно не провалился.

Те выборы и те Советы к демократии имели весьма слабое отношение. Занятие определенных должностей автоматически означало депутатство в соответствующем Совете. Остальные места

распределялись начальством и рассматривались как поощрение, награда, признание заслуг.

И тем не менее Советы выполняли важную функцию. Там систематически встречались люди — и, как правило, достойные люди, принадлежащие к самым разным слоям общества. Рабочий мог сидеть рядом с директором завода, учительница рядом с министром, врач рядом с секретарем обкома. Это создавало определенную психологическую атмосферу, которая выходила за пределы залов заседаний. Там создавалась и поддерживалась политическая культура, которая противостояла коррупции, сдерживала чиновничий беспредел, создавала чувство защищенности.

Для тысяч людей, которые два раза в год приезжали в Москву или в столицы республик, это были большие праздники. К ним внимательно относился и их обслуживал огромный аппарат. В их распоряжении были любые театры и концертные залы, любые выставки, любые магазины. Их принимало начальство, а значит, возникали дополнительные возможности взламывать бюрократические бастионы.

Реальная власть не принадлежала Советам. Им принадлежал «одобрямс», то есть «право» единодушно и единогласно одобрить то, что им предлагают одобрить. Но это не означает, что Советы бездельничали. Не знаю как в Верховном Совете СССР, но у нас работы хватало.

Я входил в Комиссию по иностранным делам. Разумеется, мы не занимались стратегическими вооружениями или ближневосточным кризисом. Мы занимались делами, несомненно, более мелкими, но очень конкретными. Например, приграничная торговля. Тут на республиканском уровне можно было идти навстречу интересам людей. Например, культурные связи, гастрольная политика.

Предполагалось, что во время Олимпиады многие гости Москвы захотят посетить Загорск. Мне было поручено проверить состояние трассы Москва — Загорск. Сохранилась бумага, которую я представил в комиссию. Она называется «Впечатления от поездки в Загорск». Вот что я писал:

«В целом состояние дорожного полотна более или менее удовлетворительное (по нашим стандартам, разумеется). Дорожные знаки содержатся в порядке. А дальше, к сожалению, начинаются многочисленные но.

Почти по всей трассе нуждаются в обновлении разметочные линии. Отсутствует много километровых столбов.

Металлические ограждения очень грязные, кое-где сломаны. Не завершена работа по обновлению автобусных остановок.

Особенно плохое впечатление производят обочины дороги — кюветы запущены, много мусора, всюду остатки дорожных работ.

Хуже всего — в самом Загорске. Главная магистраль — проспект Красной Армии — запущена, разбита. У стоянки перед Лаврой в основном „пылевое“ покрытие. Жалкое, убогое впечатление производят две торговые точки у входа в Лавру. На территории Лавры только один туалет — маленький и грязный.

Из трех АЗС одна (на 34-м км) еще не готова. Вторая (№ 107) — в запущенном состоянии: обшарпанный, грязный вид, не заасфальтированы подъезды и сама площадка. Третья (№ 103), как говорят, принята комиссией. Внешне она выглядит вполне прилично — все покрашено, чисто. Однако — в обоих случаях — пистолеты старые, текут, и трудно заправиться, не испачкав руки.

По типовому проекту данного типа АЗС туалет для проезжающих не предусмотрен. Есть служебный — на одну персону. Работники АЗС говорят, что получили указание пускать туда иностранцев.

Из трех интуристовских ресторанов в Загорске два („Дружба“ и „Север“) закрыты на ремонт и вряд ли будут готовы к плановому сроку — 15 июня. „Золотое кольцо“ работает и выглядит снаружи и внутри весьма прилично. Даже есть специальное и неплохо оборудованное место для мытья рук. Было бы хорошо заасфальтировать подъезд к ресторану и стоянку перед ним, а то летом будет очень пыльно (это же относится к ресторану „Дружба“).

Ресторан „Сказка“ (43-й км) еще ремонтируется. Вид у него симпатичный. Но „тылы“ ресторана, хозяйственный двор, вдоль которого идет подъезд к ресторану, в ужасном состоянии, просто какая-то свалка. Или надо навести там порядок, или поставить забор».

Соппротивление было, но вопрос дожали.

И за десять лет таких вопросов было не так уж мало.

В круг неформальных обязанностей депутата входила помощь «своей» области, «своим» районам, своим избирателям. За два срока получил сотни писем. Инвалиду войны нужна коляска, школе нужен автобус, немцев не пускают в Германию и квартирный вопрос, который

всех портит не только в Москве, но и в Сибири. Звонил, стучался в разные двери, агитировал, убеждал, выпрашивал. КПД был примерно процентов 20–25. Прилично.

Мой главный минус на депутатском поприще — я не ездил отчитываться перед избирателями. Тут не было жестких норм. Примерно раз в год надо было появляться в кемеровских краях. Рассказывать «О текущем моменте». Но вот не появлялся. Ругал себя. Клялся и божился. И снова пролетал мимо. И люди там чудесные, и принимали отменно, и было о чем поговорить. Не сложилось что-то. А что? До сих пор не могу ответить...

Брежневу не положено было импровизировать. Он читал слова текста. Но все равно выбрали...

Запомнился такой эпизод предвыборной борьбы. В предвыборной афише Косыгина, которую внимательно изучал Брежнев, было сказано: добровольно пошел в армию. После этого Брежнев дал указание и о нем написать, что добровольно пошел на фронт, и добавить, что участвовал в Параде Победы.

* * *

После предвыборной кампании на первый план выдвинулась подготовка к Всеевропейскому совещанию в Хельсинки. Это бревно катал МИД. А в МИДе главным «хельсинотворцем» был Анатолий Гаврилович Ковалев, одна из немногих светлых голов в окружении Громыко.

Официально, на уровне пропаганды, совещание в Хельсинки, подписанный 1 августа 1975 года Заключительный акт рассматривались как крупная победа советской дипломатии. Ковалев приложил большие усилия, чтобы убедить в этом свой родной МИД, а также политбюро ЦК КПСС. Работая над хельсинкской речью, мы активно поддерживали Ковалева. И убедили. Хотя, как мне казалось, червь сомнения продолжал грызть начальственные души...

Мы получили в Хельсинки признание «нерушимости границ». То есть, как тогда думали, сертификат на уравнивание в правах ФРГ и ГДР. Правда, были оговорки (возможность мирного, по договоренности, изменения границ), но их — при желании — можно было не замечать.

Однако за признание Западом условной «нерушимости» границ Восток вполне безусловно признал «ненарушимость» прав человека и его основных свобод. Советский Союз признал, что указанные права и свободы находятся под непосредственной защитой международного права. Это означало, что практически рухнул наш основной аргумент, аргумент от невмешательства: какими правами наделены советские граждане, какими они пользуются свободами — это наше внутреннее дело, а во внутренние дела тот же Заключительный акт вмешиваться не велит.

Советские иерархи понимали это. Но, во-первых, не было убедительных контраргументов. Во-вторых, надеялись на привычное: «собаки лают, а караван идет». В-третьих, никто вообще серьезно к правам и свободам не относился.

Пострадал бедный Ковалев. Вместо ожидаемого и вполне заслуженного ордена Ленина получил Трудовое Красное Знамя. Вот в это «внутреннее дело» никто вмешаться не мог.

* * *

После Хельсинки стали плавно вползать в подготовку XXV съезда КПСС.

В январе 1976 года началась проходка и притирка готовых кусков в Завидове. Там произошли большие перемены. Функционировали бассейн и сауна. Леонида Ильича переселили в отдельный домик, соединенный с главным помещением закрытым переходом. Невдалеке построили домик для иностранных гостей. Поскольку его строили под Киссинджера, то закрепилось название «кискин дом».

Из записных книжек того времени:

«С Л. И. стало трудно работать. Очень изменился. Разговоры о болезнях. Некоторая величественная отстраненность. Общая атмосфера сидений в Завидове стала тусклой, скучной. Главное — спорить с ним стало трудно. Раздражительность.

Занятия внешней политикой как форма ухода от внутренних проблем. Такое впечатление, что не знает, как к ним подступиться. А мы знаем?

Элементы „культы личности“. Бесперывное славословие. И это нравится. Верит в искренность. Любуется собой.

Общая обстановка в п/б, видимо, довольно напряженная. Нет подлинного взаимодоверия, товарищества. Л. И. не чувствует их коллегами. Сложные отношения с премьером. Ревность.

Главное: нет распределения обязанностей, персональной ответственности за дело. Предлагалось — отказались, хотят осуществлять общее руководство. Всё — всем.

Вокруг Л. И. („двор“) обстановка мелких интриг и подхалимства. Ссоры среди помощников. По существу, „мозгового центра“ (даже в ограниченном понимании) нет. Нет желания выслушивать знающих людей, вникать в дело, советоваться. Самоизоляция».

В общем, шел быстрый процесс превращения первого Брежнева во второго. И не только из-за болезни.

Обсуждение текста отчетного доклада шло относительно спокойно. Уже был опыт. Да и генеральный стал менее придирчив. «Ударные места» есть, двигаемся дальше.

Иногда застревали не столько по тексту, сколько по смыслу тех или иных формулировок.

Например. Какова главная задача пятилетки? Пишем: повышение благосостояния людей на базе развития промышленности, сельского хозяйства и т. д. Нет, говорят нам. Не так. А как? Пожалуйста: развитие материально-технической базы, на основе чего будет расти благосостояние людей.

Спор о словах? Ни в коем разе! Спор о приоритетах. Спор о том, ради чего нам нужны заводы и фабрики, колхозы и совхозы. И о том, как подводить итоги: по тоннам стали или нефти или по тому, что лежит на обеденном столе.

Спорили долго. Иногда казалось, что Брежнев склоняется к «потребительскому подходу», к ускоренному росту знаменитой группы «Б» (товары народного потребления). Иногда он снова оказывался в плену традиции (ускоренное развитие группы «А»). В тексте сказано: «Все это, вместе взятое, позволяет оценить девятую пятилетку как значительное продвижение по пути к высшей цели экономической политики партии — росту благосостояния народа». Брежнев комментирует: «Получается, что вся наша экономическая политика только и состоит вроде в том, что мы повышаем благосостояние людей.

Внутренняя политика определяет и оборонную мощь страны, и многие другие факторы. А здесь сведено к росту благосостояния народа... Может быть, еще раз подумать?»

Или другой вариант. Рассуждая о необходимости повышения уровня жизни, мы написали: «Здесь проходит главный фронт борьбы за коммунизм». Брежнев сомневается: «Я не могу сказать, что это неправильно, но обращаю внимание, нужно ли нам так говорить. Трудность в том, что никто не дал ясного тезиса или формулы, что такое коммунизм, коммунистическое общество. Тут и идеология, и целый ряд других вещей. Поэтому я очень осторожен в отношении слов: „проходит главный фронт борьбы за коммунизм“. Может быть, сказать по-другому: „Здесь, товарищи, проходит один из решающих участков нашей политики...“».

Конечно же «не хлебом единым...». И в этом всеобщем, всемирном смысле Брежнев прав. Но съезд, политика партии привязаны к конкретным историческим обстоятельствам. Равномерно распределяемая бедность выдвигала проблему «хлеба» на первый план. Брежнев интуитивно чувствовал это, но вряд ли понимал. Иначе не ограничился бы полумерами типа «продовольственной программы».

Что же касается XXV съезда, вышли из положения формулировочным способом. «Высшая цель»: подъем материального и культурного уровня жизни народа. «Основная задача»: повышение благосостояния советских людей. «Стержень стратегии»: нарастание экономической мощи страны. Постепенно группа «А» снижала свой «рейтинг», и все-таки начальство продолжало мыслить тоннами стали или нефти, а не количеством легковых автомобилей или холодильников.

В феврале 1976 года, как раз когда будет работать XXV съезд, исполнится 20 лет со дня XX съезда КПСС. Мы предложили сказать об этом в докладе. Брежнев не возражал. Никто (кроме Ф. Д. Кулакова) из членов и кандидатов не возражал. Вписали хороший абзац. Абзаца не осталось. Но XX съезд докладчик все-таки упомянул. Формально, по касательной, но упомянул...

Во внеплановом порядке обсуждались ангольские дела. Откликаясь на SOS Агостиньо Нето, Кастро послал в Анголу экспедиционный корпус (примерно 36 тысяч «штыков» и 300 танков). Москва не инициировала эту акцию. Но и не возражала. Американцы нервничали.

В Завидове шум поднял Арбатов. Он утверждал, что безрассудные действия Кастро подрывают разрядку, осложняют советско-американские отношения. И что надо решительно отмежеваться от Гаваны. Иначе мы можем потерять гораздо больше, чем Ангола. Оппонентом Арбатову выступал Александров. Он упрекал академика в утрате «классового чутья», в забвении «интернационального революционного долга». По телефону в дебаты был вовлечен Андропов. Он не поддержал Арбатова.

Спор вокруг Анголы не изменил нашу позицию. Но он был полезен. В политбюро и вокруг него сложилась такая атмосфера, когда важнейшие решения принимались как-то полусшепотом, под сурдинку, без четкого и ясного сопоставления и сравнения позиций. И Брежневу было не вредно узнать, что существуют весомые аргументы против ангольской авантюры Кастро. И что есть люди, готовые изложить эти аргументы.

Разумеется, время, когда он менял «боровую дичь» на «конфронтацию», ушло далеко в прошлое. Теперь Брежнев был в курсе основных внешнеполитических проблем. Однако иногда обнаруживались странные провалы, которые приходилось устранять на ходу. Вдруг он спрашивает: что там за палестинское государство такое? Откуда оно взялось? Или просит растолковать причины кипрского конфликта. Не стеснялся не знать — и то хорошо.

В Завидове мы все ходили в разных вариантах спортивных костюмов. И вдруг Брежнев таким гоголем выходит ужинать в мундире генерала армии. И смотрит на нас — каково?! Челядь выражает полный восторг. Шеф доволен...

К сожалению, доволен... Способность посмотреть на себя со стороны, противостоять лести и раньше не была самой сильной стороной Брежнева. Теперь она и вовсе сходит на нет. Славословие приобретает гипертрофированные формы. Даю картинку.

Сентябрь 1976 года. Подгорный вручает Андрею Павловичу Кириленко орден Ленина и вторую медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда. Брежнев стоит рядом. Послушаем избранные места из благодарственной речи дважды Героя:

«Дорогой Леонид Ильич, я по праву юбиляра-именинника прежде всего хочу сказать, что я беспредельно счастлив, что в этот радостный и незабываемый для меня день ты, Леонид Ильич, вместе с нами —

твоими друзьями, которые вот уже второе десятилетие плодотворно работают под твоим мудрым руководством...

За это время ты, как никто, так высоко поднял величие нашей Родины и ее народов и так мудро изменил развитие мира в сторону разрядки и утверждения прочного мира на земле, за что ты, Леонид Ильич, законно снискал глубокую любовь миллионов людей нашей планеты.

Дорогой Леонид Ильич, всем известно, что к твоей неутомимой деятельности ныне приковано внимание всего мира, и в мире все хорошо знают, как много ты сделал и делаешь для нашей Родины и всего человечества.

В нашей стране и зарубежные друзья говорят и пишут, что в словах Леонида Ильича бьет ключом оптимизм, уверенность в будущих успехах мира и что искренность этого подкрепляется все новыми и новыми инициативами и практическими делами.

Наша партия и народ с большой законной гордостью высоко оценивают твой благородный труд и с большой преданностью поддерживают все твои инициативы и идеи.

Партия и народ любят тебя, Леонид Ильич. Любят за твою человечность и сердечность, за твою мудрость и безграничную преданность ленинизму.

Весь твой жизненный путь, твоя мудрость и талант дали тебе возможность собрать, впитать в себя такие драгоценные качества партийного и государственного деятеля, которые присущи только великому человеку нашего времени, вождю нашей партии и всех народов нашей Отчизны.

Леонид Ильич, все мы рады, что ты такой, и все мы желаем тебе, наш дорогой друг, крепкого здоровья и быть таким еще многие и многие годы на радость и счастье людей труда».

Можно просто написать: по comments. Но можно и прокомментировать, тоже просто: ни стыда ни совести! Ведь все понимали, что к чему. Даже, наверное, «дорогой Леонид Ильич» не верил всему, что слышал. Но всех устраивал очередной «культ» — он позволял всем оставаться у власти.

Из Завидова перебрались в Волыньское-2. Там учитывали замечания членов и кандидатов. В это же время разыгрывались сценки вокруг кресла главного редактора «Известий». Кто-то назвал Брежневу

мою кандидатуру. И получил ответ: «У меня на Бовина другие планы». Когда мне рассказали об этом, я не был в курсе других планов. Хотя, когда меня избрали делегатом съезда, насторожился. И не зря. Еще до съезда Леонид Ильич предложил мне вернуться в аппарат. Предложил или помощником, или обратно в отдел замзавом. Я понимал, что отказываться трудно. Но соглашаться уж совсем не хотелось. Я уже хлебнул воздух журналистской «свободы», пусть в кавычках, но все же... А видеть каждый день Александрова или Рахманина — это было выше моих сил. И я решил схулиганить. Радостно и нахально улыбаясь — перед нами, но ближе ко мне стояла бутылка — я выдвинул свою кандидатуру на пост заведующего отделом. В ответ мне напомнили разговор после XXIV съезда за арбузом без косточек.

Потом я долго соображал, не сделал ли ошибку. Вроде бы нет. Выбрал «свободу».

После съезда Цуканов переключил меня на экономику. Сложилась такая практика. В конце каждого года проводился пленум, который подводил итоги экономического года и рассматривал проект народно-хозяйственного плана на следующий год. За подготовку выступлений Брежнева отвечал Цуканов. И он свою старую команду стал переквалифицировать на экономистов. Так что пришлось мне засесть за книги. Но главное — знающие люди. Общение с ними помогало ориентироваться в экономических дебрях.

В 1976 году план на 1977 год и пятилетку рассматривали на октябрьском пленуме. Я еще ходил в подмастерьях.

Начало 1977 года заняли выступление Брежнева в Туле (городу присваивалось звание «Город-герой») и речь на XVI съезде профсоюзов.

Для подготовки выступления в Туле нам выделили дачу Ново-Огарево. По Рублевскому шоссе, сразу за Усово. На берегу Москвы-реки. Дача принадлежала КГБ. Долгое время там жил Подгорный. Потом решили использовать для текущих дел.

Профсоюзная речь делалась по старому адресу — Волынское-2. Относительно профсоюзов нам был сообщен настрой Брежнева: «роль профсоюзов не поднимать». Без пояснений. Возможно, профсоюзная бюрократия (ВЦСПС) пыталась раздвинуть рамки своей деятельности в ущерб бюрократии партийной. Возможно, шли какие-то сигналы о росте негативных настроений среди рабочих. Возможно, возникала

мысль: а зачем нам вообще профсоюзы? Не знаю. Но мы, видимо, не справились с задачей, «недопустили», потому что последовал окрик Голикова: «Доклад написан с троцкистских позиций».

А обсудить «позиции» с докладчиком не можем. Он укрылся на даче в Кунцеве. Прямой связи с ним нет. Только через Черненко.

Успокаивало, что таким он и был прочитан.

В связи с профсоюзным текстом была и такая интрига. Появлялись разные хорошие люди и слезно молили нас уговорить Брежнева освободить профсоюзы от главного профсоюзника, председателя ВЦСПС А. И. Шибяева. Уж больно сер, пуглив, несамостоятелен. Вроде Черненко, добавляли для ясности. Мы пытались помочь профсоюзам. Но не получилось. Может быть, как раз потому, что не хотелось роль поднимать?

Тем временем мозги переключались на экономику. По словам заведующего отделом плановых и финансовых органов ЦК КПСС Бориса Ивановича Гостева, «никогда еще не было так плохо в экономике, как в 1976 году». Реформа 1965 года («меры по...») была поглощена бюрократическим болотом. Нужны были новые «меры». В начале февраля Совет министров обсуждал проект постановления «О мерах по улучшению планирования народного хозяйства, стимулирования технического прогресса и повышения производительности труда». Заседание было бурным. Некоторые министры (Сергей Федорович Антонов, министр мясной и молочной промышленности, Петр Фаддеевич Ломакин, министр цветной металлургии, Анатолий Иванович Костоусов, министр станкостроительной и инструментальной промышленности) выступали резко, требовали перестать обманывать самих себя. Косыгин, как рассказывают, утопил все в общих фразах.

Начитался до одурения всяких бумаг из отделов ЦК, Госплана, министерств, институтов. Запись: «Общее ощущение: апатия, безразличие в „верхах“, боязнь „высунуться“, поставить проблему, обнаружить знание реального положения дел».

Звонил Андропов: «Бросьте там мудрить, не лезьте, ничего сейчас не получится».

Состоялся IV съезд Союза журналистов СССР. Торжественно и чинно. Из записок: «В докладе — ни одного имени. В президиуме — ни

одного журналиста. В прениях — ни одной мысли. Исключение — Р. Косолапов...^[15] Полный отрыв речевого уровня от уровня делового».

Параллельно с профсоюзными делами я обрабатывал свой собственный участок. Пытался, как я уже рассказывал, разобраться в том, что происходит в Китае после Мао. И сообщить об этом читателям «Известий». Рахманин тормозил меня изо всех сил (да ничего там не происходит!). Вынужден был написать записку Александрову.

«Мне кажется, — писал я, — что посольские материалы, — насколько я их знаю, — неверно ориентируют руководство. Посольство явно недооценивает происходящие в Китае перемены и пытается создать впечатление, что там все или почти все остается по-старому. Думаю, что посол подстраивается к настроениям, которые пока берут верх в ЦК и КГБ.

На самом же деле в Китае уже начался и набирает темпы демонтаж маоистской политики. Своеобразие переходного момента: без Мао Цзэдуна еще нельзя, а вот без маоизма (в его „скачковом“, „культурно-революционном“ смысле) уже можно.

Я сознательно опускаю детали и объяснения, сознательно упрощаю картину, чтобы яснее проступила главная мысль: Китай вступил в новую полосу своего развития. По-моему, нам важно это понять и вырваться из плена прошлых „анализов“».

И в заключение — мудрые слова Чернышевского: «Круг фактов еще не заключился, потому и мнение, из них выводимое, не имеет в себе ничего такого, что не могло бы измениться в будущем...»

Никто, кроме Рахманина, напрямую не возражал. Но и «добро» не давали. И потихонечку срезали даже подобие мыслей...

* * *

11 марта были у Брежнева в Кремле. Впервые он четко поставил вопрос о Конституции. Кончать надо тягомотину. Подготовить и опубликовать проект. Провести всенародное обсуждение. И вынести на сессию Верховного Совета.

Так началась конституционная страда. Не в самой лучшей обстановке. После Хельсинки обострилась борьба вокруг прав человека. Активизировался Андропов. Наиболее шумных выслали из

страны. Некоторые «выбирали свободу» сами. Некоторых арестовывали. Все чаще писали о шпионах (Щаранского, например, «поймали»). Все громче призывали к «чистоте». Все звонче били в пропагандистские барабаны. В качестве народной реакции увеличилось число писем, смысл которых заключался в элементарнейшей мысли: «Если мне плохо, не говорите хотя бы, что мне хорошо». Но такие письма до начальства редко доходили...

В принципе можно предположить, что конституционная кампания как раз и была рассчитана на то, чтобы под лозунгом развития демократии изменить атмосферу в стране, сузить базу для распространения антисоветских настроений. Но боюсь, что уровень стратегического мышления тогдашнего руководства делал такое предположение беспочвенным. Время политтехнологий еще не наступило...

Решение о выработке новой Конституции было принято Верховным Советом СССР еще 25 апреля 1962 года. Председателем Конституционной комиссии был избран, естественно, Хрущев. Проект подготовили, но до «хрущевской» Конституции дело не дошло. В декабре 1964 года Конституционную комиссию возглавил Брежнев. Новый проект (его подготовкой руководил А. Н. Яковлев) был готов к лету 1969 года. Однако политбюро решило воздержаться от изменения «сталинской» Конституции. Еще один проект был готов к весне 1972 года. Была создана новая рабочая группа во главе с Пономаревым, которая продолжила совершенствование проекта. И наконец, установочная беседа с Брежневым 11 марта.

Теперь дело завертелось. И опять новая рабочая группа. В ее составе, кроме «руководящей четверки» (Пономарев, Капитонов, Зимянин и Черненко), оказались «вкальывающая тройка» (Лукиянов — консультант отдела организационно-партийной работы, Собакин — консультант международного отдела, Бовин — «вольный» журналист) и «юридическая двойка» (Кудрявцев В. Н. — директор Института государства и права АН СССР и Самощенко И. С. — директор ВНИИ советского законодательства). Были и другие чины, но с ними как-то не приходилось сталкиваться.

Сначала нас (которые вкальывают) посадили в Волынском-2, потом переправили в Ново-Огарево, а с мая по октябрь мы жили в

Серебряном Бору. Удобно: 20 минут (тогда пробок не было) — и ты перед начальством.

С Лукьяновым и Собакиным мне приходилось сталкиваться. Но так долго и так плотно раньше вместе не работали.

Анатолий Иванович Лукьянов — для меня как двуликий Янус. Один лик: интеллигент, тонкий юрист, любитель поэзии. Он собрал огромную коллекцию живых голосов — поэты читают свои стихи. Сам пишет стихи. Тут все было ясно. Неясен (вернее, труднообъясним) другой лик. Лукьянов был сталинистом (Анатолий Виссарионович Лукьянов-Пленарный). Но каким-то сталинистом странным. В конкретных конституционных спорах он всегда выступал за демократический вариант. Но в более широком, социальном плане он, видимо, защищал социализм не обязательно с человеческим лицом.

Когда пришел Андропов, мы с Арбатовым усиленно рекомендовали Лукьянова в качестве заведующего общим отделом. Один из ключевых постов в аппарате. Возможно, именно сталинистские корни определили поведение Лукьянова в августе 1991 года. Впрочем, я до сих пор не верю в его «предательство». Когда Лукьянова посадили, я позвонил его жене, хотел выразить сочувствие, но она не стала со мной разговаривать...

Вадим Константинович Собакин — юрист, пожалуй, юрист-теоретик. Работал в ЮНЕСКО. Чувствует юридическую материю. Демократ.

От избытка своих сил
Собакин Толю укусил.
Но мир неплохо был устроен:
Покрыл их крепким матом Бовин.

Это сочинил еще один юрист-теоретик и участник конституционного хора Борис Михайлович Лазарев.

Два основных направления работы. Первый — текст Конституции. Второй — выступления и речи Брежнева в связи с Конституцией (на политбюро, на пленумах и на сессии). Плюс выступления Пономарева.

Мы («тройка», «двойка» и отдельно взятый Лазарев) начали с доработки проекта, оставшегося в наследство от предыдущих комиссий и групп. Непосредственная задача: подготовить текст, пригодный для

всенародного обсуждения. Шли по статьям. Шум и гам. Въедались в смыслы. Крутили и выкручивали слова. «Поднадзорен», «подконтролен», «подотчетен» — найти разницу...

Команда сработалась быстро. Никто из нас не любил натужной серьезности. Когда нужно, «отскакивали» в Москву. Гости иногда к нам забредали. Регулярно смотрели кино. Писали друг на друга клеветнические эпиграммы, из которых сложился сборник «Серборовские конституевины». Перелистаем его страницы.

В. Н. Кудрявцеву

Мне говорят: «Он — Дон Кихот!»
Пусть говорят, а мне не верится.
Ведь если Дон он и Кихот,
То с кем же бой тогда ведет?
И где же ветряные мельницы?

А. И. Лукьянову

Всех горлопанов и смутьянов
Всегда, витийствуя захлеб,
Заткнет за пояс А. Лукьянов —
Собаколюб и клопо...

В. К. Собакину

Ему не писаны законы,
И все формальные препоны
Ему природа рвать велит.
И днем и ночью пес ученый
Над Конституцией скулит.

А. Ф. Солдатовой^[16]

Анка-пулеметчица,
Где твой пулемет?

Хочется не хочется,
Время нас несет.
Время метит инеем —
Назад не убежать.
А глаза все синие...
Так держать!

Г. Х. Шахназарову

Себя порой нещадно мучая,
Он в обществе прекрасной дамы
Писал плохие конституции
И неплохие эпиграммы.

А. Е. Бовину

Мудр, как Бальзак. Афористичен.
Противник фраз пустых и спичей.
Юрист в ораве журналистов.
И журналист среди юристов.
В кругу орущей нашей братии
Отец и дядя демократии.
Всегда с остротой наготове
Сидит права жующий Бовин.

Поскольку мы занимались демократической Конституцией, то нас именовали «кадеты». Мы не возражали. И даже сочинили Кадетский марш. Его надо петь на мотив знаменитой песни о Коктебеле.

Проснувшись поутру едва,
Осуществляешь ты права,
Которые на Западе во мраке.
А кто, свободою горя,
Твои права расширил, бря?
Собакин, бря, Собакин, бря, Собакин!

А если в восемнадцать лет
Тебя вдруг выбрали в Совет,
А папа с мамой говорят, что рано,
Правы они, тебя коря,
А виноват кто в этом, бря?
Лукьянов, бря, Лукьянов, бря, Лукьянов!
А если жалуешься ты,
Что все чиновники — скоты,
Что за деревьями они не видят леса.
И рвешь ты волосы, скорбя.
А виноват кто в этом, бря?
Бря, Лазарев, бря, Лазарев, профессор!
А если ты немного глуп,
Попал под суд, как кура в суп,
А судьи — непреклонные упрямыцы —
Свирепствуют, закон блюдя,
А виноват кто в этом, бря?
Кудрявцев, бря, Кудрявцев, бря, Кудрявцев!
А если прав недостает
И ты полез в законов свод,
Но не нашел там нужных почему-то,
Листы грессбуха теребя,
А виноват кто в этом, бря?
Самощенко — директор Института.
А если весь Тбилиси рад,
Что кубок вырвал «Арарат»,
Забыты все раздоры и кошмары,
И дружбы полные моря...
А виноват кто в этом, бря?
Наш кандидат в членкоры Шахназаров.
Пою я этот гимн, друзья,
И думаю, откуда, бря,
Слова такие были наготове?
И вот, в преамбулу смотря,
Вдруг понял ясно: это, бря,
Все Бовин, бря, все Бовин, бря, все Бовин!
Конечно, помним мы о том,

Что каждый только лишь фантом.
Под псевдонимом скрыв свои приметы,
Мы поработали не зря,
Закона главного друга —
Кадеты, бря, кадеты, бря, кадеты.

Надеюсь, Владлен Бахнов не обидится на столь вольное использование его стихотворной матрицы.

Можно, конечно, обойтись и без стихов, и без песен. И тратить партийное время исключительно на партийную же прозу. Конечно, можно. Только уж больно скучно. А скука — враг производительности труда. Тем более умственного.

Результаты наших конституционных бдений направлялись в политбюро ЦК КПСС и в президиум Верховного Совета СССР. Оттуда возвращались тексты с конкретными замечаниями. Мы их учитывали (отклонение — это тоже форма учета) и снова рассылали. Несколько впечатлений.

Ни разу, ни в какой инстанции проект Конституции серьезно не обсуждался в принятом смысле этого слова. То есть не было коллективных дискуссий с сопоставлением мнений и аргументов. Может быть, боялись расхождений, открытого столкновения мнений? Каждый что-то чертил на своем экземпляре и возвращал его нам.

Руководящие замечания (а их мы получили около тысячи от 63 кандидатов и членов), как правило, не расширяли демократические нормы жизни. Так, например, еще на этом, чиновничьем этапе обсуждения вырубали статьи, разрешавшие свободно выбирать место жительства в стране и определять национальную принадлежность. Сняли указание на возможность во время предвыборных кампаний агитировать за и против.

Права и полномочия того или иного органа власти или управления рассматривались как права и полномочия конкретного лица, возглавляющего этот орган. Поэтому, например, когда освободили Подгорного, гораздо легче стало говорить о функциях президиума Верховного Совета.

Наш непосредственный начальник тов. Пономарев рекомендовал нам не вступать в коллизии с высокими инстанциями. Но иногда мы ослушивались, и в инстанции попадали излишне демократические

варианты. Почему-то запомнилась сценка. Мы въезжаем в Спасские ворота, и в машину звонит Пономарев: «Нет больше никаких сил! Это что, Собакин и Бовин определяют политику?!»

Как бы то ни было, 2 июня политбюро одобрило текст проекта, и 4 июня проект Конституции был опубликован. Для всенародного обсуждения.

Необходим был механизм, который позволил бы придать всенародному обсуждению деловой характер, учесть в максимально возможной степени все заслуживающие внимания замечания и предложения.

Предполагалось, что в конечном счете все замечания и предложения должны пройти через аппарат, организованный при секретариате Конституционной комиссии.

Для нас этот аппарат был все равно что «черный ящик». Не важно, что там делалось внутри. Важно получить на выходе обработанные и систематизированные замечания и предложения. Мы или отклоняли поправки, или принимали их. Если принимали, то формулировали новую редакцию статьи и наше предложение докладывали «руководящей четверке», точнее — Б. Н. Пономареву.

За каждым замечанием, за каждым предложением стоит, как правило, некая жизненная проблема, которая заставляет реагировать на себя даже через Конституцию. И, суммируя все замечания, с которыми мне пришлось иметь дело, я выделил бы две группы беспокоящих людей проблем.

Первая. Общее ощущение отсутствия надлежащего порядка. Отсюда — требования дисциплины, ужесточения борьбы с пьянством, стяжательством, злоупотреблениями.

Вторая. Общее настороженное отношение к «должностным лицам», руководству, начальству. Отсюда — требования усилить гласность, ограничить сроки пребывания во власти, ужесточить наказание за невнимательное отношение к жалобам и просьбам трудящихся.

Много суждений было вокруг ст. 6 (партия — наш рулевой). Было много предложений подчеркнуть, что все свои решения по вопросам государственной жизни партия, действуя в рамках Конституции, проводит через Советы и другие органы государства. Но ограничились

фразой: «Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Большое сопротивление вызвала ст. 17, допускающая индивидуальную трудовую деятельность. Примерно треть предложений по этой статье требовала ее исключить. Оставили, но добавили, что государство обеспечивает использование такой деятельности в интересах общества.

Предлагалось добавить в ст. 34, что граждане равны перед законом независимо и от «служебного положения». Мы поддержали, но нас не поддержали.

Предлагалось указать в ст. 44, что право на жилище обеспечивается низкой платой не только за квартиру, но и за коммунальные услуги. Указали.

Предлагалось дополнить ст. 93 следующим положением: «Советы народных депутатов и создаваемые ими органы систематически информируют население о принятых ими решениях». Мы поддержали. Вот она — гласность! Но не всем гласность нравится...

Последняя акция в Серебряном Бору — вычитка текста с точки зрения русского языка. Пригласили заведующую кафедрой стилистики полиграфического института. Солидная интересная дама. Утром вручили ей текст. Сделали все, как она велела. Вечером — торжественный прощально-благодарственный ужин в ее честь. Дама вполне вписывается в обстановку.

И я вспоминаю. Несколько месяцев назад позвонил Стасик Кондрашов. «Что-то, — говорит, — Сашка, плохо мне, тоскливо, грустно». Друг в беде. Надо выручать. Еду. Пошли в «Арагви». Обедаем. Роняем какие-то слова. Но вдвоем — уже легче. Из «Арагви» движемся в кафе «Лира» (там теперь «Макдоналдс»). Взяли шампанское. Стасик читает стихи. Вдруг за наш столик (при наличии свободных) впархивают две девицы. Говорливы чрезвычайно. Показывают удостоверения — из райздравотдела они. Мы реагируем вяло. Стас продолжает читать стихи. Девочки тоже слушают.

— Вы филологи? — интересуется одна из них.

Мы мрачно киваем головами.

— А можно я задам вам вопрос по вашей специальности?

Мы молча соглашаемся.

— Какого рода п...ц?

— ???????

Немая сцена. Станислав заворочался, и мы позорно удалились.

И вот — торжественный ужин. И человек, который знает все о русском языке. Я произнес затейливое предисловие. Она подбодрила меня. И вопрос был задан. Ей понадобилось меньше минуты.

— Ну, что же вы, мальчики... Какой род?! Это же междометие. Ох! Ух! Ах! П...ц! Вот и все дела.

Чтобы была демократия, надо, чтобы депутаты Верховного Совета в ходе сессии выступили с предложениями и поправками. Решили помочь депутатам. Заготовили девять поправок и с соответствующей мотивировкой роздали депутатам. Они сделали все, как надо.

Сессия была очень торжественной. Доклад Брежнева длился 1 час 33 мин. Аплодировали 67 раз. Даже в официальной стенограмме в два раза сократили упоминание аплодисментов. Неприлично получается.

С учетом специфики момента для нашего коллектива (3+2+1) выделили анфиладу комнат под общим названием «его императорского величества половина». Музей. Трудности с курением. И с боржомом. Делать было нечего. Вел наблюдение.

Публичное славословие, воспевание начальства можно рассматривать как проявление «культы личности». Раньше страх заставлял. За личностью стоял ГУЛАГ. А теперь что? Стремление как можно дольше удержаться в должности? Наверное. И эта цель оправдывала эти средства. Неуважение к себе как лучший способ выразить «уважение» к начальству.

По поводу «брежневской» Конституции высказывались весьма негативные суждения. Но ведь все относительно. Конституция 1977 года — плод своего времени и не могла быть другой. Российская Конституция 1993 года — плод другого времени. Это другой политический документ. Но с точки зрения формалистики конституционного права, отточенности формул, сбалансированности всей конструкции боюсь, что нынешняя Конституция уступает предыдущей.

* * *

Конституции приходят и уходят. Есть нормы, их можно назвать надконституционными, которые гораздо более живучи, гораздо менее подвержены разрушительному действию времени. В меру наших способностей мы старались внести посильный вклад и в создание таких норм. Надеюсь, читатели оценят это.

***ЛОГИЧЕСКИЕ И НЕКОТОРЫЕ ИНЫЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА, А ТАКЖЕ СОСТАВЛЕНИЯ
ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ***

***Основоположения, относящиеся к характеру и методам ведения
дискуссий***

Аксиома Бовина: инициатива наказуема.

Первый закон Бовина: дискуссия является свободной, открытой и равной; ее содержание не влияет на решение председательствующего.

Первое следствие первого закона Бовина: прерывание председательствующим участника дискуссии или посылка первым последнего на... не является оскорблением личности участника или умалением его научных достоинств.

Второе следствие первого закона Бовина: прерывание председательствующего участником дискуссии или посылка последним первым на... не подлежит рассмотрению в качестве аргумента, но и не влечет организационных последствий.

Второй закон Бовина: любое предложение, высказанное участником дискуссии, может быть квалифицировано как бесполезное или вредное.

Первое следствие второго закона Бовина: бесполезное предложение принимается без голосования.

Второе следствие второго закона Бовина: вредное предложение считается принятым после утверждения такового начальством.

Третий закон Бовина: каждый участник дискуссии имеет право выдвигать заведомо глупые предложения и отстаивать их.

Первое следствие третьего закона Бовина: мера глупости определяется либо в шахах (глупость, инициированная избытком ума), либо в лазарях (глупость, инициированная отсутствием такового).

Второе следствие третьего закона Бовина: $1 \text{ шах} \times 1 \text{ лазарь} = 0$.
Категорический императив Бовина: поступай с Лукьяновым так, как ты хочешь, чтобы он поступил с Лазаревым.

Основоположения, относящиеся к содержанию и кондициям документа

Аксиома Собакина: любой документ можно ухудшить.

Теорема Собакина: если документ нельзя ухудшить, то всегда найдутся орган или должностное лицо, которые сделают это.

Первый закон Собакина: любой документ может содержать любое, но конечное число ошибок.

Первое следствие первого закона Собакина: количество политических ошибок отражается не на документе, а на лицах, его составлявших.

Второе следствие первого закона Собакина: если размеры документа возрастают неограниченно, разность от деления количества ошибок на количество страниц стремится к единице.

Второй закон Собакина: любая попытка устранения ошибок не может не привести к их усугублению.

Следствие второго закона: качество документа находится в обратной пропорциональной зависимости от числа лиц, его редактировавших.

Категорический императив Собакина: поступай с Бовиным так, как ты не хочешь, чтобы он поступил с Солдатовой.

Основоположения, относящиеся к характеру связей между документом и действительностью

Аксиома Шахназарова: плохое знание действительности является необходимым и достаточным условием составления хорошего документа.

Первый закон Шахназарова: любой документ должен быть рассчитан на любую ситуацию.

Первое следствие первого закона Шахназарова: никакие ситуации не могут быть предсказуемы, кроме тех, которые предсказаны в предшествовавших документах.

Второе следствие первого закона Шахназарова: ситуация, наименее вероятная теоретически, практически — наиболее вероятна.

Второй закон Шахназарова: степень и характер воздействия любого документа на любую ситуацию не зависят от воли его составителей.

Категорический императив Шахназарова: поступай с Кудрявцевым так, как ты хочешь, чтобы он поступил с Шахназаровым.

Основоположения, относящиеся к роли науки в составлении документов

Аксиома Кудрявцева: наука — враг документов.

Теорема Кудрявцева: если теория расходится со здравым смыслом, надо прибегнуть к редакционным поправкам.

Первый закон Кудрявцева: любой документ может быть научно обоснован.

Первое следствие первого закона Кудрявцева: для научного обоснования документа участие ученых не обязательно.

Второе следствие первого закона Кудрявцева: участие в научном обосновании данного документа не противоречит участию в научном обосновании документа, противоположного первому.

Второй закон Кудрявцева: научное содержание документа не зависит от научной квалификации его составителей.

Первое следствие второго закона Кудрявцева: любой ученый может истолковать неправильно любой правильный документ.

Второе следствие второго закона Кудрявцева: любой неправильный документ может быть истолкован правильно любым ученым.

Категорический императив Кудрявцева: не поступай с Пономаревым так, как ты не хочешь, чтобы он поступил с тобой.

Основоположения, относящиеся к взаимоотношению составителей документов и начальства

Аксиома Лукьянова: каждый начальник знает, что он хочет, даже если не может это выразить.

Первый закон Лукьянова: каждый составитель имеет много начальников, но по крайней мере одного, которому подотчетен.

Первое следствие первого закона Лукьянова: мнение составителя, который подотчетен, тождественно мнению начальника, которому подотчетен.

Второе следствие первого закона Лукьянова: мнение составителя, который подотчетен, существует лишь постольку, поскольку неизвестно мнение начальника, которому подотчетен.

Второй закон Лукьянова: указания начальства подлежат исполнению, даже если они неисполнимы.

Первое следствие второго закона Лукьянова: если составитель не может понять указание начальства, это не значит, что данное указание неправильно.

Второе следствие второго закона Лукьянова: указания начальства, поступившие несвоевременно, должны быть своевременно исполнены.

Третье следствие второго закона Лукьянова: если указание В является следствием указания А, а указание С отменяет указание А, то указание В подлежит исполнению, даже если указание С не отменено последующими указаниями.

Категорический императив Лукьянова: «Чихал я на ваши императивы!»

* * *

И наконец, последний акт в затянувшейся конституционной драме. Акт о награждениях. Начальство было довольно, и нам дали понять, что нас не забудут. Пономарев потребовал списки и получил их. Потянулась пауза. Я, правда, ее не очень чувствовал, так как сразу был переброшен на юбилейный доклад (60 лет Октября). Но все равно переживал потихоньку. Постепенно выяснилось вот что. Оказывается, «по умолчанию» существовала практика — не давать орден чаще, чем раз в пять лет. И Суслов, который в данном случае был последней инстанцией, настаивал на этом. Конкретно речь шла о Шахназарове, Кудрявцеве и обо мне (в 1976 году мне дали орден Трудового Красного

Знамени). Но в данных условиях, с учетом реальной роли тех самых «составителей», оставить нас за бортом было невозможно. Даже для Сулова. Поэтому он дал команду никого не награждать. Классика: усреднение по худшему варианту.

Кончилось тем, что 25 ноября «кадетов» пригласили в кабинет Пономарева, и Борис Николаевич огласил решение секретариата ЦК КПСС: «Работникам аппарата ЦК КПСС и научных институтов, принимавших участие в подготовке материалов, обобщении замечаний и предложений к проекту новой Конституции СССР, объявить благодарность». В списке было 12 человек. Потом мне описывали забавную деталь. Сулову дали список по алфавиту, где моя фамилия была первой. Он дал указание переделать список по чинам. И там я очутился на предпоследнем месте.

Когда в связи с 50-летием я получил не соответствующий моему «чину» орден Ленина, мне шепнули: это — за Конституцию.

С юбилейным докладом проблем не возникало. Когда я отряхнул конституционную пыль, он уже был практически готов. На мой взгляд, оставались резервы для улучшения. Но Александров трясся над каждым абзацем. И любую попытку что-либо улучшить рассматривал почти как личное оскорбление.

* * *

По разным причинам у Брежнева заметно снизилась требовательность к тексту. Главное — «ударные места». И Андрей Михайлович квалифицированно халтурил, вместо мысли предлагая общие места и напыщенность. Все это шло на «ура!». А попытки показать серьезность положения в стране вызывали раздражение. Раньше Цуканов брал на себя роль первопроходца, прикрывал нас. А теперь он сам был растерян, не уверен в себе, пытался поддакиванием вернуть себе прежнее место при хозяине. Все это понятно, но все равно противно.

Запись 27 октября. «Иногда думаю: а может быть, мы (оторванные от жизни, от основной массы людей, живущие в искусственном мире) неправильно оцениваем обстановку в стране? В партии? Может быть, „подавляющее большинство“ искренне верит и думает так, как

утверждает массовая пропаганда? И все же — нет! Люди чувствуют всеобщую ложь, пустоту выпендренных слов, разрыв между словом и делом. Характерны лица людей, которые видишь по ТВ во время показа разного рода митингов, собраний etc. Мрачные, отчужденные лица».

Завален бумагами о положении дел в народном хозяйстве. И этот план летит. И план на 1978 год липовый. И пятилетка трещит по всем швам. Что писать? Цуканов собрал нас и дал команду: «Поглупеть!» Очень ему не хочется ходить в «очернителях». Да и нам это ни к чему. «Отбеливателем», конечно, легче быть. Но совесть протестует.

Политбюро обсуждало план 9 декабря. Косыгин, Суслов, Романов — все нормально; «катастрофы нет»; план трудный, надо перевыполнять. Устинов, Мазуров, Гришин, Кунаев, Соломенцев выступали резко. «Для выполнения плана нужен план, а его нет!» — это Устинов. Текст, который мы подготовили Брежневу и который он прочитал, вполне гармонировал с критиками плана. Но, к сожалению, содержательной дискуссии не получилось.

«Оцепенение — может быть, это подходящее слово? Смутное (или не очень?) осознание того, что экономические процессы выходят из-под контроля, развиваются по каким-то своим законам. И — паралич воли, нежелание (и неумение) предпринять что-то, выходящее за рамки мелкой починки». Это я записал где-то между политбюро и пленумом.

После политбюро Брежнев приболел, и декабрьский пленум проходил без него. Текст раздали участникам пленума. Из газет следовало, что генеральный секретарь присутствовал и выступал с докладом.

Следовало бы дать команду: «Поумнеть!» Но, во-первых, давать ее было некому. А во-вторых, наверное, она уже опоздала...

Итак, год прошел. Выглядел он так:

7.1–13.1. Ново-Огарево (Тула).

1.2–16.3. Волыньское-2 (съезд профсоюзов).

28.3–21.4. Волыньское-2 (Конституция).

22.4–30.4. Ново-Огарево (Конституция).

4.5–14.12. Серебряный Бор (Конституция, 60-летие, пленум).

До Нового года сумел перебраться в новое здание «Известий». Удивил редакционное начальство просьбой заменить причитающиеся мне по чину телевизор и сейф на холодильник «Морозко». Заменяли. Поговорил с коллегами. В газете — тихий маразм, алексеевский маразм. Как и везде: все знают, что плохо, и все молчат, по углам шепчутся.

После Нового года уехал в Друскининкай. Лечил коленки и писал докторскую диссертацию «Теория политики». Коленки не вылечил. Но они еще послужат мне четверть века. Написал первую главу на 367 страницах. Остальные главы, думал, допишу, когда получу красную карточку на журналистском поле.

Оторванность от повседневной суеты позволяла повнимательнее посмотреть вокруг. «Мысли все время возвращаются к общему положению в стране и партии. — Это я писал 11 января 1979 года. — Экономика: главные экономические показатели падают вниз. Поворот к эффективности не получается. Пятилетка провалена. Решения не выполняются.

И не хотим смотреть правде в лицо.

Социальные отношения: отчужденность между „верхами“ и „низами“. Ужесточаются границы между социальными группами.

Национальный вопрос.

Политика? Ее нет. Есть лозунги, слова, призывы — и только. Экономическая политика: растворилась в „оговорках“, бесконтрольности, всепрощенчестве.

Социальная политика дышит на ладан.

Национальной политики вообще нет.

Думать, что одиночные закрытые постановления — это политика, значит, обманывать себя.

А внешняя политика? Не шахматы, а игра в бильярд. Реакция на их ходы. Нет фантазии, нет широты взглядов. Плохая пропаганда, а не политика.

А пропаганда = ложь и пафос. Сплошные трафареты. Банальности. Пережевывание одного и того же. И все это понимают. И все негодуют. Вспоминаю „Жигули“: открываешь газету — попадаешь в другую страну^[17].

„Верхушка“ пережила себя. И не только физиологически. Ни один крупный вопрос не обсуждается по существу. Не могут и не хотят.

Первое — нет знаний. Второе — боязнь столкновения мнений.

Полная изоляция от народа, партии. Свой искусственный мирок политиканства. Черненко — верх наглости.

Судьба великой страны в руках у посредственностей».

А тут еще в феврале подоспел орден «Победа». Наградили им Маршала Советского Союза Брежнева. Стыдобища да и только! Ну хорошо, старый больной человек. Стыдно больше за нас, за тех, кто помоложе и поздоровее. За тех, кто молчал. Неужели прав Гегель и история нас ничему не учит?^[18]

Весна и лето прошли в мельтешении вокруг очередных речей. XVIII съезд комсомола, Минск, Баку.

По молодости лет комсомольцы хлопали исправно, с энтузиазмом. С возрастом энтузиазма становилось меньше. Поэтому для немолодежных мероприятий существовал страховочный механизм. Спускалась разрядка, согласно которой определенные группы инициировали «бурные аплодисменты». Этих людей называли «хлопкоробы».

Речи в Минске (июнь) и Баку (сентябрь) делались по стандартным пропагандистским шаблонам. И делались в основном «внеконтактным» способом, при минимуме общения с докладчиком. По-моему, самому Брежневу такие речи были неинтересны. Обязанность. Ритуал. Не более того. А про нас и говорить нечего...

* * *

Ближе к осени начались экономические радения. Тут не было проблемы «ударных мест». Тут не нужна была «пафосность». Даже Брежневу. Тут была совсем другая проблема. Появились и множились трещины в экономическом фундаменте нашего общества. Нужно было иметь смелость откровенно, не обкладывая проблемы успокоительной ватой, сказать об этом, понять причины, тенденции и предложить «меры по...».

Перечень проблем не составлял секрета.

Низкая производительность труда, низкое качество продукции, огромные потери в промышленности и сельском хозяйстве, увеличение «незавершенки», сплошные дефициты. Поворот от экстенсивного

экономического роста к росту интенсивному, к подъему эффективности народного хозяйства на базе научно-технического прогресса не получался. Все это, повторяю, не было секретом. Секретом — не для начальства — были масштабы.

Относительно «мер» ничего в принципе выходящего за пределы загубленных реформ 1965 года придумать не могли. Всякая стратегия требует выделения приоритетов и маневра средствами. Но существовало два табу: оборона и сельское хозяйство. Их нельзя трогать, шумели члены и кандидаты, маневрируйте на остальной площади. Тут-то и таилась наша погибель. Сельское хозяйство было «черной дырой», миллиардные инвестиции давали минимальную отдачу. Другой «дырой» была оборона: она поглощала не только материальные и финансовые ресурсы, но и ресурсы интеллектуальные.

С одной стороны, на Брежнева давили экономическая ситуация и «очернители», которые настаивали на необходимости более глубоких реформ, чем реформы 1965 года. С другой стороны, нажимал могучий аппарат, который чернил «очернителей» и требовал сохранять в «чистоте»... Всем своим воспитанием, всей своей биографией Брежнев был на «другой стороне». Но год за годом наступая на одни и те же грабли, он не мог не задумываться. «Мучительно, что каждый год одно и то же». Эти его слова я записал 9 ноября, когда сидели над его речью по поводу плана на 1979 год.

Практически «очернителям», и в первую очередь академикам Арбатову и Иноземцеву, удавалось каждый год убеждать Брежнева предлагать какие-то нетрафаретные решения. Слова произносились. Дел не было. Потому что у докладчика не было воли повернуть события в реформистское русло. А может быть, и уверенности не было, что не сядем на мель в этом русле.

Мне много пришлось писать докладов, речей, выступлений. Они сделаны по лекалам докладчика. Я мог не разделять мысли докладчика. Но обязан был найти для этих мыслей благопристойную форму. Если же говорить о своих собственных мыслях, то, пожалуй, они наиболее адекватно отражены в текстах, подготовленных для «экономических» пленумов 1974–1982 годов.

Год завершился вручением Брежневу ордена Ленина и третьей медали «Золотая Звезда».

Отношение Брежнева к наградам, по-моему, находится в плоскости патологии. Я где-то читал, что из всех лидеров социалистического содружества наибольшее количество орденов имел Чаушеску, чуть ли не триста или около того. Брежнев, наверное, на втором месте. Но дело не только в орденах. Весь вестибюль его дачи в Кунцеве был украшен коврами, вазами, другими предметами с изображением Брежнева. На стенах висели фотографии докладчика в разных видах и ракурсах. Ему это нравилось...

В первой половине 1979 года я практически не занимался «отхожими промыслами». Ездил в командировки (Венгрия, Япония, Чехословакия). Немножко писал для «Известий». Пытался заниматься второй главой диссертации.

В апреле Брежневу присудили Ленинскую премию за книги «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина» (и за «неустанную борьбу за мир» — почему-то ни к селу ни к городу добавлено в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР). Поскольку мой «отхожий промысел» не был тайной, меня причислили к лику авторов этого генерального сериала. Что было на самом деле?

Однажды весной 1977 года Виталий Никитович Игнатенко (нынешний председатель ИТАР-ТАСС, а кем он был тогда, не помню) пригласил меня поужинать в Домжур. Мы были давно знакомы, отношения у нас были добрые — почему не поужинать? Игнатенко изложил идею «мемуаров» и предложил принять участие в написании таковых. Принципиальных возражений у меня не было. Но как-то было неохота. Игнатенко же я сказал более деликатно: очерки — не мой жанр, не умею их писать. И он не стал настаивать. Ужин не был испорчен.

Работали они в страшной тайне. Никаких фамилий я не знал, да и не очень интересовался. Но слухи все же витали. И мой друг Аграновский упоминался, и Сахнин, и Губарев, и коллега из «Правды» Александр Павлович Мурзин. Уже после появления книг я то ли в Серебряном Бору, то ли в Волынском оказался в одной бригаде с Мурзиным. Как-то мы хорошо посидели, и он раскололся. Был обижен. Ждал за труды хорошую квартиру, но не дали. Дали орден Дружбы народов.

Все три книги я прочитал. И увидел там много знакомого. Во время длительных трапез в Завидове Брежнев неоднократно

рассказывал всякие эпизоды из своей жизни. Эти рассказы воспроизводятся в книгах. Но основной материал принадлежит журналистам. Думаю, Замятин должен был уговорить генерального выразить, как это принято, благодарность тем, кто был привлечен к созданию мемуаров.

* * *

В мае мне повезло — очутился в Израиле. Тут такая штука. Каждый год, независимо от политической погоды, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с заграницей направлял в Израиль делегацию для участия в праздновании Дня Победы. Обычно в делегацию входили 3–4 человека. Обязательный набор: кагэбэшник, чиновник ССОДа и «лицо еврейской национальности». Допускалось совместительство. Мне было поручено возглавить делегацию. «Лицом» был Леонид Ефимович Беренштейн, некогда знаменитый партизан, а потом директор не менее знаменитой в Киеве фабрики индивидуального пошива одежды. «И не посадили», — удивлялся он.

Дипломатических отношений с Израилем не было. Самолеты «Аэрофлота» в «гнездо сионизма» не летали. Поэтому — до Бухареста, и оттуда на румынском самолете. В бухарестской гостинице лифтер взволнованным шепотом сообщил мне: «Брежнев — хорошо, Чаушеску — плохо, Брежнев — хорошо, Чаушеску плохо...» Я не возражал.

В Израиле над нами шефствовала компартия. Точнее, та часть компартии, которая выступала против сионизма и поддерживала позиции КПСС. Празднование состоялось под Иерусалимом в лесу, который носил название «Лес Красной армии». Если не считать речей, то — большой пикник на травке. Кстати, на книжном базаре было много советских книг на иврите и арабском, в том числе «Малая Земля» на арабском.

В Москве нам указали, что нельзя делать три вещи: 1) встречаться с теми, кто уехал из Советского Союза, 2) встречаться с официальными политическими деятелями и 3) заезжать на оккупированные территории. Посовещавшись на месте, мы решили, что этого нельзя делать в Москве, а здесь можно. И ничего, встречались и заезжали.

В информации, которую наша делегация представила в ССОД, мы писали: «Члены инициативного комитета по улучшению связей между Израилем и СССР, профессора в Тель-Авиве и Хайфе, представители буржуазной печати активно ставили вопрос о возобновлении дипломатических отношений между Израилем и СССР. Их аргументацию можно было бы суммировать в следующих положениях. Восстановление дипломатических отношений позволило бы Советскому Союзу:

играть более активную роль на Ближнем Востоке;
оказывать большую помощь прогрессивной израильской общественности, выступающей за справедливый мир;
служить противовесом усилению американского влияния в Израиле и во всем регионе.

С не меньшим нажимом израильские собеседники говорили и о том, что „большинство“ израильтян „не понимают“ негативное отношение СССР к договору между Тель-Авивом и Каиром. Их логика: ведь даже плохой мир лучше войны; отрицая этот мир, Советский Союз „объективно способствует“ затягиванию конфликта, обострению ситуации. Неоднократно подчеркивалось, будто арабы — „ненадежные союзники“, будто они „ведут свою игру“ и, как показал пример Египта, могут резко изменить курс.

По всем этим вопросам делегация обстоятельно изложила известные позиции Советского Союза».

Понадобилось еще десять с лишним лет, чтобы здравый смысл преодолел «известные позиции».

* * *

С конца лета началась подготовка к пленуму. Мы окопались в Волинском-2. Работали основательно. Приглашали по очереди представителей ведущих министерств и ведомств с докладами о положении в их областях народного хозяйства. Картина не вдохновляла. Вернее, вдохновляла, но одних — на поиск нетривиальных, новых решений, а других — на то, чтобы отболтаться от происходящего.

«Никто голый не ходит. Никто голодный не ходит. Дистрофиков нет». Эти слова принадлежат Черненко.

15 октября к нам приехал Николай Павлович Либединский, заместитель председателя Госплана, толковый, тонкий экономист, чувствующий биение пульса хозяйственной жизни. Несколько тезисов из его выступления.

Уже снижаются не только темпы. Падают абсолютные приросты, абсолютные уровни. Поскольку темпы снижаются неравномерно, усиливается разбалансированность, растут диспропорции.

Резко ухудшилось положение на транспорте. Поехала вниз группа «Б». Растут денежные сбережения и неудовлетворенный спрос, что снижает заинтересованность в результатах труда. Появляется «теневая» экономика: «серая» (чтобы работать, надо нарушить порядок) и «черная» (чтобы работать, надо уйти в подполье). Снижается дисциплина, растут безответственность и коррупция.

В качестве причин нарастания негатива Либединский выделил снижение эффективности системы планирования, ее консервативность и инерционность; ведомственность и местничество в планировании; устаревший хозяйственный механизм, который ориентируется на приоритет поставщика, а не потребителя; громоздкая и малоэффективная система управления, усиливающая ведомственную разобщенность. Госплан лишен возможности выступать в роли генерального штаба управления экономикой.

Либединский подчеркнул, что, по его наблюдениям, политбюро не уделяет достаточно внимания экономическим вопросам, не обсуждает их по существу, не контролирует выполнение своих же решений.

Куда уж тут «очернителям»!

Настроения, которые выразил Либединский, разделяла значительная часть хозяйственного актива. И если уж говорить о консервативности и инерционности, то она преобладала в партийных верхах.

Типичный пример: замечания Андропова на наш текст. Обычно Ю. В. ограничивался телефонными звонками. Но тут он прописал несколько страничек. Смысл — против обобщающих негативных оценок. «Зачем же мы будем свое общественное производство охаивать в целом? Это подарок нашим недругам, и формулировка в словах соответствует тому, что пишут в США и Югославии. Одним словом, здесь я был бы более осторожным на повороте...»

Перед нами — классика партийно-охранительного подхода. Критиковать — значит «охаивать». Критиковать — значит «лить воду на мельницу...» («подарок» недругам).

Андропов продолжает: «...весь текст о дисциплине в сгущенной сумме звучит как памфлет на нашу действительность.

Есть дисциплина трудовая, плановая, технологическая. Конечно, есть дисциплина и партийная, и государственная. Но когда все свалено кулем, то это негоже.

Но весь государственный строй, всю партию охаивать нет нужды. Есть случаи нарушения, есть и жулики, и взяточники, с ними мы ведем борьбу. Но то, что у вас сказано, — это нестабильность общества.

Одним словом, в этих вопросах до таких обобщений доходить нельзя, особенно нельзя это относить к рабочему классу и трудящимся.

Что вред большой может принести министр или секретарь обкома, то это правильно. Но если бы пример, а потом такое заключение, то это одно, а у вас сказано в общем так, что все министры и секретари обкомов могут принести вред. И если это так поймут в народе, то это может только нанести вред».

Передавая нам замечания Андропова, Брежнев ухмыльнулся. Он привык к тому, что Ю. В. в общем-то поддерживал наше критиканство. А тут такой реприманд!

Выручили словесные, формулировочные компромиссы. Но они годятся для речи, а не для жизни. В жизни же, пугаясь обобщений, партийное руководство просмотрело необходимый поворот, и через десять лет все пошло вразнос. Правда, теперь, в 2002 году, я уже не убежден, что вовремя проведенные реформы смогли бы преобразовать казарменный социализм в социализм с человеческим лицом. Но тогда, четверть века назад, социальная картина мира смотрелась еще по-другому.

Занятия экономикой — это была моя работа. А моя жизнь — это прежде всего идеология. Но если трудно было говорить по делу в экономике, то в идеологии это было просто невозможно. «Очернительство» в идеологии сразу выводило в диссидентство, делало из фрондера диссидента. А это был не мой путь, не мой выбор. В идеологии совет Андропова «осторожнее на поворотах» казался мне разумным. Хотя, «поворачиваясь», не всегда удавалось сохранить равновесие...

В 1979 году пришлось противостоять новой волне наступления сталинистов. Повод — 100 лет со дня рождения Сталина. К этому времени уже стало ясно, что втянуть Брежнева в реабилитацию Сталина не удастся. Но было ясно и другое: Брежнев открыто не выступит против сталинистов. В таких условиях решающую роль приобретал аппарат ЦК, особенно отдел пропаганды и отдел науки...

«Крупный вопрос исторического материализма» — так называлась редакционная статья в «Коммунисте» (1979, № 18). Журнал решительно выступил против «враждебных или наивно-невежественных вымыслов, будто деятельность Сталина „деформировала“ общественное развитие, означала отход партии от марксизма-ленинизма к никогда не существовавшему „сталинизму“». Попытки выделить в истории советского общества некий „период культа личности“ как „особый“ этап имеют целью смазать объективно-научное представление о становлении нового строя».

И еще один абзац: «Сталиным был допущен произвол по отношению ко многим бывшим и мнимым участникам различных антипартийных групп и уклонов. В 50-х годах люди, оклеветанные или понесшие наказание не в меру своей вины, были реабилитированы, а виновные в превышении власти и нарушении социалистической законности наказаны. Однако это не означает политической амнистии сознательным троцкистам, зиновьевцам, правым уклонистам, националистам, доходившим до подрывной борьбы, до призывов к свержению советского строя. Наша партия всегда бдительно оберегала и оберегает свое идейное и организационное единство и „идеологического плюрализма“ в своих рядах не допускала и не допускает» (все же сталинисты несут потери: куда-то запропастились бухаринцы и левые уклонисты; неужели «это означает...»?).

Любопытна редакционная статья «Правды» (21.12.79). Любопытна не тем, что она возвеличивает Сталина, — другого от той «Правды» трудно было ждать. Любопытна тем, что она даже не упомянула XX съезд КПСС.

О Сталине еще долго будут спорить. Одна из самых крупных и противоречивых фигур XX века. Я много размышлял о нем. Общий знаменатель — минусовый. И не в политическом, а в человеческом

смысле. В книге дочери Сэлинджера прочитал: «Есть что-то страшное в человеческом существе, которое хочет быть богом». И подумал о Сталине...

И совсем другое воспоминание. После смерти Мао Цзэдуна один мой китайский приятель так объяснял сохранение «культы Мао» в постмаоистском Китае: у вас были Ленин и Сталин. Вы могли проклинать Сталина и молиться на Ленина. А у нас Мао — это и Ленин, и Сталин в одном лице. Поэтому мы и критикуем Мао, и поклоняемся ему.

В 70-е годы именно апология Ленина использовалась у нас как средство развенчания Сталина. В первом ряду здесь пьесы Михаила Филипповича Шатрова, лучшего историка среди драматургов и лучшего драматурга среди историков. Зря в Шатрова сейчас кидают камни. Он показал Ленина таким, каким мы видели его в те годы. И это работало не только против Сталина, но и против партийной бюрократии вообще. Не случайно могучий Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС вечно ставил ему палки в колеса. А сталинисты именовали его троцкистом. Но Шатров — молодец, не сдавался.

До меня доходили слухи, что Министерство культуры предлагало Шатрову написать пьесу о Брежневе. Но Шатров отклонил столь лестное предложение. Брежнев запечатлен в кино и в картинах. В театр не проник.

Споры вокруг Сталина обострялись тем, что после Хельсинки стали появляться группы борьбы за реализацию Хельсинкского акта, за соблюдение прав человека. Участились скандалы с творческой интеллигенцией. Запрещали спектакли и кино. Свирепствовала цензура. Наиболее активных диссидентов высылали на Запад.

В той или иной форме приходилось заниматься всеми этими делами. Передавать письма. Устраивать аудиенции. Что-то объяснять, растолковывать. И снова приходилось сталкиваться с Андроповым. Ибо его записки в ЦК рисовали тревожную картину оживления антисоветских настроений.

Начало 1980 года ознаменовалось горячим обсуждением двух событий: высылки Сахарова в Горький и введения наших войск в Афганистан. В Советском Союзе обсуждения велись, как принято говорить, «на кухне». Остальной мир шумел вовсю.

С точки зрения закона высылка Сахарова выглядела весьма странно. Ее нельзя было обосновать какой-либо юридической нормой. Обосновывали «здравым смыслом», интересами государства. По закону (хотя и тут не все было гладко) Сахарова можно было или посадить, или «выдворить» из Союза. Сажать боялись, опасаясь юридических тонкостей и реакции мировой общественности. Выдворять не хотели. Во-первых, Сахаров сохранил бы трибуну для нападок на советскую власть. Во-вторых, пугал научный потенциал Сахарова. А вдруг он продается империализму? Оставался «самый гуманный», безопасный, хотя и незаконный способ — административная высылка. Горький — закрытый город. Иностранцев туда не пускают. Поэтому Сахаров окажется в изоляции. Но вроде бы и на свободе. Передвижения его жены не ограничивались. Квартиру четырехкомнатную дали. Чего же еще?

Власть не на шутку рассердилась. Президиум Верховного Совета СССР лишил Сахарова всех государственных наград (включая присуждаемое ему трижды звание «Герой Социалистического Труда»), а Совет министров СССР — всех званий лауреата присужденных ему премий СССР. Осечка произошла только в Академии наук. Несмотря на давление, президиум АН СССР отказался ставить вопрос о лишении Сахарова звания академика. Ограничились его «осуждением».

Советская пропаганда, с одной стороны, утверждала, что «проблемы Сахарова» нет, что наша общественность «полностью одобряет» меры, принятые в отношении Сахарова, а с другой — пугала эту самую общественность подрывными акциями, идеологическими диверсиями, всякого рода провокациями империалистических спецслужб. «Всего против нашей страны активно действует более 400 подрывных центров и организаций, — сообщал первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии С. Цвигун. — Работа всей этой колоссальной машины строится на основе согласованных долгосрочных планов, определяющих как постоянно проводимые операции, так и акции, рассчитанные на использование конкретной политической ситуации. Для акций идеологической диверсии широко используются радио, телевидение, печать, публичные выступления, различные письма, обращения, петиции и т. п. В состав наиболее оголтелых идеологических диверсантов включены ярые антисоветчики Солженицын, Максимов, Плющ, Амальрик, Буковский и другие,

выдворенные или выехавшие в последние годы из Советского Союза, а также отщепенец Сахаров» (Коммунист. 1980. № 4. С. 116).

Казалось бы, увеличение числа «отщепенцев» должно было заставить начальство задуматься, изменить тональность и содержание выступлений, с меньшим восторгом говорить об успехах, то есть начать серьезный разговор с серьезными людьми. Но работа над очередной речью перед избирателями Бауманского района Москвы показала, что если «заказ» и изменялся, то в противоположную сторону — больше успехов!

У нас в группе «разработчиков» усиливалось напряжение. Арбатов предлагал «хлопнуть дверью» и уйти. Цуканов умолял понять Леонида Ильича и не перечить, мы с Иноземцевым считали, что от хлопанья дверью ничего в лучшую сторону не изменится и поэтому хлопать не имеет смысла...

С предвыборными речами выступали все члены и кандидаты. И я продолжил изыскания, начатые во время принятия Конституции. Лидировал Кириленко. Он отбивал поклоны своему шефу 13 раз. Самым отстающим был Машеров — поклонился всего 3 раза. Между этими цифрами — 3 и 13 — характеры и надежды...

Мне с моими избирателями было легче. Речь я писал для отчета. Выступал же без текста, пытался что-то объяснить, в чем-то убеждать, вселять надежду. Отвечал на множество вопросов. И все равно ощущение фальши, искусственности происходящего сохранялось. Но еще сохранялась надежда.

* * *

Афганская тема, если иметь в виду мало-мальски объективный анализ, была закрыта для журналистов. Репортажи, очерки требовали пребывания в стране, да и вообще были не по моей части.

Но существовал еще один разворот афганской темы — заграничный. Официальная, правительственная заграница нас осудила. Многие компартии осудили тоже, среди них ведущие европейские — итальянская и французская. С ними решено было работать индивидуально. В Италию, в частности, ЦК командировал Евгения Максимовича Примакова и меня.

Примаков вырос в Тбилиси. Потом учился в Москве, стал арабистом, по этой линии дорос до корреспондента «Правды» в Каире. Место для арабиста ответственное и престижное. Потом пошел в науку. Сделал блестящую карьеру — уже в 1977 году стал директором Института востоковедения, а в 1979 году был избран академиком АН СССР. Умный, компанейский человек с широким кругозором, умеющий и сам работать, и организовать работу других. Мы были знакомы давно и считались друзьями.

За неделю пребывания в Италии мы дали множество интервью (телевидение, радио, газеты) и приняли участие в нескольких дискуссиях, которые были организованы коммунистами. В то время события в Афганистане только начинали разворачиваться. Душманов еще не было. В солдат наших еще не стреляли. Поэтому было относительно легко аргументировать нашу точку зрения. Любопытны были встречи с коммунистами. Очень хорошо просматривалось расхождение позиций зала и президиума. За столом президиума, на сцене сидели мы с Примаковым и местные партийные боссы. В зале — «рядовые» коммунисты. С нами спорили боссы. Зал же (а там стояли микрофоны) часто шумел в нашу пользу и встречал аплодисментами наши аргументы. Видимо, еврокоммунизм, уже затронув «верхи», еще не дошел до «низов».

В Москве афганские сюжеты затрагивались в связи с под подготовкой пленума ЦК, который состоялся 23 июня. Доклад «О международном положении и внешней политике Советского Союза» сделал Громыко. Брежнев подвел итоги прениям. Ему, да и всем, кто принимал решение о вводе войск в Афганистан, было важно получить одобрение пленума. И они его получили. Пленум принял решение о проведении в феврале 1981 года XXVI съезда КПСС.

Большие треволения вызвала попытка Вашингтона сорвать, ссылаясь на Афганистан, Олимпийские игры в Москве. Американцы действовали жестко, напористо. Прессинг по всему полю. У нас анализом ситуации занимался Андропов (не только, но и...). На его звонок я ответил, что не вижу необходимости проводить усеченную Олимпиаду. Он рассердился и назвал меня «трусливым интеллигентом».

— Увидишь, утрем нос Картеру!

И утерли. Я ошибался. Слишком долго и педантично взвешивал все за и против. А надо было «проинтуичить» и сразу к политическому выводу — утрем нос!

* * *

25 июля умер Владимир Семенович Высоцкий. Я с ним несколько раз встречался в Театре на Таганке. У него возникла идея: давайте вместе куда-нибудь поедем, вы прочтете лекцию о международном положении, а я ее спою. И он действительно сочинил такую песню. Но вместе мы так и не выступили.

Высоцкий, как и Сахаров, оказался сильнее огромной государственной машины. Как его ни третировали, ни запрещали, ни отлучали от поэзии, он, как трава через асфальт, пробивался через все запреты и препоны. Вопреки официальной иерархии, он стал самым народным артистом, самым народным певцом. Поэзия, как и положено, оказалась сильнее политики. Поэт победил власть.

Хоронили 28-го. Театр в плотном оцеплении милиции. Боялись эксцессов. Уговаривали Любимова вынести гроб через заднюю дверь. Но толпа сохраняла спокойствие. Торжественное спокойствие горя...

Смерть поэта вызвала к жизни много стихов. На мой взгляд, лучшие написал Владимир Алексеевич Солоухин. Я не отношусь к поклонникам Солоухина, но стихи не могу не привести.

Хоть в стенку башкою,
Хоть кричи не кричи,
Я слышал такое в июльской ночи!
Что в больничном загоне,
Не допев лучший стих,
После долгих агоний
Высоцкий затих.

Смолкли лучшие трели,
Хоть кричи не кричи,
Что же вы просмотрели,
Друзья и врачи?
Я бреду как в тумане,

Вместо комплекса — злость.
Отчего, россияне,
Так у нас повелось:

Только явится парень
Неуемной души,
И сгорит, как Гагарин,
И замрет, как Шукшин,
Как Есенин, повиснет,
Как Вампилов, нырнет,
Словно кто, поразмыслив,
Стреляет их влет.

До свидания, тезка!
Я пропитан тобой,
Твоей рифмою хлесткой,
Твоей хлесткой судьбой.
Что там я — миллионы,
А точнее, народ
Твои песни-знамена
По жизни несет.

Ты был совесть, и смелость,
И личность, и злость.
Чтобы там тебе пелось
И, конечно, пилось.
В звоне струн, в ритме клавиш
Ты навеки речист.
До свиданья, товарищ!
НЕ народный артист.

Высоцкого не было, а власть наша продолжала спотыкаться, позориться на нем, на его памяти. К годовщине смерти артиста Театр на Таганке подготовил спектакль «Владимир Высоцкий». Начальство — на дыбы. Стержень спектакля — поэт и общество. Поэтому: не рекомендуем. 21 июля 1981 года состоялось заседание художественного совета театра. На одном полюсе — Главное управление культуры

Мосгорисполкома. На другом — деятели культуры: писатели, композиторы, артисты, ученые. Я входил в состав художественного совета. Произнес речь: «Нельзя согласиться с тем, что главная тема спектакля — это конфликт поэта с обществом. Мне как раз кажется, что главная тема — соединенность судеб. Потому что судьба нашего общества драматична. Здесь были лагеря, война, культ личности, послевоенные сложности и т. д. И прибалтненные песни — это тоже судьба нашего общества, пережившего все эти трагические повороты. Песни Высоцкого, его стихи отразили все эти этапы. Конечно, не все у него было благополучно, все мы это знаем прекрасно, и все это неплохо отражено в спектакле. В этом смысле спектакль очень точен, потому что не пытается сделать поэта розовым, изобразить его просто на манер шансонье, а показывает его сложную, противоречивую судьбу, отражающую сложность и противоречивость нашей истории. Так мне показалось из того, что я увидел. Мне думается, что именно с партийной точки зрения это очень важно».

Спектакль разрешили показать только один раз для гостей театра. Полновесная премьера состоялась только в мае 1988 года. А в следующем году отмечалось 25-летие Таганки. Театр разослал анкету. Ниже вопросы и мои ответы.

1. *Ваши ассоциации при слове «Таганка».*

Любимов.

2. *Ваша первая встреча с «Таганкой».*

«Добрый человек...»

3. *Чем была для вас «Таганка» во времена застоя?*

Осажденной крепостью, которую надо защищать.

4. *Как вы воспринимаете «Таганку» сегодня?*

Еще не МХАТ, но...

5. *Ваши пожелания «Таганке» на будущее.*

Стать другой, но все-таки остаться «Таганкой».

«Осажденная крепость» — это почти не метафора, это гольный факт. И биться, драться приходилось врукопашную. Где-то в 1968 или 1969 году всякие органы, руководящие культурой, вели очередной штурм театральных стен. Нависла угроза закрытия театра. Все инстанции были пройдены. Осталась последняя. И мы (Любимов, Делюсин и аз грешный) сели сочинять письмо Брежневу. Сочинили.

«Уважаемый Леонид Ильич!

Понимаю, насколько вы заняты. И все же позволю себе обратиться к вам по вопросу, который хотя и может показаться на первый взгляд мелким, незначительным, но на самом деле является вопросом принципиальным. Речь идет о Театре на Таганке.

Театр на Таганке — политический театр. Таким он был задуман. Таким он и стал. И я, как художественный руководитель театра, и весь актерский коллектив видим главную свою задачу в том, чтобы средствами искусства активно, целенаправленно утверждать в жизни, в сознании людей светлые идеалы коммунизма, отстаивать политическую линию нашей партии, беспощадно бороться против всего, что мешает развитию советского общества. Партийность искусства для нашего театра — не фраза, не лозунг, а та правда жизни, без которой мы, артисты Театра на Таганке, не мыслим ни искусства, ни себя в искусстве.

Репертуар театра максимально приближен к требованиям современности. В таких, наиболее дорогих театру спектаклях, как „Десять дней, которые потрясли мир“, „Павшие и живые“, „Послушайте! Маяковский“, „Добрый человек из Сезуана“, „Жизнь Галилея“, „Пугачев“, театр отстаивает революционные традиции, бичует мещанство и обывательщину, воюет против косности и душевной пустоты, за активное политически сознательное отношение к жизни.

Все эти спектакли, прежде чем они встретились с массовым зрителем, обсуждались и принимались партийными и государственными органами, ведающими вопросами культуры. Театр внимательно прислушивался к их замечаниям и предложениям. Советская печать, оценивая наши спектакли, отмечала их революционный, патриотический характер. Однако в последнее время театр стал подвергаться критике, выдержанной в грубой форме, не имеющей ничего общего с принятыми в нашей партии нормами. Театр осуждают не за отдельные ошибки, а за все его направление.

Разумеется, как и во всяком деле, а тем более в творческом деле, не все у нас ровно, не все в равной степени нам удается. Есть и слабые спектакли, есть ошибки и неудачи. Многие слабости мы видим сами и стараемся от них избавиться. На многое нам указала критика, за что мы ей искренне благодарны. Однако в последнее время события приняли иной оборот — началась подлинная травля Театра на Таганке.

Практически меня лишают возможности нормально работать.

Я не хочу рассказывать о тех недостойных методах, которыми не брезгают наши „критики“. Скажу о главном — о политических позициях, с которыми обрушиваются на наш театр. Мы гордимся тем, что в ряде спектаклей подняли такую острую партийную тему, как борьба с вредными последствиями „культы личности“. А нам говорят, что это не актуально, что XX съезд партии — далекое прошлое, что все проблемы здесь давно решены. Мы считаем своим партийным долгом выступать против всякой „китайщины“, против догматического мышления, за ленинский стиль, ленинские традиции. А нам говорят, что это не актуально, что не в свое дело, мол, суетесь. Мы воюем с чинушами и бюрократами, отстаиваем большевистскую принципиальность, мы думаем на сцене и хотим, чтобы думал весь зрительный зал. А нам говорят, что это — „сползание“ с партийных позиций. Складывается впечатление, что Театр на Таганке „критикуют“ с позиций, которые трудно увязать с Программой КПСС, с решениями XXIII съезда партии.

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что в нашем современном обществе можно обнаружить два политических фланга. С одной стороны, есть безответственные крикуны, которые отрицают все и вся, им наплевать на наше прошлое, на то, что делала и делает партия; они требуют „свободы“, хотя вряд ли знают, что делать с этой „свободой“. С другой стороны, есть еще много людей, которые тяготеют к порядкам и нравам времен „культы личности“; они не понимают, что советское общество давно переросло узкий горизонт их

мышления и что нельзя решать социальные проблемы, делая вид, что их не существует. По-моему, тот характер, который ныне приняла критика Театра на Таганке, свидетельствует о живучести и активности тех, кто пытается вернуть советских людей к старым порядкам.

В конце концов, меня можно снять с работы. Можно даже закрыть Театр на Таганке. Дело не в личной судьбе одного или группы артистов. Здесь встают более общие вопросы. Кому это выгодно? Какие проблемы это решит? Это, разумеется, не эстетические, а политические проблемы. Беседы, которые состоялись у меня с некоторыми ответственными товарищами, оставили тревожное, гнетущее чувство. Мне приписывают совсем не то, что я думаю и к чему стремлюсь.

Поэтому я обращаюсь к вам — генеральному секретарю Центрального комитета нашей партии. Я был бы вам очень признателен, если бы вы могли принять меня.

Заранее признателен за ответ.

Искренне ваш Ю. Любимов».

Письмо передал Брежневу его референт Евгений Матвеевич Самотейкин, позже — посол СССР (России) в Австралии. Брежнев не принял Любимова. Но театру какое-то время свободнее дышалось^[19].

Это письмо относится как раз к той категории малых, но не таких уж не важных дел, которые можно было решать, находясь поблизости от начальства. И в 60–70-е годы это было легче делать, чем в предперестроечные 80-е, куда мы возвращаемся.

* * *

30 июля 1980 года — уже Волынское-2. Задача — набросок структуры отчетного доклада.

Меня вышибло из колеи собственное 50-летие. Но праздники приходят и уходят, а будни остаются.

Согласно моим запискам, 20 августа Волынское посетили секретари ЦК Горбачев, Долгих (он курировал промышленность) и

Капитонов. Поужинали. Поговорили о структуре. В Горбачеве, которого я видел первый раз, было внешне что-то наполеоновское.

В конце августа Брежнев посетил Казахстан. Выступая в Алма-Ате, он сказал, что в Китае происходят «серьезные внутренние процессы» и что «некоторые концепции» Мао, враждебные социализму, подвергаются критике. Все думали, что этот текст я «подсунул» генеральному. Но я и сам был в недоумении. Выяснилось позже, что это — вопреки Рахманину — сработал Голиков. Ему не терпелось «сблизить» КПСС и КПК. Сближения, конечно, не получилось, но слова Брежнева стали первым серьезным шагом на пути к восстановлению взаимопонимания между китайцами и нами.

Даю пояснение.

Рахманин доказывал, что в Китае и после смерти Мао ничего не меняется. Мао свернул с социалистического пути, и нет ничего похожего, что китайцы корректируют антисоциалистические установки Мао. В нынешнем Китае и не пахнет социализмом. Поэтому для Рахманина и его «китаистов» тезис о «серьезных внутренних процессах» звучал как похоронный колокол.

Голиков же полагал, что и при Мао Китай оставался социалистическим, хотя не исключено, что у «великого кормчего» был перебор по части революционности и антисоветизма. Надо поддержать китайцев, которые пытаются подретушировать Мао. И пора дружить. Кто теперь помнит о XX съезде?

Не уверен, что Брежнев разбирался в этих тонкостях. Его логика была проще: Мао нет, «банду четырех» посадили, значит, что-то стало меняться, и не в худшую сторону. Зондаж делу не повредит.

В середине сентября я лег в больницу, предстояла операция. Потом реабилитация в санатории. На работу вышел 8 ноября.

4 октября в Минске трагически погиб Машеров. Брежнев не поехал на похороны. Большая ошибка, по-моему.

В середине октября Брежнев забраковал текст выступления на пленуме, который должен был состояться 21 октября. Цуканов запаниковал и 15 октября вытащил меня на один день из санатория. Зря вытащил. Академики и так все довели бы до кондиций.

23 октября председателем Совета министров был назначен Николай Александрович Тихонов. По моим наблюдениям, не Черненко, конечно, но вроде. Очень несамостоятельный. Смотрящий в рот

Брежневу. Не понимающий современных проблем народного хозяйства. И просто — старый и больной человек.

Еще одна большая ошибка Брежнева: сообщив сессии о том, что Косыгин «по состоянию здоровья» просил освободить его от обязанностей премьера, и рекомендуя кандидатуру Тихонова, Брежнев не сказал ни одного доброго слова о Косыгине. Это было просто неприлично, почти скандально. Наверное, нашелся мужественный человек, который поговорил с генеральным. 25 октября в газетах была опубликована «Сердечная благодарность» — Брежнев удосужился сказать Косыгину «Спасибо!».

В санатории много читал. В частности, изучил роман-эссе Владимира Алексеевича Чивилихина «Память». Роман подвиг меня написать письмо в редакцию «Литературной газеты». Письмо называлось: «Здесь „русский дух“?» Александр Борисович Чаковский его не опубликовал («по понятным причинам», сообщил он мне). По моему, письмо не устарело.

В «Нашем современнике» публикуется роман-эссе В. Чивилихина «Память». Автор собрал интересный материал. Во всяком случае, я узнал много того, чего не знал раньше, — о людях и событиях. И люди, и события эти весьма различны. Первое впечатление: беспорядочная россыпь, произвольная смена пространств и времен. Но не так обстоит дело. Характер изложения, насколько я мог понять, подчинен одной идее — показать отечественную историю сквозь призму «истинно русской природы».

Чтобы показать концепцию, которой руководствуется В. Чивилихин, приведу отрывок из разговора автора с «любопытным читателем».

«У Миклухо-Маклая, — сообщает автор, — есть кратчайшее афористичное высказывание о природе человеколюбия, издревле присущего нашему народу: „...русской природе чужды не люди чужие, ей чужд эгоизм“».

И все же в этом афоризме Миклухо-Маклая, — сомневается читатель, — сквозит тенденция некоторой романтизации русских. Среди наших соотечественников, как и в любом другом народе, издревле встречалось немало натур эгоистичных, подлых, жестоких...

Простите, — признается автор, — я в погоне за краткостью невольно искажил мысль ученого; на самом деле он пишет: «Истинно русской натуре...» Истинно! А те люди, о которых говорите вы, русские по рождению, а не по духу...

«Опять „дух“? — вопрошает читатель. — Что это такое?»

Отвечая на этот вопрос «любопытного читателя», В. Чивилихин утверждает, что на эту тему «можно бы написать диссертацию». Он далее апеллирует к Пушкину: «Здесь русский дух...» Наконец, В. Чивилихин вспоминает о годах войны, о том, как ему в руки попал тогда дневник Толика Листопадова из Бахмача. В дневнике была такая запись: скоро ли придут те, что «и говорят по-нашему, и по духу наши!...».

Мне думается, что любой непредубежденный человек согласится: мальчик имел в виду отнюдь не «русский дух». Он ждал, он мечтал о том, когда придут советские солдаты, советские люди. Или солдаты-украинцы, солдаты-евреи, солдаты-узбеки и т. д. для него не наши «по духу»?

Удивительно, что В. Чивилихин не чувствует, что его аргумент находится почти на грани кощунства. Но — не чувствует. И делает вывод: «русский дух», о котором когда-то говорил Миклухо-Маклай, «а сейчас говорим мы с вами, — это, мне кажется, гуманистическая нравственная сущность нашего народа». Разумеется, если сущность нашего народа такова, она не могла не отразиться и на нашей истории. И действительно, под пером В. Чивилихина отечественная история выступает, пользуясь гегелевским языком, как воплощение «нравственной идеи», как собрание почти хрестоматийных примеров добронравия.

Так ли это? Поскольку диссертаций о «русском духе» не написано, давайте разбираться самостоятельно. Понятие «русский дух» могло бы иметь смысл в том случае, если с его помощью мы хотим выделить, подчеркнуть нечто специфическое, особенное, свойственное только русским. Но тут возникают неизбежные вопросы. А как быть, скажем, с поляками или китайцами? Как быть с арабами или французами? Как быть с другими народами? Логика В. Чивилихина требует лишить их нравственную «сущность» гуманистического начала. Другими словами, признать их изначально безнравственными, ибо какая же нравственность без гуманизма?

Возможно, В. Чивилихин не согласится с такой постановкой вопроса. Тогда он должен сказать, что, взывая к «русскому духу», он вовсе не собирался настаивать на исключительности русской природы, что «гуманистическая нравственность» присуща и другим народам. Но если так, то в чем же разница между «русским духом» и «духами», допустим, греческим или украинским? Они, эти самые «духи», становятся тождественными, и поэтому каждый из них теряет право на самостоятельное существование.

А теперь — другое предположение. Предположим, В. Чивилихин, размышляя о «русском духе», хотел сказать нечто, — пусть в неуклюжей, наивной форме, — о том, что можно назвать русским национальным характером. При всей расплывчатости понятия «национальный характер» этнопсихологический подход сам по себе вполне правомерен. Но правомерна ли попытка ограничить русский национальный характер лишь одним измерением («гуманистическая нравственность»)? Формируясь на протяжении веков, эволюционируя под воздействием самых различных обстоятельств, этот характер не может не иметь сложной, противоречивой структуры, не может не включать в себя множество свойств, не все из которых должны вызывать умиление. «Нет одного национального характера, — пишет академик Д. С. Лихачев, — есть много характеров, особенно (но не исключительно) свойственных данной нации... Необходимо изучить эти характеры, а главное — те сочетания, в которые эти характеры входили, ибо человек не существует сам по себе... Это — „сообщество“ характеров и типов, и оно все время движется вместе с движением истории, при всей силе национальных традиций».

Однако В. Чивилихин освобождает себя от содержательного анализа, от исторического подхода и к нашей истории, и к нашему характеру. У него все предельно просто. Минусы он заносит в графу «русские по рождению», которые, оказывается, не «истинно» русские. А плюсы — в графу «русские по духу», которые, следовательно, русские в квадрате (происхождение помножим на дух). Даже как-то совестно серьезно возражать против такого вульгаризаторства. Слишком оно очевидно.

История русского народа чрезвычайно богата, многопланова и противоречива. Она знала взлеты и падения, гениев и злодеев. Великая

история великого народа. И не надо пыжиться и становиться на цыпочки, чтобы доказать это.

Читая многие нынешние эссе, я, к сожалению, убеждаюсь, что проблема не устарела.

* * *

10 ноября — в Волинском. Мой непосредственный участок в докладе — группа «Б». Плюс, как всегда, общая редакция.

Крайне беспокоит всех положение в Польше. Устинов и Громыко настаивали на активном вмешательстве. Брежнев занимал гораздо более осторожную позицию.

В декабре перебираемся в Завидово. Докладчик требует резко сократить текст. Понятно — ему трудно говорить долго.

На столе по-прежнему пусто, «по-домашнему». Первое, второе и компот.

18 декабря умирает Косыгин. Об этом сообщают только 20-го, чтобы не омрачать день рождения Леонида Ильича. Именно 18-го ему вручают второй орден Октябрьской Революции. Ошибки учащаются...

В конце декабря попросили выступить на факультете журналистики Института международных отношений. Так сказать, повоспитывать молодежь...

«Опыт моей работы с молодежью, — сообщил я студентам, — крайне ограничен. Фактически он сводится к слабым попыткам воспитывать единственную дочь, которая сейчас сидит в этом зале и, видимо, ужасно переживает: не наговорил бы папа глупостей.

Когда я дома начинаю ее воспитывать, она предпочитает под каким-либо предлогом уйти в другую комнату. Но здесь моя задача облегчается тем, что уйти вам трудно. Сидит декан и все видит. Так что попробую.

Мне кажется, есть три основных пути в журналистику: по призванию, в силу превратностей судьбы, через факультет журналистики.

И вот этот последний представляется мне самым трудным.

Что писать? О чем?

Ведь прежде, чем писать, надо хотеть что-то сказать людям. Что-то внутри должно быть. Это „что-то“ — стержень человека, собственная личность.

Разумеется, все это — наживное. Опыт жизни. Как у Евтушенко: „Меня бросала жизнь и в морду била...“ Но вас тут в морду не бьют. Тут — теплица. Будут выращивать из вас личности. Но и вы сами должны выжать максимум возможного. Больше читайте. Внимательно смотрите по сторонам. Учитесь общаться с людьми.

Есть такое понятие „внутренний суверенитет личности“. Свой взгляд на мир.

Мы живем в иерархической системе. Она ориентирована на усреднение человека. И надо сопротивляться, сопротивляться во что бы то ни стало!

Учитесь сомневаться в том, что читаете и слышите.

Но сомнения, скепсис — обманчивая, двуличная штука.

Есть поверхностный, наивный скептицизм — ах, не так, не то, все врут календари! Такой скепсис не создает, а разрушает личность, делает ее мелкой, пустой, неинтересной.

Есть другой — творческий, конструктивный — скептицизм. Но он — результат огромного труда, огромных интеллектуальных и волевых усилий.

Истина должна быть не преподана, а пережита. Учитесь переживать истину, учитесь думать. Сначала мысль — потом слово.

Учебник, лекция — *minimum minimumum*. Для получения оценки. Для дела, для жизни этого мало.

Один пример. Брестский мир. Есть десятки статей. Есть пара страниц в „Истории дипломатии“. Но возьмите стенограмму VII съезда РКП(б), и вы увидите драму идей и судеб. Так вот, старайтесь добираться до стенограмм.

Хочу завершить свои размышлизмы словами Бориса Леонидовича Пастернака:

Во всем мне хочется дойти до сути.

В работе, в поисках пути, в сердечной смуте.

До сущности протекших дней, до их причины.

До оснований, до корней, до сердцевины.

Все время схватывая нить судеб, событий,

Жить, думать, чувствовать, любить, вершить открытья.

Стремитесь „вершить открытья“. Тогда будет интересно жить. Тогда, может быть, вы станете настоящими журналистами. Такими, которые нужны людям».

* * *

Сразу после Нового года уехали в Завидово. Так и хочется написать: Ново-Завидово.

Сработал естественный отбор. За столом нет ни машинисток, ни медицины. Из «обслуги» к совместному приему пищи остался допущенным только егерь Василий Петрович, генерал-майор теперь. На столе «по-домашнему» пусто. Опасаясь нашей самодеятельности, Брежнев даже из машины звонил на кухню и велел нам допайки не выдавать. Так что день начинался с манной каши, а заканчивался гречневой.

Задача: отчетный доклад на съезд и выступление на пленуме перед съездом (презентация доклада, как сказали бы теперь).

В отличие от прежних времен докладчик практически не участвовал в общих проходках текста. Он работал в своих апартаментах, где его секретарь Галя Дорошина читала ему материал. Потом он появлялся в зимнем саду, сообщал нам замечания и снова удалялся.

Пониженный творческий тонус не способствует бурным обсуждениям. Все шло спокойно. Почему-то не понравился раздел о партии. Тут же сформировал пожарную команду (Загладин, Шишлин, Бовин) и дал срок — три дня. Под это дело Николай выпросил две бутылки водки с закуской.

Трудно шел кусок о литературе и искусстве. Андропов прислал пару записок, где бил в революционный набат по поводу «ущербных» спектаклей («Галилео Галилей», «Дом на набережной», «Взрослая дочь молодого человека» и др.). Приходилось лавировать.

XXVI съезд прошел без отклонений от нормы. Если не считать, что меня избрали членом Центральной ревизионной комиссии.

В трагикомедию превратилось выдвижение кандидатур в ЦК. Сделать это поручили Андрею Павловичу Кириленко. Ни одну фамилию (чуть более сложную, чем Иванов) он не мог произнести правильно. Зал давился от смеха.

Когда раздавали бюллетени для голосования, я бродил по залу и призывал вычеркивать Тихонова, Кириленко и Демичева. Себя я вычеркнул, нас так когда-то учили. И еще кто-то меня вычеркнул. Кириленко получил 10 голосов против.

* * *

После съезда широко распространились слова «Экономика должна быть экономной». Обычно их приписывают мне. Я не отказываюсь. Хотя в памяти не сохранилось, что именно я начертил этот лозунг. Здесь, наверное, применима модель Кукрыниксов. Нас было трое: Арбатов, Иноземцев, Бовин. Но может быть, не столь важно, кто написал, сколько — правильно ли написано. Я утверждаю, что правильно.

Речь шла о том, что наша экономика слишком расточительна. У нас — по сравнению с лучшими мировыми показателями — на одну единицу национального дохода тратится значительно больше труда, сырья и электроэнергии. Значит, если мы хотим идти вперед, надо научиться полнее, рациональнее использовать наличные ресурсы. То есть повысить отдачу вложенного рубля. Или наоборот: снизить вложения, необходимые для получения нужной отдачи, то есть для получения этого самого рубля (тогда еще в рублях считали). В переводе на лозунговый, массово-политический язык это и звучало: «Экономика должна быть экономной!» Кстати, в начале XXI века задача эта стала еще более актуальной.

* * *

После съезда готовили грузинскую речь. Она должна была произноситься 22 мая в Тбилиси. Сидели в Волынском-2. Цуканыч

требовал от нас успехов. По мере возможности (или — невозможности) успехи обеспечили.

До конца года нагрузок по «отхожим промыслам» больше не было. Пытался продолжать диссертацию. Но — суета сует и всяческая суета...

19 декабря Брежнев получил еще один орден Ленина и еще одну, четвертую, медаль «Золотая Звезда».

1982 год начался — в речевой системе координат — вяло. Леонид Ильич чувствовал себя неважно. Ему было трудно с людьми. Уединялся, отсиживался в Кунцеве.

Но все же собрался в марте лететь в Ташкент, вручать республике орден Ленина. Сделали речь. Короткую и простую. Вот в эту речь был сознательно ввинчен абзац, где говорилось о наличии в Китае «социалистического общественного строя».

По просьбе Андропова работал над его выступлением в день рождения Ленина.

Майский пленум ЦК занимался Продовольственной программой. Так что прошел мимо нашей группы. Я пытался втолковать «аграрникам-марксистам», что самое время, опираясь на новую Конституцию, плотнее связать Продовольственную программу с индивидуальной трудовой деятельностью. Но они мыслили категориями колхозов и совхозов.

* * *

На майском пленуме Андропова избрали секретарем ЦК КПСС, то есть вернули с Лубянки на Старую площадь. Был у него в новом кабинете. Такое впечатление, что Ю. В. растерян. С одной стороны, он вроде бы кронпринц. Но с другой — не все это понимают и не всех это радует. Там он опирался на могучую машину, которая слушалась его беспрекословно, представлял одну из вершин «московского треугольника» (Андропов — Громыко — Устинов), треугольника, где концентрировалась реальная власть. Здесь же он только один из многих узлов в сложной сети взаимоотношений. И ветры здесь дуют не всегда попутные. Посаженного на его место Виталия Васильевича Федорчука

вряд ли можно было упрекнуть в излишних симпатиях к Андропову и к его наследию в КГБ.

Условились поддерживать регулярные рабочие отношения. Видимо, в порядке таких отношений Андропов как-то позвонил и спросил, смотрю ли я «Время». Я ответил, что смотрю. И он попросил высказать (если есть) соображения по программе. Мои соображения, отправленные Ю. В. 27 июля, сводились к трем пунктам.

1. Структура. Сейчас программа «Время» (за редчайшими исключениями) строится по следующему шаблону: руководство — внутренние дела — международная жизнь — культура — спорт. И что бы там ни случилось в мире, что бы ни волновало людей, сначала им будут рассказывать о Косовице (север, подъем зяби), кормах, рационализаторах, новых цехах и т. д. и т. п.

По-моему, «Время» надо начинать с самого актуального, «звонкого» события дня. Сегодня это может быть война в Ливане. Завтра — рекордный урожай. Послезавтра — космический запуск (или посадка). Я даже вполне допускаю, что «гвоздем» может служить и какое-то крупное событие из культурной или спортивной жизни.

В общем, включая программу «Время», человек должен знать: вот сейчас он услышит и увидит что-то интересное, важное, общезначимое.

2. Зрительный ряд. Сейчас значительная часть программы занята тем, что дикторы читают официальные документы или материалы ТАСС. Все это дублируется в газетах. Мне кажется, что нужно снизить удельный вес таких материалов, брать из них, выделять и комментировать лишь основное, суть. Нужно поднять удельный вес «картинок» — это же телевидение, а не телеслышание.

3. Содержание и форма. Нужно гораздо шире привлекать к программе «Время» партийных и государственных деятелей, ученых, артистов, журналистов и т. п. Министры иногда выступают и сейчас. Но их торжественные, чиновничьи речения только раздражают людей. Учиться говорить просто, ясно, умно, по делу — вот задача.

Дикторов, сидящих с каменными лицами, надо постепенно заменять журналистами (комментаторами, мастерами репортажа), которые скажут то же, но скажут интересно, без казенных интонаций.

Эти соображения заключал такой пассаж: «Все это легко писать. Но сделать будет — даже при желании сделать — чрезвычайно трудно. Люди, которые составляют программу „Время“, думают прежде всего о

том, „как бы чего не вышло“. Многие из них отвыкли работать самостоятельно, брать на себя риск решений, поисков, новизны. В конце концов, программа „Время“ — это частность, локальный участок. Начать можно и с него. Но можно ли изменить его, оставляя в прежнем положении всю работу телевидения? Я в этом сомневаюсь».

Поскольку Андропов выразил намерение провести совещание по идеологическим вопросам, я набросал ему несколько страниц для разгона мысли.

«На мой взгляд, главный недостаток идеологической работы — существенное различие между тем, что мы говорим, и тем, что происходит на самом деле. Мы часто и с удовольствием говорим, что сформировался новый, советский человек. Но продолжаем относиться к нему как к ребенку, который должен верить во все, что ему сообщают.

Отсюда и главная тема: идеологическая работа — это серьезный разговор с серьезными, думающими, умными людьми. Вот в этом направлении и должна идти та „перестройка“, о которой говорилось на XXVI съезде. Надо постепенно привыкать говорить правду. Правда целебна.

Надо учитывать законы психологии. Человека больше раздражает не то, что в магазинах нет мяса, а то, что настрой пропаганды исходит из того, что все в порядке.

Пример. Все знают, что мы из года в год покупаем зерно. Но почему мы молчим об этом? Представьте себе два солидных подвала в „Правде“ или „Известиях“ с обстоятельным разбором: столько-то нам нужно зерна, столько-то мы производим сами. Не хватает, и поэтому нужно пока покупать. И т. д. и т. п. Уверен, что такая статья была бы для нас, для общей атмосферы в стране гораздо полезнее, чем ежедневные бодрые сообщения программы „Время“.

Или другой пример. Трагический случай на стадионе породил лавину разговоров, слухов, небылиц. А мы отделались несколькими строчками. Неужели нам повредило бы четкое изложение фактической стороны дела плюс выводы, уроки?

Третий пример. Гибнут наши люди в Афганистане. Приходят гробы и похоронки. Множатся слухи. Цифры называют самые невероятные. А мы молчим. Элементарное чувство уважения к памяти тех, кто умирает за интересы нашей страны, уважение к их близким

требовало не молчать, а сообщать, писать о тех, кто погиб, выполняя свой интернациональный долг.

Ведь американцы, англичане поименно сообщают о каждом солдате. А разве наши менее достойны внимания Родины?

Я прекрасно понимаю, что мне можно возражать, и возражать обоснованно. Еще Гегель где-то сказал: мы стали настолько умны, что можем обосновать все, что хотим. И все-таки надо осторожно, постепенно, умно отходить от сложившейся традиции, учиться говорить правду, даже если она нам неприятна. И меньше будет всякой болтовни. И уважать нас будут больше.

Другая тема — форма подачи материала. Сложился удручающе казенный, скучный, стертый стиль. Одни и те же фразы, обороты. Очень много выпренности, барабанного боя. Классический пример — проект доклада Гришина о 65-й годовщине Октября. В общем, нужно учиться говорить нормальным русским языком, с нормальными человеческими интонациями.

Подлинным бичом стало всеобщее чтение по бумажке. Когда речь идет об официальных выступлениях — это одно дело. А когда на собраниях, митингах, сессиях Советов, на пленумах партийных комитетов, на телевидении и т. п. все читают — это производит, мягко говоря, не лучшее впечатление.

Судя по рассказам старых коммунистов, читать начали с середины 30-х годов. Боялись: чуть не то скажешь — посадят. Но теперь-то ведь не посадят, надеюсь. И надо возвращаться к традициям ленинских времен — свободно звучащее партийное слово, насыщенное мыслью, аргументами.

Следующая тема. Еще одна ленинская традиция — руководители должны систематически общаться, встречаться с массами. Когда Ленин приезжал на завод, в цехе выступал — вот это была идеологическая работа!

Приехать на завод, в колхоз, в институт, поговорить с людьми, выступить перед коллективом, рассказать о делах насущных, послушать людей. Но только не формально! Обязательно не формально!

Подумайте, пожалуйста, когда Вы в последний раз говорили с „простыми“ советскими людьми? Или прошли по улице? Или зашли в магазин? Или пошли в театр на спектакль, куда ломится „вся Москва“?

Или прочли вещь, о которой говорит „вся Москва“ (например, „Вы чье, старичье“)?

Скажут — мелочи. Но без таких „мелочей“ невозможно ощутить, почувствовать атмосферу общественной жизни, настроения людей. А без этого, в свою очередь, очень трудно правильно ориентировать идеологический фронт.

Все, о чем я пишу, в высшей степени элементарно, даже банально. Но эти банальные истины приходится повторять, потому что мы духовно, нравственно все еще не можем вырваться из сталинских времен. Уверен, что многие наши экономические и иные трудности уходят корнями именно сюда. Так что перестройка идеологической работы становится ныне ключом к решению многих важных задач».

* * *

С начала сентября обосновались в Волынском-2. Надо было начинать заниматься планом и готовить Брежневу речь в связи с награждением Азербайджана орденом Ленина. А вообще спрос на речи явно превысил предложение. От Брежнева была заявка на заседание ПКК Варшавского договора и на статью по поводу 100-летия со дня смерти К. Маркса. От Андропова — на доклад на идеологическом совещании и «марксовское» выступление в Берлине. И еще Пономарев собирался опубликовать статью о Марксе.

Приезжал Гостев. Обстановку в хозяйстве описал словом «ужасная». Обложились всякими бумагами, чтобы встретить проект плана во всеоружии.

Но сначала — бакинская речь. В Москве все прошло гладко. Не гладко — в Баку. Брежнев перепутал папки. И речь, приготовленную для актива, стал читать на торжественном заседании. То есть не хвалить стал, а ругать.

Это была последняя поездка и последняя речь Леонида Ильича.

В октябре мы уже полностью переключились на план.

Но тут усилилась возня вокруг института Иноземцева. Воспользовавшись тем, что Николай Николаевич скончался, его идейные противники из аппарата ЦК и МК принялись громить институт. Собирались распускать партийную организацию. Арбатов

получил из института сигнал SOS. Только Брежнев мог остановить партийных мракобесов.

20 октября мы были у Брежнева. Изложили обстановку.

— Что мне сделать?

— Позвоните Гришину и скажите, чтобы оставили институт в покое.

— Как его зовут?

— Виктор Васильевич.

— Хорошо.

Включил громкоговорящий аппарат. Гришин тут же стал рапортовать о завозе овощей в Москву. Брежнев еле остановил его.

— Что там у тебя с институтом Иноземцева?

— Да ничего, Леонид Ильич. Были какие-то неурядицы, но давно все прошло.

— Ладно. Ты разберись. Дай команду оставить институт в покое. В покое, понял меня?

Это был наш последний разговор с Леонидом Ильичом.

Пошли слухи о том, что Тихонову дали второго Героя. Но — без опубликования в печати.

3 ноября мы с Арбатовым у Андропова. По его словам, ему звонил Брежнев и дал указание, во-первых, заниматься кадрами и, во-вторых, вести (если нет Брежнева) заседания политбюро и секретариата.

Ю. В. поднял указательный палец: «Власть переменилась!» Понадобилось почти полгода, чтобы заинтересованные стороны поняли это. Состоялся довольно беспорядочный разговор. Арбатов шумел по поводу того, что на таможне Библии отбирают: «Сами себя позорим!» Андропов вяло отмахивался: «До всего руки сразу не доходят».

Меня же интересовала не судьба Библии, а судьба газеты. «Доколе?» — спросил я. Андропов понял, что речь идет о замене Алексеева, и ответил примерно в том же плане: не торопи, будем решать.

Я заручился его поддержкой относительно поездки в Китай. Вопрос, конечно, не для генерального секретаря, но Рахманин перекрыл мне все дороги.

Вообще же китайский сюжет постоянно присутствовал во взаимоотношениях с Андроповым.

Когда я пришел в отдел, я довольно скептически отнесся к рассуждениям о глубинных корнях антисоветской линии Мао Цзэдуна. Вспоминалось наше умение найти, если это нужно, любые корни. Андропов ткнул меня носом в архивы Коминтерна, и я понял, что корни были.

Потом, когда Андропов оказался в КГБ, мы часто обсуждали китайскую тему. Комитетские китаисты были в одной связке с Рахманиным. Меня упрекали в излишней «мягкости». А позже — в том, что я преувеличиваю позитивные сдвиги в Китае. Для внесения ясности я изложил свою позицию в записке, которую отправил Андропову в сентябре 1979 года. Привожу полностью:

«Через несколько десятилетий, если не раньше, Китай превратится в мощную державу — как в экономическом, так и в военно-техническом смысле. Если к тому времени Китай останется на резко враждебных нам внешнеполитических позициях, это породит такие проблемы, по сравнению с которыми нынешние препирательства с американцами покажутся детской игрой.

Можем ли мы гарантированно предотвратить такое развитие? Нет, не можем. Мы не располагаем возможностями остановить модернизацию Китая или заставить китайцев изменить свою внешнюю политику. Единственно, на что мы можем рассчитывать, — это постепенная, вызываемая действием внутренних сил эволюция внешней политики Пекина под влиянием происходящих в Китае перемен.

И здесь мы могли бы кое-что сделать, могли бы способствовать такой эволюции. Но при одном условии: если мы правильно понимаем то, что происходит в Китае.

Мое понимание сводится к тому, что суть происходящих в Китае перемен — это отказ от идей и концепций ортодоксального маоизма, того маоизма, который сформировался в годы „большого скачка“ и „культурной революции“. На всех направлениях — в экономике и политике, в культуре и идеологии — китайцы возвращаются к здравому смыслу. Кричащее противоречие между объективными потребностями развития китайского общества и установками Мао Цзэдуна в конце концов, как это и предсказывалось в марксистской литературе, взорвало последние.

Разумеется, к сказанному можно сделать множество оговорок. Можно и нужно видеть противоречивость, непоследовательность, колебания в действиях китайцев. Но политический подход к делу требует, чтобы мы, не задерживаясь на поверхностном слое событий, на внешних коллизиях и конфликтах, сконцентрировали внимание на главном и основном. А главное и основное, повторяю, состоит в том, что китайцы разбили основы маоизма и тем самым открыли себе путь к действительному прогрессу.

Общие социологические соображения позволяют говорить о том, что изменения во внутренней политике рано или поздно приведут к переменам и в политике внешней. Где корни, истоки антисоветизма в политике китайцев? Можно выделить по крайней мере две группы обстоятельств, „ответственных“ за переход Китая на позиции антисоветизма.

Во-первых, крупные идеологические расхождения, вызванные отходом Мао Цзэдуна от коренных положений научного коммунизма. Антисоветизм явился той формой, в которой китайцы отстаивали свое идеологическое превосходство, свои (то есть маоистские) методы строительства социализма и т. д. Теперь эти расхождения сходят на нет, ибо во всех областях внутренней жизни китайцы возвращаются к тому самому „ревизионизму“, который они так рьяно отвергали два десятилетия.

Во-вторых, необходимость в таком эффективном средстве консолидации общества, каким служит „угроза с Севера“. В условиях трудностей и лишений, в обстановке острой политической борьбы великодержавные эмоции, питаемые антисоветизмом, использовались для того, чтобы предотвратить развал Китая, заставить массы примириться с перманентной нуждой. Теперь же, по мере осуществления модернизации, общего оздоровления обстановки в стране (и в руководстве) эта почва для антисоветизма будет постепенно размываться.

Я намеренно не упоминаю о территориальных вопросах, так как они явились следствием, а не причиной антисоветского курса Пекина.

Таким образом, происходящие в Китае перемены объективно ослабляют идеологические и политические предпосылки антисоветизма. Этот процесс тормозится понятной силой инерции, а также желанием, используя антисоветскую наживку, выудить на Западе

как можно больше кредитов, техники, оружия и т. п. Но все-таки этот процесс идет. И чем дальше Китай будет втягиваться в модернизацию, тем очевиднее будет становиться, что советско-китайская конфронтация противоречит национальным интересам КНР.

Разумеется, нельзя исключать, что великодержавные, гегемонистские устремления и амбиции возьмут, как это не раз бывало, верх над соображениями политического рассудка. Вместе с тем нельзя исключать и иной, благоприятный для нас поворот событий. Более того. Необходимо активно, осторожно и умно подталкивать китайцев в этом направлении.

Пока же у меня создается впечатление, что вся наша пропагандистская машина работает на то, чтобы удержать китайское руководство на позициях антисоветизма. В самом деле. Все, что происходит в Китае, продолжает вызывать у нас неприязнь и раздражение. А ведь речь идет о залечивании ран, нанесенных Китаю „большим скачком“ и „культурной революцией“, о планах и деятельности, соответствующих потребностям китайского общества и интересам китайского народа. Со злорадством, часто в памфлетном стиле, мы пишем о политической борьбе внутри КПК. А ведь речь идет о преодолении сопротивления фанатичных последователей Мао, о преследовании тех, кто хочет вернуть старые времена. Мы высмеиваем, если не замалчиваем, ведущиеся в Китае идеологические кампании (о „критериях истины“ и т. п.). А ведь речь идет о попытках преодолеть догматизм, начетничество, слепое поклонение авторитету Мао.

Как это ни странно, но получается, что мы — вопреки своим собственным интересам — выступаем в защиту прежнего, маоистского Китая, прежних, маоистских порядков. Может ли такой характер пропаганды способствовать нормализации советско-китайских отношений? Скорее — наоборот. Не желая правильно оценить масштабы и характер перемен, происходящих в Китае, сохраняя прежнюю направленность и прежний тон пропаганды, мы помогаем тем силам, которые пытаются и будут пытаться заморозить Китай на антисоветских позициях.

Думается, что в сложившихся условиях целесообразно еще и еще раз продумать методы и стиль пропаганды, связанной с китайскими делами. Она должна быть более дифференцированной. Направление главного удара — внешняя политика Пекина, в особенности его

авантюристические акции, его контакты с наиболее реакционными, милитаристскими элементами. В то же время вряд ли стоит подвергать сомнению право Китая утвердиться в качестве мировой державы. Тут ничего сделать нельзя (вспомним хотя бы историю с японо-китайским договором).

О внутренних делах Китая надо писать гораздо объективнее и спокойнее. Разве нам повредит, если мы скажем, что после многих лет хаоса и абсурдов Китай наконец-то нащупывает верный путь? Можно и нужно говорить о трудностях и противоречиях нынешнего Китая, но это должен быть серьезный, умный разговор, свободный от всякого злорадства. И если в Китае есть люди, ощущающие необходимость позитивных перемен в китайско-советских отношениях, то они получают дополнительные аргументы в пользу таких перемен.

Хуже, во всяком случае, для нас не будет. А может быть, будет лучше».

Не помню уже, как отреагировал Андропов. Его эксперты пели в унисон с Рахманиным. С моими статьями продолжалась волынка. Но время меняло позиции. И Андропов санкционировал мою поездку в Китай. Только вот заблокировал Делюсина (а мы вместе собирались). Думаю, что слишком толстым было досье на Делюсина...

* * *

10 ноября умер Леонид Ильич. 12 ноября пленум ЦК КПСС избрал генеральным секретарем Андропова.

Вокруг нового генсека сразу забушевали страсти. Свита, челядь всех рангов бурлили и пенились, пытаясь не лишиться насиженных и не очень пыльных мест.

Андропов решил иметь группу консультантов при секретариате ЦК. Кто главный? Андропов назначил Блатова. Что вконец расстроило Цуканова, который стал рядовым консультантом. Еще одним консультантом стал Шишлин. Других — не помню.

Продолжалось писание перешедших по наследству речей. В этот процесс энергично включились Горбачев и Долгих. Стали по-своему кроить и править, что вызвало шумный протест Арбатова. Я же загрузил и ушел в самоволку. 19 августа покинул Волынское. Но

вечером меня нашел главный помощник Андропова Павел Павлович Лаптев. Я помнил его еще по отделу ЦК, где он тихонько занимался Албанией. Потом ушел вслед за Ю. В. в комитет и там быстро вырос. Лаптев велел быть у него завтра утром.

Был вызван и Арбатов. Сначала сидели над текстом (для пленума). Потом позвал Андропов. Изложу, по своей записи, основные темы разговора.

Соглашаться ли ему на председателя президиума Верховного Совета? Традиция давит. Есть плюсы с протокольной точки зрения — глава государства. Но что-то внутри сопротивляется. Рвутся Громыко и Черненко. Мы сказали — лучше не надо. Партия — одно. Советы — другое. А протокол приспособится. Хрущев не испытывал трудностей...

Есть проблема маршальских денег. Брежнев получал их. А он не хочет. Ну и не надо^[20].

Федорчук и ситуация в КГБ. Федорчук мутит воду (зачем Солженицына выпустили, почему так много евреев получили разрешение на выезд; заменил в управлении связи всех людей и т. п.). «Володя не потянет» (это о Крючкове). «Чебрикова буду двигать» (движение кончилось 18 декабря, когда Чебриков заменил Федорчука, а Федорчука отправили в МВД).

Беда со Щелоковым. Куда его девать? Все отпихиваются. На руку, говорят, нечист (позже Щелоков и его жена застрелятся).

О своем «культе». Уже начинают махать кадиллом. Дал команду Зимянину пресекать беспощадно.

О Цуканове. Черненко давит, не любит его, все хочет затереть куда-то. Тут мы с Арбатовым оживились. Поагитировали за Цуканова. Сказали, что Лукьянов был бы хорошим заведующим общим отделом, а Кручина — управляющим делами. Андропов завздохал. От Боголюбова (нынешнего зав. общим отделом) пока трудно избавиться.

«Мелкие дела» (так он сказал) — буду настаивать, чтобы члены политбюро бывали на предприятиях, с людьми общались (тут я узнал свою записку), хотя не уверен, что удастся их отучить говорить без бумажки. Да и здесь, когда пленум, зачем на перерывах все прячутся в комнату президиума, надо быть в зале, говорить с товарищами.

Под занавес (а он не опускался почти два часа) спросил: как мы себя чувствуем, «уверенно ли». Ответили, что все нормально.

Попросили, если можно, от текущих речей освободить. Арбатов в присущей ему манере сказал, что от речей уже «молоко в грудях киснет». Посмеялись. Андропов обещал послабление.

Вышли мы растерянные, в растрепанных чувствах. Разговор, степень откровенности — ну совсем не похоже на Андропова. А может быть, просто поговорить не с кем, душу излить... Ведь все смотрели на него только снизу вверх. Мы — тоже, но не только. Какие-то тонкие нити, связывавшие нас, не вписывались в общую иерархическую схему. Иногда это позволяло ему расстегнуть лишнюю пуговицу на мундире. Иногда, видимо, мешало, и он пытался рвать эти нити.

Какой-то он был одинокий, умученный...

На пленуме, который состоялся через два дня, собравшиеся не могли определиться: вставать — не вставать, хлопать — не хлопать. Но в прениях быстро появилась розовая слюна.

Набросал два абзаца для заключительного слова:

«Дорогие товарищи! Я сердечно благодарен всем, кто с этой трибуны желал мне успехов в работе. Я не отделяю свои успехи от ваших, и если они, эти успехи, будут, то это обязательно будут наши общие успехи.

В связи с этим давайте поставим перед собой такой вопрос: а нужно ли нам вообще подчеркивать персональные успехи, персональные заслуги одного человека? Уверен в том, что не нужно. Уверен и в том, что все присутствующие понимают меня правильно».

Но в перерыве не нашел Лаптева, и абзацы остались в моем кармане...

Пленум избрал Гейдара Алиевича Алиева членом политбюро. Он стал первым заместителем премьера. Не думаю, что это был лучший кадровый ход Андропова.

Юбилейный доклад готовила группа Александрова. Только когда новый докладчик потребовал убрать «беллетристику», вызвали на пару дней Арбатова и меня. Мы свое дело сделали и разбежались.

Дальше — хороший сюжет для размышлений на тему: «и барский гнев и барская любовь».

Поздно вечером 18 декабря звонит Арбатов: «Надо срочно встретиться». Сажусь в троллейбус и еду к намеченному месту встречи на Кропоткинской. Арбатов уже там. Проливной дождь. Устроились у столба под фонарем с двумя зонтами.

Монолог Арбатова: я написал письмо Андропову, в котором обратил его внимание на активизацию «младогвардейцев» (остатки отрядов «железного Шурика»), усиление цензуры в театре, оживление консервативного крыла в аппарате ЦК, некоторые странности под флагом наведения порядка. В общем, «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». Ответ Ю. В. прислал с фельдом два часа назад. Ответ резкий, надменно-холодный. «Не надо меня поучать!»

Ответ я прочитал тут же под фонарем. Действительно, такая небрежная отмашка... И совершенно не соответствующая тональности отношений, которые поддерживались между Андроповым и Арбатовым вот уже двадцать лет.

Арбатов иногда перебирал по части настырности. Не потому, что он хотел поучать, а потому, что болел за дело. И Андропов должен, обязан был это понимать. Но — не понял. Это меня удивило и огорчило больше всего. Наверное, подозрительность, свойственная службе в КГБ, достигла критической массы. Наверное, делала свое дело и болезнь, ослабляя не только тело, но и душу, снижая сопротивляемость против наветов и наущничанья. И хотя данное письмо меня конкретно не касалось, я воспринял его как обращенное и ко мне.

Решили так. Сами никакой инициативы проявлять не будем. И никому сообщать об этом письме не будем. Посмотрим, как пойдет дело.

Доклад на юбилейной сессии прозвучал. Особенно фраза: «Мы плохо знаем общество, в котором живем».

На следующий день раздался звонок от Александрова. Он передал мне благодарность от Ю. В.

Одновременно обострились «битвы в пути» на телевидении и в газете. Лапин и Зимянин усилили критическое внимание к моим материалам. Это было полезно. Заставляло не расслабляться, всегда быть в форме.

8 января 1983 года в «Известиях» встречали нового политического обозревателя Валентина Михайловича Фалина. Один из лучших наших германистов. И один из лучших советских дипломатов. Острый, живой ум. Знание дела. Блестящий знаток живописи. Трудности в отношениях с Громыко прервали его дипломатическую карьеру. Фалина назначили первым заместителем заведующего отделом международной

информации ЦК КПСС. Помогал преодолевать преграды, которые иногда выстраивал перед журналистами МИД.

Почему оказался в «Известиях»? Подходим тут к трудному вопросу: кадровая политика Андропова. Если верить Андропову, Фалин в порядке самодеятельности стал интересоваться архивом, в котором находятся бумаги по Катыни (там мы расстреляли польских офицеров и долго, почти полвека, отказывались от этого). Если верить Фалину, то ему именно Андропов поручил заниматься Катынью, чтобы найти выход из тупика лжи, в который мы себя загнали. Я верю Фалину.

Вообще, у Андропова, когда он еще работал в комитете, сложилось какое-то предубежденное, излишне настороженное отношение к Фалину. Мы с Арбатовым пытались его переубедить.

Но тщетно. И когда Ю. В. стал генсеком, дни Фалина в ЦК были сочтены.

В «Известиях» Фалин провел три года. Защитил кандидатскую диссертацию и написал докторскую. И часто публиковался в газете.

Затем АПН, где Фалин провел два года. Потом — секретарь ЦК КПСС и последний заведующий международным отделом. Когда отдел уже ничем не «заведовал».

Встречались мы редко. Резко разошлись во взглядах на объединение Германии.

У Андропова было, несомненно, чутье на людей, которые работают с хорошей отдачей. Но относился он к ним часто как к шприцам разового использования. Бурлацкий, Богомолов, Делюсин тому примеры. Фалин — еще один пример. Кроме интеллектуального окружения есть еще окружение административное («свита»). Тут у Андропова как заведующего отделом был полный прокол. Когда он ушел, вокруг него не было ни одного человека, который мог бы считаться хотя бы приблизительно адекватной заменой. О КГБ мне трудно судить. Но взлет Владимира Александровича Крючкова, чиновника высшей пробы — аккуратного, исполнительного, честного, политика очень средней руки, человека с небольшим интеллектуальным, культурным потенциалом, свидетельствует не в пользу Андропова. Достаточно тусклым был и состав его помощников.

Независимо мыслящие люди, люди, которые могут возразить, послушаться, — это некий кадровый изыск. Иногда неудобно даже признаться, что любишь эскарго или бараньи яйца. А основное

кадровое блюдо — щи суточные или макароны по-флотски — готовится из других, более добротных компонентов.

От Андропова ждали наведения порядка. И он начал наводить его. Смущали методы. Энергичные молодые люди могли подойти к вам на улице, в парикмахерской, в магазине и т. п. и поинтересоваться: кто вы? почему не на работе в рабочее время? Стали поощряться мелкие доносы на соседей и знакомых. Предлагались усовершенствования.

Вот какую роскошную бумагу привезли мне из Ставропольского края.

СИГНАЛЬНАЯ КАРТОЧКА

на лицо, допускающее правонарушения

Гр-н _____

Адрес _____

проживает (нужное подчеркнуть) на случайные заработки, нетрудовые доходы, уклоняется от уплаты алиментов, долгов по гражданским искам, органов следствия, правосудия, нигде не работает, не занимается воспитанием детей, пьянствует, употребляет наркотические вещества, совершает преступления и иные правонарушения общественного порядка и правил социалистического общежития.

_____ Подпись инициатора карточки не обязательна. Заполненная карточка направляется в отдел милиции по адресу _____ в РОВД _____

«__» 198__ г.

Теперь посмотрим на обороте.

Приняты меры: _____

(заполняется в отделе милиции)

Дата _____

(фамилия и должность работника милиции)

Можно представить, что творилось бы в стране, если какой-нибудь шибко руководящий почитатель Андропова дал команду распространить ценный опыт...

Но — не дал. Даже такое общество, как наше, обладает встроенными защитными механизмами. «Сигнальные карточки» не привились. Опросы граждан в местах общего пользования прекратились.

* * *

Воспользовавшись тем, что порядок еще не наведен, а из списков вольноопределяющихся меня уже вычеркнули, поехал по миру. Китай. Япония. Великобритания. Греция. Кипр.

Десять дней в Китае подтвердили мою гипотезу, что мы имеем дело с новым Китаем. Никто мне этого не говорил, да и не мог — особенно «наверху» — сказать. Это было видно по характеру встреч, по улыбкам и горящим глазам, по вопросам.

Мой визит привлек внимание журналистов и дипломатов. Была довольно большая пресса. В качестве примера несколько абзацев из статьи Виктории Грэхэм в «Саут Чайна морнинг пост» (19.02.83): «Ведущий советский политический комментатор Александр Бовин находится с визитом в Китае, очевидно пытаясь оценить недавний визит госсекретаря США Дж. Шульца и узнать китайские намерения в отношении следующего тура китайско-советских переговоров, намеченных на начало следующего месяца в Москве».

Коллегам и в голову не могло прийти, что «ведущий etc» выбрался в Китай, преодолевая сопротивление официальных китаистов, и что никто никаких ориентировок ему не давал.

Грэхэм продолжает:

«Иностранные дипломаты называют визит Бовина, ведущего комментатора правительственной газеты „Известия“, чрезвычайно важной поездкой.

Бовин был помощником покойного советского президента Л. Брежнева и близок к партийному председателю Ю. Андропову. Его считают независимым обозревателем, которому доверяют, чьи взгляды

не всегда совпадают с советской партийной линией, но к которому с вниманием и уважением относится руководство.

Бовин, находясь в Пекине с частным визитом, как гость советского посла, посетил отдел печати МИД КНР и другие организации.

Он — первый высокопоставленный советский журналист, который посетил Китай после китайско-советского разрыва в 60-х годах.

Зарубежные аналитики считают, что Бовин мог привезти личное послание от Андропова, в котором подчеркивалось желание нового советского руководителя иметь более близкие отношения между Китаем и Советским Союзом». И еще две страницы подобного текста.

А когда я говорил, что никаких посланий у меня нет, что никаких поручений я не имею, коллеги смеялись. Зачем же тогда лететь из Москвы в Пекин? Если бы они изучали материалы XXVI съезда КПСС, они бы поняли: и журналистика должна быть экономной!

Шлейф статей тянулся и в Великобритании. Тут я не был экзотикой, как в Китае. Но появление Андропова добавило новые краски.

«Таймс» (29.04.84) поместила статью Дэвида Уотта «На подходе к соглашению с Андроповым». Позволю себе обнародовать несколько абзацев:

«Советский обозреватель Александр Бовин — человек тучный, если не сказать больше. Он настолько тучный, что кажется, что его полнота просится наружу. Но внешний вид — не единственное его достоинство. Он очень умный, обаятельный человек и обладает большим чувством юмора. Наверное, кто-то из вас уже видел его по телевизору, когда он говорил о том, что, пока из Белого дома вещает идеолог, с Америкой не будет серьезного диалога. Может быть, даже кто-то читал в „Обсервер“ за воскресенье его статью, где содержался призыв к урегулированию отношений между Западом и Востоком. На эту мысль стоит обратить внимание не потому, что Бовин прибыл в Лондон для участия в англо-советском „круглом столе“, а потому, что он близок к Юрию Андропову. Так, во всяком случае, говорят.

Аргументы Бовина, как он изложил их мне, примерно следующие. Все революции — английская, французская, американская, русская — начинались с идеологии, но со временем и под влиянием внешних событий идеология стала слабеть. И сейчас мы пришли к моменту, когда прагматизм и национальные интересы являются

первоочередными. Советская Россия с тех пор, как умер Ленин, пошла именно по этому пути и сейчас переживает времена, когда идеология, конечно, играет важную роль, но прагматизм доминирует.

Для Бовина парадокс заключается в том, что Соединенные Штаты, перешагнув через рубеж двухсотлетия со дня революции и успешно продвигаясь по пути от идеологии к прагматизму, при Рональде Рейгане совершенно неожиданно пошли в обратном направлении. Превалирующим стал для них идеологический крестовый поход против коммунизма и „империи зла“, то есть против Советского Союза. Это очень опасно, говорит Бовин. Когда речь идет о национальных интересах, здесь все ясно, но объявление „священной“ войны отрицает всякий компромисс и ведет к ужасному столкновению добра и зла в Армагеддоне.

И вот что интересно. Рейганизм порождает недоумение далеко за пределами Советского Союза. Но проблема, как это всегда бывает с советской противоречивостью, в том, чтобы четко уяснить себе, насколько много здесь тактических уловок, рядящихся в тогу искренности, и насколько много искренности, пробивающейся сквозь маску тактических уловок».

Измерив с моей помощью соотношение искренности и тактических уловок, г-н Уотт пришел к выводу, что надо держать себя в руках, трезво мыслить и искать компромисс.

И еще один материал. «Гардиан» (30.04.83) опубликовала редакционную статью «Неортодоксальный путь к выживанию в Советском Союзе». Про меня опять же, как и вся эта книга.

«Как сказал коллега Александра Бовина на пресс-конференции, состоявшейся на этой неделе в советском посольстве, „между собой мы зовем Сашу советским Уолтером Кронкайтом“. Странное сравнение. Бовин — прямая противоположность седовласого старожилы Си-би-эс, теперь отошедшего от телевизионных дел.

Бовин — это напористый, чрезмерно самоуверенный и, возможно, самый противоречивый политический обозреватель в СССР. Думаю, что он известен не только как ведущий обозреватель на советском телевидении, но и как человек с весьма колоритной внешностью.

Он был в Лондоне в составе советской делегации из восьми человек, приехавших сюда на очередное ежегодное заседание англо-советского „круглого стола“. „Круглый стол“ — это задумка

Г. Вильсона и Л. Брежнева. С 1975 года в рамках его заседаний встречаются специалисты с обеих сторон. Причем все они вхожи в правительственные круги.

Бовин — идеальная кандидатура для участия в таких встречах. Хотя официально он и числится обозревателем „Известий“, Бовин был некоторое время составителем речей для Брежнева, а сейчас пользуется репутацией давнишнего сподвижника Андропова. В начале 60-х, когда нынешний советский лидер возглавлял отдел ЦК по связям с коммунистическими партиями, Бовин часто ездил с ним за границу, так как был одним из главных консультантов отдела.

Его тесные связи с высшими чинами в Кремле позволяли ему выходить из сложных положений. Три года назад он вызвал дипломатический конфликт между Советским Союзом и Ираном. В советской прессе появилась его статья, в которой содержалась критика аятоллы. А Бовин выжил. Потом он объективно и честно проанализировал причины советской интервенции в Афганистан. И снова выжил.

На пресс-конференции в посольстве он вел себя плутовски и был неуловим. Когда его спросили, как далеко зашла Москва в военной поддержке Никарагуа и сальвадорских партизан, он быстро отреагировал: „Вам придется подождать с ответом, пока я не стану министром обороны“. С такими друзьями, как у него, он может стать им».

Там, где я хорошо знал корреспондентов ТАСС, я просил их статьи подобного рода в Москву не посылать. Поскольку находились желающие использовать их, чтобы позудеть на ухо начальству: вот, мол, Бовин нос задирает, без всяких санкций и контроля дает интервью, выступает на телевидении, печатает статьи. И — главное! — изображает из себя «сподвижника». На Брежнева, правда, как я мог убедиться, такие наветы мало действовали. Андропов — иное дело. Он был более мнителен. Он особенно не любил, когда мое имя всплывало где-то рядом с его именем. А оно таки всплывало и безо всякого содействия с моей стороны...

* * *

В июне состоялся пленум. С докладом «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» выступил Черненко. Доклад был предельно серый, консервативно-охранительный. Первоначально предполагалось провести широкое совещание по идеологическим вопросам. Но Андропов, став генеральным, передоверил это дело Черненко. И, значит, загубил. А впрочем, я иногда думаю, что при том настрое, который был у Ю. В., может быть, и лучше, что он отошел в сторону. А то бы дров могли нарубить больше...

Андропов выступил с очень злой, раздраженной репликой. Дескать, некоторые идеологические работники здесь говорят одно, а в посольствах — другое. Фамилии, сказал, сейчас не называю, но назову... Я грешил на Фалина.

Собрался выступить в прениях. Бросил в ящик записку и Лаптева просил посодействовать. Вспомнил Евтушенко: «Пять минут правды, пусть потом убьют...» Но слова не дали.

Андропов не выдержал осаду. 16 июня его избрали председателем президиума Верховного Совета СССР.

Несколько месяцев спустя мне сказали, что, выступая на пленуме, Андропов имел в виду меня. Не знаю уж каким путем, но комитетчики раздобыли запись моей беседы с французским дипломатом. У меня большой опыт таких бесед. Дипломату нравится, когда советский собеседник критически относится к советской действительности. Ради бога! В нашей открытой печати, которую лень прорабатывать в посольствах, критики даже тогда было с головой. А я, участвуя в подготовке «экономических» пленумов, получал еженедельные сводки такой литературы. И когда дипломат стал задавать вопросы по сельскому хозяйству (!), я с удовольствием стал разгружать память. Но без ссылки на источники. Из личного опыта сообщил, что в Петропавловске-Камчатском торгуют копченой новозеландской бараниной. По-видимому, бывшие андроповские эксперты соорудили бумагу, откуда следовало, что я выдавал французу крупные государственные тайны.

* * *

После пленума уехали с Леной Петровной отдыхать в Армению, в Дилижан. Провели чудный, спокойный месяц.

Познакомился там с Камо Сероповичем Демирчяном, академиком, теплотехником, мудрым человеком. Гуляли, говорили обо всем. В том числе и о назревших и перезревших экономических реформах. Я был настроен оптимистически. На всю жизнь запомнил слова Камо:

— Как вы думаете, Саша, римский сенат мог бы отменить рабство?

Камо — старший брат Карена Сероповича Демирчяна, в те дилижанские времена первого секретаря ЦК КП Армении. Я познакомился с ним в те безумно далекие годы, когда он был молодым, стройным и невероятно элегантным. От партийных чиновников (а он был одним из секретарей Ереванского горкома) Карен отличался интеллигентностью, культурой, отсутствием чванства. Разговоры с ним помогали мне преодолевать узкий московский горизонт, видеть проблемы с иной точки зрения. Еще задолго до перестройки он толковал мне, что надо раскрепостить энергию людей, отдать в частные руки сферу услуг, мелкое производство, значительные сектора в сельском хозяйстве. Он верил, как верили почти все «шестидесятники», что социализм можно соединить с демократией, со здравым экономическим смыслом.

История выбрала другой путь. Думаю, Демирчян принял бы его. Но постарался бы найти максимально безболезненные формы перехода в новую эпоху. Армении не повезло. Именно тогда, когда особенно были нужны ум, опыт, уравновешенность, Демирчян — говорят, в силу внутрикремлевских или околоскремлевских интриг — оказался не у дел. Но он не сломался, не ушел в переживания, не ожесточился. Работал, читал, думал. И в конце концов снова вошел в большую политику.

Он погиб, как погибают солдаты, на поле боя, своего политического боя. Те, кто стрелял в Карена Демирчяна, стреляли не в прошлое, а в будущее Армении. Но оно все равно состоится.

После тихого Дилижана шумный Ереван, тепло армянских друзей — и Москва.

* * *

2 августа меня вызвал Андропов.

— Мы дошли до такого пункта, когда надо или драться, или мириться. Предлагаю мириться. Мне вас обоих недоставало, особенно тебя. Не обижайся на мои упреки в гусарстве. Вовсе не нужно, чтобы ты на меня походил. Но постарайся поаккуратнее... Разные люди вокруг. Не ставь меня перед необходимостью неприятных решений. Время длинных речей прошло. Давай вместе работать.

На том и порешили.

Такой же разговор состоялся у Ю. В. с Арбатовым.

Тяжелый камень упал с души.

Жаль, что времени работать вместе почти не осталось.

С возрастом, с опытом прежнее романтическое отношение к Андропову исчезло. Четче, рельефнее проступили разделительные линии между, если воспользоваться его находкой, большевиком и коммунистом. Жестче, определеннее стали оценки политики, действий Андропова, направленных на выпалывание ростков свободы на поле «развитого социализма». И тем не менее, вопреки всему, что можно было бы назвать объективной оценкой личности и обстоятельств, оставались неискоренимая вера в Андропова, надежда на него и даже любовь, при всей неуместности тут этого слова.

Я еще вернусь к общей характеристике Андропова. А пока — работа.

1 сентября позвонил Андропов. Сказал, что завтра уезжает в отпуск. К возвращению просит приготовить соображения по «проявлениям» в республиках. «Меня не интересуют формулировки, меня интересует существо дела». Это означало, что самоцензуру можно отключить.

А вечером по программе «Время» зачитали сообщение ТАСС:

«В ночь с 31 августа на 1 сентября с. г. самолет неустановленной принадлежности со стороны Тихого океана вошел в воздушное пространство Советского Союза над полуостровом Камчатка, затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над о. Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связь с радиодиспетчерской службой не вступал.

Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения

советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря».

Классический образчик нашей пропаганды, лицемерной и лживой.

Об остальном, что касается этой трагедии, я уже писал.

Поручение Андропова я исполнил. 30 сентября Лаптев отправил ему записку. Ввиду важности проблемы привожу ее полностью.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Для начала (и для настроения) хотелось бы привести несколько фрагментов из записок В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», продиктованных 31 декабря 1922 года.

«...Никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное число насилий и оскорблений...

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей, или так называемой „великой“ нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически...»

Чтобы обеспечить максимум доверия со стороны «инородцев», — писал Ленин, — «нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к „инородцу“ то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством „великодержавной“ нации.

...сугубая осторожность, предусмотрительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу...

...ничто так не задерживает развития и упрочения классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки „обиженные“ националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки... Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости, чем недосолить».

Эти записки В. И. Ленина были впервые опубликованы в 1956 году. С тех пор они не то чтобы замалчиваются, но не пользуются особой популярностью. Молчаливо делается поправка на «романтизм» Ленина. Между тем ленинские мысли полностью сохраняют свою актуальность. Поэтому полезно вновь и вновь возвращаться к запискам Ленина, сопоставляя сказанное им с реальной политической практикой.

I

В области национальных взаимоотношений партия ставила перед собой двуединую задачу: добиться расцвета наций и на этой базе усилить, интенсифицировать их взаимодействие, сближение. Иными словами, мы рассчитывали на взаимосвязанное, синхронное развитие национального и интернационального начал.

Трудно переоценить то, что уже сделано. Перемены произошли гигантские. И по части «расцвета». И по части «сближения». И все-таки приходится констатировать, что процессы расцвета наций и их сближения развивались и развиваются далеко не так синхронно, как хотелось бы.

Что касается «расцвета», то хотя здесь есть еще нерешенные проблемы (они прежде всего характерны для малых народов севера и востока), в целом развитие шло более или менее в том направлении, которое было предсказано теорией. Что же касается «сближения», стирания межнациональных перегородок, нарастания интернационалистических тенденций, то эти процессы шли не так интенсивно, как предполагалось. Больше того, я рискнул бы сказать, что в последние десятилетия происходит своего рода обособление республик, их замыкание в собственных проблемах.

Усиливаются (в разных республиках в разной степени) националистические и, в частности, антирусские настроения.

Конечно, сказанное — только схема, только контуры проблемы. В обоих случаях можно сформулировать ряд обоснованных оговорок, уточнений и т. д. Но, как ни заворачивай проблему в словесную вату, острые углы все равно будут торчать и, значит, требовать корректировки нашей национальной политики.

Для того чтобы определить характер, направленность необходимой корректировки, нужно выяснить, что тормозит процесс сближения, в чем причина возникновения негативных явлений.

Я бы обратил внимание на две группы факторов.

Во-первых, реально существующие интересы нации, неизбежный, необходимый рост национального самосознания объективно таят в себе возможность преувеличения национальных моментов в ущерб социальным, противопоставления интересов одной нации (республики) интересам другой и недооценки общих интересов всего Союза. Однако возможность есть именно возможность, и она вовсе не обречена стать действительностью. При зрелом политическом руководстве, при хорошо поставленной массово-политической работе ее, эту возможность, можно, так сказать, «заблокировать».

Но в том-то и дело, что в ряде республик руководящие национальные кадры (партийные, советские и т. д.), многие представители интеллигенции (а интеллигенция играет огромную роль в формировании общественного сознания) не смогли эффективно противостоять давлению националистической стихии, не смогли всегда и во всем стать подлинными проводниками интернационализма, защитниками общих интересов.

Во-вторых, вряд ли можно утверждать, что мы, центр, или — что то же самое — русские, всегда были на высоте положения. Тут надо вспомнить Ленина. Всегда ли мы проявляем необходимые такт, осторожность, терпение? Всегда ли мы «пересаливаем» по части уступчивости? Всегда ли мы задумываемся над тем, какое впечатление на «инородцев» оказывают наши поступки, решения, мероприятия?

Приведу пример. Мы торжественно отмечаем «добровольное присоединение» (Грузии, Башкирии, Киргизии, Чувашии и т. д.) к России. А все понимают, что это — за исключением, может быть, Армении — фальшь, неправда.

В «тюрьму народов» не шли добровольно. Россия завоевывала и эксплуатировала «инородцев». Теперь же мы заставляем людей, чьи

предки гибли в борьбе с царскими солдатами, радоваться, торжествовать по поводу «добровольного присоединения». Мы, видимо, исходим из того, что провозглашение «добровольности» сплачивает, сближает народы. На самом же деле очевидные всем фальшь, фарисейство отталкивают «инородцев» от нас.

Другой вопрос. Отношение к собственной истории, ко всякого рода символам (памятники, музеи), эту историю отражающим. Тут действительно есть перекосы: идеализация прошлого, возвеличивание князей, ханов и т. д., чрезмерный (и дорогой) размах при строительстве памятников, мемориалов (да и современных административных зданий).

Мы, естественно, поправляем. Но всегда ли делаем это тактично? Не пересаливаем ли по части административных запретов? Ведь материя тончайшая, затрагивающая глубинные чувства людей. То, что из центра или для центра может казаться незначительным, для малого народа выглядит величественным и исторически значимым.

А что могут думать в республиках по поводу того, что в центральном партийном, советском, профсоюзном и других аппаратах явно превалируют русские (плюс украинцы)?

В общем, усердие по части «сближения», невнимательное подчас отношение к чувствам «инородцев» объективно, независимо от наших хороших намерений ведут к противоположному результату — стимулируют центробежные силы, антирусские настроения.

2

И вот теперь главный вопрос: что делать?

Но сначала, как сказали бы китайцы, «два нельзя». Нельзя делать ничего, что позволило бы усомниться в нашей линии на «расцвет». Нельзя надеяться, что можно сделать что-либо путное, приняв постановление «О мерах по дальнейшему...».

Все, о чем пойдет речь ниже, требует времени, терпения, осторожности.

1. Мы, которые в центре, обязаны всегда, ежедневно и ежеминутно помнить, что живем в многонациональном государстве. И не просто в многонациональном государстве, а в таком, где принцип равноправия

является конституционным и нашим партийным законом, где этот принцип тысячекратно провозглашен в документах, речах, учебниках и т. п.

Нужно заботиться, чтобы практика соответствовала принципу. Тут не может быть мелочей. В космосе были уже, наверное, больше ста человек. И вьетнамец летал, и монгол, и даже французы. А грузин, эстонец, узбек? Разве нельзя было спланировать подготовку космонавтов так, чтобы постепенно охватить представителей всех республик? Разумеется, можно. Только не подумали об этом, забыли...

Сколько раз Л. И. Брежнев бывал в Тбилиси, Алма-Ате, Баку, Киеве? Но ведь есть еще Ашхабад и Таллин, Душанбе и Вильнюс. Ведь то, что часто является простой случайностью, стечением обстоятельств, результатом личных пристрастий и симпатий, в «обойденных» республиках воспринимается как незаслуженная обида.

Сейчас руководство республик поставлено в такие условия, когда оно сплошь и рядом вынуждено обивать пороги центральных органов, чтобы выпросить материальные и финансовые ресурсы для тех или иных республиканских нужд. А республика, по Конституции, «суверенное государство»...

Все это не абстрактные примеры. Обо всем этом мне приходилось слышать и в Прибалтике, и в Закавказье, и в Средней Азии.

В общем, тут есть о чем подумать, чтобы убрать досадные недоразумения, держаться ближе к ленинским заветам.

2. Нужно продумать такую систему подготовки руководящих национальных кадров, которая усиливала бы интернационалистическое мироощущение. И делала это не только лекциями и книжками, а в первую голову — жизнью, опытом. Было бы идеально, если бы всех, кто в последующем займет руководящие посты в республиканских аппаратах, «пропускать» через центральный аппарат (ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Совет министров, министерства и ведомства). Это даст двоякую пользу. Во-первых, если человек несколько лет проработает в центре, он будет, перейдя на работу в республику, смотреть на многие вещи не с узкореспубликанской, а с общей точки зрения. Во-вторых, увеличение национальной прослойки в центральном аппарате, хотя и может, особенно на первых порах, дать некоторые минусы, в целом будет усиливать ощущение равноправия,

приглушать, нейтрализовывать один из источников националистических, антирусских настроений.

3. Подготовка интеллигенции. Каждый вуз Москвы и других крупных городов должен иметь специальную — и значительную — квоту для республик (с гарантированным общежитием). Тот, кто окончил вуз в рамках этой квоты, обязательно распределяется не в свою республику. Если, например, грузин приживется на Украине или в Сибири, — хорошо. Если он вернется в Грузию, то минимум восемь лет, проведенные за пределами республики, плюс добротный русский язык будут способствовать росту интернационалистического сознания.

4. Роль армии. Сейчас генералитет и офицерский корпус преимущественно русские. Тут вопрос деликатный. И все же если бы больше людей из республик проходили офицерскую школу, шире был бы и слой национальных кадров, способных подняться над ограниченным горизонтом своей национальной принадлежности.

Судя по тому, что можно видеть даже на улицах Москвы, сейчас из «инородцев» формируются всякого рода вспомогательные подразделения (стройбаты и т. п.). Понятно почему — слабая подготовка, плохой язык. А может быть, целесообразно как-то «распылять» их среди русских? И язык лучше пойдет. И более интенсивное общение с русскими. И специальность легче получить. Все по отдельности — это капли. Но ведь из них состоят моря.

5. Отдельно — о языке. Недавно в «Литературной газете» (21.09.83) Чингиз Айтматов, один из самых великих писателей со временности, сказал:

«Я сам — человек на стыке культур. Принадлежу к азиатскому народу, небольшому по численности, каковых в мире большинство, и волею судьбы живу сразу в двух языковых сферах — я думаю, говорю и пишу на двух языках: на родном киргизском и русском. Русский язык — язык величайшей литературной традиции, оправданно занимает ведущее место в общежитии советских народов, являясь официальным языком многонациональной страны. И в связи с этим для нас, как я уже говорил, чрезвычайно и жизненно важно то, насколько соразмерно, гармонично и, более того, справедливо протекает процесс сосуществования, взаимодействия национальных языков и русского в каждом регионе. В этом суть нашей языковой политики — приобщаясь к мировой культуре с помощью русского языка, всемерно развивать и

пестовать национальные языки, обеспечивая им действенные возможности и перспективы.

Я немного повторяюсь, но хочу еще раз подчеркнуть: считаю, что в условиях XX века способом сохранения и развития национальных языков и одновременно избежания провинциальной замкнутости и удушающей изолированности — это процесс диалектически двуединый — является билингвизм, двуязычие. Другого пути развития я не вижу. В этом смысле наш советский опыт, безусловно, заслуживает самого пристального внимания, изучения, а возможно, и заимствования. Отнюдь не потому, что нам уже удалось разрешить все трудности и расставить все точки над всеми „і“. Не так-то просто, как иным это кажется, найти „живой баланс“ между „освоением“ мирового языка — лингва франка и „сохранением“ языка коренной нации. В наведении этого „баланса“ недопустимо прежде всего администрирование. Языковая политика должна быть гибкой и разрабатываться с учетом диалектики, развития общественных структур в целом».

Айтматов прав. Повсеместное распространение русского языка — необходимое условие преодоления «провинциальной замкнутости», которая тормозит «сближение». Причем, как мне представляется, пока распространение русского языка явно отстает от объективных потребностей общественного развития. Во многих республиках двуязычие еще не стало массовым явлением. Преобладает, в лучшем случае, полуторазязычие.

Одна из главных причин — учителя русского языка (особенно на селе) сами плохо знают этот язык. Как правило, они учились на факультетах русского языка и литературы местных (национальных) вузов. Может быть, следовало бы шире направлять их (по специальным квотам и с соответствующим материальным обеспечением) в русские вузы?

Огромную роль в распространении русского языка могло бы сыграть телевидение. Я не имею в виду обычные скучные передачи. Здесь, в Москве, с привлечением специалистов и энтузиастов из республик можно было бы создать ряд детских учебно-художественных, театрализованных программ (скажем, на базе «Мойдодыра», «Доктора Айболита» и т. п.). И потом давать их по республиканскому телевидению. Чтобы ребят за уши нельзя было оттащить от телевизоров. Это трудно. Но это окупится сторицей.

Мы сами, изучая иностранный язык, часто пользуемся детективами, фантастикой — и захватывает, и язык не слишком сложный. Не следует ли делать специальные тиражи такой литературы для республик?

В недавних решениях намечен ряд мер, призванных улучшить положение. Интересно было бы проверить, началась ли практическая работа.

6. Я бы подумал и над тем, чтобы русские, живущие и работающие в республиках, более активно изучали местные языки. У нас во многих ведомствах прибавляют зарплату за знание иностранных языков. Не пойти ли по этому пути? Более жесткий вариант — обязательное (на специальных, «принудительных» курсах) изучение языка всеми, кто занимает руководящие посты в республиках. Со строгим спросом. И русским будет полезно. И — главное! — чем чаще «инородцы» будут сталкиваться с русскими, говорящими на их языках, тем лучше они будут относиться к русским, к России. А ведь нам нужно именно это.

7. Мы живем в многонациональной стране. Это — объективный факт. А дальше следуют субъективные обстоятельства. Можно уметь жить в такой стране (и, значит, способствовать «сближению») и можно не уметь (и, значит, «сближению» не способствовать). Чем и кем дается это «умение»? Какое содержание вкладывается в это «умение»? Если не считать общих положений об интернационализме и дружбе народов, остальное пущено на самотек.

А если сделать так. И для средней школы, и для вузов разработать специальные дисциплины, которые «учили» бы жить в многонациональной стране. Какие-то сведения о национальной психологии, о взаимодействии культур, об уважении иных народов, о нашей национальной политике. По-моему, это можно сделать на нестандартном, умном уровне. И была бы только польза.

8. Было бы целесообразно два-три раза в год проводить совещания первых секретарей ЦК республиканских компартий. С чет кой постановкой и реальным обсуждением действительно актуальных вопросов. Это позволило бы систематически снимать возникающие напряжения (скажем, поставки в союзный фонд) и вообще вписывалось бы в демократизм нашей национальной политики.

Важный психологический момент. Сейчас первые секретари республиканских партийных организаций имеют разный статус (член

политбюро ЦК КПСС, кандидат в члены, член ЦК). Это в известной мере противоречит их равному положению с точки зрения национальной политики. Так вот, на таких совещаниях они все будут «на равных», что будет как-то уравнивать «неравенство» по партийной линии.

9. У нас, как это ни странно, нет органа (учреждения, ведомства), который профессионально, на научном уровне занимался бы национальным вопросом и национальной политикой. А такое ведомство очень нужно, просто необходимо. Лучший вариант: отдел национальной политики ЦК КПСС. Именно в таком отделе квалифицированные люди могли бы постоянно анализировать состояние национальных взаимоотношений и давать продуманные рекомендации по всем вопросам национальной политики. Этот же отдел служил бы дополнительным резервуаром кадров для союзных республик.

Было бы не менее полезно, если бы в системе АН СССР было бы создано специальное научное учреждение для изучения национального вопроса.

10. О гласности. Мы постепенно учимся открыто обсуждать экономические и социальные проблемы. Однако национальный вопрос, национальная политика по-прежнему остаются закрыты ми для такого обсуждения. Аргумент: не надо давать пищу врагам.

Аргумент слабый, ибо враги достаточно хорошо осведомлены о том, что у нас происходит. И, пользуясь нашим молчанием, насаждают свою интерпретацию происходящего.

Следовательно, нам самим нужно открыто обсуждать трудные, больные проблемы. Этим мы как раз выйдем оружие из рук врагов (аналогия: наша критика пороков капитализма производит слабое впечатление на Западе, потому что они сами об этих пороках пишут и говорят каждый день). Этим мы подключим к решению указанных проблем широкий круг умных, знающих людей. Этим мы создадим атмосферу подлинного демократизма, без которого такие проблемы вряд ли могут быть решены.

11. Когда центр выступает против местного национализма, агитирует за «сближение», на местах это зачастую воспринимается как защита централизаторских, великорусских тенденций. Тут, если следовать ленинской методологии, необходимо известное «разделение

труда». Национальная политика имеет свою диалектику. Коммунисты в центре должны нажимать на равноправие, национальную индивидуальность, критиковать всяческие проявления бюрократического централизаторства. Коммунисты на местах, в республиках должны делать упор на дружбу, единство, сближение народов, критиковать всяческие проявления национализма.

Перечисленные выше предложения (как и любые другие) будут иметь смысл (то есть работать и на «расцвет», и на «сближение»), если будет обеспечен диалектический подход к осуществлению национальной политики.

12. И последнее. Национальные отношения не существуют «сами по себе». Они вписаны в широкий экономический и социальный контекст. И многие сложности межнационального характера уходят своими корнями в экономические трудности, отступление от демократических норм, фактическое неравенство республик (например, по данным на 1981 год, фонд потребления в расчете на душу населения составлял — беру крайние точки — в Эстонии 1912 рублей, а в Таджикистане всего 807 рублей). Значит, эффективность национальной политики будет в конечном счете определяться позитивными переменами в экономической и социальной сферах.

Разумеется, сказанное выше — не более чем соображения дилетанта. Для конкретного разговора (экономические, социальные, политические, демографические, языковые и т. п. аспекты «сближения»), для подхода к конкретным решениям нужны статистика, данные о миграционных процессах, различные сведения из республик и центральных ведомств. Нужно посоветоваться с толковыми людьми.

А сама по себе проблема чрезвычайно важна. И то, что она поставлена, — уже огромное дело.

С высоты сегодняшнего дня многое в этой бумаге выглядит наивно. Но ведь в завтрашнем дне живут только гении и боги. А мы, остальные, живем, как правило, днем вчерашним. И, возможно, это меня оправдывает.

Андропов отреагировал быстро. Написал: «Записка „колочая“. Но если отвлечься от некоторых крайностей в формулировках (их можно подшлифовать), то конкретные предложения, по крайней мере большинство из них, представляются заслуживающими внимания».

Просил продумать целесообразность постановки следующих вопросов:

О преобразовании компартий союзных республик в республиканские организации КПСС.

О создании межреспубликанских партийных бюро (или советов) по Закавказью, Средней Азии, Прибалтике — в целях координации и развития межреспубликанских партийных связей и противодействия изоляционизму.

О совете партии — в центре.

О формах национального развития для представителей тех народов, которые не имеют автономии (немцы, крымские татары и др.) или имеют ее, но проживают в других национально-территориальных образованиях, будучи вкрапленными в них небольшими поселениями или другими более или менее компактными группами, как это обычно бывает в районе границ союзных и автономных республик.

Небольшое отступление. Насколько мне известно, Андропов настаивал на организации автономной немецкой области в Казахстане. Но Алма-Ата была решительно против. Брежнев махнул рукой: «Не обижай Кунаева!»

О евреях — в плане признания равноправия, национальной культуры, задач борьбы с эмигрантскими настроениями.

Об иммиграции и эмиграции армян, их политических и социальных последствиях.

О добровольной ассимиляции и поощрении смешанных браков.

О задачах борьбы с подрывной деятельностью националистических эмигрантских центров.

Судя по этой программе, Андропова прежде всего волновали националистические «проявления», которыми, кстати, именно КГБ и занимался тогда. Боюсь, что ленинская мысль о необходимости «уступчивости и мягкости» не казалась ему актуальной.

Привычнее были административные рычаги. Но уже повышенное внимание к национальному вопросу, понимание его первостепенной важности для судеб страны были полезны.

Я начал было заниматься Крымом и армянами, но уже было поздно...

Болезнь Андропова прогрессировала. Он постоянно находился в больнице. Последний разговор по телефону состоялся 23 декабря.

Относительно национального вопроса Ю. В. сказал, чтобы я не лез в детали, а переформулировал общие идеи в текст его, Андропова, письма в политбюро. Поговорили насчет его предвыборной речи. «Надо встретиться», — сказал на прощание Юрий Владимирович.

Встретимся, конечно...

По Бродскому:

Разбегаемся все.

Только смерть нас одна собирает.

Значит, нету разлук.

Есть одна лишь огромная встреча.

На декабрьском пленуме Андропов не появился. Текст был роздан.

Машина работала в автоматическом режиме. Человек помирал, а мы сочиняли предвыборную речь.

Все кончилось 9 февраля.

Аппаратные нравы жестоки. Часов в одиннадцать я позвонил помощнику Андропова Аркадию Ивановичу Вольскому. «Знаешь, — сказал он, — сегодня это первый звонок!» А ведь еще вчера, да и каждый день, телефоны звонили с утра...

Андропов — личность незаурядная. Среди иерархов русской коммунистической церкви он выделялся интеллектом и культурой. В отличие от того, что иногда пишут, он не знал английский язык и не увлекался джазом. Его работа, любовь, хобби — политика. Ей он отдал свою жизнь.

Коммунист старого закала. Коммунист-бессребреник. Коммунист не карьерный, а идейный. И не просто коммунист, а большевик. В его понимании это означало возможность применения жестких, крутых мер для защиты социализма, советской власти. «Венгерский синдром» — так я это называл.

Пятнадцать лет в КГБ, пятнадцать лет придворных интриг не пошли на пользу Андропову. Он видел изнанку людей, а это не способствует человеколюбию. В его характере проступили такие качества, как подозрительность, мнительность, мстительность.

Он был одинок. Семья была где-то в другом мире. А в этом мире — ни друзей, ни личных привязанностей. Мне иногда казалось, что

общение со мной или с Арбатовым, когда все же хочется поговорить «за жизнь», служило ему как бы эрзацем личных отношений.

Андропов сначала не мог, а потом не успел раскрыться, завершить свой политический автопортрет. Поэтому вокруг много легенд и мифов. Пусть будут. Даже интересно. Коснусь только одного мифа — о реформаторском потенциале Андропова. Мне тоже этот миф был близок. Но теперь я сомневаюсь. Скорее, больше подходит понятие «санация». Не ломать существующий механизм, а оздоровить его, заменить устаревшие детали, повысить квалификацию персонала, реабилитировать всеобщий учет и контроль — и износу не будет нашему любимому «социализму».

Когда Андропова не стало, я собирался написать книжку о нем. Даже договор с издательством заключил. Но потом поговорил с приятелями из КГБ, и желание пропало. Все можно объяснить. Но не все можно оправдать. Не хочу идеализировать Андропова. Но и не хочу говорить о нем все, что знаю, что узнал. Он остается на светлых страницах моей памяти.

Так, храм оставленный
Все храм.
Кумир поверженный
Все Бог.

Поминки состоялись в Ново-Огареве 14 февраля. Вся семья. Крючков и кто-то из замов. Помощники: Лаптев, Шарапов, Вольский. Из аппарата: Рахманин, Лигачев, Кручина, Владимиров. И мы с Арбатовым. Чебриков — за тамаду.

Вечером долго сидели у Арбатова. Общее резюме: тылы оголились, не высовываться.

* * *

Появление Черненко в качестве генерального секретаря ЦК КПСС — это какая-то смесь трагедии с фарсом. Брежневу, когда он возглавил партию, было 56 лет, Андропову — 68, Черненко взобрался на партийный олимп, когда ему было 73 года. Но дело даже не в этом и

главным образом не в этом. Серый, пустой чиновник. Главная кадровая ошибка Брежнева. И ведь не злой, не коварный, не капризный, просто — никакой.

Хорошо было бы лечь на дно и плавно шевелить плавниками. Но не выходило. В «Известиях» очередные переживания насчет главного. Толкунова снова забирали. Кто вместо? Невидимые миру слезы... В конце концов, здорово обидев известинцев (как же, «варяг»!), из «Правды» прислали Ивана Дмитриевича Лаптева. Не худший вариант оказался. Быстро наладил контакт с коллективом. Газету вел уверенно. И старался не выходить из известинской колеи.

Меня опять стал щипать Зимянин. За «объективизм». Виталий Иванович Кобыш — приятель, коллега, американист, работавший в тот период в отделе международной информации ЦК КПСС, предупреждал: веди себя тихо, а то имеют место «вихри враждебные». Есть желающие схватить тебя за цугундер.

14 апреля в Пахре неожиданно умер Толя Аграновский. На мой взгляд, самый умный и точный журналист послевоенного времени. В крайнем случае — один из...

Выступал на гражданской панихиде в клубе «Известий».

«Умер хороший, талантливый человек, человек большого ума и большой совести.

К этому беспощадному, безнадежному факту трудно что-либо добавить.

И наше сегодняшнее говорение ему не нужно. Но оно нужно нам. Потому что перед лицом смерти каждый не может не спросить себя: а зачем, собственно, я живу? И как я живу? Что даю людям? Уважаю ли я сам себя и уважают ли меня другие?

Наша суетная жизнь обычно заглушает, затемняет эти вопросы. Смерть просветляет их.

Аграновский умер от того, от чего, к сожалению, часто умирают люди его склада. Ведь ум и совесть — не только источники творчества, мастерства, которые дарят людям радость. Совесть и ум — это еще и источник страданий, которые причиняют человеку обостренное восприятие окружающего мира, обостренное видение его несовершенств.

Генрих Гейне однажды написал: трещина, которая проходит через мир, проходит и через мое сердце. Гейне жил в простые и наивные

времена. Теперь трещин стало больше, и трещины стали глубже. Одни из них Аграновский хотел засыпать тем, что он делал, что он писал. О других он не мог писать. Но все они проходили через его сердце, терзали, мучили, рвали это сердце. И наконец разорвали...

В одном из стихотворений Саши Тер-Григоряна, написанном давно, есть строчка: „И он ушел, а я остался...“

Да, он ушел, а мы остались. И мы, все мы, не сможем заменить его. Но если на полосах „Известий“ будет больше таланта, больше ума и совести — это и будет означать, что мы помним Анатолия Абрамовича Аграновского, гражданина и журналиста».

И запись: «Писать не смог. Какое-то смутное беспокойство, тревога. Предошущение неприятностей. Или все это из-за слухов, свидетельствующих об идеологическом ужесточении. Плюс смерть Аграновского.

Весь день читал детективы. Не брился. Не выходил на улицу. Маразм».

* * *

Собирал Пономарев. На XXVII съезде намерены принять новую редакцию Программы КПСС. Засели в Серебряном Бору.

На неделю слетал в Женеву на заседание рабочей группы Пагуошского движения. Генеральный секретарь Пагуошского движения М. Каплан сообщил мне, что генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон хотел бы строго конфиденциально (чтобы не раздражать американцев) встретиться с советскими представителями. Он назвал Пономарева или Загладина, но не исключает и другие кандидатуры по выбору Москвы. Цель встречи — неофициальный обмен мнениями по актуальным вопросам отношений между Востоком и Западом. Каррингтон мог бы прилететь в Женеву в конце любой августовской недели. Встретиться можно было бы на вилле хорошо всем известного Ага-хана, бывшего верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Лорд Каррингтон был солидной политической фигурой. Сложная обстановка требовала нестандартных ходов. Запись беседы я передал Александрову (он остался помощником и при Черненко) и Загладину (первому заместителю Пономарева). Толку не было. Идея ушла в

бюрократический песок. «Если можно что-то не делать, то не делают», — прокомментировал Александров. Я не видел раньше Андрея Михайловича таким расстроенным и понурым. «Бьешься головой об стену...»

Моя запись 15 июня: «Судя по всему, А. М. крайне редко видится с К. У. и не имеет возможности вести серьезные разговоры на серьезные темы. МИД стал монополистом. При нынешнем состоянии Громыко это ведет к „замораживанию“ нашей внешней политики».

Проект «новой редакции» соорудили с грехом пополам. Пономарев убирает все, что выступает над уровнем банальности. Да и вообще, мне кажется, не стоит торопиться. По сравнению с 1962 годом ничего принципиально не изменилось.

18 июля 1984 года, находясь в санатории «Волжский утес», бросил курить. Не по состоянию здоровья. Жив до сих пор. Просто надоело. Курил я с первого класса, официально дома — с восьмого класса, последние лет двадцать — по две пачки в день. А при закуске и того больше. Особенно трудно было в загранкомандировках. Там курево по нашим суточным дорогое. Приходилось с собой брать чуть ли не чемодан. В общем, повторяю, надоело! Взял и бросил. Поначалу переживал очень, но потихоньку наладилось... С тех пор ни разу не закурил. Но к дыму табачному отвращения не испытываю.

В сентябре был в Лондоне. Занятная деталь. Когда я был в Лондоне прошлый раз, принцесса Диана родила мальчика. И сейчас. Только приехал — опять мальчик. Третий раз, правда, не получилось...

Еще одна сентябрьская деталь. 22-го Черненко был награжден орденом Ленина и третьей золотой медалью «Серп и Молот». Формула награждения: «За выдающиеся заслуги в партийной и государственной деятельности по разработке и осуществлению ленинской внутренней и внешней политики, развитию экономики и культуры, укреплению обороноспособности СССР, большой личный вклад в упрочение мира и безопасности народов».

Проект Программы прошел секретарей ЦК. Линия та же: срезание острых углов. Горбачев (он теперь в роли Суслова) сверху руководит, но до нас не доходит.

23 октября пленум ЦК. Распустился руководящий народ: хлопают еле-еле.

Пытался заниматься Китаем, но Рахманин бдит. Упорно отворачиваемся от Пекина. Китайцы просили АЭС. Ни в коем случае! В Китае реформы. Пагубное это дело. И вообще — угрожают, подрывают и др. и пр. Получается, что линия ЦК направлена не на то, чтобы найти пути к сближению двух великих держав, а на то, чтобы заморозить, законсервировать разногласия между ними.

Приближались выборы. Как мне дали понять, меня плотно заблокировали. Вместо меня в Кемерово подался Вадим Алексеевич Печенев, помощник Черненко. И вместе с Печеневым тачаем предвыборную речь для генерального. У меня — экономика. Трудно. Никак не могу войти в «образ», представить внутренний мир оратора. Взял сдержанно-реалистическую тональность. Не понравилось. «Приземленности» много. Избавляли речь от «приземленности» Стукалин и Печенев.

* * *

14 февраля скончался один из наиболее душевно близких мне людей — известинец, поэт и журналист Александр Леонович Тер-Григорян. В память о Тере мы со Стасом Кондрашовым собрали книжку его стихов и очерков. Я написал послесловие. «Прощание с Тером» оно называется:

«Первый раз мы встретились с Тер-Григоряном в Ханое. Был февраль 1965 года. Он прилетел из Пекина, рвался на юг, к 17-й параллели, туда, где начали бомбить американцы. Я прилетел из Москвы, рваться никуда не мог, ибо проходил по строке „...и сопровождающие их лица“.

Не могу вспомнить, как и что случилось, но мы поняли, почувствовали друг друга. И, оказалось, на всю жизнь.

За двадцать лет знакомства виделись довольно редко, урывками. Он часто и подолгу жил за границей. Приезжал в отпуск. Всякие хлопоты, которых у него хватало. Суета сует. Некогда поговорить, подушевичать.

И Саша, и Катя, его жена, любили китайскую кухню. И для друзей устраивали иногда вечера насыщения плоти. Впрочем, и для духа время и место оставались. Но чаще встречались в Доме журналиста.

Разговаривали. О чем? Обо всем. О разном. „Кому живется весело, вольготно на Руси...“ — одна из главных тем. И еще — о делах редакционных, конечно. Спорили много, но как-то бестолково. В основном, в сути были согласны. Но мысли, слова водили свои странные хороводы. Тер раскалялся, шумел, рвался в бой, уличал меня в приспособленчестве.

В нем было то, чего не хватает многим, — донкихотство. Иногда это раздражало. Он был как бы живым укором. И когда Тер оказывался рядом, когда он произносил свои филиппики, все то, что обычно стараешься затолкать в самые дальние уголки души, о чем хочешь забыть, все это начинает выходить на поверхность.

Однажды мы поехали в Ярославль. Он — за рулем, я — рядом. Была по-апрельски нежная весна. Был Ярославль, потом — Углич. Прикасались сердцем к страницам русской истории. Ходили в гости к реставраторам. Молча, бессловесно впитывали в себя рукотворную красоту, которую, к счастью, не смогли разрушить ни века, ни люди.

Два дня ничем, кроме ГАИ, не омраченной радости. И самая длинная наша беседа. Меньше года оставалось ему жить...

Как и все друзья Тера, я прощался с ним несколько раз. В день, когда он умер. В день, когда его хоронили. На 9-й день и на 40-й. И вот теперь, помогая Станиславу Кондрашову выпустить эту книгу, я прощаюсь с Тером еще раз.

Он любил писать и писал много, с удовольствием. Хотя далеко не всегда — по причинам, от него не зависящим, — ему удавалось сказать то, что он хочет, и так, как он хочет. Да и тесно в газете, трудно в ней поместиться человеку, умеющему держать перо в руке. И Тер писал книги.

Каждая страна — одна, а то и две книжки...

Собственный корреспондент „Известий“ за рубежом — это в первую голову политический журналист. Его главная задача — политический анализ. И Тер, естественно, давал такой анализ. Но, пожалуй, больше собственно политики его интересовали люди, их нравы, обстоятельства, в которые они погружены... Он любил страны, где жил и работал, любил людей, о которых писал. И они, чужие вроде бы люди, из стран неближних, отзывались на его искренность, доброту, доброжелательность, тянулись к нему.

Наивно звучащий и тем не менее вечный и главный вопрос нравственности: что такое „хорошо“ и что такое „плохо“? — был для Тера стержневым, был центром его духовного мира. Натура скорее чувственная, чем рациональная, Тер не питал слабости к абстракциям. Мысль о том, что без прогресса нравственного теряет смысл прогресс социальный и становится смертельно опасным прогресс научно-технический, — эта мысль, возможно, не формулировалась им в такой алгебраической форме. Но все его размышления, тревоги, метания, его сила и его слабости располагались именно здесь, в русле вечной нравственной проблематики.

Всем, что Тер писал, он утверждал добро. Или точнее: он утверждал добро — к добру и зло — ко злу. Любил, потому что ненавидел, и ненавидел, потому что любил. Есть такое понятие — „соль земли“. Тер принадлежал к этой категории людей. Без них всем нам было бы плохо.

Одно из стихотворений Булата Окуджавы начинается такой строфой:

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
ведь все это любви счастливые моменты.

Вот именно. Давайте говорить... И не на похоронах, и даже не на юбилеях. А просто так. Ну почему в самом деле не сказать хорошему, доброму человеку, что он хороший и добрый? Ему будет легче жить, легче быть хорошим и добрым. Зазнается? Вознесется? Значит, он вовсе не такой, каким казался.

...Тер нас не слышит теперь.

И книга эта ему не нужна. Но она нужна его близким. Она нужна его друзьям. Она нужна всем, кто помнит Александра Леоновича Тер-Григоряна».

Чем старше становишься, тем чаще теряешь друзей, которые уходят туда, откуда не вернешься. Эти потери нельзя компенсировать. Обретение друзей — прерогатива первой половины жизни. А дальше — только в порядке исключения.

У меня первым исключением стал Александр Степанович Паникин. Владелец концерна «Панинтер». Это если официально. По налоговой декларации. А если по существу — это любопытный и не очень характерный для нашего времени симбиоз фабриканта и философа.

Фабрикант организовывал производство добротных, нужных людям товаров. Философ пытался понять, почему — если хочешь остаться честным человеком — это так трудно, так мучительно трудно делать.

Написал несколько книжек. О своем опыте, о своем хождении по мукам. И главные мучители — это тьма-тьмущая чиновников, наделенных правом казнить или миловать. «Чтобы передать чувства, вызываемые чиновными мертвыми душами, нужен гений Гоголя. Они все на месте — эти сытые морды со стеклянными глазами; неуловимые добчинские-бобчинские, которых никогда нельзя застать на месте; хлестаковы всех рангов с обещаниями, никогда не выполняемыми; недвижимые собакевичи, месяцами держащие деловые бумаги». Крик души человека, которого мурыжили и мытарили годами. Но который не сдался, не позволил себя сломить.

Степаныч не только умел зарабатывать деньги. Он умел их тратить. Облагородил большой участок земли в Тверской области. Вел школу молодых бизнесменов. Начал выпускать великолепную библиотеку русской классики.

Мы нечасто встречались. Но душевно. Подолгу разговаривали. Он уверял меня, что появятся «гении бизнеса», которые создадут экономику, работающую на развитие, а не на жалкое выживание.

А сам не дождался. Только за пятьдесят перевалил. И сердце остановилось. Не выдержало перегрузок.

И еще исключение. Смена старым друзьям. Илья Ханукаевич Урилов. Тоже симбиоз. С одной стороны, крупный строительный бизнес. А с другой — доктор исторических наук, крупный специалист по истории социал-демократии. Издал глубокую, насыщенную фактами и мыслями монографию «Мартов: политик и историк». Затем последовало историографическое введение в «Историю российской социал-демократии (меньшевизма)». Работа продолжается.

С помощью Ильи Ханукаевича восстановлен в Берлине разрушенный гитлеровцами надгробный памятник русским социал-

демократам.

И опять же встречаемся мы нечасто. Каждый в своих хлопотах и заботах. Но каждый раз я удивляюсь мирному сосуществованию деловой хватки, организаторского таланта и неординарного ума, без которых невозможны ни успешный бизнес, ни успехи в науке, с добротой, деликатностью и душевной чуткостью, без которых невозможно человеческое, дружеское общение.

Боюсь, что больше исключений уже не будет.

* * *

«Встреча» избирателей с Черненко состоялась 22 февраля, но его на этой «встрече» не было. Болел.

На выборах Черненко к урне вели под ручки. За державу обидно, а больного, дряхлого человека по-человечески жаль.

Сообщение о смерти Черненко (это случилось 10 марта) застало меня в Софии. Вернулся в Москву уже при новом генеральном секретаре. Старики наконец-то уступили власть. Она досталась Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Перестройка

«Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны» — так сказал Мандельштам. Классический пример — слово «перестройка». Однако исследование смыслов, которые «торчат» из пережитой нами перестройки, не входит в мою задачу. Я пользуюсь словом «перестройка», чтобы обозначить горбачевское время.

Первое, что мне пришлось сделать, входя в это время, — внести ясность в свои болгарские следы.

В Болгарии много граждан турецкой национальности. И их становится все больше. Славяне заволновались. Стали закрывать газеты, выходящие на турецком языке. Стали запрещать преподавать в школах на турецком языке и учиться турецкому языку. Стали насильно заставлять людей заменять свои турецкие имена именами болгарскими. Все это называлось «ленинское решение национального вопроса».

В Софии мне пришлось встречаться со многими людьми, выступать и в журналистских коллективах, и в аппарате ЦК БКП. Я не скрывал, что отношусь к такому «решению» резко отрицательно, что такая политика позорит социализм. Иногда со мной спорили.

В Москве свой крутеж, и болгаро-турецкие проблемы вышли из головы. Вдруг — звонок. Вызывает секретарь ЦК КПСС Зимянин. С Михаилом Васильевичем (Михвас его звали) был давно знаком. Энергичный, решительный, какой-то пружинистый человек. В былые времена вместе сражались с догматиками. Но как-то поблек за последние годы. Помню, когда Михваса избрали секретарем ЦК и вручили ему идеологию, поздравляя его, я выразил надежду, что со стороны идеологической теперь неприятных сюрпризов не будет.

— Выше головы не прыгнешь! — услышал я неожиданный ответ.

Да он, по-моему, и не прыгал. Наоборот. Стал ходить пригнувшись, ниже головы.

Направляясь в ЦК, я пытался сообразить, за какие грехи придется нести ответ. Недавно был в Ленинграде. Там на активе спросили, правда ли, что Волгограду скоро вернут настоящее имя — Сталинград. Не знаю, ответил я. Но надеюсь, что вернут: чтобы не забывали люди, кто допустил фашистов до Волги. В обкоме были недовольны и жаловались в Москву. Больше вроде бы грехов не вспомнил...

Вхожу в кабинет Зимянина. Рядом сидит Степан Васильевич Червоненко. Был послом в Пекине, Праге, Париже, ныне — заведующий отделом заграничных кадров ЦК. Первая мысль — ну, загудел послом в какую-нибудь тьмутаракань...

Зимянин предлагает садиться и протягивает бумагу: «Читайте!»
Читаю. Это — телеграмма нашего посла в Болгарии Леонида Ивановича Грекова. Греков пишет, что его вызвали в ЦК БКП и заявили протест по поводу того, что находившийся в Софии член ЦРК КПСС Бовин критически отзывался о национальной политике БКП, пытаясь тем самым нанести ущерб болгаро-советской дружбе. Мои «критические отзывы» излагаются подробно. И резолюция Горбачева: «Разобраться и доложить».

Зимянин смотрит вопросительно. Видимо, настроен на то, что я начну отнекиваться. Но я говорю, что тут все мои соображения по национальному вопросу изложены правильно и что я готов их повторить в любой аудитории.

Михвас, как чайник на плите, стал кипятиться. Крышка прыгала. И «как историк» принялся доказывать, что болгары правы. Долго доказывал. Я не спорил. Только заметил:

— Меня пугает, что человек с такими взглядами занимается национальным вопросом в СССР.

Возможно, я не столь четкую формулу использовал, но смысл сказанного был такой.

— Так что доложить Михаилу Сергеевичу?

— Все, что вы считаете нужным.

На этом разговор закончился. Червоненко не произнес ни единого слова.

Посоветовался с Арбатовым. Действуй на опережение, сказал он, пиши записку Горбачеву.

Записку я написал. Больше меня не беспокоили. Но какое-то шуршание продолжалось. 16 мая меня вызвал Лаптев и сообщил, что звонил Севрук (замзав в отделе пропаганды) и дал указание в заграникомандировки меня до конца года не отправлять. Разумеется, он не мог это сделать без санкции Михваса. А тот не мог не заручиться согласием Горбачева. Что-то там наплели вокруг меня...

Неприятно — это психологический минус. Остальное в плюсах. Завершились отхожие промыслы. Больше времени для творческих дел.

Форсированно продавливаю через издательство книжку «Разговор по существу»: отвечаю на вопросы — на всякие вопросы — по международным делам. Теперь уже можно сказать, что книжка имела успех. Кажется, есть даже перевод на датский...

Начал писать книгу о мирном сосуществовании (теория и практика). Старался, чтобы было интересно, заставляло думать, сравнивать, делать выводы. Но именно это пугало издательство «Международные отношения». Они еще жили в доперестроечное время. Вынужден был дважды писать Михаилу Федоровичу Ненашеву, председателю Комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Тот самый Ненашев, которого мне хотелось видеть во главе «Известий». Толковый, деловой, принципиальный человек. Сумел на несколько лет превратить «Советскую Россию» в хорошую газету. После комитета был «брошен» на телевидение и радио. Успел даже побывать министром информации и печати СССР. Ныне директорствует в издательстве «Русская книга».

Из письма Ненашеву:

«Вопрос имеет принципиальный характер. Может ли автор, исследуя ту или иную проблему, высказывать взгляды, не совпадающие со взглядами редактора, выходящие за пределы существующих представлений? Издательство решительно отрицает такую возможность и всячески старается убрать авторскую позицию, „усреднить“ рукопись. Я не могу принять такой подход. Но не потому, что считаю себя заранее правым по всем пунктам. Многие замечания рецензентов и редакторов я с благодарностью учел. Однако есть предел правки и „компромиссов“. Это — авторская концепция, авторское понимание сути дела. Уступать здесь неверно в принципе, безнравственно здесь уступать...

Но издательство, видимо, привыкло к другому.

Что теперь делать?»

Книжка вышла в начале 1988 года.

* * *

В области текущих газетных дел надо было постепенно осваиваться с новым политическим мышлением. Дистанция между словами, которые произносил Горбачев, и реальной, повседневной

практикой была значительной. Дела явно отставали от новых формул. Поэтому новые формулы надо было вдалбливать в головы исполнителей — и журналистов, и дипломатов, и военных. Этим, в частности, занималась научно-практическая конференция МИД СССР, которая состоялась 25–27 июля 1988 года.

Было интересно и полезно. Блистал министр. Эдуард Амвросиевич настаивал на том, чтобы освободить внешнюю политику от идеологической упаковки. Он утверждал, что борьба двух систем не является определяющей тенденцией эпохи, что отношения между государствами, принадлежащими к разным системам, не сводятся к классовой борьбе и что тезис «мирное сосуществование — форма классовой борьбы» является антиленинским. Министр высказался против «псевдотеоретических» поисков социализма в третьем мире.

Спустившись с неба теории на землю практики, Шеварднадзе убедительно говорил о том, что мы не можем быть сильнее всего мира и что наш военный бюджет должен формироваться не узкой группой лиц, а под демократическим контролем.

Вокруг нового политического мышления развели целую философию. А по мне — так тут все проще. Предлагается отбросить догмы, шаблоны, прописи, а смотреть на мир непредвзятым взглядом. Ориентироваться на здравый смысл, на практические, осязаемые интересы. Не пропаганду ставить впереди политики, а политику впереди пропаганды.

Работа над каждой статьей, поездка в каждую страну заставляли проводить грань между привычным предвзятодогматическим подходом и подходом реалистическим, между тем, что хотелось бы видеть, и тем, что есть на самом деле. Не всегда и не сразу это получалось. Слишком устойчива была привычка рассматривать все сквозь призму идеологической борьбы, призму холодной войны.

В записке, которую я написал для «инстанции», вернувшись из Никарагуа, хорошо видно, как новый подход совмещается со старым.

«Прежде всего, как мне представляется, полезно разграничить два круга проблем. Первый — что происходит в Никарагуа, каковы движущие силы и тенденции ее социально-экономического и политического развития. И второй — что должны делать мы, какой должна быть политика СССР в отношении Никарагуа. Проблемы эти конечно же связаны. Но разграничить их надо. Чтобы неизбежные

неясности и неопределенности, связанные с разной трактовкой событий в Никарагуа, не помешали нашей политике быть ясной и определенной.

Упомянутые неясности и неопределенности определяются значительным расхождением мнений по первому кругу проблем. Не вдаваясь в частности, эти мнения можно разбить на две группы.

Группа „А“. Подчеркивается (при всех оговорках) социалистическая, марксистско-ленинская ориентация руководителей Никарагуа, их искренние дружеские, интернационалистские чувства по отношению к СССР.

Дается в целом позитивная оценка их внутренней политики с указанием на то, что „политический плюрализм“ и „смешанная экономика“ — это временное, вынужденное маневрирование. Отмечается, что „национальное руководство“ полностью контролирует развитие событий и действует целеустремленно, последовательно, со знанием дела.

Трудности, противоречия „сандинистской революции“ объясняются, как правило, действиями оппозиции, контраст, Соединенных Штатов.

Группа „Б“. Отмечается, что сама концепция „сандинистской революции“ остается расплывчатой, неопределенной.

В руководстве — при максимальной демонстрации единства — есть внутренние сложности, связанные с различным пониманием событий и с личными взаимоотношениями. Власть, находящаяся в руках „девятки“, опирается прежде всего на армию и органы безопасности — в этом и сила, и слабость нынешнего режима.

Сужение социальной базы режима рассматривается как результат не только естественной поляризации сил, но и ошибок сандинистского руководства. Психологически понятное стремление форсировать общественные преобразования (анalogии: курс Ф. Кастро на построение коммунизма, минуя социализм; первый период афганской революции) привело к кризисным явлениям в экономической области, оттолкнуло от революции часть трудящихся, особенно крестьянства.

Отношения с СССР следует рассматривать не столько сквозь призму идеологии (интернационализм), сколько на фоне реальных интересов и потребностей.

Строгое распределение позиций по группам „А“ и „Б“ — это лишь логическая схема. Практически же каждый раз сталкиваешься с той или

иной „смесью“, где в разной дозировке представлены различные, часто противоположные точки зрения.

Примерно в такую же схему укладывается различие мнений у самих никарагуанцев. Одни подчеркивают, например, что крестьяне, воюющие на стороне контраст, — это насильственно угнанные люди. Другие же считают, что крестьяне уходят к контраст в основном из-за ошибок революции, неприятия новых порядков. Одни делают акцент на всеобщей поддержке мобилизации в армию. Другие же говорят о сопротивлении, которое встречает эта мера. И т. д.

Было бы весьма непродуктивно пытаться найти одну-единственную „истину“, хотя, на мой взгляд, мнения и оценки в группе „Б“ более реалистичны. Однако спорить можно до бесконечности, ибо сама объективная ситуация является зыбкой, неустойчивой, таящей разные возможности, разные варианты развития. Поэтому, не прекращая аналитическую работу и не смущаясь наличием разных подходов и оценок, следовало бы сосредоточиться на втором круге проблем — что нам надлежит делать.

В общем, насколько я понял, все согласны — надлежит помогать Никарагуа. Что мы и делаем. Но за этим общим согласием, за конкретными решениями я уловил какую-то двусмысленность, недоговоренность, отсутствие четкой, продуманной программы действий. Иногда говорилось о риске в связи с непредсказуемостью. Иногда проскальзывала мысль — не надо провоцировать американцев. Иногда на первый план выдвигался „афганский синдром“.

Наверное, все эти соображения имеют смысл. Но давайте поставим вопрос так: чего мы хотим добиться, помогая Никарагуа? Какова главная цель нашей помощи? По-видимому, цель состоит в том, чтобы помочь Никарагуа выстоять под ударами контраст и стоящих за ними США. Поражение сандинистов было бы воспринято во всем мире как поражение сил прогресса и независимости, как наше поражение.

Разумеется, не нужно зря дразнить американцев. Но, во-первых, военная деятельность американцев в Центральной Америке дает возможность представить меры по усилению обороноспособности Никарагуа как вынужденные, ответные и т. п. Во-вторых, вероятность военной интервенции США практически крайне мала.

Есть один, на мой взгляд, фундаментальный ограничитель — за пределами Манагуа не должно быть наших военных советников и

специалистов, да и тут их число должно быть минимальным. В остальном же следовало бы действовать более энергично и отойти от попыток наладить „взаимовыгодное“ экономическое сотрудничество.

Люди (возможно, по своей вине) попали в беду, и наши собственные интересы требуют выручить их. Даже если есть реальный риск понести финансовые и материальные потери. Не буду касаться конкретных вопросов — никарагуанцы, например, нажимали на вертолеты, — ибо тут как раз необходимо знание обстановки на профессиональном уровне.

Мне показалось, что установление дипломатических отношений между Никарагуа и КНР встречает сдержанное отношение среди наших товарищей.

В практически-политическом плане эта сдержанность вряд ли может быть оправданна. Напротив. Было бы очень хорошо, если бы китайцы „вслух“ проявили озабоченность судьбой Никарагуа. Кстати, ничто не мешает нам по дипломатическим каналам обменяться мнениями с китайцами по никарагуанским делам и попробовать деликатно подтолкнуть их к заявлению в поддержку Никарагуа.

Еще раз хочу подчеркнуть свою основную мысль. Что происходит внутри Никарагуа, куда там пойдет дело, этого никто пока не знает и знать не может. Слишком много неизвестных величин в уравнении. Наша задача, наш интерес — помочь Никарагуа выстоять под давлением США. Кстати, это и единственный реальный рычаг, при помощи которого мы можем воздействовать на события в Никарагуа.

И последнее. Ощущается большой соблазн начать учить никарагуанцев — как им делать революцию. По-моему, имело бы смысл удержаться от такого соблазна.

Если бы мы отовсюду получали объективную информацию, мы бы давно поняли: чем меньше мы советуем, чем меньше наших советников, чем вообще менее ощутимо наше присутствие, тем к нам лучше относятся. И наоборот. Пример — Югославия и Монголия. Но это уже другая тема.

Единственное, что стоило бы втолковывать нашим далеким друзьям при любом удобном случае, — главный фронт борьбы против контрреволюции проходит через решение внутренних (экономических, социальных, политических и т. п.) задач».

Финал явно в духе нового мышления. В этом же духе и скептическое отношение к марксистско-ленинской ориентации сандинистского руководства. Но вполне в духе мышления старого, привычного настаивание на необходимости во что бы то ни стало помогать Никарагуа. Отворачиваясь от простейшего факта — у Советского Союза нет реальных интересов в этой части мира.

Но главным полигоном для отработки нового политического мышления — не журналистами, а политиками — был Афганистан. Мне представляется, что Горбачев здесь не преуспел. Ему, конечно, ясно было, что надо выводить войска, и он заявил об этом на политбюро 17 октября 1985 года. Но война продолжалась еще более трех лет. Потому что никто не хотел сказать: мы ошиблись, и нас побили. Срабатывало старое, имперское мышление: уйти и сохранить. Рыбку съесть и...

Долго тянулись бессмысленные переговоры с американцами. Без понимания, что в данных условиях любая гарантия будет только бумажной. Держались за Наджибуллу и держали Наджибуллу. Без понимания, что для всего Афганистана Наджибулла — это Советский Союз.

Вернувшись в конце ноября 1988 года из Афганистана, я опубликовал в «Известиях» статью, показал хоть краешек правды. «Вопреки нашим намерениям, — говорилось там, — мы оказались втянутыми в изнурительную гражданскую войну. Согласно замыслу, мы стреляли во „внешнюю контрреволюцию“, а попадали в афганского крестьянина. Если на первых порах советское военное присутствие как-то тонизировало новую власть, упрочивало ее, помогало воссоздать афганские вооруженные силы, то в целом, взятый крупным планом, эффект присутствия советских войск, их участия в боевых действиях оказался явно негативным. Мы сами вложили в руки контрреволюции могучие средства воздействия на массовое сознание: иноземное вмешательство взывало к патриотизму, приход „неверных“ приводил в действие религиозную нетерпимость. На таком поле даже ничья была бы чудом.

Чуда не произошло...»

Эта статья вызвала поток откликов. Они пропитаны болью, их трудно читать и трудно цитировать.

Наименее эмоционально письмо из «войсковой части п/п 94777». Авторы спрашивают:

«Анализировались ли военные просчеты, которых совершенно немало? Эти ошибки связаны с большими человеческими жертвами. Вместе с тем прежние и нынешние военачальники (Соколов, Максимов, Павловский, Варенников, Громов и др.) получили звание Героя Советского Союза. Складывается впечатление, что для этого проводились громкие, но безрезультатные операции в Пандшере и Хосте. Варенников часто заявляет: „Я отвечаю за весь Афганистан!“ Ответит ли?

Варенникова полшутя сравнивают с генералом Стесселем не только по полководческому таланту. Последний возил корову за собой в вагоне, и дояр был солдат. Сейчас сервис возрос. Корова сопровождала Варенникова в самолете, и дояр — прапорщица. Стессель о „мерседесе“ и других подобных „трофеях“ и не мечтал.

Правильно ли мы поступаем, делая ставку в военно-патриотическом воспитании на „афганцев“? Мужества и героизма здесь проявлено солдатами и офицерами много. Но мало кто знает, сколько молодые люди почерпнули жестокости и насилия, „дедовщины“ и мародерства, воровства и спекуляции, познали проституцию, взяточничество и протекционизм.

Учитывается ли возможность появления „афганского синдрома“?»

Я не ответил на это письмо, поскольку каждый вопрос уже заключал в себе ответ.

Не ответил я и на другое письмо. Писал солдат из Афганистана: «С вашей статьей совершенно согласен, но через час мне идти в бой». После этого письма дал себе слово ничего не писать об Афганистане, пока там остается хоть один наш солдат.

Написал Горбачеву две с половиной странички мыслей об Афганистане. Упражнение на тему нового политического мышления.

«Судя по всему, нынешний политический режим в Афганистане не имеет будущего. После вывода советских войск он будет сметен. При этом существует большая возможность реализации так называемого „чилийского варианта“ — массовая резня, террор, уничтожение целого слоя людей, связанных с НДПА и СССР.

И главный вопрос, который стоит перед нами, заключается вовсе не в том, какая власть будет в Кабуле. Главный вопрос формулируется так: сделать все возможное, чтобы предотвратить кровавую бойню (со

всеми ее последствиями во внутривнутриполитическом и международном планах).

Понимая, что дело идет об их жизни и смерти в буквальном смысле этих слов, наши афганские друзья всячески убеждают нас отсрочить вывод войск. Такое решение было бы губительным. Нынешний режим (при любой его модификации) не сможет овладеть положением в стране. Оставаясь в Афганистане, мы лишь накаляем страсти и увеличиваем вероятность кровавой развязки.

Шансов предотвратить такую развязку крайне, пугающе мало. И все же они есть. Я имею в виду уход от власти Наджибуллы и его окружения, переход НДПА (в лучшем случае) на вторые или третьи роли. Без таких радикальных перемен никакие компромиссы, никакие соглашения с умеренными кругами оппозиции невозможны. А только такие соглашения и компромиссы могут гарантировать (если еще могут!) более или менее бескровный характер неизбежных перемен.

Пытаясь сохранить нынешнее ядро власти, синтезировать его с оппозицией, мы остаемся в мире утешительных иллюзий, обманываем сами себя и наших сторонников, оттягиваем момент болезненного, но необходимого решения.

Вопрос о том, кто заменит Наджибуллу и его команду, не может не беспокоить. Но давайте признаемся: наши возможности влиять на ситуацию, на подбор следующей команды весьма ограничены. А если мы будем продолжать держаться за Наджибуллу, то они вообще будут равны нулю. Только если „уйдет“ Наджибулла, мы могли бы надеяться: а) изолировать Хекматиара, б) создать центристскую коалицию умеренных и в) включить в нее — в лучшем случае — несколько ныне действующих фигур.

Для оставшегося до 15 февраля времени это — огромная, труднейшая программа. Ее выполнение предполагает позитивные контакты с США и Пакистаном. Потребуется высший дипломатический пилотаж на всех уровнях. Гарантий на успех нет. Но есть надежда. Все же другие пути, как мне представляется, не оставляют и надежды.

Трудно говорить правду об Афганистане. Мы потерпели там крупное политическое и военное поражение. И решения, которые мы вынуждены принимать теперь, не могут превратить поражение в победу. Единственное, что можно сделать, — не ухудшать собственное положение, не расширять пробоину в нашем политическом киле. А все

варианты, оттягивающие уход нынешнего афганского руководства, ведут именно к этому.

Еще раз повторю. Пока сохраняется Наджибулла и его люди, надежды на компромисс, на соглашение с оппозицией — иллюзия, самообман. Только уход Наджибуллы дает шанс (но не гарантию) реализации политики национального примирения. Если понимать ее не как фразу, а как дело. Избежать массового кровопролития — ничего более важного для нас нет. Сказанное выше сформировано более чем десятилетним наблюдением за ходом событий. Недавняя поездка в Афганистан, беседы с президентом, премьер-министром, министрами, губернаторами, генералами, учеными не оставили места для других выводов.

Последнее. Какие бы ни были приняты решения сегодня, нам абсолютно необходим жесткий, мужской разговор об уроках Афганистана. И разговор не келейный, не на уровне политбюро и его комиссии, а на уровне средств массовой информации. Горе народное — и говорить о нем следует принародно.

И самое последнее. Я не забочусь о „формулировках“. Излагаю мысль, направление мысли. Против меня могут быть выдвинуты многие аргументы. Всем им противопоставляю один: то, что мы не смогли сделать за восемь лет, неужели сделаем за неполные три месяца?»

Горбачев ничего мне не ответил. Крючков, который уже возглавлял КГБ, говорят, ругался (Наджибуллу растил и лелеял именно комитет). Наджибулла остался в Кабуле и в конце концов был повешен талибами.

Если пытаться действовать в духе нового мышления, то есть пытаться сближать политику с моралью, нам стоило бы открыто признать, что те советские войска, которые вошли в Кабул по соглашению с Амином и для охраны дворца Амина, 27 декабря 1979 года штурмом взяли дворец и убили Амина. Так ведь еще в 1989 году и дипломаты, и военные решительно это отрицали.

Если действовать в духе нового мышления, то мы должны были бы позаботиться об афганцах, которые вынуждены были вместе с нами покинуть Афганистан. Мы же забыли их, отвернулись от них и обрекли тысячи людей, которые верили нам и помогали нам, на жалкое существование.

Пожалуй, если брать не общие стратегические установки, а конкретные внешнеполитические акции, то я бы назвал две проблемы, где новое мышление впервые доминировало над старым: объединение Германии и освобождение Кувейта.

Я наблюдал разрушение Берлинской стены по телевизору из Бонна. В Берлине бушевала народная стихия: ураган, тайфун, цунами — любое слово подходит. Даже немцы не были готовы к такому стремительному развитию событий. А уж бывшие союзники — тем более. Совсем недавно спорили о формуле объединения: «4+2» или «2+4». То есть: четыре державы-победительницы выйдут на консенсус и «спустят» двум немецким государствам условия объединения; или два немецких государства договорятся и сообщат державам — бывшим победительницам, как они решили объединяться. После 6 ноября стало ясно, что реально, независимо от кабинетных дипломатических хитросплетений, работает формула «1+5». Это значит, условия объединения диктует Бонн. Можно сказать мягче: объединение будет происходить так, как хочет Бонн, даже если он ничего и никому не будет «диктовать».

В Москве, если иметь в виду «народ», еще сохраняющуюся «номенклатуру», были раздражены и недовольны. Считалось, что СССР «просто так» не отдаст ГДР и как минимум настоит на неучастии объединенной Германии в НАТО. Группа войск, дислоцированная в ГДР, солидно подкрепляла нашу позицию. Можно было бы, независимо от НАТО или в добавление к НАТО, наложить «оброк» на ФРГ (оплатить передислокацию войск и обустройство их в Союзе, втридорога заплатить за наше имущество в ГДР и т. п.). Иными словами, Горбачев мог бы сказать решительное «Нет!» и заморозить процесс. Говорят, что он склонялся к этому. Но не склонился... Новое политическое мышление требовало безоговорочно признать историческое право немцев на объединение. Чтобы понять это, Горбачеву понадобился почти год. Политическая точка была поставлена во время встречи Горбачева с канцлером Коелем в Архызе, юридическая — в Москве 12 сентября 1990 года. ФРГ осталась членом НАТО.

11 ноября в «Известиях» появилась моя статья «Германия: победа или поражение?».

«Судя по письмам, которые я получаю, многие советские люди встревожены происходящим. Они пишут о том, что пассивность нашей внешней политики привела к потере Восточной Европы и поглощению ГДР Федеративной Республикой и НАТО. Что распад Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи ухудшает международное положение СССР, ослабляет его безопасность. Можно, конечно, а часто и нужно, делать хорошую мину при плохой игре, но никуда не уйти от факта: позволив ФРГ захватить ГДР, позволив Западу включить территорию ГДР в НАТО, мы потерпели политическое поражение. Так пишут многие.

И я их понимаю. Я уважаю их чувства. Но ведь политика не сводится к чувствам. Победа или поражение? Психология может поставить этот вопрос. Но ответить на него может только логика, логический анализ политических процессов и явлений. Давайте подумаем вместе.

Начнем с самого главного. Разве мы воевали для того, чтобы расчленив Германию? Нет. Мы вовсе не хотели этого. Мы хотели другого. Чтобы Германия перестала быть источником военной угрозы, агрессии».

Конечно, продолжал я, расчленение Германии снимало специфически германскую угрозу. Но расчлененность единой нации, неудовлетворенность этим в обеих частях Германии создавали тревожную и постоянную неопределенность в самом центре Европы. Теперь эта неопределенность исчезла. ФРГ подписала все мыслимые и немыслимые гарантии, препятствующие милитаризации ее внешней политики.

Предвижу возражение: гарантии — это только слова, бумага, подписи. Придут новые поколения немцев, немецких политиков, и они заговорят другими словами, захотят подписать другие бумаги. Что ж, теоретически так оно и есть. История не содержит ничего абсолютного, в том числе абсолютных гарантий. Но вот что важно понять: настоящие гарантии — это не слова, не буквы, а реальные интересы. В настоящее время (и до видимого исторического горизонта) никакие немецкие интересы не требуют войны. Немцам не нужна война. Она ничего им не даст, а уничтожить может все (это относится не только к немцам).

Можно было бы вывести войска и сохранить Стену. Зачем? Еще один виток холодной войны? Еще сотня-другая ракет?

И более общая постановка вопроса:

«Во второй половине 80-х годов с огромным опозданием, но мы все-таки поумнели и смогли увидеть окружающий нас мир таким, каков он есть. Мы смогли отбросить болеутоляющие иллюзии и понять, что люди, народы, которых Советская армия освободила от фашизма, не принимают сталинские и неосталинские модели „казарменного социализма“, не хотят находиться на положении младших партнеров, осуждают наше вооруженное вмешательство в их дела.

Понять — это был первый шаг. А второй — привести в соответствие с таким пониманием политику, предоставить „братским странам“ свободу выбора. И наконец, шаг третий — принять этот выбор, даже если он нам не нравится. В кратчайший срок мы прошли этот путь и, одержав победу над собой, над своим прошлым, привели свою политику в соответствие с провозглашаемыми нами же принципами (новое мышление! — А. Б.). Так началось преодоление раскола Европы, которое логически и политически завершилось объединением Германии.

Да, мы потеряли. Мы потеряли созданный нами же и поэтому удобный для нас мир, где нас слушались, где мы чувствовали себя самыми главными и самыми умными. Мир, который мы приобрели, в котором мы оказались, более сложен и противоречив. В нем нельзя командовать, в нем нужно договариваться. В нем нельзя требовать уважения к себе, если ты не уважаешь других.

Пройдет время, и ощущение потери, поражения, которое связано с тем, что о событиях сегодняшнего дня мы судим по критериям дня вчерашнего, станет менее болезненным и совсем исчезнет. А то, что мы приобрели — сотрудничество вместо вражды, разоружение вместо гонки вооружений, свобода циркуляции идей и людей вместо видимых и невидимых стен, — будет становиться все более рельефным, значимым, весомым».

Далеко не все читатели были со мной согласны.

Телеграмма из Одессы от Леонида Артемовича Савушкина:

«Почти с самого начала осознания своего существования на этой грешной земле я впитывал слова товарищей Бовина и Зорина об агрессивной сущности империализма. Все подтверждалось фактами, и неопровержимыми.

Но статья товарища Бовина „Германия: победа или поражение?“ поразила меня. Не потому, что там не было логического мышления, а потому, что создалось впечатление, что наши обозреватели ни тогда, ни сейчас не имели своей научно обоснованной точки зрения, а продолжают дуть по ветру.

В бытность вашего, товарищ Бовин, процветания на экранах телевизоров я видел, где друзья, а где враги. Сейчас все перемешалось.

Наш лидер нас предупреждает избежать гражданской конфронтации, гражданской войны. Но кто же привел нас на порог этой ситуации? Кто ответит, если даже вы в своей статье перестраховываетесь и говорите об обстановке сегодня неуверенно: история не содержит ничего абсолютного, в том числе абсолютных гарантий? Такая позиция не особенно придает уверенности в нынешних деяниях... И если история повторит путь Германии после Бисмарка, то я не завидую вашим внукам. Гарантий, как вы пишете, нет.

Хотелось бы большей объективности от обозревателей».

Острые столкновения вокруг смысла, содержания нового мышления сопровождали кувейтскую драму. Напомню.

Ирак аннексировал Кувейт, малюсенькую, пропитанную нефтью монархию, 2 августа 1990 года. Совет Безопасности ООН предупредил Багдад: если к 15 января 1991 года Ирак не уйдет из Кувейта, ООН санкционирует применение военной силы для наказания агрессора. Советский Союз поддержал такую позицию. Ее поддержали и большинство арабских лидеров. Только Арафат горячо выступил на стороне С. Хусейна. США стали формировать антииракскую коалицию.

В Москве исходили из того, что агрессия противоправна и агрессор, даже если это наш друг, должен быть наказан. Но мы не хотели развязывания войны. Мы пытались убедить Хусейна не артачиться и отступить. Несколько раз Горбачев принимал в Москве вице-президента Ирака Т. Азиза. Трижды академик Примаков летал в Багдад. И трижды возвращался пустой. Хусейна понесло... В таких условиях Горбачев не мог не поддержать Буша.

Американцы начали военные действия 17 января 1991 года.

Помню, чуть ли не в этот день я встречался с сотрудниками 12-го Главного управления Генерального штаба. Небольшая аудитория, половина — генералы, половина — полковники. Естественно, коснулись Кувейта. Я сказал, что американцам от начала сухопутной операции хватит двух недель, чтобы достичь тех целей войны, которые они перед собой ставят. К моему удивлению, аудитория меня решительно опровергала. Говорили о том, что американцы «завязнут», вспоминали Вьетнам. Поскольку я всего лишь старший лейтенант, мне было неловко спорить. Но стало грустно — ничего себе командный состав...

И вообще, значительная часть политической «элиты» ставила под сомнение стратегию Горбачева, который вместо привычной поддержки «антиимпериалистических сил» поддержал «главного империалиста» Буша. Мне пришлось на страницах газеты разбираться с аргументами защитников старого политического мышления.

Аргумент первый. Ирак трудно квалифицировать как агрессора. Он нигде и никогда не признавал Кувейт в качестве самостоятельного государства.

Контраргумент. Кувейт — член ООН, то есть с точки зрения мирового сообщества, международного права является самостоятельным государством. Багдад может оставаться при своем мнении, но это не служит основанием для нарушения международного права, оккупации суверенного государства.

Аргумент второй. Война — это страдания, кровь, смерть. Даже если виноват Хусейн, зачем наказывать иракский народ, в чем он виноват?

Контраргумент. Не виноват, конечно, народ. Или, как и многие другие народы, виноват в том, что долго терпит тиранический режим. А в чем виноват был немецкий народ? Или японский? А ведь десятки городов союзники сровняли с землей. И справедливая война ужасна, но это не значит, что надо прощать агрессора.

Аргумент третий. Советский Союз помогает Штатам укреплять свое влияние в районе Персидского залива, отстаивать свои нефтяные интересы.

Контраргумент. Предположим, мы выступили против Вашингтона, против Совета Безопасности ООН, разве мы оказались бы в лучшем положении, чем сейчас? Разве Кувейт остался бы в руках агрессора?

Всякий политический выбор имеет и плюсы и минусы. Задача политика — выбрать вариант, где плюсов больше. Горбачев выбрал такой вариант.

Аргумент четвертый. Нам нельзя становиться в один строй с Америкой, на совести которой Вьетнам, Гренада, Панама, поддержка диктаторских режимов.

Контраргумент. Наш «послужной список» тоже впечатляет: Корея, Венгрия, Чехословакия, Афганистан, да и диктаторы ходили и ходят в наших друзьях. Оценивая сегодняшнюю политику США и СССР, надо учитывать вчерашнюю, но не останавливаться на ней. В данном случае Соединенные Штаты ведут — как ни ужасно признавать это! — справедливую войну.

В конце концов, Саддаму Хусейну некого винить, кроме как самого себя. В одной из статей я писал: «Горбачев предложил Хусейну поражение без позора, а Буш — поражение с позором. Выбор сделал Хусейн».

Этот выбор привел к тому, что американцы, начав сухопутную операцию 25 февраля, управились дней за десять (жаль, что я не поспорил с генералами).

Окончание войны в Персидском заливе не остановило критические выпады против политики нового мышления. Причем Горбачев часто оставался в стороне, а основные удары сыпались на Шеварднадзе. Благо он еще 17 декабря 1990 года подал в отставку, чем облегчил задачу своим критикам: трепать имя экс-министра как-то удобнее и безопаснее, чем иметь дело с министром действующим.

Среди материалов, направленных против нового мышления, выделялась помещенная в «Советской России» статья «На качелях „нового мышления“». По поводу позиции экс-министра Э. Шеварднадзе». Статью написали доктор исторических наук А. Краснов и член президиума ЦК Компартии России Ю. Николаев. Авторы обвиняли экс-министра в развале социалистического содружества и его институтов, в переориентации в сторону капитализма стран социалистической ориентации, в подталкивании Прибалтики к выходу из Советского Союза, в сдаче позиций и «прямом капитулянтстве» перед империализмом. «По всем параметрам, — утверждали доктор и член, — катастрофа, разразившаяся над СССР в

международных отношениях, равна последствиям поражения в несостоявшейся, к счастью, третьей мировой войне».

Я редко полемизирую в печати. Тут не выдержал. («Известия», 25.06.91.) И вступился, но не столько за Шеварднадзе, хотя сам он внушал мне уважение и симпатию^[21]. Я вступился за внешнюю политику перестройки, которая, если брать ее стержень, основное направление, оптимально учитывала и возможности страны, и общее положение на международной арене.

Можно начать с того, что развал содружества, отпадение от нас наших прежних союзников в «третьем мире» ни в коей мере не являются результатом чьих-то ошибок во внешней политике. Не увенчался успехом социалистический эксперимент, начатый в России в 1917 году. Тут глубинные корни кризиса социализма и распада связанных с ним политических структур. Мы лишились союзников не потому, что оскандалилась наша внешняя политика, а потому, что не выдержал испытания временем наш пропитанный тоталитаризмом общественный строй. И как только наши «союзники» почувствовали это, они вырвались на свободу.

Правда, новое мышление сыграло здесь существенную роль. Оно наложило запрет на насильственное, по образцам 1956 или 1968 годов, сохранение status quo. Трудно представить, что творилось бы в мире, если бы внешней политикой занялось Министерство обороны...

А Прибалтика? Авторы наивно (или злонамеренно?) полагают, что если бы Шеварднадзе решительно отверг наличие секретных протоколов 1939 года, то история Прибалтики могла бы пойти другим путем. После Беловежской Пуши такая аргументация просто смешна.

Не буду вдаваться в опровержение других обвинений. Скучно это теперь. Повторю свой вывод. За пять лет перестройки «угроза войны явно уменьшилась и соответственно безопасность нашей страны укрепились. Не потому, что у нас меньше стало ракет, дивизий или авианосцев. А потому, что нас перестали (перестают) бояться, к нам стали относиться с гораздо меньшей, чем прежде, подозрительностью».

Своим полным непониманием происходящего, своими злобными нападениями на Шеварднадзе авторы меня ну прямо, как теперь говорят, достали. В отместку последний абзац статьи: «Я лично не знаком с двумя авторами. Не знаю их. Не имею представления об их нравственных качествах. Но я давно, очень давно имею дело с авторами

и статьями. Есть простая зависимость: покажи мне, что ты написал, и я скажу, кто ты. Щедро надевая свою жертву сочными эпитетами и броскими характеристиками, наш авторский коллектив — и доктор, и член — по существу создавал, лепил свой собственный образ. Я долго искал ключевое, так сказать, слово к нему. Кажется, нашел — низость. Да, низость».

Откликов была тьма. Большинство благодарили. Но были и совсем наоборот.

«Бовин Александр!

(Не пишу „Уважаемый“, потому что уважать такое дерьмо нельзя.)

Прочитал вашу статью „Голос прошлого“.

Ну какой же ты подлец! Дерьмо всеядное! Был одним до „перестройки“, сейчас лепечешь черт знает что.

Пиши, гаденыш, поменьше.

Подонки! Только змея так шкуру меняет. Ты да Яковлев обогнали в этом и змею.

Ответь через „Известия“.

Не подписываюсь не потому, что стыдно за свои выражения, а просто не хочется, чтобы такая мразь знала, что его статьей заинтересовались.

26.06.91 г., Башкирия, г. Бирск».

После таких писем жалеешь, что журналистам не положено спецмолоко и спецмыло...

* * *

Увлечшись хождением вокруг нового политического мышления, я как-то упустил из виду сказать, что переход к указанному мышлению изменил и мое личное положение. Прежде, при мышлении старом, я находился внутри системы, которая мыслит или должна мыслить. Я не только находился за кулисами политического театра. Мне были хорошо знакомы главные действующие лица. И основные сюжеты

разыгрываемого спектакля. Пусть на правах рабочего сцены (или суфлера), но я участвовал в постановке спектакля.

Теперь ставился новый спектакль. Из-за кулис меня переместили в амфитеатр, если не дальше. О фабуле и сюжете мог лишь догадываться. С главными действующими лицами был знаком шапочно. В общем, я оказался вне системы, которая мыслила по-новому или, во всяком случае, утверждала это.

Я не сразу осознал перемену и по старой привычке продолжал делиться с начальством мыслями, которые, как мне казалось, можно было пристроить к делу.

Весной 1985 года меня продолжала волновать китайская тематика. Вернее, меня волновала не собственно китайская тематика, а то, что она мало кого волнует в Москве. Пищу Горбачеву: чтобы способствовать эволюции политики Пекина в желательном для нас направлении, нужно, «во-первых, правильно понимать то, что происходит в Китае, и, во-вторых, постараться, чтобы наши передачи и публикации на китайскую тему работали на положительную перспективу. Пока же у меня создается впечатление, что ни в первом, ни во втором случаях мы не находимся на высоте положения.

Китай сейчас напоминает развороченный муравейник. Все в движении, в поисках, в переменах. Накормить, одеть миллиард (!) людей, создать для них сносные условия жизни — задача труднейшая, безумно трудная. Нащупывая путь ее решения, китайцы решительно отбросили маоистские догмы времен „большого скачка“ и „культурной революции“, встали на путь радикальных экономических реформ.

По своему содержанию эти реформы представляют нечто вроде синтеза нашего НЭПа, нашей (неосуществленной) реформы 1965 года, а также отдельных элементов югославского и венгерского опыта. Иными словами, сочетание плана и рынка. Об эффекте говорить еще рано, прошло мало времени. И все же заметное оживление и в сельском хозяйстве, и в промышленности очевидно. Очевидны и негативные социальные последствия: имущественное расслоение в деревне, усиление частнособственнических начал в городе, создание благоприятной среды для коррупции партийного и государственного аппарата и т. д. Китайцы видят эти минусы, активно борются с ними.

Приведу типичную выдержку из „Жэньминь жибао“: осуществляемые в Китае реформы „являются небывалым и крайне

сложным делом. Десятки и сотни миллионов людей участвуют в создании нового. Всесторонняя реформа экономической системы с упором на города начата недавно. Ей не хватает опыта, и она не может во всем проходить гладко. Цели и направление реформ должны оставаться неизменными — это создание экономической системы социализма с китайской спецификой, повышение уровня материального благосостояния народа. В процессе реформ непрерывно возникают проблемы, процесс реформ — это процесс непрерывного решения проблем. Многие проблемы, — заключает газета, — могут быть решены только в ходе реформ. Неправильный стиль должен пресекаться, вопросы должны решаться, реформы должны поддерживаться, что отвечает чаяниям народа“. Общий тезис китайцев таков: мы держим решающие экономические и политические рычаги в своих руках и не позволим событиям захлестнуть нас.

Сложная, противоречивая картина... И вряд ли мы облегчаем себе ее понимание, делая акцент на „правой опасности“, на „сползании“ в сторону капитализма, на всякого рода „угрозах“, связанных с использованием иностранного капитала. Есть, конечно, и опасности, и угрозы. Но не следует гипнотизировать себя ими. Следует смотреть на вещи шире, масштабнее... Не исключено, что нынешний китайский эксперимент станет крупной вехой в истории мирового социализма.

А что и как мы говорим и пишем о Китае? К сожалению, почти ничего. Или редкие и краткие чисто информационные сообщения, или куцые комментарии, сделанные в намеренно недоброжелательной тональности. Из наших публикаций недвусмысленно следует, что происходящее в Китае продолжает вызывать у нас неприязнь и раздражение. И китайцы, естественно, не могут не чувствовать это.

Китайцы ведут себя иначе. Критика в наш адрес, как правило, ограничивается афганской и вьетнамо-кампучийской проблематикой плюс почти ритуальные упоминания о гегемонизме. Вместе с тем китайская печать пишет об успехах советской науки и техники, о советской культуре. Излагаются многие официальные материалы. Переводятся и издаются работы советских авторов по философии, истории, политической экономии. На этом фоне мы явно проигрываем.

По-видимому, о Китае следовало бы писать чаще, больше и, главное, умнее, объективнее. Китайцы должны почувствовать, что мы относимся к ним как к равным, понимаем их трудности, их проблемы,

считаемся с их интересами. А иногда нужно и больше твердости. Афганистан, Кампучия, Вьетнам — здесь мы можем открыто и аргументированно критиковать китайцев.

Самое основное, самое главное — мы должны внутренне перестроиться, перестать обижаться на китайцев, если они делают не то, что нам нравится, или не то, что мы хотим. Очень трудно преодолеть инерцию, перестать видеть Китай через призму двадцатилетней вражды. Но без этого ничего не получится. Они — такая же „сверхдержава“, как мы или США. Они всегда будут проводить свою политику, исходя из своих интересов и своего понимания обстановки. Как, между прочим, и мы. И если действовать умно, если смотреть вперед, а не назад, если не ставить себя в ложное положение хранителя „вечных истин“ марксизма-ленинизма, то можно рассчитывать на сдвиги к лучшему в советско-китайских отношениях.

Трудностей тут много. И объективных, и субъективных. В Пекине, судя по всему, есть влиятельные силы, которые тормозят и будут тормозить нормализацию. Но есть, видимо, и другие силы, которым и призвана помочь наша умная, тонкая политика. Если мы, например, отказываемся оказать содействие Китаю в создании АЭС, то мы помогаем не нашим друзьям, а нашим недругам. АЭС они все равно построят. Но работать она будет не на нормализацию советско-китайских отношений, а против.

Эти заметки несколько абстрактны. Я хотел привлечь внимание к сути дела: если мы всерьез хотим нормализации, нужно продумать, всесторонне рассмотреть, оценить наш общий подход к китайцам. И после этого можно будет разработать конкретную программу конкретных мероприятий. Все время помня старое и нестареющее правило: если хочешь, чтобы у тебя были друзья, сам будь другом».

Записка была передана Горбачеву 2 апреля 1985 года. Потом передали: «Одобрил». Судя по реальному положению дел, «одобрение» имело платонический характер.

* * *

Другая бумага, названная мною «О смысле жизни», была написана уже после апрельского пленума. Мне хотелось помочь Горбачеву

внутренне освоиться со своим новым положением, увидеть себя на фоне великих (и ничтожных) предшественников. Просто лишний раз отвлечься от наполняющей каждый день суеты.

«Большинство людей не задумывается о смысле жизни. Просто живут. И просто умирают. Наверное, оставаясь в пределах „предыстории“ (Ф. Энгельс) человечества, так легче жить и легче умирать.

Однако, чем менее стандартны положение человека, его общественный статус, тем настоятельнее требует ответа сакраментальный вопрос: ради чего, зачем я живу?

Вопрос этот на первый взгляд чрезвычайно субъективен. Да он и по существу является таковым. Кроме тех случаев, когда занимаемое положение позволяет „делать историю“, то есть когда законы истории, требования исторического развития могут обобщенно выражаться в поступках, деятельности политического лидера. И здесь уже, на уровне политического, государственного руководства, проблема смысла жизни, не утрачивая своей субъективности, одновременно приобретает объективное значение. Ибо через смысл жизни реализуется смысл истории.

Политические лидеры далеко не всегда достигают той ступени самосознания, которая заставляет в четкой форме поставить перед собой вопрос о смысле собственной жизни. Они не всегда осознают (или не всегда полностью осознают) роль, которую им предназначено сыграть. Они, правда, все равно будут играть эту роль. Но только — плохо. В их действиях не будет единого замысла, цельности, их захлестнет сутолока повседневных дел. Они будут играть с судьбой, с историей не в шахматы, а в бильярд.

Эти абстрактные тезисы хотелось бы проиллюстрировать на нескольких хорошо известных примерах.

В. И. Ленин. Максимум самосознания — следствие высочайшей образованности, культуры и высочайшей интеллигентности. Он точно знал смысл своей жизни, ясно понимал свою сверхзадачу — свергнуть самодержавие, возглавить победоносную социалистическую революцию в России, а если получится, и во всем мире. Что касается России, он полностью выполнил свою жизненную программу.

То, что мы называем ленинским стилем работы, политической деятельности, — творческий, не стесненный никакими привходящими

соображениями подход к теории и к практике; жизненная потребность в самокритике, в дискуссиях с товарищами, в правде; внутренний демократизм, умение говорить с людьми, располагать их к себе, убеждать массы и т. д. и т. п. — все это не только „положительные качества“ Ленина. Это, если угодно, — единственно возможный для него способ жизнедеятельности, жестко заданный пониманием своей исторической роли. Это — важнейший элемент ленинской „науки побеждать“.

И. В. Сталин. Объективно predetermined для него историческая роль сводилась к преодолению отсталости России и созданию фундамента (прежде всего — материального) социалистических общественных отношений. И Сталин понимал это. И делал это. Если цель — создание социалистического общества, то избранные Сталиным средства (при всем разнообразии их объединяли ложь и насилие) решительнейшим образом противоречили этой цели, перечеркивали ее. Варварскими методами можно вытащить Россию из варварства (К. Маркс о Петре I), но нельзя построить социализм в научном, марксистско-ленинском смысле этого понятия. История жестко мстит за то, что ее пытались терроризировать и обмануть. Об этом нам напомнили фашисты, которые дошли до берегов Волги и гор Кавказа. Об этом нам напоминают 20 миллионов жизней, которыми мы оплатили победу.

Н. С. Хрущев. Сознательно поставил перед собой задачу вскрыть нарыв сталинских злоупотреблений, восстановить ленинские нормы партийной и государственной жизни. Многие сделал для решения этой задачи. XX съезд КПСС — событие всемирно-исторического значения, которое поставило Хрущева в один ряд с наиболее выдающимися деятелями международного коммунистического движения.

Но в целом указанная задача не была решена. Имея в виду борьбу Хрущева против культа личности, У. Черчилль заметил: „Нельзя перепрыгнуть через пропасть в два приема“. Хрущев увяз в половинчатости, недосказанности, боязни дойти до конца. Отсутствие общей культуры, инерция прошлого привели к тому, что Хрущев, осуждая Сталина, санкционировал свой собственный культ. И то, что возникло как трагедия, повторилось как фарс.

Давно известно: наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Динамизм Хрущева, его простота, его решительность,

оказавшись вне коллективного контроля, обернулись суетливостью, импульсивностью, грубостью. Безответственной ломкой того, что можно было бы и не ломать.

Л. И. Брежнев. Человек без ярко выраженного политического самосознания, без четкого представления о своей роли в истории. Его политика — часто лишь реакция на те или иные, происходящие независимо от него, изменения обстановки.

И первое, что он хотел сделать, — покончить с дерганьем, шараханьем из стороны в сторону, стабилизировать после хрущевских реформ положение в партии и стране. Он добился этого. Но мы заплатили слишком высокую цену. Столь необходимые стабильность, устойчивость, упорядоченность стали превращаться в неподвижность, стагнацию. Забота о кадрах вырождалась в застой кадров, их безнаказанность, что создавало почву для перерождения отдельных руководителей, коррупции, сохранения областных и районных „культов“.

Брежнев, как и Хрущев, понимал, что люди хотят и должны жить лучше. Этим определялся его постоянный интерес к сельскому хозяйству. Но интерес односторонний: упор на капиталовложения, а не на отдачу. Брежнев в общем-то чувствовал, что не срабатывает (и в промышленности тоже) экономический механизм, что нужны существенные сдвиги в области производственных отношений. Он неоднократно говорил об этом. Но у него не хватило сил сломить инерцию аппарата, куда, как в песок, уходили правильные мысли и соображения.

Линия партии на возвращение к ленинским нормам формально осуществлялась, но только формально. Ни Хрущев, ни Брежнев за четверть века так и не смогли возродить внутрипартийную демократию, преодолеть бюрократизацию партийного аппарата, привычку „низов“ смотреть в рот „верхам“, вставать и аплодировать, аплодировать и вставать. В идеологической работе продолжали господствовать парадность, самовосхваление, уход от острых проблем, волнующих коммунистов, всех советских людей. Мы по-прежнему боялись задавать себе „плохие“ вопросы: почему мы глушим западные передачи, а не наоборот? Почему мы покупаем зерно у США, а не США у нас? И многие другие, аналогичные.

Ю. В. Андропов. Человек совсем другого, не хрущевско-брежневского склада. Он понимал, какое наследство ему досталось. Он знал, какие ожидания связывают с ним партия, народ. Он отдавал себе отчет в том, какую роль должен сыграть, какая историческая ответственность легла на его плечи и ради чего он взял эту ответственность. Его мысли шли в направлении ленинского понимания социализма и демократии, экономики и политики. Но возрождения не формального, не словесного, а затрагивающего глубины народной жизни. Он не любил славословия. Он хотел встречаться и говорить с людьми. Не успел, к сожалению.

К. У. Черненко. Воплощение посредственности. Сомневаюсь, что у него были хоть какие-то свои соображения о том, что надлежит делать на посту генсека. „Жертва“ случайного стечения обстоятельств. Но воистину случайность есть форма проявления необходимости. Черненко был нужен, чтобы все поняли: прежняя политика, прежние политики себя исчерпали. Жизнь требует новых людей, новых идей, новых решений.

М. С. Горбачев...»

6 мая Кручина передал мои соображения шефу. Никакая вербальная реакция до меня не дошла. Если попробовать взглядеться в реальную жизненную траекторию Горбачева, то складывается впечатление, что он, отвечая на вызов взбудораженной, взбаламученной им же социальной стихии, прошел через несколько «смыслов».

* * *

Понятно было, что жить так, как мы жили раньше, нельзя. Но было непонятно, как же надо жить, что и как надо изменить, чтобы преодолеть перманентное отставание от развитых капиталистических стран. Мне, например, как и многим «шестидесятникам», представлялось, что нам надо делать то, что мы не разрешили делать Праге. Социализм с человеческим лицом. Политическая демократия на полную катушку, включая многопартийность, идеологический плюрализм и гласность, а в экономике — сочетание плана с рынком.

По-моему, Горбачев, когда он пришел к власти, был еще далек от столь радикальных (но социалистических!) решений. Это показал

собравшийся в феврале 1986 года XXVII съезд КПСС. До перестройки еще не додумались. Утвержденный съездом стратегический курс был обозначен как ускорение социально-экономического развития страны. Порядки оставались старые.

Именно поэтому о Чернобыле (авария произошла 26 апреля) молчали два дня. Наверное, молчали бы и дольше, если бы радиоактивное облако подчинялось нашим пограничникам.

Волею случая как раз в эти дни надо было лететь в командировку в Америку. Когда мы с коллегами сели в самолет, мы еще слова такого не знали — «Чернобыль». Когда же 28-го приземлились в Нью-Йорке, это слово знали все. Толпы журналистов набросились на нас. Укрывшись в отеле, мы стали звонить в Москву, чтобы хоть как-то сориентироваться...

Пожалуй, первый раз в жизни я с очень близкого расстояния, находясь по ту сторону «баррикад», наблюдал, как мы гробим свою репутацию, как проигрываем информационную войну. Поскольку мы цедили информацию по чайной ложке в день, американцы могли позволить себе все, что хотели. Передавались сообщения о тысячах погибших. А после первомайской демонстрации в Киеве нас вообще смешали с грязью.

Но были и приятные моменты. Начало мая. Телевизионщики вели передачу откуда-то из Айовщины или Техасчины. Шла посевная. По-нашему — полевой стан. «Крестьяне» обедают. К одному подходит девица с микрофоном.

— У русских огромные поля заражены. Зерно теперь подорожает. Вас можно поздравить?

В ответ раздался невыразительный американский мат. Обращаясь ко всем присутствующим и жующим, работяга заорал:

— Ребята, эта... думает, что мы радуемся горю русских!

И теперь уже хором облаяли телевизионщиков. Мне понравилось. Даже в газете написал. Гласность торжествовала.

Параллельно со стратегией ускорения была предложена стратегия полной ликвидации до конца века оружия массового уничтожения, то есть стратегия ядерного разоружения. Однако, если стратегия ускорения практически сразу же превратилась в пустышку, то стратегия ликвидации, изложенная в Заявлении Горбачева от 15 января 1986 года, — несмотря на слишком заметный пропагандистско-

романтический налет, — позволяла концентрировать внимание на важнейших вопросах разоружения.

Американцы, как показали переговоры Горбачев — Рейган в Рейкьявике, были не готовы разоружаться. Формально Горбачев потерпел поражение: его предложение было отклонено. Но по существу потерпел поражение Рейган, ибо он отказался отодвинуться от края пропасти, за которым — самоубийство человечества.

Журналисты не присутствовали на переговорах. Но, беседуя в кулуарах с политиками, дипломатами, генералами, я понял, что Горбачев заслужил высшую оценку как переговорщик. Помню, как было неприятно, неловко, когда в ответ на живую речь собеседника Брежнев утыкался в листочки и начинал медленно читать слова текста. У Цуканова даже была такая папка, где в специальных ячейках находились листочки с текстами по всем возможным вопросам. Главное — успеть моментально извлечь нужный листочек и положить его перед Брежневым. Теперь нужда в этом отпала. Горбачев владел материалом и умел выразить свою мысль. Советские «вожди» послевоенного времени, как правило, не дотягивали до этого уровня.

Вскоре после Рейкьявика я последний раз выступил в качестве певца за сценой. Черняев (он стал помощником Горбачева) попросил меня набросать несколько страниц о будущем, о времени на грани веков. Для возможного выступления шефа. Вот что получилось:

«Все мы знаем, что политический деятель с головой погружен в мир текущих, сегодняшних, злободневных проблем, которые требуют немедленного решения. И все-таки, если иметь в виду серьезную, большую политику, жить сегодняшним днем мало. Надо видеть перспективу, сопоставлять и оценивать разные варианты возможного развития событий. Не ради абстрактного любопытства, разумеется. А ради того, чтобы вести целенаправленную политику дальнего прицела, чтобы влиять на ход мировых событий в нужном направлении.

С нашей точки зрения, на грани XX и XXI веков перед человечеством будут стоять три главные проблемы.

Главная из главных — проблема войны и мира.

Мы исходим из элементарного, очевиднейшего соображения. Пока существует ядерное оружие, существует и опасность ядерной войны. И значит, чтобы ликвидировать, уничтожить полностью, на все сто процентов угрозу ядерной войны, надо уничтожить ядерное оружие.

Отсюда — советский план поэтапного уничтожения ядерных потенциалов.

Мы, конечно, знаем, что многие на Западе считают наш план нереальным, утопическим. Однако мы не можем принять реализм, который сводится к сохранению ядерного оружия, то есть к консервации потенциалов самоуничтожения. Это — реализм смерти. Наш реализм — это реализм жизни. В ядерный век быть реалистом — это значит требовать того, что еще недавно считалось невозможным. И мы будем бороться за создание безъядерного мира.

Мы понимаем, что интеллектуальная, политическая традиция капитализма работает на другую перспективу. Если неоконсервативная волна в политике США, других западных держав не спадет, если гонка вооружений будет перенесена в космос, то к концу века человечество подойдет к обстановке холодной войны, углубляющейся конфронтации, возрастающего риска ядерного столкновения.

Такая перспектива — не наш выбор. Но мы вынуждены считаться и с ней.

Наконец, не исключен и даже весьма вероятен своего рода промежуточный вариант. Мир останется ядерным. Но будут сделаны заметные шаги по направлению к ограничению ядерных потенциалов, снижению темпов гонки вооружений. Мы, естественно, не против этого. Хотя предпочли бы максимально крупные, максимально радикальные меры. И, повторяю, мы будем отстаивать такие меры.

В общем, — при любых видимых поворотах событий — в Москве не прогнозируют сколько-нибудь высокую степень вероятности глобального ядерного столкновения до конца века. Механизм сдерживания пока еще делает свое дело. Но жизнь под постоянной и тем более растущей угрозой смерти недостойна человека, если он действительно homo sapiens. Поэтому вновь повторяю и готов еще раз повторить: только ядерное разоружение может остановить сползание к краю бездны и создать условия для постепенного налаживания прочных, устойчивых отношений мирного сосуществования.

В свою очередь, только мирное сосуществование может создать реальные предпосылки для решения двух других крупнейших проблем. Я имею в виду, во-первых, бедственное положение огромных регионов „третьего мира“ и пугающую нестабильность в отношениях между Севером и Югом. Во-вторых, я имею в виду растущую напряженность

на „экологическом фронте“, бездумное, преступное разрушение людьми естественного, природного базиса своего собственного существования.

За то небольшое время, пока мы с вами здесь сидим и беседуем, несколько тысяч человек — детей прежде всего — умрут от холода и болезней. За эти же минуты новые тысячи тонн ядовитых отходов окажутся за пределами производственных циклов, чтобы отравлять воздух, которым мы дышим, воду, которую мы пьем, пищу, которую мы едим. Все это кажется ужасным, иррациональным, безумным, но именно таков мир, в котором мы живем. И таким, к сожалению, он останется до конца века. Если не станет хуже.

Возможные варианты, спектр возможностей, здесь, с нашей точки зрения, самым тесным образом связаны с тем, как будет решаться первая, самая главная задача. Дело в том, что и ускоренное, догоняющее развитие Юга, стран Африки, Азии и Латинской Америки, и защита биосферы, вернее, облагораживание, экологизация техносферы требуют — помимо всего прочего — огромных затрат, огромных ресурсов. Где их взять?

Наш ответ: резко ограничить гонку вооружений. Даже небольшая часть высвобожденных средств могла бы стать существенным подспорьем для преодоления отсталости „третьего мира“, для предотвращения экологической катастрофы.

Таким образом, будущее, перспектива тесно увязывают все три группы проблем. При нарастании конфронтации, интенсификации гонки вооружений будут, с одной стороны, приближаться необратимые, катастрофические сдвиги экологического характера, а с другой — консервироваться отсталость, а значит, и нестабильное, чреватое кризисами и конфликтами разного рода положение многих регионов „третьего мира“.

И наоборот. Советская программа ядерного и далее — всеобщего разоружения могла бы открыть реальную перспективу более гармоничного развития и взаимодействия Севера и Юга, а также техносферы и биосферы. Скептиком быть легче всего. Труднее быть борцом, созидателем. Мы предпочитаем делать, переделывать историю, а не ждать, когда она кончится.

Размышляя о тех проблемах, с которыми человечество подходит к смене тысячелетий, мы не можем не думать о судьбе, о характере

эволюции основных социальных сил современности — социализма и капитализма. От того, как, какими темпами, в каких формах будут развиваться эти два противоположных типа обществ, будет зависеть облик человечества в конце века.

Опыт показал, что становление социализма — более сложный процесс, чем представлялось тем, кто начал путь к социализму. Мы до сих пор не смогли развернуть все преимущества социализма. Этим объясняется столь острая, резкая постановка вопроса на XXVII съезде КПСС о стратегии ускорения, перестройке экономических и политических механизмов, о качественном, революционном преобразовании сложившегося образа жизни.

Если мы сумеем к концу века решить те задачи, которые перед собой поставили, это существенно изменит к лучшему мировую обстановку. На эти изменения будут „работать“ и радикальные реформы в Китае, и совершенствование общественных отношений в других социалистических странах, и нарастание всестороннего сотрудничества в рамках мировой системы социализма.

На Западе иногда высказываются такие примерно опасения. Если социализм догонит и обгонит капитализм по производительности труда, по эффективности народного хозяйства, то разговоры о разрядке будут кончены и Восток попытается силой навязать Западу свои порядки. Мне даже как-то неловко всерьез говорить об этом. У нас нет и не будет подобных намерений. Ваши порядки — это ваше дело, дело ваших народов.

Свой авторитет, свой удельный вес в мировой политике и мировой экономике мы бросим на чашу разоружения. Чтобы облегчить переход к безъядерному миру, к миру без войн и оружия.

Вы опять скажете, господа, — нереально, невозможно. В категориях нового политического мышления наш ответ можно сформулировать так: мы реалисты и поэтому требуем невозможного!

Глядя в будущее, мы учитываем и процессы, происходящие в капиталистических обществах.

Нынешний век показал, что капитализм обладает удивительной способностью приспособливаться к новой исторической обстановке. И эти способности, судя по всему, еще не исчерпаны.

В то же время нарастают трудности. Это доказывает стремление смотреть не вперед, а назад, попытка дезертировать из XX века в XIX.

Я имею в виду переход от реформистской модели государственно-капиталистического регулирования к модели консервативной. Вам, конечно, виднее, господа, но мне кажется, что модернизация капитализма за счет интересов трудящихся — это тупиковое направление. Скорее всего, еще до конца века придется вернуться к реформистским моделям, предусматривающим значительную степень социализации капитала.

Вторая волна НТР вызовет качественные перемены в производительных силах, создаст условия для избытка промышленных и продовольственных товаров. И вместе с тем фактом станет массовая структурная безработица. При синхронном движении научно-технического и социального прогресса людей, вытесняемых из материального производства, могла бы полностью поглотить сфера обслуживания (культура, наука, образование, здравоохранение и т. д.). Но до синхронности еще далеко. И поэтому очень острой станет проблема нового распределения труда и перераспределения национального дохода, а этого нельзя сделать без активного участия государства в социально-экономической жизни.

У рабочего и коммунистического движения есть шанс „оседлать“ данный процесс. Но для этого нужно избавиться от коминтерновского традиционализма и перейти в иную систему координат. Революции в привычном смысле этого слова не будет. Нужно понять, что происходит с современным капитализмом, и разработать тактико-стратегическую схему, отвечающую объективному ходу дел. Без прорыва к массам невозможно преодолеть кризис коммунистического движения.

Фундаментальное значение имеет судьба милитаризма. По всей вероятности, сохранение милитаризма будет, с одной стороны, тормозить приспособление общества к новому этапу научно-технической революции, а с другой — создавать предрасположенность к ограничениям демократии, к радикализации правых движений. Это — тот самый вариант, который будет способствовать усилению конфронтации и гонки вооружений.

Наконец, судьбы „третьего мира“. К 2000 году из семи миллиардов человек пять будут проживать в развивающихся странах и иметь ВВП на душу населения около 200 долларов. В развитых странах — около 8500 долларов. Это к масштабу проблемы. Так как „третий мир“ слишком инерционен, то вряд ли до конца века произойдут какие-

нибудь крупные подвижки. Может быть, несколько снизятся частота кризисов и конфликтов, темпы гонки вооружений, чуть легче станет с питанием.

При положительных переменах в СССР и КНР „третий мир“ будет постепенно накапливать потенциал некапиталистического развития. Или, что вероятнее, в обозримом будущем будет расти удельный вес переходных форм разного рода, объединяющих рыночную и нерыночную экономику при общей ориентации на усиление элементов социальной справедливости.

Если же нам не удастся осуществить задуманные преобразования, не исключен заметный поворот в сторону капиталистических ориентиров».

Бумага датирована 26 января 1987 года. Повторяю, это последнее мое сочинение по заказу начальства и от имени начальства.

* * *

Содержание бумаги показывает, что многие иллюзии еще сохранялись, что не хватало мужества посмотреть правде в глаза. И не хватало времени, чтобы спокойно подумать, вернее даже — чтобы спокойно додумать то, что беспокоило, тревожило, ставило в тупик после разгрома чехословацкой революции надежд. Чем мы должны заниматься? Текущий ремонт? Капитальный ремонт? Не говорю — «евроремонт», ибо такого зверя тогда не знали.

Судя по XXVII съезду КПСС, по слухам, доносившимся из окружения Горбачева, партия ориентировалась на текущий ремонт. Добротный, качественный, с элементами капитального, но в целом — все же текущий. Принципиальные вопросы политики (демократия) и экономики (рынок) еще не были осмыслены. Начались поиски волшебной палочки, взмахнув которой можно было бы сотворить чудо. Когда-то на эту роль претендовали торфо-перегнойные горшочки. Потом — кукуруза. Теперь ухватились за госприемку...

Лихорадило и трясло газету. Были завоеваны, захвачены первые плацдармы свободы слова, гласности. Мои коллеги, которые писали на внутренние темы, получили возможность приближаться к правде гораздо ближе, чем позволялось раньше. И хотя в каждом конкретном

случае трудностей, колебаний, страха божьего было немало, дышать стало легче. Но это не относилось к международникам. Здесь все сохранялось по-прежнему. А мне так стало хуже. Раньше на меня работало мое положение при начальстве. Теперь «зонт безопасности» был закрыт, и мои материалы ложились на общий обрубочный стол в МИДе. Это их не улучшало.

Читатели это чувствовали. Для атмосферы тех дней характерно письмо В. Григорьева из Москвы, которое он прислал редактору отдела писем В. Надеину для оглашения на летучке. Тогда письмо не огласили. Исправляю ошибку.

«Уважаемый тов. В. Надеин!

Пишу на Ваше имя, хотя Вы никакого отношения к теме моего письма не имеете, разве что являетесь редактором отдела писем; просто я по Вашим статьям составил мнение о Вас и решил, может быть наивно, что, прочтя, сочтете небезынтересным мнение читателя и для редакционной коллегии.

Нелегко мне сформулировать тему моего письма, хотя она не оставляет меня в последний год. Большую пищу для размышлений дает наша действительность и то, как ее отражает наша пресса. Не у меня одного радостно становится на душе оттого, что правда возвращается в нашу жизнь и на страницы наших газет и вера в наш строй и в наши идеалы становится аргументированной, обоснованной, становится крепче.

И все-таки остается еще отдел в редакциях газет, куда правде все еще вход закрыт, пробирается она туда с трудом и появляется изрядно помятая. Отдел этот — международной жизни.

Читаешь материалы 4–5-й страниц „Известий“, „Правды“ и, если оторвана дата, не определить, какого года номер газеты — 1960-го, 1971-го или 87-го... Все те же пустопорожние корреспонденции собкоров о фавелах и „каравеллах“, те же обличения нехороших транснациональных монополий, то же беспринципное, недостойно-лакейское заигрывание с „революционными лидерами“ типа черных полковников, Иди Амина и Нимейри — в недалеком прошлом или Каддафи — в настоящем, такая же „принципиальность“, а точнее, многократное виляние по отношению к Маркосу и Хомейни... Все так же под заголовком „Выступление президента“ помещаются не мысли и аргументы оратора, а толкование самой редакцией отдельных,

произвольно выхваченных положений, причем сделанное с „ловкостью“ говорящего попугая („...в то время, как известно, что... между тем как... хотя хорошо известно, что... Президент вопреки всем фактам утверждал, что Советский Союз якобы...“ и т. д.), уныло и безнадежно талдычащего затверженный текст. Все те же, из года в год, гремящие, как жестянки на собачьем хвосте, памфлеты Мэлора Стуруа, с единственным, осточертевшим за десятки лет приемом, неизменным и стереотипным — обыгрыванием какого-нибудь слова-понятия, подтягиванием к нему аналогий, ассоциаций и глумливым обсасыванием со всех сторон... Все те же „первые корреспонденции нашего нового собкора в...“, построенные по кем-то когда-то установленному канону — 5 строчек о природе, 5 строчек о погоде и „ловкий“ переход: „Ярко светит солнце, но на душе у простого... пасмурно... Как сказал мне таксист (докер, рикша, продавец газет, сосед и т. п.)“, — и следует 490 строк о безвыходном экономическом положении и остром политическом кризисе в стране... Читателя подводят к мысли о неизбежности краха в ближайшие месяцы... Но вспоминаются „первые корреспонденции“ предшественников „нашего нового собкора“ и охватывает острая досада: вот так десятилетиями заставляют нас думать, что в капиталистическом мире одна только безработица, стагнация, инфляция, деградация, проституция и наркомания... Ну, еще, в порядке исключения, пара одобрительных слов о японской технике или о фестивале в Каннах...

Читаю газеты. Изо дня в день. Ищу признаки нового мышления в ядерный век. Увы. Мне представляется, что вся практика освещения газетами (в данном случае моими любимыми „Известиями“) международных событий противоречит страстному призыву М. С. Горбачева к новому мышлению. А оно, в применении к нашей теме, состоит в том, как мне кажется, чтобы, ни в коем случае не сходя с классовых позиций, придерживаясь своих классовых симпатий и антипатий, постараться все же шире открыть глаза, ощутить себя частью мирового сообщества, постараться у наших оппонентов заметить кроме 7 процентов безработных еще и 93 процента нормальных трудящихся — искусных рабочих и строителей, инженеров, блестящих ученых, первоклассных врачей (дай нам бог таких!..), артистов, скромных тружеников, „обслуги“! Как они живут, любят, воспитывают детей, о чем мечтают, как проводят время,

отдыхают, развлекаются? Как бы увидеть нам их, простых людей, хоть и тоже плохо информированных, сбитых с толку своей желтой прессой?

Нет, нужно, необходимо перестраиваться нашей международной журналистике. Однако никакой надежды на ее перестройку в обозримом будущем у меня нет. Кому там перестраиваться? Где графовы, пасютины, феофановы, максимовы, армеевы, надеины, васинские в международной журналистике?

Все наши собкоры и спецкоры, просто коры и редакторы, комментаторы и обозреватели (кроме разве что Бовина, который пишет одну статью за несколько месяцев, кстати, отчего?) — все! — наша бывшая и настоящая „золотая молодежь“, дети, внуки, зятья крупных — до самых крупных — наших руководителей, представители династий дипломатов, генералитета и министров. Все они связаны „классовой“ (можно было бы написать без кавычек) круговой порукой почище, чем выпускники Итонского колледжа или Токийского университета. И происходящее сейчас в нашей стране революционное обновление для них — смертельная опасность.

Я не столь наивен, чтобы считать „элитарность“ единственной причиной убогости нашей международной журналистики. Ясно, что, коснись они многих из внешнеполитических тем, придется вертеться как на раскаленной сковородке. Но хоть и то, что пишут в „Известиях“, ведь можно писать по-людски!..»

Насчет «элиты» я не уверен, что Григорьев прав на все 100 процентов. Но факт «убогости» международной журналистики констатирован точно.

Меня этот «факт» по понятным причинам беспокоил не меньше, чем читателя «Известий». Действуя доступными мне методами, я обращался к Брежневу (февраль 1979 года), Зимянину (октябрь 1979 года), Андропову (ноябрь 1982 года), Горбачеву (май 1984 года), Лукьянову (май 1986 года), Яковлеву (сентябрь 1986 года). Эмоций и бумаги потратил много, но отдача была минимальной.

* * *

Перестройка позволила изменить метод. Приближался VI съезд Союза журналистов СССР. Раньше это всегда было максимально

формализованное, парадное мероприятие. Я был уверен, что журналистское начальство, которое заправляет съездом, будет действовать в рамках старого мышления. Но все-таки решил выступать. Перечитал прежние записки. Подсыпал соль и перец. И на вечернем заседании съезда 14 марта 1987 года был выпущен на трибуну. Очень волновался.

«Уважаемые товарищи! По понятным причинам с этой трибуны говорят прежде всего о наших внутренних проблемах. Здесь, конечно, наши главные заботы и тревоги, здесь наши боли и наши радости и именно здесь, внутри страны, происходит и должна происходить та революция надежд, которая разбужена XXVII съездом партии.

Должен сказать, что я завидую коллегам-журналистам, пишущим на внутренние темы. Завидую потому, что они стали писать интересные, умные, берущие за душу, за живое статьи. Воспитывать у советских людей гражданственность, партийность можно только правдой. Это единственное, чем можно такие качества воспитать. Я им завидую, потому что на фоне явного оживления нашей внутренней журналистики особенно заметно отставание той, которую я представляю, — журналистики международной.

Боюсь даже сказать, что здесь перестройка началась. Делаются какие-то первые попытки, которые касаются не содержания, а только формы нашей работы. Обидно и больно работать, как раньше, когда надо работать лучше.

Главный недостаток международной журналистики — обилие запретных зон и запретных тем для анализа. За пределами нашей журналистики оказываются не только отдельные факты, не только отдельные страны, но и целые пласты социально-политической реальности.

Возьмите, к примеру, положение в международном коммунистическом движении. Подумайте, вспомните, где, в какой газете вы последний раз читали какую-либо статью с анализом нынешнего состояния в коммунистическом движении, в отдельных его отрядах? Ничего этого нет.

Или возьмите положение в мировой системе социализма. Здесь происходят интереснейшие процессы. В каждой стране по-своему решаются те или иные экономические, социальные, политические проблемы. Накопилась масса материала для сопоставления, для

сравнительного анализа, для интереснейших выводов. Где этот материал на страницах наших газет?

А страны социалистической ориентации — социальный авангард „третьего мира“? Где можем мы прочитать о тех крупных, часто болезненных, иногда кровавых процессах, которые там происходят?

К сожалению, мы, журналисты-международники, даем читателям лишь обрывки, крохи информации и минимум анализа, минимум обобщений. Чем лучше наши отношения с какой-либо страной, тем меньше я как журналист-международник имею возможностей для объективного, научного анализа того, что в этой стране происходит. С беспокойством думаю о времени, когда нормализуются советско-американские отношения: ведь „закроют“ Америку для журналистов.

Теперь посмотрим, почему так происходит.

Во многом наше молчание о коммунистическом движении, о странах социализма и социалистической ориентации связано с тем, что те сложные процессы, которые вокруг происходят, мы продолжаем воспринимать сквозь призму старых схем, давно себя изживших, черно-белых. Мы так загородили себя от жизни этими формулами, что не можем воспринимать жизнь в ее реальных проявлениях. Она совсем другая, она непривычная, она пугает своим разнообразием, противоречиями, коллизиями. И мы предпочитаем держаться за старое и молчать.

Но, пожалуй, не эта причина главная. Главное в том, что у нас сложился такой порядок, когда каждая публикуемая статья или передача фактически рассматриваются как выражение официальной позиции Советского Союза. Отсюда — господство стандартных формулировок, проверенных и перепроверенных, жеванных и пережеванных формул, ничего не дающих ни уму ни сердцу. А когда каждый материал рассматривается как материал, отражающий позицию правительства, партии, в расчет принимается прежде всего возможная реакция на него извне. В первую очередь товарищи озабочены тем, как бы не обиделся какой-либо премьер-министр или президент. Конечно же застенчивое молчание прессы устраивает наших партнеров. Устраивает оно, видимо, и наших чиновников. Но оно решительно не устраивает миллионы советских людей, которые хотят иметь точную, объективную и разнообразную информацию.

И вот здесь, товарищи, серьезная опасность. Она заключается в том, что если мы обходим какие-либо факты, события, процессы, молчим о них, то подрываем доверие к прессе как к источнику объективной, партийной информации. Мы сами посылаем людей слушать всякие „голоса“ и получать эту информацию из грязных, враждебных рук.

Я конечно же понимаю, что мы должны учитывать интересы внешнеполитических ведомств. Но забота об этих интересах не должна противоречить интересам советских граждан, которые хотят знать, что происходит в мире. И здесь, по-моему, выход один — нужно научиться разграничивать официальные материалы, которые выражают точку зрения правительства, и журналистские, авторские комментарии. Необходимо всех приучить к мысли, что если пишут Бовин, Овчинников, Кондрашов, если говорит Зорин — это не обязательно позиция Кремля.

К сожалению, на данную тему не первый раз говорится. Принимаются половинчатые решения. Но дело стоит на месте. И пока оно будет на этом месте стоять, перестройки не будет.

Еще одна беда наша — слабость аргументации, эпитеты вместо доказательств. Скажем, если едет наш министр в Австралию, мы пишем: „Поездка Шеварднадзе в Австралию“. Если едет Шульц в Пекин, публикуем: „Вояж Шульца в Пекин“. И довольны — „приложили“ Шульца. Пустое все это. „Клеветнический“, „злой“ и т. п. и т. д. — эти слова ничего сами по себе не решают, если за ними нет серьезного, аргументированного, доказательного анализа фактов. А то сплошь и рядом мы ругаем Рейгана, но невозможно понять, что же конкретно сказал Рейган. Стыдно так работать!

Убедительная критика предполагает корректное изложение логики, аргументов противника. Без этого получается игра в поддавки, бой с тенью. А люди у нас серьезные, они понимают фальшь ситуации, и они нам не верят. Конечно, легче воевать с тенью. Но мы должны идти навстречу новому. Чаще приглашать на телевидение западных политиков, журналистов, комментаторов. Спорить с ними. И я уверен, что у нас хватит ума, мастерства, чтобы переспорить наших оппонентов.

Иначе, повторяю, в новых условиях нам все меньше будут верить. Будут выключать радио, телевизор, откладывать газету и слушать те же

„голоса“. Не надо себя успокаивать „глушилками“. Они обижают и оскорбляют наших людей. Если говорить серьезно, по-партийному, то „глушилка“ в политическом плане — это признание несостоятельности. Мы как бы говорим себе и другим — у нас нет аргументов. С такой позицией я согласиться не могу как коммунист, как гражданин, как журналист, которому поручена идеологическая борьба. Уверен, что у нас есть аргументы на 95 процентов вопросов. А вот если есть 5 процентов вопросов, на которые мы не можем ответить, значит, надо задуматься. Может быть, мы что-то не так делаем, может быть, следует внести коррективы в политику.

Есть и другие вопросы, которые мешают нам работать. Ну, скажем, возьмите МИД, возьмите Министерство обороны. Эти ведомства — крепости, окруженные огромными стенами, никак туда не подъедешь. Я не могу заниматься серьезным анализом тех или иных решений МИДа и Министерства обороны, без чего нельзя серьезно писать о международных делах. Вот вам еще зона, которая не только находится вне критики, но и вне нормального журналистского анализа.

Это сложные, трудные вопросы, но когда-то нужно их поднимать, когда-то нужно к ним подходить. Может быть, имеет смысл собрать специально пленум правления Союза журналистов, пригласить товарищей из ЦК, из МИДа, военных товарищей, журналистов-международников и посоветоваться, что нам нужно делать, чтобы соблюдались и интересы государства, нашей внешней политики, и интересы десятков миллионов наших читателей, зрителей, слушателей. По-моему, от этого была бы только польза.

И последнее, товарищи. Перестройка — дело сложное. У нас много явных и скрытых врагов, но я хотел бы сказать о том враге, который есть внутри каждого из нас. Дело в том, что все мы несем в себе свое воспитание, свою собственную историю, привычки и традиции, которые очень трудно преодолеть.

Вот последний пример. Час назад оглашался состав комиссии для отработки устава Союза журналистов. Я слушаю этот список и думаю: ведь там же нет ни одного журналиста рядового, пишущего, определяющего лицо нашей журналистики. Похоже, что речь идет об уставе союза руководителей средств массовой информации.

Я хотел встать и сказать об этом. Но не встал. Эти колонны, люстры красивые, начальство сидит, и я сробел, не стал нарушать

порядок.

Мы не научились еще говорить правду, мы не отучились еще бояться начальства. И пока не отучимся, трудно нам будет перестраиваться.

Спасибо за внимание».

Были бурные аплодисменты. Но толку было мало. На самом съезде прения журчали в давно проложенном русле. Да и после съезда перемены в международной журналистике происходили не столько по инициативе Союза журналистов, по воле начальства (осознали и разрешили!), сколько под влиянием стихийного развития событий. Там, где получалось, там, где было можно, «верхи» всегда старались затормозить перестройку журналистики, держать под контролем «свободу» слова.

Когда я выступал, в президиуме съезда сидел Лигачев и что-то записывал. В ладошки не хлопал. После звонил, как говорят, на телевидение и просил дать мне «отдохнуть».

* * *

Борьба — и не как обмен аргументами, а скорее как перетягивание каната — шла на всех этажах партийно-государственного здания. От политбюро до партийных бюро самого низкого уровня. Горбачев колебался, дергался в разные стороны, что придавало силы и наглости его политическим противникам.

Хрестоматийный пример — появление 13 марта 1988 года в «Советской России» знаменитой статьи Нины Александровны Андреевой «Не могу поступаться принципами». Это была вызывающая, открытая атака на перестройку по всему фронту, причем атака с консервативных, сталинистских позиций. Не появление статьи удивило: уж плюрализм так плюрализм. Удивило странное молчание «демократических» СМИ. Люди, от которых зависела контратака, то есть публикация ответа Андреевой, разбежались по кустам и испуганно выглядывали оттуда.

Пока «барин» в лице Яковлева 5 апреля (только 5 апреля!) не опубликовался в «Правде».

20 апреля заседало правление Союза журналистов. В повестке дня было что-то о роли журналистики в проведении радикальной экономической реформы. Но мне хотелось говорить о другом. И я позволил себе сделать это.

«Уважаемые товарищи!

Вопрос, который сегодня внесен в повестку дня, чрезвычайно важен. Если мы не осилим радикальную экономическую реформу, если реформа опять утонет в полумерах, как это было в 1965 году, перестройка окончится провалом.

Вместе с тем успехи экономической реформы напрямую зависят от общего политического курса, от той идеологической платформы, на которой мы осуществляем перестройку. Именно на этой стороне дела я хотел бы остановиться.

Конкретно речь пойдет опять-таки о набившей всем оскомину статье Андреевой. И все-таки я буду говорить об этой статье, потому что те дни, с 13 марта по 5 апреля, я рассматриваю как позорные дни для нашей журналистики.

Мы называем себя оружием партии. Когда-то, может быть не очень удачно, говорили, что мы — „подручные партии“. Так что же получилось с этим оружием, когда в „Советской России“ была опубликована статья, идущая вразрез с политической линией партии?

Должен сделать оговорку. То, что статья Андреевой была опубликована в „Советской России“, я считаю нормальным явлением. Если мы говорим о демократии, если мы всерьез говорим о гласности, то люди, которые придерживаются таких взглядов, как Андреева — а их немало, — имеют право изложить свои взгляды в печати.

Ненормально другое. Ненормально то, что мы с вами после опубликования этой статьи набрали в рот воды.

Отдельный вопрос о „Советской России“.

Мне бы очень хотелось понять мотивы поведения товарища Чикина. Допустим, он не мог понять, не мог разобраться, против перестройки или за перестройку статья Андреевой. Это один вариант. Есть и другой. Допустим, он активно не согласен с линией партии и поэтому публикует Андрееву. Но при любом варианте мы должны задуматься, в чьих руках находится партийная газета. Кто распоряжается этим оружием партии.

Мы должны задуматься над тем, почему молчала „Правда“? Почему молчали „Известия“? Почему, как мне говорили, статья Андреевой была перепечатана в ряде областных газет? Это вызывает большую тревогу. Какое же мы „оружие партии“, если не смогли разобраться в этом. Говорят, здесь действовал механизм торможения. Я бы сказал так: действовали механики и даже главные механики торможения. А у нас не хватило политического мужества, чтобы отстаивать политику партии, отстаивать дело перестройки, чтобы дать отпор взглядам, которые излагала Андреева.

Следовательно, давая политическую оценку происшедшему, мы должны признать: что-то не в порядке в нашем журналистском цехе. Наша политическая зрелость недостаточна, не соответствует тому уровню, который требует партия. И мы должны откровенно это сказать и над этим задуматься.

Мы тесно связаны с отделом пропаганды ЦК КПСС. В президиумах наших пленумов мы всегда видим внушительную, но молчаливую фигуру товарища Севрука. Но сегодня вместо него присутствует, как сказал товарищ Афанасьев, „наш друг Виктор Николаевич“. Товарищ Бакланов, значит. Так вот, я бы очень просил товарища Бакланова выйти на трибуну и изложить позицию отдела пропаганды: как отнеслись к статье Андреевой, какие давали рекомендации прессе, советовали выступать против статьи Андреевой или поддерживать ее. Партийное руководство должно быть гласным, а не анонимным.

В проекте решения нашего заседания есть несколько строчек о статье „Правды“ от 5 апреля. Мне эти строчки представляются слишком куцыми, аморфными. Я бы предложил заменить их двумя пунктами.

Первый. Правление Союза журналистов СССР решительно отвергает политическую платформу, изложенную в статье Андреевой, а также выражает порицание редколлегиям тех газет, которые опубликовали указанную статью.

Второй пункт. Правление Союза журналистов СССР полностью поддерживает политическую линию, изложенную в редакционной статье „Правды“ от 5 апреля, и призывает всех работников средств массовой информации активно бороться за претворение этой линии в жизнь, за перестройку».

Что мямлил Бакланов, за давностью времен не помню. Наверное, петлял. Упомянутый выше его начальник — Севрук был явно настроен антиперестроечно. Но привык бояться властей предрержащих. Поэтому — служил. А там, где служба расходится с настроением, но считается «главнее» настроения, приходится петлять. И чинов нижестоящих выстраивать соответственно...

У меня между службой («Известиями») и настроением зазор хотя и не слишком большой, но был. Настроение имело прочные корни в «шестидесятничестве» и поэтому стремилось лелеять и холить появившиеся цветы перестройки. «Известия» в лице Лаптева и особенно его первого зама Ефимова не возражали против перестройки, но «энергетика» у них, что ли, была другая... Наши «политритмы» не всегда совпадали. Им иногда казалось, что я тороплюсь и тороплю события. Раздавался свисток: «Офсайд!»

Но это случалось крайне редко, потому что я оказался не внутри перестройки, а как бы рядом. Профессионально я все-таки выродился в международника. Вникал в международные проблемы. Писал и выступал на международные темы. И мои профессиональные требования к перестройке сводились к тому, чтобы не мешали мне работать, заниматься любимыми международными делами.

Раньше той проблематикой, которая теперь стала стержневой для перестройки — эффективность экономики, демократия и права человека, партия и общество и т. п., — я занимался на «отхожих промыслах», где, работая в той или иной группе, мог контактировать с начальством и влиять (весьма ограниченно, конечно) на формирование политики. Теперь «промыслы» для меня были закрыты. Писать на собственно перестроечные темы я рискнул не сразу. Тем более что родная газета тоже не сразу стала воспринимать меня в этой роли.

Одно из первых сражений произошло в связи со статьей, которую я назвал «Резерв памяти». Сейчас уже не помню почему, но «Известия» не захотели ее печатать. Мне же статья была дорога, я писал ее одним махом, от сердца... Выручил Игнатенко, который тогда был главным в «Новом времени». День взял на раздумья (и, видимо, на телефонные перезвоны) и напечатал (Новое время. 1987. № 5). Чем и обрек читателя моих воспоминаний на знакомство со статьей. Итак:

«Наконец-то настало время, когда всем стало особенно интересно вслух размышлять о делах государственных, партийных. Формируется,

активизируется, становится все более эффективным общественное мнение...

Это хорошо.

Каждый, разумеется, воспринимает время сквозь призму своего индивидуального опыта. Поэтому мои наблюдения, мои впечатления ограничены, субъективны. Это я на всякий случай оправдываюсь, ибо выхожу за пределы, отмеренные мне профессией журналиста-международника.

Развернешь газету, включишь телевизор — идет борьба за выполнение решений XXVII съезда КПСС, все перестраиваются и все критикуют. Умом приветствую пафос обличения. Но сердце болит. Слишком грязи много накопилось. Слишком многие люди с партбилетами обманывали, предавали партию. Говорю себе: правда целебна, хорошо, что не прячем язвы свои. Надо пройти через это — чтобы с чистыми руками и с чистой совестью драться за линию партии.

Отрицаем во имя утверждения... Что же и как утверждаем? Утверждаем идеи XXVII съезда. Так должно быть. Но беда-то в том, что не всегда и не везде это так. От разных людей приходится слышать примерно одно и то же. Все еще велик зазор между словами и делами. Смена кадров далеко не везде ведет к смене стиля и методов работы. Получается, что в Москве говорят по-новому, а на местах дело идет по-старому; речи о перестройке и ускорении часто прикрывают отсутствие того и другого.

И опять втолковываю себе: не все сразу, ведь после съезда прошло меньше года. Ломка идет огромная. И нельзя ждать, что все сделается сразу. Верно, нельзя... Но не могу уйти от мысли, что мы недооцениваем масштабы и силу сопротивления, которое противостоит стратегии ускорения, курсу партии на революционную перестройку всего нашего образа жизни. Не склонны ли мы сглаживать, затушевывать остроту и глубину общественной борьбы, охватившей партию и страну? Как-то вроде нехорошо, неловко, странно: борьба вокруг решений партийного съезда на семидесятом году советской власти.

Недавно в „Литературной газете“ рассказывалось о том, как в Ростове-на-Дону, в пику властям и общественному мнению, сотни людей торжественно хоронили жулика Будницкого. Имея в виду этих людей, корреспондент газеты пишет: „Хочется в полный голос

закричать: берегитесь, ОНИ наступают. Мне даже кажется, что хоронили они не Будницкого, а пытались схоронить все новое, что нарождается в нашей жизни, по существу — НАС“.

Мне тоже так кажется. Нет, не утратили ОНИ надежду похоронить НАС, не дать НАМ навсегда покончить с безалаберностью и бесхозяйственностью, несправедливостью и коррупцией, бесконтрольностью „верхов“, формализмом и казенщиной.

„Доморощенный бюрократический советский социалистический консерватизм“ — так, если воспользоваться словами Сергея Залыгина, можно определить нашего главного противника. „Советских социалистических консерваторов“, их многочисленное окружение вполне устраивал сложившийся „порядок“. Они боятся гласности. Они отвыкли бывать там, где бывают „простые“ люди, разговаривать с ними. Им не нужна самостоятельность, ибо она влечет за собой ответственность. Они не привыкли убеждать, они привыкли подозревать и запрещать. Так им проще.

Притихли они сейчас. Но, повторяю, не утратили надежду... Ждут, что вернется их час. Они успели подготовить себе смену — работников более молодых, более, так сказать, „модерновых“ по манере поведения, но мыслящих категориями прошедших десятилетий, прошедшего опыта. Такая смена готова говорить о перестройке. А вот перестраиваться — это большой вопрос.

Мои друзья рассуждают так. Не волнуйся. Руководство все знает и понимает. Ключевые позиции — в надежных, энергичных руках. Народ, партия линию съезда поддерживают. Так не нервничай, не преувеличивай возможности вчерашних людей.

Но не успокаивает меня такая логика. Не успокаивает, потому что на моей жизни ОНИ уже два раза отбросили НАС назад, два раза смогли перекрыть пути назревшим, необходимейшим переменам.

Не могу не вспомнить о XX съезде КПСС. Как коммунист, как гражданин, как личность я формировался под влиянием идей этого съезда. Тогда начиналась моя „перестройка“, перестройка длиною в жизнь.

Для молодых партийных работников того времени (мне было 25 лет, и я работал заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии) XX съезд был очистительным шквалом, который позволил с надеждой посмотреть в будущее. Мы учились мыслить, действовать,

возражать. И с недоумением, болью, с отвратительным чувством собственного бессилия наблюдал я, наблюдало мое поколение, как уходили в бюрократический песок идеи одного из действительно исторических съездов нашей партии.

Мы не смогли тогда восстановить животворный демократизм ленинских норм партийной и государственной жизни, преодолеть молчаливую покорность, раболепие перед начальством, научиться серьезному, откровенному разговору о своих собственных делах. Н. С. Хрущев, бросивший вызов защитникам культа личности Сталина, вскоре стал допускать и поощрять славословие в свой адрес. Л. И. Брежнев, человек, наделенный, несомненно, природным здравым смыслом, позволил превратить себя в памятник самому себе. А дальше по градам и весям — как круги по воде.

Вспоминаю экономическую реформу 1965 года. Было решено убрать административные путы, чрезмерную централизацию, мелочную опеку, душившие экономику в городе и деревне. Начали расширять права, самостоятельность предприятий, налаживать хозрасчет, учиться сочетать план с товарно-денежными отношениями. И снова все ушло в песок. Снова вернулись на круги экономической безответственности, бесконечных „корректировок“, прикрывавших обман и самообман. „Сверху“ звучали правильные слова, принимались нужные решения, но они блокировались апатией, косностью исполнительного аппарата.

И вот — XXVII съезд КПСС. Двойная, тройная нагрузка легла на него. Пришлось вернуться на годы назад, к политическим и экономическим задачам, которые мы начинали решать, но не решили. И которые поэтому стали более трудными, застойными.

Чтобы решить эти задачи, нужно многое. И многие рычаги, факторы — экономические, политические, идеологические, — стимулирующие перестройку, уже приведены в действие. Но есть еще один фактор, еще один резерв, который следует задействовать, — это резерв памяти. Чтобы нынешняя перестройка прошла удачно, надо попытаться „вспомнить“, понять, почему окончились неудачей перестройки 1956 и 1965 годов.

Общий ответ, видимо, сводится к тому, что нас подвели нерешительность, полумеры, неумение довести дело до конца. Одной рукой мы давали права, а другой — отбирали их. Мы принимали новые

законы, но оставляли старые инструкции. Мы начинали говорить правду, но останавливались на полуправде. И каждая полумера, каждое оставшееся на бумаге решение — это бастион, крепость, где занимают круговую оборону противники преобразований.

Анализ событий тех лет — не уход в прошлое. Он весь находится в плоскости сегодняшних забот и тревог. Некоторые страницы из прошлого, о которых мы молчим, мстят за себя настоящим, в котором повторяется это прошлое. А ведь мы и сегодня не везде прорвали заслон полуправды. И сегодня, еще не набрав скорости, мы уже посматриваем на тормоза.

Не потому ли так нагло хоронят Будницкого? Не потому ли ОНИ снова надеются пережить НАС?

Не потому ли так много наблюдателей — пусть сочувствующих, симпатизирующих, но не верящих до конца, что на этот раз партия не отступит?

В середине января меня пригласили в Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ. Беседовали о международных делах. Получив очередной вопрос без подписи, я заметил, что пора бы уж перестать бояться, прятаться... Нет плохих вопросов, есть плохие ответы.

Через несколько минут получаю сердитую (и снова анонимную) записку. Ее смысл: зачем вам нужно, чтобы мы подписывали вопросы? Отвечаю так: это нужно не мне, вам это нужно. Чтобы вы могли себя уважать, чтобы слышали свой голос, без которого нет личности, нет гражданственности.

Анонимные вопрошающие, как правило, не против преобразований, перестройки, но — и не за. Они ждут, колеблются, хотят и не верят.

И вот, чтобы помочь им занять позицию, обращенную к будущему, чтобы не оставить надежду консерваторам вернуть прошлое, чтобы нам самим еще более уверенно чувствовать себя в настоящем, надо — помимо всего прочего — привести в действие резервы памяти. Надо „вспомнить“, что и как мы делали, где и почему ошибались.

В умении извлекать уроки из собственной истории всегда была сила ленинцев. Общественная атмосфера, пронизанная историзмом, чувством уважения к правде истории, всегда способствовала формированию активных граждан. Сказанное относится не только к XX

съезду КПСС или реформе 1965 года. Оно относится ко всем этапам пройденного нами пути.

Нынешний год — юбилейный. 70-летие Великого Октября. Много будем писать и говорить о революции, об истории строительства социализма, об истории партии. И если мы снова вместо изложения действительной истории — со всеми ее взлетами и падениями, героизмом и драмами, со всем богатством действующих в ней лиц — будем недоговаривать, будем преподносить нечто безликое и приглаженное, как можем мы рассчитывать на доверие людей?

Давайте наберемся мужества и сделаем так, чтобы момент истины не превратился в мгновение истины, а стал неотъемлемой стороной нашей жизни — и когда мы рассуждаем о прошлом, и когда мы разбираемся в настоящем.

Возможно, мысли мои слишком фрагментарны, разбросанны. Но я пишу не научный трактат с необходимыми оговорками, уравновешиванием плюсов и минусов. Я пишу о своем восприятии настоящего, прошлого и их взаимосвязи, о том, что пережил. И о том, что не хотелось бы пережить снова».

Очень много писем пришло по статье. В основном — от единомышленников. Но наиболее яркие, сочные, энергичные — от тех, которые ОНИ.

Два замечания по существу: о форме и содержании.

Бывали ситуации, когда я слышал от редактора: хорошо, оставим нетривиальную мысль, на которой ты настаиваешь, но позаботься об обезболивающей упаковке — изложи ее, пожалуйста, в кондовых, привычных, тривиальных формулах. Данная статья, если смотреть на ее форму, как раз и написана в типичной агитпроповской манере («животворный демократизм» и т. п.).

Что же касается содержания, то мне важно было сказать, что «прорабы перестройки» недооценивают силу ее противников и что, едва начавшись, перестройка начинает тонуть в полумерах, полуправде, нерешительности и непоследовательности. К сожалению, я оказался прав.

* * *

Противники перестройки особенно активизировались в ходе подготовки XIX Всесоюзной конференции КПСС. «Прорабы перестройки» рассматривали конференцию как первый по-настоящему демократический партийный форум. Предполагалось, что в своем большинстве делегатами будут не привычная номенклатура или послушные «хлопкоробы», а коммунисты с независимыми, самостоятельными, современными взглядами. Но партийный аппарат в центре и на местах поломал все эти замыслы. В основном выборы происходили по старым схемам: делегаты подбирались начальством. Зажимали гласность.

Странная сцена в «Известиях». Лаптев, которому не понравилась моя довольно острая статья о тезисах к конференции, вынес ее на редколлегия. Но редколлегия поддержала меня. Чтобы не обострять отношения, я отнес статью в «Советскую культуру». Объяснялся с Лаптевым. Он смотрит «вверх». А там просили «не раздражать», «не провоцировать» консерваторов. Пришлось еще одну статью (о «выборах») отдать в «Комсомолку». На совещании в ЦК Лигачев ругал Селезнева за мою статью. А Беляев («Советская культура») замзав из отдела пропаганды Склярков заявил: «Бовин может нести всякую ахинею, но зачем печатать?» Вот и вся перестройка!

Вообще я не могу пожаловаться на «непроходимость» своих статей. За четверть века завернули не больше десятка материалов. Помню, полковник Каддафи где-то обругал Советский Союз. Я обиделся и ответил полковнику. Но МИД не обиделся, и статья пошла в корзину. Сделал два больших куса о внешней политике Франции. В МИДе забеспокоились. Все вроде бы и правильно, а вдруг обидится товарищ Миттеран. В корзину. Написал о том, что в Иране революция трансформировалась в контрреволюцию. В ЦК не захотели обижать аятоллу.

Пришла перестройка. Шеварднадзе призвал журналистов не ограничиваться воспеванием успехов, критически анализировать деятельность МИДа. Я поверил министру и стал жертвой перестройки. Две мои аналитические статьи несколько месяцев изучались в МИДе. Пришлось лично обращаться к министру. Помогло.

Помогало и то, что даже в самый застойный период у нас были разные газеты и разные главные редактора. С разным отношением к

рisku. Если возникали проблемы в «Известиях», решать их можно было в других изданиях.

Поначалу, как уже говорилось, были сложности с моими перестроечными статьями. Но потом хаос настолько усилился, что никто ни за чем не следил. Главных редакторов ругать перестали. И я с удовольствием пользовался свободой слова.

За два дня до начала конференции (она открылась 28 июня 1988 года) вокруг Пушкинского сквера поставили железные решетки, укрепленные милиционерами. Чтобы народ не собирался и не митинговал. Милицейский полковник сказал мне: не умеете вести политическую работу — приходится выводить милицию. Правильно сказал.

Три впечатления от конференции.

1. Колоссальный разрыв между тем, что говорил Горбачев, и настроением зала. Сплошные «нины андреевы», заметил Лаптев.

2. Массированная атака делегатов на прессу и телевидение, которые «мутят воду».

3. Фантастическая, какая-то хрущевская, идея Горбачева об объединении советских и партийных начальников.

И у меня в записях: «Конференция консолидировала не сторонников перестройки, а ее противников. Главный противник — аппарат».

Реплика Лигачева: «Ты не прав, Борис!» — пошла в фольклор и анекдоты. В принципе я тогда симпатизировал Ельцину. Не из-за его «взглядов», которых я не знал. А потому, что он в Москве пытался действовать не как бонза, а как живой человек; потому, что он сломал лед послушания в политбюро. Одно из самых гнусных деяний эпохи перестройки — московская партконференция, где поносили Ельцина. Перестройка наоборот!

* * *

Как раз накануне конференции вышла первая полностью бесцензурная книга «Иного не дано». Общая редакция принадлежала Юрию Николаевичу Афанасьеву — одному из главных интеллектуальных моторов перестройки. Авторы: от А. Д. Сахарова до

Ф. М. Бурлацкого. Своего рода манифест перестройки. Была идея каждому делегату конференции вручить экземпляр книги. Кажется, даже договорились с Кручиной. Но устроители конференции дрогнули. Наверное, не хотели «раздражать»...

Углубление перестройки, точнее, расширение круга проблем, вовлекаемых в дискуссии вокруг перестройки, и прежде всего — проблем, связанных с теорией и практикой социализма, заставили включиться в эти дискуссии. Что было гораздо интереснее, чем писать статьи об очередных выборах в Америке или очередной войне на Ближнем Востоке.

Моя позиция отражена в разных материалах. Попробую ее суммировать, не поднимаясь над горизонтом 1989–1990 годов.

Общим фоном для моих размышлений служил кризис цивилизации, который все очевиднее проступал к концу XX века. На этом фоне для меня был очевиден и кризис марксизма. Можно по-другому: кризис марксизма-ленинизма, кризис научного коммунизма, в общем, кризис «главной» в XX веке теории революции, социальных перемен, строительства принципиально нового общества.

Встречал такое возражение. Да, кризис, но кризис «плохого» марксизма, догматизированного марксизма-ленинизма, изуродованного сталинизмом научного коммунизма. Я бы согласился. Но где они — «хороший» марксизм или творческий марксизм-ленинизм? На моем веку таковых не существовало.

Не нужно бояться слова «кризис». Это естественный этап развития науки, когда и если она перестает давать научные, теоретически обоснованные ответы на те вопросы, которые задает нам жизнь.

Что такое, например, империализм? Работают ли в конце XX века те пять признаков империализма, которые В. И. Ленин сформулировал в начале века? Боюсь, что не работают. И того империализма, который изучал В. И. Ленин, давно нет. Тем не менее по поводу пяти признаков пишутся статьи, читаются лекции.

Если бы тот, классический, империализм существовал, то все наши разговоры о разоружении, о целостном мире были бы пустой, вздорной иллюзией. Ибо «тот» империализм не может разоружиться, не может отторгнуть от себя милитаризм, не может обойтись без войн.

Что такое современный капитализм? И А. Смит, и К. Маркс удивились, если бы увидели то, что мы называем капитализмом.

Социализация капитала, ограничение стихийных начал и т. п. опрокинули все прогнозы относительно «загнивания» капитализма. И мы, марксисты, не смогли отразить на теоретическом уровне нынешнюю стадию его развития. Довольствовались тем, что слово «трансформация» ставили в кавычки. Но это не спасло от кризиса коммунистическое движение. У него нет стратегии, нет тактики, нет лозунгов, которые могли бы обеспечить ему массовую поддержку.

Теперь — о социализме. Более семи десятилетий прошло после Октября. И мы ставим перед собой задачу: разработать концепцию социализма. Мы спрашиваем себя: что же мы создали, какое общество мы построили? Общество, которое радикально расходится с идеалами социализма, да и вообще с любыми теоретически вычисленными типами обществ. «Ранний социализм», «казарменный социализм», «деформированный социализм» — слов уже много, понятия пока нет.

А «третий мир» и «третьемироведение»? Кончилась эйфория по поводу «социалистической ориентации». Начались споры. И, кстати, они показывают, что под железобетонными догматическими перекрытиями — и это относится не только к «третьемироведению» — живет, рвется на свободу мысль, та самая мысль, которая, по мнению Гегеля, прекрасна даже у злодея...

Жизнь разошлась с теорией, и попытки реанимировать традиционные воззрения обречены на провал. Окружающий нас мир, социум стали гораздо сложнее, «хитрее», многомернее, чем мы привыкли считать.

Я оптимист. Я уверен, что если и когда «наш» марксизм перестанет быть мальчиком на побегушках у политиканов и политиков, он выйдет из кризиса и превратится из догмы в науку. Но для этого мало «вернуться» к подлинному Марксу или подлинному Ленину.

Модно, например, говорить о «возрождении» ленинской концепции социализма. Но какова была эта концепция, если иметь в виду не иконописного, а настоящего Ленина? Полное отсутствие товарного хозяйства, рынка; всеобъемлющее централизованное планирование; ликвидация парламентаризма и системы разделения властей. НЭП, по поводу которого ныне пролито так много радостных слез, был для Ленина «всерьез и надолго» политикой, облегчающей переход к социализму. Не более того. Гениальные прозрения «позднего Ленина» (строй цивилизованных кооператоров и т. п.), несомненно,

могут облегчить нам поиски. Но надо, опираясь на методологию марксизма, жить своим умом, не возвращаться, а идти вперед, творить, принципиально и всегда быть «ревизионистом».

Разработка нового политического мышления привела к постановке ряда интереснейших вопросов: классовое и общечеловеческое; научная идеология и деидеологизация; новая характеристика движущих сил, ведущих тенденций современности и т. п. Однако разработка этих вопросов требует их соотнесения с более общими представлениями марксистской науки.

«Классический» марксизм, марксизм Маркса и Ленина исходит из того, что социализм идет на смену капитализму, что рано или поздно капитализм будет вымываться из истории, а социализм (коммунизм) утвердятся в своей всемирности. В такой системе теоретических координат отношения между двумя мирами всегда (независимо от модификаций, изменений каждого из них) будут внутренне антагонистичными.

Суть антагонизма не в том, что кто-то в кого-то кидает бомбу, а в том, что прогресс одного типа общества отнимает исторический кислород у другого. В такой системе координат отношение между капитализмом и социализмом было и остается ведущей тенденцией, движущей силой, осью мирового развития. В такой системе координат повышение удельного веса общечеловеческих ценностей и интересов, деидеологизация международных отношений, вызванные угрозой экстремальных ситуаций (ядерная война, экологическая катастрофа), имеют свои имманентные пределы, заданные неустранимым расхождением идеологий и классовых интересов.

Но возможна иная исходная гипотеза. Предположим, характер мирового развития изменился настолько, что стало реальностью параллельное движение капитализма и социализма в своеобразном мире Лобачевского, где, как известно, параллели могут сходиться. Тогда социальные антагонизмы начнут стираться, затухать, а нарастающее конструктивное взаимодействие капиталистических и социалистических государств, «перестройки» внутри их могут привести к их прогрессирующему сближению, взаимопроникновению разных типов обществ, к синтезу, если угодно, принципов 1789 и 1917 годов. В таком случае теория классов и классовой борьбы требует пересмотра. Да уже и сейчас мы видим, что в развитых

капиталистических странах и классы, и отношения между ними не укладываются в марксистские схемы. Притупляется острота классовых противоречий, усиливается значение компромиссов, национального консенсуса. Экстраполяция этих перемен на международные дела, на динамику исторического процесса приводит к выводу о том, что ведущей тенденцией, движущей силой мирового развития может стать (или уже становится?) сотрудничество двух общественно-экономических систем.

В новой системе координат гораздо более рельефно вырисовывается приоритет общечеловеческих интересов и ценностей. А в сфере деидеологизации постепенно втягивается и сама идеология, происходит становление деидеологизированной (общечеловеческой, «вселенской») идеологии.

Важное замечание в скобках. К сожалению, мы привыкли шарахаться из стороны в сторону, повторяя зигзаги дарованных свыше формулировок. Сказано «развитой социализм» — и дружный хор, почти как у Эсхила, подхватывает очередное «указание». Сказано «новая историческая общность» — и поток статей, книг, диссертаций смывает крупницы реальных знаний о «советском народе». Сказано «общечеловеческие интересы» — и вот уже упоминание о классах, классовой борьбе, классовом подходе становится признаком интеллектуальной отсталости, догматизма, чуть ли не антиперестроечных настроений.

В мои студенческие годы во имя классового подхода не допускались общие определения права и государства. А чье право? Чье государство? — грозно вопрошали идеологические жрецы конца 40-х — начала 50-х годов, — буржуазное или социалистическое? Позже явные глупости исчезли, но абсолютизация классового подхода продолжала душить науку. И нынешнее бегство от «классовости» — психологически понятная реакция на надоевшие упрощения. Чтобы выпрямить палку, ее надо выгнуть в другую сторону. Но именно — чтобы выпрямить...

Ссылаясь на многократно цитируемый ныне тезис Ленина о том, что «с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата», некоторые товарищи склонны слово «выше» толковать в абсолютном, буквальном смысле. Мне кажется, это типичная схоластика. Реальная сфера общечеловеческих

интересов отнюдь не находится где-то «выше», «над» классовыми интересами, в некоем бесклассовом оазисе. Общеклассовое — значит общее для всех классов. Общеклассовые интересы формируются там и постольку, где и поскольку перекрещиваются, совпадают, сливаются интересы всех классов и социальных групп. Общечеловеческие интересы по существу интересы межклассовые. Надклассовыми их делает политический выбор, признающий приоритет первых над вторыми. Скучно говорить все это. Но иногда приходится принимать правила игры, предлагаемые оппонентом.

Испытывая некоторое смущение перед модными общечеловеческими веяниями, сторонники прежней классовой чистоты и ясности тоже цитируют Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов». Поднимем перчатку. Ленин, находясь в эпицентре политической борьбы, нередко, выделяя политически главное, оставлял в стороне то, что имело теоретическое значение, но было второстепенным для данной исторической эпохи, политической ситуации. Поэтому не следует толковать его слова буквально. Религиозные, нравственные и прочие «фразы» не всегда сводятся к интересам классовым. Это было верно и до Ленина, и во время Ленина. Это тем более верно в наши времена.

Реальное политическое пространство многомерно. Анализ любого события, любого процесса требует изучения самых разных интересов — общечеловеческих, классовых, национальных, государственных (геополитических), религиозных. Причем в зависимости от региона, традиций, проблемы удельный вес, значение каждого вида интересов будут меняться. Если мы исследуем проблематику глобального ядерного конфликта, боремся за снижение ядерной угрозы, то здесь несомненен приоритет общечеловеческих интересов. Если мы изучаем причины, истоки ближневосточного конфликта, то на первый план выдвигаются факторы религиозного и национального порядка. А характер отношений между США и Никарагуа, США и Кубой невозможно понять, если отвлечься от классовых интересов и давления геополитических «императивов».

Конкретный анализ конкретной ситуации — одна из немногих «вечных истин» и науки, и политики.

Здесь скобки закрываются.

Существуют ли на сегодняшний момент данные, позволяющие предпочесть одну из двух координатных систем? Система последовательного подключения: торжествующий, улучшенный в результате перестройки социализм, социализм с человеческим лицом идет на смену загнивающему, несмотря на все перестройки, капитализму. Или система параллельного подключения: и социализм, и капитализм, меняясь, трансформируясь, переживая свои «перестройки», постепенно сближаются. Тогда я не был готов ответить на этот вопрос.

Но постепенно сдвигался в сторону мира Лобачевского. И через анализ кризиса цивилизации. Его суть, как я представляю, в рассогласованности, асинхронности отдельных частей (областей, элементов, сфер) социума. Развитие неравномерно. На одном полюсе вырвавшаяся вперед, все более отрывающаяся от интересов человечества техносфера. На другом — трагически отстающие от интересов человечества зачатки, зародыши ноосферы. Между ними — гибнущая биосфера и раздираемый противоречиями, мятущийся мир людей, людей богатых и бедных, сытых и голодных, здоровых и больных, людей живущих и людей прозябающих.

Где выход? Абстрактно говоря, в переходе из «царства необходимости» в «царство свободы». Но можно ли осуществить этот переход, оставаясь в прежней, классической системе социальных координат? Возможно, для ответа на этот вопрос нужна революция в марксизме, которая вывела бы его на новую историческую орбиту.

В начале XX века на смену физике Ньютона пришла физика Эйнштейна и Планка. Она не перечеркнула классическую физику, а лишь точно обозначила область ее применимости. Предлагаю аналогию. «Неклассический» марксизм XXI века не откажется от интеллектуального наследия основоположников. Но, опираясь на него, сознавая его ограниченность временем и условиями, пойдет дальше, пойдет вперед, чтобы вывести человечество из «царства необходимости» в «царство свободы».

За несколько дней до августовских событий 1991 года у меня вышла брошюра «Кризис мирового социализма». Два последних

абзаца:

«Не будем гадать о конкретных формах будущего общества. По-видимому, социальный и научно-технический прогресс приведут к изменениям массовой психологии и позволят человечеству выйти за пределы частной собственности и рыночных отношений. В принципе каждому человеку будут обеспечены человеческие условия существования. А это значит господство демократии, гуманизма, справедливости. А о том, каким „измом“ будет названо то далекое общество, как оно будет видеть свою связь с нынешними представлениями о социализме и коммунизме, пусть позаботятся наши потомки.

Во всяком случае, мы, живущие в конце XX века, можем повторить слова Гёте: „Здесь и отныне началась новая эпоха всемирной истории, и мы вправе говорить, что присутствовали при ее рождении“».

Должен заметить, что мои суждения о кризисе марксизма, кризисе социализма нередко встречали решительный протест массовой аудитории. Типичный пример — послание инженера Е. А. Александрова из Красноярска. Он обращается к руководству телевидения:

«19.03.89 г. в передаче „Международная панорама“ обозреватель Бовин А. Е. призвал пересмотреть марксистско-ленинскую теорию развития общества в ее основе.

Это уже антисоциалистический плюрализм.

Такой финал является логическим завершением буржуазно-либеральных взглядов гр. Бовина.

Это уже антинародная политика.

Долой ренегата Бовина!

Бовин — вон с экрана советского телевидения!»

* * *

Крутиться в газете и на телевидении, заниматься теорией было интересно. Но все-таки положение «рядом с перестройкой» не устраивало, не удовлетворяло. Скучно быть рядом. Принял кардинальное решение — пробиваться в парламент. Ведь теперь он был не комнатный, не игрушечный, а настоящий!

XIX партконференция внесла принципиальное изменение в избирательное право. К обычным выборам (по избирательным округам) добавились выборы от общественных организаций. Общественные организации союзного масштаба (КПСС, Академия наук, Академия художеств, творческие союзы, Фонд культуры, Общество филателистов и т. п.) в зависимости от количества своих членов получили квоту на количество депутатов. Скажем, КПСС получила 100 мест («красная сотня»), Общество филателистов — 1 место, Союз журналистов — 10 мест и т. д. Отбор кандидатов и выборы проводили центральные органы этих обществ. Считалось, что такой порядок гарантирует присутствие в парламенте, с одной стороны, представителей интеллигенции, а с другой — тех представителей номенклатуры, которые еще были нужны, но не смогли бы пробиться в парламент самостоятельно.

В нашу журналистскую десятку меня выдвинули 8 местных журналистских организаций (кстати, допускалась и возможность самовыдвижения; так, например, себя выдвинул М. Стуря). Из всех выдвинутых кандидатур пленум правления Союза журналистов, собравшийся 20 января 1989 года, отобрал 15 человек. Отбирание производилось публично. Каждый кандидат выходил на сцену и отвечал на вопросы аудитории. Меня «пощипали» основательно. Чем занимался в «команде Брежнева»? За какие такие заслуги награжден орденами? Какое отношение имел к КГБ? И в таком же духе.

Пиарщики были и тогда. Они говорили мне: не связывайся с Союзом журналистов, могут завалить... Двигайся лучше через Фонд мира... Но для меня тут был вопрос принципа. Стыдиться мне было нечего. Я не допускал, что меня вычеркнут.

Командой в 15 человек мы летали в Киев и Ташкент, встречались с журналистами, так сказать, показывали товар лицом. Нужна была предвыборная программа. Моя выглядела так. (Это — мой первый опыт в жанре агитации за самого себя. И поэтому не могу избавиться от чувства неловкости. Но приходится...)

«Два направления деятельности представляют для меня особый интерес.

Первое. Если стали говорить об экологии культуры, то пора, мне кажется, поставить вопрос об экологии журналистики. Ведь мы, по существу, бесправны. А охотников шпынять нас, давать указания, учить, что можно, а что нельзя писать, вновь и вновь толкать на путь

конъюнктурщины, „откликов“, бросать начальственным тоном скороспелые, односторонние оценки — таких охотников еще ох как много... И в Москве, и особенно — далеко от Москвы.

Не знаю, сколько уж времени ходят по кабинетам разные, сменяющие друг друга проекты Закона о печати. Однажды мне удалось увидеть один из них. Это был документ, обходящий основные заботы журналистов, включая право выражать собственное мнение, получать нужную информацию, писать и говорить обо всем, что нужно и интересно людям. В любом цивилизованном обществе ограничения необходимы. Но они должны определяться не формулой „интересы социализма“, ибо они, эти самые интересы, могут трактоваться по-разному (сравнить, скажем, выступления Ю. Бондарева и Г. Бакланова, Е. Лигачева и Б. Ельцина на партконференции), а точными, конкретными указаниями Закона... Только так можно будет преодолеть еще существующие заборы вокруг зон, запретных для журналистов. В общем, я буду выступать за Закон, который реально, на деле помогал бы нам работать, а не мешал.

Есть еще вопросы уровня жизни журналистов, их социального статуса и обеспечения. Нам, в столице, полегче. А в каких условиях, под прессом каких забот живут, работают наши коллеги в областях и районах? Тоже ведь экология журналистики.

Второе. Юридические гарантии демократии. Ведь демократия, правовое государство, гражданское общество немислимы без соответствующего конституционного оформления, без системы законов, отвечающих общечеловеческому, гуманистическому пониманию свободы.

И тут — одна из болевых точек перестройки. Практически принятые в ходе перестройки законы и подзаконные акты (о предприятии, кооперации, о колхозах, об охране природы, о митингах и демонстрациях, о порядке выезда за границу и т. д. и т. п.) имеют четко выраженный половинчатый, компромиссный характер.

Они содержат массу оговорок и недоговорок, массу двусмысленностей, которые работают на торможение перестройки.

Я понимаю, почему так происходит. Но так не должно происходить. Нас всегда губили опоздания и полумеры. Так что, по моему, хватит опаздывать, хватит дозировать права и свободы, оглядываясь на нормы „казарменного социализма“. На этом я буду

настаивать. И еще буду настаивать на том, чтобы проекты законов „писались“ прежде всего не чиновниками, не ведомствами, а юристами. И не были анонимными».

По-моему, достаточно коротко и почти ясно.

20 марта собрался VII расширенный пленум правления Союза журналистов СССР. Расширенный, потому что с правом решающего голоса был приглашен весь чиновничий корпус Союза (члены Центральной ревизионной комиссии, председатели правлений, их штатные заместители и секретари правлений, если они не входят в правление Союза журналистов).

Опять отвечали на вопросы.

21-го состоялось голосование. Я был спокоен.

А зря. Голосовали 452 человека. В списке из 15 претендующих я занял последнее место — 260 голосов против. Из числа пишущих и известных журналистов компанию мне составили Овчинников и Лацис. Из числа начальства отклонили главного редактора «Учительской газеты» Г. Н. Селезнева и председателя правления Союза журналистов Казахстана К. К. Дуйсеева.

Обидно было. Правда, как это ни парадоксально, последнее место (именно последнее!) как-то успокаивало. Позволяло усомниться в объективности поставленной мне оценки.

Что случилось? Выслушивал разные мнения, сам много думал. Получилась такая картина.

Процентов на девяносто голосовавшие состояли из журналистских чиновников разных рангов. Я их раздражал. Своим независимым поведением. Своими орденами и премиями. Широким читательским признанием. Близостью к начальству, которое теперь и не начальство вовсе. Я делал то, что они хотели бы, но не могли делать.

Я допускаю, что в каких-то случаях моя независимость, уверенность в себе могли выглядеть как высокомерие, зазнайство. Да и вообще любое достоинство, как известно, можно переqualифицировать в недостаток. Особенно при желании.

Спасали, как всегда, письма. Их было много. Они поддерживали и успокаивали.

Владимир Николаевич Коленко (Москва):

«А Вы знаете, товарищ Бовин, я в период гласности Ваших статей не читал, выступлений не видел. Так уж почему-то получилось.

В памяти у меня класс Вашей работы десятилетней давности, и именно по этим воспоминаниям я и имею такое необычайно высокое мнение о Вас.

Ваше фиаско на выборах — это высочайшая оценка Вашей работы и Вашего таланта, данная антимиром.

А в мире и в миру, в отличие от антимира, Вас чтут и уважают».

В общем, первая попытка проникнуть внутрь перестройки, занять позицию, которая позволяла бы активно воздействовать на перестроечные процессы, не удалась. Наверное, на этом следовало бы остановиться. Продолжить внепарламентскую деятельность. Но остановиться не удалось. Кураж действовал. И порох, не растраченный в Союзе журналистов, вроде бы еще оставался в пороховнице. В Загорском территориальном избирательном округе № 31 должны были состояться повторные выборы. И я поднял руку...

19 апреля окружная избирательная комиссия зарегистрировала 22 человека кандидатами в народные депутаты СССР. Среди них экономист Пияшева Лариса Ивановна, писатель Иванов Анатолий Степанович, комментатор ЦТ Крутов Александр Николаевич и другие столь же почтенные лица. Выборы были назначены на 14 мая. И завертелась предвыборная карусель.

Скажу сразу — выборы я проиграл. Но посмотреть на всю эту процедуру изнутри, встретиться с десятками самых разных людей, услышать массу нового — все это было чрезвычайно интересно.

В округ, кроме Загорска, входили Дубна и Талдом. Не очень далеко от Москвы, но и не очень близко. В разгар предвыборных баталий я жил в Дубне. Благо наличие Объединенного института ядерных исследований гарантировало гостиничный сервис.хлопот было много. Например, нужно расклеить в посещаемых местах тысячи листовок с личностью кандидата и какой-то броской фразой. Типа «Вы его знаете — он не подведет!». Родные «Известия» помогали. Типография печатала наглядную агитацию с моей неоглядной физиономией. А мои юные друзья (не могу не вспомнить Гену Чародеева и Гаяза Алимова) заклеивали ими все, что могли.

Необходима была предвыборная платформа. И более основательная, чем та, которой я соблазнял журналистов. Сочинил девять тезисов. Тезис первый гласил: «Перестройка — это революция. Революция означает смену власти. Надо отобрать власть у партийного и

государственного аппарата, вернуть ее народу. Только так можно решить задачу, поставленную XIX Всесоюзной конференцией КПСС, — преодолеть отчуждение трудящихся от власти. Только так можно наполнить конкретным содержанием лозунг „Вся власть Советам!“».

Буду настаивать на изменении статуса депутата и парламентских процедур, чтобы депутаты имели реальные возможности контролировать состав и деятельность исполнительных органов. И дальше было много чего хорошего, что может пригодиться моему внуку, если он пойдет по дороге, на которую не удалось вступить его деду.

Кандидатские платформы рассматривались в прокуратуре на предмет их соответствия Конституции СССР. Прокурор, советник юстиции А. Н. Кривоносов, заметил, что слово «революция» имеет несколько значений, и поэтому «недостаточно грамотные» граждане могут неправильно понять. И вообще, тезис об отобрании власти следовало бы конкретизировать. Поскольку я не понимал, как это сделать, текст остался без изменений.

Хуже пришлось Пияшевой. Ее призывы к многопартийности и частной собственности были сочтены противоречащими Конституции (до новой Конституции оставалось меньше пяти лет).

Избирательная комиссия решила, что должно состояться четыре встречи избирателей с полным составом кандидатов. Представьте себе: на сцене 22 человека. Если на каждого по пятнадцать минут (обрывки платформы и несколько вопросов), получается более пяти часов. Трудно высидеть. Поэтому все комкалось и превращалось в бессмысленную трату времени. Гораздо интереснее были индивидуальные встречи. Тогда еще люди веру не потеряли. Куча вопросов, выступления, горящие глаза.

В каждом городе у меня было нечто вроде команды. Знакомили меня с общей обстановкой, говорили об особенно больших проблемах, советовали, на что нажать, а где сбросить давление. Были пункты, где не могли договориться. Например — религия. В округе Загорск доминировал, а я четко заявлял, что в Бога не верю. И не соглашался с ребятами, которые просили найти обтекаемую формулу. Или Гдян и Иванов. Их, как разоблачителей коррупции верхов, тогда чуть не на руках носили. Я же считал их проходимцами, о чем прямо и заявлял.

Модно было поносить «застой». Но я доказывал, что не сводится весь тот период к «застою». Мои команды утверждали, что на этих и аналогичных заявлениях я терял много очков. Возможно. Но тут я действовал, как Нина Андреева: «Не могу поступиться принципами!»

Я считал своим главным соперником Пияшеву. О Крутове вообще не думал, уж больно, на мой взгляд, он был серый и бесталаный. Но избиратели 14 мая рассудили по-своему.

В интеллигентнейшей Дубне Лариса Ивановна опередила всех — 30,9 процента, у меня было второе место — 29,6 процента и 16 процентов у Крутова. Зато он отыгрался в богомольно-обывательском Загорске — 53,7 процента (!). У меня там было 10,1 процента голосов, и 4,6 процента наскребла Пияшева. В типичном для русской глубинки Талдоме (где, кстати, по семейным преданиям, был похоронен мой дед) за меня голосовали 19,8 процента избирателей, за Крутова — 10 процентов, и Пияшева получила 4,1 процента голосов. А поскольку в Загорске избирателей в два с лишним раза больше, чем во, вместе взятых, Дубне и Талдоме, то Крутов значительно вырвался вперед — 41,1 процента. Я получил 14,7 процента и Пияшева — 8,8 процента голосов. Таким образом, мы с Крутовым вышли во второй тур.

Мне было понятно, что Крутова я не догоню. Но команды не хотели уходить без боя. Мобилизовали бывших конкурентов, которые призывали голосовать «за Бовина». Активизировались доверенные лица. С опережением времени на несколько лет появились листовки, «разоблачающие» Крутова. Например: «Все кандидаты должны быть на равных условиях. Не всем доступно использование средств массовой информации. Однако А. Н. Крутов нарушает этот неписаный закон. Он использует „Прожектор перестройки“^[22]. Обеспокоенность Александра Николаевича понятна. Но почему передача вышла в эфир до, а не после выборов? Или хотя бы с другим комментатором? При этом была бы соблюдена и профессиональная, и человеческая этика».

Или еще одна пиаровская акция (уже учились!): «Голосуйте за Бовина! Его кандидатуру поддерживают Б. Ельцин, Ю. Карякин, В. Коротич, Ю. Любимов, Р. Медведев, Р. Сагдеев, Ю. Черниченко, Е. Яковлев и многие другие». Но даже Ельцин не тянул против Крутова...

21 мая Крутов победил меня со счетом 69,7:27,5.

В лучших американских традициях поздравил его.

Меня тоже можно было поздравить: между поражениями в Союзе журналистов и в Загорском избирательном округе я одержал важную победу на другом фронте — родился внук Макар Сергеевич!

* * *

Дела семейные радовали — дела общественные огорчали.

Перестройка захлебывалась. За многоговорением Горбачева проступала растерянность. Куда мы забрели и куда направляемся? Русскому религиозному философу Льву Шестову принадлежат слова: «В страну обетованную придет лишь тот, кто не знает, куда идет». Возможно, это верно для тех, кто живет в масштабе столетий, но для политиков, для тех, кто измеряет время годами, это не годится. Исходная программа очеловечивания социализма, не подкрепленная продуманной стратегией и четкой тактикой, как-то расплывалась, становилась неосязаемой, а потому и ненужной. Кадровые перетасовки меняли один слой аппаратчиков на другой, но не меняли их идеологию. Многомиллионная партия вместо того, чтобы превращаться в авангард перестройки, становилась балластом.

Собравшийся в июле 1990 года XXVIII съезд КПСС выглядел как съезд побежденных. Демонстративно вышел из партии и покинул съезд Ельцин. Вышел не потому, что перековался из коммуниста в, допустим, социал-демократа, а потому, что хотел лишний раз уязвить Горбачева. Это был последний съезд КПСС. Правда, 25 июля следующего года пленум ЦК решит созвать XXIX съезд партии в ноябре — декабре 1991 года. Неопровержимое доказательство того, насколько руководство партии отставало от времени...

16 октября 1990 года Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира. Он заслужил ее. Заслужил потому, что сознательно, целеустремленно вел линию на окончание холодной войны.

Позволю себе аналогию. Октябрьская революция, строительство «социализма» в Советском Союзе имели и плюсы и минусы. Минусы — тоталитарный строй, массовые репрессии, убогий уровень жизни, железный занавес — затрагивали прежде всего Советский Союз. А плюсы — охрана труда, отпуска, пенсии, всеобщее образование, бесплатная медицина и т. п. — вышли далеко за пределы России.

Напуганные Октябрем, испытывая давление рабочего движения, лидеры капитализма приступили к улучшению, облагораживанию капиталистического общества. И преуспели в этом.

Давным-давно английский историк и политический деятель Маколей втолковывал консерваторам: «Если хотите уцелеть — проводите реформы!» Его послушались и уцелели. Теперь послушались другого англичанина — лорда Кейнса. И не только уцелели, но успели вывести капитализм из зоны, где мог представлять опасность Карл Маркс.

В общем, съедобных плодов Октября оказалось больше на Западе, чем на Востоке.

То же можно сказать и о горбачевской перестройке. Ее плоды внутри страны пока не дошли до кондиций. Мы не научились пользоваться свободой. Но за пределами страны ими не нахвалятся. Кончилась холодная война, исчезла нависавшая с Востока угроза, объединена Германия, выпущены из лагеря страны Восточной Европы, отправлен на металлолом железный занавес, открывается огромный рынок, — и все это сделал Горбачев. Поэтому «там» его чтят гораздо больше, чем здесь. Это несправедливо. Но ведь и жить впроголодь, жить без надежды — тоже несправедливо...

Примерно с середины 1990 года мои тревоги стали перемещаться из социально-экономической плоскости в плоскость национальную. Тревожили всполохи по периметру Советского Союза. Социологи насчитали 76 точек, где межнациональная напряженность превысила «норму». Только в 1990 году погибли 782 человека и ранены 3617. Разрушены, сожжены, разграблены сотни домов. Появились десятки тысяч беженцев.

Тревожили, пугали авантюристические эскапады Ельцина, начавшего командовать «парадом суверенитетов».

Тревожила пассивная, опрокинутая в прошлое позиция Москвы. Это продемонстрировал сентябрьский (1989) пленум ЦК КПСС. Он специально занимался национальной политикой. Но он не встряхнул партию, не поставил вопрос о решительном пересмотре сложившихся отношений между Союзом и республиками, не дал четких направляющих для выработки нового союзного договора.

На 17 марта 1991 года был назначен Всесоюзный референдум о сохранении Союза ССР. 19 февраля «Известия» печатают мою статью

«Почему я скажу „да“». Приведу несколько абзацев.

«Перестройка, демократизация, гласность обнажили крупные изъяны в национальной политике, позволили наконец-то увидеть реальную картину межнациональных противоречий, долгое время скрываемую за словами о „расцвете и сближении“ социалистических наций, о „советском народе“ как „новой исторической общности“. Стал рушиться „союз нерушимый“. Такова правда. Для одних — вдохновляющая, зовущая к независимости, свободе. Для других — в том числе и для меня — горькая, мучительная, еще раз подчеркивающая крах многих идеалов и иллюзий моего поколения».

Сохранение Советского Союза — вот моя позиция.

«И как свободный человек, живущий в свободной стране, я имею право ее отстаивать. Но это — не вся позиция. Если тот или иной народ, та или иная республика решили отделиться от Союза ССР, выйти из Союза, то как гражданин страны, Конституция которой содержит право на выход из Союза, как коммунист, как член партии, которая всегда рассматривала право наций на самоопределение как свое программное требование, я обязан уважать этот выбор и не препятствовать ему.

Здесь кончается пространство для компромиссов, маневрирования, обмана и самообмана. Здесь Москва, и прежде всего мы, русские, поставлены перед жестким и ответственным выбором. Или мы найдем в себе мужество наступить на горло собственной песне и дать возможность уйти тем, кто настаивает на этом. Или мы пошлем ОМОН, армию, чтобы воспрепятствовать реализации права на самоопределение.

Первое „или“ чрезвычайно болезненно. Будет много недовольных, протестующих. Досыта нахлебавшись мы демагогии. Услышим истерические выкрики сторонников „единой и неделимой“. Активизируются враги перестройки (и политические противники президента). Придется пройти через все это. Но чем дальше в прошлое будет удаляться нынешнее время, тем будет яснее: самая эффективная политика — принципиальная политика.

Второе „или“ будет означать не только крах нового политического мышления, но и нравственную катастрофу. Мы сами прикуем себя к позорному столбу истории. Мы так извозим в грязи Россию, социализм, перестройку, что не знаю уж, когда удастся отмыться. До сих пор

стыдно и долго еще будет стыдно за Венгрию, Чехословакию, Афганистан».

А за Чечню не стыдно? — вопрос уже из 2003 года.

Рад, что в 1991 году я оказался среди тех 76 процентов участвовавших в референдуме, которые сказали «да» сохранению Союза. В Грузии, Литве, Молдавии, Армении и Эстонии референдум был запрещен. Во всех остальных республиках значительное большинство выступило за Союз.

Казалось бы, заложена прочная политическая база для создания нового союзного договора. Но, к сожалению, нерешительность Горбачева, разнузданное политиканство Ельцина не позволили опереться на эту базу. Находясь рядом с перестройкой, я мог лишь издали наблюдать за новоогаревским процессом (так именовали процесс подготовки нового договора, поскольку работали часто в Ново-Огареве). Пользовался слухами и отрывочной информацией, которой иногда делились старые друзья. У меня сложилось впечатление, что Горбачев, ощущая себя все-таки хранителем имперской традиции, довольно вяло шел навстречу желанию республик расширить свои права. Ельцин же, стремясь расшатать президентское кресло под Горбачевым, напирал на суверенность, ограничение прав союзного центра. Лидеры республик чувствовали это противоборство и стремились использовать его в своих целях. В результате подготовка договора шла медленно, с множеством «перекуров», без должного учета сгущения политической атмосферы, консолидации противников перестройки.

Первым в колокол тревоги ударил 12 декабря 1990 года Шеварднадзе, когда он подал в отставку. Но, как казалось из моего далека, Горбачев не придавал этому значения. Назначение министром иностранных дел Александра Александровича Бессмертных усилило мидовское чиновничество, но не укрепило политические позиции Горбачева. Он, конечно, знал сталинскую аксиому «Кадры решают все!». Но в политической суете не всегда следовал ей и постепенно утрачивал реальные рычаги воздействия на обстановку.

23 июля 1991 года «Советская Россия» опубликовала «Слово к народу», практически призывающее к свержению нынешней власти и отходу от перестройки. «Слово» произносили известные люди, среди которых были генералы — афганцы Громов и Варенников, писатели

Распутин, Проханов и Бондарев, певица Людмила Георгиевна Зыкина, будущие гэкачеписты Стародубцев и Тизяков, будущий кандидат в президенты Зюганов, скульптор Клыков и даже философ Володин. Этот колокол звучал мощнее, чем тот, в который ударил Шеварднадзе. Но Горбачев снова сделал вид, что ничего не происходит. И благополучно отбыл в Крым.

А я поймал себя на мысли о том, что вместо сугубо личных наблюдений, связанных с моим участием в каких-то делах, событиях, я стал кормить читателя пересказом в общем-то известных вещей. Но что делать, если хотя и состоял, но «не участвовал»? Да еще и записей тогда почти не делал. Но все же постараюсь держаться ближе к себе.

* * *

Итак, утро 19 августа, понедельник. Я выхожу из дому, чтобы ехать на работу. Сосед спрашивает:

— Ну как?

— Ты о чем?

— Ты не знаешь?

— Нет...

— Горбачев накрылся. Слушай в машине.

Действительно, пока добирался до «Известий», все мне разъяснили.

Не знаю почему, но колючее слово ГКЧП не испугало меня. Все услышанное не воспринималось серьезно.

На работе первым делом позвонил «спецдрузьям». Узнал, что Горбачев здоров, но заблокирован в Форосе. Ельцин — в порядке.

Вторым делом позвонил жене. Радио у нас дома нет, телевизор включаем только вечером. Так что Лена Петровна была не в курсе. Сказал ей, чтобы не беспокоилась. Спектакль долго длиться не будет.

«Известия» не попали в круг газет, закрытых по указанию ГКЧП. Видимо, Николай Иванович Ефимов, наш главный редактор, опасений не вызывал. Но он был в отпуске, и решили разочаровать путчистов. В частности, я сел писать статью «Право и политика» — о нелегитимности, антиконституционности деятельности ГКЧП. И вдруг

появился Ефимов. Фрондеров сразу окоротили. Мой материал — он уже был в гранках — сняли.

А на следующий день его обогнали события.

Вечером 19-го ГКЧП назначил пресс-конференцию. Пошли с Кондрашовым. Все видели на телеэкранах растерянных людей и дрожащие руки Янаева. Я не собирался ничего ни у кого спрашивать. Все было более или менее ясно. Но не выдержал. Решил чуть разрядить атмосферу. И задал вопрос Стародубцеву: «А вы-то как оказались в этой компании?»

Утром, к собственному удивлению, оказался в героях. Стол был завален телеграммами. Звонили телефоны. Но один звонок был поперек. По «вертушке» звонили:

— Учти, сука, мы еще встретимся!

Послал его...

А в прохановской газете «День» появилась заметка: «Политобозреватель Александр Бовин, совершавший чудеса храбрости в борьбе с бифштексом и вкусным пивом, получил микрофон на пресс-конференции ГКЧП, но не крикнул: „Долой диктатуру!“, а лишь спросил Стародубцева, как тот попал в состав комитета. И это было выдано демократической прессой за высшую храбрость. Так чем же будет награжден бесстрашный? Звездой Героя, или Мальтийским крестом, или просто румяной грудинкой?»

В редакции на следующий день продолжалось перетягивание каната. Но уже к вечеру обстановка стала проясняться. В среду газета вышла под шапкой: «Реакция не прошла!»

В четверг, 22 августа, состоялось бурное заседание редакционной коллегии с привлечением всех желающих. Редколлегия сняла Ефимова. «Известия» отказались быть органом президиума Верховного Совета СССР. Учредителем газеты стал журналистский коллектив. Главным редактором избрали Игоря Нестеровича Голембиовского. В пятницу публикуется мой материал: «Победа! Что дальше?»

«Попытка государственного переворота бесславно провалилась. Точнее, она была провалена. Провалена прежде всего москвичами и ленинградцами. Провалена Верховным Советом РСФСР. Провалена людьми, которых еще недавно именовали „так называемые демократы“.

Победа — всегда праздник, радость, счастливые лица. Но, слыша вчера вечером орудейные залпы, которыми Россия салютовала победе,

я подумал: не рано ли? Ведь, по существу, та социальная почва, которая взрастила заговор, те проблемы, беды наши и боли, которыми спекулировали заговорщики, те настроения, которые помогли им, и — главное! — те люди, которые помогали им, поддерживали их, — все это осталось, все это окружает нас.

Да, мы победили. Но победа дает лишь шанс, дает лишь возможность. Сумеет ли мы, сумеет ли руководство воспользоваться ими? Извлечь уроки? Исправить ошибки? Вопросы отнюдь не риторические. Мы слышали столько бодрой болтовни, столько читали „о мерах по дальнейшему...“. Неужели все повторится?

Меня очень смутило заявление президента о том, что он „владеет ситуацией“. Ну, разумеется, владеет, поскольку Крючков и Язов арестованы, телефоны работают и пордевшая президентская рать, включая Лукьянова и Кравченко, изъясняет все признаки верности и послушания.

А теперь серьезно. Овладеть ситуацией — значит приостановить, прекратить стихийный дрейф нашей страны, нашего общества. А он продолжается. Овладеть ситуацией — значит пройти мучительный путь самокритики, многое переоценить, переосмыслить и переделать. А путь этот едва-едва начат. Кстати, это относится не только к президенту.

Нет худа без добра. Три дня, прошедшие под знаком ГКЧП, встряхнули всех нас и, кажется, сделали более суровыми, более нетерпимыми к нарушениям демократии, более требовательными. Может быть, я что-то упрощаю, чего-то „недопонимаю“, но мне хочется сказать: хватит трусливых полумер и беспринципных компромиссов, хватит обмана и самообмана. Попробуем говорить жесткую правду.

Ведь это же факт, что министры трусили, испугались, позорно сдали власть хунте. Ведь это же факт, что президиум Верховного Совета СССР столь же позорно фактически самоликвидировался и не сделал ни малейшей попытки противостоять путчистам. Ведь это же факт, что такие издания, как „Советская Россия“, „День“, „Молодая гвардия“, всем своим содержанием идейно, психологически готовили переворот. А проституированное ЦТ, служившее всем и вся... Так что же, мы так и проглотим все это? Или снова будем ждать мудрых решений президента и аплодировать им?

Ведь в конце концов переворот стал возможен именно потому, что его вдохновители и исполнители были уверены: стоит им цыкнуть,

топнуть ногой — и от перестройки, от демократии, от гласности ничего не останется. Мне скажут: они просчитались. Да, но они имели право так думать, ибо слишком тонки и хрупки еще ростки демократии и гласности.

Говорят, нужны правовые, конституционные гарантии против переворотов. Наверное. Здесь есть о чем подумать. И о более четкой системе разделения властей. И о глубоких радикальных реформах таких монстров, как Министерство обороны и КГБ (в частности, во главе этих ведомств должны стоять не маршалы, не профессиональные разведчики или контрразведчики, а гражданские лица, политические деятели). И о снижении удельного веса военно-промышленного комплекса в жизни общества.

Многое можно и нужно сделать. Но все гарантии, лежащие в плоскости совершенствования права, институтов, государственных структур, условны и относительны. Они затрудняют антиконституционные ходы, но не перекрывают их. Главная гарантия, решающий участок формирования правового государства — это новые люди, люди перестройки, и действительное, реальное расширение демократии на всех мыслимых направлениях. Тысячу раз цитировали Черчилля. Повторю в тысяча первый раз. Очень неудобная штука демократия, писал он, но ничего лучшего человечество не придумало. Крах хунты, победа народа дают уникальную возможность совершить рывок вперед в деле демократизации общественной, политической жизни. Не сделаем это — все завалим.

Два конкретных соображения.

Кадровая политика президента довольно часто вызывала недоумение. Успокаивали себя так: „Ладно, президент лучше нас знает, какие люди ему нужны, ведь ему придется работать с этими людьми“. Теперь, надеюсь, такой аргумент перестанет работать. Верховный Совет, его комиссии и комитеты должны ужесточить контроль за назначением и перемещением должностных лиц, даже в тех случаях, где не требуется формальное утверждение Верховным Советом. Пишу об этом с особой тревогой, ибо новые назначения президента вызывают недоуменные вопросы.

И еще. До сих пор главный редактор любой газеты или журнала — единоначальник. Так было удобнее „верхам“. Именно через главных редакторов осуществлялось повседневное манипулирование прессой.

Редколлегия имела только совещательный голос. Мнение главного редактора — весомее мнения всей редколлегии. Известинцы столкнулись с этим в начале недели, когда бывший (уже!) главный редактор, ссылаясь на то, что он знает больше, чем мы, блокировал все наши попытки четко определить позицию газеты, сказать хунте „Нет!“.

Редколлегия „Известий“ осудила Ефимова и освободила его от должности. Но это — частный случай. Необходимо общее решение. Теперь прессой не командуют, во всяком случае так, как прежде. Следовательно, надо сделать следующий шаг. Газетой руководит редколлегия. Главный редактор — первый среди равных, не более того. Было бы полезно внести соответствующую поправку в Закон о печати.

Победа над заговорщиками показала, что мы стали решительнее, мужественнее. Теперь, чтобы за тремя днями в августе не последовали тридцать три дня в декабре, надо доказать, что мы стали умнее».

Больше десяти лет прошло с тех пор, когда я написал эту статью. Боюсь, нам не удалось доказать, что мы стали умнее.

Из откликов на статью «Победа! Что дальше?» приведу самый короткий.

«Победа, Саша, будет тогда, когда в магазинах товаров и продуктов будет столько же и по такой же цене, как до 1985 года.

А дальше ты будешь делать то, что прикажет Ельцин».

Без подписи.

Возможно, я и делал бы то, что приказывал Ельцин, но он не приказывал. А вот с товарами и ценами — тут штука такая. Если цены будут как до 1985 года, то товаров не будет. Точнее, их будет столько, сколько было до этого самого года. Когда их не покупали, а «доставали».

* * *

Для хунты это, без сомнения, были трагические дни. Сами, своими собственными руками, путчисты загубили все то, ради чего рисковали честью и карьерой. Им нужна была сильная, авторитетная, стоящая у руля партия, КПСС. Она была сметена. Им нужен был могучий, «сверхдержавный» Советский Союз. Они подтолкнули его к пропасти. Им нужен был социализм, даже наш, даже с любым лицом. Они

поставили точку в истории советского, просоветского, околосоветского социализма.

Эти сжатые выводы появились не сразу. На близком расстоянии отдельные деревья, детали, события загоразживали лес, общую картину. Свою точку зрения, свое понимание общей картины я изложил в статье «От перестройки к революции» («Известия», 09.09.91):

«Мне представляется, что понятие „перестройка“ — и психологически, и по существу — изжило (или изживает) себя. Психологически, потому что оно как бы было облечено в одеяния из положительных эмоций, связано со всеобщей революцией надежд, с эйфорическим сознанием, душевным подъемом, от которого теперь мало что осталось. По существу, потому что перестройка являлась типичной, со всеми присущими ей ограниченностями, революцией „сверху“; она „планировалась“ как относительно ограниченная во времени, упорядоченная, проводимая под строгим партийным контролем операция, в ходе которой мы именно перестраиваем, улучшаем старый дом, а не возводим новый, принципиально иной конструкции.

Жизнь, развитие событий довольно быстро стали опрокидывать указанную схему. Стихийно возникли новые горизонты. Но Горбачев и его все более странная команда, выписывая изящные и менее изящные пируэты, поворачиваясь то вправо, то влево, делая то шаг вперед, то два шага назад, фактически оказались не в состоянии целенаправленно руководить перестройкой.

Очередной парадокс. Помогла нам, спасла нас неудачная попытка государственного переворота. Поднятая ею волна возмущения, протеста, сопротивления, вывернутые из мостовой Красной Пресни булыжники, которые стали оружием интеллигенции, обозначили новый этап, новую фазу нашего развития. По-моему, можно говорить — со всеми оговорками, но можно говорить — о начале революции „снизу“, революции подлинно демократической.

Точнее, перед нами две революции, два революционных потока.

Первый, оставаясь на политическом уровне, можно, хотя и несколько условно, с опережением событий, назвать народно-демократическим. Отсюда — больше радикализма, определенности, меньше полумер, половинчатости, сомнительных компромиссов. Цель — реальная демократизация всей общественной жизни, полное, не

урезанное осуществление прав и свобод гражданина, включая — как журналист, не могу не сказать об этом — свободу, независимость печати и не урезанную гласность.

На уровне же социально-экономическом дело идет к полному демонтажу „казарменного социализма“ и замене его не „обновленным“ социализмом („Назад к Ленину!“), а одним из вариантов неокapитализма (посткапитализма, социал-капитализма и т. п. — фантазия богата) на австрийский или шведский манер. С нашей, если ума хватит, спецификой.

Наши деды и отцы проиграли битву за „светлое будущее“. Мы отступаем с тяжелыми потерями. Рынок — лекарство очень горькое. Важно сохранять ясную голову, не поддаваться ни митинговому реву, ни вещаниям новоявленных рыночных пророков, не объявлять черным все, что именовалось белым. И наоборот.

Мы, повторяю, отступаем, но разложение монопольной государственной партии, КПСС, вовсе не означает, на мой взгляд, что в становящемся обществе, в рамках многопартийности и плюрализма не останется места людям и партиям, исповедующим социалистический выбор, верящим в коммунистический идеал. Будущая история — это свободный выбор наших детей и внуков.

Вторую линию, второй революционный поток можно рассматривать как национал-демократическую революцию, как окончательный и бесповоротный распад последней мировой империи. Буквально за несколько дней была обнажена вся искусственность, вся традиционность тех конструкций, на которых держался новоогаревский проект Союзного договора. За исходную платформу любых возможных взаимоотношений принята неурезанная, полная — в смысле международного публичного права, — так сказать, осязаемая независимость каждой республики (государства).

Этот взрывной процесс, прорвавший, если использовать выражение моего коллеги О. Лациса, „тупость векового имперского сознания“, имеет разную природу. Нельзя исключать, что в ряде случаев независимость будет использоваться как заслон против „экспорта демократии“, как средство сохранения „национал-коммунистических“, деспотических режимов. В целом же приходится констатировать, что формула „9 плюс 1“ утратила смысл. Центр, в привычном понимании этого слова, находится в процессе

дезинтеграции. То есть „единицу“ — при угрюмом молчании некоторых рэсэфэсээровских политиков — приходится заменить „нулем“. Что касается левой части новоогоревской формулы, то ее целесообразно заменить „иксом“, ибо пока нет ясности, кто захочет занять место в новом, еще не существующем государстве. Итак, „Х плюс 0“ — таков вывод, к которому пришел (или — был приведен) 5 сентября Съезд народных депутатов СССР.

Начался переходный период. Куда, к чему он приведет — никто не знает. Объективно развал Союза ССР не принесет выгоды никому, ни внутри Союза, ни вне его. Но субъективно картина иная. В обозримом будущем центробежные тенденции явно перевесят центростремительные. Увеличится количество членов ООН. Теоретически (если каждое новое государство установит дипломатические отношения с остальными 150) появится более двух тысяч новых послов. Все это, несомненно, впечатляет. Однако в перспективе геополитика и экономика могут несколько изменить число степеней свободы и удельный вес указанных тенденций. Не исключено, что место СССР в конечном счете займет Евразийское содружество наций.

Для многих, очень многих людей развал Коммунистической партии Советского Союза, распад Союза Советских Социалистических Республик — это глубочайшая личная драма, если не трагедия. Я хорошо понимаю таких людей, ибо сам к ним принадлежу. Но разговор об эмоциях — особый, другой разговор. И мы, те, кому такой разговор нужен, еще вернемся к нему. Здесь же я старался показать события такими, какими их воспринимает не мое сердце, а моя голова».

К сожалению, я переоценил политическую зрелость «низов» на обоих направлениях.

Демократический порыв был исчерпан «свержением» Дзержинского и улюлюканьем вслед мелким партийным чиновникам, выгоняемым из здания ЦК КПСС. Власть осталась в руках аппарата. Выборы стали добычей пиарщиков. Гласность разделяет судьбу шагреновой кожи. За свободу слова надо непрерывно бороться. В общем, вертикаль видна хорошо...

В бывших республиках — картина та же. Только — в квадрате или в кубе. Плюс межплеменные, межклановые разборки. Суверенное антидемократическое государство не приемлет суверенитет личности.

Всем стало хуже. Хорошо только «элите», только тем, кто целует властную руку.

Но это стало ясно чуть позже. А в первые недели после победы мы снова скрылись за дымовой завесой иллюзий.

У меня тоже были иллюзии. Хотя, может быть, пожиже.

* * *

Дважды потерпев поражение на выборах, написав за двадцать лет, наверное, все, что можно было написать о внешней политике, я решил заняться наукой и написать толстую книгу под наглым названием «Теория политики». Собственно, пытаюсь превратиться из кандидата в доктора, я уже начал ее писать, используя редкие паузы в работе. Чтобы довести дело до конца, можно было бы податься в научный институт. Но не хотелось. С моей всего лишь кандидатской диссертацией и с моим уже почти почтенным возрастом я плохо бы смотрелся на фоне молодой научной поросли. Поэтому был избран более замысловатый вариант движения в науку: поехать послом в какое-нибудь не очень привлекательное для мидовских карьеристов и не очень отягощенное работой место. И там, вдали от московской суеты, писать книгу. Опытные консультанты указали на Новую Зеландию.

Начал обходить начальство. Был у Козырева. Был у Панкина. Был у Шеварднадзе (он стал министром внешних сношений Союза 19 ноября). Был у Яковлева, который А. Н. Был еще у кого-то, не помню уже. Никто не отказывал, кивали, проявляли интерес к книге. Но как-то вяло все шло...

Вспоминалась старая история. Я хотел дезертировать из Москвы в Люксембург. Громыко криво усмехнулся: «Вам тесно там будет...» Брежнев ответил более четко: «Тебе еще работать надо!» Знающие люди потом разъяснили, что «подарочный фонд» министра мне был никак не по зубам... Теперь я заранее навел справки: Новая Зеландия не относилась к «подарочному фонду».

А Израиль я вообще в голове не держал, даже на скамейке для запасных. Как и всем моим коллегам-международникам, мне приходилось писать об Израиле, о Ближнем Востоке. Писал, естественно, в рамках официальной позиции, но иногда менее нервно,

более объективно, чем это было принято. В частных разговорах пытался убедить начальство в необходимости восстановить отношения с Израилем. В принципе начальство не возражало, но МИД с благословения ЦК выписывал сложные фигуры, выдвигал требования, ставил условия. Пусть Израиль сделает конкретные шаги навстречу арабам, и тогда восстановим... Мне такой торгашеский подход в данном случае представлялся неверным. И когда перестройка развязала нам рот, я смог написать: «Советскую дипломатию трудно упрекнуть в чрезмерной активности на Ближнем Востоке. Возникает такое впечатление, что наше „маневрирование“ становится самоцелью, тактика превращается в стратегию. Вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Израилем не то что созрел, а просто перезрел. Оговорка насчет „контекста развертывания переговорного процесса“ (о, могучий русский язык!) юридически беспомощна, недальновидна политически и весьма уязвима в нравственном отношении. Негоже великой державе вымогать плату за исправление собственной ошибки».

Постепенно израильская тема стала придвигаться. В Москве работала израильская консульская группа (как и наша в Тель-Авиве). Поскольку мои материалы по Ближнему Востоку чуть отличались от антисионистской «нормы», протянулись какие-то ниточки. Познакомился с руководителем группы. Арье Левин — искусный, тонкий, умный дипломат, будущий посол Израиля в СССР. Беседы с ним доставляли истинное удовольствие. Тем более что по-русски Арье говорит лучше многих русских. Был и взаимный интерес. Он обволакивал меня сионистской пропагандой. Я выуживал у него нужную мне информацию. Мы и сейчас — хорошие друзья.

Где-то рядом с Левином встретил Якова Кедми (в советской юности — Яша Казаков). Он работал в полуспецподразделении, которое занималось потенциальными эмигрантами. Привозил мне интересующие меня книги. Знакомил (заочно) с людьми и ситуациями. По моей просьбе организовал поездку в Израиль.

Уже находясь в Израиле, я узнал, что прилетает наш новый министр иностранных дел Борис Дмитриевич Панкин. Панкина я знал давно. Умный, честный человек. Делал добротную «Комсомолку». Талантливый литературный критик. До сих пор помню его работы о Трифонове, Абрамове, Айтматове. Десять лет отсидел в ВААПе

(Всесоюзное агентство авторских прав). В 1983 году поехал послом в Швецию (тоже ведь «подарочный фонд», а почему удостоился — не признавался). Бывал у него там. Сауна отменная. Хобби — роман о Константине Симонове. Долго писал его. Как художественное произведение роман, по-моему, средний. По материалу — читается залпом.

В 1991 году Панкин уже был послом в Праге. В отличие от большинства советских послов он сразу же и открыто выразил протест против ГКЧП. Поэтому 29 августа Горбачев назначил его министром иностранных дел СССР. Однако в ноябре Панкин пал жертвой дворцовых интриг. Его отправили в Лондон. Сейчас пенсионер живет, кажется, в Стокгольме и занимается литературной деятельностью.

18 октября в Иерусалиме Панкин подписал бумаги о восстановлении дипломатических отношений в полном объеме. Вместе с толпой журналистов я ждал его в отеле «Кинг Дэвид». Он появился вместе с толпой сопровождающих лиц. И вдруг увидел меня. Почти немая сцена... Мы обнялись. И слышу шепот: «Теперь знаю, кто будет послом в Израиле».

Я не воспринял это всерьез. И министры шутят. Вернувшись в Москву, совсем выкинул из головы, даже жене ничего не сказал. «Вкинуть» в голову заставил звонок из управления кадров МИДа:

— Где ваша «объективка»?

— Какая «объективка»? Зачем?

— Что значит «зачем»? Вы оформляетесь послом в Израиль. Бюрократическая машина стала делать первые обороты. Но работала быстро. Сразу после ноябрьских праздников позвонил Горбачев и сказал, что перед ним на столе две бумаги: одна — о присвоении Бовину ранга посла, другая — о назначении его послом в Израиль.

— Не возражаешь?

Я не возражал. Верительную грамоту Панкин подписать не успел. Рядом с подписью Горбачева стоит подпись Шеварднадзе.

Я уже писал о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Мне не всегда было понятно, что он делает и почему. Некоторые его действия и решения казались неоправданными, несвоевременными. Некоторым не хватало цельности, определенности. Нередко тактика вытесняла, заменяла стратегию. Но все-таки Горбачев относится к категории великих личностей, тех личностей, которые появляются в переломные,

переходные эпохи, чтобы делать историю. «Горбачев — трагическая фигура, — писал я о президенте СССР. — Помните? Дорога в ад вымощена хорошими намерениями. Он вымостил свою дорогу. Но он, безусловно, великая фигура, одна из великих политических фигур XX века. Он разрушил тюрьму, казарму, в которой мы жили десятки лет. Если мерить масштабами истории, Горбачев, несомненно, крупнее, скажем, Буша или Миттерана. Как Петр I, он поднял Россию на дыбы, но, в отличие от Петра, не сумел совладать с поводьями. И это не столько вина его, не столько выбор, сколько беда, судьба. Он нужен был истории, чтобы разрушить старое, сорвать оковы с России. Новую Россию будут создавать новые поколения людей. Критические выпады против Горбачева, не учитывающие („в уме“, разумеется) этот исторический фон, всегда будут мелкими, мелочными, скользящими по поверхности вещей».

О личных качествах Горбачева ничего сказать не могу. Встречался с ним, может быть, один раз в год. Ни разу не пришлось выпить как следует, поговорить «за жизнь». Из рядов свиты доносились самые противоречивые голоса: кто восторгался, кто матюкал. Интуитивно, без доказательств, я — на стороне первых...

15 ноября опубликовал последнюю статью в «Известиях». О Мадридской конференции по ближневосточному урегулированию. Последний абзац последней статьи: «...Если Женевская конференция 1973 года — первый шаг к миру на Ближнем Востоке, если Кэмп-Дэвидский договор 1979 года может рассматриваться как второй, гораздо более крупный шаг на этом же пути, то и Мадридская конференция заняла место в этом же ряду. Хотя никто не знает, сколько еще шагов — удачных и неудачных — предстоит сделать... Наверное, много. Во всяком случае, дипломатия Москвы будет стремиться сделать этот путь возможно более прямым и коротким».

Не думал я тогда, что пишу себе самую главную директиву...

В конце ноября оказался в Америке на встрече советско-американской группы по стратегической стабильности. В эти же дни в Соединенных Штатах находился премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. Его люди разыскали меня и передали приглашение встретиться. Поехал к нему в отель «Уолдорф-Астория». Жарища у него в номере была ну как в Израиле. Поговорили неформально. Он был

похож на маленького взъерошенного гнома со стальной пружинкой внутри.

Отбыть к месту новой службы не торопился. Изучал досье по Израилю. Беседовал с дипломатами. Выискивал в научных учреждениях недобитых специалистов по Израилю. Заглядывал в ГРУ и СВР.

Заставила торопиться Беловежская Пуща. Вместе с исчезновением Советского Союза теряли силу мои верительные грамоты. Поэтому, если я хотел остаться послом, надо было вручить грамоты, пока в президентском кресле находится Горбачев. Звонили из Иерусалима. Там тоже волновались. Договорились, что вручение состоится в Иерусалиме 23 декабря.

Горбачев ушел с поста президента СССР вечером 25 декабря. В тот же вечер красный флаг над Кремлем был заменен флагом российским. Декларация о прекращении существования СССР была принята на заседании Совета Республик Верховного Совета СССР 26 декабря.

Я успел вручить верительные грамоты 23 декабря.

Начиналась четвертая молодость.

Четвертая молодость

1991–1997

Четвертая молодость была прожита в Израиле. Она изображена в книге «Записки ненастоящего посла. Из дневника» (М.: Захаров, 2001). Есть и поп-вариант, то есть сокращенный по просьбе издателя текст под названием «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» (М.: Захаров, 2000). Для нынешней книги можно было бы, наверное, дать простую выжимку из уже изданного. Но это как-то скучно. Поэтому попытаюсь двигаться другим путем. Попытаюсь кратко, очень кратко объяснить две вещи. Первая: что такое Израиль, откуда он взялся и почему никак не помирится с арабами (с палестинцами). И вторая: чем же я пять лет занимался в Израиле.

Прежде чем мы очутимся в Израиле, хочу ввести еще одну тему. Обычно, когда назначают посла, когда уезжает посол, это проходит как-то незаметно для общественности. Но журналист, да еще популярный — незаметно не получилось. Коллеги обсуждали, задавали вопросы. Два интервью в качестве иллюстрации.

Спрашивает политический обозреватель «Известий» Виталий Иванович Кобыш.

«В. К. По правде говоря, как-то не верится, что после того, как в течение двадцати лет мы могли зайти друг к другу что-то обсудить, о чем-то поспорить, вскоре такой возможности не будет. Ну да ладно. В свойственной тебе манере сразу перейду к делу.

Александр Евгеньевич, при всей твоей богатой фантазии тебе когда-нибудь приходила в голову мысль, что ты станешь послом в Израиле?

А. Б. Об Израиле в таком контексте не думал. Но сама идея переквалифицироваться в дипломаты не была мне чужда. Еще в застойные времена я просился послом в Люксембург. Начальство не сочло. Тебе, сказали, работать надо. А потом — двадцать лет в „Известиях“. Было интереснее ездить по разным странам, чем сидеть в одной.

И все же двадцать лет на одном месте — это, пожалуй, многовато. Теряется острота восприятия проблем, восприятия жизни. Видимо, поэтому снова появилась охота к перемене мест. Начал, как говорится, зондировать почву.

Как это часто бывает, все решила случайность. Я находился в Иерусалиме, когда туда прилетел Панкин. Мы встретились. И светлая мысль пришла ему в голову...

Потом — ступеньки инстанций. И, наконец, звонок Горбачева.

В. К. Это, так сказать, поверхность, внешняя сторона событий. А по существу?

А. Б. О „существе“ мне самому трудно судить. Могу лишь высказать предположение. Дело в том, что я считал нашу ближневосточную политику односторонней и настаивал на ее корректировке. И когда корректировка началась, мне предложили принять в ней активное участие. Не только обозревать, но и делать.

В. К. Не страшно было так круто, резко менять жизнь?

А. Б. Были всякие переживания. Я ведь больше двадцати лет занимаюсь Ближним Востоком и понимаю, куда еду. Вот уж действительно, покой нам только снится... А с другой стороны, это же очень интересно — налаживать после двадцатичетырехлетнего перерыва хорошие отношения с не совсем обычной страной. Но вые проблемы, новые люди, новые обстоятельства. Все это — великолепные тонизирующие средства. Глядишь — помолодею.

В. К. Не хочется сбиваться на банальности, но не обойтись без вопроса: в чем ты видишь свою главную функцию на новом месте?

А. Б. Отвечаю банальностью: восстановить хорошие отношения с Израилем. Можно более конкретно и менее банально. Там почти полмиллиона „наших“ евреев. Это — полмиллиона оборванных нитей. А я хочу соединить, срастить их.

В. К. Думал, что ты поставишь на первое место ближневосточное урегулирование.

А. Б. Заниматься урегулированием можно и не имея посла в Израиле. Но конечно же теперь откроются новые возможности.

В. К. Ты веришь в возможность мирного урегулирования в обозримом будущем?

А. Б. Нет, не верю. Нынешнее поколение политиков не способно подняться над враждой, подозрительностью и дать народам

справедливый прочный мир. Но я убежден, что — при тесном взаимодействии США и ССГ^[23] — новую войну на Ближнем Востоке можно не допустить. Переговоры, которые ведутся сейчас, не дадут конкретных результатов, но они полезны, потому что ведут к медленным, подчас незаметным изменениям общей атмосферы.

В. К. Ты — первый посол, с которым мне приходится беседовать после того, как СССР стал ССГ. Вручая верительные грамоты, от чьего имени ты будешь выступать?

А. Б. Естественно, от имени ССГ, от имени главы ССГ, президента Горбачева. Одновременно я буду чувствовать себя и послом России, и послом других членов конфедерации. Кстати, мне очень не нравится наименование — Союз Суверенных Государств. Я бы предпочел другое — Евро-Азиатское Содружество Народов. Но тут я бессилён.

В. К. Насколько я понимаю, республики, прости, независимые суверенные государства, готовые подписать Союзный договор, претендуют на то, чтобы в наших зарубежных дипломатических учреждениях работали их представители. Как ты к этому относишься?

А. Б. Вполне положительно. Я сам заинтересован, чтобы в составе посольства были специалисты, представляющие, скажем, Минск или Алма-Ату.

В. К. Но уж без Биробиджана тебе, по-видимому, не обойтись. Как-то неловко, по-моему, формировать состав посольства в Израиле без представителей еврейского населения.

А. Б. Мне нужны умные, относительно молодые люди, знающие прежде всего иврит. А откуда они будут: из Биробиджана, из Бельц или из Рязани — какая разница?

В. К. Значит, ставка на молодежь. Ну а если в поле твоего зрения окажется блистательный специалист, но ему за пятьдесят, ты ни в коем разе не возьмешь его в свою „команду“?

А. Б. Нет правила без исключения.

В. К. Так, стальной Бовин становится чуть мягче. Я это приветствую. Пойдем дальше. Известно, что твои интересы и познания не ограничиваются Ближним Востоком. Это с одной стороны. С другой, Тель-Авив — это такая вышка, с которой далеко и многое видно. Очевидно, я не ошибусь, предположив, что посольство станет центром анализа проблем, выходящих за пределы Ближнего Востока?

А. Б. Мне не нравится в данном случае слово „центр“. Но безусловно, чтобы понять проблемы Ближнего Востока, надо выйти за его пределы. И этим в меру нашей профессиональной подготовки мы будем заниматься.

В. К. Один сугубо личный вопрос. Нет желания — можешь не отвечать. Ты не танцуешь фрейлехс?

А. Б. Я — человек дисциплинированный. Если будет нужно, если это будет соответствовать нашим государственным интересам, то станцую.

В. К. Теперь, Александр Евгеньевич, мне остается пожелать тебе успешной работы на дипломатической ниве. Но я не прощаюсь с тобой как с политическим обозревателем. Убежден: работа только над дипломатическими депешами тебя не устроит. Так что до встречи на страницах „Известий“.

А теперь спрашивает Лена Березницкая из „Независимой газеты“.

— Александр Евгеньевич, поздравляю вас с назначением послом в прекрасную страну Израиль.

— Спасибо. Но „прекрасная“ — это спорно. Недавно я употребил такой же эпитет и встретил возражения. Люди, долго жившие в Израиле, сказали, что это глухая провинция, страшно идеологизированное общество. Приеду — попробую разобраться.

— С каким настроением вы отправляетесь в „страну пребывания“?

— Немножко боюсь, как там все сложится. Но больше надеюсь. И, знаете, надеюсь на наступление четвертой молодости.

— Почему именно четвертой?

— Ну, третья, как и у всех, наступила в 50 лет. И к 60 стала иссякать. А тут — такая встряска, океан новых ощущений. В общем, начинается четвертая молодость.

— В связи с нашими последними внутренними переменами кем вы себя ощущаете — послом непонятого Союза или России?

— Прежнего Союза нет и не будет. Следовательно, я представляю некое образование, составленное из осколков Союза ССР, представляю главу этого образования, который пока именуется „президент СССР“. Я уже сейчас чувствую себя слугой даже не двух господ, а больше. Я должен отстаивать и интересы России, и интересы Казахстана, и интересы любого участника возможной конфедерации.

— Россия наложила руку на посольства уже существующие. В Израиле его пока вообще нет. Вы сейчас обсуждаете такие моменты?

— Эти „моменты“ решаются не мною. Я представляю ту власть, которая реально будет существовать.

— Посольство будет в Иерусалиме или Тель-Авиве?

— Конечно, в Тель-Авиве. Мировое сообщество не признает Иерусалим столицей Израиля, и посольства находятся в Тель-Авиве. Консульство арендует сейчас пятнадцатый этаж одной из башен на берегу моря. Для посольства придется искать участок земли и здание.

— Сколько человек и кто будет работать в посольстве?

— Для начала 14 дипломатов и 14 технических сотрудников. Часть людей там уже есть. Остальных будем подбирать. Я выдвинул три критерия: ум, молодость (вокруг сорока лет), знание иврита. Возможны, разумеется, компромиссы. Но буду драться.

— А та мевина иврит? (Вы знаете иврит?)

— Буду учиться, вот учебник. Понимаю, что не смогу говорить, как коренной израильтянин, но для посла будет достаточно.

— А ваша жена, Лена Петровна, собирается учить иврит?

— Наверное, нет. У нее будет много всяких других хлопот.

— Евреи будут работать в посольстве?

— Специально такую задачу не ставлю. О критериях отбора я уже сказал. Но при прочих равных преимущество будет отдано еврею.

— А как насчет нынешних сотрудников консульства при погонах, их, наверное, больше половины?

— Ваши „данные“ давно устарели. Другие времена, другие пропорции. Давайте рассуждать серьезно. В каждой стране, играющей какую-то роль на мировой арене, есть внешняя разведка, которая использует посольство как „крышу“. Это относится и к ЦРУ, и к СВР, и, я очень извиняюсь, к МОССАДу. Важно, чтобы соблюдалась мера. Мера — по количеству и мера — по нахальству. Об этом придется позаботиться.

— Много времени ушло на получение агремана? Наверное, не полчаса, как у Панкина?

— Нет, ведь там был прямой звонок президента премьеру. Для меня потребовалось побольше времени. И дело не в личности, а в бюрократизме. Идет бумага, она поступает на один стол, потом ее кладут на другой, потом на следующий. Например, после того, как

президент в Кремле подписал указ о моем назначении послом, эта бумага на стол министра иностранных дел попала через сорок восемь часов, хотя от Кремля до МИДа за полчаса пешком можно дойти. Нормальная работа нормальной государственной машины. И у них так же.

— Когда Шеварднадзе пришел руководить МВС, у вас не возникло предчувствие, что он что-то переиграет с вашим назначением?

— Такого предчувствия у меня не было. Кстати, первым человеком, с которым я беседовал, узнав о том, что подписан указ о моем назначении, был именно Шеварднадзе. Он опытный человек, которого я глубоко уважаю. И мне хотелось узнать из первоисточника, что же конкретно мешало последние два-три года установить дипотношения с Израилем, почему все время тянули. Я приехал к нему в ассоциацию, и Эдуард Амвросиевич рассказал мне, как все это было.

— А нам вы можете это рассказать?

— Не уверен. Если в самой общей форме, то его блокировали. А детали принадлежат истории и ему. После этого разговора я еще раз убедился, что наши позиции практически совпадают. Поэтому уход Панкина и приход Шеварднадзе не должны отразиться на моем положении.

— Какой будет в ближайшее время наша политика на Ближнем Востоке?

— Я абсолютно уверен, что, если у нас не произойдет какого-то тоталитарного, консервативного переворота, — а возможно все, что не противоречит законам физики, — мы будем продолжать корректировку, выравнивание своей ближневосточной политики с учетом и арабских, и еврейских интересов. Будем ориентироваться не на идеологические соображения, как раньше, а на наши государственные интересы. Интересы же заключаются в том, чтобы в этом регионе мира, который не так далеко от нас, было спокойно, чтобы живущие там „наши“ евреи (а их уже полмиллиона) не чувствовали себя отторгнутыми, отверженными их прежней родиной, чтобы укрепились связи экономические, культурные, технические. Все это будет полезно и для них, и для нас.

— Что касается самого урегулирования ближневосточного конфликта, вы здесь оптимист или пессимист?

— Я так скажу. Я стратегический оптимист и тактический пессимист. Сейчас и до конца XX века я не вижу каких-либо реальных предпосылок установления прочного, справедливого мира. Пока мы с американцами будем вместе, нам удастся не допустить новой войны. Это главное, что мы можем сейчас сделать. Параллельно должны идти поиски мира. Если нынешняя конференция не приведет к конкретным результатам, то будет устроена следующая. Ведь то, что евреи и арабы сидят и разговаривают, — уже огромный прогресс. Посадить их за один стол — это казалось утопией, но посадили все же. И дальше надо будет идти по этому пути. Хотя я понимаю, что данное поколение политиков не сможет найти компромисс. Потом, через какое-то время, появится новое поколение людей и появится новая политика.

— Вы уже не сможете писать для „Известий“?

— Я думаю, что договорюсь: скажем, раз в две недели, раз в месяц буду давать колонку. Конечно, послу трудно это делать. Но Герасимов из Лиссабона показывает, что можно.

— Вы два раза были в Израиле, что вам больше всего понравилось из израильской кухни?

— Вы знаете, у меня большое подозрение, что израильской кухни нет. То, что мы называем еврейской кухней в России и на востоке Европы, в других районах мира вовсе не воспринимают как еврейскую. Скажите марокканскому еврею про форшмак или редьку с гусиным салом, он скажет: при чем здесь еврейская кухня? Есть рестораны еврейской кухни в нашем понимании. Только там не щука фаршированная, а фаршированный морской окунь. По-моему, основная „тональность“ израильской кухни — арабская и средиземноморская. Хумус, маслины, фрукты, баранина, разные морские гады, которых я очень люблю.

— Но морские гады — это в основном не кошерное.

— Я в этом пока не очень разбираюсь. Со мной как-то в ресторане был такой казус: я съел котлету и потом попросил официанта принести стакан холодного молока. „Простите, не могу, — услышал я. — У нас кошерный ресторан, а от приема мяса до приема молока должно пройти двенадцать часов“.

И самое важное: все мои высказывания относительно израильской кухни прошу рассматривать как чисто дилетантские. Возможно, все как раз наоборот.

— Вы не боитесь, что наши бывшие сограждане на улице вас просто задержают?

— Это уже все происходило. Так примерно: „Ой, товарищ Бовин, можно за вас подержаться?“ Я жил в гостинице и писал на веранде статьи для „Известий“. Так вся округа приходила на меня посмотреть, детей и внуков приводили. Мы много разговаривали. Тяжело живут люди вот этой последней волны, очень тяжело. Кроме молодых, конечно.

— Это внимание вам приятно?

— В общем — да, приятно. Иногда немного раздражает. Но я уже привык. Кстати (или не кстати), о раздражении. В мою последнюю поездку рядом со мною был весьма образованный человек, уехавший из России лет двадцать назад. Он прекрасно говорит на иврите, досконально знает историю Израиля. За двое суток общения с ним я очень много получил. По духу он убежденный, стопроцентный израильтянин, принципиально не учит детей русскому языку: „Они израильтяне — и все“.

И вот, когда ко мне подходили люди, ахали и охали, я чувствовал, что он сердится. Что вы нервничаете, говорю ему, это же так естественно. Нет, отвечает, они в Израиле, они — израильтяне и не должны так себя вести...

— Наверное, в ваших силах будет способствовать тому, чтобы чисто технически облегчить людям получение обратно советского гражданства?

— Конечно, я буду стараться это делать. Интересы личности должны быть выше интересов государства.

— Если встанет выбор между государственными интересами и интересами этих людей, в чью пользу вы сыграете?

— Мой выбор будет в пользу людей. Я вижу свою главную функцию в решении гуманитарных задач. А именно: соединить эти 500 тысяч ниточек или хотя бы начать этот процесс. Я считаю, что он отвечает и нашим государственным интересам. Вот это и есть, как сейчас модно говорить, человеческое измерение политики.

Вполне допускаю, что говорю слишком размашисто, без нюансов и оговорок. Но я еще слишком журналист и не овладел пока дипломатической вязью.

— Вам тоже придется соблюдать субботу, все закрыто, учреждения не работают.

— Ну и пожалуйста, жалко, что ли. И в Израиле не лыком шиты. Например, в субботу еврею даже на кнопку лифта нажать нельзя. Но, извините, им же надо как-то ездить. Так в гостиницах есть субботние лифты, которые автоматически останавливаются на каждом этаже. И все довольны.

— Всегда поговаривали, а в связи с новым назначением еще больше, что в вас течет еврейская кровь.

— Не знаю, к сожалению или к счастью, но еврейской крови во мне нет. Мои родители, мои бабушки и дедушки родом из города Шацка Рязанской губернии. А там, по-моему, от Рождества Христова ни одного еврея не было.

Почему „поговаривают“? Может быть, потому, что я всегда был принципиальным противником антисемитизма и не лил грязь на Израиль. Может, потому, что моей первой женой была еврейка. А скорее всего потому, что таким путем хотят скомпрометировать меня в глазах определенной части населения.

— Когда говорят о евреях, автоматически возникает вопрос об антисемитизме.

— Вы правы. В стране происходят противоречивые процессы. С одной стороны, реальный государственный антисемитизм начинает постепенно терять свои позиции. И я уверен, что эта тенденция будет прогрессировать. Но с другой — грязная пена гласности. Право говорить получили не только противники антисемитизма, но и его сторонники. Отсюда — всякого рода листовки и газетенки черносотенного пошиба...

— Насколько велика, по-вашему, опасность антисемитизма сегодня?

— Мне трудно об этом судить, потому что я не еврей. Я не чувствую этого своим „нутром“. У меня нет психологического критерия для оценки ситуации. Все же мне кажется, что дело идет к лучшему.

— У вас там большой круг знакомых отсюда?

— Не слишком большой, но есть.

— Когда вы в 1979 году посетили Израиль, многие, наверное, спрашивали у вас совета: ехать или нет. Ведь тогда мало кто ездил туда и обратно.

— У меня всегда была одна и та же позиция: ты сам выбираешь свою судьбу, сам решаешь, уезжать или нет.

— Какова была реакция на ваше назначение палестинцев и Израиля?

— С палестинской реакцией я не знаком. Можно предположить, что она достаточно сдержанная. Реакция израильских представителей — позитивна. Но это никого не удивляет.

— Когда вы работали в ЦК, там был хоть один еврей?

— „Половинки“ были. Насчет „единиц“ я не уверен, надо посмотреть архив отдела кадров.

— На высоком уровне как-то проявлялся антисемитизм?

— Не слышал, трудно такое представить.

— Ну, не на заседаниях, а на охоте?

— Я не ездил с начальством на охоту. Там же, где я бывал, такого не слышал. Мне кажется, демонстрировать антисемитские настроения, говорить о них вслух считалось плохим тоном».

Как видите, я довольно расплывчато представлял, чьим же по ослом мне предстоит быть. Но тут все быстро встало на свои места. Хуже было с журналистской привычкой размышлять вслух. В МИДе молчание не только золото, но и карьера. О чем — после очередного интервью — мне шепотом сказали. Но с золотом в МИДе была напряженка. А из карьеры я давно вырос. Так что в удовольствии поболтать с журналистами себе не отказывал.

Получив сшитый на мою нестандартную фигуру посольский мундир, я 18 декабря загрузился в самолет «Аэрофлота».

Посольство и посол

В Израиль тогда советские самолеты не летали. На рейсы других авиакомпаний нужна валюта, коей не было. Поэтому долетел я до Каира. Оттуда на машине через Синайский полуостров. Так что въехал в Тель-Авив, как здесь писали, с черного хода.

Как условились, вручение верительных грамот назначено на 23 декабря.

Почему-то говорят и пишут: верительные грамоты, то есть во множественном числе. Хотя бумага, документ, грамота — она одна. Привожу полностью:

***ПРЕЗИДЕНТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК М. С. ГОРБАЧЁВ***

***ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ХАИМУ ГЕРЦОГУ
ПРЕЗИДЕНТУ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ***

Ваше Превосходительство,

Следуя политике укрепления сотрудничества между народами и желая способствовать развитию дружественных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Государством Израиль, я решил назначить при ВАС ГРАЖДАНИНА Александра Евгеньевича БОВИНА в качестве своего Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Аккредитуя гражданина Александра Евгеньевича БОВИНА настоящей грамотой, прошу ВАС, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, принять его с благосклонностью и верить всему тому, что он будет иметь честь излагать ВАМ от моего имени и от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

(М. Горбачев)

Скрепил (Э. Шеварднадзе)

Министр Внешних Сношений СССР

Москва, Кремль

11 декабря 1991 года

Вот эту грамоту я и вручил президенту Израиля. Выпили шампанское. Мило побеседовали. Договоренность была такая: до 30 декабря я представляю Советский Союз, после — Россию.

Все было как положено. Мотоциклисты, почетный караул, красный ковер. И весь я в черном мундире с золотым шитьем. Ну прямо как швейцар в пятизвездочном отеле.

Торжество, праздник. А на душе кошки скребли. Последний раз поднимался красный флаг. Последний раз играли наш гимн. Последний посол погибающей великой империи.

Внутреннюю напряженность разыгрывавшейся сцены чувствовали многие.

«Одно из ярких впечатлений 91-го года, — писал вечный диссидент (и у нас, и у них) Владимир Свирский, — вручение верительных грамот президенту Израиля послом Александром Бовиным.

Я издавна уважаю Бовина, как, впрочем, всех, кто так или иначе „бодался с дубом“. Занятие это только на первый взгляд кажется бессмысленным и бесперспективным.

Церемонии, подобные той, о которой идет речь, вообще представляются мне своего рода бутафорским атавизмом. А к этой примешивалось еще нечто фантасмагорическое.

Я наблюдал за ней по телевидению. Появляется посол, напоминающий облаченный в мундир самовар, — вот уж кому генеральство — а должность-то генеральская, и мундир генеральский — как маршалу Язову балетная пачка. Чувствуется, что Бовин и сам это понимает и мечтает только о том, чтобы поскорее облачиться в привычную рубашку.

Бовин — посол! Да где?! В Израиле! Какой фантаст мог такое предсказать еще пять лет назад?

Верительные грамоты подписаны человеком, уход которого уже предрешен. Поднимается флаг уже несуществующего государства — ну

разве не фантазмагория! Раздаются начальные аккорды уже мертвого гимна — последнее официальное исполнение. Оркестранты, вероятно понимая трагикомическую значимость момента, стараются изо всех сил».

* * *

В еженедельнике «Знак времени» от 27 декабря говорилось: «Александр Бовин — посол несуществующего государства, вручение им верительных грамот — самое фантастическое событие в истории дипломатии».

Приятно войти в историю дипломатии. Не менее приятно войти в историю поэзии. Меня ввел туда Анатолий Добрович, сочинивший «Сонеты Бовину»:

I

Любезный Александр, какая радость: Бовин!
Усилится одышка в центре склок.
С Россией диалог во сне лишь полюбовен,
Но «оскорбленному есть чувству уголок».
В харчевне, где б хозяин приволок
Нам пива, и маслин, и мяса из жаровен,
И левантийских всяких там хреновин,
Чтоб шел еврейско-русский диалог,
Как разговор, прервавшийся вчера,
В котором чувствуешь: политика — игра,
И нации — игра, и разница в широтах,
А не игра — такие вечера,
Свой человек, большущий, как гора,
И жемчуг мысли в общих нечистотах.

II

В посольском кабинете день-деньской,
Но ранним утром — этакое диво:
По влажному бульвару Тель-Авива
Пройтись, как от Никитских до Тверской.
Нет-нет, повеет нашею Москвой...
Гляди, она сместилась прихотливо
На Юг, ее украсила олива,
Пророков гомон, ветерок морской.
А вдруг и вправду есть такой распил,
Где линии судеб нерасторжимы,
Хотя встают и падают режимы?
За это я б чего-нибудь распил...
Но, господин посол, державной чести школа
Диктует лишь поклон в пределах протокола.

Поэзия примирила меня с прозой. Разговор, прервавшийся, к сожалению, не вчера и не позавчера, надо было начинать снова...

* * *

Не все встречающие ограничивались «поклоном в пределах протокола». Далеко за рамки протокола вышли советы, которые дал мне лидер «русского» Израиля Натан Щаранский^[24]. 3 января 1992 года в «русской» газете «Время» было опубликовано письмо Щаранского:

«Уважаемый господин посол, барух ха-ба, добро пожаловать в Израиль!

Должно быть, Вы ощущали некоторую неловкость в тот день, когда вручали верительные грамоты нашему президенту. Слушая советский гимн, слова которого — „Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь“ — нам с Вами так хорошо знакомы, Вы не могли не сознавать, что это — последние мгновения того самого „навек“.

Тем не менее Ваше положение более прочно, чем могло показаться. Верительные грамоты, подписанные уходящим в отставку президентом Горбачевым, были чистой формальностью. Но в то же время Вам выразил доверие куда более надежный и последовательный в своих действиях человек — моя мама.

„Бовин? Посол в Израиле? — сказала она. — Прекрасный выбор! Кажется, это был единственный советский журналист, который не обливал грязью тебя и других диссидентов“.

Моя 83-летняя мама, должен заметить, — явно не тот человек, который с легкостью вручает верительные грамоты.

Однажды такого рода грамоту безуспешно пытался получить от нее в Москве кагэбэшник „по особо важным поручениям“. Он надеялся, что ее письмо поможет ему добиться аудиенции у меня, одиноко царствовавшего в карцере Чистопольской тюрьмы. Но мама, зная, что я дипотношений с КГБ не поддерживаю, в письме ему отказала, лишившись тем самым и возможности послать продукты и приветы с воли сыну. Вот почему выражение ею Вам доверия — дело нешуточное.

Сейчас, когда у Вас есть новый лидер, новый флаг и признание моей мамы, настало время идти вперед и улучшать отношения между нашими странами. И начинать надо, естественно, с того, что каждая сторона чистосердечно покается в грехах прошлого и постарается загладить обиды, нанесенные другой стороне.

С Вашей стороны мы были свидетелями разрыва отношений и усилий поставить вне закона Израиль и сионизм, передачи оружия нашим врагам, финансирования и подготовки террористов, нападавших на наших граждан. Ну и, конечно, последовательная политика дискриминации и насильственной ассимиляции советских евреев.

Я в порыве самоочищения честно пытался проанализировать все прегрешения, которые наша страна совершила по отношению к Вашей. И нашел, наконец, одно: в

1956 году агенты МОССАДа выкрали экземпляр секретной исторической речи Хрущева и передали его западной прессе.

Господин посол, я готов использовать все свое влияние, чтобы убедить правительство моей страны больше никогда не красть тексты речей Ваших руководителей. Надеюсь, Вы тоже признаете былые ошибки Вашей страны в отношениях с нами и предпримете усилия для их исправления.

Впрочем, важность прошлого в его влиянии на будущее. Обновленная Россия пересматривает свои отношения со всеми народами и должна сформировать новое отношение к евреям, не повторяя ошибок прошлого.

В скором времени Вы узнаете, что израильтяне обожают давать советы. Следующая часть моего письма — это советы.

Не закрывайте перед советскими евреями ворота. Не превращайте их вновь в заложников или предмет торговли. В условиях острой нужды в устойчивой валюте это может показаться соблазнительным. Но если из шести лет гласности можно извлечь хоть один серьезный урок, он заключается в том, что даже частичная свобода возбуждает аппетит к полной. Точно так же частичное порабощение невозможно без возврата к полному тоталитаризму брежневской эпохи.

Отнеситесь серьезно к ширящемуся антисемитизму. Разочарование, голод и отчаяние приводят к поискам козла отпущения. Вы можете списать эту реакцию на демократические права граждан. Но обязанность демократического правительства, в частности, — обращать внимание на деятельность групп, угрожающих демократии, и ограничивать их влияние.

Когда пять лет назад президент Хаим Герцог почувствовал, что действия одной из политических партий Израиля угрожают демократическим правам национальных меньшинств, он использовал всю предоставленную ему власть, чтобы изолировать эту партию и свести к минимуму ее влияние. В то же время президент России пока не выступил с какими-либо критическими замечаниями в адрес

„Памяти“, доктрина которой является колоссальной угрозой и для евреев, и для демократов в России.

Постарайтесь стать честным посредником в мирном процессе на Ближнем Востоке. Моральное право страны, веками проводившей политику экспансии и захватившей территории у всех своих соседей — от Финляндии до Японии, требовать от Израиля „отступить со всех фронтов“ и „возвратить территории их законным хозяевам“, как сказал на конференции в Мадриде бывший министр иностранных дел СССР, — более чем сомнительно.

Ваше место сопредседателя мирной конференции — это следствие вашей ядерной мощи; и это место вы будете занимать по праву только в том случае, если перестанете вооружать ближневосточных диктаторов. Вы ведь хорошо знаете из собственного опыта, что не так важны цели, официально провозглашаемые тоталитарными режимами; в действительности вся их мощь направлена на то, чтобы удовлетворить амбиции диктатора. Оружие, которым вы их снабжаете, никак не может содействовать мирному процессу.

Не пытайтесь использовать Израиль как арену для своей пропаганды. Шестистам тысячам советских граждан, приехавшим сюда за последние двадцать лет, бессмысленно рассказывать сказки, и именно они — лучший из всех возможных щитов против таких попыток. Но эти же 600 000 человек могут быть использованы как мост в отношениях с Западом. Их знание вашей экономики и понимание ситуации, помноженные на опыт, полученный при освоении западных технологий, могут быть применены с обоюдной пользой.

Деловые связи помогут вам в модернизации экономики, а торговля между нашими странами снабдит вас продовольствием, одеждой и другими потребительскими товарами. Мы же с удовольствием купим у вас лес, уголь и нефть.

Надеюсь, что, памятуя обо всем этом, господин посол, Вы оправдаете доверие, оказанное Вам моей мамой.

Искренне — Натан Щаранский».

Позже мы неоднократно встречались со Щаранским. Нас объединяло общее неприятие галстуков. Он никогда не вспоминал об этом письме, которое показалось мне бестактным. Правда, друзья его говорили: брось, не обращай внимания, у каждого свои комплексы...

И чтобы кончить тему «меня встречают», приведу заметку «Кресло для посла» из еще одной «русской» газеты «Новости недели» (20.01.92):

«Гости и хозяева Иерусалимского культурного центра выходцев из бывшего СССР были несказанно удивлены и польщены, когда у дверей здания остановился лимузин и из него вышел посол России в Израиле.

„Я пришел посмотреть фильм“, — сказал Александр Бовин.

„Прекрасно! Заходите, располагайтесь“, — любезно пригласил гостя художественный руководитель центра Виктор Фишер, указывая на ряд кресел.

Бовин улыбнулся и попробовал присесть. Однако не тут-то было! Могучее тело посла никак не вмещалось в стандартное театральное кресло.

После минутного замешательства Фишера осенило: он снял перегородку между двумя креслами, и Бовин со вздохом облегчения уселся.

Служащие решили сохранить „посольское кресло“ для последующих визитов русского дипломата в их центр».

Все это выглядит очень мило. Но — шалости «свободной» прессы. В центре этом я бывал неоднократно. В кресла вписывался без проблем. Просто журналисты решили порезвиться. Благо моя корпуленция дает к этому основания.

* * *

Чтобы сбросить давление, распивавшее журналистов, в январе — феврале я устроил несколько пресс-конференций. Все внешнее обилие вопросов укладывалось в три, пожалуй, темы.

Первая. Что происходит в России?

Эту тему мы в данной главе обсуждать не будем.

Вторая. Что вы думаете о мирном процессе? Чего хочет Россия? Вы верите в возможность достижения прочного мира?

Обо всем этом обстоятельно поговорим позже.

Третья. Вам не боязно браться за дело, которым вы никогда не занимались? Или: не кажется ли вам, что в таких сложных «точках» полезнее был бы дипломат-профессионал?

Вот с этой темы мы и начнем.

Конечно, смена профессии, переход на работу, которой раньше вплотную не занимался, направление в «сложную точку» переживались не просто. Но слово «боязнь» здесь не подходит. Я долгие годы был потребителем продукции, которую выдают послы. Я знал слишком многих послов, а некоторых — даже хорошо. И поэтому не видел оснований для боязни.

Беспокоило другое: дать качество, в минимальный срок развернуть посольство, создать работоспособный коллектив, сделать посольство заметным в Израиле.

Успокаивал себя тем, что посольство — как, например, Театр на Таганке или банк «Русский кредит», как Усачевские бани или концерт «Панинтер» — нормальная иерархическая, бюрократическая структура, где принимаются сигналы на входе и выдаются на выходе, где есть вертикаль подчиненности и распределение функций. Жизнедеятельность любой организации такого типа давно предопределена бессмертными законами Паркинсона и законами Мэрфи.

Не могу удержаться.

Бритва Хэнлона: не усматривайте злого умысла в том, что вполне объяснимо глупостью.

Второй постулат большого пальца: простая и приемлемая ложь полезнее сложной и непонятной истины.

Первое правило неполноценности начальства: не давайте понять своему начальнику, что вы — умнее.

Закон Конвэя: в любой организации всегда найдется человек, знающий, что там на деле происходит. Его-то и надо уволить. Таким образом, чтобы успешно руководить любой конторой, будь то посольство или министерство, надо лишь знать (чувствовать), к какой ситуации применима та или иная максима. Не уверен, что я всегда чувствовал (знал) это, но всегда стремился к этому.

Бюрократические структуры отличаются друг от друга по разным параметрам. Но главный — конечная продукция.

Конечная продукция посольства — анализ того, что происходит в «стране пребывания» (на мидовском аргю так называют страну, где аккредитован посол), и рекомендации относительно того, что лучше бы сделать или что лучше бы не делать. Качеством анализов и рекомендаций определяется качество работы посольства.

Здесь я не видел больших трудностей, поскольку последние тридцать лет в основном занимался анализом самых различных сюжетов и, если спрашивали, давал советы.

Нет, ошибаюсь, трудность была. Раньше я, как правило, имел дело с непосредственным потребителем анализов и советов. Это предполагало живой обмен мнениями и, если нужно, рабочую корректировку. Теперь же между посольством и конечным потребителем (министром, а иногда и президентом) существовал механизм оценки посольской продукции. Механизм — это люди: Иванов, Петров, Сидоров. И я далеко не всегда был убежден, что они в состоянии отделить важное от второстепенного.

Одно время, чтобы повысить качество продукции, ввели такой порядок. Если информацию докладывают президенту, ставится литер «А». Если министру — литер «Б». И в конце каждого месяца нам сообщали, сколько кто заработал. Или радуйся, или рыдай, но исправляйся. Подымай качество до президентского уровня. Сначала мы, то есть те, кто пишет, переживали. Потом собрались как-то, поговорили, оценили способности Сидорова и Петрова и решили не расстраиваться.

Процентов на девяносто информация состоит из ежедневных шифрограмм. Можно писать тематические справки. Более серьезный жанр — политические письма. Помню, месяц отпуска потратил на такое письмо. Заранее предупредил министра (уже Примакова). Послал ему. Как говорится, ни гугу! Больше писем не писал. Раз в год сооружаются политические отчеты. Итоги года и предложения. Для сотрудников посольства — нужная, полезная работа. Позволяет оторваться от ежедневной суеты и внимательно посмотреть: что же сделано, где слабые места, куда вести дело.

Важная проблема — источники информации.

Повседневная жизнь страны пребывания наиболее полно отражалась в СМИ. И посольство активно пользовалось ими. Но для МИДа это было слишком пресно. Нынешние телебоссы используют понятие «статусность». Если в передаче участвует кто-то из начальства, со статусностью порядок. Так и в МИДе. Высоко ценятся ссылки на руководителей. У меня здесь почти не было проблем. С президентом и премьером виделся и обстоятельно беседовал несколько раз в году. С министрами иностранных дел иногда случались осечки: выражая свое мнение по какому-либо поводу, они могли мурыжить меня неделями. Но это редко бывало.

Беда тут в том, что статусность источника не гарантирует статусности информации. Президенты и премьеры говорят обычно общеизвестные, банальные вещи. Чтобы получить важные сведения, надо спуститься на пару уровней ниже. Но статусность пропадает. Приходилось крутиться.

Поскольку журналиста из меня вытравить уже было невозможно, то я мотался по стране, бывал там, куда послы не заглядывают, встречался с «народом». Именно это позволяло держать руку на пульсе страны пребывания.

В общем, если подвести черту под производством посольской продукции, то оно сводилось к

- получению правильной, неискаженной картины происходящего,
- выявлению господствующих тенденций и
- подготовке практических рекомендаций.

Все это принимало товарный вид, лишь будучи облачено в добротную литературную форму.

Мое прошлое и как журналиста, и как консультанта позволило мне более или менее быстро освоить весь производственный цикл. Конечно же мне помогали настоящие дипломаты, многие из которых легко ориентировались в проблематике страны пребывания, имели широкий круг связей и умели грамотно выразить свои мысли на бумаге.

Единственное, что было обидно: раньше я писал для 10 миллионов, а теперь — только для 10 человек. Но — временно...

* * *

Гораздо больше нервов, энергии, настырности, «дипломатических способностей» потребовало создание работоспособного коллектива, точнее — создание нормальных условий для работы и отдыха такого коллектива. И хотя мне уже приходилось бывать начальником и я был знаком с законами Паркинсона и Мэрфи, первые два с лишним года пришлось положить на дела хозяйственно-организационные.

Долго утрясали штаты. МИД мог предложить только арабистов. С большим трудом, но удалось добыть двух ученых, специалистов по Израилю. Удалось сдержать натиск спецслужб; работа нужная, но только в меру. И не для того, чтобы присматривать за сотрудниками посольства. Относительно лиц еврейской национальности в составе посольства мне мои новые друзья в израильском МИДе сказали:

— Делай, конечно, как хочешь. Но только не надо демонстраций. У нас своих евреев хватает, пусть в русском посольстве работают русские. Тут нет никакой проблемы.

И я согласился.

Генеральное консульство, которое теперь разворачивалось в посольство, арендовало несколько комнат на 15-м этаже высотного здания, именовавшегося «Дом текстиля». Неудобно. Тесно. Огромные очереди, вызывавшие недовольство окружающих и хозяина.

Нужно было решить несколько задач.

Во-первых, найти помещение для посольства. Принцип: каждый дипломат сидит в отдельном кабинете. В подвале должны быть спортзал и сауна.

Во-вторых, следовало разъединить, развести по разным зданиям посольство и консульство. Чтобы не мешали друг другу. Одновременно нужно было расширить фронт проведения консульских операций.

Дело в том, что консульство являлось *alma mater* посольства. Москва нас не финансировала. Мы жили за счет денег, которые зарабатывало консульство. Больше того. В критический период мы — по указанию МИДа — переводили деньги в другие посольства.

Визы у нас стоили дорого. Но, как ни давили израильтяне, посольство держалось. Все хотели вовремя получать зарплату.

Чем больше услуг мы окажем, тем больше денег. Арендовали более вместительное помещение. Из жен сотрудников создали дополнительное консульское подразделение. И жены оказались при деле и зарплате. И доходы увеличились.

Для посольства подобрали недостроенное здание в центре Тель-Авива рядом с морем. Здание достроили по нашим чертежам. Здесь, как и у нас, действовал закон Хеопса: ничто не строится в срок и в пределах сметы. Но все-таки построили.

Вместе со зданием решалась и проблема оперативной связи. До этого, чтобы послать шифрограмму, надо было или лететь в Никозию, или ехать в Каир. Актуальная информация прокисала, указания из Москвы запаздывали. Теперь у нас была своя референтура, своя связь.

Нет плюсов без минусов. В Египте продукты стоили заметно дешевле, чем в Израиле. И поэтому каждый почтовый рейс на обратном пути превращался в продовольственную экспедицию. В основном импортировали мясо и мясопродукты. Но не только. Я как-то обрадовал Петровну, купив в египетской деревне ящик настоящих, не тепличных помидоров. Ну почти как с Кубани...

Постепенно решили и транспортную проблему. Каждый дипломат получил в свое распоряжение машину. Плюс микроавтобус, на котором наши младшие «братья по разуму», технические работники, ездили на экскурсии, на рынок, возили детей в школу и из школы.

В силу обстановки иногда обострялась проблема безопасности. Реагировал распоряжением № 15 от 18 марта 1992 года:

«В связи с заметным ухудшением обстановки в Тель-Авиве и в стране в целом, нарастанием количества и масштабов актов террора и других уголовных преступлений, в том числе и в отношении детей, обращаю внимание всех сотрудников посольства и других российских учреждений на необходимость:

— максимально повысить личную бдительность, усилить контроль над обстановкой вокруг служебных помещений, квартир, закрепленных автомашин;

— воздержаться от поездок и выходов в город, не обусловленных служебной необходимостью и разумным удовлетворением бытовых нужд;

— исключить одиночные передвижения в городе женщин и детей;

— в приемные дни ограничить разовый доступ посетителей в приемную консульского отдела семью —

десятью человеками.

Посол России А. Бовин».

В порядке борьбы за безопасность уговорили израильские власти поставить у посольства будку с постовым. Симпатичный дедуля с автоматом честно дежурил с 9.00 до 19.00. Поставили будку и у въезда в резиденцию. Там солдаты были помоложе. Приглашали в будку девушек, загорали на травке, собирали орехи, даже иногда плавали в бассейне.

В общем, ЧП не было. Дважды мне, правда, угрожали по телефону. Один раз воры забрались ночью в резиденцию. Обчистили квартиры двух или трех дипломатов. Терпимо.

Мне настойчиво рекомендовали взять офицера безопасности. Отказался. Безопасность он все равно бы не обеспечил. Слонялся бы без дела, раздражая людей...

* * *

Беда любого заграничного, то есть замкнутого на себя, коллектива — сплетни, склоки. Причины, поводы разные. Надоедает смотреть на одни и те же физиономии. Низкая культура, низкая зарплата — это в первую очередь относится к техническому персоналу — усиливают раздражительность. Ссоры возникают и среди дипломатов, но особенно опасная зона — пересечение дипломатов с младшими «братьями по разуму». Взрывы эмоций, почти смертельные обиды сопровождали распределение премий. Комиссия распределяла их не формально, не по должностям, а по количеству и качеству труда. А ведь никто не считает, что он работает хуже другого.

Я, естественно, старался снижать «склокоемкость». Раньше это называлось воспитательной работой. Кое-что удавалось. «У нас не террариум!» — с гордостью прозвучало на одном из собраний.

Это верно. И это относительно. Приходилось читать Леонида Мартынова:

Это мы,
Все мы вместе,

В домах, водоемах, гнездовьях,
Зачастую еще пожирая друг дружку живьем,
Это мы
Надышали пастями и ртами
Свой воздух,
Это мы
Создаем атмосферу,
В которой живем...

От повышенной склочности отчасти спасало нас и то обстоятельство, что сотрудники посольства жили не в одном дружном коммунальном доме, а снимали квартиры, где кто хочет (в пределах выделяемой суммы). Уходя из посольства, люди как бы растворялись в большом и явно не нашем городе. Нельзя было фиксировать, кто к кому пришел и когда ушел. Но именно это тревожило энтузиастов бдительности. Они пытались подвигнуть нас на строительство жилого дома. Я хитрил. Искали участки. Вели переговоры. Составляли бумаги. И куда-то все испарялось. Стремление к свободе переигрывало стремление к бдительности.

А в целом народ подобрался неплохой. На меня тоже сначала смотрели вопросительно. Потом сработались. Я сторонник творческой дисциплины. Сделал хорошо и в срок свое дело, значит, можешь не просиживать штаны в кабинете. Настаивал на том, что каждый дипломат, которого судьба забросила в Израиль, должен увидеть вырубленную в скалах Петру в Иордании, монастырь Святой Екатерины на Синае и пирамиды под Каиром. К строгостям почти не прибегал. Ругался редко. В общем, разделяя заблуждение многих чиновников, я считал себя хорошим начальником. Хотя не утратил способность понимать, что у подчиненных вполне может быть другое мнение.

Чуть не забыл. К вопросу о воспитательной функции посла. Где я точно потерпел поражение, так это вежливость, самая элементарная вежливость. Не внутри посольства. А в отношениях с израильтянами, с посетителями. Я начинал работать, когда посольство было в одном помещении с консульством. И, сидя в своем кабинете, я мог слышать разговоры за стенами кабинета. Это напоминало классический советский магазин и обмен репликами между продавщицей и очередью.

Принцип: «Вас много, а я...» Тональность соответствующая. А ведь дипломаты, МГИМО кончали...

Мне даже неловко было говорить на эту тему. Но говорил, увещевал...

Потом посольство и консульство территориально разделились. Сам я не мог уже слышать. Но люди приходили, жаловались. Но тут общее правило: не пойман — не вор. А поймать невозможно. Коллега не выдаст, а посетитель никогда не прав. Меня так успокаивали:

— Да поймите вы их. Целый день в суете, нервозности, цейтноте, так хоть выскажется, и вроде полегчает... И потом, евреи же — они нахальные такие, приставучие, доводят, трудно сдержаться.

От таких успокоений самому хочется сказать что-нибудь фигуральное...

Методы сплочения коллектива давно отработаны. И я пошел по накатанному пути.

УВЕДОМЛЕНИЕ

В субботу 18 октября с. г. в 12.00 в резиденции посла России в Израиле (Савьон, ха-Ноф, 18) начнется дружеская встреча, посвященная 1-й годовщине восстановления дипломатических отношений между СССР и Государством Израиль.

Приглашаются все сотрудники посольства, включая жен, детей, внуков, родителей, бабушек и дедушек.

Форма одежды — для пикников.

ПОРЯДОК ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ

1. Салатно-закусочная часть готовится на добровольно-индивидуальной основе и доставляется в резиденцию к 12.00.

Координатор — В. Смирнова.

2. Пиво-вино-водочные изделия, а также б/а напитки привозятся индивидуально из расчета (0,5+1) л на взрослого человека.

Координатор — А. Сушко.

3. Мясо-мангальная часть — за счет администрации.
Ответственный — П. Каландадзе.

4. Десерт — за счет администрации.

5. Музыкальная часть — Л. Снопов.

6. Дежурные ОСВОДа — все мамы.

7. Культурник — А. Кузнецов.

8. Охрана — Ф. Мясников.

9. Команда по заметанию следов — Н. Афиногенова, Е. Колбнева, М. Новикова, А. Семенова.

10. Общее хозяйственно-финансовое обеспечение — В. Щедров и В. Колбнев (или В. Колбнев и В. Щедров).

11. Мать-командирша — Л. Бовина.

Гуляли напропалую. Даже часть воскресенья прихватили. Каждый год не получилось. Собирались через год.

А последний раз нарушили график и изменили повод: праздничное гулянье по случаю отъезда посла было 8 мая 1997 года.

В приглашении говорилось: «Просьба иметь хорошее настроение и хороший аппетит. Работает бассейн. По газонам ходить!»

* * *

О моем настроении не перед отъездом, а в конце первого года службы свидетельствует письмо Лукину, уже послу в Вашингтоне.

«Дорогой профессор!..

Тут все в норме. Пожинаю... Создаю образ дипломата новой, демократической России. Хотя не уверен, что нынешним мидороссиянам это нужно.

Часто езжу по стране. Благо все рядом. Беседуем „за жизнь“. Почти миллион „наших“. Фантастика!

Нет твердой почвы под ногами — вот беда. Шелова-Коведяева уже прочили на мое место. Но, пишут, он отказался. В здешнем обозе была тихая паника. Я говорил: „No comments“. Что дальше — не знаю. И негде получить опережающую информацию — везде новые люди.

О Б. Н. рассказывают чудовищные вещи. Не хочется верить...

Видел, как ты хлопал Гайдару. Не Кольбер, конечно, и не Эрхард, но что уж есть. А теперь, боюсь, собьют его с панталыку. Хотя, судя по моим контактам с провинциальными лидерами (Урал, Сибирь, ЦЧО etc), свет таки забрезжил в конце тоннеля.

Страдания людей неизбежны. Вопрос в том — сжать ли период мутаций до семи — десяти лет или растянуть лет на двадцать — тридцать. И чем дольше, тем больше шансов на консолидацию всякой неодряни. Тем более что Россия — это редуцированный Союз, и кроме Беловежской Пущи могут быть и другие.

Кстати, передай привет Фукуяме. Пусть напишет „Начало истории“. Так оно верней. А нам можно испытывать „чувство глубокого удовлетворения“ — опять впереди Россия.

Сегодня утром говорил с тобой по телефону. Спасибо за быструю реакцию на мой казус.

Самое паршивое в любой дипломатической глухомани (даже американской) — отсутствие контактов с теми, с кем можно поговорить откровенно. Тебе везет — в Москве часто бываешь. А я за год два раза вырывался.

Есть и плюсы — полный рот новых великолепных зубов.

Старуха держится. Учит английский (я — тоже). Вставляет зубы. Ездит к экстрасенсам. Довольно часто ходим с нею в театры, на концерты, на выставки. Я штудирую Каббалу и Талмуд.

Читаю Бунина:

А будут дни — угаснет и печаль,
И засияет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

Вот так. Организуй там какую-нибудь конференцию по Ближнему Востоку. И чтоб меня пригласили. Обнимаю. Ларисе привет.

Твой Саша».

Посольство, хотя и далеко от Москвы, действует, разумеется, не само по себе, а только как подразделение МИДа. И работа посольства во многом зависит от того, как складываются отношения между послом и его мидовским начальством. Вот в этой части у меня, разумеется, никакого опыта не было. Новых своих начальников я практически не знал. Притирка происходила по ходу дела.

Самое общее итоговое впечатление: МИД не мешал мне работать. Это «заявление» часто воспринимается на уровне сатиры и юмора. Издевается-де, показывает кукиш в кармане... Ни в коем случае! Я говорю совершенно серьезно. Это очень важно, когда не дергают по пустякам, когда не допекают ежедневными указаниями и советами, когда исходят из своего рода «хозрасчетных отношений»: фронт работ определен, задание получено, действуй и отчитывайся по результату.

Сказанное вовсе не означает, что у меня нет претензий к МИДу.

Начну с того, что МИД часто не отвечал на вопросы, которые ставило посольство. Психология «неотвечания» мне понятна: ответить — значит взять на себя ответственность за сказанное (написанное и подписанное). А нормальный чиновник предпочитает ответственность на себя не брать. Так его воспитала советская власть. Лучше помолчать. Глядишь — отстанет.

Ладно, когда ответ нужен послу. Потерпит посол. Но когда ответ ждут другие, становится стыдно.

В Израиле компактно проживает община черкесов (адыгов), оказавшаяся в Палестине после захвата Россией Северного Кавказа. В июле 1992 года руководство общины обратилось к президенту Ельцину с просьбой рассмотреть вопрос о возможности адыгам вернуться на свою историческую родину. Вместе с тем община предложила конкретную программу возрождения национально-культурных связей с Адыгеей. Эти бумаги посольство направило в МИД. И как в воду они канули. Несколько раз приезжали в посольство лидеры общины. Несколько раз мы напоминали Москве — и все без толку.

Или вопрос совсем из другой оперы. В Израиль летают самолеты частной российской компании «Трансаэро». Самолеты «Аэрофлота» летают только до Ларнаки (Кипр). Тем не менее МИД не отправляет сотрудников посольства прямым рейсом, а берет им билеты до

Ларнаки. Это значит — пересадка со всеми ее хлопотами, особенно когда с детьми. Почему? — спрашивали мы тысячу раз. На тысяча первый нам сказали, что существует секретное соглашение с «Аэрофлотом», которое не разрешает МИДу пользоваться услугами «Трансаэро». Мы просили сообщить мотивы такого соглашения. Но не преуспели.

Наконец — Сохнут (Еврейское агентство). В апреле 1996 года Минюст РФ отменил регистрацию Сохнута, поскольку его деятельность не отвечает требованиям законодательства России. В Израиле шум. Мне приходится встречаться с председателем правления Сохнута. Прошу МИД прислать материалы, подтверждающие нашу позицию. Получаю несколько раздраженных фраз. Прошу еще раз. Молчат, как партизаны. Куда это годится?

Еще одна важная тема. Меня коробили нотки некоторой бестактности, покрикивания, которые иногда позволяли себе мидовские чиновники.

Вспоминаю лето 1996 года. Начали готовиться ко второму туру президентских выборов. И тут в Москве как с ума посходили. Почему так мало народу голосует? Звонки. Окрики. Понукания.

Пришлось ответить, что весь этот шум производит странное впечатление. Похоже, что в МИДе есть люди, которые всерьез полагают, будто судьба Ельцина (и России) будет решаться в Израиле. Если такие люди есть, то должен их успокоить: Ельцина выберет президентом Россия. Дальше я объяснил, почему не могу следовать рекомендациям из Москвы. И финишировал: ради бога, не звоните ночью после выборов, не нервнируйте людей. Кому нужна гонка? Аккуратно все посчитаем и сообщим.

Второй эпизод из этого же ряда связан с нашей недвижимостью в Израиле. МИД пытался обойти юридические нюансы проблемы и решить ее политическим путем. Израильтяне на это пойти не могли (или не хотели), и дело затянулось. Мне приходилось вести изнурительные разговоры с израильтянами и выдерживать несправедливые упреки МИДа.

Отвечая Москве, я настаивал на том, что нужно действовать юридически точно, а не заниматься «самодеятельностью». Тут же сердитая отповедь: о какой «самодеятельности» вы пишете, если есть Указ президента России «О государственной собственности бывшего

СССР за рубежом» и распоряжения правительства, коими МИДу поручается вести переговоры. Пришлось разъяснить юристам из МИДа, что указ Ельцина не создает никаких юридических фактов для властей иных государств. А в распоряжениях правительства даже не упоминается главный объект нынешних переговоров — земельный участок на улице Кинг Джордж. В конце своей шифрограммы добавил, что тональность мидовского послания оставляю на совести автора.

* * *

В отличие от бестактностей, которые касались посла и не выходили за рамки узкого круга лиц, бестактности, которые касались Израиля, вызвали шумный резонанс. Классический пример — блиц-визиты в Иерусалим первого заместителя министра иностранных дел России, а затем и самого министра в марте 1994 года. О визитах такого уровня принято предупреждать заранее. Тут или забыли, или не сочли. Во всяком случае, премьер-министр Рабин, по его словам, узнал о визите министра, «слушая радио». Беседуя с представителями Москвы, здесь так и не могли взять в толк, зачем же понадобился этот экспромт. «Дипломатическая небрежность», «оскорбительно покровительственное отношение», — это упражнялись журналисты. Политики выражали беспокойство «раскоординированностью» действий России и США. А если верить тем же журналистам, политики сожалели о том, что «пришлось тратить время на русских». Бестактность стоит дорого...

Поведение моих начальников меня удивило. Но поскольку я представлял все-таки не их, а Россию, то решил прояснить позицию Москвы. 15 марта опубликовал в одной из ведущих газет, «Гаарец», статью «Россия сосредоточивается...»:

«Мне бы хотелось высказать несколько соображений в связи с недавними визитами в Израиль первого заместителя министра иностранных дел России Игоря Иванова и министра Андрея Козырева.

Эти визиты, как мне представляется, было бы разумно рассматривать в русле общей активизации внешней политики России.

Но сначала давайте вернемся на несколько лет назад.

Распался Советский Союз. Рухнула тоталитарно-коммунистическая система. Радикальной критике подверглась советская внешняя политика, которая была функцией конфронтационного пространства и в основе которой лежали имперская идеология и ставка на силу. Новая внешняя политика, внешняя политика посткоммунистической России рождалась в муках, в обстановке хаоса и растерянности. Нигилистическое отношение ко многим традиционным ценностям сопровождалось идеалистическими представлениями о „новом мировом порядке“, где господствуют общечеловеческие ценности и где, как давно известно, „и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их“ (Исаия, II: 6).

Исходя из такого рода представлений, Россия, например, резко сократила продажу оружия (для справки: наша „доля“ в экспорте оружия на Ближний Восток в прошлом году снизилась до 10 процентов). Результат? Суммарный экспорт оружия не сократился. Россия же, к удовольствию своих новых друзей, лишилась традиционных рынков (а значит, и выручки).

Россия отказалась от многих программ производства вооружений и, взяв курс на широкомасштабную конверсию, приступила к расформированию военно-промышленного комплекса. Но, если я не ошибаюсь, наш пример не оказался заразительным, и те же друзья не очень-то торопятся сокращать военные бюджеты, военные программы и вооруженные силы.

В России как-то стали стесняться вслух громко говорить, что она остается великой державой, что у нее есть свои национальные (государственные) интересы и что эти интересы надлежит защищать, используя весь набор средств, не противоречащих международному праву. Результат не замедлил сказаться. В ближнем зарубежье стало считаться чуть ли не признаком хорошего тона „прижать“ русское меньшинство, не принимать во внимание его права и интересы. В зарубежье дальнем (и не очень) возникло убеждение, что Россия перестает быть фактором мировой политики и что ей можно безнаказанно наступать на больные мозоли. И наступали...

Так было. Но так не должно быть, и так не будет.

Совсем в другое время и по другому поводу светлейший князь Александр Горчаков, который двадцать шесть лет возглавлял МИД

России, в циркулярной депеше, направленной во все российские посольства, написал свою знаменитую фразу: „Россия сосредоточивается“. Вот именно. Нынешняя Россия тоже сосредоточивается. Это ни в коей мере и ни в коем случае не означает возврата к имперским замашкам. Это означает, что внешняя политика России становится более активной, а защита ею своих внешнеполитических интересов — более энергичной.

Предвижу вопрос: ради каких интересов русские высокопоставленные дипломаты появились в Израиле? Или, если говорить в более широком плане, что влечет Россию в Израиль, каковы ее интересы в этом регионе?

Отвечая на эти вопросы, я мог бы напомнить, что первый русский паломник (игумен Даниил) появился на палестинской земле в 1106 году, что еще в прошлом веке в Иерусалиме возникли „русское подворье“, Русская духовная миссия, русские монастыри и что в начале нынешнего века в Палестине, Ливане и Сирии под эгидой Российского Православного Палестинского общества работали более ста школ. И теперь, когда Русская православная церковь становится самостоятельным фактором российской действительности, нити, связывающие историческую родину христианства с Московской патриархией, а следовательно, с новой Россией, будут умножаться и крепнуть.

Я мог бы напомнить и о том, что в Израиле живут сотни тысяч человек, думающих и говорящих по-русски. И хотя для многих из них Россия была не матерью, а мачехой, они принадлежат и еще долго будут принадлежать русской культуре. Несомненно, значительная группа израильтян российского происхождения способствует росту взаимопонимания между Россией и Израилем, расширению областей взаимовыгодного сотрудничества.

Гуманитарный срез интересов России в Израиле не играет, разумеется, значительной роли в контексте актуальной политической проблематики. Политика, как считают политики, „главнее“ истории и культуры. Но „главнее“ только в каждый данный момент. С точки же зрения исторической перспективы интересы гуманитарного характера могут перевешивать интересы политические. Вот почему, пытаясь разглядеть контуры „Нового Ближнего Востока“, я начал с того, о чем политики обычно вспоминают в последнюю очередь.

Если же, как и положено, начать с очереди первой, с интересов приоритетных, то ими для России являются, во-первых, установление прочного, всеобъемлющего, справедливого мира на Ближнем Востоке и, во-вторых, налаживание хороших добрых отношений со всеми государствами региона. Будучи одним из коспонсоров мирного процесса, Россия, опираясь на свой опыт, на свои традиционные связи, на искусство своих дипломатов, стремится помочь сторонам сблизить позиции, найти баланс взаимных уступок, обозначить поле устойчивых компромиссных решений. Россия, как, надеюсь, и США, не имеет намерения навязывать кому бы то ни было свою точку зрения. Задача коспонсоров иная. Используя свое влияние, обеспечить, с одной стороны, сохранение мира на время переговоров, а с другой — продолжение переговоров, несмотря на возможные кризисные, критические ситуации.

Понятно, что те обстоятельства, о которых я писал выше, существенно сдерживали внешнеполитическую активность России. Да и сегодня наличие вооруженных конфликтов в ряде стран СНГ, огромные трудности в становлении демократического общества, осуществлении демократических преобразований отвлекают МИД России от традиционных направлений внешней политики. Тем не менее и в Мадриде, и после Мадрида российская дипломатия была заметным участником ближневосточного урегулирования. Недавние визиты нашего министра и его первого заместителя — еще одно подтверждение этого. Некоторых смущает „неожиданность“ визитов, но ведь и события в Хевроне были неожиданными...

Хотелось бы подчеркнуть, что Россия ни в коей мере не хочет „соревноваться“ с Америкой на почве ближневосточного урегулирования. Насколько я могу себе представить, на принципиальном, стратегическом уровне деятельность коспонсоров достаточно скоординирована и, я надеюсь, останется таковой.

У коспонсоров общая цель и общий, принятый в Мадриде, подход к достижению этой цели. Однако это вовсе не исключает, что в таких общих рамках каждый коспонсор может предлагать свою интерпретацию событий, выдвигать для обсуждения свои предложения и инициативы. Формулируя какую-либо новую идею, Россия всегда открыта для восприятия и обсуждения других идей.

Замечу, кстати, что в Москве вполне осознают, что коспонсоры занимают асимметричное положение и что у США больше возможностей влиять на позиции сторон, на ход переговоров, чем у России. Нас это ни в коей мере не смущает. Ради бога! Лишь бы эти возможности использовались во имя достижения справедливого мира. В Москве сознают и то, что отношения между Израилем и США имеют специфический, особый характер, ибо США выступают как гарант безопасности и выживания Израиля. И опять же — ради бога! Как-то даже неловко писать о том, что у России нет ни малейших намерений покушаться на прочность израильско-американских связей.

Мне приходилось читать, что нервозность, с которой в Вашингтоне встретили миссии Иванова и Козырева, была усугублена недавним казусом с О. Эймсом, а также позицией России в балканском конфликте. Возможно. Но скорее всего, журналисты преувеличивают. Оснований для беспокойства нет. В самом деле. Если у нас был Пеньковский, то почему бы у них не быть Эймсу? Тут ситуация была и остается симметричной. Если ЦРУ и СВР сохраняются, то они должны чем-то заниматься, хотя и более цивилизованно, чем прежде.

Что же касается Балкан, американцы, безусловно, знакомы с географической картой и, наверное, знают о традиционных связях России со славянством, о роли России в освобождении Балкан от ига Османской империи. Так что они вполне могут понять особый интерес России и особый характер ее отношений с Сербией. Во всяком случае, в Москве стремятся с максимальным вниманием относиться к интересам США, равно как и к интересам Израиля, к интересам других участников мирового сообщества. Разумеется, *facio ut facias*.

Боюсь, я выхожу за рамки своей компетенции, но полагаю, что Россия, имеющая свое видение международных проблем, свои интересы, не всегда будет покладистым партнером, но всегда будет партнером честным и надежным. Рассказывают, что, беседуя с Голдой Меир, Р. Никсон так сформулировал свой „категорический императив“ применительно к международной политике: „Делай другому то, что он может сделать тебе“. К чему Г. Киссинджер позже добавил: „Плюс еще десять процентов“. Что же касается России, то я бы держался ближе к библейскому тексту: „Не делай России то, чего ты не хочешь, чтобы она сделала тебе“.

Вот, пожалуй, и все, что стоило бы сказать в связи с недавними „недоумениями“ по поводу „вмешательства“ России в мирный процесс».

Сегодня (пишу эту страницу 24 июля 2002 года) эта статья кажется мне слишком «державной». Возможно, меня просто «достали» причитания и вселенский плач израильских обозревателей и наблюдателей. Возможно, «синдром державности» обязателен для психологии посла. Работа такая. Незаметно для меня самого имперская психология подчинила себе либеральную логику «шестидесятника».

Объективно же статья сработала по принципу «Вызываю огонь на себя!». Обсуждали с аппетитом. Но так и не решили — то ли Бовин блефует, прикрывая дымовой завесой пустое место, то ли он плетет словесные кружева, чтобы прикрыть неумело высунувшееся начальство. Итоги дискуссии подведу словами из еженедельника «Окна» (31.03.94): «Видеть во всем коварные российские козни было бы чересчур параноидально; но не считаться с такой возможностью было бы слишком наивно. Всегдашний израильский мучительный выбор — пройти между иррациональной паранойей и рациональной наивностью».

* * *

Козырев при мне был в Израиле три раза, Примаков — два. Но ни разу ни один из них не выразил желания встретиться и обстоятельно поговорить с дипломатами. Ответить на их вопросы. Дать им возможность посидеть в одной комнате с министром, ощутить некую корпоративную общность. Да, всегда напряженный график. Да, всегда дефицит времени. Да, иногда почему-то хочется просто поспать. И все-таки самые элементарные соображения должны были привести министров в посольство.

Но соображений не было. Были министры и были бегающие вокруг человечки. Челядь разной категории. Непривлекательная картина...

Возвращаясь к вопросам, от которых мы начали танцевать, могу сказать, что при прочих равных конечно же руководитель-профессионал предпочтительнее самоучки. На любой работе, включая

посольскую. Но только, подчеркиваю, при прочих равных. А поскольку прочих равных, как правило, не бывает, поскольку общие принципы руководства и функционирования иерархических структур не зависят от их функций, то открывается возможность появления непрофессионалов. Отсутствие профессиональной подготовки компенсируется опытом, знаниями, общей культурой. И, несмотря на трудности и проблемы, которые я описывал выше, непрофессионалы могут выжить.

Замечания по работе посольства поступали крайне редко. Лишь однажды за шесть с половиной лет мы подверглись развернутой критике:

— поступающим из посольства материалам не хватает аналитичности, глубины;

— посольство слишком часто доверяет публикациям прессы, заявлениям израильских деятелей, которые делаются из конъюнктурных соображений;

— ощущается дефицит критического осмысления израильской аргументации, ее объективного анализа с точки зрения российских интересов;

— не чувствуется достаточно энергичной работы по продвижению российских позиций, оказанию влияния на израильтян в нужном для нас направлении;

— сообщения о встречах с Арафатом составляются в «повествовательном ключе», не ощущается серьезных попыток донести до палестинцев нашу позицию во всех ее нюансах.

От посольства требовали большей четкости, большей требовательности к выводам и оценкам, более активного «добывания» достоверной информации.

Огорчились, конечно. Собрал я главных мастеров пера. Стали думать. Трудность состояла в абстрактности критики. Что значит — не хватает глубины анализа? Где критерий? Если бы учинили разбор какого-либо нашего анализа или прислали любой другой анализ в качестве образца, то легче было бы разбираться. Но не учинили и не прислали.

Это же относилось и к двум другим критическим тезисам: недоосмысление израильской аргументации и излишняя доверчивость к прессе и деятелям. Нам не показали, к сожалению, где мы

недотягиваем, проявляем доверчивость, где конкретно нам не хватает четкости и т. п.

Женщина может дать только то, что она имеет. Или надо указать скрытые резервы. Нам не указали. И хотя мы обещали друг другу усилить глубину и четкость, боюсь, нам это сделать не удалось.

Проще было с продвижением и донесением наших позиций. Помню посольские шифровки советских лет. Допустим, посол беседует с министром. Так в телеграмме слова министра занимают меньше места, чем изложение послом наших позиций. Этим, как считалось, посол и продвигал наши позиции, и оказывал влияние, и подтверждал, что сам он не отклоняется от позиций.

Такой подход казался мне наивным и глупым. В своих депешах я старался точно и обстоятельно изложить мысли собеседника; свои же слова приводил лишь в той мере, в какой они помогали раскрыть какой-то важный нюанс беседы. Если нужно, я ограничивался фразой: изложил нашу позицию по такому-то вопросу. Мне советовали не жалеть время и бумагу. Но я жалел. Переписка должна быть экономной.

При Примакове подули другие ветры. Нам сообщили, что надо воздерживаться от длиннот и «размышленчества». Упор на информацию, полученную на «высоком политическом уровне». Места для глубокого анализа не оставалось...

В общем, играли в обычные аппаратные игры. Надеюсь, профессионалам не было за меня стыдно.

* * *

Зато мне было стыдно перед младшими чинами за то, что я никак не мог пробить повышение зарплаты. Всем вокруг повысили, а нам — нет, говорили мне, намекая на мою пассивность и требуя, чтобы я тербил начальство. Пассивность, возможно, была, так как я не знал, куда ткнуться.

Сначала к нам должны были прислать комиссию для исчисления «бюджетного набора», то есть сколько надо иметь денег, чтобы купить нужный минимум. Я писал в МИД жалостливые письма, но МИД не реагировал и комиссию не присылал. Тогда я пошел конем: во время

визита Рабина в Москву лично передал Черномырдину конверт с описанием всех наших мытарств.

Не знаю уж, что подействовало, но в августе 1996 года комиссия появилась. Мы, естественно, окружили ее заботой и вниманием. Я взял на себя самый важный и самый приятный женский участок. Комиссия сделала свое дело, поняла, как нам плохо живется, и отбыла в Москву. Мы остались ждать.

31 октября прилетел Примаков. И в машине, пока мы ехали в Иерусалим, сказал, что повышения не будет, денег нет.

Я еще не успел огорчить посольство, когда на следующий день позвонили из аппарата правительства и сообщили: Черномырдин подписал повышение на 30 процентов.

Жить стало лучше, но не уверен, что веселее.

До сих пор цепочка посол — посольство — МИД рассматривалась, так сказать, алгебраически: структура, ее элементы, их взаимодействие. Теперь перейдем на уровень функций. Вторая группа вопросов: мирный процесс, ближневосточное урегулирование. У посольства много задач и обязанностей, но в Израиле именно эти вопросы стояли на первом месте.

Мирный процесс: прорывы и тупики

«Ближневосточный мирный процесс пребывает в состоянии клинической смерти. Но сердце его еще бьется» — так сказал министр иностранных дел Египта Амр Муса в мае 1998 года. Прошло пять с лишним лет. Диагноз, поставленный египтянином, остается в силе.

«Клиническая смерть» мирного процесса — это литература, метафора. На языке практической политики это означает обычные смерти обычных людей. За время второй интифады уже погибли почти три тысячи палестинцев и более шестисот израильтян. На территории Палестинской национальной автономии (ПНА) разрушены сотни домов, парализованы социальная инфраструктура и значительные секторы экономики. Напряженность подходит к критической черте.

Позиция Израиля: как только прекратится террор, мы готовы возобновить переговоры. Но, желательно, не с Арафатом. Он полностью дискредитировал себя и должен уйти. Пока же Арафат не уходит и террор продолжается, израильтяне делают упор на уничтожение инфраструктуры террора (учебные центры, мастерские, линии связи) и его лидеров.

Позиция ПНА: Израиль должен уйти с оккупированных территорий, только после этого можно будет прекратить террор и вернуться к переговорам. Арафат избран народом, и судьбу Арафата решит на выборах народ.

Если можно говорить о мировом общественном мнении, то оно склоняется к поддержке палестинцев, Арафата.

Энергично настаивает на замене Арафата (я пишу это в конце июля 2002 года) президент Буш. Уход Арафата компенсируется поддержкой Вашингтоном идеи палестинского государства.

Президент Путин опасается, что на смену Арафату могут прийти еще более радикально настроенные лидеры. И потом, вопрос — быть Арафату или нет — должен решаться на выборах, которые намечены на январь 2003 года.

* * *

В общем, в начале XXI века Арафат оказался в центре мировой политики (или рядом с центром?). Мне не раз приходилось встречаться и беседовать с ним. Разговор с Арафатом не производит впечатления. Раис не блещет красноречием, не пугает эрудицией, не дарит интересных, оригинальных идей. Производит впечатление биография Арафата. Это, несомненно, биография незаурядного человека, выдающегося политика.

Арафат родился в августе 1929 года. Получил диплом инженера в Каирском университете. Принимал участие в Суэцкой кампании 1956 года. Переехал в Кувейт, где занимался строительным бизнесом. В 1959 году возглавил Движение освобождения Палестины. Через десять лет избирается председателем исполкома Организации освобождения Палестины (ООП). Подпольный псевдоним — Абу Аммар.

Почти сорок лет во власти! Да еще в эмиграции!! Да еще на Востоке, хотя и Ближнем!!! Только умный, расчетливый, сильный политик мог пройти такую дистанцию. Только гибкий, ловкий, скользкий политикан мог выкрутиться из почти безнадежных положений.

Как и любой политик, Арафат не раз ошибался. Упомяну только две «ошибки». Он приветствовал ГКЧП. Он поддержал Саддама Хусейна. И в обоих случаях как с гуся вода...

Арафату приходилось терпеть поражения.

В «черном» сентябре 1970 года король Хусейн вышвырнул своего палестинского «брата» из Иордании.

В августе 1982 года израильтяне вынуждают Арафата покинуть Бейрут. Шарон мог бы покончить с Арафатом, но американцы (и такое бывает!) взяли Арафата под защиту.

В декабре 1983 года мятежные фатховские офицеры с помощью «братской» Сирии атакуют Арафата в Триполи. Он бежит на греческих судах под охраной французских военных кораблей.

В апреле 1992 года самолет, в котором находился Арафат, потерпел аварию над Ливией. Тринадцать часов раненый Арафат ждал помощь в песках Сахары. Слышал где-то, что помощь пришла от израильского радиолюбителя. Он поймал сигналы бедствия и передал их в штаб-квартиру ООП.

В израильском фольклоре курсирует такой рассказ. У Шамира спросили, почему он не отдал приказ убить Арафата.

— Потому что он от рождения глуп. Зачем нам, чтобы террористами руководили умные люди?

Боюсь, что Шамир обманывал самого себя...

У Арафата достаточно врагов в арабском мире. У него много соперников, конкурентов внутри ООП. Ему наступали на пятки. Ему пели политические отходные, но он был непотопляем.

«С этим человеком, с его бесконечными прожектами, — говорил в 1992 году президент Сирии Асад, — мне приходится иметь дело уже не первый десяток лет. Самое лучшее, что он может сегодня сделать, — это встать и уйти. Его время истекло. Но, к сожалению, у него не хватает ума понять это». Асад ошибался. Он недооценил тот факт, что еще в ноябре 1988 года 19-я сессия Национального совета Палестины признала резолюцию ООН о разделе Палестины и провозгласила создание Государства Палестина. Террор во всех видах отвергался.

Выступая 13 декабря в Женеве на 43-й сессии ГА ООН, Арафат обратился к израильскому народу: «Давайте помиримся. Давайте отбросим страх и запугивание. Давайте оставим позади войны, непрерывно бушевавшие в горниле этого конфликта последние сорок лет. Давайте отбросим все угрозы войн в будущем, жертвами которых могут стать лишь наши и ваши дети. Давайте помиримся. Давайте обеспечим мир для смелых, далекий от высокомерия власти и оружия уничтожения, далекий от оккупации, угнетения, унижения, убийств и пыток».

Эти заявления Арафата и ООП открыли дверь к переговорам. Дальше — конференция в Мадриде, начало переговоров, первые соглашения и 1 июля 1994 года триумфальный въезд Арафата в Газу. Именно там 27 июля я встретился с ним первый раз.

* * *

К этому времени я уже глубоко влез в переговорную проблематику, в позиции и аргументы сторон. У меня была собрана целая библиотека высказываний Арафата. Вырисовывалась тревожная картина. Складывалось впечатление, что существуют как бы два Арафата. Один (Арафат I) призывает к примирению, громко осуждает насилие, разумно, рационально оценивает соотношение сил и пределы взаимных

уступок. Другой (Арафат II) остается сторонником террора, непримиримым противником «сионистского образования», которое рано или поздно должно быть сброшено в море. И по мере того как продвигался мирный процесс, по мере того как с согласия Израиля росла территория ПНА, наращивали мускулы подчиненные Арафату силовые структуры, по мере того как Арафат входил во вкус государственной власти, Арафат I уступал позиции Арафату II. Он становился жестче, капризнее, нетерпеливее. Он явно потворствовал радикалам, террористам. Он начал говорить ультимативным тоном.

Но еще задолго до этого, где-то в начале 1994 года, я отправил в Москву письмо. Арафат, писал я, классик, если угодно, восточной, «византийской» политической школы, где правят бал интриги, жестокость и ложь. И где цель оправдывает средства. Сумев выжить в сложнейших переплетках и встать на лужайке перед Белым домом рядом с президентом США, Арафат показал свои недюжинные способности. И на первый взгляд подписанная 13 сентября 1993 года декларация представляется его победой.

На самом же деле перед нами — пиррова победа, поражение Арафата. Подписывая соглашение с израильтянами, Арафат отказался от главной задачи своей жизни — уничтожить «гнездо сионизма», отказался от всех принципов «палестинской революции».

Арафат, несомненно, понимает это. И стремится во что бы то ни стало обратить поражение в победу. Отсюда — его заявления, противоречащие сути декларации. Отсюда — попытки добиваться на переговорах своего рода суверенитета по частям (армия под видом полиции, контроль за пересечением границы и т. д.). Однако лед, на котором Арафат выписывает фигуры высшего политического пилотажа, тонок и становится все тоньше.

Во-первых, ближайшее окружение Арафата тяготеет приказным, беспартийным стилем руководства со стороны шефа. Возмущаются тем, что он сохраняет единоличный контроль за финансовыми потоками.

Во-вторых, падает авторитет «президента» на территориях. Молодежь поворачивается к ХАМАСу и другим радикалам. Признаки непослушания проявляет и местная знать.

Для Арафата куда ни кинь, везде клин. Если он сорвет переговоры, он станет объектом критики «справа», со стороны прагматически

настроенных кругов ООП. Если же он согласится с израильянами, то окажется под боем «слева», со стороны экстремистского крыла палестинцев.

Следовало бы исходить из того, что Арафат как политическая фигура принадлежит прошлому.

Так заканчивалось письмо. Было бы полезно, полагал я, сохраняя внешне полную лояльность по отношению к Арафату, более пристально взглянуть в его окружение и постараться наладить контакты с его возможными «наследниками».

Судя по всему, мои выводы были несколько поспешны. Что же касается Арафата II, то он в полной мере как раз раскрылся в последние годы.

* * *

Но, чтобы разобраться в запутанном переплетении событий последних лет, чтобы не ошибиться в анализе причин нынешней интифады, следует вернуться к образованию Израиля.

Катастрофа европейского еврейства в годы Второй мировой войны, огонь холокоста заставили мировое сообщество всерьез отнестись к главной идее сионизма — необходимости собрать евреев вокруг горы Сион, создать в Палестине еврейское государство. Бурная дискуссия развернулась в ООН. США и СССР поддерживали эту идею. Великобритания юлила. Арабские страны отчаянно сопротивлялись. Решение было принято 29 ноября 1947 года. Резолюция 181 «Будущее правительство Палестины» получила 33 голоса, против голосовали 13, 10 воздержались. Палестина разделялась на арабскую и еврейскую части. Иерусалим выделялся в *corpus separatum* под временным управлением ООН.

Можно смело утверждать, что, если бы арабские государства приняли решение мирового сообщества, история Ближнего Востока пошла бы иным путем. Но арабские лидеры продемонстрировали отсутствие исторического чутья, исторической ответственности и обрекли народы Ближнего Востока на десятилетия войн.

Первая из серии этих войн — Война за независимость — началась 15 мая 1948 года, то есть на следующий день после провозглашения

Государства Израиль. Против Израиля выступили войска Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании и Ирака. «Это будет война на истребление, — заявил генеральный секретарь Лиги арабских государств (ЛАГ) Аззам Паха. — Это будет грандиозное избиение, о котором будут говорить так же, как говорят о вторжении монголов и Крестовых походах».

Все получилось «с точностью до наоборот». На ходу формируя и вооружая армию, Израиль наголову разбил агрессоров.

Если бы на следующий день после появления Государства Израиль арабы провозгласили создание Государства Палестина, если бы у них хватило ума в 1948 году встать на путь мирного сосуществования двух государств в Палестине, то в 2002 году Арафату не пришлось бы прятаться в бункерах Рамаллы. Но ума, ответственности, дальновзоркости не хватило, и на несколько десятилетий завертелась кровавая карусель.

Вот что важно. После войны 1948–1949 годов большая часть тех районов Палестины, которые по решению ООН должны были отойти арабам (Западный берег реки Иордан), так и осталась у арабов — ее захватила Иордания. Казалось бы, чего проще: король Иордании передает эту землю своим палестинским «братьям», и дело с концом! Но не передал. По очень простой причине: воевали не за создание Государства Палестина рядом с Государством Израиль. Арафату Западный берег реки Иордан был не нужен. Воевали за уничтожение Государства Израиль. Арафату был нужен восточный берег Средиземного моря. Часть этого берега.

Понадобились еще три войны — Суэцкая кампания 1956 года, Шестидневная война 1967 года и Война Судного дня 1973 года, чтобы даже Арафат стал задумываться: вряд ли Организация освобождения Палестины с оружием в руках освободит Палестину. Воинственные три «нет», сформулированные арабами, — «нет» признанию Израиля, «нет» переговорам с Израилем, «нет» миру с Израилем — явно не работали. Анахронизмом выглядела и Палестинская хартия, вся замешанная на крови, насилии, терроре. А тут еще Киссинджер припугнул: пока вы будете издавать воинственные кличи, вас никто не будет принимать всерьез и никто не будет с вами разговаривать.

Отсюда — тот поворот в 1988 году, о котором я уже упоминал. Понадобилось четыре десятилетия поражений, чтобы на весь мир

объявить о провале стратегии и перечеркнуть все три «нет». Насколько все это было искренне? Вопрос, на который я до конца не могу ответить и сегодня.

* * *

Реально переговоры начались в декабре 1991 года. На официальном уровне занимались пропагандой, толкли воду в ступе. Израильтяне предложили задействовать неофициальный, закрытый канал. Этот канал стал работать в Осло в январе 1993 года. Работать эффективно. 13 сентября на лужайке перед Белым домом была подписана Декларация о принципах договоренности в сфере временного самоуправления. 4 мая 1994 года в Каире подписали соглашение «Газа-Иерихон». Арафат получил первую землю. В октябре Ицхак Рабин, Шимон Перес и Ясир Арафат получили Нобелевскую премию мира.

Казалось бы, реальные договоренности, появление первых реальных плодов мира должны усиливать взаимопонимание, размывать почву для насилия, террора. Но жизнь парадоксальна. Успехи на переговорах не ослабили, а усилили террор. Если в 1991 году от рук террористов погибли 26 человек, то в 1992-м — уже 39, а в 1993-м жертвами террористических актов стали 62 израильянина. В апреле 1994 года взорвал себя в автобусе первый террорист-самоубийца. По моим, может быть, не совсем точным подсчетам, за два года палестинские камикадзе совершили 11 терактов. 123 человека погибли, более пятисот были ранены. Нобелевская премия Арафата сочилась кровью...

Мне много раз приходилось обсуждать эту тему (переговоры и террор) и с израильянами, и с палестинцами.

Арафат и его сподвижники уверяли меня в том, что они против террора, но не могут уследить за стихийными выбросами народного гнева. Гнев, объясняли мне, вызывается медлительностью, непоследовательностью Израиля, который не хочет уходить со всех оккупированных территорий, убирать поселения, решать проблему беженцев.

Израиль действительно заслужил эти упреки. Но на то и переговоры, чтобы разбираться во всех этих материях. Арафат же предпочитал «дополнять» переговоры насилием. И не только в этом дело. Мне приносили переводы палестинской печати, переводы радиопередач. Они создавали впечатление, что не переговоры ведутся с израильтянами, а идет беспощадная, бескомпромиссная война. Они воспитывали палестинцев в духе презрения и всепоглощающей ненависти к «сионистскому врагу».

Арафат фактически отказался изменять Палестинскую хартию. Во всяком случае, все мои попытки получить новый вариант ничего не дали. Мы же, в крайнем раздражении сказал однажды Арафат, не требуем, чтобы евреи изменили свою святую книгу, хотя там Израилю отведена территория от Евфрата до Нила.

Получалась такая картина. С одной стороны, террор использовали противники Арафата, чтобы оттолкнуть израильтян, сорвать переговоры. Но с другой — сам Арафат, но уже Арафат II, использовал террор, чтобы надавить на израильтян, размягчить их, подтолкнуть их к очередным уступкам. И вот эта вторая сторона все больше выдвигалась на первый план. Об этом, в частности, свидетельствуют речи Арафата, провожавшего в тот мир палестинских самоубийц. «Все мы, — говорил он 1 января 1995 года, — герои-смертники, не щадящие своих жизней ради победы над сионистским врагом. И я хочу сказать павшим героям-смертникам от имени тех, кто лишь готовится принести себя в жертву ради победы: наша клятва остается в силе!.. Мы продолжим эту борьбу вплоть до полной победы!»

* * *

Евреи, разумеется, были в курсе, и их тревожила эволюция партнера по переговорам. Стратегия Рабина определялась формулой: мы будем бороться с террором, как будто нет мирного процесса; и мы будем вести мирный процесс, как будто нет террора. Но эта диалектическая логика не устраивала израильтян. И чем больше жертв приходилось приносить на алтарь мира, тем шире разливались оппозиционные настроения.

В Израиле тоже действует стихия. 25 февраля 1995 года майор медицинской службы Барух Гольдштейн проник в молельный зал пещеры Махпела и из автомата расстрелял молящихся арабов. Убил 29 человек. В отличие от Газы, славящей своих героев-смертников, в глазах израильского общественного мнения Гольдштейн был не героем, а преступником. Преступником в глазах общества был и студент Игал Алон, застреливший 4 ноября 1995 года премьер-министра Рабина.

Действия Гольдштейна ближе к медицине, чем к политике. Действия Алона — чистая политика. Он убил премьер-министра за сдачу позиций на переговорах с палестинцами, отступление перед Арафатом, за неумение противостоять палестинскому террору. Израиль отверг экстремизм Алона, но сдвинулся в сторону его политической философии. Этот сдвиг в мае 1996 года привел к власти правое правительство во главе с Б. Нетаньяху.

Таким образом, провокативное поведение Арафата, фактическая поддержка им террора, методов насильственного давления на Израиль сдвинули вправо политический маятник в Израиле. Надеясь выиграть, Арафат проиграл. Нетаньяху перестал играть в поддавки. Главный принцип любых переговоров, заявил он, — это безопасность. «Без безопасности нет мира!» А поскольку Арафат отказывался дать ту безопасность, которая нужна была Нетаньяху, переговоры зашли в тупик.

* * *

При Нетаньяху было подписано только соглашение по Хеврону. На всех остальных направлениях работа шла на холостом ходу. Это было связано не только с жесткостью позиций сторон. Сказывалась и сложность, неподатливость вопросов, к которым подошли переговоры. Совокупность таких вопросов я обозначил понятием «бермудский пятиугольник».

1. Судьба Иерусалима. Арафат настаивает на том, чтобы столицей Государства Палестина был Иерусалим. Практически — его половина. Израиль же еще в июле 1980 года объявил Иерусалим своей «вечной и неделимой» столицей. Сближение позиций почти не просматривается.

2. Судьба поселений. Арафат настаивает на том, чтобы все поселения, расположенные на территории ПНА, были ликвидированы. Таких поселений более ста пятидесяти с населением примерно 270–280 тысяч человек. Израиль категорически возражает. Убрать можно будет только 10–15 отдельно стоящих поселений. Для остальных надо искать *modus vivendi* в рамках ПНА.

3. Судьба беженцев. Арафат настаивает на том, чтобы все беженцы всех войн и их потомки могли вернуться к своим домам. Израиль отвергает такую постановку вопроса, ибо это означало бы гибель Израиля как еврейского государства. Возвращение допускается только в индивидуальных случаях.

4. Границы. Арафат требует, чтобы Израиль вернулся в границы 1967 года. Израиль возражает, собираясь удержать небольшую, но стратегически важную (то есть важную для безопасности Израиля) часть территорий.

5. Статус Государства Палестина. Арафат требует суверенитет в полном объеме. Израиль собирается удержать в своих руках контроль за внешнеполитическими связями и вооружениями.

Таковы пять углов «бермудского пятиугольника». То есть «конечные цели» переговоров. Когда переговоры начинались, я говорил израильтянам, что целесообразно сразу сформулировать эти цели и положить их на стол переговоров. Тогда с самого начала будет ясность. Тогда тактика будет подстраиваться к стратегии, а не наоборот. Иначе будет казаться, что переговоры идут успешно. Но как только вы коснетесь «конечных целей», все полетит кувырком.

Мне говорили, что лучше, не выходя вперед со стратегией, сосредоточиться на тактике, на решении отдельных вопросов. А по мере их решения будет накапливаться потенциал взаимного доверия, который позволит договориться и относительно «конечных целей». К сожалению, как нетрудно было предвидеть, эта схема не сработала. И острые углы «бермудского пятиугольника» пропороли слабую переговорную ткань.

* * *

Если Рабин и Перес напугали израильских голосующих обывателей своими «уступками», которые угрожали безопасности Израиля, то Нетаньяху напугал их своей неуступчивостью, неспособностью договориться с Арафатом и снять угрозу террора. Политический маятник пошел влево. В мае 1999 года к власти в Израиле приходит левое правительство Эхуда Барака.

Накануне выборов я, уже вольный журналист, разговаривал с Баракком. Он был настроен оптимистически. Говорил о том, что в первую очередь выведет войска из Ливана. Затем договорится с Арафатом. Он готов сделать еще несколько шагов навстречу палестинцам, поскольку, по его генеральской оценке, это не ухудшит стратегическое положение Израиля.

Барак сделал так, как говорил. Он ушел из Ливана. Возможно, не лучшим способом, но там уже не убивают израильских солдат. Он обещал Арафату 98 процентов территории Западного берега и даже был готов обсуждать вопрос о части Иерусалима как столице палестинского государства. Он договорился с Арафатом завершить переговоры об окончательном урегулировании не позднее 13 сентября 2000 года.

И вот тут происходит странное. Казалось бы, Арафату нужно было двумя руками хвататься за предложения Барака. Но, действуя по принципу, напоминающему «все или ничего», он отверг эти предложения. В Израиле усиливаются колебания, неуверенность, сомнения. Если Нетаньяху пугал своей жесткостью, «тупиковостью», то Барак стал пугать готовностью пойти на новые, далекоидущие уступки Арафату. Улавливая такие настроения, правый, «национально-патриотический» лагерь, во главе которого был генерал Шарон, повел наступление на правительство.

* * *

В рамках такого наступления Шарон 27 сентября 2000 года пошел «погулять» на Храмовую гору, где расположены мусульманские святыни — мечети Омара (Купол над Скалой) и Аль-Акса. Это была политическая демонстрация, призванная подчеркнуть право израильтянина свободно разгуливать в любом месте Израиля. Не думаю, что Шарон поступил мудро. И вполне понимаю Арафата,

который рассердился. Было бы логично, если бы в ответ на демонстрацию Шарона Арафат устроил бы свою демонстрацию. Скажем, попробовал прогуляться рядом со Стеной Плача или сжег чучело Шарона.

Но у Арафата другая логика. Палестинцы ответили массовыми беспорядками и вооруженным бунтом. Началась «интифада Аль-Аксы», которая — в отличие от первой интифады — уже не была «войной камней», а была просто войной. Напуганный Израиль бросился под крыло «ястреба» Шарона, уж он-то не уступит Арафату, не поступится безопасностью Израиля.

Обстановка тех дней просвечивает сквозь одну из предвыборных листовок.

«Мы, представители научной и художественной интеллигенции, активисты алии и узники Сиона, обращаемся к выходцам из бывшего СССР с призывом голосовать на предстоящих выборах за Ариэля Шарона. Мы уверены, что Ариэль Шарон сумеет вывести страну из той почти катастрофической ситуации, в которой она оказалась из-за дилетантской политики Эхуда Барака, ежедневно меняющего свои взгляды.

Уступки, сделанные Эхудом Бараком на переговорах с палестинцами, ставят под угрозу не только личную безопасность каждого гражданина Израиля, но и сам факт существования Израиля. Нас пытаются убедить, что победа Ариэля Шарона на предстоящих выборах чревата войной. А ведь война уже идет, ежедневно гибнут мирные граждане! По вине Эхуда Барака всего за полтора года Израиль превратился в самое опасное для евреев место в мире. Всего за полтора года Израиль оказался отброшенным на пятьдесят лет назад — сегодня, как и в дни Войны за независимость, жилые кварталы Иерусалима находятся под обстрелом. Сегодня, впервые за многие годы, арабские лидеры поверили в слабость Израиля и начали шантажировать его, требуя все новых и новых уступок.

Мы уверены, что только Ариэль Шарон сумеет восстановить мощь Израиля, остановит разбушевавшийся террор и добьется надежного и прочного мира. Сегодня Израилю нужен опытный и сильный лидер. Сегодня Израилю нужен Ариэль Шарон!»

6 февраля 2001 года Шарон победил Барака с разрывом в 25 процентов.

С начала «интифады Аль-Аксы» прошло почти два года. По вине Арафата, который допустил милитаризацию интифады, погибли тысячи мирных жителей. Переговоры прерваны. Чтобы их возобновить, необходимо прекратить террор, прекратить насилие. Однако Арафат решительно не желает это делать.

Почему? Есть несколько вариантов ответа.

1. Арафат не полностью контролирует обстановку. Главные центры террора действуют самостоятельно. И Арафат не хочет дискредитировать себя, не хочет отдавать приказ, который не будет выполнен.

2. Арафат боится садиться за стол переговоров, которые могут вывести на «окончательное урегулирование». Он врос в образ революционного лидера, призывающего к джихаду и прославляющего шахидов, героев-смертников. Мирная политическая работа, управление государством как-то не идут у Арафата. Создан огромный бюрократический коррумпированный аппарат, работающий на себя, а не на общество. За несколько лет «автономного» существования понизился уровень жизни в Газе и на Западном берегу. О демократии и говорить нечего.

3. Арафат боится возобновить переговоры, потому что против этого возражают набравшие силу палестинские радикалы. После того как израильтяне ликвидировали одну из наиболее зловещих фигур среди организаторов террора Салада Шехада, последовало заявление ХАМАСа: «Те, кто мечтает о так называемом мире, глубоко заблуждаются. Нет такого понятия, как мир с Израилем. Мы разнесем в клочья тела сионистов в каждом ресторане, на каждой автобусной остановке, в каждом автобусе». Имея такие тылы, Арафат «стесняется» конструктивно относиться к мирному процессу.

Еще в годы первой интифады палестинский поэт Махмуд Дервиш (а он не был радикалом, экстремистом) обратился к евреям с такими строками:

Покиньте же нашу страну,
Нашу землю, наше море,
Нашу пшеницу, нашу соль, наши раны...

Все покиньте.
И покиньте
Память о памяти вашей...

И пока так думают и чувствуют люди, трудно говорить об устойчивом мире.

Но вместо того, чтобы постепенно готовить палестинцев к мирному сосуществованию с евреями, разрушать разделяющую оба народа стену ненависти, Арафат — своими речами, своими действиями — укрепляет ее. И тем самым сам выталкивает себя из мирного процесса.

* * *

Понимаю, что мои соображения по поводу мирного процесса мало напоминают мемуарную прозу. Тут я скорее не участник, а наблюдатель. Участие обозначено в указанных выше книжках, которые не хочется пересказывать. Впрочем, и само участие было ограниченным. У Москвы другие внешнеполитические заботы были на первом плане. Это — во-первых. Во-вторых, не было крупных конструктивных идей, которые могли бы сблизить позиции сторон. Главное, чего добивался МИД, — чтобы формат нашего присутствия на той или иной процедуре не уступал американскому. Если Кристофер произносит речь, то и Козырев должен.

Каждое наше шевеление бросало в дрожь израильтян, поскольку шевелились мы, как правило, в пользу арабов. Не так беспардонно, как раньше, но все же...

Сам я первые два-три года лучше понимал позиции арабов. Когда говорили об «уступках» израильтян, я думал: при чем здесь «уступки»? Ведь Израиль отдает только то, что было захвачено в ходе войн и с точки зрения международного права не принадлежит Израилю. Потом я понял, что при данном соотношении территорий и населения, при сложившейся атмосфере формальный, чисто юридический подход не годится.

А тут еще Калининград на ум приходит...

Понял я и то, что израильтяне ведут себя более честно и последовательно. В большинстве своем возникавшие коллизии, кризисные ситуации вызывались тем, что палестинцы не выполняли взятых на себя обязательств. Да и рассматривая ситуацию в целом, исторически, не стоит забывать, что кровавая карусель войн и террора закрутилась по вине арабов.

Москва сделала шаг вперед и официально исповедует сейчас позицию равноудаленности. Это прекрасно, когда стороны, от которых ты равно удален, равно правы. Но разве можно быть равно удаленным от террориста и его жертвы? А ведь именно об этом идет речь...

Относительно перспектив я остаюсь оптимистом. Историческим оптимистом. Большой войны, войны с участием соседей Израиля, не будет. Ибо это был бы еще один разгром арабов. Они это понимают.

«Интифада Аль-Аксы», вооруженный бунт палестинцев, выдохнется. И переговоры возобновятся — независимо от того, кто будет возглавлять палестинскую делегацию.

Может быть найдено компромиссное соглашение, которое будет торжественно объявлено «окончательным».

Прочный, справедливый мир будет установлен лишь тогда, когда партнерами Израиля станут демократические арабские государства.

Израиль: люди и нравы

У известного идеолога сионизма (и — по совместительству — русского журналиста и писателя) Владимира Жаботинского однажды спросили:

— Как по-вашему, еврейское государство будет лучше других государств?

— Возможно, хуже, — отвечивал Жаботинский. — Но я, еврей, буду счастлив, понимая, что это мой, еврейский, городской бьет меня по морде.

Жаботинский не дожил до тех дней, когда он мог бы иметь себе полное удовольствие... Правда, городских в Израиле я не заметил. Но кому надо бить, так те бьют, не по морде, тоже правда, а по лицу. И значит, счастье все-таки возможно. Не подвел Жаботинский евреев.

После распада СССР Израиль остался последним и единственным государством, которое является попыткой воплотить в жизнь литературную утопию. Я имею в виду книгу одного из основоположников сионизма Теодора Герцля «Altneuland» («Староновая земля»). Книга появилась в переводе на иврит и на русский в 1903 году. Автор не видел особых трудностей на пути создания нового общества на старой земле. Не видел он и трудностей с соседями. Населяющие «Альтнойланд» евреи, арабы, христиане крепко дружат, даже вместе собираются за пасхальным седером. Ветхозаветные принципы иудаизма заменяются некоей универсальной религией и универсальной европейской культурой. Иврит вытесняется идишем, на котором говорит простонародье, и немецким — языком элиты. Плюс электрификация всей страны, строительство национального водовода, развитие промышленности и сельского хозяйства, расцвет современных городов.

Герцль полагал, что «новое общество» возникнет примерно через двадцать лет после выхода в свет его романа. Оно возникло попозже. И возникло не совсем по тем рабочим чертежам, которые предлагались в «Альтнойланде». Идеологические и политические «отцы-основатели» еврейского государства рассматривали свое детище как демократическую, скроенную по западным образцам систему политической власти. Эта власть, с одной стороны, гарантирует

сохранение еврейской, иудейской традиции, а с другой — обеспечивает политические свободы, социальную справедливость, права человека.

В Декларации независимости говорится: Государство Израиль «приложит все усилия к развитию страны на благо всех ее жителей. Оно будет зиждиться на основах свободы, справедливости и мира, в соответствии с идеалами еврейских пророков. Оно осуществит полное общественное и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы и пола. Оно обеспечит свободу вероисповедания и совести, право пользования родным языком, право образования и культуры».

К сожалению, как я мог понять за пять с половиной лет, синтез иудаизма с демократией, Торы с Habeas Corpus Act пока не получился. В этом несоответствии должного и сущего, утопии и реальности корни многих специфических проблем израильского общества.

Однако, вопреки всем проблемам, несмотря на все проблемы, необходимо признать: то, что произошло в Израиле с мая 1948 года, — исторический подвиг. Отбиты яростные атаки арабов. На малюсеньком клочке далеко не комфортной земли принято и обустроено около трех миллионов человек, приехавших из 101 страны. Преображена сама земля. Она зазеленела, стала плодоносной. Возвращен к жизни один из древнейших языков. Формируется новая нация — израильтяне, или ивритяне.

Когда я первый раз попал в Израиль (в 1979 году было дело), в конторах часто встречались плакаты: «Невозможное мы делаем сразу, чудеса требуют немножко времени». Своего рода психологический допинг эпохи позднего романтизма. Он помогал творить чудеса.

* * *

Первые впечатления от Израиля — разнообразие. На этой территории, где до любой границы можно доехать на машине за несколько часов, есть все. Ну почти все. Даже крокодилов разводят. Есть тропическое море и покрытые снегом горы. Есть пустыни, каменистые холмы и болота. Есть кабаны и волки. Есть маслята и финики. Разные люди привезли сюда разные культуры, нравы, обычаи. Религиозные фанаты портят жизнь отчаянным безбожникам. И

наоборот. Рядом с изящными бутылочками кока-колы стоят здоровенные бутылки с квасом.

Но для нас, для занесенных в Израиль русских, самое интересное — это «русский» Израиль. Когда я появился в Израиле в качестве посла, «русских» было около пятисот тысяч. Когда уезжал — около миллиона. Не важно, откуда прибыл эмигрант, из Белоруссии или Киргизии, из Эстонии или Грузии, здесь «русскими» называют всех, кто говорит по-русски.

Цунами из Советского Союза: 1989–1991 годы. Триста тысяч человек. Всем, кто ехал на «историческую родину», было понятно, что не все сразу утрясется, что будут проблемы с работой и жильем, что встретятся и недовольные, злые или равнодушные физиономии. Но мера, степень неприятия, отчужденности намного превысила самые пессимистические предположения. Русскоязычная печать была заполнена письмами, каждое из которых свидетельствовало о душевной ране.

У меня сохранилось письмо Нины Вайнбрун, появившееся в еженедельнике «7 дней» 14 мая 1993 года. Документ эпохи.

Нина пишет своей сестре:

«Да, здесь есть прекрасные люди, но от них мало что зависит. Мы в Союзе придумали эту страну. Как произошло, по каким таинственным закономерностям почти полмиллиона людей, порой разделенных расстоянием большим, чем от Москвы до Тель-Авива, одновременно поверили в Изумрудный город и устремились к нему — этот феномен будут еще долго изучать. И тогда обратят внимание, что самое первое чувство у всех — удивление. Почти год, а то и больше все удивляются. А между тем почти все, с чем нам пришлось столкнуться в Израиле, не новость. Все это мы знаем с детских лет, из школьных учебников. Одни говорят: капитализм. Другие: капитализм вперемежку с социализмом. Левые... правые... Я во всем этом не разбираюсь, да и не в терминах суть. Ясно одно: это общество, где единственная ценность — деньги. Единственная, если отбросить всякую словесную шелуху насчет сионизма, иудаизма, братства евреев и демократии.

Если ты сможешь приехать с долларами или с их эквивалентом, ты действительно попадешь в сказку. Все у тебя будет: квартира, работа, первоклассная медицина, культурные ценности, престижная школа для Сашки, а потом университет. А какие люди окружат тебя! Как и

полагается в Изумрудном городе, добрый волшебник Гудвин дал им всем сердце и мозги. И даже чиновникам в многочисленных конторах. Впрочем, ты не будешь иметь дело с чиновниками — этим займется твой адвокат. И только одна тревога будет лишать тебя сна: тревога из-за постоянной опасности, страх за жизнь близких.

Но если ты приедешь иначе... Сохнутовские посланцы уже не врут у вас так нагло. Они говорят: будут трудности. Нет, дорогая сестренка, тебе не трудности придется переносить, а бедствовать. Без жилья, без достойной работы, без медицинской помощи, а главное — без надежды на будущее. Вот такая реальность ждет тебя. Но разве я открываю Америку? Разве мы не читали в сотнях книг про такую жизнь? Читали, учили, отвечали на семинарах, а теперь испытываем на собственной шкуре жесточайшую эксплуатацию, бесправие, произвол властей, бездумие чиновников, экономическую и прочую дискриминацию. Единственное, что здесь уникально и необъяснимо, — это, по выражению одного газетчика, тотальный обман. Надо же! Мы жили в царстве лживой идеологии, с детства нас учили лгать, а приехав сюда, в подавляющем большинстве оказались наивными и доверчивыми, как дети. Просто феномен какой-то: „влипают“ все — бывший конструктор и бывший парикмахер, оперный певец и завмаг. Здесь целая индустрия мошенничества, которую одни объясняют спецификой восточной ментальности, другие — тем, что Израиль — страна лавочников, а у тех, независимо от происхождения, общий принцип: не обманешь — не продашь. Какая разница? Моему соседу, положившему вчера 700 шекелей в карман очередному жулику, от этого не легче. Я утешила его тем, что он может считать эти деньги платой за обучение. Я заплатила больше».

Наверное, не все так остро, как госпожа Вайнбрун, восприняли расхождение между картинкой, нарисованной заранее, и картинкой, открывшейся на Земле обетованной. Но расхождение было, и оно мешало, оно раздражало, оно усугубляло и без того трудные проблемы.

Их было много, трудных. Но труднейших две: трудоустройство и «квартирустройство».

Легче всего было устроиться тем, кто владел ремеслом, умел работать руками или был согласен на неквалифицированную, тяжелую работу. Здесь «русские» выступали конкурентами палестинцев. Здесь

царствовали произвол, хамство хозяев, владельцев мелких фирм и производств.

Однако «русские» — это прежде всего люди с дипломами. 78 тысяч инженеров, 16 тысяч врачей и дантистов, 36 тысяч учителей плюс тысячи музыкантов, художников и других разнорабочих умственного труда. Предложение явно превышало спрос. Хотя были созданы множество курсов по переквалификации, десятки тысяч людей с высшим образованием так и не смогли найти работу по специальности.

Еще хуже складывалось положение с трудоустройством научных работников, коих приехало почти 13 тысяч. Их продвижение в вузы и НИИ блокировали израильские коллеги, которым не нужна была конкуренция хорошо подготовленных, талантливых людей. По словам депутата кнессета проф. М. Нудельмана, только 4 процента прибывших в Израиль ученых занимаются наукой. Это — «национальная трагедия! Стыд и позор для нашего государства...».

«Квартироустройство» поставим проблемой номер два. Потому что, если будет приличная работа, будет и квартира. Квартиру можно купить. Но это очень дорого. Хотя дают ссуду. Квартиру можно арендовать. Тоже дорого. Плюс дискомфортное ощущение временности, зависимости от хозяина квартиры. Есть еще казенные, «амидаровские» квартиры, но их строят ничтожно мало. Побеждает рыночная абсорбция.

Тем не менее с каждым годом становится легче. Если лет десять назад вся главная улица Тель-Авива была уставлена скрипачами, саксофонистами, виолончелистами и трубачами, то теперь их редко можно увидеть и услышать. Зато почти каждый населенный пункт имеет свой оркестр. Постепенно вырастают в здешнюю систему врачи и учителя. Везде спало напряжение, характерное еще для середины 90-х годов. Если считать по Ленину, на массы, на миллионы, то проблема абсорбции решена, и решена блестяще. Если же считать по Достоевскому, на единицы, на отдельных «человеков», то мы можем наткнуться и на драмы, и на трагедии.

* * *

Иногда возникают и взрывные, кризисные ситуации. Так, в октябре 1994 года министр труда и благосостояния Ора Намир выдвинула идею «селективной, выборочной репарации». Логика была такая: все приличные «русские» евреи норовят уехать если не в США, то хоть в Австралию, лишь бы не в Израиль. Нам же остаются престарелые (одна треть), инвалиды (другая треть) и матери-одиночки (третья треть). Значит, сортировать надо, не всех пускать в Израиль. «Я не хочу, — заявила Намир, — чтобы Израиль превратился в национальное кладбище или в национальный дом престарелых».

Поднялся большой шум. Намир осудили со всех сторон. И отправили послом в Китай. Но то, что сказала Намир, отразило настроения значительной части традиционного израильского общества. Там рассуждали так: мы пришли сюда на голую землю; мы закладывали первые кибуцы; мы создавали Израиль; а вы пришли на все готовое, привезли с собой пьяниц, проституток, наркоманов, жуликов и мутите воду, требуете льгот и привилегий, расталкиваете всех локтями.

Нельзя сказать, что за этим густым черным дымом не было огня. Волны эмиграции несли с собой и мусор. Но было крайне несправедливо, было почти преступно настраивать общественное мнение против этих «вонючих русских».

Действие вызывает противодействие. «Русские» сопротивлялись. Тоже иногда хватали через край. Цитирую Виктора Топаллера, блестящего, остроумного, язвительного «разгребателя грязи». Не щадившего ни своих, ни чужих. «Во имя красного словца» и т. д. Вот что у него получалось:

«Вы посмотрите, до чего мы довели страну! Она покрыта густой сетью некошерных лавок и массажных кабинетов, между которыми циркулируют бандиты русского происхождения, останавливающиеся на мгновение лишь для того, чтобы уколоться морфием или понюхать кокаина. Задерганное местное население пристрастилось к пьянству, поскольку не может равнодушно взирать на происходящее. В самом деле: торжествуют разврат и распущенность, а культурная жизнь почти полностью сосредоточилась вокруг гастролеров из России...

Ничего тут не поделаешь, — продолжает Топаллер, — российское еврейство, победоносно закончившее спаивание русского народа, переключилось на народ израильский и достигло в этом невиданных успехов. Причем, когда израильский народ проспится и осознает, что

оказался в том же положении, что и русский, нас неизбежно депортируют еще в какую-нибудь страну, которую мы конечно же быстренько доведем до государственного алкогольного отравления...»

Разлад в Израиле, столкновения между различными сегментами общества беспокоили руководство. Президент, премьер, министры собирали «русских», выслушивали их, стремились снять напряжение. Разговор шел серьезный. «Будьте уверены, — говорил на встрече с Пересом Александр Каневский (родной брат „майора Томина“), — мы не пропадем. Потому что мы — как ростки из-под асфальта. Если пробилась в Союзе, то пробьемся и здесь. Просто здесь есть множество лилипутов, которые устроились работать великанами и не хотят терять свои удобные места. Мы не Гулливеры, но мы — профессионалы и хотим реализовать свои возможности в своей стране». И вполне интеллигентно закончил: «Только нам нужно немножко помочь».

Но в массе своей «русские» были настроены более решительно: надо действовать. «В сложившейся ситуации, — настаивал Борис Девятков, — у „русской алии“ есть один-единственный выход — политическое единство и борьба. Если мы хотим, чтобы нас уважали, мы должны продемонстрировать свою силу, доказать, что мы достойны уважения. Сильных уважают, возможно, даже боятся и никогда не игнорируют. С сильными всегда считаются. Слабых же, как правило, презирают, нередко унижают. Иногда, правда, жалеют и бросают подачки...» В общем, надо создавать партию и пробиваться в кнессет.

По этому пути и пошли. Но беда была в том, что «вожди», потенциальные партийные лидеры никак не умещались в одной партии. Создавались разные союзы, группы, движения и начинали первым делом выяснять отношения между собой. Вожди ругались — «русские» теряли авторитет. На выборах 1992 года кнессет не был взят.

Шаг за шагом набирал очки Щаранский. Созданная им партия в 1996 году пробилась в кнессет (семь мандатов) и получила две министерские должности в правительстве Нетаньяху. К следующим выборам возникает еще одна партия, которую возглавил бывший наперсник Нетаньяху Авигдор Либерман. Часть людей Щаранского перешла к Либерману, а часть выделилась в самостоятельную партию. Так что теперь в кнессете заседают представители трех «русских» партий.

Удельный вес «русских» в экономике, да и в политике Израиля все еще отстает от их потенциала. Но напряжение первых лет «большой алии» снято. Дальше, по мере того, как на смену нынешним отцам станут приходить их дети и внуки, сама проблема в ее нынешней форме будет снята. «Русский» Израиль обречен на растворение в Израиле израильском...

* * *

Но пока «русский» Израиль существует, он теснейшим образом связан с Россией, со странами СНГ. В ежедневных русскоязычных газетах наши новости — ешь до отвала. Можно смотреть три телевизионных канала. Каждую неделю — дайджесты российских газет. Мне десятки раз приходилось выступать в разных городах и весях, встречаться с «русскими», и везде — лавина вопросов о российских делах. И потому, что у многих здесь остались родственники, близкие люди. И потому, что некоторые подумывают о возвращении. И потому, что Родина остается Родиной.

Среди вопросов на одном из первых мест — антисемитизм. И в историческом плане, поскольку теперь мы все узнаем много такого, чего не знали. И в плане актуальном, сегодняшнем, поскольку всех волнует оживление антисемитской швали в России.

В июле 1992 года в Иерусалиме открывали памятник евреям, погубленным сталинским режимом. Мне надлежало выступить. Но что-то помешало. И мою непроизнесенную речь опубликовала «Едиот ахронот»:

«Сорок лет назад — 12 августа 1952 года — по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны выдающиеся деятели еврейской культуры, руководители Еврейского антифашистского комитета.

Еще одна кровавая страница среди тысяч таких же страниц советской истории... Мне, человеку, чья жизнь прожита в Советском Союзе, мучительно трудно об этих страницах говорить. Но говорить нужно.

Я не был палачом и не был жертвой. Но я был частью, неотъемлемой частицей того большинства, молчание которого сделало

возможным появление палачей и жертв. И теперь, обращая душу к ужасам прошлого, сопереживая с мучениками и сочувствуя несчастным, ведя диалог с собственной совестью, я делаю это не только для того, чтобы склонить голову перед памятью невинных жертв, не только для того, чтобы вновь и вновь проклясть палачей, но и для того, чтобы ни я сам, ни дети мои, ни мои внуки никогда больше не молчали...

Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, в сто крат ужаснее. Судя по тому, что мы знаем, речь шла не только об уничтожении еврейской элиты, а о том, чтобы уничтожить или заключить в огромные гетто всю еврейскую общину Союза.

Злодейское убийство великого артиста Михоэlsa, хладнокровная ликвидация лидеров и активистов Еврейского антифашистского комитета, „духовный погром“ еврейской интеллигенции под флагом борьбы с „безродным космополитизмом“, позорное „дело врачей“, ориентированное на возбуждение массового, низового юдофобства, — таковы мрачные вехи на пути к всееврейскому геноциду.

К счастью, умер Сталин. Но, к несчастью, посеянные им — если бы только им! — семена зла продолжают прорастать и ныне. Но ныне, слава богу, другие времена, и семена зла обречены.

Сталинский террор не имел национальной основы. ГУЛАГ — воплощение космополитизма. Гибли русские, гибли украинцы, гибли грузины. Свой жертвенный список имеет каждая нация, каждая народность бывшей империи. Но евреям не легче от этого. Каждый народ имеет „право“ громче плакать на могилах своих сыновей и дочерей.

Я представляю Россию. Но я представляю ее в Израиле. Поэтому в этот трагический день я плачу вместе с вами, люди Израиля, и прошу вас: простите...

Я представляю Россию. Но я представляю новую, демократическую Россию. Поэтому я убежден, что такая Россия будет не мачехой, а матерью всех евреев, которые поверят ей.

Обязательная суэта посольской жизни не позволила мне присоединить свой голос к голосам тех, кто 29 июля в Иерусалиме принимал участие в открытии памятника жертвам советского режима.

Сегодня я делаю это».

Много раз писал в Москву об антисемитизме. Ответа не получал. Или получал, но чисто формальный. Не хотела наша власть бороться с антисемитизмом. По двум, думаю, причинам.

Первая. Среди начальства «встречаются» антисемиты. Дума и Макашов — к этому позорищу прибавить нечего... Вторая. Боятся, что объявление войны антисемитизму оттолкнет часть электората от «партии власти». Допускаю. Но в данном случае выигрыш в тактике означает сознательное стратегическое отступление. Волнения среди «русских» вызывали часто появлявшиеся слухи о том, что Россия продолжает вооружать арабов, в частности поставяет ракеты Сирии.

Политика делается в прозе. Но попадает и в стихи. Например, такие:

Не убивай меня, Россия,
Давай расстанемся красиво,
Как подобает меж людьми,
Кто знал мгновения любви.
Ты помнишь, в августе недавнем,
Проигрывая в силе явно,
С одним оружием правоты
Мы шли, куда позвала ты.
С пайковой сволочью борясь,
На нас тогда ты оперлась.
«Свои»... «Чужие»... Гибель милых
Связала всех в один удел.
На кровью политых могилах
Священник пел и кантор пел.
На этих днях, еще не прошлых,
Клялись о благе, не о зле.
Неужто нет обетов прочных
И слов нелживых на земле?
Не убивай меня, Россия,
Давай расстанемся красиво,
Чтоб оказалось, это — сказка,
Досужий плод пустой молвы...
С площадок стартовых Дамаска
На берега, теперь — мои,
Хотя б в святую память лета,

Когда мы были на посту,
Пуускай не целятся ракеты
С российской меткой на борту!

Эти стихи мне прислала известная в «русском» Израиле поэтесса Евгения Гай и просила передать их Ельцину. Отправил диппочтой. Без уведомления о вручении. Так что не знаю, получил ли адресат стихи. Боюсь, что нет. А жаль. Хорошие стихи. И рекомендация вполне в духе стратегических интересов России.

* * *

В «русском» Израиле живут разные люди. Одни занимаются алмазами, другие играют на скрипке. Одни выпекают черный хлеб, другие выращивают осетров. Одни лечат, другие учат. И т. д. Я общался со всеми группами. Но особенно дружил с ветеранами. С теми, кто воевал во Вторую мировую. Таких здесь примерно 20 тысяч.

Крепко их обидела советская власть, та, за которую они воевали. При выезде отбирали ордена. Лишили пенсии. Лишили гражданства. Оскорбляли и поносили. Но в большинстве своем не озлобились люди, с трепетом, с надеждой встретили перемены в России.

Менялись времена, и мне приходилось возвращать изъятые награды. Даже — Золотую Звезду. Особенно интересно было наблюдать в эти минуты за внуками и правнуками. Привычные любимые дедушки, с трудом ходящие, кряхтящие и ворчащие, пугающиеся Интернета и тяжелого металла, вдруг оказывались в центре внимания, выпрямлялись, становились героями и переставали слушаться бабушек...

Каждый знал, что в Тель-Авиве в штаб-квартире ветеранского союза по пятницам с 11.00 организуется нечто вроде клуба. На веранде — столы и стулья. Хочешь вспомнить фронтовую молодость, поговорить «за жизнь», отвлечься от ежедневных мелочей — приходи, приноси с собой что-нибудь из выпивки и закуски (стандарт: водка, отварная картошка, селедка, соленые огурцы, но фантазия приветствуется...). Телефонная связь обеспечивается. Сидеть можно до

23.00. Меня несколько раз завлекали. Но совесть мучила: ведь пятница у нас — рабочий день.

День Победы встречали под Иерусалимом. Там есть Лес Красной Армии. Собираются с семьями. Сначала немножко митингуют. Потом цветы к монументу Победы. Возможна самодеятельность. И наконец, на травку и пикник. Ветеранское начальство не могло садиться на травку (встать было трудно) и проводило заключительный акт в арабском ресторане. Мне тоже было удобнее сидеть на стуле.

К сожалению, с каждым годом людей в Лесу Красной Армии собирается все меньше, а возраст их все больше. Впрочем, наверное, не надо сожалеть. Когда-нибудь никто не придет. Прошлое остается в прошлом, только поэтому возможно будущее...

Девятое мая, День Победы, в Израиле не отмечался как национальный, государственный праздник. А ведь если разобраться, то появление Израиля — один из результатов разгрома фашизма. Я много раз писал и говорил, что «отцы-основатели» Израиля — это не только те, кто подписал Декларацию независимости, но и те, кто защищал Сталинград и брал рейхстаг, высаживался в Нормандии, партизанил в Польше и Югославии.

Начиная с мая 1992 года посольство в тесной координации с ветеранами повело планомерную, длительную осаду израильских властей. Я несколько раз поднимал эту тему в разговорах с президентом, премьерами, председателем кнессета. Были и оппоненты, которые утверждали, что у Израиля свои войны и свои победы.

Решающий прорыв был сделан в мае 1995 года, когда состоялись огромные митинги в Иерусалиме и Тель-Авиве, а Рабин устроил прием для ветеранов в министерстве обороны. Премьер-министр был поражен, увидев сотни людей, буквально обвешанных орденами и медалями.

Прием устраивался в саду министерства. Прием как прием, стой, ходи, сидеть не на чем. Но люди-то пришли немолодые. Как только Рабину сказали об этом, он дал команду, и через полчаса в огромных фурах привезли легкие стулья. Народ расселся и долго не уходил. Праздник ведь...

Теперь День Победы является в Израиле общегосударственным праздником. И я рад, что вместе с моими друзьями-ветеранами способствовал этому.

* * *

«Русский» Израиль — это, конечно, условность. Но условность с заметным отблеском безусловного. Есть другие условности такого же типа. Скажем, Израиль ашкеназийский, Израиль европейских евреев. Собственно, именно они поставили Израиль на ноги и проложили главные направляющие его развития. Позже появился и Израиль сефардский, Израиль евреев, пришедших из стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Они принесли с собой не только другую кухню, но и другие нравы, другую культуру, более близкую к ценностям иудейского фундаментализма. Израиль ашкеназов встретил сефардов примерно так же, как много позже объединенный Израиль ашкеназов и сефардов встретил «русских». Настороженно и пренебрежительно. Они, конечно, евреи, но второго или третьего сорта.

Понадобилось несколько десятилетий, чтобы ашкеназы (это неожиданно сделал Барак) извинились перед сефардами за свои былые грехи. Несомненно, такой день настанет и для «русских». Даже раньше, ибо «русские» ведут себя гораздо активнее сефардов.

Наряду с главными этнокультурными секторами Израиля существуют и более мелкие («эфиопы», караимы, самаритяне, друзы).

* * *

В первые израильские годы рассуждали просто: Израиль — это большой котел; бросаем в него все, что есть (разные культуры, обычаи, нравы, кухни, наряды и т. д. и т. п.); встряхиваем, перемешиваем, нагреваем и сплавляем; на выходе получаем то, что можно назвать израильским обществом, израильской культурой, израильтянином. Теория плавильного котла.

Не получилось. Культуры взаимодействовали. Обычаи сближались. Но не хотели растворяться друг в друге, не хотели образовывать однородный сплав. Пришлось изменить установку. Не будем сплавлять. Будем сближать и выходить на сосуществование, взаимодействие, взаимообогащение. Многоцветье, мозаика культур на базе общих корней (религия, еврейская самоидентификация). Так видится перспектива.

Тут возникает огромный вопрос: роль русской культуры, которая через «русский» Израиль воздействует на все общество, в становлении Израиля, его культуры, его народа. «Опаленные Россией» — так назвал свое эссе мой самый любимый современный израильский писатель Амос Оз. Он пишет, что в Израиле есть евреи — уроженцы самых различных стран. Они прибыли сюда со своими традициями, со своей культурой. Они создают полифоническое общество. И в этой полифонии «русская» еврейская скрипка — все еще ведущий инструмент. «Русской» скрипке принадлежит не исключительная, но доминантная роль. И, полагает Оз, так будет долго.

* * *

В плавильном котле предполагалось переплавить, сплавить не только разные культуры, но и разные типы обществ — капитализм и социализм.

Израиль создавали и многие годы находились у власти политические деятели социалистической ориентации. Авода, Партия труда, лидеры которой вывели Израиль «в люди», является членом социалистического Интернационала. И, пожалуй, утопия Маркса оказала большее влияние на жизнь в Израиле, чем утопия Герцля.

Израильский социализм (кто хочет, может поставить кавычки) — это кибуцы, коллективные хозяйства в «деревне». Это могущественные профсоюзы и государственные монополии, обросшие «социалистической» бюрократией. Это огромные налоги, перераспределяющие доходы богатых в пользу бедных. И это, следовательно, — низкая производительность труда и низкая эффективность производства.

Глобальный кризис социализма не мог не задеть Израиль. Красный цвет перестал быть цветом профсоюзов. Чиновники, обступающие социалистическую кормушку, сопротивляются отчаянно, но Израиль постепенно освобождается от социалистических одеяний. Экономика, говорил Нетаньяху, напоминает «автомобиль, съехавший с шоссе на обочину». Чтобы вернуть машину на шоссе, надо демонтировать «еврейский социализм». Это пытаются делать в четыре руки. Потому что Авода тоже стремится обрубить свой социалистический хвост. В

результате экономика становится более экономной, более эффективной, а общество — более жестким, меркантильным, циничным.

В России, думаю, социализма осталось меньше, чем в Израиле. Но и капитализма у нас значительно меньше. Поэтому рост меркантильности и цинизма обгоняет рост эффективности экономики.

* * *

Нельзя сказать, что Израиль — теократическое государство. Но религия играет в жизни Израиля, точнее — в жизни израильянина роль значительно большую, чем принято в «цивилизованном мире» XXI века.

Практически это означает, что не все граждане Израиля равны. Вспомним Оруэлла: «все животные равны, но некоторые равны больше, чем другие».

В Израиле, например, нет Конституции. Почему? Потому что Конституция должна признать равноправие всех граждан. А в Израиле это невозможно, ибо Израиль — еврейское государство, и евреи там идут первым сортом, в отличие от неевреев. Разразился скандал, когда солдата, погибшего в бою, отказались хоронить на общем кладбище — не еврей потому что...

Личная жизнь гражданина Израиля регулируется не государственным законодательством, а религиозным. Гражданского брака не существует. Значит, и жених и невеста должны быть иудейского вероисповедания. А если — нет? Если жених и невеста молятся разным богам? Тут — проблема. Решается она следующим образом: брак, заключенный за пределами Израиля, признается. Существовало два варианта, при помощи которых любовь побеждала веру. «Парагвайский брак»: надо заплатить большие деньги адвокату, и через некоторое время он вручит вам оформленное в Парагвае свидетельство о браке. Почему именно в Парагвае — не знаю. Или «кипрский брак»: летите на Кипр, там заключаете брак, и порядок. Это — дешевле.

Чтобы помочь влюбленным, мы решили прибегнуть к международному праву. Посол (или консул) могут совершать акты гражданского состояния, если заинтересованная сторона имеет

гражданство страны, представленной данным послом (или консулом). До октября 1992 года зарегистрировали 42 брака. Потом МИД Израиля попросил нас «приостановить» регистрацию браков для дополнительного изучения вопроса.

Все мои попытки убедить министров внутренних дел и юстиции — а я встречался с ними неоднократно, — что позиция Израиля, особенно на фоне признания «парагвайских» и «кипрских» браков, выглядит весьма нелогично, не увенчались успехом. Министры мило улыбались, но не больше. Изучали до моего отъезда. И, кажется, продолжают изучать. При чем тут религия? Просто кто-то не хочет терять парагвайские или кипрские деньги...

Ортодоксы говорят так: высший закон евреев — Пятикнижие Моисея, Тора. Поэтому нет необходимости в другом высшем законе, написанном рукой человека. Если Конституция будет идентична Торе, зачем она? А если она будет противоречить Торе, это будет бунт против Бога.

Общий демократический рецепт — отделить религию от государства. Всем — Конституция, а верующим — еще и Тора. Но классический сионизм, ортодоксальный иудаизм не приемлют этот подход европейского Просвещения. Ведь Израиль — не вообще государство. А еврейское государство. Отделить его от религии — значит отделить его от евреев^[25].

Тут необходимо важное примечание. Еврей — не национальность. Русским нельзя стать, русским надо родиться. Евреем можно не родиться. Евреем можно стать любому, кто пройдет гиюр, то есть установленную процедуру перехода в иудаизм. Если ваш папа — негр, а мама — монголка, то вы, пройдя гиюр, становитесь стопроцентным евреем. Но если ваши мама и папа — евреи, а вы приняли православие или буддизм, то вы перестаете быть евреем.

И если евреи (не важно — от мамы или от гиюра) создают свое государство, то они не могут, оставаясь евреями, отделить его от религии.

И если и когда Израиль станет государством всех своих граждан, независимо от их вероисповедания, то это будет уже совсем другой Израиль. Как атеист, уверен, что так и будет, но, как человек, знаю, что не доживу до этого.

Упоминание о перспективе неизбежно тянет за собой почти философскую тему о судьбе сионизма. Из того, что я наблюдал в «стране пребывания», из многочисленных и шумных дискуссий делаю вывод: то время, когда главной цементирующей силой израильского общества служили сионизм, чувство еврейской общности, еврейского братства, неумолимо уходит в прошлое. И хотя кризисы, типа нынешнего, вызванного «интифадой Аль-Аксы», тормозят эрозию сионизма, она — по мере упрочения мирной обстановки — будет продолжаться.

Некогда великая, согревавшая миллионы людей идея низведена до пошлой шутки: сионизм — это когда один еврей посылает второго еврея в Палестину на деньги третьего еврея. Мне как-то пришлось вместе с американским послом выступать на очередном мероприятии (кажется, вводили в строй жилой массив для эмигрантов). И я сказал: вот мы двое представляем «работающий» сегодня сионизм — Америка дает деньги (которые не пахнут), Россия дает людей (которые не верят). Потом пожалел, цинично получилось... Но ведь правда! Алия (восхождение к Храму!) превратилась в обычную эмиграцию с присущей эмиграции «внутривидовой борьбой» и со всеми сопутствующими изнуряющими жизненными проблемами.

Не бремя никчемных земных обуз, —
(Их каждый несет, скорбя), —
Дай силы нести самый тяжкий груз,
Груз самого себя.

Эти строчки написала поэтесса Шошана Дворкин. Увы, это жизнеощущение меньшинства. Бремя земных забот гнетет нынешнего эмигранта, — как и любого человека с «отключенной» саморефлексией, с пониженной чувствительностью к идеалам, — гораздо сильнее, чем «груз самого себя». А сионизм возможен только в поле высокого напряжения, которое дают идеализм и нечто, что я назвал бы этническим романтизмом.

Создание Израиля — историческая победа сионизма. Но в ней же и истоки его кризиса. Кризиса, потому что идея, идеология резко разошлись с практикой. Кризис, потому что этой победой пользуются все евреи, но некоторые пользуются особо. Кризис, и именно поэтому снят лозунг о возвращении всех евреев на землю Сиона. Он заменен концепцией динамического равновесия между Израилем и диаспорой.

Израиль, который я видел, далек от благоденствия и устойчивости. Еще одна грешная страна среди других столь же (более или менее) грешных. «Базарновосточный, безалаберный, непоследовательный, абсурдный, но все-таки, — как считает бывший главный редактор журнала „Алеф“ Д. Шехтер, — прекрасный Израиль». И я с ним согласен. «Израиль това!»

Но если политическая и духовная элита Израиля, если нынешние сионисты не сумеют приспособить общество к новой исторической обстановке, не сумеют избавиться от утопического балласта, от наследия Средневековья, то внутренняя уязвимость Израиля перед лицом неизбежных вызовов истории будет усиливаться.

Русский посол в израильских СМИ

Настоящие послы, карьерные дипломаты, как правило, не очень жалуют прессу или опять же телевидение. Задают колючие, провокационные вопросы. Могут приврать. Правду не всегда скажешь. Обманывать всегда не хочется. Поэтому лучше держаться подальше от журналистов. Или создать такую ситуацию, чтобы не они тебя использовали, а ты их. Но даже и в последнем случае предпочтительно держать язык за зубами.

Меня все это мало беспокоило. В школе, которую я прошел, учили: нет плохих вопросов, есть плохие ответы. Я любил говорить с журналистами и старался не обижать их, оставляя с пустыми руками. Хотя приходилось и вертеться, заменяя накрутом словес бедность информации. И все же журналистам было интересно встречаться со мной, потому что они знали: разговор — за редкими исключениями — будет по делу. Я же знал, что каждый материал помогает лучше понять позицию России, счищает грязь, накопившуюся за четверть века вражды. Поэтому не было, наверное, месяца без большого интервью или выступления по радио или на телевидении.

Думается, что несколько текстов, которые читатель может при желании одолеть, добавят дополнительные штрихи к моему портрету на фоне Израиля. Или, наоборот, к изображению Израиля, пропущенного через мою голову и мое сердце.

Однако начну я с единственного материала, реакция на который вышла за предполагаемые мною рамки. Это — интервью, помещенное в еженедельнике «Алеф» в октябре 1996 года.

«Вопрос. Ходят слухи, что вы покидаете нас. Независимо от того, насколько они верны, мне важно, что у всех новых и старых израильтян это вызывает глубокое сожаление. Вас уважают, по-дружески любят — и не за последние пять лет, а за многое, что было раньше. И значит, к критике из ваших уст отнесутся с доверием. Поэтому я хотела бы спросить вас: что вам не нравится в евреях? какие национальные черты нам сегодня во вред? различаете ли вы евреев и израильтян, и если да, то чем мы друг друга дополняем и чего друг друга лишаем?

Ответ. Я не готов ответить на эти сложные и деликатные вопросы в рамках неизбежно краткого журнального материала. Если доживу до

собственных мемуаров, то там попробую пофилософствовать и отделить еврея от израильтянина (и наоборот). Здесь же ограничусь упоминанием того, что мне не нравится в поведении израильтян.

Во-первых, почти всеобщая необязательность, которая выражается в хронических опозданиях всего и вся. Нигде я не терял столько времени, ожидая начала концерта, начала заседания, прихода человека на деловую встречу и т. д. и т. п.

Во-вторых, явный дефицит деликатности, излишние, как мне представляется, развязность, неопрятность, бесцеремонность на улицах и в общественных местах. О некоторых проявлениях указанных „качеств“ даже говорить неудобно. Упомяну лишь об изобилии мусора вдоль дорог и в лесах, нежелании уступать друг другу дорогу, да и вообще нежелании считаться с тем, что рядом и вокруг могут быть люди, которым ваша „раскованность“ мешает.

В-третьих, странная неосведомленность многих вроде бы образованных, внешне вполне интеллигентных и занимающих видное положение людей во многих, я бы сказал, „школьных“ фактах мировой истории, мировой культуры.

В-четвертых, проникающие во все поры общества лицемерие, ханжество, суесловие. Везде и всюду говорят о еврейских традициях, Книге книг, десяти заповедях. Но, судя по тому, что я вижу, о чем слушаю и читаю, обычная жизнь большинства обычных людей, реальная политика и реальная экономика, в которые погружены израильтяне, — все это страшно далеко от указанных заповедей. И имя Господа поминается все...

Хочу сразу оговориться. Мой опыт, как и опыт каждого человека, ограничен. Поэтому я могу ошибиться. И в данном случае я даже хотел бы ошибиться... К тому же перечисленные мною минусы встречаются не только в Израиле, но в тех или иных сочетаниях характерны для многих стран.

Вопрос. По приезде в страну шесть лет назад я была поражена, когда узнала, как расшифровывается аббревиатура БАГАЦ — Высший суд справедливости (!). При этом один известный профессор Иерусалимского университета говорит обычно своим студентам юрфака: „Вы пришли изучать закон, а не справедливость“.

Не кажется ли вам, что в стремлении евреев к высшей справедливости, притом что ее невозможно достичь, есть нечто

болезненное? Гремучая смесь самонадеянности молодого израильского общества и мудрости древнего еврейского народа? Возможно — определенный национальный комплекс? Сколько ведущих советских журналистов, писавших на морально-этические темы, были евреями... Видимо, это в крови.

Наверное, этому можно найти историческое объяснение, но в условиях современной политики, особенно ближневосточной, не обойтись без прагматических компромиссов. Как вы, будучи дипломатом, считаете: сочетается ли в позиции Израиля справедливость с реальностью? Если иметь в виду отношение к новым репатриантам, взаимоотношения религиозных и светских, политику относительно палестинцев...

Ответ. Ну что ж. Поговорим о справедливости. Как-то я не очень убежден, что для евреев характерно стремление к „высшей справедливости“. Во всяком случае, то, что я наблюдаю уже скоро пять лет в Израиле (если, конечно, не принимать всерьез упомянутое выше суесловие), никак не подтверждает ваш тезис. Что, кстати, объединяет Израиль с другими государствами, в частности с Россией.

Есть другая, уже не житейская, а, так сказать, теологическая сторона проблемы. Дело в том, что одной из граней справедливости служит веротерпимость. Так вот, в Торе эта самая веротерпимость отсутствует начисто. Как раз в те дни, когда я пишу ответы на ваши вопросы, евреи должны читать главу „Таво“ из книги „Дварим“. Помоему, в страшном сне не могут присниться те проклятия, те кары, которые перечислены в этой главе и которые обрушатся на человека, если он отклонится от выполнения заповедей и установлений Бога. Разве этот апофеоз жестокости совместим со стремлением к „высшей справедливости“? Вопрос почти риторический.

Вообще же философические разговоры о справедливости, тем более о „высшей“, меня не увлекают. Следуя примеру Камю, между справедливостью и матерью я выбираю мать.

А теперь спустимся с неба „справедливости“ на землю компромиссов. Компромиссы — это воздух политики. Каждый делает шаг назад, чтобы вместе шагнуть вперед, — вот суть, смысл компромисса. Компромиссное решение может быть прочным лишь в том случае, если каждая из сторон считает его „справедливым“, то есть отвечающим ее интересам. А поскольку интересы расходятся, не

совпадают, поиск компромиссов осуществляется в плоскости не абсолютных, а относительных ценностей и сводится к взаимным уступкам, к фиксации „частичной“ (но устраивающей всех) „справедливости“.

Такова теория. С практикой сложнее.

Мне представляется, что нынешнее правительство Израиля ищет некую равнодействующую между ликудовской идеологией („справедливость“) и требованием практической политики (реальность). Кажется, Талейран сказал: политика — это искусство сотрудничать с неизбежностью. Надеюсь, что правительство овладеет этим искусством.

Вопрос. Когда интеллигентный россиянин хочет убедить собеседника в своей лояльности по отношению к евреям, он обязательно говорит о том, что у него есть друзья, родственники — евреи. То есть: „Я вас не чураюсь“. Вот и вы, Александр Евгеньевич, в одном интервью говорили, что первым браком были женаты на еврейке...

Когда еврей хочет продемонстрировать то же самое относительно русских, он оперирует, как правило, другими категориями, не личностными. Он уверяет, что воспитан на поэзии Пушкина и музыке Чайковского, демонстрирует свои знания русской истории или что-либо такого же порядка.

Возможно, я необъективна. И все же я не сталкивалась с ситуацией, когда бы в обычной житейской „разборке“ припоминали, что мораль обоих народов основана на десяти заповедях, данных Богом Моисею. Я уж не говорю о возможности аргументации, основанной на современных знаниях. Вы можете со мной не согласиться. Но почему?

Ответ. Позволю себе заметить, что вы зря обижаете „интеллигентного россиянина“. Такой россиянин, по определению, равно относится и к эллину, и к иудею. И у него нет необходимости (и желания) убеждать кого бы то ни было в „своей лояльности по отношению к еврейскому народу“. Тем более ссылаясь на друзей и родственников.

По-моему, поэзия, музыка и тому подобное здесь вообще ни при чем. Я, например, не понимаю китайскую музыку, не очень силен в китайской истории, плохо знаю китайскую поэзию, но это никак не отражается на моем отношении к китайцам. Они столь же хороши (или

плохи), как евреи или, допустим, немцы. То есть „интеллигентный россиянин“ а priori (он так воспитан папой и мамой, бабушкой и бабушкой) „принимает“ и старается понять любой народ.

Другое дело — степень, глубина понимания. Вот тут вступают в игру знание истории, культуры, а также друзья и родственники. Так, если бы моей женой была китайка, то, наверное, я лучше понимал бы китайцев.

Вы упоминаете заповеди, „данные Богом Моисею“, — аргументация такого рода предполагает веру в Бога. А „интеллигентный россиянин“ в Бога, как правило, не верит (хотя нынче это модно). Ему не нужна эта гипотеза. Гипотеза, унижающая человека. Ведь всякая религия — это страх перед выбором, а значит — бегство от свободы.

Что же касается заповедей, то полезно время от времени перечитывать „Великого инквизитора“. Замечу лишь, что заповедь „не убий“ соседствует в Книге книг с многочисленными рекомендациями убивать без всякой жалости. Мораль, которая держится на страхе наказания, — это мораль рабов.

Так что я, пожалуй, отдал бы предпочтение не тому, кто в знак своей „лояльности“ толкует о верности Ветхому Завету, а тому, кто говорит о друзьях-евреях. Хоть не врет.

Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство».

Перед тем как отдать текст в журнал, я показал его Лене Петровне. Она была против публикации. Логика: если ты пришел в гости и тебя спрашивают: «Вам нравится суп?» — ты ведь не скажешь «нет», даже если суп не понравился. Но суповая логика меня не убеждала. Посоветовался с дипломатами. Они почесали в затылках, но одобрили.

Недооценили мы. Многие читатели гневались. Они не возражали по существу. Они не говорили, что израильтяне точны и деликатны. Они обижались. Они сердились. Они заступались за Тору.

Я потом долго думал. В гостях, конечно, похвалил бы любой суп. Но когда тебя серьезно спрашивают о серьезных вещах — тут другое дело. Проще всего сказать: я — посол и не буду говорить ничего, что может обидеть граждан «страны пребывания». Наверное, надо (можно) говорить. Важен не принцип, а мера. Возможно, я ее нарушил, стоило бы быть помягче...

А теперь — несколько интервью, не заставлявших читателей и Лену Петровну нервничать.

Еженедельник «Калейдоскоп». Фамилия интервьюера не сохранилась. «Формула счастья по Александру Бовину».

Вопрос. Каждый кузнец своего счастья, но не каждому удается выковать его. Как это удалось вам?

Ответ. Перед тем как ложиться спать, мой внук, Макар Сергеевич, подходит ко мне, и я целую сначала одно его ушко, потом другое. Чтобы ночью комарики не кусали. Так мы договорились с ним и с комариками...

Ну что тут „выковывать“? По-моему, главное счастье доступно всем. Оно вовсе не нуждается в молоте и наковальне. „Я помню чудное мгновенье“. Любовь, дети, внуки. Здесь бьет ток счастья. „Чудные мгновенья“ дарят нам друзья, природа, искусство.

Но бывает и другое счастье. Подняться на Эверест. Получить Нобелевскую премию. Стать „мисс Европа“ (или „мисс Малаховка“). Взять в руки свою собственную книгу, еще пахнущую типографией.

Можно и в ином ключе, в ином масштабе людей и дел. Построить дачу. Купить машину. Заработать первый миллион... Всем нам хорошо известно „чувство глубокого удовлетворения“ (ЧГУ). Так вот. Формула счастья — это „ЧГУ + икс“, где „икс“ — некая иррациональная добавка, делающая все вокруг „голубым и зеленым“.

В первом случае все люди могут быть и бывают счастливы, если сами себе активно не мешают. Во втором действительно необходимы „кузнечные работы“, часто — пожизненные, то есть созидательное движение к поставленной цели, борьба за достижение данной цели.

И я тоже „ковал“. Но не счастье. Я ковал скорее самого себя, свое отношение к работе и к людям, наращивал сопротивляемость злу и лжи. Когда получалось — когда нет. Приходилось иногда кривить душой. Но как бы то ни было, старался оставаться самим собой.

Со временем все более строго оцениваешь свой жизненный путь. Мы, шестидесятники, не смогли остановить волну „застоя“. И хотя каждому из нас удавалось время от времени вытаскивать свой „счастливый билетик“, мы не смогли выковать счастье — ни для себя, ни для страны.

Вопрос. Что такое счастье? Ваше мнение.

Ответ. Я уже сказал. Повторю суть. Счастье — это полная победа эмоций над разумом, это восторг, упоение, взрыв радости.

„Тихое счастье“, по-моему, — нонсенс. Впрочем, мой вывод может быть оспорен. Недавно в московской „Литературной газете“ прочитал небольшое стихотворение Александра Кушнера:

Расположение вещей
На плоскости стола,
И преломление лучей,
И синий лед стекла.
Сюда — цветы, тюльпан и мак,
Бокал с вином — туда. Скажи, ты счастлив?
— Нет.
— А так?
— Почти.
— А так?
— О да!

В общем, если, по известному определению, физика — это то, чем занимаются физики, то счастье — это то, что чувствуют, переживают счастливые люди.

Вопрос. А в детстве было ли у вас детство?

Ответ. Если вы имеете в виду атмосферу, отношение ко мне дома, в семье, уличную вольницу, школьные забавы, то было детство в детстве. Счастливое детство? Да. Местами.

Случались и другие „места“.

Вот представьте себе. Мне 7–8 лет. Казарма (мы в военном городке жили). Стою в плотном кольце гогочущих солдат („красноармейцев“, как тогда говорили). Нечто вроде „воскресной школы“. Со мною делятся богатством могучего русского языка. Плюс, так сказать, анализ типичных ситуаций, половое, значит, воспитание...

Всякое бывало. И все-таки детство было. Как и юность. Как и возмужание.

Вопрос. Ваш путь наверх?

Ответ. Боюсь, вы не поверите мне, но вся штука в том, что никакого „пути наверх“ не было. То есть не было составленного загодя

плана систематического, шаг за шагом продвижения на этот самый „верх“...

Все как-то шло само собой. Правильно написал Евтушенко: „Мы делали себе карьеру тем, что не делали ее“. Делать карьеру было неинтересно, интересно было, когда она делалась...

...Пожалуй, только последний участок моей служебной карьеры подпадает под определение „путь наверх“: задача была поставлена и решена.

Вопрос. Нам известно, что вы очень хотели стать послом. Почему именно послом?

Ответ. Насчет „очень“ я не уверен. Хотя, если вспомнить эпизод с Дипломатической академией, то можно считать, что я всю жизнь положил на то, чтобы пробиться в те „верхи“, куда мне перекрыли дорогу в 1948 году.

А если серьезно, тут такая история. Впервые я „попросился“ послом (конкретно — в Люксембург) в самом начале 70-х. Мне нужно было несколько лет, чтобы написать книгу по теории политики. Материал собрал большой, мысли некоторые были. Не хватало только отрешения от суеты. Казалось, Люксембург может дать его. Увы!..

Вместо Люксембурга я попал в „Известия“. Однако за двадцать лет даже самая интересная работа становится рутинной. Да и книга о политике так и не была написана. Вновь мною овладела охота к перемене мест.

Я понимал, что за двадцать лет ситуация изменилась не в мою пользу. Была перейдена пенсионная черта. Ушли многие люди, которые могли бы мне помочь. Пришли новые люди с хорошим аппетитом и крепкими плечами. Люксембург отпадал. Возникла мысль о Новой Зеландии. Вряд ли туда кто-то будет рваться, рассуждал я. Слишком далеко, не слишком интересно, бесперспективно. Как раз, значит, для меня...

И вдруг вместо Новой Зеландии — Израиль. Какая уж тут теория политики. Тут практики невпроворот. Но это как раз не столько пугало, сколько радовало. Было приятно осознавать, что начальство поверило в мои знания, в мой опыт. Новая настоящая работа, новые проблемы, новые люди — это как тонизирующий душ. Тот самый случай, когда заниматься политической практикой гораздо интереснее, чем политической теорией.

Вопрос. Как вам удалось, став послом, сохранить интерес к людям в этом жестоком мире?

Ответ. Во-первых, по-моему, люди, живущие в „жестоком мире“, не менее интересны (если не более), чем люди, живущие в „добром мире“. Люди всегда интересны. Даже „неинтересные“. Во-вторых, почему „удалось“? Посол работает не с абстрактными институтами, структурами, а с живыми людьми. С ними он говорит, их убеждает, пытается понять их и через них — страну, ее порядки, политику. Важно беседовать с министрами, с другими послами, но иногда разговор с „простым“ человеком может дать больше, чем беседа на высоком уровне. Я это понял, еще будучи журналистом. Это подтверждает и моя дипломатическая практика.

Вопрос. Ваши недостатки?

Ответ. Их, к сожалению, немало. Успокаиваю себя тем, что страдаю от этих недостатков прежде всего сам, а не другие люди.

Скажем, недостаточная сила воли. Много раз брался учить разные языки, вплоть до китайского и африкаанс (а теперь уже — вплоть до иврита). Но так и не научился. По-настоящему не говорю ни на одном. Кроме русского.

По поводу других недостатков прошу обратиться к жене.

Вопрос. Какие женщины вам нравятся и почему?

Ответ. Мне нравятся те женщины, с которыми не скучно...

Вопрос. Ваше любимое блюдо?

Ответ. „У меня не вкус, а вкусы“, — ответил Франс на вопрос, не имеющий, правда, отношения к гастрономии. Но аналогия возможна: не любимое блюдо, а любимые блюда. Например, все „пельменеобразные“ (хинкали, бозы, манты и т. д.). „Морские гады“ (креветки, кальмары, лангусты). Хаши (здесь нечто подобное известно как „марак регель“). Эскарго (виноградные улитки в чесночном соусе). И гречневая каша с луком. И... Но хватит. Иначе можно растолстеть. Жена уже много лет ругается и настаивает на переходе к овощам и фруктам. Знаю, что нужно. Да уж больно скучно жевать морковку и даже киви.

Вопрос. Расскажите о своих пристрастиях. Что вы читали в последнее время?

Ответ. Мое главное пристрастие, „хобби“, если хотите, — это моя работа. Она мне всегда нравилась больше, чем собирание марок или

рыбная ловля. Отсюда — первый круг чтения. Специальная литература, без знания которой невозможно поддерживать требуемый уровень профессионализма.

Соответственно, „последнее время“ отражено на моем столе — и на работе, и дома. Сегодня это два последних номера журнала „Тель-Авив“, книга А. Неера „Ключи к иудаизму“. Недавно прочитал „Воры в ночи“ А. Кестлера и мемуары Р. Эйтана.

Чтобы не терять связь с теорией, философией, продолжаю выписывать и читать „Вопросы философии“. У Шемы взял нашумевшую „Розу мира“ Д. Андреева. С опозданием в полжизни штудирую „Открытое общество“ К. Поппера.

С художественной литературой сложнее. Выписываем „Знамя“, „Иностранную литературу“. Плюс „Литературную газету“. Но времени катастрофически не хватает. Хорошо, Лена Петровна мне иногда пересказывает прочитанное.

Вопрос. Этот вопрос к вам не как к дипломату, а как к известному журналисту: что вы думаете о русскоязычной прессе в Израиле?

Ответ. Вы, само собой, можете спрашивать меня как „известного журналиста“. Но именно как журналист я не хотел бы быть судьей моих коллег, других журналистов. И поэтому отвечаю дипломатически: у меня нет времени думать о качестве русскоязычной прессы в Израиле — я читаю ее.

Вопрос. Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?

Ответ. Неужели я так и не успею вновь стать стройным?»

Далее идет серия прощальных интервью. Первое из них, записанное М. Хейфецем для «Вестей», я для экономии места отредактировал.

«Я не очень верю, что можно научить журналистике. Грамоте можно научить, да и то, как убеждает чтение газет, — с трудом. Эрудицией можно загрузить. Но журналист — хороший, нужный людям журналист — появляется тогда, когда жизнь протащит его через свои университеты.

Причем я имею в виду не журналиста-репортера (собака укусила человека), не журналиста — ловца сенсаций (человек укусил собаку), не журналиста-очеркиста (текут мутные воды Сены, Темзы, Рейна и т. д.), а журналиста-аналитика. Я и себя не воспринимал как

журналиста. Скорее как партийного работника, которого „бросили“ на журналистику. Или как ученого, для которого журналистика — нечто вроде прикладной социологии, прикладной политологии...

Выделю три момента, три „аксиомы Бовина“.

Первая. Надо знать то, о чем пишешь. Знать не приблизительно, а досконально. Есть журналисты, которые работают с „натурой“. Приехал, скажем, в Израиль или во Францию, поездил по стране, поговорил с политиками, с „улицей“ — и соорудил статью. У меня другой метод. Я работаю с „бумагой“ — изучаю документы, читаю книги, научные журналы. И затем, сидя у себя в кабинете, пишу. Пишу о политике Франции до поездки во Францию. И далее — Париж, встречи с министром иностранных дел, с коллегами... Тут — критический момент. Если я в кабинете не попал в точку, что-то недоучел, ошибся, вношу, конечно, коррективы. Но, как правило, „домашние заготовки“ не подводили. А „натура“ — материал для разукрашивания („как сказал мне министр иностранных дел...“) загодя сделанного анализа. Что так ценится редакторами и читателями. А для меня все эти „как сказал“ — лишь виньетки, бантики к тексту, который был результатом работы над бумагами.

Не надо бояться не угадать, ошибиться — вот главное для „прогнозиста“. Знания плюс опыт (интуиция) — и можно попробовать заглянуть за горизонт. Бывало, ошибался. Но чаще угадывал. Везло.

Вторая аксиома. Необходимо точно знать, что вы хотите сказать читателям. То есть под каким соусом, в каком ракурсе, пропустив через какую призму, вы считаете нужным изобразить реальное, действительное, хорошо вам известное (см. аксиому номер один) положение дел. Грубо, цинично говоря, вы должны всегда контролировать степень и характер искажения действительности. Иногда эта степень стремится к нулю, иногда достигает „точности наоборот“.

В данном случае я абстрагируюсь от нравственной оценки указанной аксиомы. Ибо сама эта оценка зависит от системы координат, в которой идет работа. Я лишь настаиваю на том, что в любом случае убеждения, взгляды, мировоззрение журналиста отражаются на его творчестве. И лучше понимать, знать это и отдавать себе отчет в содеянном.

И, наконец, аксиома третья. То, что вы хотите сказать людям, надо сказать так, чтобы было интересно читать и чтобы вам поверили. Если аксиома номер один сближает работу журналиста-аналитика с работой ученого, если аксиома номер два показывает его идеологическую ипостась, то аксиома номер три — это область собственно журналистского мастерства, профессиональной пригодности журналиста. Вы можете служить истине (или думать, что служите ей), что бывает редко, вы можете служить интересам (страны, группы, своим), что бывает гораздо чаще, но как бы то ни было, вы должны уметь убедить людей, заставить их поверить вам. Как минимум — заставить читателей отнестись к вам серьезно, задуматься над вашими аргументами.

Далее. Не следует слишком серьезно относиться ни к своей работе, ни к самому себе. Доказательства? „Вся наша жизнь — игра!“ И еще: если ко всему и, главное, к самому себе относиться серьезно, можно сойти с ума. Сказанное вовсе не означает, что можно работать кое-как, спустя рукава. „Коекакерство“ недопустимо! Но можно уметь видеть себя и свою деятельность как бы со стороны, с определенной дистанции и с хорошей дозой иронии...

Когда меня спрашивают, какова ваша специальность, отвечаю: я дилетант высокой квалификации. Из двух установок: знать все о чем-либо или знать что-либо обо всем — я выбираю последнюю. Так мне интереснее, веселее, если угодно, жить и работать. И тут начинается игра. Я симулирую узкий профессионализм. Если я пишу о Китае, то стремлюсь написать так, чтобы китаист видел во мне коллегу. Если об Антарктиде, то должно создаться впечатление, что я — за неимением там министра иностранных дел — беседовал с пингвинами. И так далее. Бывали иногда проколы. Чем-то, помню, специалист по Кот-д’Ивуар однажды был недоволен.

Кстати, здесь за пять с лишним лет я как журналист существенно дисквалифицировался. Сузился мой горизонт: дальше Израиля и его окружения вижу с трудом. Придется наверстывать. Хотя время становится все дефицитнее...

И последнее, самое-самое главное. Не помню уж где, но прочитал я про рабби Зусю из Аннополя. Он перед смертью сказал: когда я предстану перед Высшим судом, меня не спросят, почему я не был Авраамом, Яковом или Моше... Меня спросят: почему я не был Зусей.

Вот в этом вся штука. Главное — быть, оставаться самим собой. Иначе невозможно сохраниться как личность, сохранить самоуважение и уважение людей. Это трудно. Особенно журналисту. Иногда приходится — мне, во всяком случае, приходилось — кривить душой, наступать на горло собственной песне. Допуски неизбежны. Но тактика не должна превращаться в стратегию. Без этого стержня — оставаться самим собой — не может быть журналиста. Настоящего, разумеется...»

* * *

А это интервью брала Инна Стессель, очаровательная рыжая женщина из Хайфы.

— Время летит быстро. Прошло пять лет с тех пор, как вы приехали в Израиль в качестве посла — тогда вы представляли еще СССР. В первом интервью, которое я взяла у вас, вы вполне уверенно прогнозировали близкое будущее и несколько осторожнее — дальнее. Что из ваших предположений, вы считаете, оправдалось? В чем вы ошиблись?

— Вы явно переоцениваете мои возможности. Не помню, что именно я «прогнозировал». И рад этому. Ибо лучший способ сойти с ума — помнить все, что когда-либо говорил. Не следует воспринимать себя слишком серьезно.

— Вы имеете в виду и дипломатов?

— Даже журналистов. Тот, кто относится к себе слишком серьезно, смешон. И несчастен, ибо весь — в комплексах неполноценности.

— Я все же напомним вам. Тогда, пять лет назад, у вас были очень невеселые предчувствия относительно близкого будущего России. Время подтвердило их или опровергло?

— Веселого и сейчас мало. И в этом смысле мои предчувствия подтвердились. И тем не менее я убежден (и тогда был, и ныне), что Россия одолеет тяжелую болезнь, выздоровеет, встанет на ноги...

— Все эти годы дипломатический статус не позволял вам быть более, чем положено по протоколу, откровенным. Сегодня, завершая свою деятельность в Израиле, у вас нет соблазна предоставить возможность высказаться Бовину-журналисту? Или оценки журналиста

и посла вполне совпадают? Я имею в виду впечатления об Израиле... В плане политики, общественного устройства, культуры...

— Нельзя быть немножко беременной. Если я «завершаю» завтра, то сегодня я еще заключен в упомянутый вами «статус».

Так что вам — увы! — приходится беседовать с дипломатом.

Что же касается «соблазна» перевоплотиться в журналиста, то с ним, как и с любым соблазном, надо бороться. Не потому, что оценки посла и журналиста не совпадают, но потому, что — находясь в гостях — не стоит всегда быть откровенным. Не из-за «статуса», а по причинам деликатности, такта, вежливости, если угодно.

Ну, нельзя же, в самом деле, ориентироваться на дураков. Есть категория суперпатриотов, которые постоянно требуют легенд, хотя ничто так не вредит народу, как мифология. Говорил же классик: «Правда — религия свободного человека».

Насчет «правды» процитирую другого «классика»:

Ты думаешь, правда проста?

Попробуй, скажи.

И вдруг онемеют уста,

Тоскуя о лжи...

Оба классика, как и положено классикам, склонны к преувеличениям, односторонностям. Не принадлежа к классикам, я позволю себе держаться ближе к здравому смыслу и ориентироваться — в данном случае — не на этические максимы, а на обстоятельства и людей, которые меня окружают.

От абстракций перейду к фактам. Однажды меня спросили: что вам не нравится в Израиле? И я, представьте себе, честно ответил — не как посол, не как журналист, а «просто» как человек, живущий несколько лет в Израиле и смотрящий по сторонам. Очень, казалось мне, вежливо ответил, с оговорками всяческими... Обругали, конечно. И читатели журнала «Алеф», и — главное! — моя родная жена. Читатели — за выход из «статуса»... Жена — за бестактность: «Ты ведь, придя в гости, не скажешь хозяйке, что она пересолила суп». И крыть нечем. Ваш аргумент — «дураки» — тут явно не подходит.

Общий итог «прост, как правда». Впечатления об Израиле? Израиль това!

— Евреи, как вы наверняка заметили, чрезвычайно чувствительны к тому, что о них говорят, как их воспринимают. Вас всегда считали чуть ли не юдофилом, во всяком случае, симпатизирующим евреям. Вы сохранили после пяти лет в Израиле то отношение, с которым приехали? Или сегодня у вас другое настроение?

— В принципе я «симпатизирую» всем хорошим людям — и арабам, и немцам, и чукчам. Но особенно тем, кого всю дорогу обижали, — армянам, например, или евреям. Здоровый инстинкт нормального человека.

За пять с лишним лет я лучше узнал евреев. И в жизни. И по книгам — много читал по еврейской истории, философии, культуре. Уезжаю более богатым, чем приехал. И с более основательным, надеюсь, знанием как плюсов, так и минусов Израиля и израильтян.

— А для вас еврей и израильтянин — одно и то же?

— Теоретически — нет. Израильтянин — это еврей и еще что-то. Содержание этого «что-то» вряд ли поддается спецификации в рамках интервью.

— Могли бы вы объяснить, как вы понимаете причины антисемитизма? Не считаете ли вы, что самим евреям следовало бы проблему антисемитизма проанализировать не только с точки зрения вечной и заведомой жертвы? Или «вежливость» не позволяет вам обсуждать эту щекотливую тему?

— Тема не столько щекотливая, сколько объемная, громоздкая, требующая пространных размышлений. Кстати, именно «сами евреи» многократно анализировали проблему антисемитизма со всех возможных точек зрения. В том числе и с точки зрения причин. Мое же понимание можно коротко свести к следующему.

Антисемитизм, по-моему, — реакция на непохожесть, необычность евреев, их фанатизм, как виделось со стороны, в отстаивании, оберегании своей веры, своих обычаев, своего образа жизни. Реакция на их взаимовыручку, взаимоподдержку, необходимую для выживания народа во враждебных условиях. Это, как мне представляется, самая общая, уходящая в древность причина.

Далее — «подпричины». Бытовой, «низовой» антисемитизм питался образами евреев-ростовщиков, торговцев, корчмарей и прочих шейлоков мелких калибров. Антисемитизм «верхов», элитный антисемитизм отражал, как думается, боязнь конкуренции способных,

талантливых людей в науке, искусстве, управлении, а также в торгово-финансовых делах крупного масштаба. Питают, поддерживают антисемитизм разного рода мифы («кровь младенцев» и т. д.), первоначально возникшие в недрах христианства, а затем ставшие элементами массового сознания. Наконец, нельзя не сказать и о том, что нередко «власти предержажие» используют (и насаждают) антисемитизм, рассчитывая таким путем получить поддержку определенных социальных групп.

— Вас не раздражает нынешнее стремительное обогащение довольно большой категории людей в России, ничего не производящих? Не тревожит моральная деградация, когда все подчинено одному — добыванию денег? Вам в школах Толстого, Чехова, Гоголя собираются преподавать в адаптированном виде. Пошлость самая низкопробная правит бал на экранах телевизоров, в прессе.

— «Раздражение», пожалуй, не самое точное слово. Печально, разумеется, когда у кого-то нет денег, а у тебя (в данном случае — у меня) их мало. Обидно. Но как ученый, как человек, достаточно хорошо знающий социальную историю и психологию масс, я понимаю, что материальное неравенство еще очень долго будет сопровождать (и питать) социальный прогресс. Нужны «лишь» механизмы, которые могли бы сглаживать неравенство. Такие механизмы уже «придуманы», они неизбежно появятся и в России.

Насчет «ничего не производящих» у меня сомнения. В массе своей эти самые «не производящие» производят — варварски, жестоко, часто преступно, — но производят очень важную «продукцию» — рыночную инфраструктуру, рыночную психологию, рыночные привычки. Жуликов, преступников надо сажать (чего мы еще не умеем делать). А другие «ничего не производящие» пусть производят.

Беда в том, что в реальной истории, в реальном социуме трудно отделить овец от козлиц. И «производство» рынка неизбежно связано — особенно на первоначальных этапах — с культом денег, с царством пошлости, с деградацией моральных ценностей. Все это есть, и все это до невозможности противно.

— Россия сегодня пытается вступить второй раз в одну и ту же воду. Сто лет назад она уже совершила попытку войти в капитализм, попытка оказалась сорванной. Спустя век вновь вернулись к «периоду первоначального накопления»... Но, может быть, и в самом деле

капитализм — не русский путь? Вон какие уродливые формы он приобретает. Они режут глаз на фоне «капитализма с человеческим лицом», сформировавшегося в цивилизованных странах. У них было время поработать над своим капитализмом...

— По существу вы сами ответили на заданный мне вопрос. Но мой ход мысли будет несколько иным.

Во-первых, Россия вступила в совсем иную, принципиально иную «воду». Ибо конец XX века — после почти столетнего господства «социализма» — фундаментально отличается от конца XIX века.

Во-вторых, никто в России не знает, куда она идет, равно как никто не знает, что такое «русский путь».

В-третьих, я бы предпочел «социализм с человеческим лицом». Возможны варианты: «капитализм с социалистическим лицом» или «социализм с капиталистическим X» (вместо X каждый подставляет то, что ему нравится).

А теперь вернусь к «балу» на телевидении. Я придерживаюсь консервативных, «просвещенческих» взглядов, соответствующих моему возрасту. Телевидение, радио, газеты, книги должны, конечно, и развлекать, и информировать, но — и это общий знаменатель — должны делать людей добрее, умнее, — словом, лучше. А сейчас вся эта махина работает на оглушение, принижение, озлобление человека. СМИ (средства массовой информации) превратились в СМО (средства массового оглушения). Навсегда? Думаю, нет. Надолго? Возможно. Россия прошла уже много голгоф. Пройдет и эту.

А вот адаптированный Толстой меня не волнует. Я очень жалею, что не смог, не успел (и не успею) прочитать массу интересных книг. Не сердитесь, но я за «Всемирную библиотеку адаптированной литературы». Скажем, «Французская классика» в пяти томах. А кто захочет, может одолеть два тома «Семьи Тибо». Тут важен не принцип, по-моему, а качество адаптации.

— Не пугайте меня! Если уж вы готовы поддаться веяниям безумного нашего времени... Кому нужна адаптированная «Анна Каренина»? При самом умелом сокращении произойдет надругательство. Лучше вообще поставить крест на литературе. А для самых любознательных изготовлять «умело» составленные аннотации, в которых та же «Каренина» будет выглядеть рядовым любовным треугольником.

— Это вы меня пугаете. Своим максимализмом, крайностями. То — «дураки», то — «надругательство», «крест» (простите!). Я не уверен, что мы с вами знаем, кому что нужно. Но уверен, что кому-то будет нужна «умело» адаптированная «Анна Каренина». И даже уверен в том, что человек, осиливший «Всемирную библиотеку адаптированной литературы», будет богаче того, кто поставит крест на литературе.

Пусть люди выбирают. Это — их право. А вы можете «агитировать», доказывать, что надо читать «Войну и мир» «в подлиннике» и не надо смотреть «Поле чудес» или «Санта-Барбару».

Я, например, буду настойчиво советовать внуку прочитать «Анну Каренину».

— По всем предсказаниям — старинным и современным — в нашем регионе вот-вот разразится война. Та самая. «Гога и Магога»... Вы, как я знаю, человек не мистического склада, ко всяким там Нострадамусам относитесь скептически. Это распространяется и на данное предсказание? Как вообще вы видите будущее Израиля в свете нынешней политики его руководства?

— Я пытался штудировать Нострадамуса и комментарии к нему. Пришел к выводу, что все его пророчества — нуль, пустота, прикрытая дымовой завесой многословия. Если можно, давайте без Нострадамуса.

— Давайте. Но — с Гогом и Магогом!

— Хорошо. Все войны Гога с Магогом уже в прошлом. Мне представляется, что люди — при всей чудовищности того, что мы еще можем видеть, — поумнели настолько, чтобы не допустить катастрофы.

— Так вы верите в человеческое благоразумие? Если судить по тому, как люди лихо расправляются с природой, не очень-то в это верится...

Александр Евгеньевич, если с коммунистическими надеждами вы, похоже, распрощались, то материалистом остались. Вы все еще убеждены, что от человека многое зависит? Между тем одни только вспышки на Солнце вызывают катаклизмы на Земле. Чем же поможет благоразумие людское, даже если допустить, что человек таковым обладает?

— Уж больно вы, Инна, решительны и как-то «бесповоротны», что ли... Начну с того, что я не распрощался с коммунистически ми убеждениями, так как убежден, что люди смогут пробиться в такое будущее (создать его), где не будет войн и где не нужно будет свое

благополучие строить на неблагополучии другого. Равно как остался материалистом, атеистом, рационалистом. История — это не только прогресс в развитии свободы, как утверждал Гегель, но и прогресс в развитии «благоразумия».

Попробую растолковать это на близком для вас материале. Если вы раскроете Тору и прочтете главу «Мишпатим» (которую как раз и нужно читать в эту неделю), то узнаете, что колдуний надо убивать (точнее, не оставлять в живых). А теперь оставляем. Поумнели, значит, стали благоразумнее. Я уж не говорю о том, что там же рекомендуется «истреблять» идолопоклонников. Но ведь не истребляем — благоразумие не позволяет. И т. д. и т. п.

А вспышки на Солнце и прочие катаклизмы вселенского масштаба тут, по-моему, ни при чем. Космос сильнее человека. Но мы толкуем не о делах космических, а о делах земных, где от человека зависит не только «многое», но почти все. Люди обрели способности «расправиться» с природой (что равносильно самоубийству человечества перед лицом равнодушной к нему и вечной природы). Но люди же способны «спасти» природу (а значит, и самих себя). «Зеленые» спасут мир — на этом стою и не могу иначе. Теперь — «о нынешней политике» израильского руководства. Вы ставите меня в патовое положение. Если я скажу, что она хорошая, удивится российское руководство, а если я скажу что-либо иное, удивится руководство израильское. Лучше помолчу.

— Жаль. Хотелось бы услышать именно вашу оценку.

— Что делать? Служба. С будущим Израиля легче. Кажется, Бен-Гурион сказал: «Все специалисты — специалисты по прошлому, специалистов по будущему нет». А с дилетантов какой спрос. Поэтому я не боюсь повторять: пока Россия и США не переругались, войны здесь не будет.

— Давайте чуть-чуть уйдем от проблем глобальных и поговорим о вас лично. Не возражаете?

— Ни в коем разе.

— В очередной раз вам предстоит начать новую веху. Это вас радует или так себе? Чем вы предполагаете заняться по возвращении в Москву?

— Не радует (уже возраст не тот) и не огорчает (еще возраст не тот). Жизнь продолжается. «Снова и снова».

Что буду делать? Еще не знаю. Если бы было лет на двадцать поменьше, попросился бы послом в Исландию. Там попроще, чем в Израиле. И нет «мирного процесса». И фалафелей вроде бы нет. Но зато много рыбы и даже, говорят, фаршированной. Если бы мне было лет на двадцать побольше, я бы сосредоточился на сдаче анализов и выращивании морковки. А вот что в «золотой середине», пока не придумал. Наверное, напишу пару книг. Одну об Израиле, другую о времени, в котором пришлось жить («Клочки прошлого», так будет называться). Может быть, вернусь к журналистике. Посмотрим.

— Насколько мне известно, вы, такой гурман, сегодня придерживаетесь диеты, совершенно не пьете, ведете образ жизни, вам не очень свойственный. Это вас не тяготит? Вы собираетесь удерживаться на достигнутом? Шутливое: «Нет ничего легче, чем бросить курить, я столько раз это делал».

— Я курил сорок пять лет — с первого класса. Надоело. Бросил.

Вот так и пить надоело. Свою норму я выполнил. Перед казной долгов (и по табаку, и по выпивке) не имею. А поскольку пища перестала принимать форму закуски, возник дополнительный эффект — стал худеть. И молодеть опять же. Буду держаться. Следующую поллитру — если, конечно, хватит денег на хороший закус — выпью 7 ноября 2017 года. Уже начал собирать компанию...

— Как вы вообще относитесь к людям? С любопытством? Или вы уже давно о них все знаете? А к женщинам? Женщины играли в вашей жизни значительную роль или, так сказать, подсобную?

— К людям отношусь с огромным любопытством. Нет ничего интереснее. Это относится и к женщинам. А «подсобную роль» в моей жизни играли мужчины.

— Поскольку в политике, как я понимаю, вы будете придерживаться дипломатической сдержанности до последнего дня пребывания на посту посла, попробую «раскрутить» вас на фронте личной жизни... Если, конечно, позволите.

— Давайте-давайте...

— ...Итак — сколько раз вы были женаты?

— Два.

— Есть ли определенный тип женщин, который вам нравится?

— Нет. Я разделяю подход Анатоля Франса: у меня не вкус, а вкусы.

— Ваша жена — обаятельнейшая женщина. Насколько мне известно, вы вместе давно.

— Тридцать пять лет, кажется.

— Срок солидный. И это благодаря ее удивительным качествам или вы достаточно «легкий» муж? Хотя, признаться, ваша «легкость» кажется мне сомнительной.

— Не сомневайтесь. Муж я действительно не «легкий». Трудный муж. Но, видимо, мы с Петровной поняли, что лучших вариантов не будет.

— Вы всегда были опасно близки к верховной власти. Много ли было в вашей деятельности такого, о чем предпочитаете не вспоминать и хотели бы, чтобы и другие не помнили?

— В моей жизни были сюжеты, о которых я предпочитаю не вспоминать, а когда вспоминаю — мне становится стыдно. Но никакого отношения к «верховой власти», вообще к власти эти сюжеты не имеют.

— Вы не сентиментальны? Вам не трудно расставаться с людьми, с местами, к которым привыкли? Как вам сейчас видится — спустя какое-то время захотите побывать в Израиле? Или завершилась работа, поставлена точка, и никакие эмоциональные узы вас не связывают с этой страной?

— Трудно судить о себе. Скорее всего, я не сентиментален. Но расставаться всегда грустно — и с людьми, и с местами.

Побывать в Израиле, несомненно, захочется, ведь я оставляю здесь не только почти полцентнера собственного тела, но и добрых знакомых, уже привычные пейзажи, да и вообще — пять лет напряженной жизни.

— Как вы переносите стремительность времени — с философским смирением? С печалью? Стараетесь об этом не думать?

— Наоборот, стараюсь думать, — время, его темп, его природа и содержание — интереснейший объект для анализа, для «философствования». Стремительность времени — стихия, в которую я погружен. «Безумное», как вы изволили выразиться, время — это интереснейшее время, мое время...

Знаю, что время несет меня в небытие. Помните, у Брюсова: «Я жил, я мыслил, я прошел, как дым». Печаль? Наверное. Но светлая печаль. Все-таки и жил, и мыслил...

— Вы — счастливый человек. Страх времени — самый жесточайший страх... Завидую вашему восприятию времени...

— Не завидуйте. Кто знает, что я буду чувствовать после 7 ноября 2017 года...

— Александр Евгеньевич, ваш скорый отъезд настраивает на элегический лад. Скажите, если бы время вернулось вспять и юному Бовину предстояло все начинать сначала, он согласился бы на такой вариант судьбы, который выпал вам?

— Да. Я готов повторить свою жизнь, свою судьбу.

— Я понимаю, нет практически вопросов, которые вам еще не заданы настырными журналистами... Но может быть, вам самому хотелось бы что-то сказать нам напоследок?

— Кому «вам»? «Русским» израильтянам?

— И «русским», и израильтянам вообще.

— «Русским» я желаю, чтобы на «исторической родине» они наконец почувствовали себя как дома. Чтобы они помнили свою родину без эпитета. И чтобы дети и внуки их не забывали русский язык — окно в огромный, неисчерпаемый мир русской культуры.

— А израильтянам?

— Надо держаться. Перефразирую Черчилля: «Если израильтяне не справятся с действительностью, действительность справится с израильтянами». Надеюсь, они справятся («Новости недели», 28.02.97).

* * *

Следующая — Марина Аристова в «Вестях», дочь очень интеллигентной мамы, могла бы стать «сверхновой» израильской русскоязычной журналистики, но не выдержала внутривидовой борьбы:

НЕ ПРОЩАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Пять лет пролетели как один день. Но когда начинаешь вспоминать, чем были наполнены эти годы, понимаешь, что это не так.

Выстрелы и выборы, взрывы и визиты, скандалы, взлеты, падения, конфликты, примирения, спектакли, концерты, встречи... И что бы ни происходило, мы всегда ощущали рядом присутствие человека, который не просто исполнял служебные обязанности посла, но жил нашей жизнью, не отказывался ни от каких приглашений, и все ему было интересно.

Многие спрашивают у Бовина: «Почему вас не оставляют на второй срок?» Но у послов нет «сроков», а как говорит сам Александр Евгеньевич, «я и так самый старый из всех послов».

Как бы то ни было, России трудно будет найти другого такого посла — открытого навстречу всем, не застегнутого на все пуговицы, вносившего сердечность и простоту в любые отношения.

Думаю, что во многом личность Александра Евгеньевича Бовина повлияла на тот образ России, который сложился у израильтян. А мы — разве не испытывали мы гордость за то, что страну, в которой мы выросли, представляет такой человек?

Бовин никогда не вмещался в узкие рамки своей должности — «спичрайтера», телеобозревателя, журналиста-международника, посла. Быть может, главное его качество — всегда оставаться самим собой, умным человеком и интересным собеседником.

И поэтому мы не прощаемся с ним. Уезжает посол, но остается на расстоянии трех часов лета, на расстоянии телефонного звонка — Бовин.

И сегодня я обращаюсь к нему не как к послу, а как к человеку, который наблюдал нашу жизнь в непосредственной близости и мнение которого по поводу этой самой жизни не может не быть интересным.

— Александр Евгеньевич, вы впервые побывали в Израиле в 1979 году. В чем главное отличие нынешней страны от той, которую вы увидели тогда?

— Теперь я всюду слышу русскую речь. Тогда это было редкостью. И еще: теперь в Израиле появились прекрасные вина.

— Что ж, связь этих двух явлений обещает нам интересное будущее. Но давайте обратимся к настоящему. Израиль — странная страна. Она образована «по декрету» и поэтому миновала обычные стадии исторического развития. Сказывается ли это, на ваш взгляд, на нынешнем состоянии государства?

— История, прошлое любой страны сказывается на ее настоящем. Однако на настоящем Израиля сказывается скорее отсутствие собственной истории, почти двухтысячелетняя пауза между израильскими государствами *in vivo* и *in vitro*. Если история еврейского народа исчисляется тысячелетиями, то история нынешнего еврейского государства еще не перешагнула через полувековой рубеж. Здесь, в особенностях образования Государства Израиль, таких как наличие враждебного окружения, разнородность, мозаичность социума, чрезмерная зависимость от внешних факторов, — источник, по-моему, многих нынешних проблем. И потом: большинство граждан Израиля — жители страны во втором, максимум в третьем поколении. Это порождает особую психологию, отличную от психологии англичан, скажем, или французов, веками укорененных в своей земле. Отсюда — некоторая специфика нравов, институтов, всего строя жизни. Кое-что выглядит как бы собранным на живую нитку.

— Что, по-вашему, тормозит развитие Израиля?

— По существу, я уже сказал об этом, перечисляя проблемы, в которые погружено израильское общество. Далее можно идти в разных направлениях. Тормозом, несомненно, служит наличие мощнейших бюрократических, монополистических структур. Другой тормоз, на мой взгляд, — то, что можно назвать клерикализмом. В принципе я не вижу разницы между ортодоксией Торы, ортодоксией Корана или ортодоксией Евангелия. В любом из этих случаев людей пытаются лишить свободы выбора, подчинить их жизнь правилам и установлениям, принадлежащим вчерашнему дню. Обычное, демократическое решение — отделение церкви от государства. Богу Богово, кесарю кесарево. Однако в Израиле такой подход потребовал бы нетрадиционного решения другой фундаментальной проблемы...

— Что значит быть евреем? Кто такой еврей — человек, принадлежащий еврейской религии? Вы это имеете в виду?

— Именно. Но ответить на ваши вопросы я не готов. Во всяком случае, негра или, скажем, японца, прошедшего гиюр, мне, да и не только мне, трудно считать евреем. Хотя с точки зрения официальной такие люди являются стопроцентными евреями. Но можно ли их назвать чистокровными евреями? Если я правильно чувствую историю, ее пульс, ее тенденции, то «чистокровность» все-таки возьмет верх над «стопроцентностью».

— Говорят, вы каждую неделю читаете соответствующую главу Торы. Правда ли это, и если да, то зачем?

— Правда. Читаю Пятикнижие плюс комментарии. Вот уже иду по четвертому кругу. Есть специальная тетрадь, где отражены мои библейские штудии. Зачем? Во-первых, просто интересно. Ведь огромный пласт культуры уходит в библейские сюжеты. Так что повышаю свой культурный уровень. Во-вторых, чтобы лучше понять собственно еврейскую и израильскую культуру, ее образный, метафорический ряд, лучше понять еврейский менталитет. Ну и, в-третьих, извините за пижонство, — чтобы было чем удивить израильских собеседников.

— Не могли бы вы кратко, в двух словах, сформулировать свое впечатление от Торы?

— Мудрость и жестокость. Так, пожалуй. Точно в двух словах.

— Александр Евгеньевич, у меня сложилось впечатление, что, находясь в Израиле, вы вели себя как Бальзак, который стоял чуть в стороне и с интересом наблюдал «человеческую комедию». Рамки этого интервью не позволяют, конечно, расспросить вас обо всем, о чем хотелось бы, поэтому ограничусь одним вопросом: изменилось ли ваше мнение о евреях после того, как вы наблюдали их в непосредственной близости в течение пяти лет?

— Вы ошибаетесь. Если я и стоял в стороне, то не как писатель, собирающий материал для изображения человеческих нравов, а как неизраильтянин, нееврей, заброшенный судьбой в эту страну. А поскольку моей главной задачей было наведение мостов взаимопонимания между Россией и Израилем, в стороне я стоять не мог и не хотел. Мне важно было вжиться в «страну пребывания», понять ее людей, ее политиков и политику и донести это понимание до Москвы.

— И вы решили свою главную задачу?

— Ее нельзя решить. Ее можно и нужно постоянно решать. Что-то мне сделать удалось. Но многое осталось за пределами моих возможностей. И с точки зрения понимания, и с точки зрения воздействия на политические и экономические реалии. Говорю алгебраическими формулами, чтобы не утомлять вас и читателей скучной материей дипломатических будней.

— И все же каково ваше неалгебраическое мнение о евреях — о евреях здесь, в Израиле?

— Ну что ж. Раз вы настаиваете... Да, мое мнение изменилось. Судя по тому, что я видел и знал в России, по тому, что читал об Израиле, я воспринимал израильских евреев как некую «соборность» (извините за термин из другого лексикона), некую внутренне спаянную общность, а израильское общество — как социум, пронизанный нитями взаимной помощи, взаимной поддержки. А тут, читая «Вести», «Нашу страну», другие газеты, то и дело вспоминаешь Гоббса: Homo homini lupus est («человек человеку волк», если меня не подводит университетская латынь). И такое еще, более частное наблюдение: много хороших журналистов, но весьма средняя журналистика, есть хорошие политики (ученые, музыканты, бизнесмены etc), но... Количество угнетает качество — такая вот странность.

А теперь попытаюсь реабилитироваться в глазах израильтян. Я, конечно, знал, что евреи изменили облик Палестины. Но то, что я здесь увидел, — фантастика! Особенно если учесть, что все, что сделано, сделано в труднейших, часто — в чрезвычайных условиях. Ведь история Израиля — череда видимых и невидимых битв, в которых решалась судьба наконец-то возрожденного государства. Только находясь на Земле обетованной, я смог понять и почувствовать это.

— Александр Евгеньевич, я думаю, что вам не нужно делать дипломатические реверансы. Нам ведь интересны ваши «недипломатические» мнения. Мне, конечно, особенно хотелось бы, чтобы вы развили свою мысль по поводу местной журналистики...

— Боюсь, что тонкий лед оценок не выдержит разговора по существу. Ведь я в гостях, а моя жена, Лена Петровна, учит: в гостях даже пересоленный суп надо хвалить. Ограничусь одним наблюдением. Мне кажется, что израильская журналистика выиграет, если журналисты будут тратить больше энергии и ума на анализ проблем и меньше на обличение друг друга и вообще — на обличение. На этом давайте поставим точку и будем выбираться на более безопасное место.

— Ну что ж, не смею спорить с Леной Петровной... А что вы думаете о месте «русских» и русскоязычной культуры в современном Израиле и о распространенном стереотипе по поводу «русского гетто»?

— О «гетто», на мой взгляд, могут говорить только люди, ничего не понимающие в происходящем. Мы являемся свидетелями интереснейшего процесса — формирования израильской культуры. И русскоязычная культура служит одной из главных ее составляющих.

Наряду с идишской и арабской, надеюсь. Наряду с базовой культурой, уходящей корнями в иудейскую древность. Я, разумеется, безжалостно упрощаю, но упрощаю, чтобы яснее была основная мысль.

А в более общем плане — и развитие сионизма, и образование Израиля, и его история во многом связаны с «русскими» (польскими, украинскими, белорусскими) именами. Без них земля здешняя была бы «пуста и нестройна» (вот видите, и Тора пригодилась!). Какое уж тут «гетто».

— Самой острой проблемой в жизни Израиля является арабо-израильский конфликт. Существует ли, на ваш взгляд, выход из него? Насколько мне известно, вы критически относитесь и к позиции израильских левых, и к позиции правых.

— Как политик, как дипломат в обозримом будущем я не вижу выхода, который устроил бы обе стороны. Как журналист-международник могу предложить вам некоторые соображения. Левые трясут яблоню, не дожидаясь, пока яблоки созреют. Правые же полагают, что яблоки не созреют никогда. Мое мнение — яблоки все-таки созреют, но ждать придется долго, очень долго. И реальный смысл коспонсорства Америки и России (если упрочится их партнерство) я вижу в том, чтобы не допустить взрыва на Ближнем Востоке, гарантировать длительную полосу мира, мира для переговоров, которые будут знать спады и подъемы, большие и малые кризисы, будут сопровождаться террористическими актами, конфликтными ситуациями, но — и это главное! — будут продолжаться. «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними», — говорили римляне. И я уверен: изменятся времена, изменятся арабы и евреи. И тогда яблочко упадет...

— Вы верите в «Новый Ближний Восток»?

— Да, верю. Но не верю, что доживу до него. Как, наверное, не доживу и до новой России. Правда, вернувшись в Россию, я постараюсь помочь тем, кто стремится ускорить ее трансформацию в великую, процветающую, демократическую державу. Хочется дожить...

— Расскажите, что вы думаете об этой нынешней России?

— Россия больна. Очень больна. Россия на перепутье. И вот тут главная проблема. Мы знаем (или думаем, что знаем), от чего уходим. Но мы не знаем, куда идем. Какова наша цель? Капитализм с человеческим лицом или, простите, с социалистической задницей? Или

все-таки социализм, но социализм, облагороженный свободой, социализм с рыночным мотором? И пока мы не ответим на эти фундаментальные вопросы, все, что мы делаем, реформы и покушения на реформы, бесчисленные, громоздкие творения чиновничьего разума будут производить впечатление сумбура, беспорядочного метания из стороны в сторону, схваток старой и новой номенклатур вокруг еще недорастающих богатств России.

Люди не знают, не могут понять, что происходит, куда их ведут, что их ждет... И это усугубляет тревогу, боль, страдания десятков миллионов людей. Россия, конечно, не Албания. Но отчаяние может дать страшные плоды.

Слышал, что группе ученых поручено сочинить «национальную идею». Нонсенс, по-моему. Сочинить, написать можно речь или даже книгу для президента, доклад для премьера, но сочинить «идею», да еще «национальную», нельзя. Если, конечно, не иметь в виду новое издание тоталитарной, навязываемой людям идеологии.

В общем, хватит тратить энергию впустую, хватит надувать щеки по поводу НАТО. НАТО — вчерашний и позавчерашний день мировой политики. Не НАТО угрожает нам, а собственная безалаберность, собственная беспомощность, нежелание (или неумение) говорить с россиянами по делу, серьезно, человеческим языком...

— Как вы думаете, учитывая все сложности и противоречия российской жизни, возможна ли такая ситуация, когда Москва вновь разорвет отношения с Иерусалимом? Или приняты какие-то документы, которые исключают возврат в прошлое?

— Никакая бумага не может быть гарантией. Гарантией могут быть только интересы. И я не вижу ситуации, когда интересы России потребуют разрыва отношений с Израилем. Но тут необходимо сделать важное уточнение. Интересы страны формулируются людьми, находящимися у власти. А в нынешней круговерти очень трудно сказать, кого вынесет судьба на вершину власти в России. Так что сохраняется значительная степень неопределенности.

— Будем оптимистами?

— Будем.

— Александр Евгеньевич, вам, наверное, не нужно рассказывать, какой любовью и популярностью вы пользуетесь в Израиле. Вернетесь ли вы в эту страну, где вас всегда ждут?

— Спасибо за добрые слова. Если то, что вы говорите, — правда, это — высшая награда, которую может заслужить посол. Что же касается моего возвращения в Израиль, то я рад буду появляться здесь, если хватит денег на билет сюда и обратно.

— Значит, мы не прощаемся («Вести», 10.04.97).

* * *

Теперь на очереди — Полина Копшеева (радиокличка — Лиора Ган, в переводе с английского — гражданка Пистолетова). Она уже много лет возделывает свой русскоязычный участок, зарегистрированный под названием «Обнаженная натура». Обнажает всех, кого сумеет зашучить. И я попадался. И вот — последний раз.

ГОВОРIT ШАГРИР САША

Прошли банкеты, приемы, прощальные вечеринки на улице ха-Ноф в Савьоне. К моменту публикации этого материала Александр Бовин, первый посол Российской Федерации в Израиле, уже вернется в Москву. Перевернута очередная увлекательная страница, которой, как мне кажется, суждено войти в историю. А другая страница, не менее захватывающая, — своеобразные отношения Бовина с нами, израильскими журналистами. Честное слово, страшно жаль, что, подняв трубку, больше не услышишь: «Привет! Говорит шагрir^[26] Саша...» Но пока еще мы сидим с ним вдвоем на осиротевшей — Лена Петровна уехала в Москву — вилле, пьем израильское полусухое и беседуем.

— Я проверила: ваша «обнаженная натура» появилась в «Калейдоскопе» 18 августа 1994 года. Сегодня мне, среди прочего, захотелось пробежаться по некоторым вопросам, заданным три года назад.

— Давайте попробуем.

— Я спросила, каким, на ваш взгляд, должен быть идеальный дипломат. Вы ответили: «Элегантным, умным, симпатичным,

контактным, образованным...»

— Видимо, тогда я еще плохо разбирался в дипломатах... Сейчас скажу так: идеальный дипломат не должен относиться к своей персоне слишком серьезно. Без хорошей дозы самоиронии не обойтись, иначе будет тяжело и окружающим, и самому дипломату...

— И вы полностью соответствуете критерию?

— В смысле самоиронии — да. В остальном же — проверим. К элегантности я начинаю приближаться только сейчас. Контактность в норме. Образованным был давно, но дипломатия тут вроде ни при чем. Симпатичным и умным быть стараюсь, а что получается — не мне судить...

— Выяснив все об идеальном дипломате, мы с вами три года назад перешли к проблеме гастрономии, и вы похвастались тогда, что уже много лет держитесь в одной и той же весовой категории...

— Было дело: сто тридцать пять килограммов... Потом мне вдруг стало скучно наблюдать за тем, как все вокруг стареют, и я решил помолодеть. Пища перестала принимать форму закуски — я скинул сорок килограммов. Правда, сейчас, со всеми этими проводами, возникли трудности: больше года я практически не пью, а тут приходится выпивать и, соответственно, закусывать. Например, с вами. Чтобы вы лучше соображали, я вам наливаю, и сам вынужден компанию поддерживать, а то решите, что спойть пытаюсь...

— Разве необходимость диеты продиктована не оздоровительными соображениями?

— Нет. Я безнадежно здоровый человек. Анализ крови как у семнадцатилетнего юноши. Нет у меня ничего: ни пресловутого холестерина, ни диабета, ни геморроя, ни ишемической болезни сердца... Хоть в космос лети... Коленки только пошаливали, но и они, думаю, в невесомости болеть перестали бы... В изменении моего веса решающую роль сыграли соображения не медицинского, а психолого-эстетического порядка. Говоря проще, захотел стать молодым.

— Это у вас возрастное?

— Конечно. На кой черт, простите ради бога, двадцатисемилетнему молодеть? Но мне-то шестьдесят семь...

— Однажды вы уже раскрыли секрет вашего здоровья: нужно хорошо закусывать и нельзя опохмеляться.

— Да, так было раньше. Никогда не опохмелялся. Компот утречком, квас, молоко холодное — и уже полегчало. Теперь же, как я вам докладывал, не пью и поэтому не закусываю.

— В новогодней радиопрограмме вы поделились с израильскими радиослушателями собственным рецептом холодца из — страшно сказать! — свиных ножек. Что за цинизм?

— Минуточку, я в эти игры не играю — к религии никакого отношения не имею. И прошу меня в это не впутывать. Не хочет человек есть свинину — его личное дело. Конечно, если буду принимать религиозных гостей, то некошерными блюдами их угощать не стану: законы гостеприимства — дело святое.

— И прощальными приемами побаловать решили?

— Пригласил людей, с которыми здесь общался, работал, которым и Петровна, и я симпатизируем. Я знал, что им приятно будет сюда прийти, и, думаю, доставил им удовольствие. Себе уж точно. Я мог бы в один присест собрать и двести человек, но это скучно. Толкотня, и все. Поэтому приглашал «по интересам». Журналисты, если вы помните, здорово веселились. Некоторые даже плясали и пели... Отдельно собирал славянских послов, актеров, бизнесменов, «русскую» партию. Гости, надеюсь, остались довольны, и мне интересно — не как послу, а как обычному гостеприимному хозяину. Мы с Петровной старались, чтобы все было вкусно и чтобы всего было много, как полагается в России.

— И сколько же человек у вас побывало?

— Об этом лучше спросить Александра Ивановича, нашего завхоза, у него четкая бухгалтерия ведется. Десять приемов уже позади, остался последний «залп»: буду угощать все посольство — с детьми, женами, бабушками. Поставим столы рядами, детишкам отдельно накроем, бассейн к услугам трудящихся... Шашлыки на травке...

Цитирую первоисточник от 18 августа: «Когда жена приехала сюда первый раз, она открыла рот и сказала: „Как в кино!“ Закончится фильм, вернемся домой и будем жить в своей нормальной московской квартире...»

Так все и будет...

— Да, я знаю, что в «Известия» вы возвращаться не собираетесь, зато вроде подумываете о телевидении.

— Попытаюсь, но очень боюсь, что «телевизионная молодежь» станет возражать. Я ведь не собираюсь играть в «поддавки» — вынужден буду вступить с ними в конкуренцию. Рыночные, простите, отношения. Попробую — а там посмотрим.

— Препрежние связи сохранились?

— Практически нет. Мои «связи» или на том свете, или на пенсии. И потом, неясно, что теперь важнее — связи с Ельциным, скажем, или связи с Березовским. Так что на телевидение могут и не пустить...

Приеду, осмотрюсь и попробую сыграть по правилам их игры. С каким успехом, пока сказать не могу.

— Игры играми, а как насчет убеждений? За те годы, что вы провели здесь, ваши политические взгляды претерпели изменения?

— Полагаю, что нет. Менялась — по закону маятника — общая идеологическая доминанта в стране. То влево шарахались, то вправо. И, соответственно, я слыл, наоборот, то правым, то левым. При общих метаниях туда-сюда моя точка зрения оставалась прежней. Конечно, я мог вычеркнуть из статьи абзац, чего-то недоговорить, а что-то сказать так, чтобы понял только посвященный, но моя принципиальная позиция — философская, мировоззренческая, политическая — не менялась никогда.

— «Чего-то недоговорить...» Недавно в одном из ваших интервью вас попросили охарактеризовать израильскую русскоязычную прессу, и ваша характеристика, признаюсь, меня несколько удивила... Что-то «недоговорили»?

— Скорее, переговорил. Но показал Петровне, и она велела все это вычеркнуть. Естественно, пришлось подчиниться.

— Всегда подчиняетесь?

— В подобных вопросах всегда: у «старухи» натура куда более тонкая, чем у меня. Петровна постоянно повторяет: если в гостях тебе дают пересоленный суп, ты должен сказать «спасибо!» и похвалить. Вот я и вынужден был на вопрос о вашей журналистике сказать, что суп вкусный...

— В недавнем интервью газете «Московский комсомолец» вы совершенно явно выразили симпатии Израилю.

— Израиль, как, скажем, и Китай, я действительно люблю. Еще в мою бытность начальником всегда говорил будущим послам, что нельзя работать послом в стране, которую ты не любишь. То есть можно,

наверное, но ты будешь плохим послом... Я люблю Израиль, но, разумеется, вижу его минусы. И тут вновь вступает в силу «формула старухи»: суп пересолен, но ты в гостях...

— С трапезой покончили, «а теперь — дискотека». Один большой любитель танцев, помнится, обещал мне, что палочку мы отбросим и спляшем.

— Только в щадящем режиме: мне доктор запретил бегать трусцой и танцевать вприсядку. А ведь в этом самый смак... Что ж, может, при случае забудем про докторов и спляшем. Трудно прогнозировать...

— Вам-то? Последние пять лет вы постоянно занимались прогнозами и анализом, разве не так? Каким, кстати, вам видится будущее двух наших с вами стран — Израиля и России?

— Я пока специалист по Израилю, не по России... Если Россия не поругается с Америкой, здесь не будет войны. У вас есть время для разговоров с сирийцами и палестинцами. Эту мирную паузу дают вам коспонсоры — Америка и Россия. Американцы более активны, мы — менее; они нажимают на посредничество, мы этого не делаем. И пока здесь войной не пахнет. Мирные переговоры будут продолжаться: рассердится Арафат — поедет в Каир; «достанут» Нетаньяху — полетит в Вашингтон... Вы обречены долго и нудно вести мирные переговоры...

Когда это все кончится, я не знаю, но могу повторить то, что неоднократно говорил. Существует целая наука — системный анализ. Если вы хотите чего-то добиться, необходимо поставить перед собой конечную цель, а уже потом под нее подстраивать тактику. Здесь же получилось наоборот: сначала решаются второстепенные вопросы, а потом настанет очередь главных вещей. Так не получится. Увязнув в частностях, люди неизбежно упрутся лбом в стену. Сейчас именно это и произошло. Еще пять процентов отдадите, еще пятнадцать... А что дальше? Как быть с Иерусалимом, поселениями? Что делать с беженцами, каковы границы, будет ли вообще палестинское государство? Необходимо определить конечную цель и после этого вести серьезный разговор. Иногда мне кажется, что происходящее обгоняет общий уровень общественного сознания. Люди не успевают за политикой, вот беда-то в чем. Нехорошо, когда власть забегает вперед, а массы отстают. С другой стороны, поневоле побежишь вперед, когда припечет... А договариваться все равно надо, другого

выхода нет. Не получится сейчас — получится через десять лет, двадцать лет...

— Что скажете о России, специалистом по которой себя не считаете?

— ...Никто не знает, куда мы идем. Для нормального российского человека это довольно тяжелая штука. Такой закон, сякой закон, отобрали сбережения, что-то приватизировали, нет дефицита, но и денег нет, сплошные презентации и убийства... Ради чего все это? Раньше было понятно — мы строим коммунизм. Эрзац религии. Но вера как-то облегчала жизнь. А сейчас мы что строим? Капитализм с социалистическим лицом или социализм с капиталистической задницей?..

— Может быть, коммунизм для «новых русских»?

— Да какое там! Это все пена... «Новых русских» мало. Они нужны, конечно: являют собой то самое «бродило», которое раскручивает какие-то сюжеты истории. Но я не о них. Много, очень много людей живут хуже, чем раньше. Тут проблема. Завтра будет лучше? Допустим. Но надо честно говорить с людьми. Что мы делаем? Куда идем? Не говорят ведь...

— Как, на ваш взгляд, в России воспримут «явление Бовина народу» коммунисты, идеалы которых вы всю жизнь пропагандировали, и демократы, благодаря приходу к власти которых вы стали послом?

— С нынешними коммунистами у меня никаких отношений нет и не будет; они вряд ли обрадуются моему возвращению: мало того что я «сионист», так еще и просто «редиска». Что касается демократов, они, к сожалению, оказались исторически несостоятельными... Мы, «шестидесятники», хоть и много, думаю, сделали для России, но в решающий момент оказались беспомощными. После XX съезда можно было повернуть Россию, но мы тогда были слишком молодыми. <...> В итоге старая номенклатура нас «объехала». Наше время наступило вторично, и снова мы этим не воспользовались. Почему мы — и те, кто моложе, — свалив тоталитарный режим, не смогли вытащить Россию?

Не знаю... «Номенклатурщики» нас опять обошли, а мы, демократы, оказались «дерьмократами». Может быть, так произошло потому, что среди нас было слишком много «рассуждателей» и слишком мало «деятелей», а новый этап жизни требовал именно практики. Тут, к

моему глубокому огорчению, мы, повторяю, оказались несостоятельными... Наше поколение проиграло свою главную битву — за новую Россию. Обидно... Я дезертировал в Израиль, другие дезертировали «в себя», уйдя от активной деятельности. Грустно...

— На Ельцина не надеетесь?

— У Бориса Николаевича остался последний шанс... Я иногда сравниваю Горбачева с Ельциным. Первому можно предъявить много претензий, но все-таки он вошел в историю как человек, давший нам свободу, сломавший огромного тоталитарного монстра. И этим самым, что бы дальше ни было, «памятник себе воздвиг нерукотворный». Что же касается Ельцина, то, если он ничего не доведет до конца, — войдет в историю как человек, «распустивший» Советский Союз. Как разрушитель державы. Великой державы.

— Вы не только «дезертир», но и «ссылный». Правда, сослали вас не на Соловки, а в «Известия»...

— «И шуку бросили в реку»... Моя Петровна всегда была недовольна, что я в ЦК работаю, все требовала, чтобы я оттуда ушел, и тут говорит: «Ну вот, дождался, что тебя выпихнули». Но все к лучшему. В ЦК я был известен десяти начальникам и десяти подчиненным. «Слетев» в «Известия», я стал известен, извините за тавтологию, всему Советскому Союзу. Так что решение начальства неожиданно оказалось для меня выигрышным.

— Александр Евгеньевич, вы ведь, по сути, всегда играли определенную роль — демократа. Другое дело, что эта роль была поручена именно вам в силу ваших личностных качеств: ума, обаяния, образованности и т. п. Но вы всегда лишь хорошо справлялись с отведенной вам ролью, не более того...

— Безусловно, я никогда не был ни революционером, ни диссидентом. Понимал, что мы накладываем макияж на уродливую систему и когда-нибудь нам это припомнят. Но успокаивал себя тем, что иногда удавалось избегать каких-то крайностей, давать не самые глупые советы начальству. Особенно в вопросах внешней политики. Хельсинки, стратегическое разоружение... Получалось все-таки.

— Вы возвращаетесь не в ту страну, из которой уезжали пять лет назад. Новые люди, новые нравы, новые вкусы. Ваша бывшая популярность под вопросом. Не страшно?

— Видите ли, существует то, что я называю «синдром Плисецкой». И вот я думаю, сумею ли я сам вовремя прекратить «танцевать»? Это, наверное, очень сложно: пример тому Перес — человек, которого я глубоко уважаю и который неотделим от истории Израиля. Но, по моему, он нужный момент пропустил. Может быть, хватит «танцевать»? Сделал свое дело — собирай грибы...

На днях я был у вашего президента. И мы как раз заговорили на эту тему. Тут я вспомнил, как выступал когда-то с лекцией в Тюменском нефтяном институте. Фамилия директора, конечно, Коган. Закончилась моя лекция, и пошли вопросы. Встала женщина приятных лет и сказала: «Александр Евгеньевич, а вот как вы думаете, когда должен руководитель освобождать свое место?» А генсеком в то время был Черненко. Зал затих... Народ насторожился... Отвечаю: все очень просто. Мимо начальника идет секретарша — молодая, симпатичная, все при ней... Если у начальника не возникает желания шлепнуть ее по заднице — все, он должен уходить.

Бурные аплодисменты!..

Так вот очень боюсь, как бы не пропустить тот момент, когда надо уходить. Или становишься смешным. Вариант: дача, внук, книги, Интернет — и живи потихоньку, пиши, если не лень и если есть о чем, мемуары.

— «Сечете» в Интернете?

— Пока еще не «секу», но по приезде в Москву поступлю на курсы — люблю все делать *lege artis*, по правилам.

— А на водительские права наконец сдали?

— Сделал три захода. И три раза меня «завалили» — за лихачество. Это естественно. Представляете, какому количеству знакомых можно рассказать, что ты «срезал» самого российского посла?.. Так я уехал из Израиля — с любовью, но без прав...

Пятая молодость

1997—...

Все, конечно, условно. И какой-нибудь нудный пессимист (в Израиле есть емкое слово: «нудник») обязательно станет травить душу, доказывая, что нет и не может быть никакой «пятой» молодости, а есть самая обычная первая старость. И где-то внутри самого себя (или самого тебя?) зашевелится сомнение — черт с ней, с молодостью, ведь с ней хлопот не оберешься. И зарядку надо делать каждое утро, и не шаркать ногами при ходьбе, и регулярно посещать бассейн «Чайка», и выразительно (не гендерно!) смотреть на искусительниц рода человеческого, и, отвечая на неизбежный вопрос неизбежного «нудника» о здоровье, небрежно заметить: «Я — безнадежно здоровый человек!» Все это так. Если ко всему этому относиться с унылой серьезностью. Но ужасно не хочется. Жизнь, к счастью, игра. Можно играть больных и старых. Многие, как это ни странно, этим занимаются. Причем делают это по системе Станиславского и даже получают удовольствие. Можно играть здоровых и молодых. Станиславским, правда, тут не обойдешься, нужно у Любимова учиться. Это — мой вариант.

Вариант на все случаи жизни. Которые были.

И, уж конечно, на тот случай, который случился теперь.

Я вернулся не в ту страну, из которой уезжал. Та страна — агония тоталитарного, «казарменного» социализма. Эта страна — длящиеся муки рождения неизвестно чего. Скорее капитализма, но с социалистическими присадками. Надо разобраться. Надо вписаться, встроиться в новую жизнь. А зачем разбираться и встраиваться, если молодость прошла? В том-то и дело...

С чего начать? С телефонных звонков. Элементарно. Без теории. Как живешь? Как здоровье? Кто где и чем заправляет? Да что-то случилось с телефонной книжкой. Проредили, как свеклу на грядке.

Вероника Долина пела:

Прощай, говорю себе, мемуаристика,
Некого вспомнить, прошу извинить.
Все акробатика, эквилибристика,
Если некому, некому
Позвонить.

Мое время не так сурово со мной. Есть все же кому позвонить. Но только многие из них уже перестали «заправлять». И сами хотели бы разобраться...

Гляжу по сторонам

Время для этого было. Сто семнадцать дней неиспользованного за пять лет отпуска. Все эти дни я числился сотрудником МИДа, находящимся в отпуске. Бродил по обновляющейся Москве. Дозванивался до тех, кто отзывался. Читал и сравнивал разные газеты и журналы. Переваривал новейшие сплетни о новых начальниках. Пытался вникнуть в сотрясавший «Известия» финансово-организационный конфликт. Делал круги вокруг телевидения, точнее — вокруг телевидений.

Да как-то все лениво, в замедленном темпе...

Иногда темп увеличивался. Решил не вокруг «Известий» ходить, а проникнуть внутрь. Иду. Не пускают. Раньше на входе часто стояли известинские же ветераны. Теперь вход перекрывал могучий парень. Попытки объясниться с ним успеха не имели. Сквозь «Не положено!» я прорваться не смог. Собрался было уходить. Но кто-то видел эту сцену. Позвонили начальнику охраны. И вот я в родных коридорах. В неразговоримом осадке — интервью с Толей Друзенко.

* * *

Друзенко. С чего начнем — с политики или с жизни?

Бовин. Все равно. Ну, давай с жизни.

Д. Как чувствует себя бывший посол, посол-пенсионер?

Б. По-разному. С одной стороны, посол на... С другой — посол навсегда, хотя и нигде. А с третьей — как и все пенсионеры, бесплатно и с чувством глубокого удовлетворения пользуюсь городским транспортом. Тут уже — везде.

Д. Пенсией похваляешься?

Б. Еще бы! В пенсионной книжке записано: 370 тысяч. Но министр угрожает существенными прибавками. Жду.

Д. Как послов провожают на пенсию?

Б. Как-то незаметно. Побегал по кабинетам, сдал документы, получил пенсионную книжку, и все дела.

Д. Что значит «все дела»? А прочувствованные речи? А цветы от профсоюза? А «спасибо» от начальства?

Б. У меня такое впечатление, что ты еще не выбрался из застойного периода. Как я понимаю, теперь речи и цветы приберегаются, равно как и «спасибо», для похорон. Так что все впереди...

(Заговорили о трудностях возвращения.)

Б...я вернулся совсем в другую страну, с другими порядками и нравами. Я — солдат империи, которой уже нет, осколок империи, если угодно.

Д. Ностальгия? Тоскуешь по империи?

Б. Нет. Какие-то другие чувства и другие слова... У Вознесенского есть такие строчки:

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую настоящую
и не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.

Ностальгия по настоящему... Хожу по Москве, всматриваюсь в лица, в здания, в улицы. Разговариваю. Пытаюсь понять настоящее, разобраться в нем. Что-то нравится, что-то пугает, что-то отталкивает. Тревога и надежда.

Д. ...ты принимаешь новую страну?

Б. Голова и сердце спорят между собой. Головой, рассудком я понимаю неизбежность перемен, неизбежность радикальных реформ. Понимаю, что на этом пути неизбежны издержки, социальные потери, катастрофы и трагедии. И убежден, что мы сами же губим, душим себя полумерами, нерешительностью, игрой в поддавки с тенями и мифами прошлого. Но вот сердце разрывается... Чудовищный, насквозь коррумпированный бюрократический монстр — куда там «застойным временам»! Омерзительная наглость, бесцеремонность нуворишей. Торжествующая пошлость на телевидении. И вообще — превращение СМИ (средства массовой информации) в СМО (средства массового оглупления).

И опять же понимаю, что чистоплюйство тут ни к чему, что без грязной пены, без грязи, слез, даже крови великие перемены

неосуществимы. И все же... Помнишь у Твардовского — «и все же, все же...». Больно. Мучительно больно.

Д. Кажется, мы от жизни перешли к политике.

Б. Деваться некуда. На башню из слоновой кости материалу не хватает. Мы погружены в политику. И самая плохая, опасная политика — неучастие в политике. Я имею в виду не политиканство, не дворцовые интриги, не игры под ковром, а именно политику — открытую, честную борьбу за изменение характера власти, за будущее (и настоящее) России.

Д. Ты романтик?

Б. Если хочешь, да. Я верующий. Я верю в то, что жизнь, если мерить крупным историческим масштабом, становится лучше, что люди, несмотря на рецидивы глупости, все-таки умнеют, что рынок — это еще не конец истории.

Д. Ты сказал «верующий», но как-то обошел Бога...

Б. Я не очень гонюсь за модой. Мне Бог не нужен. Обхожусь вполне без этой гипотезы. Стыдно смотреть на бывшую партийную знать, которая толпится в храмах. Ложь, лицемерие, суетность — антиподы истинной веры. И столь же истинного неверия.

Пока над людьми властвуют непонятные им, не управляемые ими силы, пока плохо живется людям, Бог нужен им. Как утешение, как надежда, как утоление боли. Религия спасает слабых. Или создает иллюзию спасения.

Д. Значит, тебе хорошо живется...

Б. Лучше, чем многим, чем очень многим. И это, разумеется, сказывается на моем мироощущении (или богоощущении). Но мое неверие, мой атеизм — функция моего образования, моей культуры, моего изучения истории и догматики религий, моих раздумий над смыслом жизни и смерти. В моей Вселенной, пропитанной кровью и слезами, нет места для Бога. Моя Вселенная населена не Богами, а людьми. И добро и зло не от Бога, а от Человека. И если зло будет побеждено, это сделают люди, а не Боги.

Д. А ты не боишься прослыть таким марксистским догматиком, воинствующим безбожником?

Б. Мне не важно, кем я слыву. Мне важно быть честным с самим собой и с людьми, с теми, кто меня читает и слушает. А безбожник я тихий, мирный. Кто верит — пусть верит. В Христа, Будду, Магомета,

Перуна — какая разница. Кто не верит — пусть не верит. Это и есть свобода совести. И не надо никого насильно тащить ни в храм, ни из храма. Не надо нетерпимостью отравлять жизнь друг другу. Любой фанатизм опасен, вреден для общества. И не следует забывать: Богу Богово, кесарю кесарево. Государство не должно лезть в душу человеческую, а церковь — в дела государственные. Так будет лучше и для государства, и для церкви. И для общества.

Д. Давай спустимся с неба на землю. Что ты хочешь? Что будешь делать?

Б. Хочу и буду — вещи разные. Хочу иметь приличный заработок. Хочу иметь интересную работу. И хочу иметь время, чтобы написать по крайней мере две толстые книги — «Пять лет в Израиле» и «Семьдесят лет в XX веке». Пункт третий — самый легкий. Тут самое главное — пересечь с шариковой ручки на компьютер. Пункт первый гораздо труднее. Но нет таких крепостей, которые... Пункт второй предполагает и телевидение, если пробьюсь (молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!), и прессу, и — чем черт не шутит! — бизнес. Хотя в семье по поводу бизнеса высказывают всяческие сомнения...

Пока у меня отпуск. До середины сентября. Время для адаптации.

Д. Кажется, до политики мы по-настоящему так и не добрались.

Б. Куда торопиться, осмотрюсь, тогда и поговорим...

Чуть не забыл. Спасибо за известинское удостоверение. Жутко обидно было, когда могучий охранник, глядя мускулистыми глазами в мои мидовские корочки, сказал: «Не положено!»

Д. Не расстраивайся. Он и меня не пустит, если я забуду пропуск. Новый порядок...

* * *

Это интервью было опубликовано 3 июля. Но меня уже не было в Москве.

Внезапно был осенен бредовой идеей — поехать на месяц в Лондон и попытаться довести до ума английский. Все-таки больше пятидесяти лет я его изучал... Надо дожать!

Сказано — сделано. 5152 доллара: самолет, гостиница «три звезды» и 120 занятий по сорок пять минут! 29 июня уже в Лондоне.

От гостиницы до Central School of English пешком минут двадцать (мимо Британского музея!). Занимался я серьезно. Но беда в том, что окружали меня не англичане, с которыми я рассчитывал месяц разговаривать, а такие же, как я, жаждущие, но только лет на тридцать — сорок помоложе. Оставались случайные собеседники за столиками пабов. Но и там, как правило, оказывались не англичане, а «разные прочие шведы». С ними, особенно после темного пива, я говорил, как с родными. Но настоящих англичан, если они вдруг попадались, устно не воспринимал. В общем, с английским не вышло ничего...

Зато вышло с Лондоном. Я и раньше был там несколько раз. Но в командах, когда временем распоряжаешься не ты. Теперь же, после Школы или вместо Школы, парадом командовал я. Исходил пешком весь центр. Несколько раз был в Британском музее. Постоял на мосту Ватерлоо. Забрел в зоопарк. Общее впечатление: о людях там заботятся больше, чем о зверях, хотя и зверям неплохо. Посидел на травке в Гайд-парке, том самом, где раньше митинговали англичане, а теперь степенно прохаживаются индусы и менее степенно — арабы. Слушал, нет — смотрел! и слушал три мюзикла, в том числе знаменитых Cats. Пытался найти русский ресторан, но не нашел. Под русских «косят» поляки.

— Ну кто, — ответили на мой упрек, — пойдет к полякам, а к русским ходят.

Но обожаемый мною бигос (преступно упрощая — капуста, тушенная с кусочками свинины) все же был настоящий, польский.

Потянуло в сауну. По телефонному справочнику нашел три адреса поближе к гостинице. По самому близкому адресу встретила очаровательная блондинка топ-модельного типа. Попросил два часа. Она выписывает чек, но вижу — сумма совсем другая, значительно выше. Объясняет (даже мне понятно): массаж. Объясняю (ей тоже понятно), что массаж мне не нужен. Настаивает. Тогда я на хорошем английском жестко заявляю:

— Визаут секс!

Тонкости ответа не улавливаю, но ясно, что «визаут» не получается.

Отправляюсь в следующую сауну. Там девица цвета тропической ночи, но тоже вся из себя. Все повторяется один к одному. Только в ответ на мой непреклонный «визаут» она написала на листочке адрес и протянула мне. Это был адрес сауны «визаут». Но я уж туда не добрался...

Вот до чего доводят всякие ужастики по поводу СПИДа!

Пытаюсь заниматься английским в любых условиях. Знаменитый кабинет восковых фигур мадам Тюссо. Но не только — фигур. Садитесь в маленький вагончик, он едет, а по сторонам разворачиваются сцены из истории Лондона. Сел и еду. Рядом едет милая девушка не очень лондонского вида. Интересуюсь, из какой она страны. И слышу свое родное:

— Фром Белораша!

На словах «А я — фром Раша!» занятия английским кончились...

В один из лондонских вечеров я сидел у Володи Скосырева, корреспондента «Известий». А в Москве в этот вечер известинцы выбирали главного редактора. Как выяснилось, желающих было много. О ходе прений нам сообщали по телефону. Наконец: выбрали Василия Трофимовича Захарько (он получил 104 голоса, вторым был Отто Лацис — 80 голосов).

Помню, мы с Васей были в Ленинграде. Уже разворачивалась перестройка. Известинская команда встречалась с ленинградцами. По городу шли упорные слухи о том, что именно в этот вечер будут еврейские погромы. Тогда мы договорились, и каждый после встречи поехал в гости в знакомую еврейскую семью. Для успокоения. Погромов, конечно, не было. Зато потом была колючая пьеса братьев Стругацких «Жида города Питера...».

Встречи с читателями продолжались несколько дней. Пора было возвращаться. Все переделали и на вокзал приехали часа за три до отправления поезда. Пошли в ресторан, сложили всю нашу скудную наличность (кажется, было 23 рубля) и предупредили официанта: когда сумма заказа начнет приближаться к контрольной цифре, считай убытки и выпроваживай нас. Что и было сделано.

Появление Захарько в кресле главного сыграло, пожалуй, решающую роль в повороте (вернее, в «неповороте») моей судьбы.

Но еще продолжались Лондон и «подлондонье». Замки и галереи. Двухэтажные автобусы. Даже до моря (Брайтон) добрался.

Вернулся в Москву со странным чувством. То ли огорчаться: таки остался опять без языка. То ли радоваться: какой город увидел! Решил радоваться...

* * *

Подошло время прощаться с МИДом. Подписывая какие-то бумаги, я увидел, что теперь значусь как «ЧПП в отставке». Понравилось. Взял на вооружение. Был приглашен к министру. Получил то самое «спасибо», о котором беспокоился Друзенко. Евгений Максимович с очень серьезным видом поблагодарил меня «за вклад...». На этом прощание завершилось.

Надо было определяться с работой. Два основных варианта прокручивались в голове. Уйти на телевидение (если возьмут), конкретнее — на НТВ. Таня Миткова, с которой я консультировался, активно эту идею поддержала. Вернуться в газету и параллельно сотрудничать с телевидением. Примерно как при советской власти, но с увеличением удельного веса телевидения.

Новые старые «Известия»

Победил второй вариант. Наверное, тут сыграли роль развал старого коллектива «Известий» и появление «Известий» новых. Я не понимал причин происшедшего. Но мне казалось, что Голембиовский и его друзья поступают неправильно, раскалывая газету. Мои симпатии были на стороне старых «Известий». Там оставалась моя память и еще оставались мои друзья. Трудности в жизни газеты, возникшие в связи с расколом, подтолкнули меня вернуться в свой старый кабинет. Вроде бы товарищеская рука помощи Васе, да и вообще любимой газете. Так думалось.

Порядки были новые. Надо было подписывать контракт с президентом ОАО «Редакция газеты „Известия“» Дмитрием Александровичем Мурзиным (сыном того самого, из «Правды»).

Некоторые пункты контракта вызывали удивление. Например, п. 1.3.1. гласил: «Предлагать собственные материалы не реже... в месяц. Общий объем предлагаемых к публикации материалов должен составлять не менее... строк в месяц». Я переделал: «Предлагать собственные материалы в зависимости от развития событий. Общий объем предлагаемых к публикации материалов определяется обстановкой и здравым смыслом». Несколько пунктов просто вычеркнул (запрещалось публиковаться в других изданиях без разрешения редакционной коллегии газеты «Известия» и т. п.).

К контракту прилагалось «Обязательство-расписка», которая обязывала хранить в тайне сведения о персонале ОАО, сведения, «связанные с выполнением своих обязанностей» и всякие прочие сведения. Эту бумагу я вообще отказался подписывать, ибо ее законность вызывала глубокие сомнения. Тем не менее контракт был подписан, и меня приняли на работу политическим обозревателем с 17.09.97 г. по 16.09.98 г.

8 октября появилась моя первая статья. Привожу ее полностью и сразу обещаю: больше не буду, в смысле — полностью.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ (САМОГО СЕБЯ)

Презентации нынче в моде. То и дело чего-нибудь «презентуют». Соберутся, поговорят, выпьют и закусят... Хорошее, видимо, дело.

Однако не только экономика, но и журналистика должна быть экономной. Поэтому я решил избавить руководство ОАО «Редакция газеты „Известия“» от лишних расходов и «презентировать» возвращение блудного сына в родную обитель без тусовки, насухую.

Начну с выходных данных.

Родился 9 августа 1930 (увы!) года в Ленинграде.

Закончил юридический факультет Ростовского (на Дону) университета (1953) и аспирантуру философского факультета МГУ (1959).

Начал свою чиновничью карьеру самым молодым (23) судьей Советского Союза и закончил ее самым (или почти самым) старым (67) послом Российской Федерации. В промежутках, ежели округлить, десять лет в аппарате ЦК КПСС и двадцать лет в «Известиях». Параллельно — телевидение (в основном «Международная панорама» и «9-я студия»).

Такие вот были дела.

От возвращения в «Известия» долго отказывался, памятуя свой возраст и слова Гераклита Эфесского: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Потом передумал. Ведь Гераклит говорил о греческих реках. А у нас и реки другие, да и времена за две с половиною тысяч лет изменились. К тому же и я помолодел.

Но главное — в другом.

Как теперь водится, «Известия» оказались в сфере влияния ОНЭКСИМ-банка и ЛУКОЙЛа. Точнее, если я правильно понимаю, прежнее руководство газеты само сдало «Известия» бизнесу. Но что-то там не сладилось, что-то не поделили, и группа известинцев ушла из газеты, решила выпускать «Новые известия». Благо есть богатые люди, которые готовы, как говорят, дать деньги, дабы уязвить своих конкурентов.

Разумеется, где работать, какую газету и на чьи деньги выпускать — личное дело каждого. Мне очень жаль, что Отто Лацис — один из толковейших, умнейших журналистов — ушел из «Известий», но это его право, его выбор. Я же сделал другой выбор. Новые времена для «Известий», для коллектива. Идет своего рода мини-перестройка, переналадка критериев и правил работы. И очень хочется, чтобы газета,

которую я считал и считаю хранительницей лучших традиций нашей журналистики, не только осталась на плаву, но эти традиции преумножила. И я вернулся в «Известия», чтобы вместе с известинцами, с моими старыми друзьями и с моими молодыми коллегами делать хорошую, нужную людям газету.

В конце концов Алексеев (бывший главный редактор газеты) или, скажем, Зимянин (бывший главный идеолог партии), всякие официальные и неофициальные цензоры были пострашнее Потанина или Алекперова, но ведь и в те уже безумно далекие (и такие близкие) времена мы старались выпускать добротную, человечную, искреннюю газету. Это не всегда удавалось, но все-таки удавалось. Так почему же мы сегодня должны капитулировать без боя? Не могу согласиться.

Предостерегали меня. Теперь, говорят, деньги — это цензура. Если платят, например, Гусинский или Березовский (или власти), то надо говорить, что им нужно (вернее, не говорить то, что им не нужно). Так и на тебя, пугали, наденут намордник, мягкий такой, почти незаметный, даже удобный, но наденут... Понимаю, вижу, что все это, к сожалению, реальность. И все-таки попробую. Попробую остаться самим собой. Буду работать. Драться, если потребуется.

Собираюсь сменить амплуа. Раньше занимался международной проблематикой. В редчайших случаях вторгался в дела внутренние. Теперь случаи хочу сделать правилом. Ибо хочу писать о том, что действительно волнует читателей газеты.

Важно, само собой, куда расширяется НАТО — на восток или, допустим, на юг. Важно в качестве восьмого посидеть рядом с «семеркой». Важно, что происходит на Ближнем Востоке, а еще важнее — в Афганистане. Но с точки зрения фундаментальных, коренных интересов России, интересов народа российского гораздо важнее, чтобы заработала наша экономика (не экономика распродажи сырья, а экономика производства товаров). Чтобы в магазинах продавались не «Парижская буренушка», не всегда превосходный Uncle Bens, не кукурузные хлопья из Швейцарии (!), а продукты, произведенные крестьянами России. Чтобы наши коммерческие банки, пережив стадию спекулятивную, стадию деланья денег из «воздуха» a la Сорос, твердо встали на экономические ноги. Чтобы наши вооруженные силы были действительно вооруженными и действительно силами. И т. д. и т. п.

Ныне кому не лень ругают власть предержашую. Чего уж проще. Хаос. Некомпетентность и самонадеянность. Коррупция. Бюрократический и криминальный беспредел. Государство отчуждено от граждан (не платит зарплату и пенсии). Граждане отчуждены от государства (не платят налоги). Всего не перечислишь.

Возможно, могло бы быть лучше. Возможно, могло бы быть хуже. Не знаю. Слишком застарели болезни, которые приходится лечить. Слишком мы — и «верхи», и «низы» — оказались неподготовленными к переменам, которые сами же обрушили на себя. Но я убежден, уверен, что нынешний этап развития страны, общества требует усилить конструктивное, созидательное начало во всех наших делах (и словах). Из двух классических русских вопросов — «Кто виноват?» и «Что делать?» — я бы сосредоточился на втором.

Поясню свою мысль примером. Преступно было начинать войну в Чечне. Преступно было проиграть эту войну. А если есть преступления, то, значит, есть и преступники. И они в общем-то известны. Но было бы, по-моему, крайне неразумно в нынешних условиях тратить энергию на выявление и наказание виновных. Что делать с Чечней? — вот главная проблема. И ее надо решать, надо искать взаимоприемлемый компромисс. Найдем — тогда и с виноватыми разберемся. А пока, повторяю, надо думать о том, как выйти из тупика, в который нас загнала собственная тупость.

Недавно в «Известиях» же прочитал о том, что перед Россией есть три пути. С первыми двумя (власть экономических кланов или власть бюрократической олигархии) вроде бы все ясно. Не хотим туда. А третий путь пока прочитывается плохо. И последняя фраза: «Президент думает».

Это конечно же прелестно, что президент думает. Но меня немножко смущает, что выбор пути как бы сваливается на одного президента. Один он, бедный, сидит и думает эту тяжкую думу. Мне представляется, что страна должна помочь своему президенту. Мы все должны думать. Мы все должны наконец поверить, что судьба России, наша собственная судьба — в наших руках (точнее — в наших головах). Жизнь задает нам огромное число больших и малых вопросов. На большинство из них нет готовых ответов. Так давайте думать вместе, давайте вместе искать ответы на одолевающие нас вопросы. Вот в этом «вместе» и будет смысл моей работы в «Известиях».

И последнее. Будем вместе думать, чтобы решать, чтобы делать политический выбор. Судьбу России определяют не президент и его свита, не ОНЭКСИМ-банк или «Газпром», не Зюганов и даже не Жириновский. Судьбу России определяем мы, народ России. И наше мощное оружие — избирательные бюллетени.

Боюсь, что мы еще не научились ими пользоваться. Президент может жаловаться на Думу. Мы не можем. Дума такая, какой мы ее выбрали. И если она думает не о том, о чем должна была бы думать, то это значит — плохо думали мы, когда выбирали Думу.

Недавно сорвались муниципальные выборы в Санкт-Петербурге. Жители города не пришли голосовать. Потому что не верили, что от них, от их голосов что-либо зависит. Они не верят, что в бывшем Ленинграде можно найти несколько тысяч честных, энергичных, умных людей. Но ведь можно. Если что нас погубит, так это наше равнодушие к нашей собственной судьбе.

Давно сказано: не бойтесь врагов — самое страшное, что они могут сделать, — это убить вас. Не бойтесь друзей — самое страшное, что они могут сделать, — это предать вас. Бойтесь равнодушных — это по их вине нас убивают и предают.

Давайте не будем равнодушными.

* * *

Пожалуй, я бы и сейчас подписался под этой статьей. Возможно, ужесточил бы размышления о выборах. Демократию душат ее же орудием, превращая предвыборную борьбу идей и людей в столкновение купленных и перекупленных пиаровских технологий...

Цензурой тех, кто платит, зря меня пугали. За три года был только один случай, за которым можно заподозрить нечто цензурное. Как известно, Москву часто ругают. За ее благополучие. За то, что она «пьет соки» других областей России. За то, что Лужков ведет себя независимо. Мне казалось, что эти обвинения несправедливы. Москва — столица. Москва — витрина России. И как таковая имеет право занимать особое положение в ряду субъектов Федерации. Да и с Лужковым Москве и москвичам повезло. Написал большую статью

«Москва — главная провинция России». Факты и аргументы. Итог в трех последних абзацах:

Конечно же Москва находится на особом положении. Оно создано всей историей России. Оно определяется гигантским интеллектуальным потенциалом столицы, интенсивностью ее культурной жизни, ее экономической мощью. Москва — это могучий локомотив, влекущий Россию в новую эпоху, это огромная лаборатория, где испытываются, проходят обкатку новые формы и методы хозяйствования, новые стандарты общественной жизни. Импульсы, идущие от Москвы, благотворны для всей России, для каждого ее региона. Нет и не может быть Москвы без России, без российских провинций, без российской глубинки. Но точно так же нет и не может быть России без Москвы.

К сожалению, тяготы, противоречия, конфликтность той полосы бедствий, через которую мы проходим, нередко затемяют, искажают истинный характер неразрывной связи между Москвой и Россией, между столицей и провинциями, подталкивают провинциальные власти списывать свои промахи и ошибки за счет московских «привилегий». Но я уверен, что по мере общей стабилизации обстановки в стране наладятся оптимальные рабочие отношения между Москвой и регионами. И все встанет на свои места.

И последнее. Москве повезло с мэром. Не знаю, как насчет «национальной идеи», но, если бы был объявлен конкурс на муниципальную идею, я бы предложил такой вариант: «Каждому городу — своего Лужкова».

Не опубликовали. Морщились.

— Ну зачем так о Москве — только «народ» раздражать.

— Ну зачем о Лужкове — вот говорят, что он...

Пришлось отдать в «Московскую правду».

Новые времена в «Известиях» внешне проступали обшарпанностью здания, грязью в туалетах, неработающими лифтами и всякими другими мелочами, каждая из которых — пустяк, а вместе они раздражали, сбивали с рабочего настроения. Начинал распадаться коллектив. Можно было хихикать по поводу партийных, профсоюзных, комсомольских собраний, но собирали людей, позволяли видеть друг друга и говорить друг с другом. Прекратились «летучки», на которых раз в две недели известинцы высказывались об «Известиях». Постепенно сводился на нет отдел проверки, такой важный для гарантирования от ошибок. Отнимались помещения у библиотеки. Сжимался архив газеты. Все больше редакционных помещений сдавались в аренду^[27].

Те перемены, которые здесь перечисляются в одном абзаце, были растянуты на месяцы и поэтому не всегда воспринимались в правильном масштабе. Смутное беспокойство... Логика опаздывала. Чем и пользовались новые хозяева газеты.

По характеру своей работы я был далек от этих самых хозяев. Но было интересно увидеть, поговорить... И я напросился на встречу с Михаилом Михайловичем Кожокиным. Он тогда был, кажется, вице-президентом ОНЭКСИМ-банка. Я не воспринимал его как будущего главного редактора «Известий». Скорее как мини-олигарха, которому настоящий олигарх (В. О. Потанин) поручил курировать «подведомственные» СМИ.

У меня сохранился листок с «записью беседы».

Первый вопрос, который я задал:

— Представьте себе, вы — президент. Что бы вы сделали в первую очередь?

— Первым делом я собрал бы молодых (30–40 лет) лидеров экономики. В порядке исключения — Вяхирев. И у них бы спросил: что делать?

Ответ меня приятно удивил и, не скрою, расположил к Кожокину. И дальше большая часть разговора касалась экономики. Михаил Михайлович говорил, я повышал свою квалификацию.

Коснулись и газетных дел.

Кожокин хвалил Кондрашова (я попросил поднять ему зарплату), ругал Лациса (я попросил проявить терпение), спрашивал о Мурзине и Иллеше (не записал свою реакцию).

Видимо, Кожокин жаловался на «непослушание». Потому что дальше идет запись: «пусть непослушные, но талантливые». И еще: «если „Известия“ сохранятся как интеллигентная газета, это будет работать на имидж ОНЭКСИМ-банка».

После этого разговора и до прихода Кожокина в «Известия» мы встречались несколько раз. Обычно обедали и беседовали. Спорили. В основном — о газете. Я видел, что ему нужна другая газета. Газета не как фактор культуры, а как фактор бизнеса. Газета, не поглощающая деньги, а дающая деньги. И люди, которые могли бы делать именно такую газету.

«Захарько не тянет!» — утверждал Кожокин. Я соглашался. Но почему? Потому что вы дергаете его своими «советами», окружаете своими людьми, требуете под крышей «Известий» выпускать совсем другую газету. Вы скажете — он не может. Да, но он и не хочет!

Последняя такая встреча состоялась в конце лета 1998 года. Кожокин спрашивал, как бы отнеслись в газете, если бы он занял кресло главного? Я ответил, что «за всю газету» говорить не могу. Думаю, что известинское ядро не было бы в восторге. Долго и, как мне казалось, убедительно объяснял Кожокину, почему ему не нужно переходить в «Известия». Но не убедил. В сентябре 1998 года он появился в «Известиях».

* * *

Но вернемся в год 1997-й. После «Презентации», как я и обещал, значительная часть моих материалов (в газете, а потом на телевидении и радио) была посвящена внутренним сюжетам.

Идеальные «мемуары» журналиста — это, наверное, сборник его работ с комментариями. Но я не буду столь снисходителен к себе и столь суров к читателям. Избираю другую методу: по каждому из выделенных сюжетов — иллюстрации из одной-двух статей и рассуждения. Возможно — отклики.

Один из таких сюжетов, — и к нему я возвращался неоднократно, — проблемы, связанные с религией, с положением и функциями церкви. Мне представлялось, что церковь настойчиво пытается выйти за отведенные ей в демократическом обществе рамки.

Пример тому — стремление предотвратить демонстрацию по телевидению фильма Скорсезе «Последнее искушение Христа».

Авторы фильма стремились показать Христа человеком, который, преодолевая искушение жизнью, искушение сладостью бытия, сознательно делает выбор — идет на крест, на муки, на страдания ради людей. Если борьба с искушениями, то в фильме, естественно, присутствуют «греховные сцены», на которых и сосредоточила огонь церковь. Ибо сцены эти, утверждали цензоры от православия, безнравственны, они оскорбляют верующих.

Я довольно давно видел ленту Скорсезе. Не произвела впечатления. По сравнению с «Евангелием от Матфея» или «И. Х. — суперстар» даже скучновата. Потому что не для «улицы», для элиты. Грех? Постель? Что ж, каждый видит то, что он хочет видеть. Но тут надо упрекать не фильм, а самих себя.

Нравственность — штука тонкая. Каждый день нам показывают передачи, смысл которых — выиграть некоторую сумму денег, лучше — которая побольше. Какие эмоции! Какие страсти! А по-моему, всяческие поля, горы и реки чудес гораздо более разрушительны, губительны для нравственного здоровья, для духовного мира людей. Отучают думать (ежели бесплатно), отучают ценить добро, истину, красоту. Тут настоящая опасность. Поопаснее Скорсезе.

Я писал в «Известиях» (25.11.97), что спор шел не о фильме. Спор шел о месте и роли церкви в нашем обществе. В последние годы политические деятели активно контактируют с церковью. Недаром появилось ядовитое словцо «подсвечники» — это те бывшие партийные и советские руководители, которые теперь стоят со свечкой. Не будем обманываться, они (за редчайшими исключениями!) все поминают имя Господа. Ибо взыскуют вполне мирской, земной популярности. И коли, по понятным причинам, маятник общественного мнения качнулся в сторону религии, в эту же сторону устремились и политики.

По причинам еще более понятным руководство РПЦ стремится использовать создавшееся положение, чтобы упрочить свой авторитет, расширить сферу своего влияния, поправить финансы.

Что вполне естественно, и было бы странно, если бы церковь упустила момент.

Но дальше следует очень большое но. Религия — дело сугубо интимное, внутреннее. Добровольное. Хочешь — веришь, не хочешь — не веришь. И церковь не вправе вторгаться в мирскую жизнь, учреждать свою духовную цензуру. Разумеется, церковь может рекомендовать верующим не читать, допустим, такую-то книгу или не смотреть, допустим, такой-то фильм. Может высказывать свое мнение о том, как жить и во имя чего. Но следует категорически отвергнуть претензии церковных властей заменять рекомендации указаниями, навязыванием своих взглядов и представлений.

Все мы знаем: Богу Богово, кесарю кесарево. И не Богово это дело (и не кесарево, кстати) определять политику, «идеологию» телевидения. «Идеология» НТВ (ставка на дурной вкус) представляется мне, мягко говоря, спорной. Но бесспорно право НТВ, — как и любой другой нецерковной структуры, — сказать «нет» новоявленным цензорам.

Если вера в Бога помогает сносить тяготы жизни, сохранять надежду, врачевать душевные раны, пусть будет больше верующих. Но не воинствующих. Не митингующих, а молящихся. И не мешающих жить тем, кто не испытывает желания молиться и просить что-то у Бога.

В «Ежегоднике 1997», который мне подарил патриарх, на одной из страничек сказано: «Соблазны мира сильны не сами собою, но нашей произвольной слабостию». Надеюсь, Русская православная церковь — уважающая себя церковь в уважающем ее обществе — преодолет соблазн, искушение вторгаться в мою жизнь.

* * *

Борис Абрамович Березовский. Настоящий олигарх. Я натерпелся из-за него еще в Израиле. Когда Ельцин назначил его заместителем секретаря Совета безопасности, у меня телефон раскалится: правда ли, что Березовский имеет израильское гражданство? Отвечал: не знаю. Действительно, не знал. Ведь израильтяне не согласовывают с российским посольством, кому давать гражданство. Не верили мне журналисты. Шумели. Обижались. А мне спрашивать у израильтян было как-то неловко. Они сами позвонили через несколько дней и

сообщили, что ликвидировали израильский паспорт Березовского. Чтобы он мог честно сказать: у меня только российское гражданство.

И вот теперь Ельцин так же неожиданно и так же без всяких комментариев снимает Березовского. Пишу статью «Борис Березовский как зеркало русской демократии»^[28] (11.11.97). Пишу, что мне неинтересны интриги, подслушивание под президентской дверью, слухи и сплетни. Жуя и пережевывая эти слухи и сплетни, мы, журналисты, сами отучаем и себя, и народ наш от серьезной политики, от демократической ответственности содеявших за содеянное, от гласности, открытости в деятельности власти. Мы подменяем политический анализ описанием политиканства, дворцовых интриг на византийский (ордынский?) манер. Как раз казус Березовского, как зеркало, отражает специфику нашей «демократии»: своим молчанием, своим увиливанием от разговора по существу власти предрержащие поощряют перенос внимания с политики на политиканство, с содержания, сути политических процессов и решений на суету и мельтешение вокруг тех или иных придворных фигур.

Я не хочу фантазировать, выдувать мыльные пузыри версий. Я хочу — и как любой гражданин демократической страны — имею право услышать от президента, по каким причинам он уволил одного из наиболее заметных лиц своей администрации. Или Березовский плохо, непрофессионально выполнял порученное ему дело. Или он навязывал стратегическую линию, которую президент считал неправильной. Или он принимал решения, исходя не из государственных, а из своих личных, коммерческих интересов. И не журналисты должны тасовать и перетасовывать варианты, гадая на кремлевской гуще. Демократически избранный президент демократической России, — если он считает себя таковым, — обязан помочь журналистам снять пикейные жилеты.

Я полагал, что ум и энергия Березовского способны служить государству Российскому. Видимо, в ноябре 1996 года так думал и Ельцин. Теперь передумал. Его право. Наше право — знать почему.

Ельцин на мои писания не отреагировал. Тайное не стало явным. Зато моментально отреагировал Березовский. Пригласил меня в гости. Особняк, охрана — все, как положено.

Сразу сказал, что о причинах ухода говорить не будет.

— А Ельцин?

— Ельцин мне сказал, а больше никому и ничего не скажет!

Поговорили о Ельцине. По мнению Березовского, он не стратег, но «фантастический тактик» (и еще о «животной интуиции» упомянул). «Верит» в необходимость экономического либерализма. Не позволил «задушить прессу», хотя желающих было много.

Общая обстановка в стране. Созданы необходимые условия для функционирования рынка:

— либерализация цен и

— либерализация собственности (то есть наличие разных форм собственности).

Теперь предстоит следующий этап — надо создать достаточные условия. Это значит:

— нормальные налоги (нынешние — чудовищны!)

— социальная защита и

— борьба с криминализацией.

Если необходимые условия, заметил Березовский, общи, едины для всех стран, то достаточные условия в каждой стране имеют свою специфику, которая должна быть учтена.

Общее впечатление от разговора — как будто беседуешь с ЭВМ. Это не упрек Березовскому. Скорее самому себе — не дотягиваю до ЭВМ.

Больше я с Березовским не встречался.

Потом история с ним повторилась. Неожиданно его назначили исполнительным секретарем СНГ. Кажется, это был первый и последний человек на этом посту, который пытался что-то делать. Но столь же неожиданно Ельцин отзывает Березовского. Пришлось писать еще одну статью (Новое время. 1997. № 11). Последний абзац: «В общем, не очень меня радует всеобщая радость и ритуальные танцы вокруг поверженного демона. Конечно же, повторяю, президент хотел как лучше. Но получился еще один пример того, как не надо делать. Пример дипломатической бестактности. Пример наплевательского отношения к праву „дорогих россиян“ иметь достоверную информацию. Пример уже надоевшей всем „непредсказуемости“».

Не знаю, что вытолкнуло (или кто вытолкнул) Березовского из России. Но думаю, это большая потеря.

Время от времени журналиста приглашают на различные конференции, симпозиумы, семинары. Иногда бывает интересно. Но всегда было бесплатно. Но рынок наступал неумолимо. О чем, в частности, свидетельствует мое письмо от 13 ноября 1997 года в оргкомитет по проведению Международной научно-практической конференции «СМИ России: новые коммерческие возможности».

«Уважаемые господа!

Мне как журналисту хотелось бы побывать на конференции. Но, к сожалению, мои коммерческие возможности не позволяют мне уплатить вам указанную сумму (1350 ам. долл.). В связи с этим печальным обстоятельством прошу вас разрешить мне присутствовать на конференции бесплатно. От обеда торжественно отказываюсь.

Заранее признателен.

Искренне ваш А. Бовин».

(«Известия»)

Мне сообщили, что конференция переносится на 1998 год. Больше не приглашали.

* * *

Полгода в России — не так уж и много. Но все-таки из отдельных кубиков, которые я мог рассматривать и в Тель-Авиве, начала складываться более или менее цельная картинка. Она с очевидностью показывала кризис власти (так я и назвал свою предновогоднюю статью — 30.12.97). В чем он выражался?

1. Неспособность власти четко и ясно сформулировать стратегию развития, стратегию реформ; вместо целенаправленной политической линии некое хаотическое, почти броуновское движение; отсюда — атмосфера ненадежности, неуверенности, в которую погружена Россия.

2. Удушение нарождающейся демократии чудовищной, не сравнимой ни с какими застойными временами бюрократической

машиной; бесконтрольное и коррумпированное чиновничество — вот та реальная власть, которая вознеслась над нами и управляет нами.

3. Полная неразбериха во взаимоотношениях между законодательной и исполнительной властью и, что опаснее всего, между различными ветвями исполнительной власти; парламент, который не может контролировать правительство; правительство, которое не может действовать самостоятельно. Стыдно бывает смотреть на российских министров, которые ведут себя рядом с президентом как нашалившие школьники, вызванные к строгому директору.

4. Тревожное нарастание «самостийности» регионов; дело дошло до того, что стали раздаваться голоса, призывающие признать приоритет региональных «законов» перед федеральными; психологию региональных лидеров можно понять, но нельзя понять и принять вялую, нерешительную позицию центра.

5. Снижаются авторитет и роль президента, ибо слишком часты сомнительные экспромты, ибо бумаги, скрепленные подписью президента, часто остаются просто бумагами.

6. Растет отчуждение граждан от политики, неверие в то, что голос «рядового» человека, гражданина, избирателя может быть услышан и может повлиять на ход государственных дел. «Люди разочарованы. Им обрыдла политика. Потому что они не понимают ее. Потому что с ними не говорят откровенно и по существу».

Писать можно было все что угодно. Власть приспособилась к свободе печати — просто не обращала на нее внимания. Но это уже был другой кризис: не власти, а демократии.

* * *

Размышляя о кризисе власти, я не мог обойти русский фашизм, появление и активизация которого также свидетельствовали о бессилии, кризисе власти. Мне принесли фашистские издания, которые свободно распространялись в Москве.

«Да, мы призваны стать господами этого мира, потому что так захотел Господь. И если для исполнения Его Воли нам потребуется утопить в крови пару миллиардов инородцев и иноверцев — мы ни на

секунду, ни на минуту не задумаемся, гуманно это или нет, соответствует ли это правам „человека“. Чушь! У Человека, настоящего человека, нет и не может быть прав. У него есть обязанности. Обязанности перед Богом, перед Нацией, перед Империей...

Наше Белое дело — это святая миссия утверждения Русского духа по всему миру, поскольку только наша Раса (имеется в виду Русская раса) достойна господствовать в этом мире».

Это — из газеты «Штурмовик». Другое издание — газета Русского национального единства (РНЕ) «Русский порядок». Стихами балует читателей:

Как природа требует дождя,
И ее окутывает дождь,
Так народы требуют: «Вождя!» —
И уже пришел великий Вождь...

Еще одно четверостишие:

Нам не страшны ни пули, ни снаряды,
Мы верим в то, что сможем победить:
Ведь в мире должен быть один Порядок.
И он по праву Русским должен быть.

Первое четверостишие посвящено «великому Вождю» РНЕ А. П. Баркашову, а второе — из гимна РНЕ.

Мне пришлось писать о том, что Государственная дума всячески противится принятию законов, запрещающих деятельность экстремистских организаций, предусматривающих ответственность за распространение фашистской идеологии. И главными защитниками экстремистов выступили коммунисты и партия Жириновского. Они отводили удар от экстремистов, от фашистов, спасая «инакомыслие», спасая «свободу мысли и слова». Они убеждали нас в том, что никакой опасности фашизма в России нет.

Пришлось напоминать элементарные вещи: свобода слова и мысли вовсе не означает свободу проповеди шовинизма, расизма, человеконенавистничества.

«Я не склонен переоценивать роль и значение экстремистских групп, — цитирую „Известия“ (14.01.98). — Но фактом является то, что они существуют и действуют. Фактом является то, что они, паразитируя на реальных трудностях и проблемах, втягивают в свои ряды молодежь. Фактом является то, что они проповедают, распространяют идеологию, решительно противоречащую Конституции.

Уверен, что никто не сможет принести столько вреда русскому народу, никто не сможет создать ему столько врагов, сколько те, кто тоскует о господстве „русской расы“ и „русского порядка“».

К сожалению, за пять лет мало что изменилось. Закон «О противодействии политическому экстремизму» принят. Но он фактически не действует. Во всяком случае, на рынках и улицах Москвы... [29]

* * *

К концу 1997 года можно было констатировать, что внешняя политика России выглядела неплохо. Брал свое здоровый прагматизм. Но избавление от имперских амбиций шло с большим трудом. Прекрасный пример — заявление Е. М. Примакова: «Сейчас, — утверждал министр, оглядывая ушедший год, — ни одно крупное событие международной жизни не может осуществляться без непосредственного участия России». Классический тезис времен среднего и позднего застоя. Плюс чувство глубокого удовлетворения. Плюс бурные и продолжительные аплодисменты.

И дело не в том, что Примаков не прав по существу. Дело в том, что нам вовсе и не нужно это «непосредственное участие». Как бы не надорваться.

После развала Советского Союза и краха «мирового социализма» мир стал принципиально другим. Удельный вес России в мировой политике заметно ниже удельного веса Советского Союза. И не стоит переживать по этому поводу. Давайте позволим азиатам или африканцам обойтись без нас. Давайте займемся своими делами. Ибо все наши «судьбоносные» проблемы и задачи — это проблемы и задачи внутренние.

Создать социально ориентированную, не криминогенную рыночную экономику, заменить всевластие чиновничества, придворные интриги и бестолковщину нормально функционирующей политической машиной, политической демократией, вновь подняться на вершины науки и культуры, дать, наконец, возможность людям, гражданам России обрести уверенность, спокойно жить и работать. Тут главный фронт, главная сфера нашей деятельности.

Что же касается политики внешней, то я познакомил читателей с выдержкой из доклада князя Горчакова императору Александру II (3 сентября 1865 года): «При современном положении нашего государства... главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития, и вся наша внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче... Все усилия нашей политики направлены на то, чтобы Россия могла избежать внешних действий». По-моему, имеет смысл прислушаться к мнению вице-канцлера империи.

Только там и тогда, где и когда затрагиваются жизненно важные интересы нашей страны, участие России, ее «внешние действия» обязательны. Во всех остальных случаях вовсе не грех остаться в стороне от неких «крупных событий». В окружающем нас мире полно проблем, решение которых обойдется и без России. А у нас будет больше времени заниматься действительно важными и своими делами.

Практическая трудность состоит в том, чтобы определить, сформулировать государственный интерес России, отделить очень важное от просто важного и не важного вообще. К сожалению, в наших властных структурах еще отсутствует то, что можно было бы назвать внешнеполитическим сообществом. Формально, по должностному критерию, круг таких людей существует. Но — за отдельными исключениями — их интеллектуальный уровень, их политический кругозор, их понимание времени и России пока далеки от масштаба проблем, которые волею судеб оказались в сфере их служебной ответственности.

Тем не менее учимся. Учимся, оставаясь одной из великих держав, преодолевать навязчивый, имеющий прочные корни комплекс имперского величия. Не всегда это удается. Ибо новую политику делают отнюдь не новые политики.

Только отрешившись от имперских привычек, преодолев инерцию «всеприсутствия», Россия сможет принять участие — и она это уже делает — в формировании многополюсного мирового порядка, в создании системы стабильных отношений между мировыми центрами силы, в предотвращении конфликтов, которые могли бы втянуть нас в ситуации, противоречащие российским интересам. Такова, если угодно, фоновая, перспективно-стратегическая задача. Ее решение предполагает продолжение многовекторной дипломатии в рамках, я бы сказал, «ограниченного глобализма». Тут у нас накоплен большой опыт.

Есть две группы задач первостепенного значения, которые еще не освоены нашей дипломатией.

Первая — организация постсоветского пространства, восстановление разорванной сети взаимовыгодных связей. Не сумеем эту задачу решить, ближнее зарубежье станет дальним. Что резко ухудшит геополитическое и геоэкономическое положение России.

Вторая — включение России в международное экономическое сотрудничество в современном смысле этих слов. Использование этого сотрудничества не для односторонней перекачки российских сырьевых ресурсов, а для радикальных структурных, технологических перемен в обрабатывающем секторе нашей промышленности. Не сделаем этого, останемся на периферии мировой экономики. И политики.

Статья называлась «Горчаков, Россия и Бернард Шоу» (21.01.97). Шоу появлялся в последнем абзаце: «Приходится иногда слышать рассуждения примерно такого рода. Да, Россия сейчас больна. И наша внешняя политика не может не считаться с этим. По одежке протягиваем ножки. Но ведь мы выздоровеем, обязательно выздоровеем. И вот тогда действительно не будет международных проблем, которые можно было бы решить без участия России. В этой связи я хочу обратиться к Бернарду Шоу: „В жизни существуют две трагедии. Одна из них — так и не добиться осуществления самого сокровенного желания. Другая — добиться“.

Право выбора за нами...»

* * *

Типичным примером наших колебаний между здравым смыслом и имперскими амбициями служит политика вокруг Косова.

С одной стороны, здравый смысл вроде бы помогал нам понять, что мы не сможем переиграть американцев, что Милошевич сам, собственной персоной, подставил под удар Югославию. Но имперские амбиции заставляли шуметь, надуваться, хлопнуть дверью в НАТО.

Американцы приняли решение начать бомбовые и ракетные удары по Югославии как раз в тот день, когда Примаков подлетал к Америке (он летел в Вашингтон на заседание совместной комиссии). Министр дал команду развернуть самолет и возвращаться в Москву. По этому поводу я писал:

«Прервав полет и вернувшись в Россию, Примаков поступил правильно. Уж больно обнаглели американцы. Предвижу возражения. Отношения с Америкой (и НАТО) для России важнее, чем отношения с Югославией. Демарш Примакова обойдется России, по подсчетам „Коммерсанта“, никак не меньше, чем в 15 миллиардов долларов.

Все это так. Если мыслить сугубо прагматическими категориями. Однако есть вещи, которые, по-моему, важнее денег. К ним, несомненно, относится престиж страны, в которой мы живем, престиж России. Удар по Югославии будет в любом случае пощечиной России. Но если бы премьер находился в Вашингтоне, пощечина была б гораздо звонче.

Примаков поступит еще более правильно, если не будет надувать щеки и пугать американцев „адекватными мерами“. Никаких таких мер у нас нет. Надеюсь, никому не придет в голову воевать на Балканах. И послы отзывать не следует. Разрыв с Америкой, разрыв с НАТО обойдутся нам гораздо дороже, чем Западу. Поэтому надо набраться мужества и вытерпеть. Чем энергичней мы будем размахивать кулачками, тем в более глупом положении окажемся.

Что же делать? Сжать зубы и начать наконец вытаскивать Россию из той ямы, в которой она находится. Мир станет для нас многополюсным лишь тогда, когда мы сами станем одним из его полюсов. А пока, повторяю, приходится терпеть» (25.03.99).

Фигура политического пилотажа, которую выполнил Примаков (она получила название «петля Примакова»), была правильным тактическим ходом в рамках неверно выбранной стратегии. Тактика, исходя из здравого смысла, минимизировала политические потери

России. И это получилось. Стратегия, исходя из прежних имперских установок, требовала играть с НАТО на равных. Но это не получилось. НАТО продолжала гнуть свою линию, а мы, перебросив в Косово российские войска, фактически эту линию поддержали.

Не могу не сравнить «петлю Примакова» с аналогичной фигурой политического пилотажа, которую я бы назвал «петля Миронова». Другое время, другая страна, но... По приглашению кнессета в Израиль прибыл спикер Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов. По заведенному ритуалу в таких случаях предусматривается «уравновешивающий» визит на территорию Палестинской национальной автономии, то есть к Арафату. Так планировалось и на этот раз. Однако Миронов не доехал до Арафата, отменил визит. Счел его неуместным на фоне очередного кровавого террористического акта.

«Поступок Миронова, — писал я в еженедельнике „Профиль“ (№ 26, 2002), — вызвал неоднозначную реакцию среди российских политиков. Это понятно. И в Федеральном собрании, и в администрации президента, и в правительстве сталкиваются разные позиции, разные подходы к ближневосточному урегулированию. Еще сохранились политики, которые видят источник зла в Израиле. Многие склонны ответственность за нынешнее обострение конфликта распределять в равных дозах между Израилем и палестинцами. Официальная политическая линия Москвы определяется этим положением. Наконец, есть политики, которые корни кризиса видят в безответственности, экстремизме, двуличии Арафата.

Как официальный политик Миронов должен был следовать официальной политической линии. Но настоящий политик тем и отличается от политика по должности, что в нетривиальных ситуациях он может себе позволить быть сначала человеком, а уж потом политиком.

„Петля Миронова“ заставляет задуматься даже тех, кто не любит утруждать себя этой тяжелой работой.

В общем, избежав объятий Арафата, Миронов поступил достойно и честно. Борьба с терроризмом предполагает один критерий.

И вот еще что. Приятно отметить, что президент иногда сотрудничает с независимо мыслящими людьми, не боящимися самостоятельных решений. Издержки, минусы могут быть, но плюсов несравненно больше».

«Петля Примакова» шла из психологии прошлого, диктовалась представлениями об имперском величии и не сказала на дальнейшем развитии отношений с НАТО. «Петля Миронова» ориентировалась на будущее и, будем надеяться, скажется на корректировке нашей ближневосточной политики.

* * *

События в Косове и вокруг Косова, обрушивая на нас острейшие, требующие немедленного решения политические вопросы, вместе с тем заставляли задумываться над привычной социально-политической формулой: «право наций на самоопределение» (в коммунистическом, большевистском варианте добавлялось: «вплоть до полного отделения»).

Если, согласно правосознанию XX века, все народы имеют право на самоопределение, почему мы не поддерживаем стремящихся к самоопределению косовских албанцев? Почему мы воюем в Чечне? Почему не хотим признать независимость Абхазии или Приднестровья?

У меня не было готовых ответов на эти вопросы. Но были какие-то домашние заготовки, какие-то гипотезы, которыми я делился с читателями.

Начнем с того, что XX век был веком крушения великих империй. После Первой мировой войны исчезли империи Оттоманская и Австро-Венгерская. После Второй развалились колониальные империи Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии. Последней распалась Российская империя, исчез Советский Союз. Можно спорить по поводу того, насколько понятие «империя» приложимо к Советскому Союзу. Но бесспорно, что за всеми этими фактами одна из главных закономерностей уходящего века — ранее несамостоятельные, часто угнетенные, подавляемые нации добивались своей государственности, утверждали себя в качестве самостоятельных политических единиц, создавали свои государства.

Этот «взрыв национализма» инициировал цепную реакцию перемен. Везде обострилось национальное самосознание. Вырос интерес этносов к самоидентификации, к собственной истории и

культуре. Там, где, казалось бы, национальный вопрос давно решен, возник своего рода «вторичный национализм».

Посмотрим на карту.

Канада. Рвется на свободу франкоязычный Квебек.

Великобритания. В порядке, как говорят англичане, «деволюции» Шотландия и Уэльс отвоевали право иметь свои парламенты.

Франция. Активно действуют сепаратисты на Корсике.

Испания. Продолжают собирать кровавую дань террористы Страны Басков. Спокойнее, но основательнее отстаивает свои права Каталония.

Бельгия. Напряженными остаются отношения между Валлонией и Фландрией. Смотрит в сторону немецкая община.

Македония. Пример Косова заразителен.

Еще более запутанной, конфликтной является ситуация в Азии и Африке. Тут национализм еще самый что ни на есть «первичный».

У Китая проблемы с Синьцзяном, Тибетом и Внутренней Монголией.

В Индии не спадает напряжение в Кашмире.

Тамильские «тигры» терзают Шри-Ланку.

На Среднем Востоке кровоточит курдская рана.

Не прекращаются межэтнические, межплеменные столкновения в Африке.

И все требуют «самоопределения». Часто — «вплоть до отделения».

Оценим перспективу.

Более половины государств — членов ООН имеют национальные меньшинства численностью свыше одного миллиона человек. Если они самоопределятся, появится около сотни новых государств.

Оптимисты успокаивают. Ну и что! На грани XV и XVI веков в Европе насчитывалось 500 независимых политических единиц. И ведь жили.

Жили, конечно. Только основной формой той «жизни» были бесконечные, перманентные войны. Как-то не хочется воскрешать такое прошлое.

А вообще в мире существует примерно десять тысяч различных этнических групп. Далек не все из них «чеченцы», но все же. Реализация самоопределения «вплоть до отделения» ввергла бы

человечество в нескончаемый хаос перекройки границ, стычек и столкновений, борьбы всех против всех. Боязно приближать такую перспективу.

Тем более что в наши беспокойные времена существенно изменилось содержание, идеологическое наполнение национальных лозунгов и программ. Теперь национализм — особенно на Востоке — переплетается с религиозным фанатизмом. А симбиоз религии и национализма делает этнотерриториальные конфликты еще более затяжными, ожесточенными. Вспомним Боснию. Вспомним Карабах. Вспомним Эфиопию и Сомали.

В поисках выхода из тупикового, по существу, положения можно предложить схему типа «самоопределение минус отделение». Судя по всему, мировое сообщество склоняется к тому, чтобы сузить право на самоопределение принципом территориальной целостности государств. Тут, конечно, масса нюансов, оттенков, неоднозначных ситуаций, тут возможны исключения, но в целом политическая мысль движется именно в этом направлении. При заметном пока еще сопротивлении политической практики, да и политической теории тоже.

Радикальные демократы выдвигают серьезное возражение. Интересы личности абсолютно приоритетны по отношению к интересам государства. А если это так, то ссылки на «территориальную целостность» государства не могут рассматриваться как легитимное основание для отрицания права Чечни, или, допустим, Косова, или, скажем, Башкирии на самостоятельное политическое существование.

Fiat justitia et pereat mundus — утверждали древние. Если принять эту позицию, если славить справедливость на развалинах гибнущего мира, то вышеприведенный аргумент неуязвим. Но жизнь сильнее логики. И пусть все-таки мир не погибает, хотя это не всегда и не во всем справедливый мир.

«Логически отнюдь не безупречный, но жизненно необходимый, спасительный компромисс, — заканчивал я свои рассуждения, — звучит примерно так. Каждое национальное меньшинство, каждая народность, каждая этногруппа имеют право самоопределиваться в максимально широких рамках языковой, культурной, религиозной, хозяйственной автономии, получить своего рода „неполитический суверенитет“. Но — и в этом „но“ суть дела — при сохранении полноты

политического суверенитета и территориальной целостности того государственного образования, в которое данная группа входит.

Возможно, в будущем найдут более „простой“, более отвечающий чувству справедливости вариант соотношения права на самоопределение народов и территориальной целостности государств. Но сегодня альтернативой предложенному компромиссу может быть только превращение и без того относительного мирового порядка в мировой беспредел».

Это я написал шесть с лишним лет назад. Понимая, что мною движет не только желание уберечь мир от беспредела, но и сохранившийся имперский вирус. С тех пор много воды утекло и много крови пролилось. Мучает вопрос: сколько человеческих жизней можно отдать за сохранение Чечни в составе России?

Ответа не имею...

* * *

Видимо, не только я дезертировал с фронта международной журналистики. 25–27 мая 1998 года в Москве состоялись ежегодный конгресс и 47-я генеральная ассамблея Международного института прессы. Одно из пленарных заседаний было отдано теме «Международная информация: падение интереса». Падение интереса к международным делам фиксировалось во многих странах, включая США.

Выступавшие говорили о том, что прекращение холодной войны, исключение из мировой повестки дня угрозы всеобщей ракетно-ядерной катастрофы изменили психологию людей, сняли постоянную тревогу, многие страхи и стрессы. Поэтому международные новости перестали быть приоритетными.

В России действует и эта общая причина. Но есть и специфические. Я говорил о них на конференции. Во-первых, внутренние проблемы, которые граждане России ежедневно ощущают на своей шкуре. А поскольку эти проблемы теперь можно обсуждать, то именно они притягивают основное внимание читателей, зрителей и слушателей. Во-вторых, стала доступна для обсуждения и жизнь наших родных верхов. Клинтон и Моника — увлекательный сюжет, но

Скуратов с дамами еще интереснее. И опять журналисту-международнику приходится уступать дорогу коллегам-«внутренникам». В-третьих, мощный поток информации о катастрофах, скандалах, преступлениях, интригах и др. и пр. работает на формирование аудитории, которую вообще не интересуют серьезные темы — ни внешне-, ни внутривнутриполитические.

Парадокс: свобода в отборе и подаче информации привела к тому, что резко сократился объем сведений, которые получают «простые» люди. Издержки переходного периода...

* * *

Были вопросы, которые находились как бы на границе между международной и внутренней проблематикой. Например, вопрос о культурных ценностях, перемещенных в Советский Союз в результате Второй мировой войны.

Как известно, в годы войны фашисты уничтожили тысячи памятников культуры, библиотек, музеев, архитектурных ансамблей, среди которых уникальные дворцы Царского Села, Петергофа, Павловска. Более полумиллиона произведений искусства немцы «переместили» из нашей страны в Германию.

После войны ценности стали «перемещаться» в другую сторону. По указанию Сталина в Москву «для пополнения государственных музеев» были вывезены «наиболее ценные художественные произведения живописи, скульптуры и предметы прикладного искусства, а также антикварные музейные ценности». Плюс архивы плюс библиотеки.

Значительную часть культурных ценностей, включая картины Дрезденской галереи, Советский Союз вернул ГДР. Тем не менее немцы претендуют — и с некоторой настырностью — на возврат 200 тысяч произведений искусства и архивных материалов общей стоимостью 100 миллиардов марок.

В статье «Мы ничего не должны Германии» (12.05.98) я доказывал, что Германия не имеет права требовать возврата культурных ценностей, вывезенных после войны в Советский Союз. Согласно общепризнанным принципам и нормам международного права,

Германия была обязана возместить причиненный ущерб (репарации) и возвратить награбленные ценности (реституция). Если же возвращение невозможно, Германия должна заменить похищенное равнозначными ценностями (компенсаторная реституция). Советский Союз имел полное и безусловное право компенсировать свои потери. В том числе — и потери культурных ценностей. И не по «праву войны», а по требованию справедливости.

Федеральное собрание приняло закон, коим объявило перемещенные культурные ценности собственностью России. Закон был встречен неоднозначно. Возражал президент. По-моему, неудачно. Наверное, в законе есть нечеткие, вызывающие сомнения формулировки.

«И все же, — завершал я материал, — общая направленность закона представляется мне справедливой, правильной, нужной. По-моему, он отвечает интересам России и вписывается в мироощущение народа, для которого День Победы и сегодня остается самым великим праздником. Настанут другие времена — появятся, возможно, и другие законы.

А пока нам нужно составить и опубликовать полный, исчерпывающий список всех перемещенных культурных ценностей. Что вывезено и откуда вывезено, что сохранилось, а что пропало, растащено, испорчено, где хранится сохранившееся и в каком состоянии — все эти сведения должны быть доступны всем. Должна быть доступна и „натура“. Перемещенные ценности надо наконец переместить из запасников, закрытых фондов, тайных кладовых, из руководящих контор и обитателей туда, где их можно будет видеть, где ими можно будет пользоваться. И это тоже будет победа. Победа над собой».

Рад буду ошибиться, но, кажется, победу над собой мы еще не одержали.

Было много откликов. В основном — позитивные. Приведу два негативных.

«Очень огорчен был, — пишет Александр Парщиков, — прочитав Вашу статью в „Известиях“. Очень обидно также за любимую газету, печатающую такие черносотенные статьи, оправдывающие сталинский грабеж того, что было награблено Гитлером в Западной Европе. „Грабь награбленное...“ — браво, г-н Бовин...

Думается, что найдется более компетентный читатель, который достойно ответит на все псевдоаргументы, приведенные в статье. Для меня же просто перестал существовать когда-то уважаемый мною обозреватель Бовин».

Второй, более развернутый отзыв подписан Евгением Б. Александровым (псевдоним, наверное). «Я всегда читал Ваши публикации (и до „перестройки“ и после) с ощущением, что автор не может все сказать, но всегда хотел бы, „как лучше“. После Вашей публикации 12 мая „Мы ничего не должны Германии“ я изменил мнение. Похоже, Вы теперь склонны реагировать „как прикажете“. Ведь Вы прекрасно знаете, что в Великой Отечественной сошлись два преступных режима и победил тот, кто был готов положить большее число покорных соотечественников. И разговоры о том, что мы не обязаны отдавать золото Шлимана, потому что они сожгли столько-то наших городов, имеют смысл только потому, что один преступный режим заел другой режим (ценой невосполнимых потерь). „Вы убили у нас 27 миллионов людей — отдавайте золото!“ Полноте. Это разные потери. И дикое количество вывезенных из Германии культурных ценностей пошло прахом, погибло в затопляемых подвалах (сам видел!). Зачем нам нужны были чужие архивы, да и то золото, наконец? Честь дороже! Мы 50 лет ввали, что ничего не брали. А теперь заявляем: да, ввали, да, брали, но мы в своем праве, да и вы не лучше! Но есть разница — там, в Германии, нет ничего нашего во владении общества-государства. Там, как говорят, есть украденные предметы в частном владении. Мы же (с Вашей помощью) пытаемся подобное воровство на нашей стороне возвести в канон. Есть разница. Германия покаялась, как написано в Вашей газете от 8 мая в статье „Что думают немцы о прошедшей войне“. И, проведя год в Германии, я с этим мнением согласен».

Мы действительно долго и упорно ввали. Приведенные письма — типичная реакция на наше вранье. Начнем говорить правду — постепенно нам начнут верить...

* * *

После опубликования статьи «Мы ничего не должны Германии» несколько читателей просили меня написать о том, что мы должны Японии. Конкретно: должны ли мы отдать Японии «северные территории», то есть Южные Курилы? Моя статья, чтобы не обижать Германию, называлась: «Мы ничего не должны Японии» (03.06.98). Накануне прибытия в Москву премьер-министра Японии Кейдзо Обути я вернулся к этой теме (12.11.98). Тема эта мне хорошо знакома, так как на протяжении почти четверти века я неоднократно принимал участие в советско-японских симпозиумах, посвященных в основном как раз проблеме «северных территорий» (это — когда смотришь с юга, а для нас, которые смотрят с севера, это проблема Южных Курил — острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островков Хабомаи).

В первой статье были критически разобраны японские аргументы. Делался вывод, что требования о возврате «северных территорий» не имеют под собой никаких юридических, вытекающих из международного права оснований. Фундаментальный юридический факт содержится в мирном договоре, подписанном в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года. Согласно договору, Япония отказалась от «всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова...». Причем, как разъясняли тогда же японцы, понятие «Курильские острова» включает в себя и Южные Курилы, позднее обозначенные как «северные территории». То обстоятельство, что Советский Союз не подписал Сан-Францисский договор, ни в коей мере не отражается на отказе Японии от Курил.

Обстановка изменилась в 1956 году. 19 октября была принята Совместная декларация СССР и Японии. Там говорится: «...Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией». Декларация была ратифицирована парламентом Японии и президиумом Верховного Совета СССР.

В январе 1960 года советское правительство заявило, что острова могут быть переданы лишь после вывода всех иностранных войск с территории Японии (имелись в виду американские войска). Это заявление было юридически несостоятельным, ибо в одностороннем

порядке меняло смысл совместного, двухстороннего документа. Но логика холодной войны оказалась сильнее юридической корректности.

Таким образом, на сегодняшний день сохраняется в силе обязательство СССР передать Малую Курильскую гряду (Хабомаи и Шикотан) Японии. Что же касается Итурупа и Кунашира, переговоры следует продолжить.

Мне представляется, что в принципе передача Японии Малой Курильской гряды и — в перспективе — островов Итуруп и Кунашир отвечает долговременным интересам России. Это могло бы ускорить интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Это могло бы оказаться полезным и для реализации главного проекта XXI века — освоения Сибири и Дальнего Востока.

Очевидные экономические и военно-морские минусы отказа от Южных Курил можно скомпенсировать конкретными договоренностями с японцами. Но главный минус не здесь. Передача «северных территорий» может вызвать нежелательный резонанс в других регионах. И пока Россия слаба, пока она не вышла из кризисной полосы своего развития, такой резонанс опасен.

И еще. Передача каких-либо территорий Японии вопреки общественному мнению России невозможна. А сегодня и, видимо, завтра общественное мнение будет против. Оно будет против, ибо существующий уровень российско-японского сотрудничества, существующая степень взаимодоверия пока не позволяют делать резких движений.

Единственный реальный путь продвижения вперед — совместная хозяйственная деятельность на островах, обмен культурными ценностями, интенсификация человеческих контактов. При сохранении юридических и политических реалий нынешнего дня. Жесткая привязка японцами проблемы «северных территорий» к мирному договору, отказ от сотрудничества в рамках существующих условий будут иметь однозначный результат — они затруднят, если не сделают невозможным, перелом в общественном мнении России.

Ключевое слово для решения проблемы «северных территорий» — это терпение, писал я в качестве резюме.

«Только сильная, уверенная в себе Россия может пойти на территориальные уступки. Только ощутимые результаты российско-японского сотрудничества смогут преодолеть исторически

сложившееся недоверие, изменить общественное мнение России. Не знаю, к какому году это произойдет. Но уверен, что это произойдет обязательно.

Пессимизм? Нет, оптимизм без иллюзий».

Получил мешок ругательных писем. Смысл один: «Ни пяди!» Приведу выдержку только из одного письма. Его написал подполковник в отставке Юрий Алексеевич Прохоров из Петербурга.

Уважаемый Александр Евгеньевич! Откликаясь на Ваши две последние геополитические работы «Мы ничего не должны Германии» и «Мы ничего не должны Японии», я предлагаю Вам, двигаясь вдоль наших рубежей против часовой стрелки, продолжить сериал еще девятнадцатью «Мы ничего не должны...».

1. «Мы ничего не должны Финляндии». Подписав 31.12.17 г. Акт о суверенитете, мы в 1919, 1939, 1944 громили ее самым лихим образом.

2. «Мы ничего не должны Эстонии». Подписав в 1920 г. Тартуский договор, ворвались в нее в 1939 г., запихнули в тюрьму президента, еще 14 тысяч ни в чем не повинных людей вывезли в лагерь, в 1946 г. водрузили флаг РСФСР над Ивангородом, сдвинув границу к западу на 20–25 км.

3. «Мы ничего не должны Латвии», разбавляя 50 на 50 переселенцами бестолковых аборигенов, плохо говорящих по-русски.

4. «Мы ничего не должны Литве», въехав в нее на танках в 1939 г. по сговору с другим разбойником и уничтожив там элиту и фермеров.

5. «Мы ничего не должны Польше», наводя там порядок в 1780–94 гг., 1831, 1862, 1920 гг. («Даешь Варшаву!»), подло ударив 17.09.39 в тыл борющейся с фашистами польской армии, расстреляв захваченных в плен офицеров, учинив разгром АК в 44–45 гг. и погрозив танками в 60-х годах. Один парад войск Еременко и Гудериана (октябрь 1939 г.) в Бресте чего стоит.

6. «Мы ничего не должны Чехословакии», оттяпав у нее Закарпатье и въехав в компании стран ВД в Прагу 22.08.68 г.

7. «Мы ничего не должны Венгрии», разгромив Будапешт в ноябре 1956 г., повесили их премьера И. Надя, выманив его из одного из посольств.

8. «Мы ничего не должны Румынии», отобрав у нее в 1940 г., по сговору с Гитлером, Молдавию и Буковину, а в 1947 г., танками подавив

народное восстание, посадили туда в конце концов какого-то диктатора, расстрелянного впоследствии собственным народом.

9. «Мы ничего не должны Болгарии», объявив ей войну 08.08.44 и разогнав правителей (хорошо, оставив в живых малолетнего царя).

10. «Мы ничего не должны Югославии», которой с 1947 по 1955 год все время грозились, но не решились оказать интернациональную помощь.

11. «Мы ничего не должны Армении», в которую, имея договор, ворвались в 1921 г. на конях, предварительно оказав помощь Ататюрку в захвате Западной Армении.

12. «Мы ничего не должны Ирану», разбомбив в августе 1941 г. Тегеран и разделив пополам страну с Великобританией, создав на севере страны еще одну марионеточную Азербайджанскую республику и почему-то (есть ссылки на Трумэна) нехотя уйдя оттуда в 1946 г.

13. «Мы ничего не должны Грузии», с которой РСФСР имела договор, но в 1921 г. вошла с юга на бронепоезде, случайно позволив удрать правительству.

14. «Мы ничего не должны Бухаре», тому эмирату, который вообще не входил в Российскую империю, взяв штурмом в 1921 г. Бухару.

15. «Мы ничего не должны Туве», ликвидировав в 1944 г. это государство с чудесными марками.

16. «Мы ничего не должны Монголии», разогнав в 1921 г. администрацию и духовенство этой территории с помощью авиации и конницы.

17. «Мы ничего не должны Корею», поддерживая диктаторский режим Ким Ир Сена и вооружив его для рывка 22.06.50 через 38-ю параллель на Пусан. А теперь ожидаем от наследника испытания ядерного оружия.

18. «Мы ничего не должны Афганистану», в который в декабре 1979 г. ввели ограниченный контингент, разумеется, по просьбе правительства Афганистана (как в Венгрию, как в ЧССР), но тут же уничтожив не только главного правителя, но и его жену, и его малолетних детей (живет июль Екатеринбург в сердцах воинов).

19. «Мы ничего не должны правительству США», получив по ленд-лизу после окончания боевых действий и имея не утраченную в боях технику на общую сумму 2,5 миллиарда долларов (цифра признана нами в 1972 г.). Не возвратив технику или деньги согласно

договору, мы до сих пор морочим голову нашему народу слезливым враньем о злобных капиталистах, обижающих народ, потерявший не деньги ленд-лиза, а 20 или 30 млн человек.

Только на двух крайних румбах — в Норвегии и у Аляски — мы почему-то не рванули вперед, хотя в 1950 г. сосредоточили общевойсковую армию на Чукотке, сейчас хором подпеваем «Любэ»: «Отдай, Америка, Аляску!», проданную нами в середине XIX века, распространяя в народе слухи о ста годах аренды и прочих аналогиях с Гонконгом и Гуантанамо...

Конечно, тот, кто заставит себя дочитать «Мы ничего не должны Японии», найдет в последних абзацах ключевую нить публикации, мысль-антагонист заголовку: «Да, надо отдать острова, но народ глупый и этого не поймет, будет возникать», но заголовок прочтут сотни тысяч... а последний абзац прочитают только редкие зануды вроде меня, и Ваша статья объективно послужит средством дезинформации и оболванивания обывателя (в лучшем значении этого слова) и подвигнет его еще на один Даманский, который мы тридцать лет спустя после бойни 1968 года на днях благополучно передали Китаю.

Любопытное послание. Подполковник в отставке прекрасно меня понял. Но боится, что народ не поймет. Если бы он мог увидеть другие письма, он бы понял, что недооценил наш народ.

Интересен язвительно-ироничный перечень. По всему периметру наших границ мы вели себя не лучшим, а иногда и худшим образом. И тогда формула «Мы ничего не должны...» приобретает издевательский оттенок. Но независимо от этого полезно еще раз пройтись по периметру и подумать на досуге...

* * *

Германия и Япония — как водка. Пьешь, мозги вертятся вокруг перемещенных ценностей или «северных территорий» и вроде легче становится, оттягивает как-то. Перестал, переместился из дальнего зарубежья в ближайшие к Москве окрестности, в наши родные «регионы» — и опять болячки болят. Куда ни помотришь, везде

выпирают острые углы нерешенных и — вот тут боль и беда! — нерешаемых проблем. Одна из главных — кризис федерализма.

Приглядимся к основным понятиям.

Конфедерация — это объединение суверенных, независимых государств. До XXI века конфедерации не дожили. Напоминают конфедерацию Объединенные Арабские Эмираты.

Федерация объединяет политические образования (республики, штаты, провинции, кантоны, области, земли), которые не обладают суверенитетом, не рассматриваются как субъекты международного права. Федераций довольно много: США, Канада, Мексика, Бразилия, ФРГ, Швейцария, Австрия, Индия, Нигерия, Малайзия. Есть и другие.

Субъекты федерации, повторяю, не суверенны. Они не имеют права выхода из федерации. Они не обладают верховенством на своей территории и не должны препятствовать применению федерального права. Единое социальное, экономическое, правовое пространство — неперенный признак федерации. Во всех федерациях к ведению центра относятся организация федерального устройства, обеспечение территориальной целостности, оборона и безопасность, внешняя политика, определение объема прав и свобод граждан.

Начало российского федерализма можно датировать августом 1990 года. Тогда раздался призыв Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько сможете взять». И взяли. По тем смутным временам взяли сколько могли и еще немножко. С тех пор аппетит на «суверенитет» не проходит. Раздаются голоса, требующие создания новых субъектов федерации. Почувствовав слабость Москвы, региональные элиты продолжают — вопреки интересам государства, федерации — рваться к власти и собственности.

Выступая в «Известиях» 4 августа 1998 года, я отмечал, что власти субъектов федерации сплошь и рядом выходят за рамки своей компетенции, нарушают федеральные законы, не считаются с федеральной Конституцией, стремятся проводить свою, отличную от центра, политику.

Типичный пример — «национальная политика» губернатора Краснодарского края Н. И. Кондратенко, проводимая под лозунгом «Кубань для кубанцев!».

Конституция Республики Тыва предусматривает право выхода из состава Российской Федерации. Конституция Республики Татарстан

объявляет республику «субъектом международного права». Конституции Коми, Башкортостана, Якутии предусматривают возможность самостоятельного проведения внешней политики.

Москва пытается отрегулировать свои отношения с субъектами федерации при помощи сомнительной, на мой взгляд, практики подписания специальных договоров и соглашений между центром и регионами. Эти документы часто имеют случайный, зависящий от политической ситуации и личностных факторов характер. Они разноплановы по содержанию и усиливают асимметрию федеративных отношений. Они дают основание субъектам федерации претендовать на равноправие с федеральным центром.

Происходит своеобразная феодализация страны, во многом связанная со своеволием, самовластием региональных князей и бояр, заменивших бывшую партийно-советскую номенклатуру. А Москва или молчит, или говорит шепотом. Здесь сказываются и общая слабость, часто бессилие федеральной государственной машины, и отсутствие четких представлений о желательной модели демократических федеральных отношений. Все тонет в беспринципных, так сказать, разовых компромиссах между бюрократией Москвы и регионов. В обмен на лояльность региональные лидеры нередко получают свободу рук, «право» на самостоятельность, на свою политику в пределах своего «феода».

Жизнь требует создания продуманной стратегии укрепления федерализма, которая включала бы в себя четкое распределение компетенции между центром и регионами, правовое равенство, равноправие всех субъектов федерации, безусловное соблюдение федеральных законов на всей территории федерации.

Завершая статью, я писал, что такой стратегии пока нет и не чувствуется политическая воля ее создать. «Политика поглощена политиканством. Время и энергия уходят в дворцовые и околослужбовые интриги, выяснение отношений, разработку предвыборных ходов и комбинаций. Какая уж тут стратегия! Кризис федерации — следствие кризиса власти. Чем дольше тянется полоса неуверенности, колебаний, непредсказуемости, тем больше оснований для пессимизма. И все же я убежден, что Россия справится с обрушившимися на нее бедами, что наша Федерация выстоит. С доказательствами трудно. Но есть вера. А это уже много».

Как и положено при нашей демократии, есть свобода критиковать, но есть и свобода не обращать внимания на критику. Из появлявшихся в прессе критических материалов можно было составить библиотеку. Но ничего не менялось. Или менялось, но в худшую сторону. В ноябре 1999 года Государственное собрание Башкирии запретило показ в республике программ С. Доренко и Н. Сванидзе. Это было вызывающее нарушение п. 5 ст. 29 Конституции: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Но вместо того чтобы квалифицировать действия Уфы как антиконституционные, Москва стала играть в поддавки.

Моя статья называлась «Штормовое предупреждение» (30.11.99). Я писал, что наиболее остро, кричаще кризис федерализма проявляется в Чечне.

«В других случаях кризис федерализма имеет стертые, расплывчатые формы. Независимости не требуют. Не стреляют. „Просто“ не выполняют „московские“ законы. Вводят свои порядки в экономике и политике. Подминают газеты, телевидение, радио. Постепенно делают федеральную вертикаль, и так еле дышащую, еще более слабой, эфемерной, пустой.

А мы как бы привыкаем к такому положению вещей. Федеральный центр делает вид, что ничего не происходит. А если думать о перспективе, о будущем России, это, пожалуй, опаснее, чем Чечня. С этой точки зрения сигнал, пришедший из Уфы, полезен. Демонстративное пренебрежение Конституцией России — это своего рода штормовое предупреждение. Предупреждение о том, что сохранение федерации требует действий. Не очередных временных полумер, а решительных действий. Пока не поздно».

Я не уверен, что сменивший Ельцина Путин имел цельное представление о стратегии федерализма. Но сработала интуиция, так сказать, политический спинной мозг. Путин начал с укрепления властной вертикали. «Великолепная семерка» встряхнула федерацию, одернула зарвавшихся регионалов. Сделано важнейшее дело. Но это еще не стратегия. Нужны ли и дальше генерал-губернаторы, сверх-губернаторы? Пока выручают. Катастрофы и всякие ЧП — глядишь, а путинский комиссар тут как тут... А без ЧП? Без ЧП получают дополнительные и никому, кроме «генерал-» и «сверх-», не нужные центры кучкования чиновничества.

Недоумение вызывают нынешний Совет Федерации, порядок его формирования и его состав.

Готовый сюжет для учебного пособия по размножению бюрократии — наличие в Москве представителей (послов!) всех субъектов федерации. Каждый — в хорошем чине, с аппаратом (чаще — с аппаратиком), с апартаментами, с машиной, а то и двумя. Зачем? Проталкивать интересы своего «субъекта» и привечать в Москве своего губернатора.

Я все жду, когда найдется светлая голова в администрации президента, которая внесет обоснованное предложение направить в столицу каждого «субъекта» представителя (посла) центра. А то получается перекося...

* * *

В начале 1998 года меня стали уговаривать принять участие в создании общественного объединения «Калина красная» и возглавить журнал под таким же названием. Имелся в виду ежемесячник для всех, кто связан с системой «преступление — наказание». Предполагались хорошая бумага, обилие иллюстраций, жанровое разнообразие.

Я долго отнекивался, поскольку уже понял: жизнь портят подчиненные. Без подчиненных я отвечаю только за свои глупости. Наличие подчиненных включает в рамки моей ответственности глупости чужие. Власть и (или) деньги могут компенсировать возникающий дискомфорт. В конце концов меня соблазнили. Не властью, конечно, а зарплатой. Я не был избалован, и 2000 долларов меня устроили. 1 июля контракт был подписан^[30].

Потом — кризис, и все повисло. Но какие-то инерционные движения продолжались. 14 октября я удовлетворял любопытство читателей «Литературной газеты»:

«Граждан нашей любимой страны можно разделить на две большие группы. К первой отнесем тех, кто сидит (нынче их чуть за миллион), кто сидел (их существенно побольше) и кто будет сидеть (непредсказуемо). Ко второй — тех, кто не сидел, не сидит и не будет сидеть, но так или иначе ощущает присутствие первой группы. В общем, как писал Маяковский, „деточка, все мы немножко лошади...“.

Соображения примерно такого рода привели к выводу, что было бы полезно (в крайнем случае — не бесполезно) создать некую „как бы“ структуру, которая „как бы“ помогла обеим группам лучше увидеть нашу жизнь в указанных координатах и тем самым способствовала бы решению проблем, накопившихся и в местах не столь отдаленных, и на стыках этих мест с зоной свободного проживания.

Задача двоякая. С одной стороны, привлечь внимание общества к положению дел в так называемых „исправительных учреждениях“ (тюрьмы, колонии и т. п.). А со стороны другой, попробовать помочь этим людям (при всей их вине перед обществом), облегчить их участь, помочь им вернуться к нормальной жизни...

Возможно, есть оттенок нахальства, авантюризма начать раскручивать новый проект, когда кризис, когда везде сворачиваются, сокращаются, съеживаются. Нас оправдывают три обстоятельства. Первое: дело было задумано задолго до кризиса. Второе: кризис рано или поздно кончится. Третье: мы оптимисты.

И последнее. Почему я говорю об этом? Потому что мне предложили и я согласился стать главным редактором журнала „Калина красная“. Долго думал. Ведь не первая, а пятая молодость уже. И все же решил попробовать. Во-первых, интересно. Интересно начинать новое дело. Во-вторых, меня дважды выбирали народным судьей, то есть я как раз занимался перемещением лиц из второй группы в первую. Так что тематика знакомая. В-третьих, в нынешних условиях лишняя зарплата является далеко не лишней. Такие дела».

К сожалению, наше нахальство не помогло. Стучались в разные двери. Все всё понимали, но денег не было. А когда в мир иной ушел главный мотор проекта, главный добытчик и главный энтузиаст Михаил Григорьевич Каневский, «Калина красная» ушла вместе с ним.

* * *

И раньше, при советской власти, и тем более теперь я не был плотно завязан на всякие внутриредакционные разборки. Но они шли. Газету лихорадило. Васю Захарько обкладывали со всех сторон. Неожиданно его первый заместитель Николай Давидович Боднарук просыпается политическим обозревателем, а в качестве заместителей

главного появляются «братья-разбойники». Так были обозначены Валерий Александрович Фаддеев, пришедший к нам из журнала «Эксперт», Александр Николаевич Привалов, из «Эксперта» же, и Рустам Мустафаевич Арифджанов, изъятый из журнала «Столица».

Я не был знаком с творчеством «братьев». Наверное, каждый на своем месте был классным профессионалом. Не знаю, не могу сказать, чувствовали ли они газету вообще, но «Известия» они не чувствовали. Пришли с задачей — улучшить «Известия», сделать их современными, прибыльными. Довольно быстро написали нечто вроде манифеста: «Некоторые концептуальные предложения по содержанию газеты». Ставилась цель — превратить «Известия» в «мировую газету». При этом она же должна стать «новостной газетой», «репортерской газетой», «немосковской газетой», «человеческой газетой» (всем отделам предписывалось к 15 июня составить список ИЗВЕСТНЫХ людей, действия которых газета будет регулярно отслеживать и освещать), «развлекательной газетой» (если фельетон, то не в жанре советского, а непременно французского или российского дореволюционного плюс «столичные штучки от Кати Метелицы»), «газетой обозрений», «газетой мнений» (и мнений обозревателей тоже), «лаконичной газетой» и, наконец, «интересной газетой».

Было стыдно за взрослых людей, которые не стеснялись давать другим взрослым людям читать свое сочинение. Не имеющее ничего общего с реальной жизнью реальной газеты. Возможно, где-то оно обсуждалось. Меня не приглашали.

Мощные импульсы к «улучшению» газеты шли и с другой стороны. Под эгидой Кожокина возникла газета «Русский телеграф» («средство немассовой информации», как говорили сами «телеграфисты»). Газета не пошла. Провалилась. И тогда возникла грандиозная идея: соединить «Русский телеграф» с «Известиями» и тем самым реанимировать последние. Журналисты, завалившие «Русский телеграф», пришли поднимать «Известия».

В соединении этих изданий был для «Известий» большой плюс — кардинальное обновление технической базы, компьютеризация редакции. Это было здорово, облегчало работу, избавляло от ненужной беготни, помогало быстрее добираться до нужной информации. Но газету пока делают не компьютеры, а люди. Перемешивание

известинцев и «телеграфистов» шло с трудом. Пользуясь поддержкой начальства, последние постепенно выдавливали первых.

Разрушались известинские традиции. Мы привыкли раз в две недели собираться для творческого разговора о содержании газеты. Разговора нелицеприятного, так как доставалось всем. И разговора полезного, ибо он делал каждого участником общей работы. Пытались возобновить эти «летучки». Но они утратили смысл, потому что пришедшие журналисты не хотели «обижать» друг друга, а начальство, как можно предположить, боялось будить активность «наемной рабочей силы».

4 ноября 1998 года в «Литературной газете» появилось интервью с главным редактором газеты «Известия». Главный тезис Кожокина: нам денег никто не даст, мы должны их сами зарабатывать. «Отсюда проистекает множество следствий. Одно из них — невозможно далее сидеть поодиночке в огромных кабинетах, пить чай, курить трубку, смотреть в окно и думать о вечном. Нужно бегать. И самое главное — нужно успевать думать на бегу. И нужно успевать писать...»

Самый огромный кабинет в «Известиях» принадлежит Кожокину. Он сидит там за столом и не бегает. Соответственно, и думает сидя. «Отсюда проистекает множество следствий». Тот, чья профессия — зарабатывать деньги, вполне может не бегать и сидеть поодиночке. Потанин же не бегает. Или — Алекперов. Выходит, по Кожокину, бегать должен тот, чья профессия писать. Ему же рекомендуется сидеть не в отдельном кабинете, а в кабинете, так сказать, «коммунальном», в кругу себе подобных. Начинаю рыться в памяти. Был знаком со многими известными журналистами — и у нас, и даже там, «у них». И никто из них не работал «по Кожокину». Сидели в своих кабинетах, пили — кто чай, кто кофе, кто еще что-нибудь, курили — вплоть до сигары! Смотрели черт знает куда. И писали. Неплохо писали. Не всегда быстро, но всегда серьезно.

А как же Кожокин? Он что, не понимал этого? Прекрасно понимал. Но ему нужно было избавиться от известинского наследия, от независимо мыслящих людей, от журналистов, привыкших работать не на бегу. Ему нужны были послушные, думающие и пишущие на бегу поставщики читабельных материалов. Такие журналисты существовали и существуют. Они, особенно если талантливы, — нужны, просто необходимы. Как всегда, вопрос в мере. Между серьезностью и

читабельностью, между основательностью и дешевкой. Выбор Кожикина был ясен...

Мой — тоже. Как раз 4 ноября, — уже купив и прочитав «ЛГ», — я не только не бегал по Пушкинскому скверу, но совершенно нагло сидел там на здоровенной красной софе и подвергался фотографированию. Немецкий мастер фотографии Хорст Вакебард реализовывал свой проект «Универсальная софа». Вот уже более двадцати лет он возит по миру свою софу и фотографирует на ней выдающихся, с его точки зрения, представителей разных стран. Называет: Питер Устинов, Джимми Картер, Иегуди Менухин... Теперь дошла очередь до «русской галереи».

Помню, срывался мелкий осенний дождичек, на софу норовили усесться проходившие мимо москвичи, не хватало света... Но победил немецкий Ordnung. Вся процедура заняла часа два, так что я смог сидя продумать тезисы своего нового начальника. Огорчился. Но, поднявшись с софы, перешел в свой кабинет и стал, опять же сидя, что-то сочинять для «Известий».

* * *

И не только для «Известий». Поскольку меня, как сидящего в огромном кабинете и смотрящего в окно, потихоньку стали притормаживать, пришлось писать в другие СМИ. Приближался конец года. Зализывали раны после кризиса. Мой материал (Интерфакс-АиФ. 1998. № 49) назывался: «Реформы умерли. Да здравствуют реформы!»

Я писал о том, что экономическая политика ельцинских правительств запуталась в полумерах, непоследовательности, недальновидности. Плана уже нет. Рынка еще нет. Спекулируя на трудностях повседневной жизни, на кричащих противоречиях, коммунисты перешли в наступление. Раскручивается процедура импичмента президента. Правительство Примакова сдвинуто к левому центру. Идет яростная атака на свободу слова. Взят под защиту антисемитизм.

Перед правительством Примакова объективно стоит задача избавиться от монетаристских, неолиберальных излишеств. От Фридмана и Хайека надо отступить к Кейнсу. Не к Марксу, как хотели

бы коммунисты, а к Кейнсу. Без Госплана и Госснаба. Государство не должно, — если не говорить об исключениях, — поднимать экономику. Оно должно создать условия, в которых экономика могла бы подняться сама. Условия эти элементарны. Четкие, одинаковые для всех, стабильные правила игры на экономическом рыночном поле. Твердые, надежные гарантии частной собственности. Налоги, не удушающие, а стимулирующие предпринимательство. Таможенные тарифы как элемент не фискальной, а экономической политики. Решительное обуздание криминальных структур.

Сумеет ли Примаков пойти по такому пути? Трудности огромны. Вне правительства — «старые левые». Внутри правительства — «тяжеловесные» биографии премьера и части министров. Не всем удастся прорвать горизонты ментальности, сложившейся в брежневские и горбачевские времена.

Отравление историей вылечить непросто. Вспоминаются пронзительные стихи Павла Григорьевича Антокольского:

Я, сотрапезник общего стола,
Его огнем испепелен дотла,
Отравлен был змеиным ядом.
Я, современник стольких катастроф,
Жил-поживал, а в общем жив-здоров...
Но я состарился с ним рядом.
Не шуточное дело, не пустяк —
Состариться у времени в гостях,
Не жизнь прожить, а десять жизней —
И не уйти от памяти своей.
От горького наследства сыновей
На беспощадной этой тризне.

Да, от памяти не уйти. Но если тебе дают порулить, надо, сохраняя память о прошлом, суметь почувствовать вкус нового времени. Иначе толку не будет...

В коридорах власти иногда приходится слышать, что Примаков должен провести Россию между Сциллой коммунистического реванша и Харибдой реванша неолибералистского. Я не могу согласиться с таким подходом. Нельзя двигаться между прошлым и будущим. Надо

выбирать: идти назад или идти вперед. Вперед — значит продолжать путь либеральных реформ в политике и экономике. Избегая, разумеется, ошибок и глупостей недавних лет.

Никакие заклинания «державников», народных, национальных и т. п. «патриотов», сторонников «особого пути» и неособолиберального «евразийства», никакое надувание внешнеполитических щек не возродят величие России. Она станет великой, уважаемой державой лишь тогда, и только тогда, когда мы перестанем быть нищими, перестанем просить гуманитарную помощь, когда российская экономика станет конкурентоспособной, то есть будет производить то, что нужно людям как внутри страны, так и во всем мире. А к этому, как показывает мировой опыт, ведет только один путь — путь либеральных реформ.

«Мы пытались, — писал я, — взять новые, рыночные рубежи одним броском, кавалерийской атакой. Возможно, у Гайдара-внука сработали гены Гайдара-дедушки. Но не получилось. Выдохлась атака. Следовательно, надо осмотреться, перегруппировать силы и перейти к систематической осаде этих самых рубежей. Сил, терпения у нас хватит. Ума хватило бы...»

* * *

В «Известиях» я подвел итоги года 31 декабря в статье «Разрушение иллюзий».

Люди устали ждать. Меньше стало надежд и радостей, больше разочарований и горя. Успокаиваю себя тем, что мы вроде бы станем умнее. Кризис обнажил банкротство режима, бессилие, беспомощность власти. Из мира утешающих иллюзий, спасительного самообмана нас выбросило в мир суровой, беспощадной реальности.

Во-первых, стало понятно, что абстракции монетаризма, неолиберализма не работают в постсоветском обществе.

Во всяком случае, не работают в «чистом» виде. Реформаторы дискредитировали реформы. Но это вовсе не означает, что нужно отказаться от реформ. Это означает, что их нужно продолжать с умом, считаясь с российской действительностью.

Во-вторых, кризис позволил лучше понять, что российские «красные», несмотря на модернизированный лексикон своих лидеров, не превращаются в «розовых». Им не нужна демократическая Россия. Они стремятся вернуть нас в советское, «социалистическое» прошлое.

В-третьих, разрушена вера в созидательные, творческие силы президента и созданной им государственной машины. Да, Ельцин говорит решительное «нет!» повороту назад. Но он не способен идти вперед. Он не знает, куда идти. Он окружает себя слугами, а не соратниками, и тем самым отрезает, изолирует себя от страны, от народа.

Известный русский историк П. В. Павлов в 1862 году говорил: «Россия стоит теперь перед бездной, в которую мы и повергнемся, если не обратимся к последнему средству спасения, к сближению с народом». История повторяется. Власть снова отчуждена от народа.

Нами правит какая-то анонимная диктатура, диктатура чудовищно разросшегося чиновничьего аппарата.

И все-таки оснований для пессимизма, по-моему, нет. Недавно я наткнулся на такое изречение: «Мир велик, и спасение поджидает за каждым углом». Так оно и есть на самом деле. Надо «только» уметь видеть эти углы и не шарахаться от одного к другому. Надо «только» уметь спасаться и помнить: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Кризис как раз учит этому искусству. Учит не верить в догмы и не создавать кумиров.

Социализм? Нам не нужен социализм, порождающий ГУЛАГ. Но вряд ли стоит отказываться от развитой системы социальных гарантий, социальной защиты человека.

Капитализм? Нам не нужно общество, где правит чистоган, где высшая ценность — деньги. Но вряд ли можно отрицать, что частный интерес, частная собственность были и остаются — по крайней мере, до видимого исторического горизонта — главными стимулами экономического прогресса.

Конвергенция, взаимопроникновение социализма и капитализма? Возможно, именно за этим «углом» спасение... А может быть, это — очередная иллюзия...

И что же тогда? Я высказал два соображения.

«Первое. История — это процесс создания и преодоления иллюзий. Конец иллюзий — это конец истории. А она не собирается кончаться.

Второе. Россия неуничтожима. Она может повергнуться в бездну. Но не может разбиться.

Первое можно аргументировать. Второе доказать нельзя. Но можно верить. И я верю».

* * *

И самое короткое новогоднее сочинение. «Россия стала хуже или лучше?» — спросили меня «Литературные вести». Отвечаю:

«Россия стала несравненно хуже, если смотреть на нее глазами десятков миллионов россиян, выбитых из привычной жизненной колеи, обнищавших, растерянных, окруженных враньем, ворьем и чиновничьим беспределом.

Россия стала, несомненно, лучше, если видеть ее в движении. От удушающего тоталитаризма, энтузиазма „винтиков“, испытывающих чувство глубокого удовлетворения, от дефицитов и очередей к обществу, где царствуют свобода и порядок.

Помню строки Бориса Алексеевича Чичибабина:

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю —
Молиться — молюсь, а верить — не верю.

Я — не молюсь. Но верю. В Россию, в ее будущее. И сегодня мне легче верить, чем вчера. Наверное, потому, что Россия стала лучше».

* * *

Тем временем «братья-разбойники» продолжали совершенствовать свои предложения по совершенствованию «Известий». Новый набор концептуальных предложений назывался «29 пунктов» и был распространен для обсуждения. В этих пунктах, теперь уже ориентированных не на «мировую газету», а на «главную газету

страны», было много правильного, разумного, делового. Но неправильной была стержневая идея — сделать «Известия» газетой «новостной», «событийной» в ущерб анализу, комментариям («неспешное чтение»). Я написал письмо главному:

«Уважаемый Михаил Михайлович!

В связи с предстоящим на совете директоров обсуждением „концепции“ нашей газеты мне хотелось бы высказать несколько соображений.

Авторы „29 пунктов“ считают основной задачей обновления газеты превращение ее в газету „новостную“. Предлагается отдать предпочтение „журналистике факта“, то есть добиться безусловного преобладания информационных (событийных) материалов над комментариями (мнениями). Иными словами, не публиковать, как правило, ничего, что не является новостью.

При этом авторы полагают, что именно такую газету будут читать интеллигенция больших городов, региональная элита, „истеблишмент“, лица, „причастные к принятию решений в сфере политики, экономики и бизнеса“.

Мне представляется, что такой подход решительно противоречит традиционной направленности нашей газеты. В „Известиях“, по крайней мере начиная с Аджубея, всегда преобладала „журналистика смысла“. Информация не была самоцелью. Мы стремились прежде всего объяснить читателям значение и причины тех или иных событий. Обращаясь при этом не только к уму, но и к сердцу людей („журналистика слова“, по определению авторов). Можно, разумеется, переориентироваться на „журналистику факта“, но это будет уже другая газета — не „Известия“.

Что же касается „элиты“, „истеблишмента“, тех, кто принимает решения, то именно им нужны в первую очередь не „факты“ (таковые, как показывает опыт, „элита“ получает из иных источников), а толковые, умные комментарии, анализ, обобщения. Не случайно у многих представителей „истеблишмента“ утро начинается с „Независимой газеты“.

Да и вообще, если иметь в виду не „элиту“, газета, даже сугубо новостная, вряд ли сможет конкурировать с телевидением.

В общем, прежде, чем обсуждать частности, организацию работы и структуру редакции, следует решить главный вопрос: строить мост поперек реки или вдоль.

Я был бы признателен Вам, если бы мои соображения были доведены до сведения совета директоров.

А. Бовин».

Я не знаю, выполнил ли Кожокин (он же — председатель совета директоров) мою просьбу. Но на заседание совета директоров меня не приглашали.

Не знаю, как складывалась судьба бумаги, когда, где и кем она обсуждалась, но, судя по эволюции газеты, мост строился частично вдоль реки, но частично все-таки поперек.

* * *

Среда вокруг меня становилась все более вязкой. Редакции были нужны небольшие комментарии, привязанные к какому-либо конкретному событию. Я делал такие материалы. Ни уму ни сердцу, как говорится. Мой фирменный жанр — большой аналитический комментарий, связывающий воедино пучок проблем — не пользовался спросом. В 1999 году газета поместила два таких материала. В 2000 году вообще ни одного. А поскольку теперь заработок был привязан к количеству опубликованных строк гораздо сильнее, чем раньше, платить стали меньше.

Уходили известинцы. Тоскливо становилось.

Я тоже скоро уйду. Но пока печатаюсь.

Из двух последних фирменных материалов один был посвящен Договору СНВ-2, который не хотела ратифицировать наша Дума. Я доказывал, что у нас нет возможности соревноваться с американцами. Значит, если мы не ратифицируем Договор и не зафиксируем верхнюю планку для американцев, то сами подтолкнем их к достижению ядерного превосходства над нами.

Я использовал дискуссию вокруг Договора как хороший повод оценить общую стратегическую обстановку.

На протяжении десятилетий главная и практически единственная задача нашего ядерного арсенала состояла в том, чтобы, угрожая неотвратимым возмездием, причинением неприемлемого ущерба, «сдержать» США, предотвратить ракетно-ядерный удар по Советскому Союзу.

Официально, «гласно» советская ядерная стратегия никогда четко не формулировалась. Фактически же она сводилась к двум положениям. Первое: никогда не выступать в качестве ядерного агрессора, не наносить ядерный удар первым. И второе: ответом на ядерное нападение будет только и исключительно массированный, рассчитанный на гарантированное уничтожение ракетно-ядерный удар.

Завершение холодной войны по-иному поставило вопрос об «агрессии» и «агрессоре». Не думаю, что к США следует подходить с прежними мерками. Вероятность того, что США нанесут ядерный удар по России, близка к нулю. Соответственно, близка к нулю и опасность нового, ракетно-ядерного издания мировой войны. Значит, меняется и стратегическая ориентация сдерживания.

Распад двухполюсного мира привел к увеличению очагов военных конфликтов, к расширению спектра и ассортимента локальных угроз. А расползание ядерного оружия вполне может придать локальной угрозе ядерное измерение. Здесь сдерживание путем массированного ядерного удара явно неадекватно обстановке.

Многие эксперты полагают, что на локальном уровне заметное место должно занять и локальное ядерное сдерживание.

Во-первых, сдерживающую роль может играть угроза нанесения ограниченных, возможно, одиночных, выборочных ядерных ударов.

Во-вторых, если агрессия (обычная или ядерная) на локальном уровне уже началась, то, чтобы остановить ее, можно прибегнуть к демонстрационным ядерным ударам «хирургического» типа (по пунктам управления, аэродромам, портам и т. п.). То есть допустить управляемую ядерную эскалацию для общей дезэскалации конфликта.

Сдерживание такого типа требует усилить внимание к тактическому ядерному оружию и ввести в ядерную стратегию возможность нанесения первого ядерного удара.

Лет двадцать назад, когда американцы стали разрабатывать концепцию ограниченной, контролируемой, дозированной ядерной войны, советские аналитики заняли резко негативную позицию. Они утверждали, что в условиях глобальной конфронтации джентльменская ядерная дуэль психологически невозможна. Наверное, они были правы. Теперь ситуация изменилась принципиально. Реальностью становятся угрозы на локальном, региональном уровне. Следовательно, делал я вывод, «наша концепция сдерживания должна отойти от стандартов холодной войны и стать гибкой, многовариантной, разномасштабной. Приспособленной к беспорядку, который, по всей видимости, будет царить в мировом порядке первой половины XXI века».

Я написал очень много статей. Среди них есть хорошие. Так вот эта, на мой самоедский взгляд, одна из лучших. Но я не уверен, что редакция разделяла это мнение.

* * *

Последнее фирменное блюдо — «Грязное цунами иррационализма» (03.03.99) — вообще из другой кухни. Типичный пример материала, который не является «новостным» (поэтому лежал пару месяцев), но который каждый день теснейшим образом связан с жизнью миллионов. Речь идет о нашествии колдунов, ведьм, шаманов, чародеев, знахарей, магов, астрологов, экстрасенсов всех расцветок. Услуги целителей души и тела имеют массового потребителя. Ходят слухи, что наши руководители пользуются гороскопами.

Россия шагает в общем строю. Разочарование в идеалах Просвещения, бегство от разума, от логики в мистику, оккультизм, эзотерику — характерная черта нашего времени. Культурная контрреволюция сопровождается дрейфом от науки, пронизавшей всю цивилизацию Запада, к мистериям, мистическим озарениям цивилизаций Востока. Торжествующая, наглая, проникающая во все поры общества мистика стала нормой жизни, средой обитания миллионов. Нас накрыло цунами иррационализма. Нас пытаются убедить в том, что только вера в мистику, в чудеса способна спасти человека, исцелить его от душевных и телесных болей.

Считается, что в Москве и Петербурге действуют не менее 6000 всякого рода колдунов и магов. Услуги на все вкусы. Можно снять порчу и напустить порчу. Рекламируются «обереги» для квартиры и конторы. «Защищают» от инфляции. Помогают выиграть в «Спортлото».

Оборот мистических услуг измеряется миллиардами рублей.

Поставим «простой» вопрос: почему люди, которые в принципе не так-то легко расстаются с деньгами, кормят армию шарлатанов и обманщиков? Почему выбрасывают деньги на ветер? Простого ответа нет. Рассмотрим несколько предположений.

Во-первых, разрушена привычная система ценностей и идеалов, которая придавала жизни осмысленность и предсказуемость. Возник вакуум смысла. И тяга к священнику или колдуну.

Во-вторых, подорвана вера в спасительность классической, «научной» науки. Мир ученых оказался далеко от мира людей. Есть ракеты, компьютеры, овечка Долли, но «счастья нет в измученной душе...». Так, может быть, нужна другая «наука»?

В-третьих, много, очень много страданий, тревог, болей, и упование на чудеса служит своего рода компенсацией дискомфорта, неустроенности.

Было проведено выборочное обследование продавцов мистических услуг. Половина из них оказались просто мошенниками. Около четверти — душевнобольные. Остальные искренне верят в свои «сверхспособности». И только в одном проценте случаев столкнулись с тем, что современная наука объяснить не может. Но чтобы разобраться в этом проценте, нужна не мистика, а как раз наука.

Последний абзац: «Природа неисчерпаема и где-то в своих фундаментальных основах непостижима. „Когда вы ликвидируете все невероятное, — предупреждал нас Конан Дойл, — что-то все равно останется, и, каким бы оно ни было необычайным, вам придется признать, что это — правда“. Но к этой загадочной и пугающей правде вся нынешняя суэта вокруг оккультизма и внутри его никакого отношения не имеет».

* * *

Самое выдающееся событие 1999 года — меня наградили орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. «За заслуги перед государством, большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами, многолетнюю плодотворную деятельность в области печати». Ельцин подписал указ 10 августа.

Обычно награждениями сопровождаются юбилеи. Мой юбилей — 70 лет — ожидался в следующем году. И я знал, что наш отдел кадров загодя стал выправлять бумаги на награждение. Но: или перепутали, или кто-то (дай бог ему здоровья) решил — а чего ждать, если все бумаги готовы...

Вручение состоялось 28 декабря. Хотел устроить себе дополнительный маленький праздник — въехать в Кремль за рулем собственной «Оки». Заранее оформил пропуск. Но не тут-то было! Меня не пустили, ссылаясь на то, что «личному транспорту» въезд в Кремль запрещен. Ругаться, качать права не было времени. Пришлось идти пешком.

Все было, как и положено, чинно и торжественно. Ельцин был в форме. Не думал я тогда, что ему осталось президентствовать всего три дня... Хотя «конец эпохи» уже ощущался.

* * *

Приближалось к концу десятилетие нашей истории, связанное с именем Ельцина. Размышляя об этом, я выделил одно любопытное обстоятельство. Политические противники поносили Ельцина, как хотели, — вдохновенно, систематически, злобно. А он терпел. И «Куклы», наверное, смотрел по воскресеньям. И снова терпел и молчал. И вот это молчание президента, писал я в статье «Ельцин: свет и тени» (09.11.99), «говорит в пользу Ельцина больше, чем говорил раньше слуга двух (по очереди) господ Ястржембский и говорит теперь несчастный Якушкин».

И продолжал:

«Идя наперекор общественному мнению, рискну сказать, что нам повезло с Ельциным. Он не любил и не любит Горбачева. Но он сохранил то великое наследие, которое получил от Горбачева, — демократические свободы и права человека. Мы можем говорить,

читать и смотреть то, что хотим. Мы можем ездить туда, куда хотим. Мы можем выбирать того, кого хотим. К сожалению, наша политическая культура отстает от наших возможностей. Но в этом не Ельцина надо винить...

Первый президент России — при всей своей непоследовательности, экономической малограмотности, неумении мыслить стратегическими категориями — сумел понять неизбежность перехода к рыночной экономике и не побоялся сделать конкретные шаги в этом направлении. И если возврат к плановой экономике, к экономике дефицитов и очередей, к экономике низких цен и низкого качества стал практически неосуществим, то Ельцин может записать это себе в актив.

Наконец, предстоящие выборы нового президента. Если верить всяческим слухам, то Семья, равно как и президентский двор, пытались убедить Ельцина не покидать Кремль. Но не убедили. Конституция будет соблюдена. И эта демократическая точка в конце карьеры делает ему честь.

Это — по части света. С тенями проще. Они, как ни парадоксально, виднее.

Чтобы властвовать в России, Ельцин развалил Союз. Получив Россию, превратил ее в страну непуганых чиновников, криминального беспредела, повальной нищеты. Сосредоточив в своих руках почти самодержавную власть, не сумел использовать ее для того, чтобы смягчить муки переходного времени, предотвратить развал социальной инфраструктуры, помочь людям сохранить надежду.

К теням, густым теням относятся многие личные качества Ельцина. Он склонен окружать себя льстецами, посредственностями, теми, кто боится сказать ему „нет!“. Он способен бесцеремонно оттолкнуть, по существу унижить, предать людей, которые были ему верны. Последние примеры — Примаков и Степашин. Предпоследние — Чубайс и Немцов. Он не уважает всех нас, „дорогих россиян“, поскольку ни разу не счел необходимым толково, внятно объяснить нам причины, мотивы своих „непредсказуемых“ решений.

Евгений Максимович был прав, отказавшись явиться Ельцину. Уверен, что решающую роль сыграла здесь не политика, а чувство собственного достоинства. Если бы это был не единичный, не

единственный случай, президент стал бы более „предсказуем“. В конце концов, самодурство начальства есть функция терпения подчиненных.

Как бы то ни было, Ельцин со всеми своими плюсами и минусами уходит в прошлое. Он сохранил нам свободу. Но сам остался рабом своего несвободного прошлого. Надеюсь, что никакие избирательные технологии не помешают нам свободно избрать президента с другим прошлым, а значит, с другим распределением света и теней».

Насчет другого распределения света и теней все оказалось правильным. Но ход конем, который сделал Ельцин, указав, за кого нужно голосовать, превратил нас, избирателей, в рабов своего несвободного прошлого.

Но тема Путина почти уже за пределами моих заметок.

Что же касается «позднего» Ельцина, то у меня часто спрашивали, не напоминает ли он Брежнева. Вот, например, материал из «Собеседника» (№ 26, 1999):

«Если говорить о манере себя держать, то, действительно, иногда мне кажется, что мы возвращены в прошлое. Ну, может, это похоже не на позднего, а на „среднего“ Брежнева: замедленная походка, величавость, этакая царственность, порой не очень хорошо артикулированная речь. Похожа и ситуация вокруг: двор, придворные, свита, которая, как известно, всегда играет короля...

Тут я не очень достоверный свидетель, ибо принадлежал к брежневской челяди второй категории. Не был постоянным человеком свиты — приезжал на какое-то время писать ту или иную бумагу, а потом долго мог не видеть Брежнева. Настоящая же свита — челядь первой категории — это те люди, которые имели постоянный доступ к телу.

Те, кто сегодня возле Ельцина, — помоложе и пограмотнее тех, кто имел доступ к Брежневу. Но их функция та же: по возможности оградить шефа от „ненужных“ людей и раздражительной информации, убедить своего „короля“, что он — самый умный, великий и нужный любимой стране. Причем сейчас, насколько я могу судить, все это делается эффективнее. Я хотел бы ошибиться, но складывается впечатление, что Ельцин закупорен, отрезан и от объективной информации, и от людей сильнее, чем Брежнев.

Значит, многие, если не все наши беды — от излишней убеждаемости первого лица?

Все наши беды прежде всего от нас самих, от того, что мы оказались недостойны свободы, которую хотели и за которую боролись. Что же касается „первого лица“, то вы отчасти правы. Что значит „излишняя убеждаемость“? Это значит, что у „лица“ нет внутреннего, ориентированного на реальное положение дел критерия оценки информации. И нет желания посмотреть на себя со стороны.

По-моему, умение смотреть на себя со стороны — одно из главных свойств интеллигентного человека. К сожалению, обладание властью, как правило, лишает человека самоиронии. И боюсь, что в этом отношении сегодняшний Ельцин и правда похож на Брежнева. Барьер самоиронии спасает от „излишней убеждаемости“. Когда он есть, вас трудно убедить, что вы гений, что вы единственный и незаменимый. Можно (а иногда и нужно) сыграть гения, но понимая при этом, что ты не гений. Однако ни Брежнев, ни Ельцин оказались неспособны на такую самоотстраненность.

Еще одна область „похожести“ — привилегии. Впрочем, тут нынешняя демократия оставила далеко позади прежний тоталитаризм. Куда там Брежневу и его челяди до нашего „короля“ и его свиты!

Не потому ли, что в нынешнюю власть попадали такие люди, которые просто не могут быть иными?

Так ведь люди-то практически все те же — партийная и советская номенклатура застойных времен, вышедшая из аппарата ЦК, обкомов, крупные хозяйственники — они и сейчас власть. Изменились обстоятельства. Раньше была идеология. Лицемерная, но все-таки была. И в общем-то считались неприличными все эти шалости с роскошными кабинетами, иномарками, дачами. Привилегии, конечно, были, но была негласная норма. Если нарушил, тебя могли вызвать и сказать: „Положишь партийный билет!“ А ныне класть нечего. Изменились правила игры. Власть стала нескрываемым источником личного обогащения. Помните знаменитое карамзинское: „Воруют...“? Вот так и живем».

* * *

Где-то в первой половине 2000 года я понял, что из «Известий» надо уходить. Газета стала покрываться липким налетом пошлости.

Лидировал здесь Денис Горелов. Человек, не лишенный бойкого пера, но вряд ли хорошо знакомый с тактом. Лицом «Известий» стал Максим Соколов, заставляющий каждый раз вспоминать древнее: «Многознание не научает уму». Появились заметки о «светской жизни», как и положено, пошлые и претенциозные.

Мне не говорили: «Уходи!» Но делали газету, в которой моим аналитическим кирпичам, да еще и не «новостным», да еще и сочиненным сидя, явно не оставалось места.

В моем рабочем календаре все чаще встречаются записи: «Не печатают» или «не печатают и молчат».

Я привык приходить на работу, как на праздник. Праздник кончился.

* * *

Жизнь продолжалась. Выходила звезда Путина. Мне пришлось писать о выборах нового президента в несколько зарубежных газет. Конспективно это выглядело так.

Ельцин надоел. За десять лет он превратился из любимца толпы, кумира интеллигентов и женщин в старого, больного, вызывающего (в лучшем случае) жалость человека. Надоела его «непредсказуемость». Надоела его неспособность обуздать свору чиновников, мертвой хваткой вцепившихся в Россию. Надоело его молчание по судьбоносным для России вопросам: чего хотим и куда идем?

Ельцин — трагическая фигура. Он взвалил на себя непосильную ношу. Он сумел сохранить то, что дал Горбачев, — свободу выборов, свободу слова, свободу передвижения, свободу совести. Но он не сумел добиться того, чтобы вкус свободы почувствовали не верхние десятки тысяч, а нижние десятки миллионов.

Именно на таком фоне были обречены на провал все претенденты на президентский пост, входившие в политическую элиту ельцинских времен. Слишком долго они мозолили глаза людям.

Именно на таком фоне выигрывал Путин, выскочивший, как черт из табакерки. И пусть табакерка эта принадлежит Ельцину, Путин не

воспринимался как человек из уже привычной, тасованной и перетасованной колоды политических карт.

На Путина работали его молодость, образованность, его энергия, его умение говорить с улицей на понятном ей языке.

На Путина работала Чечня. Я далек от того, чтобы видеть здесь заранее сплетенную интригу: начать поход на Чечню, чтобы сесть в президентское кресло. Ему просто повезло. Открыв военные действия в Дагестане, чеченцы создали *casus belli*. И Путин, уловив настроения страны, решил пойти ва-банк. Он поставил во главу угла целостность России и взял курс на подавление сепаратистов.

В общем, Россия поддержала Путина, который не побоялся принять трудное решение и взять на себя всю ответственность за его выполнение. Чечня — частный случай. Но через чеченскую призму лучше просматривается настрой Путина на укрепление государственного аппарата, государственной дисциплины, государственного порядка. Он говорит о «диктатуре закона». А это, пожалуй, единственная разновидность диктатуры, с которой не знакома Россия.

На Путина работали и его поразительная интеллектуальная гибкость, умение сказать каждому то, что он хочет услышать. Путин как волшебное зеркало. Каждый, кто в него посмотрит, видит самого себя. А это приятно. Это сближает Путина и с теми, кто смотрит вперед, и с теми, кто оглядывается назад, и с либеральными демократами, и с либеральными консерваторами, и с национал-патриотами, и с «державниками» разных оттенков.

Последнее обстоятельство пока покрывает довольно густым туманом то будущее, которое Путин может дать России. Те, кто голосовал за Путина, голосовали не за четкую программу, не за ясную стратегию — их нет! — голосовали за надежду. За то, что будет лучше, потому что хуже быть не может.

Противники Путина пугают его прошлым. Служил в КГБ, был разведчиком. Поэтому начнет затягивать гайки, ограничивать свободы, сужать права парламента. На меня эта логика не действует. Я знаю вполне порядочных и современно мыслящих людей не только в КГБ, но даже в ЦРУ и в МОССАДе.

Те отрывочные сведения, которыми я располагаю, говорят о том, что в целом Путин ориентируется на либерально-демократическую

перспективу. Но, поскольку Россия погружена в хаос, чтобы приблизить такую перспективу, надо перегнуть палку в другую сторону: сделать упор на наведение порядка. То есть не перечеркивать линию реформ, но скорректировать реформы, приблизить их к специфике российского социума. Если иметь в виду экономику, то это означает, держа в уме Фридмана и фон Хайека, действовать ближе к Кейнсу. Если иметь в виду политику, то это означает, что демократия будет сосуществовать (надеюсь, мирно) с элементами авторитаризма. Тут, по-моему, не проблема принципа, а проблема меры.

Я обещал продолжить разговор, когда будет ясно, какую команду подобрал Путин.

Мы тоже еще вернемся к Путину.

* * *

Еще до меня из «Известий» ушел Кондрашов. Он значительно тоньше организован, чем я, и поэтому больше воспринимал всю ту возню, которую устраивала команда Кожокина. 12 мая 2000 года был подписан приказ о его увольнении. В этот же день состоялся прощальный сбор друзей в его уже не обширном кабинете. И в этот же день я первый (и последний) раз появился на заседании редколлегии:

«Мне бы хотелось сказать несколько слов не о текущем номере „Известий“, а на тему более общую.

Сегодня у нас необычный день. Уходит из газеты Станислав Николаевич Кондрашов.

Напомню, что он проработал в „Известиях“ то ли 48, то ли 49 лет. Практически полвека. Больше, чем прожили на свете многие из присутствующих здесь.

Несколько десятилетий Кондрашов был несомненным лидером советской международной журналистики. Его читали, его цитировали, его любили. И то, что „Известия“ стали популярной, авторитетной газетой, интеллигентной газетой для интеллигентных людей, в огромной степени заслуга Станислава Николаевича. Этот авторитет, эта популярность помогали „Известиям“ и в нынешние сложные времена.

По всем правилам нашей журналистской жизни редакции надлежало бы торжественно проститься с Кондрашовым. Но, слава

богу, никаких торжеств не предвидится. Это было бы верхом лицемерия, верхом безнравственности. Ибо все вы понимаете, что на самом деле означают слова „по собственному желанию“...»

Кожокин перебивает меня и говорит, что проводы организует международный отдел и средства выделены.

Я возражаю — и выпивку, и закуску Кондрашов покупал.

И продолжаю: «Ладно, это уже пустое. Знаю, что многие радуются уходу Кондрашова. Уверен, что настоящих известинцев это огорчает.

Зачем я все это говорю? Наверное, потому, что Кондрашов — мой друг. Потому, что „Известия“ — моя газета. И потому, что стыдно...

Извиняюсь за отнятое у вас время».

И ушел.

Не знаю, что там говорили вслед...

А мы долго сидели у Кондрашова. «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы...»

19 мая запись: «Надо уходить».

* * *

Неумолимо надвигалось 70-летие. Содержание возможных юбилейных речей было известно. Настроение было не юбилейное. И я сбежал из Москвы. Ключнул на рекламу, которая предлагала десятидневный курс «очищения организма» на базе санатория «Юность» в Пущине. Купил путевку и отбыл на родной «Оке» в Пущино.

Все было как в рекламе. Полная бессолевая диета. Физкультура. Массаж. Сауна. И на финише — выгоняние желчи. Похудел на 7 кг.

Обитатели санатория меня расшифровали, но это не мешало очищать организм.

Только одна телекомпания добралась до меня 9 августа. Но после взрыва под Пушкинской площадью юбилейный разговор как-то не шел...

Но друзья не забывали. Александр Борисович Пумпянский, главный редактор «Нового времени», выдал маленькую поэму в прозе «Гурман и гуру». Воспел с перебором.

«Юрист, парткарьерист, спичрайтер и тайный советник вождей, политический обозреватель, дипломат, вновь политический обозреватель. Это все о нем — об Александре Бовине. Как говаривали при коммунизме, этапы большого пути.

Растиньяк из Ростова, мушкетер-бузотер, московский Гаргантюа — гроза и слава домжуров и домлитов, неутомимый покоритель Шампани и Пельмени, философ-жизнелюб... И это тоже все о нем — об Александре Бовине.

Тонкий толстяк, еретик при дворе, нонконформист-царедворец, мыслитель в царстве мертвечины, обаятельный доктринер-экспериментатор — в том числе на собственной шкуре... И это тоже все о нем — об Александре Бовине.

Честолюбивый вольнодумец, он тянулся к власти, каковой был всесильный ЦК. Другого легального, не летального способа реализовать идеи не было видно. Он работал со словом, а получал всегда за дело. И тогда, когда его отлучили от ЦК (как гласит апокриф, Суслов — полная противоположность нашего героя, вяленая акула коммунистической идеологии, идеально засушенный мозг с железными челюстями — лично распорядился отобрать у него пропуск)... И тогда, когда его назначили первым послом в Израиль (между прочим, после того, как он наперекор влиятельнейшему антиизраильскому и антисемитскому лобби впервые написал в „Известиях“, что пора, давно пора признать Израиль).

Послом он был замечательным, не менее популярным, чем ведущим „Международной панорамы“. Помню первое утро в Тель-Авиве: просыпаюсь от того, что до боли знакомый голос вещает о прелестях еврейской кухни. Ну что у вас здесь за кухня — левантйская, средиземноморская... это все, конечно, неплохо, есть можно. Но настоящая еврейская кухня с рыбой фиш, форшмаком и прочими цимисами на самом деле у нас в Москве... Это Бовин по радио учил евреев еврейской кухне.

Незаметно Александру Евгеньевичу исполнилось 70. Свой юбилей он отметил тем, что похудел и образумился. Первое наглядно, второе сомнительно. Но если эта догадка верна и если обе гипотезы находятся в прямой зависимости друг от друга, то он образумился процентов на тридцать. На 70 процентов он такой же, как прежде».

9 августа интервью со мной, сделанное недели три назад, опубликовала «Независимая газета». Несколько отрывков.

— Вы могли бы сейчас снова вернуться в политику?

— Конечно нет! Ведь мне семьдесят.

— Примакову больше.

— Это его выбор. По-моему, лучше собирать грибы, морковку сажать, писать мемуары, а не мотать себе нервы... Новое время требует новых людей. Как в песне поется: «Первый тайм мы уже отыграли...» Пусть теперь играет следующее поколение. Горбачев, Примаков, Ельцин и прочие сделали все, что могли и как могли. Ну и хватит!

— Ну а чем-то другим, кроме журналистики, вы могли бы сейчас заняться?

— Вряд ли. Перемена профессии требует внутренней перестройки. А сил для этого уже не хватает. Правда, есть запасной вариант — преподавать журналистику. Соблазнительно. Думаю...

— Вы ощутили разницу между послом и журналистом?

— Есть две большие разницы. Посол — начальник, журналист — нет. И еще. Журналист практически не отвечает за свои слова, а посол отвечает. А дальше начинается поле общности. Сидя в Тель-Авиве, я занимался тем же самым, что и в «Известиях». Изучал и анализировал факты. Только в «Известиях» я знакомил со своим анализом десять миллионов читателей, а в посольстве — десять человек. Плюс, конечно, рекомендации, которые посол регулярно отправляет в министерство.

— Не возникало желания узнать, приняты ваши рекомендации к сведению или нет?

— Если рекомендации одобряли, приходил ответ, если нет — МИД молчал. В мидовской системе координат молчание — знак несогласия...

— Как вы относитесь к журналистам, совмещающим свою работу с иными функциями?

— Имеете в виду разведку? Нормальное дело. Особенно если хороший журналист уживается с хорошим разведчиком. Это бывает не так уж часто. Но бывает.

— Откуда в политике ложь — от прямого лукавства или от недоговорок?

— Я предпочитаю политику без вранья. Ложь — это неэффективный метод. Если речь идет именно о большой политике, а не о политиканстве. Не обязательно раскрывать все карты, но и не стоит играть только краплеными. Себе дороже. Помните кубинский кризис? Мы говорили, что не держим на Кубе ракет. Потом долго пришлось отмываться...

— Какой тип политика сейчас нужен России?

— России нужны, во-первых, умные политики и, во-вторых, умеющие принимать нестандартные решения. А в-третьих, политики, умеющие учиться на собственном опыте. Последнее особенно важно для Путина, который ворвался в большую политику, имея лишь опыт политики малой, и опасно приближается к уровню некомпетентности. Но если он умеет самообучаться, на что я надеюсь, то у него есть шанс...

— В последнее время вы стали писателем. Вышла ваша книга «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства». В подзаголовке стоит «Из дневника». В самом деле писали дневник?

— Нет, это не дневник. Обычная рабочая тетрадь, в которой я записывал свои ежедневные дела, что и когда надо сделать. Очень редко — фраза или две в качестве комментария.

В общем, разложил все эти записи по полочкам, по месяцам, отобрал документы. На все это ушло два года. А потом взял отпуск без сохранения содержания, сел за компьютер и за два с половиной месяца настучал всю книгу — от первого до последнего слова.

— Довольно толстая получилась книга!

— Она будет еще толще — в полном варианте. Если хватит духу, напишу еще одну книгу. Как жилось, как думалось... Двадцатый век сквозь призму собственной жизни.

— Можно ли жить на гонорары от издания книг?

— Не знаю, как у писателей, а я получил за нее сумму, на которую вряд ли смогу долго существовать не работая. Сейчас маленькие гонорары. Хорошо, когда они вообще есть. Многие издают книги за свой счет или ищут спонсоров. А я все-таки получил гонорар. Спасибо издателю. Он же — Захаров.

— Сейчас стало модно прибегать к услугам литзаписчиков...

— Вполне нормальное явление. Главное, чтобы черным по белому было написано: «воспоминания такого-то литературно обработал такой-то». Если это указано — не вижу никаких проблем.

— Как будете отмечать юбилей?

— Никак! Сбегу из Москвы. Настроение не юбилейное. Если дотяну до столетия, вот тогда погуляем.

Из всех юбилейных разговоров и текстов в памяти осела одна утешающая мысль: «Умереть никогда не поздно, но после семидесяти трудно сделать это безвременно».

* * *

18 августа зашел Александр Иванович Куприянов (первый зам. Кожокина) и предложил давать один краткий комментарий в неделю. Как говорится, *deja vu*.

7 сентября я сдал в секретариат Кожокина заявление: «В связи с тем, что газета „Известия“ становится все менее известинской, прошу — исключительно по собственному желанию! — освободить меня от работы политическим обозревателем упомянутой газеты с 22 сентября 2000 года».

Одновременно всем семерым членам совета директоров я отправил письмо следующего содержания:

Уважаемый...!

Я вынужден уйти из «Известий». Считаю необходимым мотивировать свое решение.

Медленно, но, к сожалению, верно газета становится все менее известинской. Она покрывается налетом пошлости, желтеет, дрейфует в сторону «Комсомолки». Самореклама «Известий» — стручок красного перца со словами «свежо и остро». В той газете, в которой я проработал почти четверть века, на первом месте были другие слова — умно и сердечно. Вспомним хотя бы Анатолия Аграновского и Татьяну Тэсс. Известинская традиция — интеллигентная газета для интеллигентных людей. Не всегда так получалось. Но это была не наша вина, а наша беда.

Теперь «Известиями» руководят люди, которые энергично перемещают газету из сферы культуры в сферу коммерции, бизнеса. Соответственно меняются приоритеты, меняются характер, стилистика газетных полос. Снижается планка качества.

Понимаю, что такие перемены отражают «дух времени» и впитавший этот «дух» менталитет новых руководителей газеты. Им не нужны серьезные аналитические материалы. Они требуют «новостных» комментариев. Но это — не мой жанр, мне это не интересно. Поэтому приходится уходить.

И не только поэтому. Я не могу принять тот стиль отношений, который ныне господствует в газете. Стиль, лишенный человеческого измерения. Мне неприятно общаться с людьми, которые не мытьем, так катаньем выжили из «Известий» Николая Боднарука и Анатолия Друзенко, Александра Васинского и Альберта Плутника, Ирину Петровскую и Василия Захарько и которые просто-напросто выгнали из газеты Станислава Николаевича Кондрашова. И самое потрясающее — им, которые выгоняли, не было стыдно!

Когда-то нынешний главный редактор М. М. Кожокин так сформулировал свое кредо: «Нужно бегать. И самое главное — нужно успевать думать на ходу». Пусть бегает. Мне же хочется остаться самим собой. И все-таки думать. Не на бегу. Поэтому, повторяю, я уйду.

Что же касается газеты, которая создается на развалинах «Известий», то у нее, несомненно, есть свои читатели. Так, может быть, не стоит вводить их в заблуждение? Было бы гораздо честнее изменить название. «Русский телеграф», например. Звучит неплохо...

Меня уволили с 22 сентября. Без лишних разговоров.

В этот же день устроил «отходную» для остатков старой известинской гвардии.

Мое письмо было опубликовано в «Литературке» (№ 40, 4.10.00).

На память о любимой газете у меня осталось «канцелярское кресло (б/у) на колесиках». В 1999 году такие кресла десятками списывались по причине слишком уж (б/у). Попросил продать мне одно за наличный расчет. Отдали даром. Так что всю эту книгу я написал (точнее, настучал), сидя напротив компьютера именно в известинском кресле.

23 декабря позвонил Эдвин Луникович Поляновский (блестящий очеркист из старой плеяды, но очень нервный...) и сообщил, что Кожокин и Куприянов просят меня вернуться «на любых условиях».

Соблазн был. Все-таки моя газета. И если не будут мешать работать... Но справился, сообразил, что один известинец даже в «Известиях» не воин.

Мамонт и лошади Пржевальского

Когда я стал появляться на телевидении, меня часто спрашивали: «Как вы себя чувствуете в новой журналистской среде обитания?» Или — «среди новых СМИ и новых журналистов?». Или — «среди старых журналистов, ставших новыми?». В конце концов я отработал стереотип ответа: чувствую себя как неповоротливый, покрытый длинной рыжей шерстью мамонт, вокруг которого бегают шустрые лошади Пржевальского и думают: «Неужели он еще не вымер?»

На телевидение тянула не только привычка. В новой России возникла проблема денег. В России старой мой заработок в газете вполне меня устраивал. Телевидение было удовольствием, а не средством пополнения семейного бюджета. Теперь оно осталось удовольствием. Но выдвинулось вперед как источник доходов.

Телевизионный роман начался с НТВ. Во-первых, там работала Таня Миткова, а во-вторых, тогда, на мой почти заграничный взгляд, это был наиболее интересный, наиболее располагающий к творчеству канал. Состоялись беседы с руководством НТВ — Олегом Борисовичем Добродеевым (вице-президент) и Леонидом Геннадьевичем Парфеновым (генеральный продюсер). Договорились делать нечто вроде «Международной панорамы». События разворачивались стремительно. Начали подбирать группу. Велели срочно приехать и снять мерку для экранного костюма, а сам костюм будут шить в Италии. Тут я совсем обалдел. Меня вполне устраивали московские портные. Вот он — мамонт...

Но роман с НТВ был пресечен Юрием Михайловичем Лужковым. Он пригласил меня и предложил работу на 3-м канале. И хотя мне было крайне неудобно перед НТВ, Лужкову я отказать не мог. Он нравился мне как тип руководителя — четкого, организованного, знающего дело, умеющего держать слово, не заискивающего перед начальством. Наверное, при более близком знакомстве и на Лужкове появились бы пятна, но близкого знакомства не было. Было знакомство с Москвой, и оно работало на Лужкова. Так я оказался на «ТВ Центре».

Дальнейшие переговоры велись с членом правительства Москвы и одним из директоров «ТВ Центра» Анатолием Григорьевичем Лысенко.

Я предложил передачу под названием «Разговор по существу»:

1. Содержание. Анализ проблем и событий, относящихся к внутренней и внешней политике.

— сопоставление, столкновение альтернативных подходов, альтернативных и с точки зрения теоретического анализа, и с точки зрения различных политических позиций;

— событийная (злободневная) канва не обязательна, привязка не к «событию недели», а к проблеме, которая интересна людям.

2. Форма. Максимум времени для рассказа, объяснения (та самая ныне пресловутая «говорящая голова») и минимум для картинок.

— возможно участие в передаче специалистов (экспертов) разного профиля и уровня;

— возможны «сериалы», то есть 2–3 передачи на общую, заранее объявленную тему.

3. Аудитория. Люди, которые хотят подумать, понять, сформировать свой взгляд на вещи.

— те, кто читает «Литературку» или «Независимую газету» (имеется в виду не уровень ангажированности, а интеллектуальный уровень).

4. Смысл. Вовлечь аудиторию в обсуждение актуальных политических сюжетов, помогать росту политического разума (на базе либерально-демократической идеологии).

С точки зрения телевизионных законов (и рейтинга) надо было делать передачу раз в неделю. Но я не собирался уходить из газеты и не очень задумывался над рейтингом. Поэтому предложил раз в две недели по полчаса. Выбор тем — полностью на мое усмотрение.

Слухи распространяются быстро. 17 октября 1997 года «Коммерсантъ-Daily» писала: «Зная остроту суждений журналиста, можно прогнозировать неординарность новой программы. Тем более что Бовин пять с половиной лет работал за рубежом и, очевидно, свободен от нынешних стереотипов. Он заявил, что готов уйти, если почувствует, что его передача окажется неинтересной для зрителей.

Бовин признался, что „не умеет играть в современное телевидение“. А как известно, именно создание телевидения нового поколения декларирует „ТВ Центр“».

Свое понимание телевидения, которое отличалось от общепринятого, я излагал неоднократно. Вот, например, интервью «ТВ Парку» (20–26 апреля 1998 г.):

— Александр Евгеньевич, вы вернулись на телевидение и в «Известия». Возраст не помешал возвращению?

— Трудности были и есть, конечно. Хотя для тех, кто пишет о политике, возраст не играет такой роли, как для тех, кто делает политику. И все-таки непросто осваиваться в новом времени, с новыми нравами и новыми правилами игры.

— И в чем же это выражается?

— Наверное, я кажусь старомодным. Я не пишу по заказу. Никого не разоблачаю. Меня не интересуют сенсации, сплетни и скандалы. Скучно все это.

— А что вам интересно?

— Попытаться понять, осмыслить и объяснить важные политические события, проблемы культуры, человеческие судьбы. Причем наши внутренние дела для меня гораздо интереснее международных.

— Обо всем этом вы и рассуждаете вот уже полгода в своем «Разговоре по существу». Как бы вы охарактеризовали аудиторию своего цикла?

— ...Стараюсь рассказывать о том, что может заинтересовать небольшой круг людей, которые не утратили желания думать. Можно сказать так: это не те, кто смотрит «Поле чудес», а те, кто читает «Литературку» или «Независимую газету». Письма приходят часто — иногда хвалят, иногда предлагают «убираться в свой Израиль».

— Вас не пугает, что у «Разговора по существу» может быть невысокий рейтинг?

— Нет. Я руководствуюсь теми критериями качества, которые заложены во мне образованием, временем, совестью...

— ...Вы несколько лет работали в «Международной панораме» с Татьяной Митковой. И вот теперь Татьяна стала одним из первых женских лиц страны. Вам нравится, как она ведет программу?

— Я всегда с удовольствием смотрю на Таню, но мне кажется, что ее творческий потенциал используется далеко не на полную катушку. По-моему, она способна делать больше, чем читать текущую информацию.

— А что бы вы вообще сказали о женщинах, ведущих информационные программы? Я не раз слышала ваши колкости в их адрес...

— Почему же колкости? Это скорее недоумение. Красивая женщина — всегда великолепно. И новости приятнее воспринимать в такой очаровательной упаковке. Но я не очень уверен, что нашим милым дамам следует — интонацией ли, мимикой, подбором слов — давать оценку событиям, комментировать их. Анализ и комментарий — это уже другой жанр, не требующий телесуфлера.

— Вы много ездили по миру. Чем их новости отличаются от наших?

— Мне представляется, что, смотря информационную программу, скажем, в Лондоне или Париже, Токио или Нью-Йорке, узнаешь гораздо больше, чем из московского выпуска. Там разнообразнее сюжеты, шире их география, там материал подается объективнее, спокойнее. Я, разумеется, говорю о лучших программах...

— ...Итак, Александр Евгеньевич, кто же вы все-таки по профессии?

— Разнорабочий интеллектуального труда.

— А если бы по мановению волшебной палочки появилась возможность начать жизнь сначала?

— Стал бы математиком. Это была моя первая любовь.

* * *

Примерно через месяц меня допрашивал «Московский комсомолец».

— На «ТВ Центре» вы ведете программу «Разговор по существу». Ваша оценка политики — проблемно-философская. Сейчас политический анализ делают совсем по-другому. Вы сознательно избавляете себя от грязи?

— Да. Меня не интересуют сплетни, интриги, слухи, катастрофы, мордобой в парламенте. Любой человек может включить любой канал телевидения и наестся этим до отвала. Я пытаюсь говорить с людьми, которые хотят думать. Работаю в естественной для меня несовременной манере. В этом и ущербность, потому что я — как ископаемый мамонт, обросший волосами и с большими бивнями, а вокруг бегают совсем другие животные.

— Вы ищете в российской политике какую-то логику. Но можно ли найти то, чего нет в принципе?

— Когда-то логику в нашей политике искали советологи, жившие далеко от нас. Достаточно было Брежневу, например, молвить руководящее слово, они старательно начинали поиски логики. Я читал это с улыбкой, потому что знал, где заканчивается и начинается каждое звено. Так вот, сейчас подобные советологи переместились к нам. Со страшной силой они ищут логику там, где ее не бывает. Логика всегда есть в шахматах, а если играют в домино... Тут с логикой сложнее. Но я не анализирую «разовые» события. Я говорю о проблемах, и здесь обязательно присутствует логика.

— Вы сказали про домино, можно еще сказать про баню и т. д. Как вы считаете, то, что сейчас у нас происходит, имеет какое-нибудь отношение к реальной политике?

— Реальной политикой вполне можно заниматься и в бане. И можно не заниматься реальной политикой, сидя за письменным столом. Если люди занимаются интригами, подковерными ходами — это уже не политика, а политиканство. Интригами можно спокойно заниматься в роскошных кремлевских кабинетах. В этом смысле баня может быть важнее кремлевских кабинетов. Важно, кто находится там и что он делает.

— С тех пор как вы работали в «Международной панораме», «9-й студии», намного ли изменилось представление о том, как делается политика? Сейчас читаешь, кто кого продал или купил, кто кого компрометирует и т. д. Раньше, конечно, невозможно было об этом говорить, хотя все это было. Или тогда политика была солидной?

— Наверное, и раньше «это» было. Но, насколько я могу судить, те давние интриги были, с одной стороны, крупнее, масштабнее, а с другой — как-то стыдливее, что ли... Не так нагло все делалось. И потом. Крупные политические акции предпринимались после

серьезной работы экспертов и специалистов. В этом смысле сама методика принятия политических решений была более основательной. В странах, где уже устоялись, утряслись нормы демократической политической жизни, научились интриговать более изящно, скажем так. Менее нагло, менее кричаще. У нас же все это выходит грубо, топорно, по-хамски. Интрига — свойство неразвитой демократической жизни.

— Можете ли вы, опытный политический журналист, сказать, что нынешние вершители судеб просто не соответствуют уровню политиков, бывших, скажем, при Брежневe? Можете вы о них сказать: «Богатыри — не вы»?

— Мне трудно об этом судить. Я практически не знаю тех людей, которые ныне принимают участие в выработке решений. Внушает сомнение сам механизм подбора кадров. В прежние времена существовала налаженная система. Человек топал по ступенькам, набирался опыта. А сейчас это происходит очень быстро. В принципе я не думаю, что это большая беда. Считаю, что только молодые люди могут поднять Россию. Не страшно, что они молоды. Печально, что слишком часто на разного рода ответственных постах появляются некие пронырливые, беспринципные субъекты. Есть такой принцип Питера, который гласит: каждый чиновник когда-нибудь достигает уровня своей некомпетентности. Так вот, сейчас этот уровень некомпетентности достигается очень рано.

— У вас нет ощущения, что за пять лет службы послом в Израиле вы отстали от новейших политических рецептов и технологий?

— «Новейшие рецепты и технологии» — это старое, давным-давно известное на Западе. Не в этом дело. Просто я вернулся в другое государство. Другие порядки, другие нравы, другая методика работы журналистов. Поэтому были для меня большие психологические трудности. Да, можно было бы подсуетиться, начать трясти грязное политическое белье, изображать из себя знатока закулисной политической жизни. Но мне это неинтересно. Я решил остаться самим собой. Меня на Страшном суде не спросят, почему ты не вел передачу, как, скажем, Доренко, почему ты не писал, как Минкин, а спросят, почему не работал, как Бовин. Поэтому я и работаю, как Бовин.

Итак, я появился на телевидении, которое хотело быть продвинутым, передовым, современным, с четкой программой не продвигаться дальше собственного здравого смысла и с убежденностью, что надо уважать аудиторию, то есть не подлаживаться к нижней планке вкусов, нравов, привычек, а, наоборот, стараться эту планку поднимать. Здесь начинались корни проблемы рейтинга и, соответственно, возможных конфликтов между моими принципами и цепочкой рейтинг — реклама — деньги. Возможных, думал я, но не обязательных.

Положение мое было двойственным. Чужой среди своих, — пожалуй, так.

«Чужой» — потому что оставался в «Известиях», там была моя основная работа. На «ТВ Центр» я приезжал раза два в неделю. В жизнь коллектива не вливался. Знал, что жизнь эта примерно на 80 процентов состоит из пересудов, мелких и мельчайших интриг. Предупредил специально: я участвую только в остальных 20 процентах.

Но и «свой», поскольку выходил на экран под маркой «ТВ Центра». Мне собрали группу, выделили комнату и даже дали машину. Последнее, с учетом моих «железных» коленок, очень облегчало жизнь. Группа, на мой взгляд, была работоспособна. Сам я привел только одного человека. Милую даму, очень умную, знающую, умеющую работать. Определил ее своим заместителем. Но ошибся. Она не вписывалась в команду. Вокруг нее возникали какие-то скандальные завихрения. Группу лихорадило. Пришлось уволить.

Непосредственный начальник — Андрей Георгиевич Быстрицкий — был чрезвычайно деликатен. Угощал вкусным кофе. Давал дельные советы. Не покушался на мою суверенность.

Премьера состоялась 5 декабря 1997 года. Последняя передача — 29 августа 1999 года. Между этими датами — 41 передача. Рассмотрено 34 проблемы. Самых разных. «Национальная идея» и атомная энергетика. Нужны ли москвичам «москвичи» и как выходить из кризиса? Москва многонациональная и «бермудский пятиугольник» на Ближнем Востоке. Таможенная служба и ПРО. Какие книги мы читаем и есть ли будущее у СНГ?

Замысел: каждая тема должна дать возможность подумать, сравнить разные позиции, почувствовать проблему. Нередко темы передач пересекались с моими публикациями в «Известиях».

В современном лексиконе широко используется слово «нарезка». Можно забежать в магазин и купить на ужин нарезку ветчины или колбасы. Можно нарезать видеоряд (то есть подобрать кадры к какой-либо теме). Попробую сделать нарезку из нескольких передач. Разумеется, она свидетельствует не о качестве передач, а только об их тематике.

* * *

5 декабря мы, естественно, рассуждали о Беловежской Пуще. «История или интрига?» — так был поставлен вопрос.

Лично для меня и, думаю, для большинства советских людей «прекращение существования» их страны, их Родины было глубочайшей личной трагедией. Поэтому трудно быть объективным. Слишком сильна еще боль. Рана еще кровоточит.

Однако нельзя замыкаться в кругу эмоций. Без сердца, без души нет истории, нет политики, нет жизни. Но есть еще разум, есть рассудок. И чтобы понять, уразуметь, что же случилось в Беловежской Пуще, попробуем встать на твердую почву логики.

Спросим себя: то, что произошло в Беловежской Пуще, это было «объективно», исторически неизбежно или перед нами результат ошибок, просчетов, в общем — результат «человеческого фактора»? Можно спросить и так: действия беловежских ликвидаторов шли в русле естественного хода вещей, соответствовали ему или, наоборот, их политическая воля изменила, переломила естественно-исторический ход событий? Или совсем коротко: можно ли было предотвратить развал Советского Союза?

У меня нет «окончательного», убеждающего меня на все 100 процентов ответа на эти вопросы.

Показываю движение мысли.

Было очевидно, что республики переросли сложившиеся формы отношений с центром. Было очевидно и то, что центр не всегда учитывал национальные традиции, национальные интересы, национальные характеры. Жизнь требовала — «объективно» требовала — пересмотра всей системы отношений между центром и республиками. Это был путь к сохранению Союза. Горбачев встал на

этот путь. Хотя, возможно, не ощущал всей остроты положения. Во всяком случае, как мне кажется, действовал он недостаточно напористо и энергично.

Радикальным реформам мешала советская и партийная бюрократия, которая мертвой хваткой держалась за права и привилегии центра. Не случайно августовский путч был направлен на то, чтобы сорвать подписание Договора о Союзе Суверенных Государств. Что и удалось. История мстит жестоко. Пытаясь спасти СССР, путчисты дали зеленый свет беловежским решениям.

Путч усугубил хаос и беспорядок в центре. Ослабление центра стимулировало самораспад страны. Начались вспышки межнациональных конфликтов. Роковую роль сыграло желание Ельцина во что бы то ни стало, даже путем ликвидации Союза, вытащить президентское кресло из-под Горбачева.

В Беловежской Пуще были проявлены излишняя спешка, суета, политический авантюризм. Не были тщательно просчитаны варианты и последствия. Выступая 29 декабря по телевидению, Ельцин обнадежил: трудный период не будет длинным, 6–8 месяцев, не больше. Прошло больше десяти лет...

Важно подчеркнуть: назад пути нет. Как сообщалось, 311 депутатов Думы образовали внефракционную группу «Союз». Цель — поэтапная интеграция бывших республик вплоть до объединения их в единое государство. Пустое и вредное это дело. Только оттолкнет от нас и без того не очень многочисленных друзей. И потом — раны надо врачевать, а не посыпать солью.

В передаче принимал участие один из инициаторов беловежского решения Геннадий Эдуардович Бурбулис.

Чуть не забыл. В начале передачи я сказал, что есть два варианта обращения к телезрителям: «господа» и «товарищи». Оба они условны. Но все-таки мне, как, наверное, и многим из вас, ближе немодное ныне обращение «товарищи». И поэтому я буду говорить: «Здравствуйтесь, товарищи!» Так я и говорил. Хотя до меня доходили слухи, что мои недоброжелатели пытались по этому поводу исполнять политические танцы...

Накануне Нового года «Общая газета» предложила читателям изобразить какую-нибудь хохму в виде обращения к Новому году. Я старался изо всех сил:

«Уважаемый Новый год!

Очень тебя прошу — постарайся быть не таким хорошим, как Старый.

Что там Чечня! Давай начнем войну за освобождение Крыма от украинских оккупантов, а Балтии — от прибалтов. Наше дело правое!

Опять же, если подойти к делу с другой стороны, не вредно было бы отдать Курилы японцам, а бывший Кенигсберг, само собой, — друзьям-немцам. Их дело ведь тоже не левое.

Россея, борца за останки, провозгласи, если можешь, Президентом НУФ (Независимой Уральской Федерации), а Наздратенко — Президентом еще более независимой ДВР (Дальневосточной Республики). Пусть запасаются суверенитетом впрок и почти задаром.

Организуя, ради бога, досрочные выборы в Думу. Пусть победят зюгановцы или жириновцы. А то распустились все без очередей и дефицитов.

И еще прошу тебя, уважаемый Новый год, увеличь, пожалуйста, раза в 2–3 аппарат Администрации президента, равно как и всяческие другие аппараты, и дай каждому слуге народа по „мерседесу“ (назло Немцову), даче (назло Памфиловой) и по квартире на ул. Осенней (всем на радость).

Понимаю, что надоел тебе. Но обрадуй журналистов. Уговори нашего дорогого Бориса Николаевича вручить президентские „Золотые перья“ Коржакову и Минкину, а президентский же „Золотой язык“ лично самому Доренко.

Напоследок самую малость сделай. Упроси президента вместо Чубайса поставить Илюхина, а вместо Немцова — Рохлина. И еще куда-нибудь Бабурина. Даешь реформы, извини за выражение.

Или придумай, дорогой Новый год, что-нибудь еще. Лишь бы прервать почти летаргический сон, в который погрузился Кремль. Лишь бы заставить его обитателей

посмотреть наконец окрест себя и задуматься над тем, что происходит с Россией, со всеми нами. Задуматься и сказать нам, что мы делаем, какую Россию „строим“, какую Россию увидит XXI век. Негоже великому народу, великой стране так долго болтаться в океане истории без руля и без ветрил.

С надеждой

Александр Бовин».

* * *

Одна из первых передач была посвящена религии, точнее, роли и месту православия в нашем обществе, в нашей жизни.

Кстати. Для оценки качества передачи начальство использует не только рейтинг (какой процент телезрителей смотрит эту передачу), но и статусность (каков статус людей, принимающих участие в передаче; чем статус выше, тем лучше). Мне такая зависимость кажется спорной. Чем выше статус, то есть служебное положение собеседника, тем больший процент банальностей содержится в его суждениях. Ни с министром иностранных дел России, ни с министром иностранных дел Германии невозможно, например, обсудить все аспекты проблемы Кенигсберга. Лучшее, что каждый из них может сделать, — это изложить позицию своей страны. Но эти позиции давно уже изложены и хорошо известны. Поэтому не стоит тратить драгоценное телевизионное время на министров. Я предпочитаю говорить на гораздо более низком уровне.

Относительно православия решили не беспокоить иерархов церкви. Поговорили с «рядовыми» священниками и просто с прихожанами. Разговоры велись на Рублевском шоссе, где сложился любопытный симбиоз новых русских, новой бюрократии и новых храмов.

Нас интересовало, какими путями люди идут к вере, к Богу или как минимум к тому, чтобы называть себя верующими. Мы получили четыре основных направления.

Действует «закон маятника». То, что раньше преследовалось, осуждалось, загонялось на обочину жизни, теперь превратилось в предмет повышенного, подчеркнутого внимания, стало, если угодно,

модой. Крестик на груди — дополнительное свидетельство осуждения советского безбожного режима.

Толпящееся в храмах начальство («подсвечники») имеет свои резоны. В большинстве случаев это — элементарная демагогия, стремление завоевать популярность, а значит — и голоса. Не будем обманываться. «Подсвечники» все поминают имя Господа.

Для относительно узкой группы людей источником религиозности служит поиск истины, начала всех начал, поиск ответов на вечные вопросы — о жизни и смерти, о смысле человеческого существования, о причинах удивительной гармонии и красоты в окружающем нас мире.

Но большинство говорило нам о надежде и внутреннем покое, об утешении, которые дает вера, о неустроенности жизни, душевных и телесных страданиях, которые смягчает, ослабляет молитва.

К религии, вере, молитве ведет и страх перед смертью, перед таинством погружения в потусторонний мир, неискоренимое желание встретить там не пугающий абсолют пустоты, а нечто знакомое, близкое, человеческое...

Некоторые прихожане выражали недовольство господством консервативных настроений в РПЦ, ее отставанием от требований времени. Обычно упоминался непонятный язык богослужения, громоздкие, помпезные обряды.

Я не стал вдаваться во внутрицерковные дела. Но отметил активизацию церковных деятелей, выступающих против «новообновленческой ереси», против либерализма, модернизации, экуменизма.

Экуменизм — это движение, направленное на сближение христианских церквей. Но православные фундаменталисты ни с кем сближаться не хотят. Есть только одна истинная церковь — православная. Все остальные — католики, протестанты — суть ереси. С ними надо бороться, а не сотрудничать. И еще: надо ликвидировать отдел внешних церковных сношений как источник всяческой заразы. Такой вот «православный большевизм».

Помню настойчивый совет одной прихожанки соединить церковь с государством. Логика была простая: тогда государство сможет действовать именем Бога, а Бога бояться, что поможет навести порядок в обществе.

Меня эта логика не вдохновляла. Я предпочитаю старую схему: кесарю кесарево, Богу Богово. Кесарь обязан гарантировать свободу совести. Тот есть свободу выбора. Хочешь — верь, не хочешь — не верь. Те, кто не верит, обязаны не мешать, не препятствовать тем, кто верит, общаться с Богом. А те, кто верит, обязаны не навязывать свою веру тем, кто не верит. Мирное сосуществование, если угодно. Мирные, интеллигентные дискуссии, споры, сопоставление аргументов.

Прошедшие с тех пор годы показывают, что РПЦ настойчиво стремится вторгнуться на территорию кесаря. Исторически это понятно. В императорской России церковь всегда была смиренным орудием власти. Не случайно Достоевский заметил: «Церковь как бы в параличе, и это уже давно». В Советской России церковь давили и третировали. Наконец-то она может дышать полной грудью. И она дышит. И торопится компенсировать многовековой паралич расширением своего влияния по всем азимутам: от школы до армии. Меня это смущает, и я надеюсь, что со временем всему будет найдена мера.

В прошлом веке митрополит Московский Филарет сказал так: «Престолы возникают и падают, алтари же стояли и стоять будут». Да, алтари крепче престолов. Но еще древние заметили: «Человек есть мера всех вещей». Не престолы. Не алтари. А именно человек. Поэтому мне ближе другой тезис: «Алтари возникают и падают, человек же стоял и стоять будет».

* * *

Вся первая половина 1998 года прошла под знаком ожесточенных споров об «останках». Бурлила царская семья. Волновалась церковь. Воспрянули русские монархисты. Странные пассы делали обитатели Кремля.

11 июля я писал в «Известиях»: «На фоне громадных трудностей, в которые погружена Россия, на фоне обнищания десятков миллионов, в атмосфере всеобщей неуверенности и озлобления, вызванных тяготами повседневной жизни, когда тысячи и тысячи рабочих, учителей, врачей, офицеров месяцами не получают зарплату, начальственная суета вокруг „останков“, приторные разглагольствования о царях, императорах,

монархам, благодетельствовавшим Россию, выглядят как театр абсурда, как действительное кощунство, издевательство над тревогами, бедами, страданиями народа». Так звучал своего рода камертон к телевизионной передаче, которая состоялась на следующий день.

Все говорят о примирении и покаянии. Я предложил телезрителям подумать: кого с кем надо мирить и кому надо каяться.

Дрались «красные» с «белыми». Ни тех ни других давно нет. А Зюганов не тянет на «красного», как «князь» Голицын на «белого». Только время рубцует раны прошлого, только в океане времени исчезает пугающий призрак гражданской войны. Если кого и надо примирять сейчас, так это власть и народ. Но «останки» никакого отношения к этому примирению не имеют.

А покаяние?

Революции суровы к монархам. Положил голову на плаху английский король Карл I. Были гильотинированы французский король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта. Их казнили по решению парламентов. Русский царь не был казнен. Царь был зверски, в упор, убит. Вместе с царицей и детьми, вместе с врачом и слугами. Это была варварская, изуверская акция. И покаяние имеет смысл.

Но кому каяться? И палачи, и пославшие их властители давно отошли в мир иной. Рухнула великая держава, ответственная за деяния своих отцов-основателей. Пришли новые поколения. Но они не отвечают за грехи предыдущих. И все-таки старые исторические долги надо платить. Независимо от отношения к «останкам».

Насколько я понимаю состояние нынешнего общественного сознания, Россия кается перед Романовыми. Но гораздо больше оснований для того, чтобы Романовы покаялись перед Россией.

Среди 17 романовских царей возвышается гигантская фигура Петра Великого. И среди своих предшественников Николай II менее всего любил Петра. Ибо был несоизмерим. Бездарный царь вовлек Россию в полосу несчастий, которые в конце концов поглотили и его. В 1923 году, оглядывая — уже из Парижа — последнее царствование, русский философ Сергей Николаевич Булгаков писал: «В сущности, агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным и непрерывным самоубийством... через все бесчисленные зигзаги своей политики и последний маразм войны».

Бальмонт не слишком ошибся, когда в 1907 году написал:

Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

Была довольно большая почта. Говорили «спасибо» за то, что пошли против течения.

* * *

Быстрицкий без всяких комментариев передал мне полторы странички, на которых анонимный автор предлагал критический разбор моих первых передач.

Пункт первый. «Неумение или нежелание использовать современные технические средства» (суфлер, закадр, монтаж и т. п.). Да, мне не нужно скороговорение под суфлер. Я предпочитаю говорить с людьми на нормальном языке в нормальном темпе. С возможностью оговорок. С неизбежностью импровизаций. Работать в домашней атмосфере — такова идея.

Технические средства — не самоцель, а именно средства. Средства облегчить восприятие материала, сконцентрировать внимание на наиболее важных вещах. Допускаю, что не всегда это получалось. Учился.

Пункт второй. «Несовременная постановка вопроса, характер анализа и аргументации». Ведущий ориентируется на «некие интеллигентские архетипы», а эти архетипы давно разрушены. Действительно, я исходил из того, что нынешняя интеллигенция в принципе (особенно на уровне архетипов) не отличается от прежней. Упрекали меня и в проповедническом подходе. Такой подход, наверное, имел место, когда я не только излагал материал, но и старался в чем-то убедить телезрителей.

Вывод критика: «В целом можно констатировать явное несоответствие между относительно высоким уровнем репортажей и уровнем ведения... Это свидетельствует о потенциях творческой группы, ее способности к динамичному развитию, чего нельзя сказать о

ведущем „Разговора по существу“. Мне было, конечно, обидно за свои „потенции“...»

Только через несколько месяцев мне по секрету сообщили, кто и по чьему наущению констатировал «явное несоответствие». Но это уже относилось к тем 80 процентам, которыми я не занимался. Что же касается конкретных замечаний, я был признателен за них.

* * *

С деньгами на «ТВ Центре» было туго. Но все-таки разрешили слетать на Курилы. До этого я несколько раз был на Хоккайдо и оттуда видел краешек Малой Курильской гряды. И вот теперь, в июле 1998 года, «ТВ Центр» высадил десант на Кунашире.

О сути проблемы я уже писал. Здесь — личные впечатления.

Пожалуй, первое, что начинаешь понимать, находясь не в Москве, а в Южно-Курильске (расположенный на Кунашире центр Южно-Курильского района Сахалинской области), заключается вот в чем. Территориальная проблема — это не проблема островов, а прежде всего проблема людей, которые на них живут.

Были времена, когда судьбы людей не особенно волновали тех, от кого эти судьбы зависели. Получив в 1945 году Южный Сахалин и Курилы, советская власть просто вышвырнула оттуда почти 400 тысяч японцев. «Завезли» своих. И не то чтобы забыли о них, об их судьбах. Иногда вспоминали — особенно по случаям цунами или землетрясений. Вспоминали, но не баловали.

Первое впечатление от Южно-Курильска просто ужасное. Попадаешь в какой-то выморочный, разрушающийся, тоскливый мир. Неработающие предприятия. Брошенные стройки. Покосившиеся, расхристанные, убогие дома. Бездорожье. Везде — в воде и на суше — ржавеющие остовы бывших судов, бывших машин и еще чего-то бывшего. Любая, самая заштатная, захолустная деревушка на соседнем Хоккайдо выглядит по сравнению с Южно-Курильском, как, наверное, Нью-Йорк по сравнению с Конотопом. А ведь мы более полувека хозяйничаем на острове.

Теперь — парадокс. Да, разруха. Да, убожество. Но нищеты нет. Спасают «продукты моря», которые правдами и неправдами извлекают

из моря и которые опять же правдами и неправдами продают японцам. И спасают японцы, которые действуют достаточно напористо и энергично.

Я бы сказал так. Есть российско-японские отношения. Они творятся в Москве и Токио, и от них зависит завтрашний день островитян. Но есть и курило-хоккайдские отношения, которые в значительной степени автономны и которые определяют день сегодняшний. На семь с небольшим тысяч жителей Кунашира приходится более пяти тысяч японских автомобилей. У каждой семьи приличный японский телевизор и всякие японские штучки в хозяйстве. В магазинах — японские товары и продукты. Приехавшие с Хоккайдо преподаватели ведут уроки японского для взрослых. В порядке безвизового обмена жители Кунашира посещают Хоккайдо, где их принимают по первому разряду.

Судя по беседам с районными властями и жителями Южно-Курильска (а мы целый референдум организовали на рынке), большинство решительно против передачи островов Японии. Все-таки теплится еще надежда, что Россия станет не мачехой, а матерью, что наладится жизнь.

Есть, правда, и другое мнение: ничего у нас не получится, пусть приходят японцы и наводят тут порядок. Но при одном обязательном условии — размер компенсации тем, кто будет уезжать, должен гарантировать обустройство на материке.

Мы сделали две передачи. Одна — путешествие по Кунаширу. Другая — разговоры в студии с японским дипломатом и российским ученым. Вроде бы получилось неплохо...

* * *

Двухсерийной получилась и передача, названная «Ленин — человек или фараон». О судьбе Мавзолея, о судьбе «останков» Ленина.

Вопрос о Мавзолее, как мне представляется, надо отделить от вопроса о Ленине. Что касается Мавзолея, то, по-моему, своей эстетикой, своей включенностью в мировую архитектуру, мировую политику, мировую историю он заслужил, завоевал право оставаться там, где был сооружен. Мне кажется, надо быть варваром, чтобы не

понимать, не чувствовать, что Мавзолей стал неотъемлемым, в чем-то даже определяющим элементом всего архитектурного ансамбля Красной площади.

Проблема самого Ленина — проблема человека, а не памятника человеку — гораздо сложнее. Сложнее потому, что отношение к Ленину, ставшему для нескольких поколений духовным «гуру», непререкаемым авторитетом, некоей почти сакральной фигурой, затрагивает людей несравненно сильнее, чем отношение к его памятнику.

В мемуарной литературе есть сообщения, что еще осенью 1923 года в Кремле состоялся обмен мнениями о том, как поступить с телом вождя после его смерти.

Сталин высказывался за бальзамирование. Троцкий, Бухарин, Каменев возражали, утверждая, что бальзамирование — это «поповство», что оно не имеет ничего общего с марксизмом.

Не приняла идею мумификации и жена Ленина Крупская. 30 января 1924 года она писала в «Правде»: «Товарищи рабочие... и крестьяне! Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. Всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим».

Победила точка зрения Сталина.

Теперь другие времена. Пересмотр всей прежней системы ценностей не мог не поставить и вопрос о Ленине.

Сталкиваются разные позиции. Мы пустили в ход «улицу», а также побеседовали с ректором Российского государственного гуманитарного университета Юрием Николаевичем Афанасьевым и главным редактором «Советской России» Валентином Васильевичем Чикиным. Афанасьев высказался за предание тела Ленина земле, а Чикин — за сохранение нынешнего положения вещей.

Завершая передачу, я поддержал Афанасьева.

Аргументация. Ленин — одна из величайших фигур уходящего века. Историческая фигура. Но даже на таком фоне мне трудно воспринимать Ленина как фараона, чье тело обречено на искусственное бессмертие. Весь внутренний мир Ленина, насколько мы можем реконструировать и понять его, абсолютно несовместим с

превращением тела, трупа в некое подобие мощей, в объект поклонения для одних и праздного любопытства для других. Предать тело Ленина земле — значит восстановить справедливость, естественный ход событий, отнести к Ленину не как к фараону, а как к человеку.

И вряд ли стоит торопиться. Судьбы живых — вот где дел невпроворот. Ленин может подождать. Пройдет время, улягутся страсти, притухнет острота вопроса. И тогда превращение Ленина из фараона в человека будет воспринято обществом гораздо спокойнее, чем сейчас.

* * *

Думаю, что представленная выше нарезка дает общее представление о характере передач и характере проблем, которые затрагивались. Не скажу, что передача пользовалась популярностью. Она имела свою устойчивую, но не широкую аудиторию. Но не выделялась так, как когда-то выделялась «Международная панорама». Меня это огорчало. Но я успокаивал себя тем, что в целом, несмотря на отдельные неудачи, даю добротный, нужный людям материал.

На «ТВ Центре» менялось начальство, что-то передвигалось, что-то задвигалось. Но меня до поры до времени не трогали. Но пора пришла. Меня вызвал новый вице-президент Сергей Львович Корзун и сообщил, что программа моя закрывается. Все необходимые комплименты были произнесены и даже обозначена возможность сотрудничества.

В «Огоньке» (25.10.99) в рубрике «Слухи» была помещена краткая беседа со мной под названием «Ушли?». Цитирую:

Об увольнении Александра Бовина с «ТВ Центра» ходят слухи еще более чудовищные, чем об уходе с него Сергея Корзуна. Дескать, в случае с известным обозревателем замешана чистая политика. Какая именно?

— Александр Евгеньевич, это правда, что вас «закрыли» на «ТВ Центре»?

— Закрыли мою авторскую программу «Разговор по существу».

— Почему?

— Тогдашний вице-президент Сергей Львович Корзун, который закрывал, аргументировал низким рейтингом.

— Вас это огорчило?

— И да и нет.

Да, потому что мне казалось, что я делаю полезное дело.

Нет, потому что я изначально и сознательно работал для узкой группы людей, которые не научились думать. По-моему, это была единственная политическая передача на канале, в которой не говорилось о склоках, интригах, компроматах. Не выдувались мыльные пузыри пустопорожних версий.

И я очень благодарен «ТВ Центру» за то, что меня и мои безрейтинговые передачи терпели почти два года. И не вмешивались в мою работу.

— Но о чем же вы говорили «по существу»?

— О том, что, на мой взгляд, требовало раздумий. Русский фашизм — миф или реальность? Есть ли будущее у СНГ? Кризис федерализма. Религия и мы. Москва — главная провинция России. Отдавать ли Южные Курилы японцам? Ленин: человек или фараон? Цунами иррационализма (о колдунах и ведьмах). Антисемитизм. Косово — взгляд из Тираны. И в таком же духе.

Не все получалось. Но звонили, писали письма. Значит, кому-то было интересно.

— Вы сдаетесь без боя?

— Я остаюсь самим собой. Для меня телевидение (как и газета) — факт культуры, а не коммерции. «Мы не хотим улучшать человечество», — сформулировал свое credo уважаемый Сергей Львович. Иными словами, годится все, что заставляет включать телевизор, то есть обеспечивает рейтинг, то есть добывает рекламу, деньги.

Разумеется, я понимаю, что телевидение должно зарабатывать деньги. Но это не должно превращаться в самоцель. Все-таки СМИ (информация), а не СМО (оглупление).

Продолжаю наивно надеяться, что мои беседы могут помочь людям лучше понять мир, в котором они живут. А значит, и стать лучше. Только в таком ключе я работал и буду работать.

— Я вас правильно понял: на «ТВ Центре» вы больше работать не будете?

— Пока не совсем ясно. Есть некая предвыборная идея — политические портреты кандидатов. Примаков, Лужков и далее везде... Вподверстку к программе Славы Флярковского. Для меня это могло бы иметь смысл, если я буду иметь возможность говорить то, что я хочу и как я хочу, а не то, что и как хочет очередное телевизионное начальство. Сделал «на пробу» Примакова. Но, кажется, возникли трудности. Не исключаю, что придется искать другую галерею для портретов.

Я очень хорошо запомнил разговор с Сергеем Львовичем. Это был первый случай в моей жизни, когда меня увольняли по «профнепригодности». Но огорчало другое. Передо мною сидел, несомненно, умный, образованный человек. И он был убежден в том, что «делать людей лучше» — это не задача телевидения. Он был весь современный и полагал, что телевидение не имеет отношения к борьбе добра и зла. Информировать и развлекать — сколько угодно, а «проповедников» не нужно.

Беда в том, что Корзун не одинок.

Игорь Евгеньевич Малашенко, когда он руководил НТВ, не стеснялся говорить о том, что «дурной вкус» на НТВ объясняется «дурным вкусом» народа. Так сказать, спрос рождает предложение. Но воздействовать на этот спрос, попытаться облагородить его — избавьте, не наше, не телевизионное это дело.

Семен Вадимович Новопрудский — яркий «публицист» тех «Известий», из которых я ушел. Материал на первой полосе «Моя борьба» (22.11.00). Вопрос ставится ребром: прав ли тот, кто делает замечание человеку, бросающему окурки где ни попадя? Разумеется, не прав. Сам не бросай, а к другим не приставай. Не поможет. «Буду бороться исключительно за себя и с собой» — так решил Новопрудский.

И я поставлю вопрос ребром: уходить от борьбы между добром и злом — значит поощрять зло. В нашем несовершенном мире поощрение зла обеспечивает гораздо более высокие доходы, чем защита добра. Здесь тайна современного, продвинутого телевидения.

Корзун недолго продержался на «ТВ Центре». Он вступил в конфликт с Лужковым и был немедленно уволен. Жаль. Таких современных, как он, там много, а таких умных — не очень.

Будучи выставленным из «ТВ Центра» и выдавленным из «Известий», я лишился возможности регулярного самовыражения. А самовыражаться хотелось. Привычка пуще... Поэтому я был чрезвычайно признателен руководителям «Радио России», которые любезно предложили мне 30 минут в воскресенье. Заполнить эти минуты я должен был анализом международных событий за прошедшую неделю. Передача предполагалась интерактивной, то есть со звонками слушателей и моими ответами.

Сначала сделали небольшой рекламный ролик. В качестве музыкальной заставки я предложил кусочек из великолепной музыки «Carmina Burana» (Карл Орф, 1936). Специально упоминаю об этом, потому что было очень много вопросов: что за музыка? Встреча с радиослушателями состоялась 15 октября 2000 года.

«Александр Бовин перебрался в эфир» — так озаглавила интервью со мной в «Независимой газете» (07.12.00) Екатерина Варкан. В качестве предисловия — почти обязательная теперь аллилуйя:

Вот уже больше месяца на волнах «Радио России» выходит в эфир авторская программа Александра Бовина «Мир за неделю». Один из самых известных обозревателей-международников (может быть, самый известный) считает себя представителем классической советской школы журналистики («в хорошем смысле», — уточняет Бовин). При всех издержках, которые свойственны прессе во все времена, именно тогда — как это ни странно звучит сегодня — ценились и уровень образования, и широта взглядов, и добротный русский язык. Теперь иные ценности. Однако умный зритель, слушатель, читатель по-прежнему жив. Наверное, поэтому «Мир за неделю» — «Полчаса с Александром Бовиным» на «Радио России» — пользуется успехом. Слушателям нравится, видимо, редкое для программ и публикаций подобного формата сочетание анализа, независимого и умного взгляда, толерантности.

— Александр Евгеньевич, вы наверняка искали и нашли — чего не делают другие, — какую нишу на рынке информации можно заполнить?

— Понятно, что в круг наших интересов попадают события, нашедшие отражение во всех СМИ, но, так сказать, под другим соусом. Не с точки зрения скандальности, сенсационности, все хотят интриги, сплетни. Принято считать, что именно это дает рейтинг. Меня интересует другое — смысл, значение событий. Я, в общем, не против того, чтобы люди узнали, что, где и с кем ел и пил премьер Великобритании Блэр во время своего последнего визита в Россию. Или — со сколькими женами султана Брунея встречалась жена Путина. Но мне и, надеюсь, многим слушателям интересно рассмотреть события в концептуальной системе координат — почти «вечная проблема»: Россия и Европа. Или не менее «вечная» — Россия как костяк, сердцевина Евразии, как мост от Атлантики до Тихого океана. Только на таком фоне можно правильно понять блуждания нашей внешней политики.

— У вас значительный опыт работы и в электронных СМИ, и в прессе. Что вы считаете более эффективным — печатное слово или звук, картинку?

— Слово действует прежде всего на разум. Картинка — на эмоции. А поскольку у большей части аудитории эмоции довлеют над разумом — картинка более эффективна. К сожалению. Нынешняя телевизионная «лира» вряд ли пробуждает «чувства добрые»... Если говорить обо мне, то я больше читаю, чем смотрю.

— Александр Евгеньевич, тогда почему вы покинули газету «Известия», где до последнего времени работали? Тем более что еще не так давно именно ваше имя, ваш образ — легендарный по сути — были связаны с этим изданием?

— Наверное, были — с прежними «Известиями». Но сегодня это другая газета. У нее другие «образы», и мой «образ» оказался там лишним. То, что я умею делать, газете неинтересно.

— Какой профессиональный интерес, может быть, колорит вы находите в нынешней работе?

— Мне интересен непосредственный контакт с аудиторией. Звонят слушатели. Задают вопросы, спорят. Люди думают вместе со мной, учатся за поверхностью событий улавливать их смысл, значение. Учатся «мир недели» не сводить к скандалам недели, катастрофам, сенсациям недели.

— Изменилась ли ваша аудитория за полтора месяца работы в эфире?

— Очень сильно. Сначала многие звонили только для того, чтобы публично выругать меня на всю страну, — прямой эфир дает такую возможность. Но постепенно в радиодиалог включаются люди, которые хотят что-то понять, которым интересны не только аргументы, но и контраргументы. Мне приятно говорить с думающими людьми. Ведь за последние годы наши СМИ активно блокировали (и с успехом) мозговой аналитический аппарат аудитории. Но, к счастью, этот процесс обратим.

— А есть какой-то вопрос вашего слушателя, что произвел на вас сногшибательное впечатление?

— Да (смеется). Например, почему я не баллотируюсь в президенты? Я ответил, что, помимо здравого смысла, есть еще одна причина — жена выгонит из дома, а я не хочу ее обижать.

* * *

Насчет аудитории я, пожалуй, погорячился. Если судить по телефонным звонкам, то меня слушали не очень молодые люди, достаточно консервативно настроенные, сохраняющие веру в советские легенды и мифы и очень, крайне нетерпимые. Впрочем, тут нужно вносить поправку «на ветер». Человек, разделяющий мой подход или, по крайней мере, допускающий, что такой подход может иметь место, вряд ли схватится за телефонную трубку. Звонят, как правило, люди, не допускающие инакомыслия, люди, протестующие, возмущенные позицией, которую они считают неверной. Именно с этой, наиболее активной, частью аудитории мне приходилось сталкиваться.

Но первый удар принимала на себя мой ассистент. Она поднимала трубки. Она, вызывая нарекания и протесты, пыталась отсортировать вопросы, не относящиеся к теме передачи, и отфильтровывать чистую ругань. Учились и слушатели: называли ей один вопрос, а прорвавшись в эфир, говорили о чем угодно или с удовольствием начинали поносить меня.

Помимо телефонных звонков, были еще и письма радиослушателей. Много писем. Примерно процентов десять —

пятнадцать из них содержали конкретные вопросы. Я отвечал на них в очередных передачах. Примерно столько же содержали различные «учения», призванные спасти человечество. А остальные разоблачали меня как агента всяческих разведок, но в первую очередь — израильской.

Как это ни странно, из всех внешнеполитических вопросов мои радиослушатели особенно нервно реагировали на ближневосточную тематику, на обстановку вокруг Израиля. Как только затрагивался этот сюжет, а делать это приходилось довольно часто, телефон обрывался. «Болели» за Арафата. Защищали палестинских террористов. Осуждали Израиль. Громили «сионизм». Трудно было полемизировать. Потому что мои оппоненты не принимали никаких аргументов. Логика, политика бессильны, когда имеешь дело с антисемитами.

Но — не терял надежду, пытался. Помимо политических доводов (не повторяю их здесь) выдвинул такой: как может православный человек быть антисемитом, если христианство возникло внутри иудаизма, если Иисус Христос и апостолы были евреями, если Новый Завет был написан на еврейском языке?

Получил письмо от Таисии Андреевны Хализовой (с. Донское Труновского р-на Ставропольского края). Она укоряла меня: «С глубоким уважением отношусь к ветхозаветным пророкам и новозаветным апостолам, но Бог не имеет национальности. Вам, Александр Евгеньевич, как внуку священника и даже просто образованному человеку, это необходимо бы давно знать».

Теология — не моя стихия. Но все же, думаю, Иисус Христос не был бы Богом, если бы он не был распят как человек. А «человеков» без национальности не бывает.

Письмо Таисии Андреевны — редкий случай! — написано без раздражения и зла. Поэтому, отвлекаясь от Израиля, коснусь еще одной темы. Я как-то заметил, что не всех прихожан устраивает служба на непонятном языке. Таисия Андреевна настаивает на том, чтобы «церковные богослужения велись на мелодичном языке Кирилла и Мефодия, а не на языке „памперсов“ и „консенсусов“». Она полагает, что «выучить старославянский язык русскому человеку несложно. Достаточно внимательно 2–3 раза прочесть Новый Завет. И все церковные богослужения будут понятны и доходчивы не только уму, но и сердцу... Не надо призывать наших православных иерархов

низводить церковные богослужения до уровня мексиканских фильмов, где все всем понятно и приятно».

Наверное, и такая логика может быть принята. И все-таки даже церкви не следует слишком отставать от времени. Если француз молится по-французски, а немец — по-немецки, то почему русский, чтобы общаться с Богом, должен учить специальный язык. В конце концов, русский язык — несмотря на «памперсы» и «консенсусы» — ничуть не менее мелодичен, чем язык Кирилла и Мефодия.

Вернемся к Израилю. Палестинский террор оправдывался тем, что израильтяне не уходят со всех оккупированных территорий. 95 процентов — это мало. Только все 100 процентов. Или взрывы на дискотеках, в автобусах, в кафе будут продолжаться.

Всякие аналогии условны. Но что бы мы сказали, если бы чеченский камикадзе взорвал себя в московском автобусе? И еще столь же условная аналогия: мы ведь не уходим из Калининграда, хотя трудно доказать, что имеем на него больше прав, чем евреи на часть Западного берега...

На втором месте по степени возбудимости слушателей находится тема Курил. Не отдавать! — и все тут. Да, мы не обязаны ничего отдавать Японии. Но мы сами, от лица верховной власти, исходя не из юридических, а из политических соображений, еще в 1956 году обещали отдать японцам Малую Курильскую гряду, то есть Шикотан и Хабомаи. Можно обсуждать вопрос о том, когда это сделать, но если мы уважаем сами себя, если мы хотим, чтобы к нашему слову относились серьезно, мы не можем перечеркивать свое же обязательство.

Почему же не можем? — говорят и пишут. Можем! Мало ли что наобещали «пьяный Хрущев» или «пьяный Ельцин».

Ну, что тут скажешь...

Против лома нет приема.

И третья нервная тема (ограничусь тремя) — пресловутое расширение НАТО на восток. Мы подняли по этому вопросу большой шум и сами напрягли российские массы. Сработали традиционные, десятилетиями насаждавшиеся антинатовские настроения.

Я же пытался доказывать, что не стоит заикливаться на НАТО и впустую растрчивать столь дефицитные нервы. Может быть, полезнее для дела (и для самообразования) задуматься над следующими вопросами: почему все наши восточные соседи с вожделием смотрят

на НАТО? почему они видят угрозу на Востоке, а не на Западе? почему России не доверяют, опасаются, боятся ее?

Вопросы не простые. За ними — история и боль. И за ними вопрос более общий: почему мы «потеряли» Восточную Европу? Казалось бы, огромная, густая сеть политических, экономических, культурных, человеческих контактов — контактов, которые держались не только по воле Большого Брата, должна была (могла!) выдержать давление перестройки. Однако не выдержала, расплзлась, как гнилая ткань.

Да, выброс центробежной энергии был неизбежен. Слишком уж долго неволили мы своих «солагерников», не считаясь — или плохо считаясь — с их интересами. Но было и другое. Мы уходили, убегали и предавали друзей. Мы замыкались в своих внутренних заботах и тревогах и бездумно, безжалостно, с холодным равнодушием рвали сосуды, в которых пульсировала живая кровь сотрудничества.

Теперь пожинаем плоды. Восточная Европа, включая Балтию, стремится стать Западной. И если мы будем препятствовать этому, то лишь проведем новые разделительные черты между Россией и Европой.

Такова была логика. Но психология была другой. И я чувствовал, как мои доводы тонут в привычной антинаатовской трясине...

А ведь я еще доказывал, что не следует торопить соединение с Белоруссией и требовать Крым у Украины, что политика Милошевича спровоцировала косовскую трагедию и что не нужно пугать себя «урановыми бомбами».

Поскольку в нормальной жизни молчание — знак согласия, то я мог считать, что большинство радиослушателей согласны со мной. Зато те, которые не согласны, были суровы.

Юрий Семенович Стрелков (с. Заборовка Сызранского р-на Самарской области): «Слушаю вашу передачу и во многом с вами не согласен. Порой вы неискренне правдивы, а порой — врете, считая нас политически забытыми, а зря, это не дореволюционный народ. <...> Просто вы выполняете чей-то политический заказ».

Зинаида Ивановна Емельянова (адреса нет). «Я периодически слушаю передачу, которую вы ведете, но никогда не слышала, чтобы вы выступали как патриот России. Возможно, зачем вам это? Может, вы гражданин другого государства? Но вы живете в России и, вероятно, чувствуете, что она на коленях. Благодаря кому, чему? Какую роль в

этом сыграли средства массовой информации? Может, вы видели и слышали передачу по телевидению, когда ФБР и другие „экстремисты“ с высокими чинами... захлеб рассказывали с великой радостью, как они разрушили Советский Союз. А ведь без вас им бы это сделать не удалось».

На десерт Валентин Николаевич Плотников (из Москвы):

«Здравствуйте, Александр Евгеньевич. Пишу, чтобы выразить благодарность за вашу работу на „Радио России“.

Спасибо вам большое.

В последнее время появилось много книг об использовании различных веществ в медицинских целях. Например, лечение глиной, мочой или водой и т. д.

Я же лично приспособил некоторые радио- и телепрограммы для поднятия своего давления. Оно у меня пониженное.

Обычно применяю кофе, коньяк, водку или таблетки.

Но однажды заметил повышение давления от прослушивания или просмотра некоторых радио- и телепрограмм. В том числе и вашей. Послушаю, взбодрюсь — и порядок. Как будто выпил чашку крепкого кофе.

А если при этом обращаться к вам или ведущему телепередачу со словами: ах ты, ублюдок, мразь и т. п., то эффект наступает быстрее.

Конечно, метод повышения давления неплохой, но чреват побочными эффектами.

Из-за таких ублюдков, как вы или Познер, страдают невинные люди. Даже в том, что произошло в Нью-Йорке, есть ваша вина и родных ваших легионеров. Из ваших поганых ртов летели пули и в здание Верховного Совета в октябре 1993 года, а ненависть защитников срикошетила в сентябре 2001 года и свалила самолеты на торговый центр в Нью-Йорке.

Если Сванидзе или Киселева еще можно понять — они просто зарабатывают деньги, то такие, как вы или Познер, работаете за идею, осознанно делаете богомерзкое дело.

Вы уже старые люди, но, несмотря на это, с удовольствием бы посмотрел, как кто-нибудь въехал бы вам по ублюдочным харям или размазал вас по асфальту, как клопов.

Американцы ищут виновных за теракты, а они хорошо известны — это в том числе вы и другие легионеры. Вот бы они вас бомбами или

ракетами...

Ну ничего, дождетесь. Если не вы, так ваши потомки.

Вот так мысленно, а иногда, когда один, и вслух говорю, и давление быстро поднимается. Достаточно десяти минут, и можно выключать радио или телевидение. Так что делаете вы полезное дело, естественно, того не желая.

Еще раз спасибо, будьте здоровы. А дальше я мысленно говорю слова, которые вы уже прочитали».

Не очень приятно читать такие письма. Но, во-первых, их не так уж много по сравнению с «похвальными грамотами». Во-вторых, они позволяют лучше представлять себе страну, в которой живешь, и людей, для которых работаешь. И, в-третьих, аудитория все-таки потихонечку менялась, отпадали ярые «патриоты», больше становилось звонков конструктивного характера. Многие просят прибавить к передаче пятнадцать минут. Но тут начальство решает. Ведь кому-то добавить — значит у кого-то отнять. Не всегда это просто.

* * *

В 2000 году вышла моя первая большая книга «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника)». Собственно говоря, это был облегченный, сокращенный, коммерческий вариант книги «Записки ненастоящего посла», которая появилась в том же издательстве полугодом позже. Отзывы в печати были хорошие. Только из Киева пришло странное эссе Виталия Портникова под названием «Шестидесятники» (Зеркало недели. 2001. № 7):

«Несколько дней читал новую книжку Александра Бовина, посвященную годам его дипломатической службы. Читал не то чтобы с интересом, а с какой-то странной смесью уважения и раздражения. Такая неровная книжка! Только возникает уважение — удачная характеристика человека, точное видение процесса, и тут же маргинальная, преисполненная самовлюбленности мысль на следующей странице вызывает раздражение... И так все 815 страниц... Я вспомнил, как встречался с Бовиным в начале перестройки. Тогда он был ее заслуженным прорабом, я неимоверно радовался, что встречусь

с настоящим мэтром журналистики. И действительно — Бовин дал мне блестящее интервью. Конечно, перед публикацией послал ему текст для проверки... До сих пор не оставляет меня чувство потрясения — в этом тексте каждая, ну буквально каждая строчка машинописи была перечеркнута, и над ней от руки были вписаны совсем другие слова — осторожные, округлые, лишенные блеска и откровенности нашего разговора...

Это — также причина для раздражения. Однако я все же продолжаю с чувством глубокого уважения относиться и к Бовину, и ко всей шестидесятнической элите. И осознаю, почему эти люди остались сегодня где-то на обочине постсоветского общества, хотя их ровесники продолжают руководить странами и регионами, считаются сильными политиками и успешными бизнесменами. Как по мне, существует две категории шестидесятников.

Первая — люди, сформировавшиеся уже в хрущевскую „оттепель“. Сформировавшиеся по-разному и в разных местах — кто-то на поэтических вечерах в Политехническом или на киевских встречах в парке Шевченко, а кто-то — в референтуре ЦК КПСС... Эти энтузиасты вынуждены были стать незаметными и серенькими, приноровиться к новым порядкам, когда „оттепель“ сменилась очередной реставрацией. И ждать своего времени вплоть до Горбачева. И оказаться калифами на час.

Вторая — и во время „оттепели“, и после „оттепели“, и в горбачевские времена, и в послегорбачевские были прежде всего послушными учениками — и в результате получили от жизни все: власть, деньги, иногда даже репутацию...

Я думаю, первые отличаются от вторых не способностями, не умением оперативно реагировать на требования времени, а только одним — наличием совести. Или хотя бы осознанием того, что совесть существует...»

Насчет совести коллега Портников прав. Шестидесятники вполне осознают, что она существует. Насчет интервью — не помню. Я обычно правлю интервью. Хочу как лучше, но не всегда получается... Насчет книги — пытаюсь понять. Определенная доза самовлюбленности входит в жанр мемуаристики. Ведь пишешь о себе, любимом. Даже когда пишешь о других. Помните: то, что Петр говорит о Павле, говорит о Петре больше, чем о Павле. От этого никуда не денешься. Я

это чувствую и сейчас, когда пишу эту книгу. Вся штука в дозе, в мере...

* * *

В начале 2001 года «Огонек» востребовал мои мысли относительно лидеров уходящего века. Интервью (№ 3–4, 2001) было опубликовано под сомнительным заголовком «Конец политического театра». И снова (самолюбование?) начинаю с предисловия Михаила Поздняева:

Молодые люди, покидающие вагон метро на станции «Менделеевская» (мы ездим в «Огонек» на остановку дальше, до «Савеловской»), знают, что кафедрой журналистики в их родном РГГУ заведует знаменитый публицист, в недавнем прошлом обозреватель «Известий», в прошлом отдаленном — первый посол России в Израиле, в самом далеком прошлом — работник аппарата ЦК КПСС. Политизированные студенты знают, что преподавательскую работу он совмещает с участием в Комиссии по помилованию. Наиболее продвинутые «архивны юноши» могут знать, что их профессор — один из авторов полного собрания сочинений Л. И. Брежнева. Но чего точно молодым не дано знать — это кем был Александр Евгеньевич Бовин для их сверстника тридцатилетней давности. Для меня.

Тогда на телевидении не было программы «Герой дня без галстука», зато выходила «Международная панорама». Вели ее по очереди лютые бичеватели Запада, тонкие знатоки Востока, надменные завсегдатаи Британских островов и сочувствующие борьбе народов Африки и Латинской Америки — в разной степени циничные, но все как на подбор в строгих костюмах и при галстуках. Один Бовин предстал в зрительнице, примерно раз в месяц, без галстука, в небрежно расстегнутой рубашке в какую-нибудь клеточку, подкручивал ус (таких усов не то что на ТВ — в СССР было тогда всего две пары: у Бовина и у композитора Френкеля), подавался вперед, плавно распространяясь по столешнице, — и начинался театр. То есть остальные политобозреватели не оставляли вам никакой надежды на то, что мир когда-нибудь изменится к лучшему, — Бовин же и всем видом своим, и

добродушной интонацией, и выбором сюжетов, а часто и прямым текстом доводил до вашего сведения: «Ничего страшного. Пройдет и это. Будьте здоровы». Телевизор исчезал — вам казалось, что вы с Бовиным ехали в электричке, вполголоса беседуя «за жизнь». Он был тогда звезда, Бовин. В нем было помаленьку всего, что положено звезде, — фронды, остроумия, шарма, но больше всего — внутренней свободы.

Нет, молодые люди, вам не понять, на встречу с кем я шел в сопровождении фотографа Шерстенникова в наш профессиональный праздник — День российской печати. Бовин долго не соглашался на интервью. О чем говорить? О нем? Он выпустил недавно книгу мемуаров, пишет вторую — читайте. Говорить о политиках? О них почти все уже сказано...

Вот за это «почти» я и уцепился. Значит, еще осталось, о чем поговорить.

— Александр Евгеньевич, на рубеже столетий, будто сговорившись, с политической сцены сошли такие незаурядные фигуры, как Тэтчер, Ким Ир Сен, Коль, Ельцин, Милошевич, Хафез Асад, Клинтон... Много пишут о болезнях Саддама Хусейна, Кастро, Арафата, Иоанна Павла II... Возникает ощущение, что Господь Бог решил устроить генеральную уборку в политическом театре, и следом — опасение, что на сцену выйти-то будет некому: какие-то жалкие статисты станут разыгрывать историческую драму взамен великих «народных артистов»...

— У меня таких ощущений и таких опасений нет. В политической жизни все относительно. Ткните в любую точку хронологической карты — в начало 30-х, в середину 50-х, в 1977 год или в 1703 год — вы увидите почти в точности такую картину... Нет, политики зависят не от «рубежей веков» и не от наших мистических представлений о начале или конце тысячелетий, а от реальной ситуации. XX век, никуда не денешься, был веком революций, переворотов и потому породил такое количество неординарных людей. Вы говорите о лидерах самого конца века, но ведь в этом веке были также Неру, Ленин, Черчилль, Гитлер, Сталин, де Голль, Мао Цзэдун, Тито, Сукарно, Насер... В XIX веке политиков такого масштаба было меньше. Потому что, кроме,

пожалуй, Наполеоновских войн, не было взрывов политической активности.

Вообще говоря, XX век закончился по крайней мере десятью годами раньше календарной даты — с развалом СССР. Лидеры политического театра «бури и натиска» уходят потому, что они человечеству больше не нужны. Вот и все. Время таких «народных артистов» больше не требует, и надеюсь, что в обозримом будущем и не востребует.

— Но разве не может публика политического театра снова начать ностальгировать по «крутым» политикам? Когда год назад на смену Ельцину пришел Путин, многие заговорили о крепкой руке...

— По-моему, это не отражение тоски по великим диктаторам, а новый импульс наболевшего желания порядка. Приход к власти каждого нового лидера на смену прежнему, обманувшему ожидания, дает обязательно такой импульс. Диктатура и порядок — разные вещи. Вспомните: в момент колоссального кризиса президентом США стал Франклин Рузвельт — и навел порядок, не прибегая ни к каким репрессивным мерам. Для возвращения к порядку вовсе не требуется злодей, хотя меры, к которым прибегают злодеи, и эффективнее, и, с поверхностного взгляда, эффективнее, — что подразумевает ваш вопрос. Другое дело — что мы в России привыкли связывать порядок с крепкой рукой и железной метлой, ну так это наша застарелая национальная болезнь.

За всеми столь модными в последнее время разговорами, что-де России нужен свой Пиночет, не стоит ничего, кроме короткой памяти о ГУЛАГе. Люди, говорящие такое, не понимают, что Пиночет мог прийти к власти в определенной ситуации в определенный момент и в определенной стране. Пиночету в России сегодня просто неоткуда взяться...

— Когда мы по телефону в очередной раз договаривались об этом интервью, вы, в частности, сказали, что политик при любых обстоятельствах останется актером. Все более ценимый в политике прагматизм не сужает ли поле для импровизации, непредсказуемых жестов, путающих карты политического противника?

— Сужает. И никакой беды в этом я не вижу. Беда для общества — когда президент может взять и уволить премьера просто так, без убедительных объяснений. В нормальной демократической стране

такое немыслимо. Прагматизм, то есть предсказуемость политиков, — признак стабильности в обществе. Сравните Ленина и Сталина. Первый был склонен именно ко всякого рода импровизациям, рискованным поворотам, а в поведении второго преобладал конечно же холодный расчет.

— Интересно! Я-то думал, что совсем наоборот. Что Сталин крепил свою власть импровизациями, сюрпризами — когда палач, скажем, лишался головы на следующий день после своей жертвы...

— Ну что вы! То, что виделось «сюрпризом», было «домашней заготовкой» политического гроссмейстера. Сталин был стопроцентный прагматик. Спокойный, холодный, рассчитывающий свою игру на много ходов вперед. Ельцин и Путин — пара совсем другого калибра, но и здесь мы видим то же различие. Колоритность Ельцина обусловлена именно его склонностью к импровизации, знаменитой непредсказуемостью, которая всем давно смертельно надоела. Путин куда более предсказуем, склонен к расчету — назовите его холодным, горячим, каким хотите, но к расчету. Разница примерно такая же, как если вы играете не в бильярд, а в шахматы. Путин, кажется, хочет научиться играть в шахматы. Надеюсь, не у Сталина.

— За пять с лишним лет работы послом в Израиле вы часто испытывали удивление от того, насколько ваше предощущение развития событий не совпадало с реальностью, от непредсказуемости поступков лидеров арабского мира?

— Нет. Они давно стали предсказуемы в своей непредсказуемости, так что это никого не удивляет... Убили Рабина — вот была неожиданность. А чтобы Арафат принял стратегическое решение, которое он, с моей точки зрения, не мог принять, — такого не было. Все можно было в те годы просчитать. Да и сейчас можно.

— То есть вы не предвидите там в ближайшее время неожиданных изменений в политике?

— В отношении Израиля — нет. А вот когда уйдет Арафат, возникнет на время на Ближнем Востоке значительная зона неопределенности. Только ведь и там действуют общие законы. Фундаментализм, столь модный и столь пугающий сегодня, не отвечает ни на один из вопросов, которые ставит история перед арабским миром. Значит, уйдет и он как идеология и стиль политической игры. Соответственно и лидеров экстремистского толка сменят политики

усредненного общемирового типа, в этом я убежден. Ибо, когда мы говорим о развитии человечества, нет никакого «китайского пути», «арабского пути», «русского пути» — но есть один-единственный либерально-демократический путь. Пожалуйста, кушайте палочками, вилками, руками, кричите «Аллах акбар!» или соблюдайте день субботний, но политический, социально-экономический, научно-технический путь у нас у всех один.

— Это относится и к тем режимам, которые мы видим в Иране и в Ираке?

— Ну а что мы там видим такого, чего не встречали в истории? Присмотритесь: Иран уже начал эволюционировать в сторону, скажем так, либеральную. В Ираке типичная диктатура, которая никуда вообще не эволюционирует... Ни одна диктатура, что бы ни говорили про Испанию или Чили, не способна эволюционировать. Свержение диктатора — не конец, а начало эволюции. Арабский мир в новом веке будет иным, и делать ставку на режимы, существующие сегодня, глупо. Вопрос лишь во времени и формах — меньше или больше крови прольется. Но и с количеством пролитой крови тоже все относительно...

— ...Верите ли вы, что поступки политических лидеров можно измерить фрейдовским, юнговским или еще каким-либо столь популярным в XX веке аршином?

— Самый подходящий аршин для политиков — политический. То есть не Фрейд и не Юнг, а скорее Макиавелли. Но поскольку политики тоже погружены в психологические пучины, то, пожалуй, Фрейд, настаивавший на биполярности человеческой психики, на ее открытости внешним воздействиям, — более подходящий ключик. Но большинство политиков, по крайней мере наших, Фрейда с Юнгом не читали. Так что они политикам жизнь не портили своими теориями.

— А теория нобелевского лауреата Элиаса Канетти, изложенная в трактате «Массы и власть», работает сегодня?

— Я не отношусь к поклонникам этой теории. Книга местами любопытна, но в целом, по-моему, неглубокая и скучная. Про тоталитарное сознание масс после Канетти столько написано, и гораздо сильнее.

— Вы имели возможность наблюдать сильных мира сего с короткой дистанции. Вас охватывало когда-нибудь подобие

«священного ужаса» или вы чаще боролись с желанием рассмеяться?

— Никакое, даже отдаленное подобие ужаса меня никогда не охватывало, для этого просто не было оснований. Что касается смеха... Нет, и этого, пожалуй, не было. Скорее, были поводы огорчаться по поводу каких-то неумных решений...

— ...Означает ли уход фигур, о которых мы говорим, в небытие, в мемуары, в книги историков, что человечество умнеет?

— Умнеет, безусловно. Все-таки прав был Гегель, говоря, что прогресс — в развитии свободы. Значит — и демократии, несмотря на чудовищные срывы и отступления на пути к ней. Но в целом человечество движется по этому пути. Соответственно требуются другие исполнители, другие харизматические личности, от которых знаешь, чего завтра ожидать... Потому что история производит отбор — естественный, сверхъестественный, как хотите назовите... В 1985 году было много членов политбюро — нужен оказался Горбачев. Человека такого склада востребовало время, а то, что им оказался именно Горбачев, — это, конечно, случайность. В истории случайны лица, а типы — не случайны.

— Я читал, что реальным отцом перестройки был не Горбачев, а Андропов. И если бы продлились его дни, страна пошла бы тем же самым путем.

— Нет, это совсем не так. Страна пошла бы тем путем, каким пошли китайцы: реформы в экономике при полном сохранении руководящей роли партии, при отсутствии демократии. Китайцам это пока удается, хотя не знаю, что у них будет дальше... Боюсь, их ждет «перестройка» посерьезнее нашей.

— С точки зрения историка, та модель политического театра, которая, по вашим словам, должна восторжествовать в мире, — скучнее или интереснее, чем античный или шекспировский театр политических страстей?

— Смотря что вам больше нравится. Чтоб убивали? Вам это интересно? Тогда выбирайте Шекспира... Что интересно людям вообще? По-моему, нет ничего интереснее, чем спокойно жить. И заниматься любимым делом. Этим исчерпываются интересы нормального человека. Ричарду III казалось, что в отношении власти работают интересы прямо противоположные:

Да, звери знают сострадание!
Но я не зверь — его не знаю я...

Тут, конечно, заключена логическая ошибка, но разум в подобных случаях не советчик... Я допускаю, что кто-то может находить упоение «мрачной бездны на краю», но человеку нормальному все-таки свойственно испытывать комфорт, находясь как можно дальше от края пропасти...

— Вы окончили философский факультет...

— Еще юридический. Не доучился на радиотехническом.

— А судьба так повернулась, что вы двадцать лет работали в аппарате ЦК, были политическим обозревателем, потом на дипломатической службе... Возникло у вас когда-нибудь ощущение, что это все не ваше?

— Нет, пожалуй, нет... Нет... Хотя, когда я заканчивал школу, долго колебался, выбирая между физико-математическим и историко-гуманитарным комплексом наук. Выбрал, как видите, на всю жизнь второй вариант. Иногда, редко, но все-таки приходила мысль: «Черт побери! А может, было бы лучше, если бы ты стал математиком?» А в общем — нет, я не жалею, что занимался тем, чем занимался.

— Вы сами кем себя чувствуете: журналистом, дипломатом, ученым? Или, может быть, политиком?

— Только не политиком! Я никогда не был внутри политики, на сцене. Я был или за сценой — как, знаете, есть ария «певца за сценой», — или зрителем в первом ряду партера.

— А возникали предложения выйти на сцену?

— Возникали. Но так же и отпадали.

— Политик — это вообще профессия? Или амплуа?

— Профессионалами должны быть чиновники. А политик должен быть умным и порядочным. Ну, еще здоровым. Я — за молодых политиков, людей, которым 40–50 лет.

— Александр Евгеньевич, а как вам общий неучтивый стиль сегодняшней политической журналистики? Преобладающие лозунги либо «Тушите свет», либо «Сливайте воду», и совсем узкое поле остается для серьезной аналитики, разве не так?

— Если политики дают повод журналистам относиться к себе неучтиво — почему же такой возможностью не воспользоваться...

Жалобы журналистов, что их время от времени политики норовят заузить, не лишены оснований. Хотя меня удручает общий уровень политической журналистики — она резко деградировала. Упор делается не на поиск здравого смысла, а на поиск скандальных фактов. Неучтивость журналиста — материя тонкая, все зависит от мастерства. Работа журналиста должна регулироваться, во-первых, законом и, во-вторых, профессиональной этикой. У нас плохо работают оба регулятора, в особенности второй. Но третьих, четвертых и пятых регуляторов быть не может. К Ельцину можно по-разному относиться, но за десять лет он ни разу не покушался на свободу слова. Бросается в глаза, просто по контрасту, что команда Путина весь год уделяла журналистике излишнее внимание. Вот сегодня День российской печати. Путин встречается в Кремле с ведущими журналистами и, по моим сведениям, что-то важное должен им сказать. Что — я пока не знаю, новостей пока не слушал, потому что готовился к разговору с вами... Вот вы уйдете — послушаю. А там поживем — увидим...

Далее следовало послесловие интервьюера:

«Позировать на фоне Москвы в зимнем окне Бовин отказался: „Я не Наполеон“. Стали собираться в обратный путь: Шерстенников — проявлять свою пленку, я — расшифровывать свою. Бовин сказал: „А я сниму рубашку, надетую ради вас, и пойду есть гречневую кашу с луком“.

Расшифровав разговор, я подумал вот о чем — не знаю, поймут ли меня студенты РГГУ. Да, мир — театр, и люди в нем — актеры. Сказал бы шахтер или монтер — тоже был бы недалеко от истины. Однако нам нравится, что мы все-таки актеры. Мы все больше лицедействуем: политики и журналисты, банкиры и нищие в метро, священники и интернетчики, учителя и ученики.

До чего приятно знать, что по крайней мере один человек сидит в первом ряду партера, подкручивая ус, хмуря брови или усмехаясь, откидываясь на спинку стула или весь подаваясь вперед.

И всегда зная цену всем нашим ужимкам и прыжкам».

К сказанному хотел бы сделать три замечания.

1. В креслах первого ряда партера не положено вертеться, а тем более усмехаться.

2. Давно уже не сажу не только в первом ряду, но и в партере вообще. И билеты слишком дорогие, и смотреть в общем-то нечего.

3. Цену не всем, но многим ужимкам и прыжкам действительно знаю, потому что сам ими занимался.

Все остальное правильно, за исключением утверждения о конце политического театра. В отличие от обычного и даже необычного театра, в отличие от театра Большого или Малого театр политический кончиться не может. Как не может быть закрыт на ремонт или уехать на гастроли. Главная особенность политического театра — качество его спектаклей не зависит от качества актеров. Великолепные актеры могут выдать посредственный спектакль. И наоборот. Посредственные, провинциальные по духу и манере игры актеры могут показать драму или трагедию высочайшего уровня. Последний пример — Беловежская Пуща...

* * *

Без телевидения чего-то не хватало. И когда Ирена Стефановна Лесневская предложила мне поработать на REN TV, я согласился. Ольга Евгеньевна Романова пожертвовала мне десять пятничных минут из своей программы «24 часа».

Замысел хотя и туманный, но был. Взять любое заметное событие недели и через него выйти на какие-либо существенные проблемы, интересные для телезрителей. В ходе предварительных обсуждений я гнул свою старомодную линию: в том блюде, которое мы выдаем аудитории, главное — это кусок мяса, то есть смыслы, значения, а не современный телевизионный гарнир. Я чувствовал, что логика мамонта не очень вдохновляет моих собеседников, живущих уже в другую геологическую эпоху. Но они были максимально тактичны, внимательны и терпимы. Решили попробовать.

Первая передача состоялась 1 февраля 2001 года. Приютила меня, помогала мне, заботилась обо мне Олина команда — шесть дам разных возрастов, характеров и размеров. Я назвал их «гарем». Они не возражали, понимая, что это всего лишь шутка... По линии соприкосновения возникали иногда нюансы, но не более того... Притирались.

Насыщенное внешнеполитическое расписание Путина, растущая вовлеченность России в деятельность G8 («Большой восьмерки»)

приводили к тому, что почти каждую неделю под тем или иным соусом приходилось рассматривать проблемы глобалистики, вопросы, связанные с поиском Россией своего места в глобальной системе мировых отношений.

Трудность заключалась в том, что российское общественное сознание, впитавшее в себя многие мифы сознания советского, было склонно негативно относиться к процессу глобализации. Глобализация рассматривалась как коварный план американского империализма подчинить влиянию Запада, влиянию США мировую политику и мировую экономику.

Приходилось начинать с азов. Приходилось объяснять телезрителям, что глобальная проблема — это такая проблема, решение которой может быть найдено только на путях широкого (глобального) международного сотрудничества. Таких проблем становится все больше. И поэтому все актуальнее, все настоятельнее становится потребность во взаимодействии, в сложении усилий для получения необходимого результата (например, сокращения выбросов углекислого газа). Это — объективная потребность. Она порождена не «коварством» американцев, а ростом техносферы.

Но международное сотрудничество — это (даже при полном равноправии) сотрудничество неравных. Более богатые, более сильные используют свое положение, чтобы стать еще богаче и еще сильнее. Разумеется, и США используют свое уникальное положение. Общество, ушедшее вперед, естественно, получает от глобализации больше, чем Россия или Восточный Тимор. Но это не значит, что надо выступать против глобализма и громить «Макдоналдсы». Это означает, что мировое сообщество должно договариваться о более справедливых правилах игры.

Не следует забывать, что нынешнее уникальное положение США преходяще. Кстати, даже в Америке это понимают.

Глобализацию я бы поставил на первое место среди устойчивых тенденций развития международных отношений в XXI веке. Второй такой тенденцией служит постепенное (и неравномерное) вызревание «центров силы» — «полюсов», если угодно, — за пределами «великолепной восьмерки». Мир дрейфует в сторону многополярности, многополюсности. И опять-таки не потому, что этого кто-то хочет, а потому, что так наш мир устроен.

Отсюда — третья тенденция: снижение роли, удельного веса США в мировой политике и мировой экономике. Нынешнее доминирование Америки (однополюсный мир) является следствием случайного пересечения случайных обстоятельств и, соответственно, будет выветриваться по мере исчезновения этих обстоятельств.

Формирующийся многополярный мир, в котором взаимодействуют несколько центров силы (США, Китай, Европейский союз, Россия, Япония, Бразилия, Индия и т. д.), несравненно сложнее, чем привычный для нас двухполюсный мир и чем нынешний, однополюсный. Следовательно, его «нормальное» функционирование вызовет — будем считать это четвертой тенденцией — нарастание попыток, стремления осознанно регулировать, направлять ход международной жизни.

Первая очередь — предотвращение военно-политических кризисных ситуаций, а коли они возникают — скорейший и максимально безболезненный выход из кризиса. Есть вторая, третья и другие очереди. Они охватывают всю иерархию глобальных проблем.

В рамках четвертой тенденции (управление мировыми делами) неизбежен ренессанс ООН как центральной «управленческой» структуры. По-видимому, предстоит отказаться от послевоенных реликтов (право «вето», состав постоянных членов Совета Безопасности). Демократизм, всеобщность ООН должны как-то скомпенсировать, уравновесить некоторую олигархичность мирового порядка, опирающегося на взаимодействие «центров силы».

В отдаленной, загоризонтной перспективе можно прогнозировать появление мирового правительства.

Здесь я резюмирую, даю сгусток того набора мыслей, который раскладывался по разным передачам, но постоянному зрителю давал более или менее цельное представление о проблеме.

* * *

После 11 сентября на авансцену мирового политического театра ворвалась одна из глобальных проблем — борьба с международным терроризмом. Образование антитеррористической коалиции, с одной стороны, облегчило наше положение в Чечне. С другой — позволило

лучше понять линию Израиля на искоренение палестинского терроризма (вместе с палестинскими террористами, если это диктует обстановка). Но есть и третья, весьма важная сторона — наши отношения с такими государствами, как Иран, Ирак, Северная Корея. В каждом из этих случаев у нас есть свои интересы. Как их соотнести с интересом коалиции, с борьбой против терроризма — общего ответа нет. Конкретные ответы ищет российская дипломатия.

Четкий выбор Путина — вместе с Америкой — оживил дискуссию о месте России в мире. Существуют политические силы, которые склонны рассматривать сближение с Америкой как тактику, как политику, навязанную слабостью России. Но, представляется, целесообразно не ограничивать поле зрения одной Америкой.

Место России — один из «центров силы». Но по контрамарке это место занять нельзя. И вообще занять его непросто. Тем более что прежние, привычные для нас показатели силы изменились в худшую сторону:

- гораздо слабее стали вооруженные силы, включая ракетно-ядерную их составляющую;

- существенно уменьшились территория и население;

- сократилась ресурсная база.

На всех этих классических направлениях пути назад, к «возрождению», закрыты.

Остается путь вперед. Он требует качественных перемен в экономике, политике и психологии.

Начну с психологии. Необходимо решительно отказаться от «комплекса сверхдержавности». В данных условиях это форма комплекса неполноценности. Избавиться от сверхдержавных амбиций невероятно трудно. В каждом Путине сидит свой Проханов. И все-таки, если мы не хотим оскандалиться, надо оставить Проханова в прошлом. Россия вполне тянет (если умные люди ее вытянут) на одну из нормальных, рядовых великих держав. И хватит.

В политике желателен переход от имитации демократии к действительной демократии. Я плохо вижу эту проблему. Может быть, следует начинать с самоуправления...

В экономике Россия находится где-то в середине XX века. Доминирует экспортная модель. Все разговоры об экономическом росте уводят от главного — растет не то, что нужно.

Мы проспали постиндустриальную эпоху. Мотором, двигателем производства стали научные знания. Стремительно растет роль носителей такого знания, вообще — человеческого фактора. Эта истина уже стала банальностью. Но эта банальность не стала, к сожалению, стратегией. Структура экономики не меняется.

Затраты на оборону примерно в десять раз превышают затраты на науку.

Заработная плата ниже 3 долларов в час не обеспечивает даже простого воспроизводства рабочей силы, то есть ведет к деградации трудового потенциала. А у нас — 1,7 доллара. О каком «человеческом факторе» может идти речь?

Доля мелкого бизнеса: Япония — 53 процента, США — 51 процент, Великобритания — 51 процент. В России — 11 процентов. А ведь эти цифры — показатели экономической инициативы. Мы сами преграждаем ей дорогу.

Беда не в том, что наличествуют все эти минусы. Беда в том, что нет стратегии, направленной на развитие плюсов.

Если такой стратегии не будет, мы потеряем шансы стать даже рядовой великой державой.

Еще раз хочу подчеркнуть: я не пересказываю здесь какую-либо одну передачу. Я пытаюсь восстановить своего рода смысловой шампур для многих передач, шампур, на который нанизывались конкретные сюжеты, измеряемые недельным масштабом.

Конечно же современное, продвинутое телевидение, телевидение дизайна и ток-шоу, предпочитает — вместе с большинством телезрителей — сочные подробности. Но я изменил бы самому себе, если бы перестал работать с меньшинством, которое предпочитает видеть движение мысли, участвовать в нем. Руководство REN TV понимало меня и не вмешивалось в содержание передач.

Поскольку эту книгу, которую вы сейчас читаете, мне нужно было сдать в издательство в начале сентября 2002 года, в конце апреля я покинул REN TV и «Радио России» и плотно уселся напротив компьютера. Договорились так: если к сентябрю у радио и телевидения сохранится желание со мной сотрудничать, то я готов вернуться. Сегодня 25 августа. Мне осталось совсем немножко. Что касается радио, то я уверен, что меня там ждут. Что касается телевидения, такой

уверенности нет. Допишу этот абзац сразу после разговора с Иреной Стефановной... [\[31\]](#)

Играющий тренер

С осени 2000 года в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) открывался факультет журналистики. Мне предложили попробовать себя в новом качестве. Поскольку в «Известиях» дышать становилось все труднее, я принял предложение.

РГГУ был образован Юрием Николаевичем Афанасьевым на базе историко-архивного института. Гуманитарные знания в широком диапазоне плюс современный уровень образования.

Мы были знакомы, но шапочно. Не делом, а словами. Я воспринимал Афанасьева как одного из лидеров и кумиров демократического крыла перестройки. Который, как все это крыло, оказался в стороне от власти. РГГУ был своего рода компенсацией. Он как бы заменил разбитое корыто перестроечных надежд, стал местом приложения нерастраченной энергии и долго вынашиваемых идей. Во всяком случае, я мог предположить, что в университете, где командует Афанасьев, можно будет дышать полной грудью.

Бюрократическая фантазия, даже у демократов, неисчерпаема. В рамках РГГУ существует Институт массмедиа (директор — Александр Германович Васильев). В этом институте и был создан факультет журналистики (декан — Захар Аменакович Асоян). А на этом факультете — кафедра журналистики. Вот эту кафедру — пока без людей и без помещения — мне и предложили возглавить. Приказ ректора гласил: зачислить Бовина А. Е. «на должность профессора кафедры журналистики с 22.09.2000 с последующим прохождением по конкурсу. Установить 16-й разряд оплаты труда ЕТС и доплату за ученую степень кандидата философских наук в размере 3 минимальных размеров оплаты труда. Возложить исполнение обязанностей заведующего кафедрой с доплатой 20 процентов основного должностного оклада за заведование кафедрой». Получалось примерно 7000 рублей.

В первый год у нас уже было три курса. Один — свеженабранный, а еще два — собранные из добровольцев, перешедших с других факультетов. Мне достался третий курс: 18 девочек и 2 мальчика. Достался в том смысле, что я должен был читать им «Введение в журналистику».

Естественно, еще летом я стал знакомиться с литературой, по которой журналистов учат журналистике. Первое впечатление: реальная журналистика, работающие журналисты — отдельно, а те, кто учит, — отдельно. Все то, что можно было объединить под титулом «теория журналистики», представляло собой либо набор банальностей, либо какие-то вымученные, далекие от журналистской практики построения. Возможно, мне не повезло, и я наткнулся не на те книги.

Приведу пример. Г. В. Лазутина. Основы творческой деятельности журналиста. «Аспект Пресс», 2000. Автор рассуждает об особенностях организации журналистского текста. Рекомендует использовать изобретение психологов «дитекс» (диаграмму текстовых смыслов). Суть дитекса излагается следующим образом: «Он являет собой передаваемую через систему координат относительно объективную картину текста как выраженного в знаках, отграниченного, организованного единства некоторого множества микросмыслов. Последовательность микросмыслов, определяемых автором методики как текстовые элементы, обозначается на оси абсцисс, отражая семантическую длину текста. Последовательность смысловых слоев, объединяющих микросмыслы одного информационного уровня, обозначается на оси ординат, отражая семантическую глубину текста. Координатой отдельного текстового элемента оказывается точка пересечения перпендикуляров, восстановленных из данной абсциссы и ординаты. Соединяя координаты текстовых элементов прямыми линиями, мы получаем графическое изображение смысловой динамики текста, „заложенной“ в него создателем. При этом становятся наблюдаемыми (и в принципе даже доступными измерению) важнейшие качества текста, обычно определяющиеся „на глазок“: его глубина, плотность, целостность, логическая полноценность, доказательность» (с. 100).

Внеся ясность в методику работы с дитексом, Г. В. Лазутина на следующей странице протестует против примитивного понимания единства содержания и формы. Для понимания не примитивного

привлекается академик Лосев: «Он выдвинул тезис: выражение сущности, или форма, по своему бытию ничем от самой сущности не отличается и потому есть сама сущность. Противопоставил ему антитезис: выражение, или форма, сущности отлично от сущности, так как предполагает нечто иное, что есть кроме сущности. И вывел синтез: выражение, или форма, сущности есть становящаяся в ином сущность; вот — потенция и залог всяческого функционирования сущности, в которой отождествлен логический смысл с его алогической явленностью и данностью...» (с. 101).

Не все страницы книги Г. В. Лазутиной столь глубоки. Многие написаны проще, понятнее, яснее. Но — зачем?

Мне довольно часто приходится иметь дело с журналистскими текстами, своими и чужими. Теперь понимаю, что оценивал их «на глазок» и что сам не додумался отождествить логический смысл с алогической явленностью. Ну, мне уже поздно переучиваться. А как быть со студентами? Г. В. Лазутина работает на факультете журналистики МГУ. Там же трудится и Е. П. Прохоров, книга по теории журналистики которого впечатляет не менее, чем книга Г. В. Лазутиной. Известно, что факультет журналистики МГУ может быть назван базовым по отношению ко всем заведениям, где готовят журналистов. Этот факультет окончили многие ныне блестящие журналисты, которые впитывали теорию журналистики по книгам указанных и похожих на них авторов. Следовательно, или такая теория нужна, или она не вредит становлению хороших журналистов.

Сделав такой вывод, я успокоился. Пусть студенты учат теорию журналистики по тем учебникам, которые существуют и апробированы в МГУ. Трудно, скучно, но справиться можно. Сам же я попробую дать введение в журналистику, не претендуя на теоретические глубины.

* * *

Стержневой идеей своего курса поставил мысль Анатолия Абрамовича Аграновского, по-моему, самого мощного советского журналиста послевоенного времени: «Не тот журналист хорошо пишет, кто пишет хорошо, а тот, кто хорошо думает». Пытался учить студентов не журналистике, а умению думать. Внимательно следили за прессой и

телевидением. Анализировали наиболее удачные или неудачные материалы. Сравнивали разные творческие манеры. Занимались классикой: что такое хорошо и что такое плохо? Откладывали на оси абсцисс совесть, а на оси ординат деньги. Студенты рисовали свои автопортреты.

Попросил написать сочинение: «Мой любимый журналист и мой нелюбимый журналист» (по абзацу на каждого). Получилось любопытно. Даже опубликовались (Профессия — журналист. 2001. № 1).

16 человек назвали 16 фамилий. Если каждое упоминание приравнять к очку, к баллу, то максимальное число баллов (по семь) получили С. Доренко и Е. Киселев. Но качество баллов разное: у Доренко три плюса на четыре минуса, а у Киселева лишь один плюс на шесть минусов. По три очка у В. Шендеровича (плюсы) и Н. Сванидзе (два плюса и один минус). По два балла у Л. Парфенова (плюсы) и А. Любимова (плюс и минус). Из упомянутых по одному разу назову А. Невзорова (минус) и С. Сорокину (тоже минус). Так что самым любимым оказался Шендерович, а больше всех минусов набрал Е. Киселев.

А теперь — выдержки из текстов, опубликованных в журнале.

Анна Кулешова: «Переделывая известную фразу, хочется сказать: журналисты всякие нужны, журналисты всякие важны. Мне, например, совсем не нравится Доренко, но ведь кому-то он симпатичен. Даже соглашусь, что он очень эффективно и продуктивно работает. Следовательно — профессионал. А вот морально-этические принципы распространяются исключительно на меня... Не нравится — не делай, как он. Разве кто заставляет? Поэтому очень сложно говорить о том, что кто-то из популярных сегодня журналистов категорически не нравится. Вообще очень люблю одну старую поговорку: не можешь ничего хорошего сказать — лучше молчи. Все выполняют свою работу и востребованы определенным кругом людей. Значит, они состоялись в своей профессии.

Вот о тех, кто нравится, писать куда более приятно. Люди эти мне изначально более близки по духу. А я, должна признаться, на дух не переношу скукоту, показушность и продажность. Но когда я вижу, что человек подходит к проблеме нестандартно, да еще и с чувством юмора, сразу настроение улучшается и становится очень интересно.

Нет, в самом деле, как можно рассуждать о современной действительности, кроме как с чувством юмора? Попробуешь иначе — закончишь визитом в „маленькую психиатрическую больницу“. Так что остается смотреть на вещи с иронией. Например, как Юля Калинина или Виктор Шендерович (мои любимые журналисты)... Может быть, мне просто надоели глупости, которые говорятся и совершаются с серьезными лицами, и поэтому стала больше верить смеху».

Кристина Куликова: «Среди последней плеяды журналистов, привлекающих особое внимание зрительской аудитории и резко выделяющихся на фоне остальных, назову Сергея Доренко. В репортажах этого журналиста всегда присутствует интрига, заставляющая телезрителей глубоко вникать в смысл освещаемых проблем и невольно становиться соучастником происходящих событий. Четко и логично построенная речь, особый способ выбора выражений позволяют создать подлинный эффект доверия у слушателей.

С присущей смелому журналисту прямоотой Доренко не боится вступить в полемику со своим оппонентом по любым вопросам. Для него не существует запретных тем, а удачные журналистские находки делают практически невозможными или малоубедительными доказательства его оппонентов.

Доренко, в отличие от многих своих коллег по ТВ, открыл новое направление в журналистике, сломал существующие стереотипы закрытости, консерватизма и цензуры слова времен социализма. Единственная проблема: общество оказалось не готово принять такие правила игры, совершить революцию в области свободы слова.

С другой стороны, на ТВ существует большое количество журналистов, деятельность которых, по моему мнению, не только является слабо профессиональной, но и приводит к появлению у зрителей излишней антипатии. К таким я отношу журналистов, работающих с целью формирования у общества особого мировоззрения по соображениям политического заказа... Как правило, у этих людей не существует собственного лица, они лишены возможности вести прямой и открытый диалог с телезрителями и зажаты рамками политической борьбы. К таким я отношу Сванидзе, Любимова и т. д.

Трудно представить себе потенциал этих людей в условиях свободы слова, отсутствия конъюнктуры и политического заказа. На

мой взгляд, телезрители просто потеряют к ним всякий интерес, и на смену им придут новые журналисты, такие как Доренко».

Туяна Ильина: «Думаю, что не у меня одной Сергей Доренко вызывает неприязнь. Я отдаю дань его смелости, граничащей с наглостью, и знанию испанского и португальского языков, но вместо ведущего аналитической передачи я вижу обыкновенного деревенского коновала. Доренко создает черно-белую картину окружающего нас мира на цветном телевидении. На мой взгляд, он в большей степени информационный продюсер. Доренко прекрасно владеет законами информации (в свое время он работал в испанской редакции CNN). Но информация, какой бы она ни была, не должна преподноситься зрителям на полном негативе».

Мила Лейбишкис: «Мне никогда не нравились слишком активная напористость и безапелляционность Доренко. Но верхом разочарования для меня стали его „предвыборные“ программы, где главной мишенью его откровенно заказных нападок стал Юрий Лужков... Как мне кажется, эти программы Доренко — типичный, как любят сейчас говорить, „черный PR“. А это в журналистике — самое последнее дело».

Юлия Ткаченко: «Доренко — один из тех журналистов, которые говорят то, что думают сами, причем в довольно жесткой и иронично-язвительной манере. Программа Доренко, при всех различных претензиях к ней, все-таки была серьезной программой, которая не стала „пешкой“ власти... В его программах видна планомерная и тяжелая работа над материалом».

Несколько выразительных характеристик Е. Киселева.

Татьяна Горохова: «Этот человек многим не нравится. И главным образом из-за ужасных интонаций и косноязычности. Кроме того, Киселев пытается показать своим зрителям, что он ну очень умный (что в большинстве случаев заставляет в этом усомниться), поэтому выстраивает такие огромные предложения, что становится непонятно, что он хочет сказать. Кажется, и сам он иногда теряет нить рассуждений, путаясь в большом количестве сложно-подчиненных предложений».

Но и это можно пережить. Основные причины, по которым он мне не нравится: 1) отсутствие своей позиции, своего взгляда на события. Создается впечатление, что он „пляшет под чужую дудку“; 2) он не

умеет слушать. У него не хватает терпения выслушать противоположную точку зрения. Когда он вел передачу „Глас народа“, то высказываться там могли лишь те люди, которые с ним согласны. Кстати, эту эстафету приняла Светлана Сорокина.

На мой взгляд, этого не должно быть. Я считаю, что журналист для того и работает, чтобы показать несколько взглядов на одну и ту же проблему. А уж зритель, читатель, слушатель сам определит, что ему ближе. Дело журналиста — максимально полно подавать информацию. Обеспечивать общество разносторонней, разноплановой информацией. А не говорить только то, что устраивает лишь тебя и твоего работодателя. Надо постепенно приучать людей думать и анализировать. Может быть, тогда у нас что-то изменится.

Для себя решила искать свой стиль в журналистике. Я хочу быть сама собой».

Надежда Кружкова: «Я уже не помню, каким Киселев был раньше, но с тех пор, как он перешел в разряд „великих журналистов“, смотреть на него стало просто тоскливо. Похоже, он перестал тщательно готовиться к передачам, полагаясь на свою репутацию. А на деле он не всегда может четко и ясно выразить свои мысли и поэтому уходит в пространные рассуждения, отвлекающие внимание от основной темы. В целом мне не нравятся ни его манера изложения, ни его излишняя самонадеянность и напускная важность».

На «ура» шел Шендерович. «Я просто обожаю Шендеровича! — восклицает Елена Стобун. — Так точно и язвительно отразить политическую жизнь страны не сможет, наверное, никто. У него совершенно нестандартный взгляд на происходящие события. Да, я не всегда согласна с Шендеровичем. Иногда он перебарщивает, специально выставляет тех или иных политиков в смешном свете, намеренно вырывая куски из их выступлений, которые вне контекста приобретают совсем другой оттенок. Но его передачи всегда очень веселые, интересные, оригинальные, а главное — актуальные».

Виктория Машкина об Александре Любимове: «Для многих Александр — человек близкий по духу, единомышленник. Его передачи, посылно решающие многие социальные проблемы, не только поддержка и помощь просящим, но и наглядный пример властям предрержащим, которые, обладая гораздо большей сферой управления, обладают, соответственно, большей возможностью принести пользу...

Преимущество Любимова в том, что он всегда имеет свою точку зрения, не старается соответствовать высокорейтинговым направлениям мнений».

Ольга Баль об Александре Невзорове: Его передачи «поражают своей кровавостью... Просто не хватает сил воспринимать это как реальность. Содержание его репортажей переполнено отвратительными сценами, которые человека с нормальной психикой просто выводят из состояния равновесия... Складывается впечатление, что он пытается не рассказать о трагедии, не поставить вопрос, а поразить зрителя, ввести его в состояние ужаса, паники. Мне кажется, что таким образом нельзя преподносить информацию, даже если ты говоришь правду. Факты просто теряются за кошмарными сценами, и зритель перестает ощущать проблему. Только ужас, только страх...»

Татьяна Мартынова об Андрее Караулове: «Подтянутый, представительный мужчина — все как надо. Среднего роста, но всегда старается вытянуться (стать выше) и посмотреть на собеседника сверху вниз. Так мне показалось. Бурно жестикулирует и отдает распоряжения. На съемочной площадке и на экране — он в своей стихии, он царь и бог... Безусловно, Караулов очень тщательно и профессионально готовится к своим программам, подбирает материал — это большой плюс. Но он строит беседу соответственно своей внутренней установке, той „истине“, которую он определил для себя. Но это совершенно не значит, что она правильна. Мне неприятно, что он давит и навязывает свою точку зрения собеседнику, постоянно перебивает и сбивает с толку... Он делает себя героем программы, красуется и показывает свою эрудицию».

В заключение — Александр Самсонов: «Посидев на прошлой лекции и послушав работы своих однокурсниц по поводу их любимых и нелюбимых представителей второй древнейшей, хотелось бы сказать несколько слов в защиту объектов их колкостей.

В основном их критике подверглись Киселев и Доренко. Мне сразу подумалось: если бы они были здесь и сейчас, смогли бы девушки так же „умело“ их критиковать? Их, которые сделали себе карьеру, которых очень многие знают, которые имеют определенный авторитет, вес в России, к мнению которых прислушиваются. У этих людей есть способы воздействия на сознание масс, выработанные приемы

журналистского творчества. Неужели с какими-то дефектами речи, отклонениями, малообразованностью они до сих пор работали бы на телевидении, где все решают деньги, причем даже не всегда государственные.

Про себя могу сказать, что у меня нет любимого журналиста, как нет и нелюбимого. Я не подразделяю журналистов таким образом. По моему, существуют профессионалы и дилетанты. А такие мастодонты сегодняшней журналистики, как Доренко, Киселев, Сванидзе, — это, несомненно, мастера своего дела.

Говорить о журналистской этике в наше время, когда почти все решают деньги и связи, считаю неуместным. Все равно каждый поступает так, как подскажет разум. Можно, конечно, выстроить вокруг себя дополнительные колючие проволоки из морально-нравственных поучений. Но так не заработаешь денег, не сделаешь карьеру. Здесь нужно самое простое (а может быть, самое сложное) — выбрать то, что тебе нужно в этой жизни.

P. S. Оставляю за собой право изменить свое мнение».

Для меня, как понимает читатель, были важны не симпатии и антипатии студентов (хотя и это интересно), а умение оперировать мыслью, то есть доказывать, спорить, сравнивать, опровергать, соглашаться и т. п. И, разумеется, идеологический, мировоззренческий подтекст всего разговора (совесть или деньги). Если предположить, что в студенческих работах нашли отражение мои старания на занятиях, то, надеюсь, три с хорошим плюсом я заслужил...

* * *

В целом учебный год кончился не в мою пользу. Процесс преподавания меня не захватывал. То, что я считал важным, нужным, можно было объяснить за пятнадцать — двадцать минут. А говорить-то надо было часами...

Возможно, на моем тонусе негативно сказывались события вокруг Комиссии по помилованию (о чем — ниже).

Часто вспоминал Ленина: лучше революцию делать, чем писать о ней. Не уходил с поля — печатался, выступал по радио и телевидению.

Играющий тренер, в общем... Но беда в том, что игра продолжала восприниматься как главное, основное, а тренировки — как время, мешающее игре, отвлекающее от игры.

30 июля 2001 года я подал Афанасьеву заявление:

«Проработав один год в РГГУ, я понял, что взялся не за свое дело. Не получается у меня с преподаванием журналистики. Мне это не интересно. Каждая лекция дается с трудом, через силу.

Жаль уходить из коллектива прекрасных, хорошо меня встретивших людей. Но уж больно невмоготу работа. Поэтому убедительно прошу освободить меня от заведования кафедрой и уволить из университета».

Афанасьев не был удивлен: «Думал, что ты раньше с этим придешь». Долго говорили. Он все-таки просил не торопиться с выводами, продолжить эксперимент. И я согласился.

На новый учебный год я предложил спецкурс «Журналистика глазами журналистов» (мастер-класс?). Идея: чтобы студенты видели «живьем» известных мастеров, чтобы они им могли задать свои вопросы и услышать их ответы.

Я очень признателен коллегам, которые откликнулись на мой призыв.

* * *

Иногда развлекались с пользой для журналистики. Например, надо было ответить письменно на вопрос: «Как можно молчать?» Два ответа можно считать типовыми:

— как зверь перед прыжком и — как нечто перед бурей (грозой etc).

Дальше начиналась фантазия:

— как испепеленный, обесчещенный город, лишенный неприятелем всех своих жителей (2 — это моя оценка);

— как отец, которому секунду назад сообщили, что его 15-летняя дочь — его радость, его гордость, его солнышко — забеременела от его же коллеги-собутельника (2);

— как молчит каждая бесталанная картина (4+);

— как маленький обидевшийся ребенок (5);

- как чашка горячего сладкого чая в промозглый осенний день (2);
- как сон глухонемого (4+);
- как старый мотороллер, разобранный на детали (3+);
- как стол с подпиленными ножками (2);
- как мартовский кот зимой (1-е место!);
- как Млечный Путь (3);
- как после бодуна (1 — молчат во время бодуна!);
- как старый заброшенный замок на одном из скалистых утесов, омываемых бушующим океаном (2);
- как ромашковое поле в безветренную погоду (3);
- как вечность (5);
- как ружье после выстрела (4+).

Здесь представлена примерно десятая часть ответов. Самым интересным было обсуждение. Я даже собрался было написать небольшое эссе психологического плана (отталкиваясь, если кто помнит, от «Молчания доктора Мурке»), да времени не хватило. И, может быть, куражу...

* * *

В качестве курсовой принимал отзывы на знаменитое в те дни «Зазеркалье». Избранные места опубликовали (Профессия — журналист. 2002. № 1).

* * *

Летом 2002 года, освободившись на пару дней от своих мемуарных галер, я присоединился к команде, принимавшей вступительные экзамены по литературе. Экзамены были такие: абитуриентам показали телеочерк «У войны не женское лицо» (по мотивам Алексиевич), и они должны были изложить свои впечатления на бумаге. Сначала изложение попадало в руки русистов и уже с их отметкой — к нам.

Беда с языком! Просто беда! Элементарные ошибки стали нормой. Сплошь и рядом интересные мысли, приличная логика, умение

составлять из слов предложения сводились на нет чудовищной безграмотностью. Кого-то удавалось «отвоевывать», на свою же шею...

Теперь у меня будет пятый курс (тот, с которым я начинал). Буду читать «Актуальные проблемы современности и журналистика». Какие именно проблемы? Определим вместе со студентами по ходу дела.

Эксперимент «играющий тренер» продолжается.

* * *

Я полагал, что моя нервная система давно уже приучена не быть нервной. Но ошибся. Переоценил. Почувствовал это, когда на трудности «абсорбции» в РГГУ наложились завихрения вокруг Комиссии по помилованию.

По порядку.

Весной 1999 года в Доме ученых (там был какой-то итальянский прием) мы сидели вместе с Анатолием Игнатьевичем Приставкиным, пили красное вино и обсуждали всякие разноцветные дела. Приставкин стал знаменит после романа «Ночевала тучка золотая...». Наши пути практически не пересекались, и я даже не знал, что Анатолий Игнатьевич возглавляет Комиссию по вопросам помилования при Президенте РФ. Теперь вот узнал. На свою голову.

Взыграло во мне что-то юридическое, и я согласился принять участие в работе комиссии. Возникла симметрия: было время, когда я сажал в тюрьму, пришло время выпускать из тюрьмы. Согласился и ждал вызова в Управление кадров. Но — нет. Позвонил Приставкин и пригласил прямо на заседание. Оказывается, по договоренности с президентом, комиссия пополняла сама себя, минуя бюрократические структуры. На первых 2–3 заседаниях я имел совещательный голос — мог принимать участие в обсуждении, но не мог голосовать. Комиссия присматривалась. Если возражений не было, направляли бумаги президенту и ждали приказ. Приказ о моем включении в комиссию Ельцин подписал 28 июня 1999 года.

Администрация предоставляла комиссии комнату для заседаний (там же — кабинет Приставкина), чай и бутерброды в день заседания (так как мы работали часов по шесть, минимум) и автомобиль для председателя. Зарплату мы не получали. По-моему, это был

единственный случай во всей системе управления, когда регулярно работающий орган оказался вне бюрократической, чиновничьей опеки. Как предвосхищение будущего гражданского общества.

В комиссии было 15–17 человек. В последнем составе было 6 юристов, 4 литератора, 2 научных работника, 2 журналиста, священник, врач и режиссер. Из них только двое представляли аппарат, один был членом Думы («Яблоко»).

* * *

Помилование, то есть внесудебное освобождение от наказания или смягчение его, — древний институт. Он возник как прерогатива монархов. Он сохранился как право, принадлежащее главам государств.

В Советском Союзе этим правом обладал президиум Верховного Совета СССР. Насколько мне удалось выяснить, четыре раза в год председатель президиума собирал своего рода «экспертов по помилованию». К ним относились министры внутренних дел и юстиции, генеральный прокурор, председатель КГБ и, кажется, один представитель «творческой интеллигенции». Нетрудно догадаться, что случаи помилования имели единичный характер и касались, как правило, приговоренных к смертной казни. Кандидатуры отбирались аппаратами указанных ведомств и утверждались на политбюро.

В России правом помилования Конституция наделяет президента (п. «в» ст. 89). Причем, в отличие от Конституций советских (1936 и 1977 годов), российская Конституция право «просить о помиловании» предоставляет каждому осужденному (ч. 3 ст. 50). То есть инициатива помилования идет не сверху вниз, как было прежде, а снизу вверх. Практически — это тысячи и тысячи просьб о помиловании, адресованных президенту. Соответственно, возникла потребность и в новом, демократическом механизме обработки этих просьб и их доведения до президента.

Так появилась Комиссия по вопросам помилования. Ельцин создал ее в 1992 году. Первое заседание состоялось 6 марта. Первым (и последним) председателем был Приставкин. Все десять лет комиссия находилась за пределами аппаратных игр и бюрократических разборок.

За это время сложился, на мой взгляд, достаточно эффективный механизм подготовки материалов для президента.

Первое звено — администрация исправительного учреждения. Она обязана принять от осужденного (от любого осужденного) просьбу о помиловании и вместе со своим заключением, а также другими необходимыми документами направить (обязана направить) просьбу в Администрацию Президента.

Второе звено — Управление Президента РФ по вопросам помилования. Обязанность управления, которое укомплектовано квалифицированными юристами (около сорока человек), — первичная обработка, «сортировка» просьб о помиловании. Те просьбы, которые, с точки зрения юристов управления, имеют шанс на помилование, вносятся на рассмотрение комиссии.

Третье звено — эта самая комиссия. Окончательный отбор и подготовка рекомендаций для президента. Еженедельно из управления поступало примерно двести просьб о помиловании. Точнее, поступали не сами просьбы, а обстоятельные справки на каждую просьбу с указанием всех данных (судимости, семейное положение, состояние здоровья, поведение в местах заключения и т. д.), которые необходимы для принятия решения. При необходимости мы знакомились с делом.

Каждый член комиссии брал бумаги домой и там изучал их. По себе знаю: 2–3 часа в день тяжелейшей работы. Тяжелейшей, потому что погружаешься в мир, где остается слишком мало человеческого. По вторникам — общий сбор. Долгие дискуссии, споры, психологические изыски. «Разгадать», понять преступника, человека, который просит президента о милости, ответить на вопрос: можно ли верить ему? Этим и занимается комиссия. Старались добиваться консенсуса. Не получалось — решение принималось простым большинством.

Положительные решения (освободить или сократить срок) служили рекомендациями президенту. Президент мог согласиться, мог внести коррективы — и тогда он подписывал указ о помиловании. Если не соглашался, просьба о помиловании считалась отклоненной. Так работали почти девять лет. Ельцин верил комиссии, разделял ее подход к помилованию.

Перемены почувствовались осенью 2000 года. Между президентом и комиссией возник фильтр в лице заместителя руководителя администрации бывшего генерала КГБ Виктора Петровича Иванова.

Ему, как я понимаю, было поручено доводить до сведения президента рекомендации комиссии. А до сведения комиссии было доведено, что президент отказывается применять помилование к убийцам и вообще к лицам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления.

В аппарате это прозвучало как «Фас!». Министерство юстиции дало указание на места «резко сократить» количество ходатайств о помиловании. Практически это означало, что министерство ориентирует администрацию исправительных учреждений на нарушение Конституции. Сработало: уже через месяц количество прошений о помиловании, поступающих в управление, а значит, и в комиссию, снизилось примерно в 10 (десять!) раз.

Окружающий президента чиновный люд атаковал комиссию по двум главным направлениям.

1. Комиссия чрезвычайно широко трактует помилование, неоправданно рекомендуя применять его даже к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления. Да и вообще, помилование следует рассматривать как акт «исключительного порядка».

2. Комиссия состоит из людей, далеких от практической юриспруденции; поскольку члены комиссии не состоят в штате и не получают вознаграждения за свою работу, они не чувствуют надлежащую ответственность за принимаемые решения.

Попробуем разобраться.

За время своей работы комиссия рекомендовала помиловать около 57 тысяч человек. Это много или мало? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вписать приведенную цифру в российский лагерно-тюремный контекст.

В нашей стране проживает одна сороковая часть всего человечества. Однако у нас сосредоточена одна восьмая часть тюремного населения Земли. Если, например, в Европе на каждые 100 тысяч населения приходится 16–18 заключенных, то в России — примерно семьсот. Потому что — в частности и в особенности — российское правосудие по традиции имеет карательный, репрессивный, «сажательный» характер. Из ста приговоров только два оправдательных (на Западе — двадцать). Сажаем кого ни попадя. Сажаем почем зря. За всякие мелочи, за случайные срывы.

Ладно бы, если бы «исправительные учреждения» действительно исправляли. Да беда в том, что не исправляют. Большинство

заклученных содержатся в варварских условиях. Смертность в «исправительных учреждениях» в 30 раз выше, чем на воле. Заболеваемость туберкулезом выше в 60 раз. Этот «скотский образ жизни» (так, кажется, сказал Путин, посетив «Кресты») превращает тюрьмы и лагеря в базы по переподготовке преступников, в рассадники инфекционных болезней.

Мы были убеждены: чем дольше находится человек в стенах «исправительного учреждения», тем больше шансов, что он выйдет оттуда созревшим для новых преступлений. И поэтому комиссия сознательно стремилась по возможности расширить сферу помилования, чтобы спасти, сохранить для общества больше людей, особенно молодых.

Вернемся к цифре 57 тысяч. В расчете на десять лет это примерно один процент всего тюремного населения за этот период.

Между тем европейская «норма помилования» колеблется от 5 процентов (Великобритания) до 10–20 процентов (Германия, Нидерланды и др.). Предлагается еще более увеличить и без того большой разрыв. А это значит, что в тюрьмах и лагерях будут содержаться десятки, если не сотни тысяч случайно, по несчастью попавших туда людей, многие из которых перекуются в настоящих преступников. Мы этого хотим?

Среди помилованных действительно есть тысячи людей, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, скажем, убийцы и грабители. И тут в дискуссию включаются эмоции. Как можно выпускать на волю убийц?! Как можно снижать наказание разбойникам и грабителям?! Людей, которые так подходят к проблеме, — а к ним, говорят, относится и наш президент, — таких людей можно понять. Но нельзя превращать эмоции в решающий аргумент.

Здесь не работают формальные правила. Здесь каждый случай индивидуален. Но есть общий фон. Сколько в России несчастных, спившихся людей, людей, выбитых из привычной жизненной колеи хаосом перестроечных и послеперестроечных лет, людей, опаленных Афганом и Чечней? Сколько голодных, беспризорных детей? Сколько по России пьяных, бессмысленных драк, семейных, опять же пьяных трагедий? Сколько юных «гангстеров», насмотревшихся рейтинговых фильмов? Этот фон «отвечает» за статистику. За человека отвечает человек. Поэтому в каждом конкретном случае — будь то убийца или

грабитель — мы исследовали индивидуальное стечение обстоятельств, приведшее человека на скамью подсудимых, познакомились с его жизненным путем, семейными делами, пытались, если угодно, заглянуть ему в душу. Заглянуть, чтобы понять, опасен он для общества или нет. И если приходили к выводу, что не опасен, рекомендовали помиловать.

Ошибались ли мы? Да, ошибались. Каждый из помилованных, который вновь совершает преступление, — наша ошибка. Из всего количества помилованных таких — рецидивистов — 9,4 процента. Тут мы просчитались. Но вот что интересно. Этот показатель в четыре раза меньше, чем общий уровень рецидивизма. И в три раза меньше, чем уровень рецидивизма среди амнистированных. Задача для психолога. Видимо, помилование делает какую-то зарубку в душе, которая помогает удержаться по эту сторону «зоны».

Теперь о составе комиссии. Дело не в том, сколько в ней юристов. Меньше всего комиссия занимается юридическими вопросами. Мы не ставили под сомнение правильность вынесенных приговоров. Мы руководствовались не Уголовным кодексом, а кодексом совести. Милосердие выше права, над правом. Ведь президент не рассматривает вопрос: правильно или неправильно осужден данный человек. Президент рассматривает совсем другой вопрос: заслуживает ли этот человек милосердия, можно ли его помиловать?

Допустим, что в Министерстве юстиции, как и в других правоохранительных органах, работают великолепные юристы-профессионалы. А как насчет жалости, милости, сердобольности? Боюсь, что профессионализм крепких профессионалов не распространяется на эту сферу. А для комиссии эта сфера являлась решающей. И мне представляется, что она гораздо ближе деятелям культуры, чем работникам милиции, прокуратуры, суда.

Я до сих пор не могу понять, уяснил ли Путин смысл всей этой возни вокруг Комиссии по помилованию. А смысл был простой: чиновникам, новой свите не нравилось, что где-то рядом существует независимый, живущий по своим правилам организм, которым нельзя командовать. И они уговорили президента ликвидировать комиссию.

Был, правда, один случай, когда Путин проявил инициативу. Посадили и осудили американского шпиона Эдмонда Поупа. Наверняка

Вашингтон и Москва договорились спустить дело на тормозах. 7 декабря 2000 года Поуп обратился к президенту.

«Уважаемый президент Путин,
я прошу Вас помиловать меня и освободить из тюрьмы, чтобы я смог вернуться к своей семье в Пенсильванию. Я плохо чувствую себя и нуждаюсь в срочной медицинской помощи врачей и специалистов, наблюдавших меня.

Я прошу Вас решить этот вопрос как можно скорее, поскольку мой отец безнадежно болен, и я хочу увидеть его в последний раз.

С уважением, Эдмонд Поуп».

Свита президента попросила нас вне очереди «пропустить» американца. Мы это сделали не откладывая. Тем более что многие из нас вообще не были убеждены в виновности Поупа...

Получили «рецензию» в «Московском литераторе» (№ 24, 2000), газете (газетке? газетенке?) тех литераторов, от которых исходит «русский дух». Комиссия по помилованию, сообщила газета, единогласно рекомендовала президенту отпустить американского шпиона на все четыре стороны. Трудно сказать, какими мотивами руководствовался президент, удовлетворяя прошение о помиловании (подразумевающее, кстати, полное признание вины), — вероятно, они были достаточно серьезными и убедительными. Тем не менее, глядя на умилительное единогласие третьестепенных литераторов и пейсатых «правозащитников», невольно приходит на память полузабытое и подвергнутое в последнее время осмеянию понятие «государственная измена».

Поскольку мы — комиссия при президенте, мы наивно решили, что лучший способ выяснить отношения с президентом — это встретиться с ним и поговорить.

23 мая 2001 года мы написали письмо Путину. Ни ответа ни привет. Пробились к Волошину, но толку не было.

24 августа написали еще одно письмо президенту. Но он снова молчал.

Тем временем ситуация вползала в полосу «черного пиара». Появились материалы, что помилование можно купить, что комиссия

принимает решения за деньги. С одним из авторов (Юлия Пелехова; Версия. 2001. № 34) я даже встретился. Мне, помимо всего прочего, было интересно поговорить с журналистом, который, с моей, немодной, наивной, «мамонтовой», точки зрения, сознательно пишет неправду. Поговорил. Напористое, многое повидавшее, уверенное в себе существо. «Мне так сказали мои друзья». — «Но я говорю вам, что это совсем не так». — «А почему я должна вам верить больше, чем своим друзьям?» На это у меня ответа не было.

28 декабря 2001 года президент РФ ликвидировал комиссию. Ее председатель согласился принять должность советника президента. Многих это удивило. А я уж отвык удивляться...

Вместо одной президентской комиссии теперь организованы комиссии по помилованию в каждом субъекте федерации. Казалось бы, в этом есть свои резоны: ближе к тем, кто просит о помиловании. Но боюсь, что минусы перекроют этот плюс. Главный минус — состав комиссии подбирается губернаторами и их чиновниками, так что вряд ли можно ожидать независимости суждений. Второй минус — осужденных практически лишили конституционного права просить о помиловании. Но в отличие от прежней комиссии региональные комиссии возражать против этого не будут. Третий минус — открываются каналы коррупции, которые раньше были автоматически перекрыты составом комиссии и ее изолированностью от администрации исправительных учреждений.

По данным, которые мне удалось получить, за 2001 год президентом был помилован 21 человек, а за восемь месяцев 2002 года — 32. По российским масштабам и порядкам это просто издевательство над конституционным институтом помилования. Это значит, что Путин позволил превратить себя в безвольную игрушку своей «силовой» свиты.

* * *

Несколько слов о Путине, вернее, о моем восприятии Путина. Когда он возглавил правительство, я вспомнил принцип Питера: «В любой иерархической системе каждый индивидуум имеет тенденцию подниматься до уровня своей некомпетентности». Это огорчало. Путин

вызывал симпатию. И, учитывая возраст Путина, я ввел ограничение принципа Питера: «Если индивидуум обладает неограниченной способностью к самообучению, то уровень его компетентности может столь же неограниченно повышаться».

Наблюдая за Путиным, я сделал вывод, что он, довольно быстро преодолев растерянность «нищего», который оказался в кресле «принца», вошел в режим самообучения. Во всяком случае — «отжался». Это хорошо. Смущает, однако, направленность усилий главы государства.

«Государственный деятель тем отличается от политика, что думает не о следующих выборах, а о следующих поколениях» — эти слова принадлежат Уинстону Черчиллю. Так вот, складывается впечатление, что «свита» уговорила президента заняться самообразованием по программе факультета, где готовят политиков.

Путин в форме моряка, Путин в комбинезоне летчика, Путин на танковом полигоне, Путин рядом с патриархом, Путин рядом с Пугачевой, Путин на улице... Сплошные «пятерки». Телевидение показывает. Электорат млеет. Зюганов нервничает.

Государственного деятеля Путина ждут экзамены по другим «предметам». Что делать с Чечней? Готовить гробы для третьей чеченской? Что делать с военной реформой? Долго ли будет позволено генералам саботировать реформу, сохраняя кормящую их и плодящую их, но не умеющую воевать армию? Что делать с диктатурой чиновников? Долго ли огромный бюрократический спрут, нервные центры которого расположены в Администрации Президента, будет душить Россию, тормозить становление рыночной экономики, реального федерализма, нужного, как воздух, самоуправления? Кабинетная, скучная, не телегеничная работа. «Просто» думать...

Разумеется, вовсе не надо быть плохим политиком, чтобы стать хорошим государственным деятелем. Но надо держать «в уме» эту разницу, как и разницу между «электоратом» и народом. Боюсь, что люди, которыми Путин окружил себя и которые окружают его заботой и вниманием, тут не помогут. Будучи неисправимым оптимистом, надеюсь, все еще надеюсь, что у Путина хватит времени стать отличником и на другом факультете.

А если не хватит? Тогда хорошего политика ждет успех на выборах. А нас всех ждет продолжение переходного времени.

В сентябре я перестал терзать компьютер и отправил дискетки в издательство. В октябре принялся вычитывать верстку.

Но закрутился смерч трагических событий. Захват заложников чуть ли не в центре Москвы. Три мучительных дня. Три дня, унижительных для России. Штурм. Неожиданная, невыносимая, чудовищная цена победы.

«Простите», — сказал президент. Я простил его. По-моему, Путин был прав, отдавая команду штурмовать. Но многие не простили, не могут простить. Понимаю их. И пытаюсь понять президента. Ему нужно было спасать честь, достоинство России. И спасать заложников. Уверен, что окружающие президента «силовики» заверили шефа: все рассчитано, ликвидируем террористов, спасем людей. В общем, хотели как лучше, а получилось...

Но вот что не могу понять: почему Путин до сих пор (пишу 20 ноября) не ответил на вопросы, которые задает вся Россия. Таких вопросов, если говорить о прошлом, два.

Как могло случиться, что службы, отвечающие за безопасность столицы, проворонили подготовку террористической операции, которой длительное время занимались десятки людей?

Как могло случиться, что «силовики», которые планировали штурм, не сориентировали службу спасения, медицинские учреждения на оказание быстрой и действенной помощи сотням наглотавшихся газа людей?

Строго говоря, вопросы риторические. В общей форме ответы всем известны. И захват чеченскими камикадзе Дома культуры, и гибель 128 заложников — результат низкого профессионального уровня руководителей ФСБ и МВД.

Если президент согласен с таким ответом, он должен сказать об этом и наказать виновных. Только не «стрелочников».

Если не согласен, то тем более он должен изложить свое видение трагических событий.

Если президент промолчит, значит, он еще не дорос до того уровня политической ответственности, на который его забросила судьба.

Но это — о прошлом. Теперь — о будущем.

Что делать с Чечней?

Есть только два способа закончить войну. Во-первых, победить. Во-вторых, договориться с противником о взаимоприемлемых условиях прекращения войны.

Как показывает опыт, победить в обозримые сроки мы не сможем. Скорее всего, «силовое» окружение президента продолжает его обнадеживать. Однако вряд ли имеет смысл верить генералам, в послужных списках которых поражений гораздо больше, чем побед.

Значит, надо начинать переговоры. Переговоры, естественно, с теми, с кем воюем. Но — удивительное рядом! Президент выходит в белом жабо и объявляет: политическое урегулирование — отдельно, террористы — отдельно. Иными словами — переговоров с бандитами и террористами не будет.

Больше того. Предполагается еще до окончания военных действий провести в Чечне референдум и принять Конституцию. Причем «бандиты» и «террористы», которые «отдельно», не смогут принимать участие в референдуме.

Заранее можно сказать, что ничего путного из этого плана Путина не получится. Кровавая карусель будет продолжать свое кружение... И просто поразительно, что президент не понимает этого!

А тут еще печально знаменитая пресс-конференция в Брюсселе, где Путин пугал журналистов таким обрезанием, после которого «ничего не вырастет»... Складывается впечатление, что президент просто растерялся. Поэтому забыл, что он в Европе. Поэтому стал повышать голос. Говорят, что Путин хорошо учился. Тогда он должен помнить: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав».

Наверное, президент как политик успокаивает себя тем, что значительная часть «электората», та самая часть, которая на «ура» приняла перспективу «мочить в сортире», была и теперь в восторге: «Во дает!» (вариант: «Во врезал!») Но, если президент хочет остаться в истории России как государственный деятель, ему следовало бы меньше «врезать», а больше думать. Иначе мира в Чечне не будет.

* * *

Рассказ о помиловании и о Путине отвлёк от РГГУ. Там начался мой третий учебный год. Пока не ясно: засчитать ли работу в РГГУ в

продолжение пятой молодости или провозгласить молодость шестую? Буду думать.

Здесь вполне была бы на месте хронологическая точка. Мемуарное время кончилось. Но логически точка будет лучше смотреться на другом месте. А именно: весной 2001 года, когда по просьбе Государственного центрального музея современной истории России я презентовал музею свой чрезвычайный и полномочный мундир со всеми причиндалами, а также другие интересовавшие музей вещи и документы. Долго сопротивлялся. Как-то трудно было вписываться в музей. Но потом решил: мне же облегчают жизнь, избавляя от старых вещей. И все остались довольны.

В июне был приглашен на выставку «21 портрет на фоне эпохи. XX век в судьбах людей». Непривычное ощущение — смотреть на свой «портрет» в музее и чувствовать себя еще живым. Но рядом — Дмитрий Якубовский, Геннадий Бурбулис, Сергей Михалков. Это настораживало, смущало. А недалеко — Петр Столыпин и Григорий Распутин. Это успокаивало. В той же компании — Паша Ангелина, Валентина Терешкова и Борис Ефимов. Это даже молодило. И вот тут самое время ставить мемуарную точку.

Что я и делаю. Хотя и понимаю, что еще обречен писать заключение...

Заключение

Классическое заключение задано схемой: ребенок, дом, дерево.

Ребенка я (жена не слышит!) воспитал. В лице дочери Жени. Есть внук — Макар Сергеевич.

Дом построен. В смысле полдома в ДСК «Журналист».

Деревья посажены. Два. И оба — около Иерусалима (закулиса!). Но я не совсем пропащий. Принимал участие (денежное) в программе «Посади свой лес ради жизни» — восстановление уникальных ленточных боров в Алтайском крае. Один гектар такого леса официально назван именем родной жены — «Лена Петровна».

И к этому следует добавить: трудно было, но, если бы пришлось, согласен прожить свою жизнь сначала.

И все!

Однако, дожив до 72 лет, я понял, как трудно следовать мудрому совету Козьмы Пруткова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его, дай отдохнуть и фонтану».

Однако кроме автора есть издатель. Жалея читателей и бумагу, он заткнул фонтан. Последние капли...

И на этот раз действительно все. Конец. Конец книги, но еще не жизни. Поэтому здесь подводятся предварительные итоги.

Жизнь прожить — не поле перейти. Так принято считать. Я бы сказал по-другому: поле перейти — не жизнь прожить. По полю, если оно размером с жизнь, идти труднее, чем по жизни.

Предлагаю аналогию. Сравнивая иврит и идиш, великолепный знаток обоих языков Хаим Бялик заметил: на иврите надо говорить, а идиш говорится сам. Так и тут. По полю надо идти, а жизнь несется сама и тебя несет.

Мне повезло. Время спрессовывало, уплотняло события. Если судить по моей коллекции ощущений, то прожито несколько жизней.

Мне повезло вдвойне. Стремнины, через которые нес поток жизни, оказывались преодолимыми. И каждый раз после очередных порогов можно было перевести дух в спокойной воде.

Мне повезло втройне. Удалось все-таки вдохнуть воздух свободы. Правда, с кислородом заметны трудности. Как и с экологией свободы

вообще. Тем не менее свобода сегодня наполняет смыслом жизни, прожитые вчера и позавчера.

Надеюсь, будет везти и завтра...

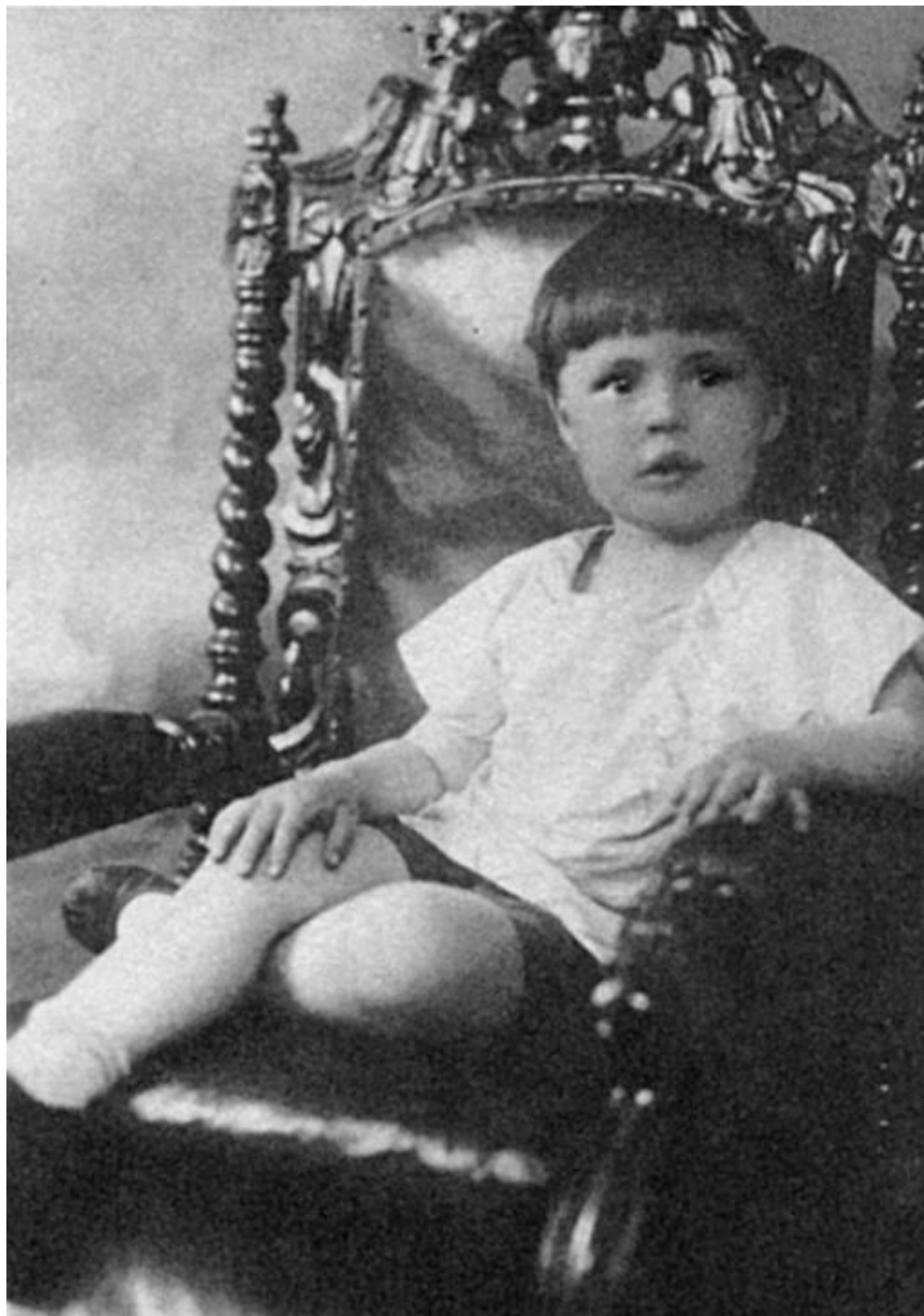
Что же касается критиков, которые, несомненно, вскроют неточности, смещения акцентов, передозировку авторского вклада в историю XX века, прячусь от них за спину Габриэля Гарсиа Маркеса: «Жизнь — это не то, что человек прожил, а то, как он ее помнит и описывает, если решил рассказать о ней».

Все!

Иллюстрации

Справа — дед, который Борисов А. М., за ним — будущая «баба Маня». До 1917 г.

Детское Село. В кресле у фрейлины. 1933 г.

Ворошилов-Уссурийский. Дальневосточники. 1936 г.

*С мамой и сестрой Галей. Парадный снимок по случаю окончания 10-го и 1-го классов.
Горький, 1948 г.*

Первая молодость. Однозначно... 1952 г.

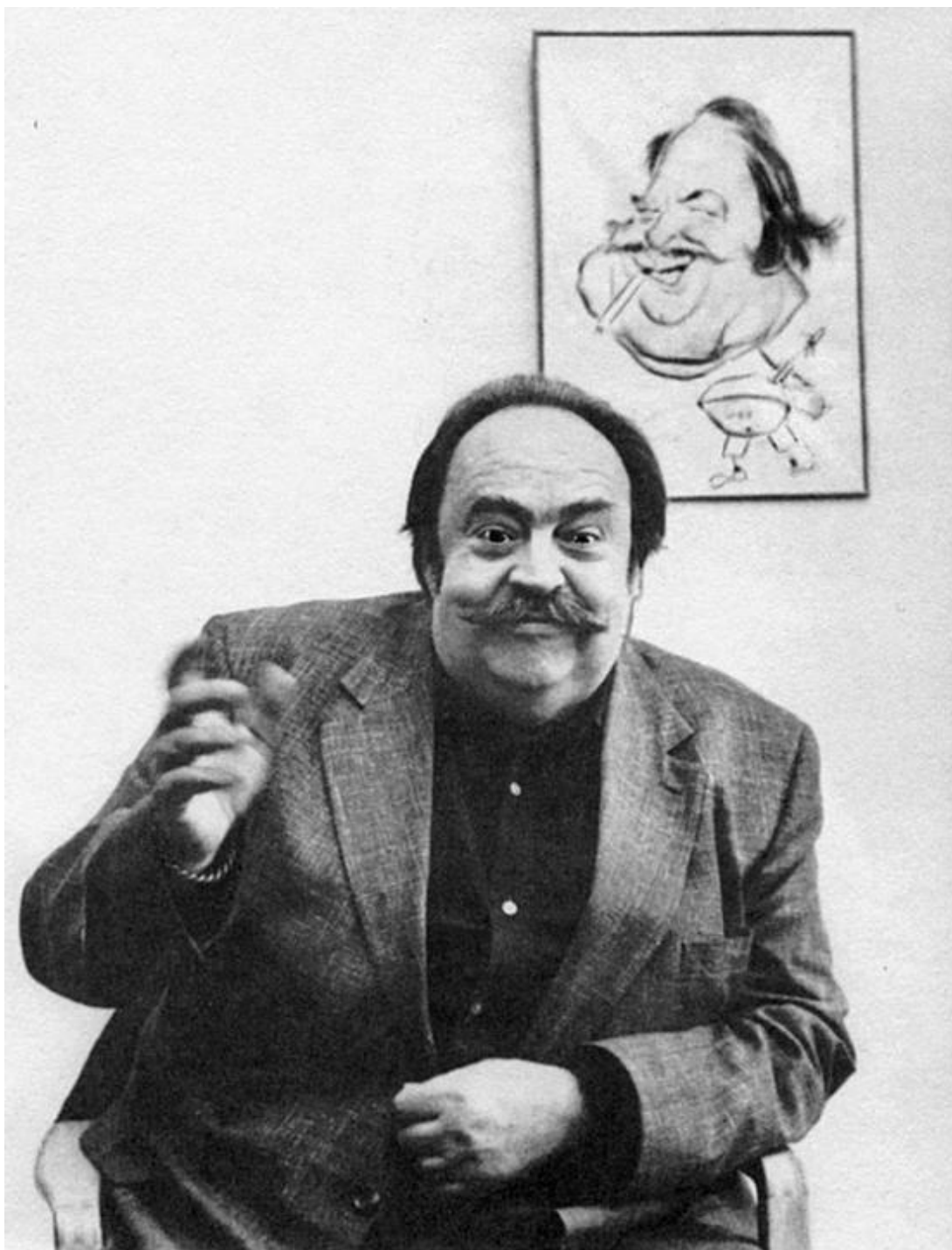
В гостях у бабы Мани (в центре с ридикюлем). Мама украшает 2-й ряд. Справа — брат Саша, слева — брат Жора. И другие дети и внуки бабы Мани. Украина, Умань, 1949 г.

Ростов-на-Дону. На втором курсе. 1949 г.

Ростов-на-Дону. Сестра Галя подросла... 1956 г.

Под любимым шаржем. 1970 г.

Хельсинки. Встреча на вокзале. Справа — Л. И. Брежнев. 1975 г.

В Италии. С Е. М. Примаковым на развалинах Помпеи. 1980 г.

С Леонидом Парфёновым. Череповец, 1986 г.

Посольство ЧССР. Встреча с А. Дубчеком. Справа — В. П. Лукин. 1990 г.

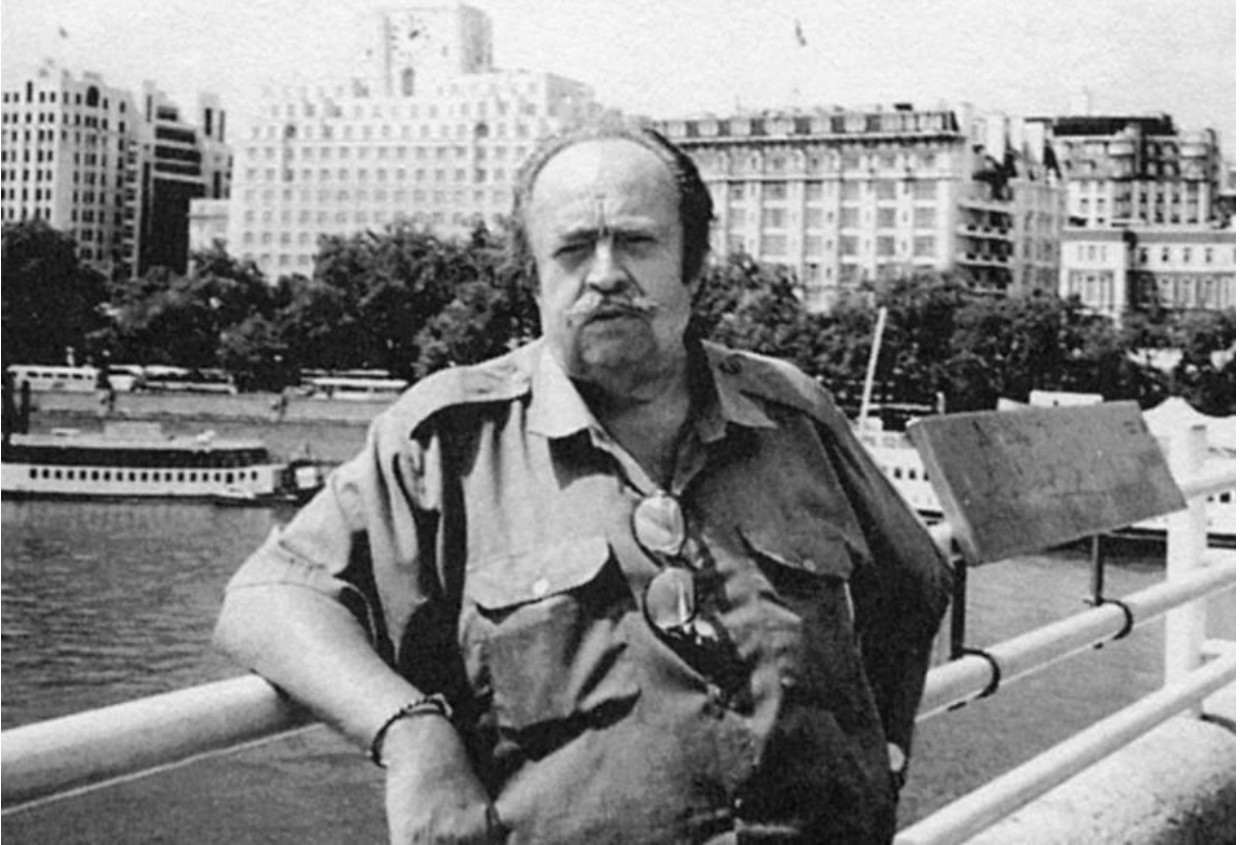
По Амуру с музыкой. 2001 г.

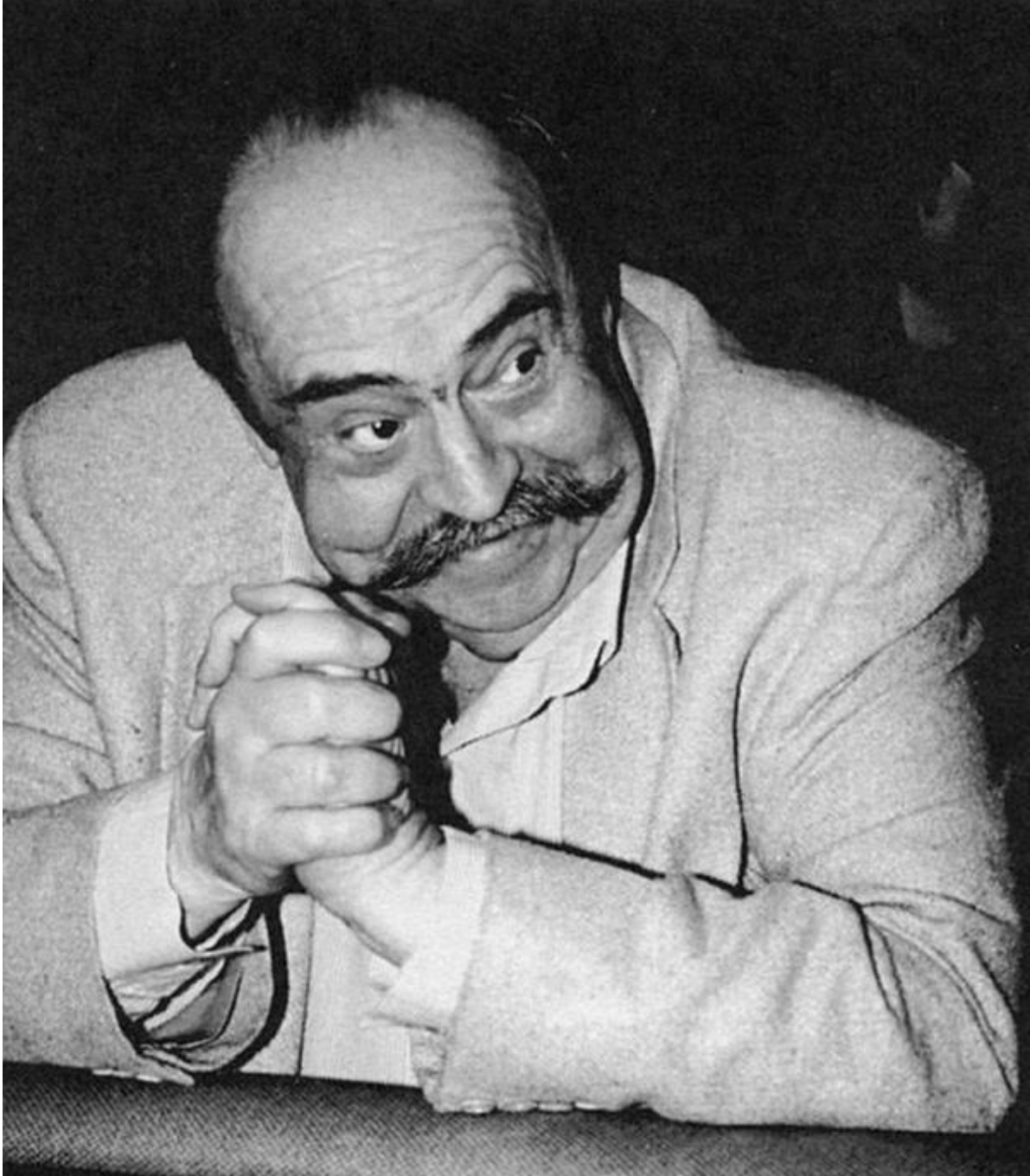
Ведут вручать верительные грамоты. 23 декабря 1991 г.

С друзьями-ветеранами. Тель-Авив, 1992 г.

На мосту Ватерлоо. Лондон, 1997 г.

Первая (и последняя) игра. Первый (и последний) выигрыш. Москва, казино «Космос», 2002 г.

notes

Примечания

1

Пароход неледокольного типа «Челюскин» должен был за одну навигацию пройти Северный морской путь от Мурманска до Владивостока. Не получилось. Был затерт льдами и раздавлен в Чукотском море 13 февраля 1934 года.

Случайно сохранилось письмо, которое я отправил 15 августа 1943 года из колхоза домой. Сначала о питании. Завтрак: хлеб и пол-литра молока. Обед: или суп с картошкой, или борщ, иногда с мясом. Второго никогда не бывает. Ужин: толченая картошка со сметаной. Норма тьяпанья — 6 соток. Личный рекорд — 10. Еще собираем колоски. 10 процентов от собранных обещают отдать мукой. «Папа пишет, чтобы я не пил сырую воду. Но кипяченой здесь совсем нет». И ближе к финалу: «С каким удовольствием я сходил бы сейчас на наш огород и поиграл с Галей. Я очень по ней соскучился. И не только по ней — и по всем вам. Я бы согласился по нескольку раз в день ходить за молоком, за хлебом и за дровами... Только теперь я понял, как сильно люблю Галинку и всех вас». Вот так. Жизнь учит.

После Хадыженска я напрямую столкнулся с юстицией почти через полвека, когда стал работать в Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. К сожалению, обвинительный уклон в судопроизводстве не преодолен. Прокурор по-прежнему «главнее» адвоката. Адвокатуру, которая в постсоветский период вздохнула свободнее, вновь хотят (пишу это летом 2002 года) поставить под контроль чиновников.

Первоначально этот доклад был сделан в Институте истории естествознания и техники АН СССР по горячим следам XX съезда КПСС — в мае 1956 года. Вызвал большой резонанс в научных кругах.

Непременными членами «братства» состояли: Федор Федорович Петренко, многодетный отец и беспробудный байдарочник; Лев Александрович Вознесенский, которого ГУЛАГ сделал неисправимым оптимистом и жизнелюбом; Александр Александрович Берков, обеспокоенный действиями врагов мира и происками жены; Глеб Борисович Старушенко, застенчивый, склонный к диете специалист по второй жене и третьему миру. Не могу не упомянуть (хотя исключительно в гендерном плане) и наших боевых подруг: Лену Ершову и Люсю Тарасевич, которые даже своих мужей приспособили к интересам «братства». Наконец — Жанна Федотова, всегда то ли от Зайцева, то ли от Версаче.

В то время — директор ВЮЗИ (Всесоюзного юридического заочного института).

Более выразительно этот эпизод описан в книге А. П. Бутенко «Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья». М., 2000. С. 114–116.

«Писать стихи — все равно что идти за плугом, приплясывая». Так полагал граф Толстой. Не знаю, за настоящим плугом не ходил. А вот за нашим «плугом» идти приплясывая было легче.

Словами «банда четырех» китайцы после смерти Мао Цзэдуна обозначили его ближайшее окружение: Цзян Цин (жена), Ван Хунвэнь (зам. председателя ЦК КПК), Чжан Чуньцян (зам. премьера Госсовета) и Яо Вэньюань (член политбюро). С подачи китайцев термин «банда четырех» широко вошел в международный политический лексикон.

Сам Мицкевич, обращаясь к «русским друзьям», писал: «Я выливаю перед всем миром эту чашу яда... Горечь моих слов разъедает и жжет, но я выжал ее из слез и крови моей родины... Пусть эта горечь разъедает и жжет не вас, а ваши цепи».

Имеется в виду пресс-группа при Хрущеве, в которую входил и Замятин.

Боцмана — потому что Андропов в молодости сам был боцманом.

Рассказывают, что еще в годы войны Сталин заявил: «Нам нужны советские Рестоны». Пусть пишут что хотят, даже главных редакторов могут не слушаться, только — его, Сталина. С Рестонами, кажется, не получилось. Но в конце 1961 года политбюро ЦК КПСС (постановление № 8/10 от 21 декабря 1961 года) приняло решение — вместо Рестонов и назло им — образовать «политических обозревателей». В этот же день Совет министров распорядился:

а) поручить Минфину СССР выделять дополнительные ассигнования в иностранной валюте на расходы, связанные с зарубежными командировками политических обозревателей и организацией встреч с иностранными деятелями;

б) прикрепить политических обозревателей к 1-й поликлинике и столовой лечебного питания;

в) обязать КГБ установить им телефоны правительственной АТС.

Так все и сделали. И еще на казенных машинах позволили ездить. Никаким Рестонам все это и не снилось.

Последнюю «Панораму» я вел 29 октября 1991 года. Попрошался с телезрителями и сказал, что вроде бы эту передачу собираются закрыть. Через несколько дней «Комсомолка» опубликовала возмущенное письмо: «Я просто вне себя! Что это, в конце концов, за методы! То одно прекратить, то другое запретить. Путчисты начали, а теперь что — продолжение? Популярнейшее окно в Европу и в остальной мир захлопнуть? Зачем? Не видеть репортажей Ю. Выборнова из Италии, В. Кондратьева из ФРГ, М. Таратуты из США... За что такое наказание?» (Ш. Гудиев, Московская область)

Ричард Иванович Косолапов — доктор философских наук, несколько лет работал в отделе пропаганды ЦК КПСС. В то время, наверное, — главный редактор журнала «Коммунист». Перестройку решительно не принял. Гораздо радикальнее, зюганистее самого Зюганова. В мировоззренческом, идеологическом плане чем-то напоминает А. Зиновьева. Решил продолжить издание сочинений Сталина, остановившееся на 13-м томе. Издал в такой же коричневой обложке 14, 15 и 16-й тома.

Анна Федоровна — машинистка высшего класса; милая, приветливая женщина.

Пил я как-то пиво в баре «Жигули». И читал родные «Известия».
Вдруг сосед:

- Как вы можете читать газету?
- Что, информации мало?
- Какая информация? Открываешь газету — попадаешь в другую страну!

Учит, но плохо. 21 сентября 1989 года президиум Верховного Совета СССР отменил Указ о награждении Брежнева орденом «Победа». Новая глупость для «исправления» старой.

Когда передо мной уже лежала верстка этой книги, разразилось 85-летие Юрия Петровича! Наконец-то у нас, в Москве, в России, воздали должное этому мужественному, талантливому, неисчерпаемому человеку. Путин молодец — поздравил и уважил. И сам погрелся в лучах любимовской славы. Любимову не жалко. Он всегда отдавал больше, чем брал. Поэтому очень седой и очень молодой!

Для справки: генеральный секретарь получал тогда 800 рублей; маршальские были — 752 рубля.

Теперь не внушает. Вот уж воистину: всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.

Включая в эту передачу сюжеты из Загорска, обещая помочь городу, Крутов, естественно, зарабатывал голоса.

Так именовали несостоявшийся Союз Суверенных Государств.

Тот самый Анатолий Борисович Щаранский, который 14 июля 1978 года был осужден на тринадцать лет как «американский шпион». Через пять с лишним лет перешел «обменный» мост Глинике в Берлине. 12 февраля 1986 года торжественно прибыл в Израиль. Первый «русский», ставший израильским министром.

Израильские либералы оспаривают такой подход. Государство не может быть еврейским — утверждает Амос Оз — так же, как не может быть еврейским автобус или стул. «Государство есть не что иное, как инструмент, и этот инструмент должен принадлежать всем его гражданам — евреям, мусульманам и христианам».

Шагрир — это посол, только на иврите.

В конце 1998 года добрались и до меня. В связи с чем я обратился к главному редактору «Известий» М. М. Кожокину, президенту ОАО Г. А. Молчанову и председателю совета директоров ОАО А. Б. Василенко со следующим посланием: «Насколько я понимаю, меня собираются выселить из занимаемого мною служебного помещения (комната № 640), поскольку таковое сдается кому-то в аренду. В этой комнате я сижу уже довольно много лет. Тут у меня архив, библиотека. В общем, почти дом родной. Хорошо работается.

Вношу предложение. Нельзя ли мне самому получить эту комнату в аренду? И, учитывая мою долгую и беспорочную службу в „Известиях“, по льготному тарифу? Если указанный вариант будет реализован, то я, с одной стороны, буду способствовать финансовому благополучию любимой газеты, а с другой — сохраню возможность трудиться в привычной обстановке. Что для человека преклонного возраста немаловажно.

Зная вашу чрезвычайную занятость, все-таки льщу себя надеждой на ответ».

Зря «льстил себя». Ответа не было. Меня переселили. Но уже ненадолго.

Сразу каюсь в том, что совершил плагиат. Идея принадлежит Ленину: «Лев Толстой как зеркало русской революции».

Не действует закон и там, где его сочиняли, — в Министерстве юстиции. В сентябре 2002 года Минюст зарегистрировал Национально-державную партию России. О характере партии говорит пассаж из выступления одного из ее сопредседателей Бориса Миронова: «Чубайсы, Немцовы, Батурины, Лившицы, Уринсоны, Кохи пришли на нашу землю не крепить и умножать наше отечество, а уничтожать его... Евреи тащат во власть, на все посты, должности, мало-мальски хлебные, теплые места только евреям... Нас, русских, убивают за то, что мы встали поперек дороги иудеям, которые довершают в России свои многовековые стремления к владычеству над миром». Что тут скажешь?!

С оговоркой: зарплата будет выплачиваться после выхода журнала.

Дописываю. Ирена Стефановна была чрезвычайно любезна. Но интереса к сотрудничеству не проявила. На «Радио России» передачи возобновились 15 сентября.